Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.

ВОПРОСЫ
ВѢРЫ и ЦЕРКВИ.

Томъ второй.

Москва. 1906.

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.

ВОПРОСЫ

ВѢРЫ и ЦЕРКВИ.

Сборникъ статей 1868—1887 гг.

Томъ II.

Изданіе К. П. Побѣдоносцева.

Подъ редакціей кн. Н В Шаховского

МОСКВА
Синодальная Типографія
1906

1874 ГОДЪ.

Клерикализмъ и ультрамонтанство въ Россіи*).

Клерикализмъ или ультрамонтанство, борьбою съ которымъ оглашается теперь весь міръ, находится у насъ совсѣмъ въ иномъ, если не прямо обратномъ положеніи, нежели гдѣ-либо Патеръ Мартыновъ, нашъ отщепенецъ, проживающій въ Парижѣ, вмѣстѣ, съ такимъ же отщепенцомъ Гагаринымъ, пріютившійся около ультрамонтантскаго Univers, тиснулъ недавно статью, въ которой кричитъ противъ намѣреній русскаго правительства основать будто бы у себя старокатолическую церковь и извести защитниковъ папской непогрѣшимости. Клеветать въ обычаѣ у всѣхъ подобныхъ людей, которые на этотъ разъ къ тому же и іезуиты, слѣдовательно, особы съ совѣстью не совсѣмъ обыкновенною. Стало быть удивляться тутъ нечему. Но замѣчательно то, что Мартыновъ ставитъ въ укоръ (клеветнически) нашему правительству такія дѣйствія, которыя именно заслуживали бы величайшей похвалы, если бы были не выдумка, а дѣйствительность За тысячи верстъ оторванный отъ родины, затянутый въ іезуитскія сѣти, окруженный фанатически—бѣшенымъ ультрамонтанствомъ, жалкій отщепенецъ, не вѣдаетъ, что именно католическое духовенство и изъявляетъ въ Россіи желаніе осво-

*) С П 15 января, № 14.

бодиться отъ римской куріи; и наоборотъ,—что ультрамонтанское подчиненіе католической іерархіи римскому двору находитъ поддержку именно въ правительствѣ.

Безъ этой поддержки, безъ нѣкоторыхъ статей, существующихъ въ сводѣ законовъ и ограждающихъ высшія школы католической іерархіи, добрая половина ксендзовъ обратилась бы къ вѣрѣ епископа Рейнкенса. Лучшіе изъ духовенства тяготятся этимъ невольнымъ прикрѣпленіемъ своимъ къ утральмонтанству, оплакиваютъ его вредъ, порываются изъ него, молятъ, чтобъ изъ него вывели.

О созваніи церковнаго Собора *).

Едва ли не болѣе года, въ Петербургѣ, въ отдѣлѣ Общества любителей духовнаго просвѣщенія продолжается оригинальный споръ, замѣчательный болѣе всего отвращеніемъ, которое обнаруживаютъ (не въ первый разъ и не при одномъ этомъ случаѣ) представители образованнаго духовенства—къ мысли о созваніи церковнаго собора. Не менѣе оригинально и то, что ревнителемъ независимости церковной и въ частности іерархической, защитникомъ церковныхъ способовъ рѣшать и уяснять церковные вопросы, является лицо вполнѣ свѣтское, не принадлежащее къ іерархическимъ чинамъ и не причастное къ церковной администраціи.—Основанія спора постановились такъ:

Въ 1667 году, на Московскомъ соборѣ, при участіи нѣкоторыхъ восточныхъ іерарховъ, произнесено было осужденіе на обряды двуперстнаго крестнаго знаменія, хожденія посолонь, сугубаго аллилуіа и проч., и положено проклятіе на лицъ, которыя держались этихъ обрядовъ и отвергали богослужебныя книги Никоновской редакціи.—Въ 1800 году, по благословенію святѣйшаго синода, чтители обрядовъ, отвергнутыхъ соборомъ 1667 года, возсоединены съ церковію: имъ даны священники, дозволено имѣть церкви, совершать въ нихъ богослуженіе по

*) С. И. 29 января, № 28.

„старымъ“ книгамъ и соблюдать старые обряды, подъ названіемъ „единовѣрія“. Но дозволеніе дано не безусловно. Единовѣрцамъ не дозволено было (такъ остается и до сихъ поръ) принимать къ себѣ православныхъ, и православнымъ не позволено переходить въ единовѣрческія общины.

Раскольниками заявлено противорѣчіе. „Старые обряды или истинны, или ложны. Если они истинны, церковь осудившая ихъ въ 1667 году, тѣмъ осудила сама себя; если они ложны, дозволеніе соблюдать ихъ, данное единовѣрцамъ, ложно и безсильно; безсильно вдвойнѣ,—и по существу, да и сверхъ того по формѣ, потому что власть св. синода не могла снимать осужденія, положеннаго высшею властью, каковою былъ соборъ 1667 года.“

Т. И. Филипповъ, членъ Петербургскаго отдѣла Общества любителей духовнаго просвѣщенія, поставляя на видъ это возраженіе, приходитъ къ заключенію, что необходимо бы благословить полную свободу обряда, съ обоюднымъ правомъ перехода изъ единовѣрческихъ общинъ въ православныя и обратно; и во вторыхъ, что для окончательнаго успокоенія совѣсти тѣхъ изъ старообрядцевъ, которые смущаются противорѣчіемъ и въ этомъ находятъ для себя препятствіе къ соединенію съ церковью, разрѣшить вопросъ опредѣленіемъ новаго собора,—для чего, само собою понятно, соборъ долженъ быть созванъ.

Было бы долго разбирать по существу преніе, которое возникло по этому поводу между г. Филипповымъ и представителями духовной учености. Ученые богословы высказались о главномъ основаніи спора въ томъ же смыслѣ, въ какомъ покойный митрополитъ Филаретъ. Въ своемъ „Изъясненіи о проклятіи“ (оно было издано въ пятидесятыхъ годахъ) онъ разсуждалъ такъ: проклятіе положено было не на самые обряды двуперстія или хожденія посолонь и не на старыя книги, а на ослушаніе церкви.—Не станемъ развивать, что этимъ „изъясненіемъ“ изъясняется еще немного. Что проклятіе положено не на обряды сами въ себѣ, а на ослушаніе церкви, это подразумѣвается въ самомъ возраженіи старообрядцевъ, и если они

не выговариваютъ своей мысли точно, въ этомъ можно винить только неискусство выраженія Осуждалось непокорство церкви, проклинались и извергались изъ церкви ослушники по ослушные и непокорные чему? Опредѣленію молиться такими перстами, а не иными, пѣть аллилуія три раза, а не менѣе, править службу по новымъ книгамъ, а не по старымъ Обряды не сами въ себѣ осуждались но сами въ себѣ обряды ни осуждаемы, ни благословляемы быть даже не могутъ Обрядъ „самъ въ себѣ“ даже не существуетъ, это есть безсмыслица, обрядъ есть выраженіе чего-нибудь, догмата или нравственнаго начала, поэтому онъ есть и обрядъ Какъ скоро подъ нимъ ничего не подразумѣвается, онъ не есть обрядъ, а стихійное тѣлодвиженіе или испусканіе звука, по существу изъятое отъ нравственнаго суда, за отсутствіемъ въ себѣ нравственнаго смысла И такъ, доводъ, что церковь проклинала ослушниковъ, а не старообрядцевъ, осуждала не обряды, а противленіе, не говоритъ ничего; либо долженъ заключать въ глубинѣ то основаніе, что церковь можетъ предписывать что-нибудь или запрещать, благословлять за что-нибудь или проклинать безъ внутренняго основанія, за единое механическое дѣйствіе и на единомъ основаніи, что она велѣла такъ, а не иначе· предположеніе нелѣпое, приравнивающее царство благодати и духа царству вещества и произвола, почти отрицающее бытіе смысла и свободы, однимъ словомъ—поруганіе церкви.

Но не станемъ распространяться. Мы хотѣли только намекнуть, что положеніе дѣла въ самомъ основаніи не выяснено Добавимъ кстати, что и г Филипповъ, выступая съ несогласіемъ на „изъясненіе о проклятіи“ подпирается основаніемъ, въ глубинѣ тоже не выясненнымъ. Церковь по его мнѣнію, есть „широкая свобода обряда“. Оставляемъ историческую неточность этого положенія, но „широкая свобода“ есть ли полное безразличіе? Тогда обрядъ опять перестаетъ быть обрядомъ, общепризнаннымъ знаменіемъ, короче—символомъ. Но мы взялись сказать не о томъ. На указаніе г Филиппова, что необходимо, для успокоенія смущенныхъ совѣстей, новое со-

борное рѣшеніе, представители духовной учености отвѣчали: „не нужно.“ Почему не нужно? Сначала представили было, потому что русскій синодъ самъ есть постоянный помѣстный соборъ „Соборъ постоянный“, это есть уже противорѣчіе въ понятіи, если постоянное, то не собранное, если собранное, то не постоянное. „Св. синодъ есть соборъ“; а это есть противорѣчіе учрежденію св синода, онъ основанъ въ замѣну патріарховъ, и власть ему грамотою прочихъ патріарховъ дана патріаршая. Если синодъ есть соборъ, тогда каждый патріархъ есть соборъ въ каноническомъ смыслѣ,—заключеніе невозможное. Потомъ и далѣе: „св. синодъ, какъ соборъ, разрѣшилъ единовѣріе, то можно обойтись безъ новаго собора“. Но если бы онъ и былъ соборъ, то соборъ во всякомъ случаѣ меньшій, нежели соборъ 1667 года; тогда выходитъ, что малый соборъ отмѣняетъ опредѣленіе большаго, и что самочиненіе въ церкви законно. „Но онъ не отмѣняетъ, возражаютъ ученые богословы; онъ не противорѣчитъ опредѣленію собора 1667 г.“ Ну, если не отмѣняетъ и не противорѣчитъ, пусть и возгласитъ объ этомъ соборъ, равнозначительный по важности или даже высшій, чѣмъ соборъ 1667 года

Но тутъ и запятая. Гг. профессоры Петербургской академіи (Нильскій, Чельцовъ и Чистовичъ) и о. Васильевъ успѣли отказаться отъ своего мнѣнія, что св. синодъ есть соборъ въ каноническомъ смыслѣ. По крайней мѣрѣ они на этомъ не настаиваютъ. О. Васильевъ даже идетъ далѣе, какъ заключаемъ изъ послѣдняго № „Церковно-общественнаго Вѣстника“ (новаго журнала, мимоходомъ сказать, показавшагося намъ дѣльнымъ). Онъ соглашается въ необходимости успокоить смущенную совѣсть единовѣрцевъ; но по его мнѣнію „дѣйствія русской церкви, принявшей единовѣрцевъ въ свои нѣдра, и извѣстный взглядъ на это дѣло Вселенскаго и Александрійскаго патріарховъ могли бы безъ всякихъ писанныхъ нормальныхъ опредѣленій и разъясненій, успокоить встревоженную совѣсть русскихъ единовѣрцевъ“.

Какъ вамъ это покажется? Дѣйствіе русской церкви и извѣстный взглядъ двухъ патріарховъ могли бы успокоить

встревоженную совѣсть! Но совѣсть встревожена именно тѣмъ, что видитъ только дѣйствія русской церкви и не имѣетъ понятія объ извѣстныхъ взглядахъ Вселенскаго и Александрійскаго патріарховъ, и потому проситъ собора. „Могли бы и безъ этого успокоиться. нѣтъ же вамъ успокоивающаго средства! Сказано вамъ, что можете не смущаться, ну и не смущайтесь".

Мы положительно недоумѣваемъ. Не понимаемъ ни цѣли, ни основаній такой аргументаціи, не возьмемъ въ толкъ самаго ея смысла; затрудняемся вообразить, какъ понимаютъ ея церковное достоинство сами ея глашатаи. Можно выставлять практическую неудобоисполнимость соборнаго созванія, находить его по политическимъ и этнографическимъ соображеніямъ затруднительнымъ. Мы это поняли бы (хотя и не согласились бы): но „не нужно, достаточно и безъ этого",—это приводитъ въ изумленіе Тогда не нужно ни литургіи, ни общественнаго богослуженія вообще, ни общественной проповѣди, словомъ ничего,—никакого проявленія церковной, то есть соборной, жизни Вѣдь будетъ съ васъ, сказано уже; что еще повторять, къ чему торжественность? Такъ будетъ поучать проповѣдникъ, церковнослужитель, совершитель таинствъ, на томъ же основаніи, на какомъ о. Васильевъ и гг. профессоры возражаютъ противъ нужды собора по старообрядческому вопросу, на какомъ возставали всѣ вообще представители ученаго духовенства противъ возможнаго собора по болгарскому вопросу.

На г. Филиппова противная сторона взводитъ теперь обвиненія между прочимъ полицейскаго свойства. Это по крайней мѣрѣ понятно: „вы подстрекаете раскольниковъ, вы содѣйствуете смущенію единовѣрцевъ, вмѣсто того, чтобъ склонять ихъ къ тѣснѣйшему сближенію" и пр. Но г. Филипповъ можетъ еще основательнѣе поворотить совершенно равносильное обвиненіе противной сторонѣ „Но вы болѣе смущаете единовѣрцевъ и тѣмъ болѣе укрѣпляете расколъ, давая дѣлу такой видъ, какъ будто православіе дѣйствительно прогадало бы отъ собора и церковь оказалась бы виновною. Вы даете возможность кричать имъ о безсиліи церкви, о ея неправотѣ, о ея боязни

всецерковнаго торжественнаго разъясненія и утвержденія истины, вы наконецъ даете поводъ думать, что отрицаете соборы сами въ себѣ, отрицаете ихъ важность и спасительность, признаете ихъ учрежденіемъ излишнимъ, почти вреднымъ" — Съ этой стороны мы находимъ полемику крайне неутѣшительною и смѣли бы подать совѣтъ: лучше уже молчать, когда въ защиту своего мнѣнія не запасено доводовъ, достаточно крѣпкихъ канонически и логически, нежели къ соблазну вѣрующихъ, давать противъ церкви новое, и притомъ не безсильное оружіе въ руки расколу и иновѣрцамъ вообще.

О гражданскихъ мѣрахъ противъ раскола *)

О. Нечаевъ въ проповѣди, произнесенной при годичномъ торжествѣ Братства св. Петра, выставлялъ съ церковной каѳедры необходимость гражданскихъ мѣръ противъ раскола Достойно сожалѣнія, что достопочтенный іерей и членъ Братства выпустилъ такое слово, и притомъ на годовщинѣ Братства. Хорошо же миссіонерство, когда оно возлагаетъ упованіе на гражданскія мѣры!

Смѣшно было бы въ наше время говорить еще о правахъ совѣсти, доказывать, что бѣлое свѣтло, а черное темно. О. Нечаевъ можетъ имѣть иныя мнѣнія, но возглашать ихъ съ церковной каѳедры, помимо всего, не слѣдовало бы потому, что она церковная; во вторыхъ и потому, что гражданская власть, къ которой взываетъ о Нечаевъ, въ данномъ случаѣ безсильна. Онъ требуетъ, чтобъ раскольникамъ не было дозволено строить новыхъ молитвенныхъ домовъ и чтобы закрывали старые Онъ надѣется и убѣждается въ этомъ примѣромъ, что соскучившись безъ молитвы, раскольникъ пойдетъ въ православный храмъ. Пусть одинъ пойдетъ; но чѣмъ ручается о Нечаевъ, что пойдутъ и остальныя тысячи? И затѣмъ, много

*) С И 4 февраля, № 34.

ли пріобрѣтаетъ церковь отъ присоединенія, совершаемаго такимъ путемъ? Будетъ ли такой новообращенный подавать въ церкви на тарелку, сомнительно; позоветъ ли онъ православнаго священника служить молебенъ или панихиду,—и того сомнительнѣе· старообрядческіе старцы могутъ основаться и по закрытіи молитвенныхъ домовъ Мы уже не предъявляемъ другихъ требованій и читатель понимаетъ почему Мы не говоримъ о томъ, что это посѣщеніе храма отъ скуки, отъ неимѣнія своего молитвеннаго дома, еще не есть православіе, но о. Нечаевъ очевидно довольствуется этимъ. Мы хотимъ сказать только, что оставаясь даже на этой ограниченной точкѣ зрѣнія, православный ревнитель закрытія иновѣрныхъ молитвенныхъ домовъ еще ничего не пріобрѣтаетъ. Идя съ логическою послѣдовательностью онъ долженъ будетъ предъявлять желаніе и о томъ, чтобы по закрытіи раскольничьихъ молелень, гражданская же власть *принуждала* ходить старообрядцевъ въ православныя церкви, заказывать тамъ молебны и панихиды, принимать таинства Мы готовы выслушать и это желаніе. Но что же послѣ того? Мы знаемъ. что скопцы принимаютъ таинства въ православныхъ церквахъ, оставаясь скопцами Скажетъ ли проповѣдникъ, что гражданская власть обязана приказать и вѣровать такъ, а не иначе, вѣровать внутренно, сердечно, что она должна предписать самую совѣсть и что это удобоисполнимо? Или онъ выразитъ надежду, что за внѣшнимъ привлеченіемъ къ церкви не замедлитъ послѣдовать внутреннее, при содѣйствіи благодати Божіей и ревности священнослужителей. Но если эти силы способны произвести внутреннія привлеченія послѣ гоненій, то, и еще тѣмъ легче, онѣ должны совершить тоже, не доводя дѣла до гоненій.—Кажется, это такъ ясно и просто, и зачѣмъ же было нужно сказываніемъ несообразныхъ вещей только ронять дѣло, которое безъ сомнѣнія самъ же проповѣдникъ считаетъ святымъ? Зачѣмъ среди миссіонерскаго общества ронять православіе, которымъ оно миссіонерствуетъ, притомъ ронять предъ глазами тѣхъ самихъ, чье обращеніе имѣетъ въ виду это миссіонерство?

Объ уніи въ Польшѣ*).

Правительственное сообщеніе объ уніатскихъ дѣлахъ въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ имѣетъ свою важность. Легко понять, что оно назначено для Европы, его цѣль предупредить и опровергнуть обвиненія въ наспльственныхъ обращеніяхъ. Къ обвиненіямъ такого рода Россіи не привыкать, можетъ быть найдутся или нашлись обвинители на сей разъ, даже помимо поляковъ. Поляковъ, разумѣется, считать нечего: это голосъ затронутой стороны. Вообще же настоящая пора есть самая благопріятная для дѣйствій даже болѣе рѣшительныхъ: ни въ политическихъ кабинетахъ, ни въ общественномъ мнѣніи нѣтъ борцовъ за ультрамонтанство; компанія противъ него, напротивъ, ведется во всемъ мірѣ съ рѣдкимъ единодушіемъ Франція представляетъ исключеніе, но и тамъ, при теперешнемъ политическомъ положеніи, не найдется открытыхъ заступниковъ для польско-латинскаго фанатизма Французы слишкомъ дорожатъ теперь дружбою великихъ державъ, особенно Россіи Помнимъ, какъ съ франко-прусской войной мигомъ стихли даже политическія сочувствія полякамъ. Общественное мнѣніе не отстаетъ въ этомъ случаѣ отъ правительственнаго.

Такимъ образомъ, настоящее правительственное сообщеніе болѣе предупредительно къ европейскому мнѣнію, нежели можно этого требовать. Скорѣе прошедшее заслуживаетъ оправданія, нежели настоящее: какъ это случилось, что слишкомъ полувѣковое господство русской власти допустило усилиться ультрамонтанской пропагандѣ политически-національнаго свойства, что понадобились мѣры къ нарочитому охраненію и возстановленію русской народности и восточнаго обряда? Русскимъ и православнымъ естественно приходить къ подобному вопросу, но его задаютъ даже посторонніе,—пусть и русскіе, но австрійцы и притомъ тѣ же уніаты Указываемъ на Львовское Слово. Послѣднія происшествія возбуждаютъ въ немъ

*) С И 28 февраля, № 58

радостныя ожиданія, что „Холмщина будетъ потеряна для поляковъ. Забыли они, продолжаетъ Слово, что въ Холмѣ княжили русскіе князья и что въ исторіи народовъ Немезида возстановляетъ правосудіе, хотя бы по истеченіи пятисотъ лѣтъ. Обращаясь-же къ прошедшему, газета именно замѣчаетъ, что давно бы требовалось рѣшительное содѣйствіе правительства: если на дѣлѣ происходятъ такія сцены, говоритъ она, о какихъ пишутъ наши полякующія газеты, тогда тяжкая вина спадаетъ на ксендзовъ, обаломутившихъ темный народъ, будто бы ему отнимается христіанская вѣра. Но часть вины также на правительство, которое допустило фанатизовати русскій народъ въ польско-іезуитскомъ смыслѣ "

Очищеніе уніи отъ латинско—польскаго наноса сопровождалось бы двойнымъ успѣхомъ, когда бы нашлись для того дѣятели помимо оффиціальныхъ. Возсоединеніе уніатовъ въ Литвѣ имѣло за себя Іосифа Симашку, лицо хотя облеченное, и сначала и въ особенности послѣ, правительственнымъ полномочіемъ, но одушевленное независимо отъ своего оффиціальнаго положенія Есть ли подобные среди польскихъ уніатовъ? Мы разумѣемъ, конечно, не присоединеніе къ православію, которое можетъ быть и не быть, но одушевленіе русскою народностью и ревность о чистотѣ восточнаго обряда. И внутренній успѣхъ тогда завѣренъ былъ бы тѣмъ легче; кромѣ того не предстояло бы нужды и объяснять событія· объясненіе находилось бы въ нихъ самихъ, въ подъемѣ чувства народности среди самаго общества, самостоятельнаго, независимаго

Намъ сдается, что элементы такого подъема есть въ клерикальной средѣ, притомъ даже чисто католической, не только унiатской. Припомнимъ существованіе школы, если не цѣлой партіи среди ксендзовъ, протестующей противъ безженства и ведущей пропаганду противъ этого латинскаго установленія. Узкіе ревнители „обрусенія", совѣтовали между прочимъ полицейскими мѣрами вводить русскій языкъ въ католическое богослуженіе, внѣшнимъ образомъ, искуственно заводить новую церковь Помимо всего, такого рода мѣры безполезны и чаще

ведутъ къ обратнымъ послѣдствіямъ. Но нѣтъ пользы внѣшнею властію искуственно охранять и всѣ католическія установленія до послѣдней ноты Стоитъ вычеркнуть изъ нашихъ гражданскихъ законовъ правило о безженствѣ католическихъ священниковъ, и мы получимъ цѣлую фалангу русскихъ дѣятелей въ томъ самомъ мірѣ, который готовитъ теперь апостоловъ польщизны и ультрамонтанскаго фанатизма. Нашелся-бы и еще не одинъ пунктъ, на которомъ держится связь католичества съ польскою агитаціею,—связь споспѣшествуемая и даже охраняемая закономъ. Съ отнятіемъ этой охраны, безъ всякихъ принудительныхъ мѣръ, возникло бы само собою русское католичество, но такое и на такихъ основаніяхъ, которое было бы сродно національнымъ особенностямъ и современному политическому положенію польскихъ и полупольскихъ губерній. А тогда уніаты и подавно вышли бы изъ своей двусмысленности, не требуя ни понужденій, ни совѣтовъ, ни поддержки.

По поводу церковно-судебной реформы *)

„Русскія Вѣдомости“ получаютъ свѣдѣнія о дѣлахъ духовнаго вѣдомства, обыкновенно, изъ достовѣрнаго источника. Тѣмъ пріятнѣе было прочитать въ нихъ недавно письмо изъ Петербурга, смысла почти тождественнаго съ *Отвѣтомъ православноѣрующаго*, помѣщеннымъ у насъ нѣсколько дней назадъ Корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ точно также останавливаетъ поспѣшныя сужденія и ожиданія, высказанныя въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ „бюрократически-вѣрующимъ“ Этотъ рьяный защитникъ проекта церковно-судебной реформы предлагалъ святѣйшему синоду совѣтъ пренебречь мнѣніями епархіальныхъ архіереевъ. Корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ основательно замѣчаетъ на это

.Но газеты забываютъ, что св. синодъ, имѣющій лишь власть равную патріархамъ и не составляющій собора (ибо по-

*) С И. 11 марта, № 74

стоянное присутствіе, какъ не собранное временно въ каноническомъ смыслѣ, не считается соборомъ) самъ находится въ зависимости отъ собора русскихъ архіереевъ, и поэтому, когда св синоду приходится рѣшать вопросы и менѣе важные, чѣмъ реформы церковнаго суда, то онъ всегда обращался къ епархіальнымъ архіереямъ, спрашивая ихъ совѣта.

Если принять это письмо, если не прямо за оффиціозное, то по крайней мѣрѣ соприкосновенное высшимъ сферамъ духовнаго управленія, и не чуждое ихъ взглядамъ (что несомнѣнно), то сужденіе, сейчасъ проведенное, получаетъ знаменательную важность Авторъ письма прибавляетъ притомъ

Составленіе духовно-судебнаго устава, или лучше сказать— новаго проекта, будетъ единственно зависѣть отъ выработанныхъ мнѣній русскихъ архіереевъ, которые, какъ и члены св. синода, не намѣрены нарушать церковныхъ каноновъ и постановленій св апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, ибо нарушеніе церковныхъ каноновъ могло бы грозить удаленіемъ большинства архіереевъ на покой и расколомъ въ русской церкви

Авторъ передаетъ потомъ отзывъ одного изъ старѣйшихъ архіереевъ по поводу судебной реформы: „если духовно-судебная реформа будетъ основана на церковныхъ канонахъ, то архіереи принуждены будутъ ей подчиняться, но если она будетъ имъ противорѣчить, то каждый архіерей имѣетъ право въ своей епархіи не подчиняться новому уставу и судить такъ, какъ повелѣваютъ каноны церкви“.

На этомъ можно было бы остановиться, потому что дружный отпоръ, оказанный русскими іерархами проекту комиссіи, и выраженное мнѣніе, не чуждое, повторимъ, какъ кажется, взглядамъ раздѣляемыхъ въ высшихъ сферахъ, о неизбѣжности склониться предъ сонмомъ архіереевъ,—то и другое представляетъ само по себѣ фактъ настолько важный и, смѣемъ прибавить, настолько необыкновенный, что комментаріи излишни Но мы скажемъ слова два о предстоящей дальнѣйшей участи духовнаго суда Тотъ же корреспондентъ сообщаетъ о предначертаніяхъ новаго устава, которыя уже составляются на основаніи полученныхъ епархіальныхъ отзывовъ. Предположеній, по

его словамъ, существуетъ два (не считая первоначальнаго проекта, который повидимому должно считать погребеннымъ). Одно полагаетъ составить духовные суды въ каждой епархіи подъ предсѣдательствомъ архіерея, съ членами-пресвитерами, имѣющими однако исключительно совѣщательный голосъ Вторая инстанція по этому проекту—судебное отдѣленіе при св. синодѣ, составляемое изъ епархіальныхъ архіереевъ. А дальнѣйшею, постѣднею инстанціею предполагается полное собраніе синода, съ присоединеніемъ нѣсколькихъ епархіальныхъ архіереевъ. Этому собранію присвоивается названіе собора Другой проектъ подобенъ первому, съ тѣмъ же епархіальнымъ судомъ, но вторая инстанція предполагается въ видѣ окружныхъ судовъ, состоящихъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита или архіепископа, изъ архіереевъ и пресвитеровъ, при чемъ послѣдніе, какъ уполномоченные архіереевъ, будутъ имѣть равный голосъ съ прочими членами Дальнѣйшею же, высшею инстанціей и здѣсь предполагается судебное отдѣленіе при святѣйшемъ синодѣ, но не изъ постоянныхъ членовъ, а изъ архіереевъ, вызываемыхъ по очереди въ присоединеніе къ общему собранію синода

Само собою разумѣется, всѣхъ ближе къ каноническому устройству послѣдній проектъ; но и онъ можетъ быть названъ только сдѣлкой Почему не подойти къ соборному устройству еще ближе? Къ нему очевидно желаютъ возвратиться преосвященные архіереи; но тогда слѣдовало бы имъ отказаться отъ мысли объ епархіальномъ судѣ подъ единоличнымъ своимъ предсѣдательствомъ, что такъ близко напоминаетъ консисторію. Почему-же не быть и первой инстанціи, въ видѣ собора, по церковнымъ же правиламъ? Зачѣмъ отстаивать единоличный судъ, отъ котораго предостерегаютъ каноны, требующіе не менѣе шести епископовъ для суда надъ пресвитеромъ.

Здѣсь есть стремнина, которую указать благовременно. Если преосвященные архіереи отвергли проектъ комиссіи за противорѣчіе его церковнымъ правиламъ, это справедливо. Но подъ видомъ охраны церковныхъ правилъ можетъ явиться властолюбіе, которое потворства тоже не заслуживаетъ. Что такое

проектъ духовно-судебной реформы, какъ онъ выработался въ комиссіяхъ? Это есть протестъ противъ самовластія архіереевъ, противъ ихъ произвола, противъ нарушеній ими справедливости. отъ нихъ стонали епархіи, а индѣ и стонутъ Отъ сердца, наьипѣвшаго многолѣтними основательными огорченіями, придуманъ для низшаго духовенства исходъ радикальный, несообразный, попирающій церковное устройство. но если выводъ непримѣнимъ, основаніе тѣмъ не менѣе дѣйствительно, и требованіе юридическихъ и нравственныхъ обезпеченій тѣмъ не менѣе законно, и притомъ канонически законно Власть епископа не есть власть паши, этого не предписываютъ церковныя правила И потому-то, сохраняя за епископами каноническое право суда, новый духовно-судебный уставъ долженъ вручить его во всякомъ случаѣ не единоличной, а собирательной власти, оставляя произволу архіерейскому развѣ самые ограниченные предѣлы. Оба новые проекта останавливаются между тѣмъ именно на томъ самомъ устройствѣ епархіальнаго суда, которое и возбуждаетъ справедливыя жалобы. Что изъ того, что будетъ вторая инстанція, въ видѣ ли окружного суда или въ видѣ судебнаго отдѣленія при синодѣ? И теперь консисторія не есть окончательная инстанція. Но ограждено ли правосудіе? Какое же лишнее огражденіе даютъ проекты, присаживая къ архіерею подчиненныхъ ему пресвитеровъ, съ совѣщательнымъ голосомъ!

Затрудненіе можетъ быть одно; скажутъ, что у насъ недостаточно архіереевъ для полнаго соборнаго устройства, не то, что было въ древней церкви Затрудненіе мнимое. Итакъ, пусть будетъ болѣе архіереевъ, и чѣмъ ихъ будетъ болѣе, тѣмъ будетъ лучше, тѣмъ ближе къ древнему устройству и, прибавимъ мы, тѣмъ болѣе ручательства за успокоеніе тѣхъ самыхъ въ духовенствѣ, которые теперь желаютъ низриновенія архіерейской власти. Вся бѣда, что вы архіереевъ представляете непремѣнно генералами, и по табели о рангахъ подверстываете „епархіальнаго начальника“ начальнику губерніи, и викарнаго архіерея вицегубернатору. Стоитъ только отрѣшиться отъ этого представленія, вдвойнѣ несообразнаго, и тогда не найдется за-

трудненія имѣть даже по десяти архіереевъ въ каждой теперешней епархіи, если угодно. А тогда и соборное начало суда, вмѣстѣ съ обезпеченіемъ духовенства отъ деспотизма, могуть быть выдержаны съ полною строгостью и безъ всякихъ затрудненій.

Само собою разумѣется, мы не проектъ предлагаемъ и ничего не формулируемъ; мы указываемъ только на главный корень ошибки при сужденіяхъ о церковномъ судѣ и на главное недоразумѣніе, мѣшающее примириться двумъ, къ сожалѣнію, почти непріязненнымъ партіямъ,—одну изъ нихъ можно назвать епископальною, другую пресвитеріальною. Если надлежащимъ образомъ отдѣлить вѣдомство суда церковнаго отъ гражданскаго, то было бы для соборнаго суда съ излишкомъ достаточно даже и теперешняго числа архіереевъ. двукратнымъ въ годъ собраніямъ (повелѣваемымъ канонами), при ограниченіи ихъ одною судебною функціею, пожалуй, даже и дѣла подъчасъ не вышло бы.

Объ обезпеченіи духовенства*).

Мы замѣчали уже разъ, что „Русскія Вѣдомости“ пользуются достовѣрными свѣдѣніями о дѣлахъ духовнаго вѣдомства, повидимому получаемыми оффиціознымъ путемъ. Тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ письмо, ими полученное и нами перепечатываемое буквально. Оно содержитъ признаніе, что мѣра, которою думали достигнуть „обезпеченія духовенства“, именно посредствомъ сокращенія приходовъ, кончилась полной неудачей. Въ иныхъ мѣстахъ она произвела расколъ, въ другихъ отпаденіе отъ христіанства, повсюду отчужденіе отъ духовенства и въ довершеніе—ничуть не улучшила положенія оставшихся членовъ клира. Все это легко было предвидѣть. Не разъ на этихъ самыхъ страницахъ мы возвращались къ этому вопросу; не разъ эти самыя послѣдствія, въ видѣ предостереженій, заранѣе указывались нашими корреспондентами. Если

*) С И 11 мая, № 106

бы ставить вопросъ личнаго самолюбія выше дѣлъ столь великой общественной важности, каково положеніе духовенства, то мы имѣли бы основаніе потѣшиться

Но нѣтъ, не потѣхѣ здѣсь мѣсто Прискорбно, что фактъ, который легко можно было предвидѣть, усматривается только послѣ тяжелаго эксперимента, вредныя послѣдствія котораго въ общегосударственномъ смыслѣ (скажемъ мимоходомъ) даже и исчислены въ настоящее время быть не могутъ „Кабаки умножаются, церкви закрываются“: одна эта мысль, со своимъ возмущающимъ сопоставленіемъ, многаго стоитъ. А она не могла не пробѣжать, эта мысль, въ виду факта, истолкованіе котораго съ высшихъ точекъ зрѣнія не подъ силу простому народу: гдѣ ему тутъ соображать объ общемъ экономическомъ положеніи страны и отсюда находить оправданіе или извиненіе обоимъ, одинаково неприглядным явленіямъ даже и порознь, не только въ сопоставленіи? Затѣмъ, нельзя не видѣть, что такъ называемое „сокращеніе штатовъ“, немного комическое даже въ приложеніи къ должностямъ государственной службы, совершенно непримѣнимо къ церкви, и особенно при настоящемъ положеніи, когда служители ея кормятся доброхотными даяніями И въ государственной службѣ сокращенія штатовъ часто оканчиваются исторіею Тришкина кафтана. сокращая расходы на первый разъ, повидимому, въ дальнѣйшемъ теченіи вещей казна вынуждается снова наполнять убылыя, упраздненныя мѣста, хотя бы подъ другими наименованіями, но съ тою непремѣнною разницею, что новые, прибавочные штаты идутъ уже по возвышеннымъ цѣнамъ, словомъ, итоги расходовъ увеличиваются. Здѣсь же, въ духовномъ вѣдомствѣ, на чемъ могло быть основано ожиданіе даже этого, первоначальнаго, призрачнаго улучшенія? Гдѣ были данныя, что приходъ въ 1,000 душъ дастъ своему причту, не говоримъ впятеро, но хотя бы вдвое, чѣмъ поступало тому же причту отъ прихода въ 200 душъ? Таксы за исправленіе требъ не положено (она въ сущности и невозможна), да и обязательности прибѣгать за ними къ услугамъ причта въ строгомъ смыслѣ не существуетъ. Обра-

щаться за молебномъ и панихидой и не обращаться, это въ полной волѣ прихожанина, и не только за молебномъ и панихидой, но и за таинствами. Могутъ умирать безъ покаянія, и умираютъ; могутъ не быть на исповѣди по десяткамъ лѣтъ, и не бываютъ; за крещеніемъ можно обращаться къ старицѣ безпоповщинскаго общества, и обращаются, можно къ поморскому старцу обратиться за благословеніемъ брака, а то и совсѣмъ отвергнуть вѣнчальный бракъ, съ перечисленіемъ себя въ ѳедосѣевцы или молокане, или безъ перечисленія И такъ, помимо всѣхъ неудовольствій, которыя предвидѣть было естественно въ здателяхъ храма, отщипывавшихъ отъ себя послѣднія копѣйки, чтобы устроить у себя, на свою кровную лепту, домъ Божій, и принуждающихся затѣмъ видѣть этотъ домъ Божій запустѣлымъ,—и помимо этого неудовольствія, необходимо было предвидѣть, что столь эластическая величина, каково содержаніе духовенства, никакъ не увеличится отъ одного сокращенія духовныхъ лицъ. Должно было предвидѣть, что съ ослабленіемъ предложенія духовныхъ услугъ ослабится спросъ,—совершенно обратно обычному экономическому закону При доступности духовенства и близости церквей, одинъ священникъ въ данное время получитъ двадцать приглашеній на молебенъ или панихиду, при обратныхъ условіяхъ, то-есть малочисленности лицъ и отдаленности, потребность въ церковныхъ требахъ сократится, прямо пропорціонально уменьшенію удобствъ добыть священнослужителя. И мало того: увеличеніе доходовъ духовенства не можетъ за непремѣнное предполагаться даже при увеличеніи требъ, если бы таковое и послѣдовало отъ сокращенія штатовъ; численные и пространственные предѣлы пастырской дѣятельности, словомъ—количество тутъ почти ничто; *какъ* относится церковный служитель къ своему дѣлу, этимъ болѣе всего рѣшается, *сколько* онъ получитъ. Внимательность, благоговѣніе, заботливость, производятъ то, что (въ обратномъ примѣненіи священнаго текста) овцы готовы бываютъ класть душу свою за пастыря, и при всей малочисленности и даже скудости средствъ, готовы съ нимъ раздѣлять

послѣднія крохи Если бы ходить за примѣрами, можно бы найти ихъ много, но мы возьмемъ два. Въ послѣднія лѣтъ двадцать, тридцать, въ Москвѣ не одна изъ приписныхъ церквей образована въ самостоятельную. Это совершалось такъ Какой-нибудь доброхотный датель кладетъ капиталъ на „обезпеченіе причта“ и церковь получаетъ причтъ Капиталъ обыкновенно такъ ничтоженъ, что процентами можно содержать развѣ только сторожа, а не священника, но духовенство жило и живетъ. Другой примѣръ Въ Переславлѣ Залѣсскомъ нельзя безъ содроганія подумать о томъ: чѣмъ же живетъ тамъ духовенство, при 20 слишкомъ церквахъ и можетъ быть всего 4,000 населенія? Но священнослужительскія мѣста не праздны; скудно, но живутъ. Разумѣется, это примѣры, а не образцы Слишкомъ бѣдна бываетъ жизнь въ такихъ условіяхъ. Обоюдно бываетъ тяжело, и паствѣ и духовенству, какъ, полагаемъ, въ Переславлѣ. Но мы указываемъ только законъ, который въ данномъ случаѣ совсѣмъ иной, нежели законъ экономическаго предложенія и спроса.

Если не сокращеніемъ церквей, то чѣмъ достигнуть обезпеченія духовенства, это не входитъ въ цѣль нашей статьи: да мы и касались этого предмета уже неоднократно Напоминаемъ о замѣчательныхъ статьяхъ Д. Ѳ. Самарина, помѣщенныхъ у насъ прошлымъ годомъ, разумнѣе которыхъ по вопросу объ обезпеченіи духовенства не сказано было ничего. Мы заключимъ настоящую свою замѣтку только выраженіемъ одного недоумѣнія. Корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ возлагаетъ нравственную отвѣтственность въ печальныхъ послѣдствіяхъ сокращенія приходовъ—на архіереевъ и ставитъ въ образецъ преосвященнаго Нила Ярославскаго. Преосвященному Нилу дѣйствительно да будетъ честь и хвала, что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, въ какія онъ былъ поставленъ предстоявшею обязанностію закрывать церкви,—онъ нашелся и сумѣлъ спасти церкви отъ упраздненія изысканіемъ побочныхъ средствъ на содержаніе духовенства. Но дозволительно спросить,—чѣмъ же виноваты прочіе преосвященные? Развѣ по собственному вдохновенію имъ пришло въ голову обезпечивать

служителей алтаря упраздненіемъ алтарей? Сколько мы знаемъ и сколько знаетъ вся Россія,—поступая такъ, они только исполняли высшія приказанія, и исполняли, смѣемъ сказать, далеко не съ охотою. Мы знаемъ примѣры, гдѣ это производилось съ сокрушеніемъ сердца, мы слышали о примѣрахъ, гдѣ отъ преосвященныхъ поступали возраженія, изъявленія опасеній. Но повиноваться они были обязаны, и если нѣкоторые оказались въ исполненіи слишкомъ ревностно-поспѣшными, то ихъ можно было-бы обвинять прямѣе въ угодливости, нежели въ беззаботности или въ чемъ другомъ.

Дѣло игуменьи Митрофаніи*).

Чѣмъ болѣе близится засѣданіе по дѣлу игуменьи Митрофаніи, тѣмъ болѣе умножаются толки о немъ, и въ публикѣ и печати Изъ печатныхъ статей можно составить цѣлую литературу. Мы помнимъ печатный формуляръ игуменьи, кажется, и у насъ перепечатанный. Г. Врубель, довѣренный игуменьи, и г. Плевако, довѣренный г. Солодовникова, обмѣнялись на дняхъ печатными рѣчами. „Русскій Міръ“ представилъ не лишенное тенденціозности описаніе, которое заслуживало бы названія: Послѣдніе дни игуменьи-благотворительницы, такъ выпукло изображена игуменья жертвою разныхъ несправедливостей. Наконецъ, появилась брошюра, напечатанная въ Кіевѣ, въ видѣ четырехъ писемъ какого-то неизвѣстнаго къ неизвѣстному другу, пламеннаго почитателя матери игуменьи и ея дѣлъ. Здѣсь также изложена ея біографія, помянутъ ея родъ, и восписаны похвалы всѣмъ отъ стараго до малаго, отъ живыхъ до покойныхъ.

Это по части защиты. Со стороны обвиненія, или точнѣе сказать—со стороны гражданскихъ истцовъ, не видно такой дѣятельности. Оно и понятно эта сторона сильна строгими предварительными мѣрами юстиціи, которыя доказываютъ, что

*) С. И. 21 мая, № 116.

судебная власть имѣетъ должно быть слишкомъ вѣсскія основанія къ обвиненію, что приняла противъ подсудимой предупредительныя средства, можно сказать, безпримѣрныя. Короткія вѣсти, въ видѣ слуховъ, объ этихъ-то предупредительныхъ ограженіяхъ правосудія, и были чуть ли не единственнымъ оружіемъ, съ которымъ выступалъ на арену гражданскій истецъ, покрываясь забраломъ Ибо если не отъ гражданской стороны, то отъ кого же и могли доходить эти слухи въ печать?

Съ одной стороны есть нѣчто утѣшительное въ этомъ глухомъ судебномъ препирательствѣ, опережающемъ подлинныя, судебныя пренія. Оно доказываетъ, что у насъ есть общественное мнѣніе; бытіе его по крайней мѣрѣ признаютъ обѣ стороны, находятъ въ немъ силу и къ нему обращаются, ожидая отъ него подкрѣпленія. Если бы это было такъ не по одному на столько маловажному дѣлу въ сущности! Оно не маловажно лишь по двумъ причинамъ,—что замѣшано въ него духовное лицо, и притомъ знатнаго происхожденія, и во вторыхъ,—что касается милліоновъ. И такъ въ сущности, скандалъ житейскій и кусокъ крупный, вотъ весь интересъ публики: мало! Сколько событій происходитъ общественныхъ, въ великомъ смыслѣ этого слова, и публика глуха, едва поворачивается, едва прислушивается ...

Но есть еще неблаговидная сторона въ этомъ преждевременномъ препирательствѣ. Зачѣмъ предупреждать драму, которая успѣетъ быть данною на судѣ, и будетъ дана, мы увѣрены, блистательно? Сотни свидѣтелей, говорятъ, вызваны. На этотъ разъ нѣтъ преобладанія сторонъ, которое столько вредило другимъ „знаменитымъ“ процессамъ, какъ напримѣръ, въ дѣлѣ г. Корицкаго, гдѣ на одного обвинителя приходилось чуть ли не трое отвѣтчиковъ и притомъ отборныхъ Здѣсь за обвинительною властію стоитъ гражданская сторона: это даетъ особенную величавость турниру. И такъ, зачѣмъ же предупреждать и попусту раздражать публику предрасполагающими объясненіями, въ ту ли, въ другую ли сторону? Помимо уваженія къ суду и на сей разъ—основанному на совѣсти суду присяжныхъ, просто въ интересѣ сторонъ слѣдовало бы помол-

чать каждой. Судъ присяжныхъ! Не могутъ ли на него имѣть превратное дѣйствіе преувеличенныя упрежденія съ той и съ другой стороны? Мы видимъ, что сторона защиты легко воспользовалась строгими мѣрами, которымъ подвергнута игуменья; читая статейку „Русскаго Міра“, простодушный такъ скажетъ: „мученица“. Но за то, если прочитать и кіевскую брошюру, гдѣ подсудимая возносится выше звѣздъ небесныхъ, выводъ можетъ родиться совсѣмъ противоположный. Слишкомъ усиленная похвала дѣйствуетъ равносильно обвиненію, давая заподозрить свою неподдѣльность. Пишутъ, что, по настоянію судебной власти, брошюра была изъята изъ обращенія, такъ какъ она не продавалась, а почти насильно всовывалась въ руки, а многимъ присылалась по почтѣ неизвѣстною рукою. Судебная власть, вѣроятно, имѣла основаніе поступить, какъ поступила, но, полагаемъ, разсчетъ составителя былъ бы совершенно ошибочный. Прочтетъ читатель, да и задумается: не хорошо глядитъ этотъ акаѳистъ, писанный неизвѣстнымъ лицомъ и распространяемый неизвѣстною рукою; что-нибудь не ладно.

Во всякомъ случаѣ исхода процесса можно ожидать съ любопытствомъ, и именно потому, что слишкомъ много тянули его заранѣе въ ту и другую сторону. Если вѣрить слухамъ, то нѣсколько разъ измѣняемъ былъ даже составъ очередныхъ присяжныхъ, такъ какъ существовали полныя основанія предполагать, что, ничего не видя, уже начинаютъ дѣйствовать на будущихъ рѣшителей судьбы. И такъ, невинна ли игуменья Митрофанія, или виновна, случайныя обстоятельства, посторонія истинно юридической оцѣнкѣ, могутъ повернуть приговоръ не туда, куда требуетъ правда. Митрофанія невинна: но повредитъ ли приговору это усиленное искательство у публики и даже (если вѣрно) у присяжныхъ? Въ чистомъ дѣлѣ такъ не поступаютъ. Митрофанія виновна: но представимъ извѣстную особу духовную знатнаго рода, увѣшанную крестами, введенную въ залу суда за рѣшетку съ саблями на голо: кладется ли этимъ однимъ ореолъ мученичества, способный повредить праведному приговору? Будемъ ждать.

Ультрамонтанство*).

Ультрамонтанство живо или нѣтъ? Выстрѣлъ въ князя Бисмарка и вообще упорство, какимъ отвѣчаетъ католическое духовенство въ Пруссіи на принимаемыя противъ него мѣры, доказываютъ, что сами клевреты папства по крайней мѣрѣ не расположены вѣрить въ паденіе своей силы. И когда они вѣрятъ въ нее, значитъ она есть и останется. Католицизмъ не очень церемоненъ съ совѣстію и правдою: онъ охотно вступаетъ въ (лицемѣрную) сдѣлку со всѣмъ и всѣми, съ кѣмъ угодно, гдѣ нельзя пройти передомъ, онъ проскользнетъ бокомъ. Но здѣсь даже не ищутъ обходовъ, на которые замысловата іезуитская логика, борьба ведется прямо, и грѣшно было бы заподозрить бойцовъ, столь искусныхъ, въ близорукости, слѣпой самонадѣянности бороться съ увѣренностью въ побѣдѣ. Гдѣ она дана, въ переворотѣ ли политическомъ, переворотѣ ли соціальномъ, этого мы не знаемъ. Но близоруко было бы наоборотъ предполагать, что отнятіе у папы мірского вѣнца сколько-нибудь поведетъ къ уменьшенію его власти вообще, если даже не произведетъ прямо противнаго· на „страдальца“ накидывается лишній ореолъ; дѣйствіе будетъ глубже, обаяніе внутреннѣе Не слѣдуетъ забывать и того, что, съ исключеніемъ изъ списка политическихъ вѣнценосцевъ, у папы отнимается послѣднее основаніе солидарности съ существующими политическими порядками; выбывъ и по внѣшности изъ ряда мірскихъ властителей, владыка духовный тѣмъ внутреннѣе будетъ имъ чуждъ, тѣмъ послѣдовательнѣе и настойчивѣе враждебенъ,—враждебенъ всѣмъ и каждому, враждебенъ политической власти въ принципѣ вообще. А отсюда какое поле дѣятельности! Какой мятежъ не найдетъ благословенія, какое разрушеніе не встрѣтитъ подстрекательства! А сѣмянъ въ современной исторіи довольно, ихъ остается подбирать, не диво, если не сами мы, то въ крайнемъ случаѣ наши дѣти увидятъ повторенія похода крестоваго подъ папскою хоругвью, но похода не

*) С. И 11 іюля, № 167.

политическаго какъ встарь, а соціальнаго: не для завоеванія земель заморскихъ и разрушенія царствъ мусульманскихъ, а на разрушеніе царствъ вообще и хищеніе богатствъ повсюду.

Что противостоитъ ультрамонтанству? Внѣшняя сила, условный политическій порядокъ Но эти дѣятели будутъ ничтожны, когда на другой сторонѣ окажется вѣра и одушевленіе. Политическій порядокъ неспособенъ воодушевлять народовъ самъ по себѣ; вопросъ въ томъ, во имя чего онъ состоитъ такой или другой, и это двигаетъ, одушевляетъ и держитъ народы; вопросъ въ духовномъ началѣ. Въ этомъ смыслѣ католицизму, какъ историческому двигателю, противопоставляется протестантизмъ, который однако самъ извѣтрился, и голая наука, которая, если лишена религіозной подкладки, равнозначительна атеизму въ теоріи, матеріализму на практикѣ Но потребность духовнаго есть въ человѣческой природѣ, и притомъ голое отрицаніе не принадлежитъ къ числу одушевляющихъ началъ. Европа въ этомъ смыслѣ противъ ультрамонтанства безоружна и не только продолженіе его бытія, но даже усиленіе его въ предбудущее время столь же мало могутъ быть удивительны, какъ во времена прежнія процвѣтанія іезуитскаго ордена среди самыхъ блестящихъ успѣховъ реформаціи, или (изъ ближайшихъ временъ) распространенія католической вѣры въ практически здравомыслящемъ британскомъ народѣ, да еще въ эпоху высшей цивилизаціи и среди классовъ никакъ не темныхъ.

Для русскаго вопросъ объ ультрамонтанствѣ имѣетъ интересъ по связи его съ польскимъ вопросомъ. Если гдѣ, то именно въ религіозной области, исключительно въ настоящее время можетъ находить польская пропаганда свою опору. Съ другой стороны и для папства это орудіе на первыхъ порахъ наилучшее. Если посмотрѣть на теперешнія прусскія событія, принявъ во вниманіе сейчасъ указанныя обстоятельства, то окажется пожалуй, что князь Бисмаркъ не могъ сослужить лучшей службы ультрамонтанству, какъ пошевеливъ его именно въ томъ углу, гдѣ оно способно подпереться польскою идеею. Не воскрешается ли эта идея заведенною борьбою, не подогрѣвает-

ся ли католицизмъ разомъ? Идутъ извѣстія въ самомъ дѣлѣ, что польскій духъ пріободряется О настроеніи въ польской Пруссіи мало намъ извѣстно, но въ Руси австрійской, говорятъ, сила польщизны и папизма растутъ съ каждымъ днемъ. Очевидцы разсказываютъ, что и у насъ въ западныхъ окраинахъ далеко не то, что въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, не только не то, но, какъ передаютъ,—почти близко къ тому же приниженію и русскаго языка и православія, какъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. Въ русскомъ, разумѣется, нѣтъ настойчивости пруссака и потому понятно, чѣмъ охотнѣе и далѣе идемъ мы по пути „примиренія“, тѣмъ болѣе успѣваетъ только польскій напоръ, уступить которому мы рады случаю.

Если кто-нибудь выведетъ изъ нашихъ словъ, что мы думаемъ совѣтовать возобновленіе „энергическихъ“ мѣръ въ родѣ тѣхъ, которыя употреблялись лѣтъ восемь и десять назадъ, тотъ ошибется. Мы напротивъ держимся мнѣнія, что въ данномъ случаѣ по преимуществу безсильны политическія мѣры, какъ мы уже и сказали выше. Дѣло въ одушевленіи, вѣрѣ, энтузіазмѣ; съ ними способны ли бороться бюрократическій механизмъ или полицейскія мѣры? Если православный прихожанинъ съ бо́льшимъ вкусомъ слушаетъ ксендза, чѣмъ своего священника, и бѣжитъ отъ своего на католическій праздникъ,—иль русскій по происхожденію и по общественному положенію усердно силится ломать русскую рѣчь подъ польскій акцентъ,—что вы тутъ сдѣлаете предписаніями? Не обратить ли ихъ противъ тѣхъ самихъ, кого вы думаете отстаивать. Побѣда быть можетъ принадлежитъ не внѣшней силѣ и не мертвой формѣ, а духу и убѣжденію и, наконецъ, болѣе всего чувству достоинства въ обществѣ, въ самой націи. Есть они у насъ, поддерживаются ли, имѣютъ ли просторъ вырости и цвѣсти? Не сила оружія и не формальныя предписанія обратили эльзасцевъ во французовъ и одной силы будетъ мало, чтобы закрѣпить ихъ за нѣмцами, не смотря на ихъ языкъ и происхожденіе.

Во всякомъ случаѣ мы хотѣли отмѣтить фактъ, что покушеніе противъ германскаго канцлера напоминаетъ о живучести

католическаго фанатизма: что фанатизмъ этотъ въ роднѣ, очень близкой, съ фанатизмомъ польскимъ, что польскій фанатизмъ повидимому оживаетъ и находитъ въ современной борьбѣ ультрамонтанства удобный поводъ и въ слабомъ общественномъ духѣ удобную почву. А что мы своею общественною силою похвалиться не можемъ, объ этомъ, кажется, даже напоминать нечего. Взаимная связь всѣхъ этихъ фактовъ, намъ кажется, стоитъ того, чтобы въ видѣ заключительной формулы прибавить къ ней древнее: videant consules.

О приходскихъ попечительствахъ *).

Къ пріятному изумленію, сельскій священникъ разсуждаетъ о церковно-хозяйственномъ вопросѣ въ духѣ антиклерикальномъ. „Ввѣрьтесь прихожанамъ, положитесь на приходскія попечительства и заботьтесь объ ихъ умноженіи, ратуйте за самостоятельность приходовъ“: что можетъ быть правильнѣе, естественнѣе такого взгляда? Что можетъ быть полезнѣе для духовенства, какъ самостоятельность, опершаяся на весь сонмъ вѣрующихъ, то есть на церковь въ собственномъ и ближайшемъ смыслѣ? Но сколь здравосмысленны такіе взгляды, сколь естественны и прочны были бы такія отношенія, столь же недальновидными, къ сожалѣнію, оказываются сами члены духовенства, ихъ громадное большинство: что угодно, только не прихожане; изъ всѣхъ зависимостей они предпочитаютъ наиболѣе жалкую, бюрократическую, идя въ своихъ предположеніяхъ совершенно обратнымъ порядкомъ, изъявляя готовность отступиться въ случаѣ даже отъ догматическаго чиноначалія. Было бы излишне пояснять, до какой степени мнимые ревнители пользъ и правъ духовенства подобными направленіями подрываютъ—не говоримъ—церковь, она отлагается въ сторону при-

*) С. И 7 августа, № 194

такихъ разсужденіяхъ, сущность ея какъ бы забывается,—но подрывается будущность именно духовенства, самое бытіе котораго условливается существованіемъ вѣрующихъ, то есть приходовъ, и существованіемъ іерархіи, то есть опредѣленныхъ каноническихъ и догматическихъ отношеній между степенями священства. Что священникъ безъ прихода? Гдѣ основаніе его правъ безъ правъ епископскихъ? Мы не устанемъ повторять эти положенія, чтобы напомнить ослѣпленнымъ клерикаламъ, и именно клерикаламъ-пресвитеріанцамъ, назовемъ ихъ такъ,—которыхъ теперь развелось большинство, что никто не работаетъ такъ усердно надъ гибелью и раззореніемъ духовенства, какъ они, мнимые ходатаи за его самостоятельность (только отъ архіереевъ и отъ прихода, подразумѣвается) и за его улучшеніе быта (подразумѣвай: посредствомъ казеннаго жалованья).

Тѣмъ пріятнѣе, что авторъ статьи, самъ священникъ, становится на другую, единственно здравую точку зрѣнія. Тѣмъ болѣе имѣютъ цѣны его предостереженія и совѣты. Отстраняя приходскія попечительства и прихожанъ вообще отъ завѣдыванія церковно-хозяйственными дѣлами, вы только отгоняете жертвователей, прекращаете пожертвованія. таково его предреченіе. Намъ и не слѣдовало бы вовсе брать на себя хозяйственнаго дѣла: таковъ его совѣтъ. Соглашаясь съ тѣмъ и другимъ вполнѣ, прибавимъ,—не только прекратятся пожертвованія и охладится приверженность къ церкви вообще, но потеряется право и на поддержку правительства, которой всего болѣе ищутъ современные представители духовенства. Ибо стоитъ задать только простой вопросъ· потому ли государственная власть поддерживаетъ православное духовенство, что оно есть духовенство, или по тому, что есть вѣрующій православный народъ?

Старокатоличество*).

„Единство въ необходимомъ“: вотъ къ какимъ необширнымъ предѣламъ сводится старокатолическій катихизисъ! Припомнимъ, что это малопритязательное правило предначертывается Деллингеромъ въ программѣ для предстоящаго, третьяго старокатолическаго съѣзда. А давно ли тотъ же вождь старокатолическаго движенія возвышалъ иной, болѣе горделивый голосъ? События смирили гордость; ограниченные размѣры послѣдователей изъ католиковъ, неподатливость остальныхъ вѣроисповѣданій, съ любопытствомъ, но безъ особаго поклоненія взирающихъ на новый расколъ въ расколѣ, показали отпавшимъ отъ Ватикана, что приходится имъ не предписывать, а скорѣе заискивать. Такой-то заискивающій голосъ и слышится въ этомъ повторенномъ изреченіи Викентія Леринскаго: „единство въ необходимомъ“.

„Единство въ необходимомъ“ (т. е. для спасенія).... Но вопросъ, поставленный такимъ образомъ ведетъ къ другому: что необходимо? Если въ положеніи старокатоликовъ приходится по неизбѣжности сокращать катихизисъ, чтобы спасти себя отъ одиночества, то послѣдователи другихъ исповѣданій не испытываютъ этой неизбѣжности и не всѣ могутъ ощущать охоту къ такому сокращенію. Этимъ изреченіемъ малое стадо противниковъ Ватиканскаго собора произноситъ само себѣ приговоръ, ясно предвидѣнный впрочемъ при самомъ началѣ движенія: протестъ противъ папской непогрѣшимости, при желаніи оставаться папистами,—такое противорѣчіе въ основаніи не могло дать историческаго плода.

Для насъ, русскихъ, движеніе старокатоликовъ любопытно въ томъ смыслѣ, что изъ всѣхъ наибольшее къ нимъ участіе оказали повидимому представители нашей церкви. И на предстоящемъ съѣздѣ, сколько мы знаемъ, предполагается присутствіе русскаго. Если правда, что на сей разъ представлять насъ

*) С. И. 27 августа, № 214.

будетъ Θ М Сухотинъ, то остается только поздравить и Общество любителей духовнаго просвѣщенія съ такимъ выборомъ, и благодарить Θ. М. Сухотина, если онъ принялъ это избраніе.

Въ оглядчивости будущаго представителя нашего на Бонскомъ съѣздѣ не можетъ быть сомнѣнія; но не лишено и щекотливости его положеніе. Если на прежнихъ съѣздахъ, преимущественно на первомъ, предстояло обороняться отъ излишней притязательности, можно сказать, даже нѣкоторой заносчивости западныхъ богослововъ, то судя по высказанному Деллингеромъ желанію, теперь предстоитъ обратная задача: отбиваться отъ излишней широты воззрѣнія, готовой повидимому свести „на нѣтъ“ даже существенное. Въ томъ же извѣщеніи Деллингера между прочимъ говорится, что христіанства болѣе можетъ быть во многихъ, далеко уклонившихся отъ православія, чѣмъ въ иномъ католическомъ епископѣ. Мысль, конечно, нелишенная истины христіанствомъ или точнѣе сказать христіанственностью дышатъ часто взгляды и дѣянія многихъ, даже непринадлежащихъ христіанскому исповѣданію. Но для старокатоличества вопросъ не о христіанствѣ, а о церкви, о которой нельзя сказать, чтобъ ея лучшими или даже просто подлинными членами ея были стоящіе и внѣ ея ограды. Это есть существенная разница, и если предводители старокатоличества надѣются укрѣпить свое положеніе устраненіемъ этой разницы, то они должны ниспровергнуть сперва самый догматъ церкви. Въ этомъ между прочимъ и заключается главнѣйшая слабая сторона новой точки зрѣнія, открываемой каноникомъ Деллингеромъ о томъ, что достаточно единства въ необходимомъ.... Церковь принадлежитъ ли къ „необходимому“ въ христіанствѣ? Если да, то гдѣ она? А на этомъ и все разногласіе между старокатоликами и всѣми остальными. Если церковь во всѣхъ, чьи воззрѣнія и дѣянія, объективно разсматривая, христіанственны, къ какому бы исповѣданію ни принадлежали, тогда нѣтъ церкви совсѣмъ. Если же она есть, и притомъ со всѣми качествами, съ которыми знаетъ ее догматъ, то они, предводители старокатоличества съ новорожденнымъ стадомъ, должны отыскать ее

и примкнуть къ ней. Они не могутъ начать собою церкви, потому что церковь искони; они не принадлежатъ и къ той церкви, отъ которой отлучились и которою отлучены.

Немало затрудненій для нашего представителя на Боннскомъ съѣздѣ должны съ другой стороны доставить, по нашему мнѣнію, предшествовавшія сношенія старокатоликовъ съ Обществомъ любителей духовнаго просвѣщенія. Придется во многомъ возстановлять понятія, въ иномъ, вѣроятно, даже разнорѣчить съ препровожденною старокатоликамъ сравнительною вѣдомостью различій между обоими вѣроисповѣданіями. Пробѣгали мы эту вѣдомость и подивились неумѣлой рукѣ, которая повидимому ее составила и которая смѣшала догматы съ обрядами, а то указала разницу тамъ, гдѣ ея не существуетъ. Въ примѣръ послѣдняго укажемъ на упоминаніе о муропомазаніи, которое у католиковъ совершается епископами чрезъ возложеніе рукъ. Вѣдомость указываетъ на это различіе, какъ бы на дѣйствительное, и на католическій обычай, какъ бы на отступленіе, забывая, что, православная церковь не отрицаетъ возложенія рукъ, напротивъ даже признаетъ эту форму болѣе древнею, почему и замѣнивъ ее муропомазаніемъ, требуетъ во всякомъ случаѣ за непремѣнное, чтобъ муро освящено было епископомъ.

Какъ бы ни было, судя по направленію, которое принимаетъ старокатоличество, надежду на органическое сближеніе, о чемъ сначала повидимому предполагалось, надо кажется совсѣмъ оставить. Единственный плодъ, который предвидится для православія, можетъ состоять въ томъ, что самонадѣянные германскіе богословы по крайней мѣрѣ узнаютъ нѣсколько точнѣе, что такое восточная церковь, которую они привыкли игнорировать и о которой, въ силу этого самаго, отзывались всегда слишкомъ свысока. Вѣдь тотъ же Михелисъ, напримѣръ, одинъ изъ старокатолическихъ вождей, серьезно полагалъ, что въ нашей церкви право на епископскій санъ измѣряется длинною бороды (sic!). Если тотъ же Михелисъ, или же маститый Деллингеръ побесѣдуетъ побольше съ такими людьми, какъ

Θ. М Сухотинъ, то безъ сомнѣнія отложатъ не только это дикое понятіе о православномъ епископствѣ (теперь, послѣ сношеній съ представителями нашей церкви, вѣроятно ими же и отложенное), но и многіе другіе предразсудки. А это все таки шагъ, хотя и для далекаго будущаго.

Церковный съѣздъ въ Боннѣ*).

Формулу, подписанную въ Боннѣ представителями трехъ исповѣданій, относимъ не къ иностраннымъ извѣстіямъ; это есть событіе со вселенскимъ значеніемъ, по крайней мѣрѣ съ притязаніемъ на него. По этому помѣщаемъ ее здѣсь, по тексту, переданному въ Journal de St.-Petersbourg со словъ „Нѣмецкаго Меркурія", который въ свою очередь взялъ съ англійскаго подлинника. Пройдя три перевода, неудивительно, что положенія, принятыя, какъ сообщаютъ извѣстія, „единогласно или значительнымъ большинствомъ" членовъ съѣзда, потеряли не мало въ своей точности Но однако есть возможность и въ этомъ видѣ составить о нихъ надлежащее заключеніе.

Вся эта формула есть сдѣлка или компромиссъ, какъ выражаются, и сдѣлка именно между двумя исповѣданіями,— старокатолическимъ и англиканскимъ. Замѣчательно, что объ евангеликахъ, т. е. чистыхъ лютеранахъ или реформатахъ не упоминается при перечисленіи подписавшихъ согласительную, „унитскую" формулу вѣры, хотя въ числѣ членовъ съѣзда находились и лютеране. И очень понятно. Лютеране, какъ и паписты, считаютъ себя довольными тѣмъ, что есть; это исповѣданія законченныя, застывшія; они могутъ предъявлять только ультиматумъ: „или принимай все наше, какъ есть, или мы тебя не знаемъ". Не то старокатолики и англиканцы, отшатнувшіеся отъ одного берега и неприставшіе къ другому; они чувствуютъ свое ложное, двусмысленное положеніе и ищутъ опоры.

*) С И 17 сентября, № 235

Внѣшнее единство судьбы ихъ связываетъ, и они ищутъ закрѣпить его внутреннимъ согласіемъ вѣрованій; но это имъ не удается; выходитъ „соглашеніе“, а не согласіе; соглашеніе столь же двусмысленное, какъ само положеніе той и другой изъ сторонъ. Отсюда этотъ унионитскій актъ заключаетъ недомолвки и околичности, очевидно, намѣренныя; онѣ видимы и для поверхностнаго обзора. Для явности укажемъ нѣкоторыя.

Вопросъ объ „оправданіи“, мучившій цѣлыя два столѣтія католиковъ и протестантовъ и служившій главнѣйшею изъ причинъ раздѣленія, поставленъ здѣсь: „вѣра“ или „вѣра и добрыя дѣла“? Новѣйшая унія боннскихъ богослововъ отвѣчаетъ уклончиво, избѣгая употребить слово „дѣла“, ограничиваясь „любовію“: пріемъ нѣсколько дипломатическій или пожалуй и іезуитскій, съ правомъ каждой сторонѣ мысленно подразумѣвать свое На откровенную постановку, а тѣмъ болѣе на внутреннее разрѣшеніе вопроса не хватило рѣшимости; а между тѣмъ возвыситься надъ этимъ споромъ о „вѣрѣ“ и „дѣлахъ“ и осудить его самъ въ себѣ, было легко при искреннемъ желаніи дойти до истины; но послѣдняго не было, а было желаніе внѣшняго единенія.

„Писаніе или вмѣстѣ преданіе?“ Опять вопросъ, волновавшій двѣ половины западнаго христіанства. Какъ же онъ рѣшается? Повидимому—за преданіе. Но тотчасъ же слѣдуетъ оговорка, уничтожающая первое положеніе: преданіе принадлежитъ или живому непрерывному преемству церкви (что одно и вѣрно), или оно добывается научнымъ путемъ, чрезъ изученіе документовъ. Очевидно, старокатолики послѣднею прибавкою сдѣлали уступку полупротестантамъ. Можетъ ли что-нибудь быть двусмысленнѣе, даже прямо скажемъ, кощунственнѣе такого противорѣчія? Преданіе, отысканное по документамъ, или тожественно съ преемственно продолжающимся вѣрованіемъ церкви, или несогласно. Если оно тожественно, то эти документы не составляютъ новаго, самостоятельнаго источника преданій, и даже вовсе не суть источникъ, а тоже преданіе той же, преемственно продолжающейся церкви, ею же записанное. Если же

вѣрованіе, отысканное по документамъ, есть вѣрованіе иное, нежели въ церкви, преемственно продолжающейся, то, значитъ, оно не преданіе, да и преданія вовсе нѣтъ, (преданіе затерянное—не преданіе) и нѣтъ церкви, или церковь затеряна. Къ такимъ-то двусмысленностямъ, противорѣчіямъ, противудогматическимъ выводамъ приходятъ богословы, да еще считающіеся недюжинными.

Ну, а главенство папы? Объ этомъ нѣтъ? Нѣтъ, и опять понятно—почему. Старокатолики все-таки объявили себя папистами: нельзя же сразу отречься отъ догмата, которому они вѣруютъ; поэтому лучше совсѣмъ обойти этотъ пунктъ. Англиканцы же, если это ритуалисты или по нашему—старообрядцы, вѣроятно, тоже на это не въ претензіи,—потому что они въ душѣ тоже не прочь отъ папы, лишь бы папа былъ въ другомъ видѣ, „болѣе благообразномъ“.

Мы не слѣдимъ за остальнымъ. Этотъ уніонитскій актъ есть жалкое произведеніе полувѣрующаго лицемѣрія, какъ и всякая унія. Передаемъ его текстъ; онъ состоитъ изъ 14 тезисовъ.

1. Апокрифическія книги Ветхаго Завѣта не имѣютъ каноническаго достоинства, равнаго книгамъ, заключающимся въ еврейскомъ канонѣ.

2. Никакой переводъ св. писанія не можемъ имѣть притязанія на высшій авторитетъ сравнительно съ подлиннымъ текстомъ.

3. Чтеніе священнаго писанія на родномъ языкѣ не можетъ быть запрещаемо.

4. Вообще, прилично и согласно съ духомъ церкви совершать божественную службу на языкѣ, вразумительномъ для вѣрныхъ.

5. Вѣра, содѣйствуемая любовію, а не вѣра безъ любви, есть средство и условіе оправданія человѣка предъ Богомъ.

6. Спасеніе не можетъ быть пріобрѣтаемо чрезъ meritum a condigno, ибо нѣтъ точной соразмѣрности между безконечною цѣною спасенія обѣтованнаго Богомъ и конечною цѣною дѣлъ человѣческихъ.

7. Ученіе объ Opera supererogationes и о Thesaurus meritorum sanctorum, то есть ученіе, что преизбыточествующія заслуги святыхъ могутъ быть передаваемы другимъ, главами ли церкви или же самими виновниками добрыхъ дѣлъ,—несостоятельно.

8. а) Только въ XII вѣкѣ опредѣлено седмеричное число таинствъ—и притомъ не въ видѣ преданія отъ апостоловъ или отъ древнѣйшихъ временъ, но единственно какъ выводъ богословскаго умозрѣнія, что это число усвоено вселенскимъ ученіемъ церкви. б) Католическіе богословы (въ числѣ другихъ Беллярминъ) исповѣдуютъ, и мы вмѣстѣ съ ними, что крещеніе и евхаристія суть principalia, praecipua, eximia salutis nostrae sacramenta.

9. Признавая св. писаніе правиломъ начальной вѣры, мы согласно признаемъ, что подлинное преданіе, то есть преданіе непрерывное (будетъ ли то устное или письменное) ученія, оставленнаго Христомъ и апостолами, есть источникъ ученія, имѣющаго авторитетъ для всѣхъ послѣдующихъ родовъ христіанъ. Это преданіе или узнается изъ согласія великихъ церковныхъ тѣлъ, пребывающихъ въ историческомъ преемствѣ съ первобытною церковію, или же устанавливается научнымъ путемъ на основаніи документовъ всѣхъ вѣковъ.

10. Отметаемъ новое римское ученіе о непорочномъ зачатіи Присноблаженной Дѣвы, какъ противорѣчащее преданію первыхъ тринадцати вѣковъ, согласно коему одинъ Христосъ зачатъ безъ грѣха.

11. Обычай исповѣданія грѣховъ предъ собраніемъ вѣрныхъ или предъ священникомъ дошелъ до насъ отъ первенствующей церкви, и очищенный отъ своихъ злоупотребленій и освобожденный отъ обязательнаго характера,—долженъ быть удержанъ въ церкви.

12. Индульгенціи могутъ относиться къ дѣламъ покаянія, дѣйствительно налагаемымъ самою церковію.

13. Обычай воспоминать умершихъ вѣрныхъ, то есть призывать на нихъ избыточествующую благодать Христову, дошелъ къ намъ отъ первенствующей церкви и долженъ быть удержанъ.

14. Совершеніе евхаристіи въ церкви не есть повтореніе или постоянное возобновленіе очистительной жертвы Христовой, принесенной на крестѣ единожды навсегда; но ея характеръ жертвы состоитъ въ томъ, что она есть постоянное воспоминаніе этой очистительной жертвы и представленіе на землѣ этого единственнаго жертвоприношенія Христа въ искупленіе человѣчества,—искупленія, совершаемаго Христомъ (по словамъ послан. къ Евр. IX, 11. 12) постоянно на небѣ. При такомъ значеніи евхаристіи по отношенію къ жертвѣ Христовой, она въ тоже время есть вечеря священнаго приношенія, въ которой вѣрные, принимающіе тѣло и кровь Господа, пребываютъ (согласно I Коринѳ. 10, 17) въ общеніи между собою.

Остается сказать о формулѣ, столь же двуличневой, которою съѣздъ сдѣлалъ уступку православію, ища, нельзя ли тутъ устроить компромиссъ. Эта формула гласитъ такъ:

Мы согласно признаемъ, что способъ, которымъ внесены слова filioque въ Никейскій символъ, былъ незаконенъ, и что въ надеждѣ на близкій миръ и единство, очень желательно, дабы вся церковь внимательно разсмотрѣла вопросъ, можетъ ли исповѣданіе вѣры быть возстановлено въ своей первоначальной формѣ безъ пожертвованія какимъ-либо ученіемъ, выражаемымъ формою исповѣданія, нынѣ принятаго въ западной церкви.

Итакъ, прибавка была только *незаконна*, то есть, они хотятъ сказать, что несоблюдено формальности; но ученіе истинно, и притомъ такъ истинно, что, не смотря даже на незаконность прибавки, нельзя отъ нея отступиться.... Это даже и не компромиссъ: это нѣчто такое, о чемъ стоитъ сказать подробнѣе въ слѣдующій разъ

Церковный съѣздъ въ Боннѣ*).

„Мы согласны, что прибавка къ символу вѣры сдѣлана была незаконно, слѣдуетъ внимательно обсудить, можно ли ее откинуть, не трогая какого-нибудь ученія западной церкви“. Слѣдовательно не можно, потому что прибавка къ символу несомнѣнно выражаетъ ученіе западной церкви, а не есть риторическое украшеніе. Слѣдовательно въ такомъ видѣ формулированное соглашеніе равнозначительно прямому отрицанію. Но кромѣ отрицанія здѣсь заключается и еще нѣчто.

„Можно ли откинуть прибавку, не трогая ученія западной церкви?“ Этимъ вопросомъ утверждается вмѣстѣ, что ученіе западной церкви есть истина непоколебимая, *святая*. О томъ, чтобъ это само ученіе могло заключать ложь, объ этомъ не допускается и сомнѣнія; въ видѣ учтивости предъ восточными допускается лишь поставить праздный вопросъ, на который отвѣтъ заранѣе рѣшенъ.

*) С И 18 сентября, № 236.

„Можно ли откинуть незаконную прибавку, не трогая самаго ученія, выражаемаго ею, которое есть истина?“ Такимъ вопросомъ утверждается, что въ церковномъ ученіи и притомъ ученіи символическомъ, то есть вселенски церковномъ, можетъ быть допущена съ христіанской точки зрѣнія разница между законнымъ и истиннымъ. Вѣрованіе измѣняется путемъ незаконнымъ, а измѣненіе тѣмъ не менѣе далеко отъ заблужденія,—вотъ какъ разсуждаютъ боннскіе богословы!—Но символъ есть вѣрованіе всей церкви, или точнѣе—просто церкви; какъ вѣрованіе церкви, а не личное или частное мнѣніе, оно имѣетъ своею отличительностью единодушіе. Внесеніе новаго члена въ символъ или новой части члена, совершенное безъ единодушія, перестаетъ слѣдовательно быть церковнымъ, оно становится прямо противуцерковнымъ, когда совершается не только безъ вѣдома церкви, но и безъ ея согласія. Вотъ въ чемъ состоитъ та незаконность, которую соглашаются признать члены боннскаго съѣзда. Они хотятъ стало быть сказать, что можетъ быть ученіе истиннымъ церковнымъ, хотя и внѣ церкви; что истина церковная можетъ быть достояніемъ частнаго лица или частной области даже вопреки всеобщему вѣрованію церкви, и притомъ оставаться не только истинною, но истиною церкви. Помимо логическаго противорѣчія здѣсь таится отрицаніе самой церкви. Западный богословъ прилагаетъ къ церкви гражданскія юридическія понятія, гдѣ законъ выражаетъ только условную правду, и гдѣ можно выходить изъ закона, не только не выходя изъ правды, но превосходя ею условный законъ; онъ полагаетъ, что и для церковнаго ученія можетъ быть найдено мѣрило высшее, чѣмъ голосъ самой церкви. Разница однако выходитъ та очень существенная, что надъ юридическимъ закономъ дѣйствительно есть высшій, безусловный законъ,—нравственный; а надъ ученіемъ церкви, то есть вселенскимъ собраніемъ вѣрующихъ, можно въ видѣ высшаго начала поставить только частное или даже единичное мнѣніе, слѣдовательно, и отринуть церковь. Въ чистомъ папизмѣ такъ и слѣдовало: единоличный голосъ папы выше церкви и безусловнѣе непогрѣшимъ, чѣмъ сама она;

она есть только приложеніе къ папѣ, органъ его. Но зачѣмъ же боннскіе богословы и называютъ себя противниками папской непогрѣшимости, когда различеніемъ законно-церковнаго отъ истинно-церковнаго именно утверждаютъ этотъ ненавистный имъ догматъ?

Мы боимся,—достаточно ли осторожны были православные члены, когда подписывали эту и другія формулы. Мы не знаемъ даже, какія изъ нихъ они подписывали, хотя имѣемъ основаніе предполагать, что не всѣ; извѣстія сообщаютъ, что тезисы приняты только нѣкоторые единодушіемъ, а другіе большинствомъ. Православнымъ слѣдовало понять, что они на этомъ съѣздѣ почти лишніе, какъ почувствовали себя лишними чистые паписты и чистые лютеране. Православный можетъ вступать съ иновѣрцемъ въ миролюбивыя обсужденія способа къ соединенію церквей, но—предварительно условившись въ основаніяхъ. Вмѣсто того, чтобы условливаться объ основаніяхъ,—идутъ между тѣмъ толки о частныхъ пунктахъ, которые не только ни къ чему не ведутъ, но могутъ вести къ ложному истолкованію церковнаго ученія, когда ставятся отдѣльно внѣ связи съ началомъ, изъ котораго истекаютъ. Иначе можно толковать о „соединеніи“ и съ магометаниномъ и съ евреемъ, потому что всегда найдутся пункты, на которыхъ можно сойтись и при этой разницѣ въ вѣрованіяхъ. Приступая къ разсужденіямъ о соединеніи вѣроисповѣданій, православный долженъ удостовѣриться въ понятіяхъ своихъ собесѣдниковъ о церкви, потому что для него вѣроисповѣданіе есть церковь. Что такое церковь? Признаютъ ли они ее, эти желающіе соединенія вѣроисповѣданій, этимъ глухимъ словомъ закрывающіе отсутствіе того, чего единственно имъ нужно? Рѣшеніемъ вопроса о церкви и ея догматическихъ качествахъ рѣшится все· и искренность желанія соединиться и всѣ тѣ частные поводы, которые отрывочно теперь ставятся, съ умолчаніемъ главнаго.

Дѣло игуменьи Митрофаніи*).

Пора, наконецъ, сказать слово о знаменитомъ процессѣ, кончившемся вчера. „Современныя Извѣстія“ до нѣкоторой степени обязаны къ болѣе подробному объясненію. Редакторъ „Современныхъ Извѣстій“ былъ не чуждъ мысли завѣщанія, которое оставлено было въ шестидесятыхъ годахъ покойнымъ купцомъ Полшковымъ, и по которому довольно значительная сумма назначалась на устройство церковно-приходскаго училища при Николо-Пупышинской церкви. Игуменья Митрофанія, вѣчно нуждавшаяся въ деньгахъ, какъ настоящее дѣло показало, прознала о свободномъ капиталѣ, еще не успѣвшемъ получить законное употребленіе, и ищетъ его занять на свои нужды, то-есть на нужды Общины. Она занимала всюду въ духовномъ вѣдомствѣ, и опять настоящее же дѣло показало, что она остается доселѣ на десятки тысячъ должна разнымъ церквамъ и монастырямъ. Игуменья тогда была въ силѣ, еще болѣе ею выказываемой, чѣмъ дѣйствительной: пользовалась довѣріемъ ближайшаго начальства. Къ несчастію, она получила разрѣшеніе на неслыханный заемъ капитала, завѣщаннаго на опредѣленное употребленіе, котораго по закону никакая власть измѣнять не въ силахъ. Священникъ и староста, рѣшившіеся возражать противъ этого неслыханнаго отъема, подверглись непріятности (къ счастію недолговременной). Это былъ первый случай, когда публика познакомилась съ игуменьей Митрофаніей въ извѣстномъ смыслѣ, и именно чрезъ „Современныя Извѣстія“. Фактъ этотъ былъ оглашенъ, высказано сожалѣніе. Игуменья и г. Ермоловъ, который служилъ ей въ этомъ дѣлѣ орудіемъ, вступили въ полемику. Полемика была невозможна. Нельзя было ожидать отъ печати, чтобы она взялась давать слово оправданія дѣлу, кругомъ, прямо и явно незаконному. Полемика пріютилась въ отдѣлѣ газетныхъ объявленій, и на первыхъ страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“ повтори-

*) С. И. 20 октября, № 268.

лись неоднократныя возраженія въ полемическомъ тонѣ отъ г. Ермолова, т. е отъ игумены Митрофаніи,—возраженія не совсѣмъ обыкновенныя, потому что они выступали на мѣстѣ и подъ видомъ коммерческихъ объявленій Игуменьѣ надо отдать справедливость она цѣнила печатное слово и къ отзывамъ журналовъ не питала презрѣнія; даже сама прибѣгала къ этому средству дѣйствовать на общественное мнѣніе.

Что затѣмъ сталось съ этимъ дѣломъ, неизвѣстно, возвращенъ ли капиталъ, не знаемъ? Настоящій процессъ приподнялъ кончикъ завѣсы, упоминалось на судебномъ слѣдствіи о какомъ-то Ермоловѣ; свидѣтель попрекнулъ, что „Ермоловъ раззоренъ тоже по вашей милости"; игуменья поспѣшила замять рѣчь, что „это къ дѣлу не относится". Не тотъ ли это самый г. Ермоловъ?

Медынцевское дѣло опять нашло себѣ органъ въ „Современныхъ Извѣстіяхъ" Пущенъ былъ въ ходъ, чрезъ печать, извѣтъ на В А. Медынцева; г-жа Медынцева представлена жертвою, которую терзаетъ какой-то звѣрь и на помощь которой прилетаетъ благодѣтельный геній,—подразумѣвалась игуменья Митрофанія Въ „Современныхъ Извѣстіяхъ" явилась перепечатка этого извѣта, впрочемъ съ сомнѣніемъ въ его достовѣрности Тогда г. Бениславскій, бывшій опекуномъ Медынцевой, и самъ В. А Медынцевъ прислали „Современнымъ Извѣстіямъ" подробныя объясненія о ходѣ дѣла. Это было въ тотъ моментъ, когда поднялись со стороны матери игуменьи хлопоты о снятіи опеки Для подкрѣпленія этихъ хлопотъ и выпущена была печать II г. Медынцеву и г Бениславскому оставалось обороняться, отбивать обвиненіе въ тиранствѣ, которому якобы подвергали невинную жертву

Мы напоминаемъ объ этихъ случаяхъ для поясненія, что случаю угодно было довольно рано поставить насъ на сторожѣ за игуменьею Митрофаніею.

Замѣчательно, что въ упомянутой полемикѣ по Медынцевскому дѣлу, для которой вся почва имѣлась исключительно въ планахъ и прямыхъ дѣйствіяхъ именно игуменьи Митрофаніи,—

она, игуменья, еще не была названа печатно по имени. Г. Бениславскій сказалъ о ней осторожно, мимоходомъ, почти намекомъ. Обаяніе силы сохранялось еще, и довѣріе, которымъ игуменья пользовалась тогда въ высшихъ сферахъ, было повидимому еще не поколеблено. Надо отдать честь, скажемъ мимоходомъ, г. московскому генералъ-губернатору, что онъ уже тогда прямо повелъ дѣло, выставилъ дѣйствія игуменьи предъ высшимъ правительствомъ въ настоящемъ свѣтѣ, вслѣдствіе чего и послѣдовало, какъ оказывается теперь изъ дѣла, отношеніе сената въ св. синодъ съ указаніемъ на поступки игуменьи, требовавшіе серьезнаго обсужденія. Св. синодъ однако замедлилъ дать движеніе этому указанію; по крайней мѣрѣ съ 1871 и по прошлый годъ игуменья оставлена была въ совершенномъ покоѣ, какъ бы противъ нея не имѣлось никакихъ оффиціальныхъ нареканій; она стояла какъ бы выше всякихъ нападеній, хотя бы даже правительствующаго сената.

Солодовниковское дѣло назвало въ печати игуменью прямо по имени, или точнѣе—она сама себя назвала. „Биржевыя Вѣдомости“ печатаютъ слухъ о подозрительныхъ векселяхъ Солодовникова, ходящихъ со страннымъ добавленіемъ удостовѣренія отъ игуменьи. „Современныя Извѣстія“ съ ихъ словъ повторяютъ этотъ слухъ, и опять къ намъ явилось возраженіе, на этотъ разъ отъ самой игуменьи, на бланкѣ; и притомъ съ непремѣннымъ требованіемъ напечатать Требованіе было исполнено. Однако эта оффиціальная бумага послужила только уликой противъ самой же составительницы: гражданскимъ истцомъ на судѣ указано было, что въ этой бумагѣ игуменья собственнымъ признаніемъ удостовѣряла, что у нея не было документовъ на громадную сумму 400 слишкомъ тысячъ, она ограничивала сумму векселей Солодовникова 200 тысячами. „Современныя Извѣстія“, въ свое время, не касаясь факта подлинности или подложности векселей, выставили на видъ, основываясь на самомъ письмѣ матери игуменьи, что векселя оказываются безденежными, слѣдовательно не подлежащими платежу; что если разсматривать ихъ, какъ обѣщаніе пожертвовать, то можно ли

„обѣщанію“ и притомъ „пожертвовать“ придавать силу „обязательства“ „юридическаго“? Указано было притомъ на неподобающій духовному учрежденію и лицу характеръ истязанія, которое принимаетъ на себя кредиторъ,—если и признать игуменью съ Общиною кредиторами,—кредиторъ, повторяющій собою осуждаемаго евангельскою притчею безжалостнаго заимодавца.

Дальнѣйшее въ такой свѣжей памяти у публики, что напоминать было бы излишне. Между прочимъ, по поводу гражданскаго иска, возбужденнаго игуменьею противъ Солодовниковыхъ, была напечатана у насъ статья г. Плевако, въ которой онъ излагалъ психическую невѣроятность обязательствъ, выданныхъ при такой обстановкѣ, какую указываетъ ихъ форма и время ихъ мнимаго составленія

Игуменья Митрофанія не оставалась въ долгу. Печать и ей послужила Двѣ брошюры, послѣдовательно выпущенныя, одна съ бранью на журналы и даже съ намеками на корыстныя цѣли, чуть не на подкупъ, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовали будто бы между прочимъ и „Современныя Извѣстія“, и другая съ восторженными похвалами учредительницѣ Общины,—продавались на улицахъ и даже раздавались даромъ. Нашлись и два періодическихъ органа, которые прямо взялись ратовать за игуменью Митрофанію, сначала по Медынцевскому, а потомъ и по Солодовниковскому дѣлу; для современниковъ и потомства необходимо знать ихъ имена. Это покойная „Дѣятельность“ (прежній органъ), а въ послѣдніе дни—„Русскій Міръ“.

Печатная защита, а особенно въ добавленіи къ обширнымъ связямъ, которыми обладала Митрофанія, не преминула оказать съ своей стороны долю вліянія на мнѣніе. Раздавались голоса. это невинно страждущая, это мученица; это великая благотворительница, несправедливо оклеветанная. Мы никакъ не увѣрены, чтобъ даже и въ настоящее время во всѣхъ друзьяхъ игуменьи поколеблена была эта увѣренность,—даже послѣ приговора. Въ теченіе самаго процесса, когда не только обвинительный актъ, но и судебное слѣдствіе вывело наружу

всю сѣть лжей и обмановъ, которыми прикрывалось дѣло; въ то самое время, когда и защитникъ подсудимой, какъ онъ сознался благородно въ своей рѣчи, поколебался въ убѣжденіи о ея невинности и многіе доводы противной стороны нашелъ непоколебимыми,—въ это самое время, повторимъ мы, среди толпы раздавались голоса, вторившіе игуменьѣ, что все это подкуплено Какую однако массу капиталовъ надобно имѣть, чтобъ подкупить всю печать, экспертовъ, свидѣтелей, судъ, самихъ защитниковъ наконецъ? Сложите капиталы Солодовникова, Медынцева, Лебедева, да удвойте ихъ, и того было бы недостаточно, не говоря уже о томъ, что многіе изъ подозрѣваемыхъ въ пристрастіи стоятъ на нравственной почвѣ столь высокой, что подозрѣніе о матеріальной корысти не должно бы смѣть подниматься противъ нихъ ни на минуту.

Что такое однако игуменія Митрофанія? Это человѣкъ замысла: вотъ ея достоинство и въ этомъ ея несчастіе. Въ женскомъ тѣлѣ мужская энергія, съ пылкимъ, смѣлымъ воображеніемъ, обгоняющимъ практическіе разсчеты ума; при недостаткѣ средствъ обширные планы, для осуществленія которыхъ требовались бы сундуки развѣ государственнаго казначейства, современныя общественныя идеи подъ монашеской рясой, даже къ сожалѣнію черезъ-чуръ современныя. Прибавьте къ этому высокое положеніе по рожденію, возвышеніе въ служебной іерархіи и легкость вліянія на административныя сферы въ слѣдствіе доступа къ высшимъ особамъ: вотъ вкратцѣ всѣ черты, изъ которыхъ составился характеръ послѣдовательнаго преступленія, которыя обусловили его возможность. Къ сожалѣнію, не было руки, которая бы остановила ее во время; не было ума и воли изъ тѣхъ, которые имѣли право на вліяніе, которые бы разъяснили ей скользкость пути, которые возбранили бы дальнѣйшіе шаги при первомъ поползновеніи на дорогу, не сродную монашескому призванію, монашескому смиренію и самоотреченію. „Современныя Извѣстія“ въ отвѣтѣ на письмо игуменьи въ 1872 году давали ей совѣтъ обратиться къ духовнику; это было не глумленіе, не шутка; это былъ

искренній, добрый совѣтъ, и если осужденная воспоминаетъ о митрополитѣ Филаретѣ, какъ о своемъ духовномъ, незабвенномъ отцѣ и учителѣ, то она должна вѣчно и вѣчно поминать его, вѣчно и вѣчно жалѣть о его кончинѣ: не дошла бы дочь барона Розена, игуменья монастыря, устроительница Общины (учрежденія, какъ бы то тамъ ни было, замѣчательнаго и полезнаго) не только до Сибири, но и до скамьи подсудимыхъ.

Община—учрежденіе замѣчательное и полезное; но и всѣ замыслы игуменьи Митрофаніи почтенны, и если она съ неуважительнымъ порицаніемъ относилась къ обыкновенной жизни монастырей и дѣятельности монашеской, что ей поставилъ между прочимъ въ упрекъ г. прокуроръ,—можно извинить ей это, ея отзывъ былъ вѣрный, и она тѣмъ болѣе имѣла право на него, что сама не покоилась въ бездѣятельности. Но судите съ тѣмъ вмѣстѣ, какое несоотвѣтствіе средствъ съ планами, затѣй съ положеніемъ! Однимъ изъ первыхъ ея предпріятій по вступленіи въ управленіе монастыремъ было устройство завода „гидравлической извести“. Подвернулся, говорятъ, къ ней какой-то французъ, наобѣщалъ милліоновъ; кусокъ известняка, найденнаго на земляхъ монастыря, представлялъ всѣ задатки гидравлизма. Предпріятіе устроилось, разумѣется на чужія деньги, и разумѣется лопнуло, какъ улетучился самъ французъ. Былъ достовѣрный слухъ, что игуменья Владычняго монастыря являлась и соискательницею на желѣзнодорожную концессію (предполагалась къ монастырю вѣтвь южной дороги!) Порывы открыть новаго святого угодника и воспользоваться для этого тѣмъ же монастыремъ,—это было изъ всѣхъ плановъ еще болѣе подходящимъ сану игуменьи. Коммиссія, посланная для освидѣтельствованія, не нашла возможнымъ удовлетворить этому желанію обогатить церковныя книги новою службою, а кстати и монастырь новыми вкладами Но положено было на этотъ планъ хлопотъ много; было напечатано житіе Варлаама; были и молебствія; стекались и поклонники; дѣло, однако, послѣ неблагопріятнаго отзыва коммиссіи, такъ и заглохло, направивъ энергію игуменьи на другія общественныя дѣла

Говорятъ: такъ не на себя же она тратила, она добро дѣлала. Этотъ аргументъ, въ смыслѣ возраженія противъ обвиненія, достаточно былъ разобранъ прокуроромъ и частными обвинителями. Принципъ: дѣлать добро однимъ посредствомъ обиды для другихъ—ужасный принципъ. Да и что значитъ „не для себя“? „Для себя“ значитъ ли только проѣсть и пропить? Поставить изъ совершаемаго добра пьедесталъ для власти своей и славы—будетъ тоже „для себя“, и въ этомъ смыслѣ приговоръ присяжныхъ справедливо призналъ въ дѣяніяхъ игуменьи корыстную цѣль. Развѣ и прямые похитители чужой собственности употребляютъ похищенное исключительно „для себя“, въ тѣсномъ смыслѣ? Похищенія не зарываются же въ землю; имъ дается употребленіе; а какое бы употребленіе ни сдѣлалъ похититель, отъ его издержекъ многіе „кормятся“, и въ этомъ смыслѣ онъ оказываетъ также добро. Жалѣть въ настоящемъ случаѣ о приговорѣ, находить его не въ мѣру суровымъ, тѣмъ менѣе справедливо, что если разобрать, въ сущности,—то чего же игуменья лишается? Чего такого, чему бы, по идеѣ монашескаго сана, и безъ того не должна бы она подлежать, чего бы не должна желать, на что прямо обреклась своимъ обѣтомъ? Жить въ отдаленіи: но монахъ не бѣжитъ ли самъ въ пустыни? Ей тягостно было заключеніе. Но монахи сами не заключаютъ ли себя въ келліи, въ уединеніе, не налагаютъ ли на себя даже обѣты молчанія? Предстоитъ въ будущемъ можетъ быть ей скудная пища, недостаточное содержаніе; хотя это и сомнительно, но опять—что это для монаха? Никакая юридическая кара для инока въ истинномъ смыслѣ не превзойдетъ суровостью подвиговъ, къ которымъ онъ обязанъ призваніемъ самого званія. Кто возражаетъ въ этомъ смыслѣ, тотъ выражаетъ только, что игуменья Митрофанія не монахиня, что она имѣетъ право на почетъ, власть и сладкое житіе; но этимъ онъ же ее осуждаетъ.

Нѣтъ, драгоцѣнна правда этого приговора, тѣмъ именно и драгоцѣнна между прочимъ, что онъ прилагается къ лицу и безъ того изъятому изъ юридическихъ правъ, заранѣе и добро-

вольно отъ нихъ отрекшемуся, къ лицу однимъ словомъ, которое, если оно достойно своего призванія и если нелицемѣрно приняло свой санъ, на дѣлѣ нисколько не потерпитъ никакихъ лишеній, а если стать еще выше на идеѣ монашескаго подвига, ощутитъ еще радость и успокоеніе, что вотъ дается ему Промысломъ прямо и самый видъ подвига. Приговоръ такимъ образомъ остается съ одною своею нравственною силою, получаетъ смыслъ нравственнаго осужденія, изрекаемаго обществомъ на извѣстныя дѣянія, и нравственнаго урока для другихъ и для будущаго времени. А въ этомъ урокѣ мы нуждаемся: г. прокуроръ справедливо замѣтилъ, что настоящій процессъ есть характеристическое обличеніе общественныхъ язвъ нашего времени; въ этомъ смыслѣ его пристойно назвать „общественнымъ скорбнымъ листомъ“.

Посмотримъ въ самомъ дѣлѣ на дѣло Медынцевой хотя. Несчастную г-жу Медынцеву облѣпили словно мухи сладкое блюдо, всѣ вьются около, всѣ теребятъ, всѣ порываются оторвать кусочекъ, каждый по своему и съ своими цѣлями Характеристиченъ между прочимъ здѣсь и г. Ловягинъ, хотя и отрекающійся отъ корыстныхъ цѣлей, но о которомъ свидѣтели и сама Медынцева достаточно поясняютъ, какъ онъ дѣйствовалъ Эти „фунты стерлинговъ“, которыми онъ пугаетъ Медынцева, прибѣгая къ таинственному слову „стерлингъ“, и потомъ разные изворотливые, которыми онъ добивается обязательства, достойны художественнаго пера. Благороднѣе дѣйствуетъ князь Урусовъ; онъ проситъ по крайней мѣрѣ „на университетъ“, но все таки вымогаетъ, какъ вымогаетъ другая на Общину Нѣтъ, это просится въ романъ. Мы бы назвали его *Опека*. А дѣло Солодовникова? Эти 250 тысячъ, сорванныя невѣдомо за что, понятно съ полнымъ сознаніемъ обмана, въ полной увѣренности о невозможности обѣщаемаго! Какіе однако темные ходы къ администраціи открываются намъ въ своемъ существованіи! Но это только уголокъ, за которымъ можно подозрѣвать многое. Не лишена значенія и торговля отличіями, съ соблюденіемъ притомъ полной формы законности

юридическихъ обязательствъ съ той и другой стороны. Но одна ли Митрофанія упражнялась въ этомъ? Она есть дочь времени, какъ и всѣ, съ кѣмъ она прикасалась. Не ходило ли слуховъ въ родѣ того же, когда была политехническая выставка и эксплоатировалась не идея Общины сестеръ милосердія, а память преобразователя Россіи? Не слышно ли было подобнаго же и по поводу многихъ другихъ громкихъ благотвореній? Мы сказали бы даже *всѣхъ* громкихъ: шумъ, поднимаемый благотвореніемъ, самъ по себѣ уже подозрителенъ, и настоящій процессъ даетъ указку, съ которою надо читать о большинствѣ благотворительныхъ подвиговъ.

Но кончимъ. Игуменья Митрофанія, по прекрасному выраженію нашего народа, есть теперь *несчастная*. Проводимъ ее съ чувствами благожеланій, чтобъ она употребила остальное время свое на пользу, и на пользу притомъ, въ которой бы средства болѣе соотвѣтствовали намѣреніямъ. Не можемъ въ заключеніе не упомянуть лишь о двухъ фактахъ, одномъ прискорбномъ, другомъ утѣшительномъ.

Прискорбно, истинно прискорбно поведеніе ближайшихъ духовныхъ властей. Или онѣ введены были въ обманъ: это не дѣлаетъ чести ихъ прозорливости. Само собою разумѣется, мы далеки отъ того, чтобъ предположить нравственное соучастіе. Скорѣе повидимому объяснить можно желаніемъ выручить „своего“, печалью видѣть опозореннымъ достоинство духовнаго сана. Но можно было понять, что упорное отрицаніе факта, вопреки всѣмъ очевиднымъ уликамъ, что потворство, вопреки строгимъ мѣрамъ правосудія, уже предпринятымъ, способны еще болѣе уронить уваженіе къ духовному сану, распространить пятно съ игуменьи и далѣе на всѣхъ, кто, не стѣсняясь, выступаетъ ея косвеннымъ пособникомъ. Достойны замѣчанія: мнѣніе консисторіи и публичныя моленія объ игуменьѣ, которыя будто бы возносились въ церквахъ въ теченіи процесса. Мы отказываемся вѣрить газетнымъ слухамъ, будто моленіямъ этимъ приданъ видъ моленія „за невинно-страждущую“: это была бы демонстрація, и незаконная и непристойная; къ чести нашего духовенства, оно на это не способно.

Мнѣніе же консисторіи, не смотря на всю свою подъяческую крючкотворность, именно этою-то крючкотворностью производитъ и пріятное впечатлѣніе. Вотъ вамъ наглядно та разница, какая существуетъ между судомъ гласнымъ, по совѣсти, и судомъ канцелярскимъ, закрытымъ, основаннымъ на формальныхъ доказательствахъ. Это первый случай, гдѣ стеклись, по одному и тому же дѣлу, лицомъ къ лицу старый судъ и новый судъ; и нельзя не признать этого стеченія благопріятнымъ. мнѣніе консисторіи есть тріумфъ для новыхъ учрежденій. Оно показываетъ, чѣмъ дѣло бы кончилось при старыхъ порядкахъ: замяли бы, затерли, всякими ябедническими изворотами затемнили бы истину, выгородили бы виновныхъ, а потерпѣвшіе рады были бы, если бы даже убрались цѣлы, не подвергшись сами уголовному обвиненію. Консисторія именно и вывела такое обвиненіе, посовѣтовавъ преслѣдовать не Митрофанію, а Лебедева съ Солодовниковымъ; въ прежнія времена совѣтъ ея могъ бы не остаться безъ дѣйствія. Но надобно и то прибавить, что въ прежнія времена не рѣшились бы потерпѣвшіе и поднимать этого процесса, изъ боязни за собственную безопасность.

Нельзя не упомянуть, что своя доля вѣнка въ этой побѣдѣ правды достоитъ и нашей печати. Какъ ни стѣснены ея предѣлы, она сослужила на этотъ разъ свою службу достойно своего призванія Ея пособіе оказалось не безъ пользы для правды; съ этимъ согласятся сами органы юстиціи. И притомъ, какъ и слѣдуетъ въ правильно развивающейся жизни общественнаго мнѣнія, пособіе обрѣтено правосудіемъ отъ обѣихъ сторонъ: какъ отъ тѣхъ, кто выражалъ сомнѣніе о чистотѣ игуменьи Митрофании, такъ и отъ тѣхъ, которые служили органами ея и ея друзей.

Если бы настоящій процессъ, помимо своего содержанія, представилъ въ себѣ только свидѣтельство о несомнѣнномъ превосходствѣ гласнаго суда по совѣсти и о несомнѣнной пользѣ для правосудія въ свободѣ печатнаго общественнаго мнѣнія,—этихъ двухъ обстоятельствъ достаточно уже, чтобъ дать ему знаменитость.

1875 ГОДЪ.

О дѣтоубійствахъ, совершаемыхъ евреями*).

По поводу коротенькаго извѣстія въ № 152 о ребенкѣ, зарѣзанномъ еврейкою, мы получили три письма, одно—отъ достопочтеннаго еврея, замѣтки котораго не разъ у насъ были помѣщаемы, и два—отъ русскихъ, и притомъ широко образованныхъ лицъ.

Странна однако эта упорная, единогласная вѣра всѣхъ народовъ о дѣтоубійственномъ будто бы обычаѣ евреевъ! Гораздо труднѣе объяснить, что всѣ народы сговорились, или что они переняли это повѣрье одинъ отъ другого, раздѣленные материками и морями и тысячелѣтіями, и даже религіями (у магометанъ распространено тоже повѣрье объ евреяхъ)—нежели допустить, что дѣйствительно какое-нибудь основаніе къ повѣрью существуетъ: дыма безъ огня не бываетъ. Г. А. Д. упоминаетъ о двухъ случаяхъ въ Литвѣ, бывшихъ лѣтъ 20 назадъ. Но кто изъ образованныхъ не знаетъ, не слыхалъ о знаменитомъ велижскомъ дѣлѣ, бывшемъ лѣтъ сорокъ назадъ? Мы и читали о немъ, и между прочимъ слышали отъ покойнаго В. И. Даля, человѣка въ высшей степени безпристрастнаго и уже далеко не суевѣрнаго: онъ былъ убѣжденъ, что въ этомъ приснопамятномъ дѣлѣ упомянутое звѣрское дѣтоубійство

*) С. И. 13 іюня, № 160.

есть фактъ,—онъ, изучавшій дѣло, просматривавшій всѣ документы, составлявшій для правительства записку Кстати, что сдѣлалось и съ этой самой запиской? Гдѣ она? Напечатана была она въ немногихъ, можетъ быть семи, осьми, много десяти экземплярахъ, и—о удивленіе!—экземпляры, къ которымъ могла имѣть публика доступъ, подъ напгіемъ какой-то невѣдомой силы стали исчезать одинъ за другимъ Мало того: года два назадъ изчезъ изъ одной типографіи даже оригиналъ, предназначавшійся къ перепечатанію этой записки Это еще чудеснѣе и таинственнѣе, чѣмъ самое повѣрье и обычай, послужившій ему основаніемъ. Достопочтеннаго издателя, котораго назвать мы не смѣемъ безъ его позволенія, просимъ откликнуться и подтвердить наши слова о пропажѣ упомянутаго оригинала.

Повторяемъ: мы не смѣемъ стать рѣшительно за обвиненіе. Но г. Э. далеко заходитъ, когда думаетъ, что поголовно обвиняютъ всѣхъ евреевъ или заподозриваютъ саму еврейскую религію въ догматѣ дѣтоубійства. Такого обвиненія мы рѣшительно не намѣрены поддерживать. Но развѣ не можетъ существовать суевѣрія, и притомъ звѣрскаго суевѣрія въ массѣ, помимо открытыхъ, настоящихъ догматовъ ея общепризнанной религіи? Развѣ не могутъ быть, кромѣ писанныхъ, еще преданные догматы, сохраняющіеся въ извѣстныхъ слояхъ? Развѣ нѣтъ и еще другихъ суевѣрій среди еврейскаго племени, хотя не столь звѣрскихъ, но несомнѣнныхъ? И почему еврейской религіи быть счастливѣе другихъ въ этомъ отношеніи? Бабы у насъ „запахиваютъ“ поле при эпидеміяхъ, и если попадется имъ при этой церемоніи мужчина, берегись—его могутъ убить до смерти. Обычай существуетъ, обычай основанъ на религіозномъ вѣрованіи, полуязыческомъ,—существуетъ среди населенія христіанскаго: скажемъ ли, что его нѣтъ, потому что христіанство не проповѣдуетъ, напротивъ отвергаетъ подобныя суевѣрія, нелѣпыя и жестокія вмѣстѣ? Если г. Э. посмотритъ на вопросъ съ этой стороны, онъ отнесется къ разсказу корреспондента хладнокровнѣе, и не будетъ со страхомъ ждать вторичнаго появленія инквизиціи и ауто-да-фе,—страхомъ, въ искренность

котораго, позволимъ себѣ замѣтить это откровенно, мы не совсѣмъ рѣшаемся даже вѣрить. Инквизиція, средніе вѣка и ауто-да-фе—само по себѣ, а упорная молва всѣхъ народовъ, множество случаевъ, болѣе или менѣе правдоподобныхъ, и XIX столѣтіе—это опять само по себѣ. А надо всѣмъ этимъ возвышается вотъ еще какой фактъ,—фактъ несомнѣнный: въ евреяхъ фанатизмъ и среди XIX столѣтія продолжаетъ существовать, и именно въ нихъ-то онъ и существуетъ, когда напротивъ совсѣмъ угасъ въ христіанахъ. Неужели же и противъ этого можно спорить?

Къ еврейскому вопросу*)

Г. Э. снова проситъ дать ему слово въ защиту его единовѣрцевъ Охотно даемъ ему это слово, какъ и всякому къ чьей-либо защитѣ. Мы не станемъ его оспаривать, ни даже возражать, хотя бы возраженій отыскалось и довольно, не говоря о тѣхъ, которыя слегка нами были уже набросаны, и которыхъ часть въ настоящемъ отвѣтѣ обойдена. Но мы не желаемъ разводить „чернильнаго моря“, по выраженію достопочтеннаго г. Э. Его заключительныя слова прекрасны. Они задатокъ безпристрастія, и отъ этого-то безпристрастія ожидаемъ, что г. Э. не во всѣхъ обвиненіяхъ, не во всѣхъ жалобахъ на евреевъ услышитъ одинъ, какъ любятъ теперь евреи объяснять, „фанатизмъ“ или „нетерпимость“. Не фанатизмъ, не нетерпимость, напротивъ недовольство фанатизмомъ, нетерпимостью, исключительностью, въ которую замкнуты евреи, возбуждаетъ жалобы, недовольство, даже негодованіе, въ большей части далеко небезосновательныя; а отсюда и повѣрья, наоборотъ очень часто совершенно безосновательныя. На образованныхъ евреяхъ, къ каковымъ безъ сомнѣнія долженъ быть отнесенъ г. Э., лежитъ не одна нравственная обязанность защищать, и особенно защищать во что ни стало своихъ соплеменниковъ-единовѣрцевъ, но и ополчаться противъ ихъ темныхъ сторонъ.

*) С И 20 іюня, № 167.

Г. Э. на это возражаетъ: въ комъ-же темныхъ сторонъ и нѣтъ?—Совершенно справедливо; но у каждаго есть свои, и вопросъ въ томъ, терпимы ли онѣ въ общежитіи. Евреи не составляютъ ли государства въ государствѣ? Не избѣгаютъ ли они систематически повиновенія законамъ, гдѣ только возможно? Не водятся ли своимъ, особеннымъ закономъ, не имѣютъ ли своего, особеннаго суда; не стоятъ ли эти, ихъ законъ и судъ, ни обществомъ, ни правительствомъ непризнанные, но тѣмъ не менѣе существующіе,—не стоятъ ли они часто во враждѣ съ законами государства, общеобязательными для всѣхъ подданныхъ? Возьмемъ хотя всеобщую воинскую повинность: чего она не открыла? Припомнимъ переписи· до чего систематически здѣсь обманывается евреями правительство? Укажемъ на контрабанду во всѣхъ ея видахъ; кто ея главные и почти единственные герои? На дняхъ, наконецъ, мы читали повѣствованіе объ убійствѣ, совершенномъ въ Могилевѣ, которое опять показало, что есть не только свой судъ въ этомъ государствѣ среди государства, но дѣйствуютъ и приговоры, и даже такого рода приговоры, какъ приговоръ къ смертной казни. Это посильнѣе и повреднѣе католичества, съ которымъ борется Бисмаркъ. Но когда такъ, то все предположить возможно и извинительно, и если нѣтъ, какъ полагаетъ г. Э , у самой темнѣйшей массы, и никогда не было обычая дѣтоубійства, (съ чѣмъ однако мы безусловно не рѣшимся согласиться), то подозрѣніе по меньшей мѣрѣ извинительно У васъ въ домѣ живутъ люди. Они сторонятся отъ хозяевъ, но между собою держатся плотно, шепчутся, стараются обойти и обходятъ при всякомъ случаѣ правила и обычаи, принятые у васъ въ домѣ, обманно показывая видъ, что напротивъ всему, наравнѣ со всѣми, подчиняются. И вдругъ въ домѣ случилось недоброе: на кого же первое подозрѣніе? А съ другой стороны мало вѣришь послѣ этого и всякимъ, болѣе или менѣе искуснымъ оправданіямъ, изворотамъ, объясненіямъ. Мы хотимъ вѣрить въ искренность и совершенную добросовѣстность г-на Э., но его защита была бы еще сильнѣе, когда бы она была менѣе рѣшительна.

Церковь и школа*).

Приходится жалѣть, что не имѣемъ подлиннаго текста рѣчи профессора Гренкова, произнесенной на актѣ Казанской Духовной Академіи 7 текущаго декабря. *Одинъ изъ присутствовавшихъ на собраніи*, какъ назвалъ себя кто-то неизвѣстный, прислалъ намъ сравнительно объемистый разборъ этой рѣчи, какъ видно, возбудившей вниманіе. Не удивительно; рѣчь касалась очень современнаго и очень живого вопроса: *церковь* и *школа*. Должны быть онѣ соединены? Должны быть онѣ раздѣлены? Профессоръ, сколько можемъ судить изъ присланнаго разбора, пришелъ къ историческому предсказанію, что ходъ вещей потребуетъ и въ нашемъ отечествѣ того же раздѣленія, какое совершилось въ Западной Европѣ, въ однихъ мѣстахъ полнѣе и рѣшительнѣе, въ другихъ не такъ рѣшительно.

Неизвѣстный рецензентъ возстаетъ противъ этого вывода, такъ какъ у насъ иная исторія, иная вѣра, иныя бытовыя начала, чѣмъ на Западѣ. Мы не станемъ передавать этихъ доводовъ, потому что они заранѣе извѣстны; нѣтъ нужды прибавлять, что своебытность началъ русской исторической жизни для насъ равно несомнѣнна, какъ и для почтеннаго рецензента. Но едва ли не излишняя смѣлость съ его стороны ручаться за будущее и утверждать, что у насъ отдѣленія школы отъ церкви не произойдетъ потому, что у насъ не было папства, инквизиціи, іезуитства, монашескихъ и рыцарскихъ орденовъ и проч. Но соединены ли у насъ церковь и школа даже теперь? Вотъ вопросъ, на который рецензентъ не догадался отвѣтить. Мы пойдемъ дальше г. Гренкова, мы готовы утверждать и утверждаемъ, что у насъ школа никогда и не была соединена съ церковію. Если Законъ Божій стоитъ въ программѣ каждаго учебнаго заведенія, и даже на первомъ мѣстѣ; значитъ ли эта механическая связь что-нибудь? Рецензентъ напоминаетъ о высочайшемъ рескриптѣ на имя г министра народнаго просвѣще-

*) С. И. 30 декабря, № 359.

нія по поводу преобразованія въ управленіи народными школами. „Призывая новыхъ дѣятелей и блюстителей, высочайшая воля возложила на нихъ обязанность о религіозно-нравственномъ направленіи народныхъ школъ, каковое немыслимо безъ религіозно-нравственнаго образованія, коего главные органы—пастыри и учители церкви православной". Такъ выражается рецензентъ, и онъ согласится съ нами и далѣе согласится всякій, что этотъ доводъ очень мало убѣдителенъ. Высочайшій, рескриптъ выражаетъ общее положеніе, идеалъ такъ сказать, съ которымъ должна сообразоваться школа Но идеалъ и жизнь—вещи разныя Мы должны смотрѣть на выполненіе. Слѣдуетъ ли заключать, что „пастыри и учители церкви православной будутъ главными руководителями школы?" Мы знаемъ, что нѣтъ. Да если бы и были, необходимо ли слѣдуетъ изъ того, что церковь и школа соединены?

Итакъ мы вполнѣ соглашаемся съ почтеннымъ профессоромъ, что „сила историческаго прогресса предуказуетъ путь, по которому пойдетъ порядокъ жизни человѣческихъ обществъ, что потокъ западныхъ европейскихъ либеральныхъ идей, при содѣйствіи педагогики, вытѣснитъ наконецъ изъ школы вліяніе церкви" (приводимъ слова профессора по изложенію рецензента). Мы отказываемся отвѣчать утвердительно на другой вопросъ: правильно ли, нормально ли, здорово ли явленіе,—этотъ полный расколъ? Онъ правиленъ, потому что есть историческая неизбѣжность, но самый ходъ исторіи отвѣчаетъ ли въ этомъ случаѣ высшимъ требованіямъ отъ человѣчества? Не знаемъ, какъ вопросъ этотъ рѣшенъ почтеннымъ профессоромъ, и даже приступалъ ли онъ къ его рѣшенію, можетъ быть, ограничившись однимъ историческимъ наблюденіемъ.

Намъ кажется, что неправильно, ненормально и нездорово подобное, хотя къ несчастію и неизбѣжное явленіе. Неизбѣжность эта условливается недоразумѣніемъ, которое кроется въ основахъ ходячаго понятія о церкви и школѣ, и въ особенности, почти превратномъ положеніи, въ которое, отчасти благодаря этому недоразумѣнію, стали школа, государство и едва

ли не болѣе того—церковь. Церковь опредѣлила себя въ Западной Европѣ (а отсюда понятіе и отчасти положеніе перешло и къ намъ), какъ *власть*,—власть надъ совѣстью, умомъ, а затѣмъ и надъ всѣми дѣяніями человѣка. Но власть есть государство. Государство не можетъ терпѣть вторженія въ свою область, тѣмъ болѣе для него опаснаго, чѣмъ глубже такъ называемая церковь пробирается въ самыя глубочайшія побужденія къ дѣяніямъ. И вотъ борьба. Такъ называемая церковь, или государство, прикинувшееся церковію, то есть папство, старается отстоять мѣсто, устроенное для нея извращеннымъ богословіемъ и средне-вѣковою тьмою государство, представитель дѣйствительной власти, старается сбить ее съ позиціи. Мы слѣдимъ за симптомами этой борьбы въ Пруссіи.

Но тутъ сейчасъ и новое недоразумѣніе. Государство, высвобождая своихъ подданныхъ изъ подъ церковнаго, точнѣе—клерикальнаго плѣна, само въ свою очередь подставляетъ себя на мѣсто церкви, требуя власти не только надъ поступками гражданина, но и надъ его душею. „Вы не только мнѣ повинуйтесь, но и вѣруйте въ меня“, такъ говоритъ теперешняя Пруссія; „Богъ, совѣсть, убѣжденія, духовные идеалы, все должно быть подчинено верховному идеалу, сосредоточенному во мнѣ, идеалу внѣшней силы“.

При чемъ тутъ школа? Школа именно есть та почва, на которой съ преимущественнымъ ожесточеніемъ бьются двѣ стороны. „Дайте намъ только одно: позвольте имѣть свои школы.“ Объ этомъ просили во Франціи; это отстаиваетъ духовенство въ Германіи, и этой-то, столь безобидной, столь естественной, столь справедливой *свободы* преподаванія, не болѣе какъ свободы, не даетъ государство духовенству въ Германіи, и когда согласилась на подобную уступку Франція, либеральная часть ея населенія завопила съ ужасомъ, что все потеряно.

Педагогика играетъ тутъ свою роль. Въ этомъ препирательствѣ церкви съ государствомъ изъ за школы, вопросъ становится такой; да есть ли въ человѣкѣ душа и воля? И со-

вѣсть не есть ли что-нибудь дѣланное? Чтобы прусскому государству быть правымъ въ своемъ апоѳеозѣ, необходимъ утвердительный отвѣтъ: „да, человѣкъ, съ его душою, совѣстью, волею, со всѣмъ существомъ, есть вещь дѣланная, простой количественный результатъ внѣшнихъ вліяній“. До этого и додумалась педагогика подъ вліяніемъ справедливаго негодованія на клерикальный обскурантизмъ. Если человѣческая личность есть продуктъ внѣшнихъ вліяній и не болѣе того, то искусственно и искусно подстроиваемыми вліяніями, то есть школьнымъ воспитаніемъ, будетъ строить наилучшаго человѣка На томъ и стоитъ теперешняя педагогика, въ дѣтскихъ садахъ Фребеля между прочимъ нашедшая послѣднее и очень точное себѣ выраженіе. Немного нужно дальновидности, что такою теоріею отрицается не только церковь, но и свобода (свобода и церковь въ сущности тоже), но и личность, но и душа, но и вообще понятія о человѣкѣ, какъ существѣ качественно особомъ. Нѣтъ нужды добавлять, что права самыя и всякаго другого общественнаго организма, кромѣ организма государственнаго, упраздняются при этомъ и подавно; упраздняются и всѣ нравственныя права, потому что самое понятіе о нравственномъ дѣйствіи подрывается; понятіе о нравственномъ возможно только при понятіи о свободной волѣ. Не умолчимъ, что въ циркулярѣ г. министра народнаго просвѣщенія, надѣлавшемъ по лѣту много шума, между прочимъ высказывалась мысль, что школа должна созидать семью, а не на оборотъ Новѣйшая педагогика должна одобрить это положеніе, потому что по отстраненіи церкви она идетъ къ упраздненію семьи; затѣмъ по логическому порядку она должна будетъ придти, конечно, къ идеаламъ спартанскаго государства или коммуны, что въ основаніи одно и тоже.

Закончимъ свою замѣтку повтореніемъ сожалѣнія, что не читали подлинной рѣчи г. Гренкова и не знаемъ его образа мыслей о значеніи педагогики и о существѣ борьбы, которыя гремятъ теперь по всему свѣту между государствомъ и церковію изъ за школы. Борьбы этой не должно бы быть, когда бы церковь и государство вошли каждое въ свои предѣлы Но

тогда и школа справедливо потребовала бы, чтобъ и ей тоже бы отвели свои предѣлы, и дали ей одинаково полную независимость и отъ той и отъ другой стороны,—что и послѣдуетъ со временемъ, но далеко, такъ далеко, что къ тому времени самая школа, въ современномъ ея понятіи, упразднится. Этотъ искусственный міръ воспитанія есть самъ по себѣ, какъ искусственный, явленіе не вполнѣ нормальное. Но скоро и въ другихъ видахъ, человѣчество будетъ получать воспитаніе, подобное воспитанію древняго грека, безъ душныхъ стѣнъ, безъ установки „учрежденія“, безъ односторонностей въ ходѣ развитія, безъ спеціальностей, безъ разрыва съ семьей, безъ разобщенія со свободными нравственными вліяніями вообще. И безъ привиллегій, въ добавокъ, потому что при теперешнемъ искусственномъ устройствѣ школы неизбѣжны разряды, а съ ними и привиллегіи, и съ ними несправедливость. Естественный ходъ воспитанія еще найдетъ себѣ мѣсто послѣ искусственнаго, хотя искусственному, по неизбѣжному несчастію, прійдется пройти весь свой циклъ.

Желали бы мы слышать отъ почтеннаго профессора: извѣстно ли ему, что въ Германіи, этой преимущественной лабораторіи искусственнаго воспитанія, этой образцовой странѣ, гдѣ изготовляются по ученой части тѣ же уроды человѣчества, какіе по промышленной выросталотъ во Франціи и Англіи (здѣсь есть милліоны существъ, ничего незнающіе и непонимающіе, кромѣ приготовленія металлической гайки, напримѣръ, и притомъ извѣстнаго нумера; такъ тамъ насчитываются сотнями ученые, занимающіеся только греческими гостинцами, либо какимъ нибудь классомъ безпозвоночныхъ животныхъ). Итакъ, извѣстно ли, что въ Германіи, этой образцовой школьной странѣ, и притомъ въ педагогической, серьезной сферѣ, возникъ уже вопросъ: не содѣйствуетъ ли школа *одичанію* человѣчества? Необыкновенно страненъ представляется вопросъ. Но на него отвѣчаютъ историческими и статистическими данными утвердительно, что повидимому еще страннѣе. Однако только повидимому. Какъ дичаетъ фабричный Манчестеръ отъ противоесте-

ственнаго быта, въ который поставленъ внѣшними условіями. точно также не можетъ проходить безнаказанно и изъятіе умственно нравственнаго воспитанія отъ его естественныхъ бытовыхъ органическихъ вліяній. Тѣмъ менѣе можетъ пройти безнаказанно отказъ человѣческой особи въ свободной волѣ, душѣ, совѣсти. Принявъ человѣческое существо за внѣшне-дѣланную вещь, мы въ концѣ и обратимъ его въ таковую,—въ вещь, а не въ человѣка, въ механизмъ, лишенный собственнаго смысла, хотя не лишенный звѣрскихъ инстинктовъ, которые тѣмъ съ большимъ разгуломъ при этомъ и разовьются.

1876 ГОДЪ.

О поднятіи значенія духовенства*).

Обновительницей общественнаго духа призвана быть у насъ, между прочимъ, церковь. Случится ли это? Зависитъ это отъ общества отчасти, отъ правительства много, отъ духовенства болѣе всего

Духовенство отбивается отъ обязанности воспитывать народъ. Мы это знаемъ, указывали неоднократно. Отмѣтимъ черту, которая и въ этомъ случаѣ есть знаменіе времени. „Увеличьте намъ содержаніе и мы будемъ учить, будемъ вполнѣ пастырями". Какое qui pro quo! Какое колоссальное недоразумѣніе!— Этимъ отвѣтомъ выражается, что пастырь, хотя и нося это наименованіе, можетъ быть оставляемъ пастыремъ, пусть онъ и не исполняетъ пастырскихъ обязанностей. Но откуда же вы ждете увеличенія средствъ?—„Отъ правительства; дайте намъ жалованіе". Недоразумѣніе это колоссальнѣе. Правительство не имѣетъ собственныхъ средствъ; оно беретъ ихъ съ народа принудительнымъ образомъ. Отвѣтъ заключаетъ въ себѣ желаніе, чтобы вмѣсто непосредственныхъ и добровольныхъ отношеній къ народу стать къ нему въ отношенія полицейскія, и принудительнымъ образомъ чрезъ постороннюю силу брать деньги съ тѣхъ, кто стоитъ предъ лицомъ, жаждущій нравственныхъ увѣщаній и наставленій.

*) С И. 5 января, № 4.

Къ чести духовенства сказать, эти отвѣты даже не искренни. Въ сущности дѣла, хотя бы и наградить его жалованьемъ, все равно, при сохраненіи всѣхъ остальныхъ условій, оно будетъ не болѣе теперешняго учителемъ и пастыремъ,—даже менѣе. Ни преданія, ни современныя условія не внушили ему истинныхъ обязанностей званія (предписанія же богословія стираются жизнію). Священникъ есть требо-отправитель и совершитель богослуженія, механическое орудіе, которымъ совершаетъ себя богослуженіе. Вотъ понятіе, идущее изъ тѣхъ далекихъ временъ, когда религіозный культъ и внѣшнее богослуженіе были для народа тождественны и откуда идетъ пословица. „кто ни попъ, тотъ и батька“. Народъ и останется въ большинствѣ при этомъ темномъ вѣрованіи или суевѣріи, точнѣе сказать. Духовенство въ большинствѣ подчиняется этому своему положенію и этимъ взглядамъ на него. Съ другой стороны духовенство дѣйствительно есть государственный чиновникъ какъ по устройству его администраціи, такъ и потому что сверхъ совершенія требъ лежитъ на немъ еще обязанность, и исполненіе которой строго взыскивается,—веденія актовъ гражданскаго состоянія (метрическихъ книгъ). Ему естественно сказать потому: „жалованье“, потому что оно чувствуетъ себя слугою государства, и столь же естественно сказать: „прибавьте“, когда все кругомъ не только жаждетъ прибавки, но и получаетъ ее.

Одна изъ величайшихъ ошибокъ допущена была въ минувшихъ великихъ реформахъ, что ими, если не упразднено, то, можно сказать, затоптано понятіе о безмездномъ общественномъ служеніи. Теперь все получаетъ окладъ, и городское самоуправленіе и земская и мировая юстиція. Къ удивленію остаются еще гласные безъ жалованья и почетные мировые судьи, но за то послѣднихъ и освободилъ законъ отъ всякой обязанности. Мы признаемъ это ошибкою, во первыхъ по существу. Премудрое англійское устройство, хотя оно и создалось прежде Рикордо, прежде соціалистскихъ теорій и подавно. Ни мировая юстиція, ни чины самоуправленія, ни тѣмъ менѣе депутаты, тамъ жалованія не получаютъ и, если бы дошло дѣло до соці-

альной развязки, владѣющіе и богатые классы съ полнымъ правомъ скажутъ людямъ труда и пролетаріямъ; „это правда, что мы пользовались рентою, равно пользовались всѣми экономическими привиллегіями капитала; но мы несли вамъ за это безмездную службу въ видѣ мировой юстиціи и администраціи, да сверхъ того и прокармливая бѣднѣйшихъ изъ васъ на свой счетъ (подать въ пользу бѣдныхъ)". Цензъ въ Англіи есть привиллегія, и притомъ единственная въ странѣ; но онъ же есть и повинность. Послѣднее-то понятіе утрачено совсѣмъ, и изъ всѣхъ натуральныхъ повинностей оставлена внѣ спора одна воинская (совершенно наоборотъ чѣмъ въ Англіи, гдѣ именно воинская повинность совершается посредствомъ найма).

Но эта ошибка болѣе теоретическая, послѣдствія которой видятся лишь отдаленныя, не столь важна, какъ важенъ толчекъ, данный чрезъ это общественному сознанію. Скажите· не вправѣ ли возвысить священникъ голосъ о жалованіи, когда безъ жалованія нейдетъ служить подъ бокомъ у него ни мировой судья, ни волостной старшина, ни староста? И чѣмъ бы ему хуже быть не только старосты или старшины, но и самаго судьи? Вопросъ, которому нельзя отказать въ основательности и мы припоминаемъ корреспонденцію, присланную намъ изъ одного уѣзда Рязанской губерніи прошлымъ годомъ (впрочемъ ненапечатанную), гдѣ корреспондентъ даже не духовное лицо, а крестьянинъ, проводитъ параллель между мѣстнымъ священникомъ и мѣстнымъ судьей: какъ судья, получая до двухъ тысячъ содержанія, разгуливаетъ по губерніи для своего удовольствія, даже въ столицу, назначая дни разбирательства по своему усмотрѣнію и никогда не отправляясь (чего требуетъ законъ) на мѣсто подсуднаго происшествія; и затѣмъ какъ священникъ, можетъ быть, набирающій грошами рублей четыреста, еженедѣльно совершаетъ общественное богослуженіе и кромѣ того отправляется по первому требованію за пять, десять верстъ въ дождь, слякоть, морозъ, для напутствія больныхъ.

Параллель поучительна, и нельзя не сказать, что возраженія духовенства имѣютъ долю основательности, какъ ни чудовищенъ ихъ принципъ, но не они и виноваты.

„Дайте священниковъ по призванію“, этого мало сказать; костюмъ, съ малолѣтства надѣтый, или наружное воздержаніе отъ увеселеній еще не родитъ призванія. Дайте ему возможность явиться свободно, а для этого надо устранить всѣ препятствія ему и всѣ причины, его закрывающія. Главнѣйшее изъ препятствій есть то самое, что, напротивъ, и лелѣется духовенствомъ— его государственный характеръ. Отмѣните всякое принужденіе въ отношеніяхъ, полная свобода совѣсти и исповѣданія: энергія проснется по неволѣ и воспрянетъ понятіе объ обязанности учительства. Снимите съ причтовъ обязанность казенной регистратуры, предоставивъ вмѣстѣ съ тѣмъ полную свободу церковной проповѣди: духовная жизнь закипитъ А вопросъ о содержаніи рѣшится тогда къ обоюдному согласію. Тѣ же общины найдутъ средства тогда къ обезпеченію своего пастыря, свободно избранаго и нравственно почитаемаго, какъ находятъ средства обезпечивать старшинъ и старостъ.

Изданіе твореній св. Тихона Задонскаго *).

Добрая совѣсть обязываетъ насъ сказать объ одной книгѣ, вышедшей не безъ нашего содѣйствія. Мы разумѣемъ полное собраніе твореній св. Тихона Задонскаго, вышедшее не такъ давно изъ Московской синодальной типографіи новымъ изданіемъ. Редакторъ „Современныхъ Извѣстій“ управлялъ синодальной типографіею, когда новое изданіе твореній св. Тихона потребовалось тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ быстрѣе разошлось предшествовавшее изданіе, подоспѣвшее ко времени открытія мощей св. Тихона.

Потребовалось издать; но какъ издать? Повторить прежнее изданіе буквально, какъ принято въ синодальной типографіи, преимущественно печатающей библейскія и церковно-богослужебныя книги, для которыхъ строжайшая вѣрность въ вос-

*) С. И. 15 января, № 14

произведеніи одного изданія другимъ и есть первое неотъемлемѣйшее условіе? По отношенію къ твореніямъ св. Тихона обстоятельства представлялись въ иномъ видѣ Предшествовавшія изданія заключали ли полное собраніе твореній? Вопросъ рѣшался самъ собою уже тѣмъ, что нѣкоторыя изъ твореній, не вошедшихъ въ синодское изданіе, уже были напечатаны (въ разныхъ духовныхъ журналахъ) Соблюдены ли въ первоначальныхъ изданіяхъ библіографическія условія, требуемыя отъ изданія писателей вообще и въ частности отъ твореній отеческихъ? Представлялась разность уже между самыми обстоятельствами первыхъ изданій и предстоявшаго. когда прежде издавались „сочиненія“, предстояло издавать „творенія“, издавался прежде Тихонъ Задонскій, обыкновенный духовный писатель, подцензурный, хотя и почитаемый обществомъ; теперь „иже во св отецъ нашъ“, могутъ писаться и „житія“. Нѣкоторое обслѣдованіе показало, что первыя изданія, выходившія не съ библіографическою или историческою цѣлію, а исключительно назидательною, не представляютъ ни полноты, ни правильнаго расположенія, ни вѣрности подлиннику; изданія невѣрны были и сами собою Выборомъ, расположеніемъ руководила случайность: языкъ былъ подправленъ и освобожденъ отъ особенностей, принадлежавшихъ святителю, съ цѣлью, конечно, большей вразумительности для читателей. Управляющій синодальной типографіею нашелъ, что при новыхъ обстоятельствахъ творенія св. Тихона должны быть изданы съ точностію, болѣе достойною памяти святителя, по подлиннымъ рукописямъ, гдѣ возможно, въ возможной полнотѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ условій, требуемыхъ библіографіею.

Ходатайство было уважено. Святѣйшій синодъ благословилъ изданіе въ новомъ предположенномъ видѣ, поручивъ редакцію Гиляpову-Платонову, подъ надзоромъ митрополита Филарета.

Но тѣмъ, собственно говоря, и кончилось содѣйствіе Гиляpова-Платонова; равно какъ и содѣйствіе покойнаго митрополита ограничилось благосклоннымъ одобреніемъ мысли упра-

вляющаго типографіею и согласіемъ разрѣшать имѣвшія возникать недоразумѣнія Митрополитъ скончался; Гиляровъ-Платоновъ оставилъ службу, и весь трудъ легъ на человѣка, ради котораго мы и пишемъ настоящія строки. Да проститъ намъ И. Д. Бердниковъ, что мы нарушаемъ его скромность, оглашая его имя, наперекоръ его прямому запрещенію. Но еслибы мы его послушались, мы совершили бы поступокъ нечестный.

Да, весь трудъ изданія, отъ перваго слова до послѣдняго, все сличеніе первыхъ изданій между собою и съ подлиннымъ рукописнымъ текстомъ, всѣ розыски и находки неизвѣстныхъ твореній св. отца, его два изображенія въ разныхъ возрастахъ, приложенныя къ двумъ томамъ (1 и 4-му), всѣ библіографическія примѣчанія, приложенныя ко всѣмъ томамъ, вмѣстѣ съ предисловіемъ: все принадлежитъ высокоуважаемому Ивану Дмитріевичу.

Читателямъ обыкновеннымъ, читателямъ просто, говорить ли о томъ, что этимъ совершено въ новомъ изданіи? Нѣтъ, мы не будемъ говорить, а обратимся къ ученымъ библіографамъ, которые оцѣнятъ, какого труда, изысканій, критики потребовало изданіе пяти томовъ въ большую осьмушку, въ два столбца, съ предшествовавшими сличеніями текстовъ и въ сопровожденіи примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ. Мы должны добавить, что издателю необходимо нужно было держать и корректуру особаго рода Святитель Тихонъ писалъ языкомъ, изъ всѣхъ писателей ему одному свойственнымъ, оригинальнымъ, въ этой именно оригинальности особенно сильнымъ.

Вмѣсто то, онъ употреблялъ часто тое, вмѣсто чѣмъ чимъ, вмѣсто тѣмъ—тымъ. Знатокъ пойметъ всю затруднительность мелочнаго вниманія, которое требуется, чтобы услѣдить за непреткновенностію типографскаго набора въ этомъ отношеніи

Намъ пріятно объявить, что изданіе въ учено-библіографическомъ смыслѣ выполнено безукоризнено: это не изданіе,

а памятникъ Завзятый библіографъ пожелалъ бы, можетъ быть, болѣе подробныхъ примѣчаній, и при всякомъ другомъ изданіи ихъ не пожалѣли бы; потомъ же библіографъ приметъ во вниманіе особенный характеръ книги, допускающій библіографику только въ крайнемъ случаѣ; все таки это—творенія св. отца, изданныя съ назидательною и душеспасительною цѣлью, а не съ ученою. Умноженіе примѣчаній, болѣе подробный отчетъ о процессѣ критики и ея основанія разширилъ бы книгу, съ увеличеніемъ издержекъ печатанія, а слѣдовательно и ея цѣны, безъ пользы для изданія. Надо удивляться, какъ многое сказано и въ тѣхъ сравнительно скудныхъ предѣлахъ, которые отмежеваны въ изданіи для учено-библіографической части.

Мы снова должны просить извиненія у достопочтеннаго И. Д. Бердникова, что нарушили его скромность, но мы сошлемся на весь міръ, и, увѣрены, насъ оправдаютъ,—тѣмъ болѣе, что трудъ, столь почтенный, совершенъ издателемъ безкорыстно. Онъ не служащій въ синодальной типографіи, не рабочій по найму По уваженію къ памяти святителя, по дружбѣ къ управляющему типографіею, онъ рѣшился поднять на себя подвигъ, цѣну котораго поймутъ знающіе. Мы увѣрены что св. синодъ почтитъ подвигъ и достойно вознаградитъ за трудъ и время, не мало употребленные къ чести духовнаго вѣдомства и въ славу памяти св. Тихона. Но справедливость требуетъ, чтобы и помимо безгласно-оффиціальнаго круга было вѣдомо, какимъ путемъ и чьими трудами совершенъ этотъ истинно замѣчательный, и по особымъ условіямъ книги, ея творца и ея верховныхъ издателей, не легко преодолимый трудъ.

Книга вышла не сейчасъ, но только сейчасъ получили мы возможность сказать о ней. За разными посторонними дѣлами мы не успѣли до вчерашняго дня пріобрѣсти этого, по нашей мысли, выпущеннаго изданія.

О поднятіи значенія духовенства*)

Вопросъ о духовенствѣ у насъ имѣетъ что-то роковое. Онъ есть весь недоразумѣніе· его недоразумѣваютъ посторонніе, его недоразумѣваютъ тѣ сами, до кого относится. Трудно рѣшить, кто желаетъ болѣе зла церкви и ея служителямъ: тѣ ли изъ невѣрующихъ, которые мечтали бы выскоблить, если возможно, всѣ нравственныя основанія Русской земли, тѣ ли изъ вѣрующихъ, которые въ усердіи о церкви предлагаютъ разныя мѣропріятія къ ея возвышенію, или—сами служители алтаря И надо прибавить, всѣ эти силы работаютъ въ одномъ направленіи, хотя съ разными намѣреніями, всѣ хоры поютъ одну мелодію, но не съ одинаковыми модуляціями. „Обратите насъ въ чиновниковъ и дайте намъ жалованіе“; это почти общее желаніе духовенства. Но о томъ же обновленіи государственнымъ путемъ думаетъ и ревнитель церкви съ мечтами о мѣропріятіяхъ; государственнаго насилія желалъ бы и невѣрующій радикалъ.

Печатая письмо г. Иностранца, мы далеко не присоединяемся къ нему. Напротивъ, мы войдемъ съ нимъ въ преніе и постараемся исполнить это на дняхъ. Но отрицательная часть изложенія во всякомъ случаѣ замѣчательна; замѣчательна во первыхъ сама по себѣ, и во вторыхъ по тому еще, что авторъ-иностранецъ, какъ сказываетъ его подпись. Какъ иностранецъ, но православный, мы полагаемъ,—онъ есть галицкій или угорскій русинъ. Скорбь его поэтому понятна: и въ Галичинѣ и Угорщинѣ народомъ руководствуетъ духовенство. Но что же авторъ придумываетъ? Мысль не новая; „уничтожьте духовныя семинаріи и академіи и удовольствуйтесь гимназіями и богословскими факультетами“. Мы не прочь отъ богословскихъ факультетовъ, но безъ уничтоженія какихъ бы то ни было существующихъ заведеній. На нашъ глазъ упраздненіе духовныхъ заведеній было бы такимъ ударомъ, отъ котораго бы не поправились цѣлыми столѣтіями. Православію можно предска-

*) С. И 23 января, № 21.

зать тогда полное паденіе; но подумать слѣдуетъ, что же выиграетъ отъ этого государство. Иностранцу въ этомъ случаѣ впрочемъ еще извинительно ошибаться; но удивительно слышать подобныя мысли отъ русскихъ, что иногда случается. Стоитъ немножко напречь вниманіе и рѣшить вопросъ,—счастливѣе ли будутъ факультеты богословскіе факультетовъ филологическихъ, и студенты богословскихъ факультетовъ не уподобятся ли въ огромномъ большинствѣ тѣмъ черногорцамъ, болгарамъ и сербамъ, которые, по воспитаніи въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, наровятъ поступить въ русскую службу?

Отдаляетъ духовенство отъ народа—школа; замыкаетъ духовенство въ касту школа. Отъ кастической замкнутости и отдаленія отъ народа происходятъ всѣ остальныя послѣдствія, о которыхъ справедливо скорбитъ православный Иностранецъ. Гимназіи съ университетомъ болѣе приблизятъ будущее духоховенство къ народу? Вопросъ объ этомъ даже задавать смѣшно. Ясно, что помочь должно чѣмъ-нибудь инымъ, и начать дѣло совсѣмъ съ другого конца.

Какъ сказали мы, мы еще возвратимся къ этому вопросу, хотя къ сожалѣнію сказать, къ разъясненію всего колоссальнаго недоразумѣнія, которымъ окруженъ вопросъ о духовенствѣ, требуется не одна и не двѣ, и даже можетъ быть не одинъ десятокъ статей. Да журнальныя статьи и способны ли вмѣстить въ себѣ полныя разъясненія?

Евреи въ Москвѣ*).

Намъ приходилось много разъ говорить о евреяхъ, хотя и не такъ часто, какъ бы заслуживалъ того предметъ. На дняхъ получили мы возраженіе на замѣтку одного изъ нашихъ корреспондентовъ, выразившаго недоумѣніе о наплывѣ евреевъ въ Москву. При всей обычной готовности давать мѣсто всякому

*) С. И. 31 января, № 29

возраженію, способному разъяснить дѣло, на этотъ разъ мы вынуждены отказать въ этомъ удовольствіи возраженію потому именно, что дѣла оно нисколько не разъясняетъ. Оно только негодуетъ, какъ можно заподозрѣвать неточность свидѣтельствъ, выдаваемыхъ евреямъ ремесленникамъ? Когда возраженіе становится на такую почву, толковать съ нимъ нечего. Можно ли добросовѣстно увѣрять, что всѣ изъ евреевъ, называемые ремесленниками, дѣйствительно таковы по профессіи.

Да гдѣ же эти евреи ремесленники? Укажите намъ ихъ. Гдѣ ихъ заведенія, или въ чьихъ заведеніяхъ они работаютъ? Затѣмъ возражатель защищаетъ еврейскую торговлю. Противъ этого спорить не станемъ: евреи предпріимчивы, всего болѣе далеки отъ рутины, они умѣютъ рисковать; они могутъ оживлять край лѣнивый и неповоротливый, когда, прибавимъ мимоходомъ, число ихъ умѣренно въ отношеніи къ остальному негандельствующему населенію. Не противъ этого возражалъ и корреспондентъ: онъ указывалъ лишь на безпошлинность, на льготу, которую устраиваютъ себѣ евреи, уклоняясь отъ тягостей, лежащихъ на прочихъ торговцахъ.

Недоумѣніе корреспондента остается, такимъ образомъ, неприкосновеннымъ во всей силѣ· если давать безусловно свободный въѣздъ, то и узаконить его; если же законъ полагаетъ ограниченіе, то ограниченія строго должно держаться.

Но не къ тому ведемъ мы рѣчь. Къ недоумѣнію, выраженному корреспондентомъ, нельзя не прибавить сожалѣнія, что если евреи торговцы у насъ появились въ обили даже излишнемъ, то ремеслепниковъ не прибываетъ. На упадокъ ремеслъ жалуются; объ отсутствіи трезвыхъ работящихъ мастеровъ плачутъ хозяева. Евреи оказали бы двойную услугу: они пополнили бы недостаточный контингентъ мастеровъ, къ пользѣ населенія, и вмѣстѣ конкуренціею своею послужили бы къ косвенному исправленію теперешнихъ нашихъ коренныхъ ремесленниковъ. Но именно ремесленниковъ—то и менѣе всего является къ намъ, хотя западные города кишатъ представителями всѣхъ ремеслъ (разумѣется, евреями, потому что все го-

родское населеніе тамъ сплошное еврейское). Отчего бы такъ? Боязнь ли конкуренціи удерживаетъ ремесленника-еврея на мѣстѣ? Этому невозможно вѣрить. Еврей не боится конкуренціи, да конкурентовъ почти и не представляется. Бѣдность ли причиною, что еврей ремесленникъ не трогается съ мѣста? Опять мы знаемъ необыкновенную удобоподвижность еврея, который съ грошами въ карманѣ какъ-то перебирается за тысячи верстъ. Одно вѣроятное объясненіе можемъ находить, что истинные ремесленники не могутъ получить свидѣтельства, тогда какъ легко добываютъ его ремесленники мнимые. Словомъ, всего правильнѣе предположить злоупотребленіе, обычай заслуживать и покупать свидѣтельства чѣмъ-нибудь другимъ, а не знаніемъ ремесла. Слухи такъ и носятся. Еврей есть рабъ своего кагала, который можетъ находить свои разсчеты открыть дверь одному за предѣлы исконнаго жительства и заградить его другому.

Снова приходитъ по этому поводу намъ на мысль, какъ необходимо было бы дѣленіе и группированіе всего населенія имперіи по занятіямъ, чтобы, числясь каждый гдѣ-нибудь по мѣсту жительства, числился вмѣстѣ и въ какой-нибудь живой группѣ, по роду своего труда—группѣ не внѣшней, не формальной, какъ теперешніе цеха или сословія, а органической.

Мы не будемъ развивать эту мысль, которую неоднократно высказывали и развивали; ограничимся указаніемъ, что при этомъ условіи обманы, подобные теперешнимъ, были бы невозможны; являющійся подъ именемъ ремесленника еврей былъ бы дѣйствительно ремесленникъ, а не самозванецъ; онъ не могъ бы на мѣстѣ получить свидѣтельства отъ общества, къ которому не принадлежитъ; не могъ бы и въ новомъ мѣстѣ быть на дѣлѣ не тѣмъ, чѣмъ себя называетъ. Онъ обязанъ былъ бы поневолѣ открыть заведеніе или вступить въ заведеніе мастеромъ или ученикомъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ и была бы достигнута цѣль закона, имѣвшаго въ виду допустить внутрь Россіи прибавокъ рукъ не хищническихъ, а производительныхъ.—

О преобразованіи приходовъ*).

Необходимость въ преобразованіи приходовъ, или точнѣе въ учрежденіи ихъ, о чемъ мы неоднократно твердили, доказывается лучше всего начинающимся ихъ разложеніемъ. Городская церковь въ Кадомѣ стоитъ нѣсколько лѣтъ безъ старосты, потому что никто и не желаетъ подвергнуть себя контролю. Что если явленіе это повторится въ другихъ мѣстахъ? А повториться можетъ оно тѣмъ легче, что въ старыя времена одною изъ приманокъ къ званію церковнаго старосты служило освобожденіе отъ городскихъ должностей. Теперь городскія должности не висятъ надъ купечествомъ. Опасность быть выбраннымъ въ бургомистры, ратманы, и другія должности, сопряженныя не только съ потерею времени, но и съ денежною, при случаѣ, отвѣтственностью,—миновала. Льстятъ еще отличія, на полученіе которыхъ можетъ разсчитывать староста чрезъ извѣстное число лѣтъ служенія, за приращеніе церковнаго дохода. А затѣмъ остается возложить упованіе на безкорыстное усердіе къ храму Божію. При данномъ складѣ нашей общественной жизни для такого упованія не видится крѣпкихъ опоръ. Да кромѣ того, именно тотъ, кто рѣшается служить церкви по чистому усердію, всѣхъ менѣе соглашается подвергнуть себя контролю: по страннымъ понятіямъ, тѣмъ не менѣе господствующимъ, въ этомъ контролѣ находятъ для себя обиду; полагаютъ, что избирательный приговоръ обязываетъ избирателей оказывать безусловное довѣріе избранному. Полустолѣтняя практика еще болѣе утвердила это совершенно превратное воззрѣніе: извѣстно, что повѣрка суммъ, предписываемая закономъ, всегда и вездѣ производилась только номинально.

Такъ ли, не такъ ли, но это явленіе, есть прямое свидѣтельство о начинающемъ разложеніи Безъ сомнѣнія, дальнѣйшему разложенію еще болѣе будетъ способствовать новѣйшее распоряженіе о сокращеніи приходовъ и ихъ перетасовкѣ. Ор-

*) С И 6 февраля, № 35

ганическая связь, которая и безъ того ослабляется, встрѣчаетъ въ этомъ распоряженіи новаго разрушающаго дѣятеля: прибавьте къ этому налогъ, распространяемый на приходы, въ замѣнъ прежняго свѣчного сбора: администрація церковно-приходскими дѣлами тѣмъ менѣе чрезъ это получаетъ привлекательности, чѣмъ отяготительнѣе становится для церквей.

Въ виду этого коренное преобразованіе приходовъ не только встаетъ на очередь, но на очередь неотложную. Разложатся приходы, съ чѣмъ мы останемся? Гдѣ нравственная связь между жителями? Гдѣ послышатъ они свое духовное единство? А безъ этого гдѣ же тотъ политическій и соціальный цементъ, который долженъ вязать государство и общество въ живое тѣло? Не волость, не уѣздъ и никакое другое искусственное объединеніе не послужитъ замѣною. Разложеніе приходовъ будетъ началомъ къ дальнѣйшему разложенію· организмъ можетъ существовать только, пока первоначальныя клѣточки живы.

Обширная программа, по которой приходы обратились бы въ средоточіе не только церковное, но административное въ обширномъ смыслѣ, удовлетворила бы всего лучше потребностямъ времени Здѣсь получили бы свой, при данныхъ обстоятельствахъ единственно возможный, исходъ всѣ существующія затрудненія земскаго устройства вообще. И сельскій судъ съ полиціею, и ссудныя кассы, и школы, и народное продовольствіе,—всѣ эти первосущественныя нужды нашли бы въ учрежденіи приходовъ свое естественное успокоеніе. Мы говоримъ „въ учрежденіи“, потому что приходы хотя у насъ существуютъ, но не учреждены, не имѣютъ организаціи. Въ отношеніи къ прочимъ учрежденіямъ, это есть масло, масло плавающее на водѣ; волости ихъ не знаютъ и даже уѣзды (и тѣ и другіе часто дѣлятъ приходъ на двое, даже на трое; одну часть беретъ одна волость, другую другая, не заботясь о бытіи цѣлаго). Въ административномъ смыслѣ, преимущество приходскаго устройства было бы и то между прочимъ, что приходъ совмѣщалъ бы въ слитномъ единствѣ всѣ отправленія общественно-государственной жизни. Преимущество важное для пер-

выхъ ступеней администрации. Первые органы еще не должны далеко отходить отъ семьи; тонкія различенія наступаютъ послѣ. Самъ опытъ показываетъ, что судъ отъ полиціи съ трудомъ различается въ селѣ, и волостной старшина, вопреки закону, все таки властвуетъ надъ судьями А опытъ историческій въ обширномъ размѣрѣ, согласно тому же основному правилу, прямо заповѣдалъ придавать мировому судьѣ, нижайшему отправителю правосудія, отчасти и административную функцію.

Очевидно, общество и жаждетъ такого устройства, хотя само не умѣетъ формулировать своего желанія. Доказательство: успѣхъ приходскихъ попечительствъ,—учрежденія необязательнаго, поставленнаго даже въ нѣкоторое противорѣчіе съ общимъ земскимъ устройствомъ, наконецъ нелюбимаго духовною іерархіею, почти гонимаго. Тѣмъ не менѣе однако попечительства устраиваются, просятся въ жизнь. Законодательной власти подобаетъ принять эти указанія въ соображеніе.

О повѣркѣ церковныхъ суммъ *).

Одинъ изъ здѣшнихъ городскихъ благочинныхъ (о. А. Г. Никольскій) потребовалъ отъ подвѣдомственнымъ ему приходовъ ежемѣсячной повѣрки церковныхъ суммъ. Что можетъ быть проще этого? Что естественнѣе и законнѣе? Повѣрка суммъ требуется закономъ, подтверждена недавно указомъ св. синода, требуется, наконецъ, самымъ существомъ дѣла; и однако изъ 24 старостъ подвѣдомаго о. Никольскому благочинія шестеро не согласились подписать обязательство о требуемой отчетности Особенно удивительно, смѣшно-удивительно, что происходитъ этотъ отказъ, когда старосты и эти шесть, какъ и остальные 21 того же благочинія, какъ наконецъ всѣ старосты всей Москвы и всей Россіи, обязаны къ отчетливости и безъ того, помимо подписокъ, они отвѣтили бы предъ уголовнымъ судомъ,

*) С. И. 27 февраля, № 55.

если бы поднять формальное дѣло о томъ, что они вопреки закону и смыслу своихъ обязанностей къ повѣркѣ церковныхъ суммъ не только не допускаютъ, но еще подложно расписываются ежемѣсячно,—будто-бы повѣрка происходила.

Чего-же смотрятъ причты?—естественный вопросъ для каждаго, кто не хорошо знакомъ съ церковно-приходскими порядками Но въ томъ то и дѣло, что во всей Москвѣ причты, со священникомъ во главѣ, безмолвно участвуютъ въ ложномъ свидѣтельствѣ, подписываются ежемѣсячно въ книгахъ, что они при повѣркѣ были или что при высыпкѣ изъ кружки находились, тогда какъ видятъ церковный ящикъ издали. Положеніе неслыханное, безпримѣрное! „И однако намекните только старостѣ, говорятъ обыкновенно священники, что хорошо бы провѣрить суммы, онъ сейчасъ положитъ предъ вами ключи и рѣшительно произнесетъ: я служить не хочу“. А потомъ ищи другого! „Всякій другой изречетъ тоже самое: нраву моему не препятствуй. Кто же будетъ стоять у церковнаго ящика?“

Между тѣмъ то здѣсь, то тамъ ходили слухи о не совсѣмъ даже церемонномъ обращеніи старостъ съ церковными суммами. Бывали даже случаи, что при одномъ старостѣ церковные доходы не превосходили трехъ тысячъ въ годъ, а при преемникѣ, безъ особенныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, возрастали до девяти. Бывали случаи банкротствъ, застигавшихъ купчину во время исправленія имъ должности старосты, вовлекавшихъ церковь въ негласные, тѣмъ не менѣе чувствительные, убытки. Бывали случаи..... но что о нихъ говорить? Пусть кто-нибудь болѣе досужій возьмется перечислить всѣ достовѣрныя и правдоподобныя сказанія о томъ, какъ большинство старостъ хозяйствуетъ въ церквахъ. О. Никольскій выразился еще очень умѣренно, указавъ лишь на одинъ, впрочемъ довольно обыкновенный случай, когда одновременно съ постройкою церквей производятся постройки и въ домахъ старостъ; въ такомъ случаѣ обыкновенно слухи ходятъ самые неблаговидные для старостъ.....

И однако шесть старостъ изъ благочинія отказались дать обязательство подвергать себя провѣркѣ! И однако же изъ 11

или 12 московскихъ благочиній только одинъ благочинный рѣшился даже на эту, въ сущности не только законную, но обязательную для всѣхъ мѣру. Прочіе отцы благочинные не осмѣливаются, какъ видно, даже возвышать голосъ. ....

О Никольскому дѣлаетъ большую честь, что онъ не пожертвовалъ исполненіемъ своего долга ни на чемъ не основанному самодурству. Но нельзя не выразить сожалѣнія, что даже онъ въ своей рѣчи гг. старостамъ выразился съ излишнею, по нашему мнѣнію, даже недозволительною мягкостью. Онъ сказалъ имъ: „если вы согласны подчиняться требованіямъ закона, то благоволите въ томъ подписаться“. Намъ кажется, объ исполненіи закона согласія не спрашиваютъ, а требуютъ повиновенія безпрекословнаго; спрашивать о согласіи значило бы уже допускать въ принципѣ право на уклоненіе отъ закона. Какъ благочинный, онъ долженъ былъ строго потребовать подчиненія, о тѣхъ же, которые не только не исполняютъ закона, но и намѣренно ему противятся, представить высшему начальству ..

О торговлѣ святыней*).

Къ чести нашего духовенства надо сказать, что оно не привыкло торговать святыней. Исключеніе представляютъ деревенскія свадьбы. Если разобрать внимательнѣе, то и здѣсь вымогательства (которыя, надобно признаться, довольно обыкновенны) проистекаютъ изъ государственнаго положенія, приданнаго священнику. Священникъ въ данномъ случаѣ является вершителемъ не только церковнаго, но и гражданскаго брака· онъ записываетъ его въ метрику, а за этимъ цѣлый рядъ послѣдствій для четы и ея семейства, гражданскихъ и экономическихъ Сказать, чтобы тутъ духовенство торговало благодатью, будетъ односторонне. Самъ отецъ жениха, который выторго-

*) С И. 28 февраля, № 56.

вываетъ у собравшагося причта лишній рубль или полтинникъ, помышляетъ совсѣмъ не о томъ, чтобы дешевле купить самое благословеніе: онъ въ немъ себѣ и не даетъ отчета. Онъ размышляетъ о томъ, чтобы до поста ввести невѣстку въ домъ и получить новую крѣпостную работницу. Представимъ, что принудительная сила сообщается браку помимо церковнаго благословенія: однимъ словомъ, что существуетъ гражданскій бракъ, всѣ побужденія, у одного вымогать, у другого выторговывать мигомъ отпадутъ: священникъ удовольствуется тѣмъ, что дадутъ, не расцѣнивая своего духовнаго даянія. Мимоходомъ сказать, потому то самому гражданскій бракъ, который вездѣ въ Европѣ есть одно изъ послѣднихъ словъ, произносимыхъ государствами противъ церкви въ ихъ тысячелѣтней борьбѣ, у насъ имѣлъ бы другое историческое и общественное значеніе: онъ снялъ бы путы не съ общества, а съ церкви; онъ ее бы возвеличилъ, очистилъ ея духовное достоинство. Само собою разумѣется, это освобожденіе служителей алтаря отъ ихъ полицейской обязанности должно бы сопровождаться соотвѣтственными преобразованіями и вообще въ положеніи духовенства.

Вотъ почему общество у насъ всегда смущается, когда завидитъ или заслышитъ дѣйствительную торговлю святыней. На этотъ разъ даже словоупотребленіе наше обнаруживаетъ замѣчательную деликатность, не дозволяя выраженія „купить икону“; употребляется обыкновенно „вымѣнять“. Въ экономическомъ-то смыслѣ, разумѣется, все равно; но языкъ или народъ, имъ говорящій, хочетъ показать этимъ, что въ куплѣ или въ мѣнѣ, производимой при передачѣ священнаго изображенія изъ рукъ въ руки, есть нѣчто неподлежащее экономической сдѣлкѣ, лежащее внѣ цѣны. Припомнимъ, какъ лѣтъ пять, шесть назадъ смутились многіе газетнымъ объявленіемъ о продажѣ іерусалимскихъ савановъ въ одномъ изъ монастырей. Увидали въ этомъ профанацію, и справедливо.

Что же сказать о прейскурантѣ Пенежскаго монастыря? Нашъ сотрудникъ имѣлъ любезность представить намъ и самый подлинникъ, съ котораго онъ копировалъ. Мы должны прибавить,

что этотъ подлинникъ печатный; гдѣ онъ напечатанъ, впрочемъ, неизвѣстно, потому что типографіи не обозначено. Рукописнаго въ этомъ текстѣ, какъ обыкновенно бываетъ въ печатныхъ циркулярахъ, только подпись настоятеля, мѣсяцъ и число и имя адресата, къ которому посылается циркуляръ.

Духовенство прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ оскорбится этимъ произведеніемъ о настоятеля Сергія съ братіею. Это внѣ всякаго сомнѣнія, и это-то, какъ мы сказали, дѣлаетъ ему большую честь. Думаемъ, что среди свѣтскаго общества, къ которому монастырь разсылаетъ свои прейскуранты, не особенно благосклонно оцѣненъ будетъ такой, черезъ чуръ уже новый способъ воззванія къ благотворенію. Что, если-бы и всѣ остальные монастыри и церкви прибѣгли къ тому-же и образовали бы изъ себя рынокъ? Послѣдствія сообразитъ даже самый суевѣрный и невѣжественный благотворитель; онъ отвернется тогда ото всѣхъ, и никакой зазывъ, никакое пониженіе цѣнъ не возвратятъ его къ числу вѣрующихъ

Прейскурантъ Пенежскаго монастыря могъ бы быть предметомъ цѣлаго разбора. Можно бы было, помимо общаго характера таксы, указать на неприличное названіе „чинъ“, которое стоитъ въ заголовкѣ. „Чиномъ“, напримѣръ, литургіи, утрени, а равно и поминовенія называется самое это богослуженіе, его составъ, а здѣсь этимъ словомъ обозначается такса! Поминовеніе раздѣляется, какъ и быть должно конечно, на заупокойное и заздравное. Достойно замѣчанія, что и заздравное поминовеніе у о. настоятеля, какъ заупокойное, подраздѣляется на временное и „вѣчное“. Вѣчное заздравное,—что бы это значило? Значитъ ли „пожизненное?“ Нѣтъ, потому что прейскурантъ въ числѣ вѣчныхъ заздравныхъ упоминаетъ о „сорокодневномъ“, и даже прямо о „сорокоустѣ“, что обыкновенно относится исключительно къ покойникамъ. Очевидно, что таксу придумала и весь этотъ документъ составляла голова, мало просвѣщенная. Это можетъ служить еще нѣкоторымъ извиненіемъ для о. Сергія съ братіею, о которыхъ, какъ объ отцахъ Стоглаваго собора, прилично выразиться словами собора 1667 года· „простотою

и невѣжествомъ писаша". Но сознаніе своей малоучености должно было бы внушать имъ обязанность прибѣгнуть къ совѣту чьего-нибудь болѣе просвѣщеннаго ума, прежде чѣмъ разсылать по Россіи свои прейскуранты и даже прежде, чѣмъ отдавать ихъ въ печать.

О контролѣ въ управленіи церковными имуществами *).

Намъ передаютъ, что большинство гг. старостъ церковныхъ недовольны сочувствіемъ, которое высказали мы распоряженію о. благочиннаго Никольскаго, и недовольны вообще совѣтомъ нашимъ—не допускать безконторольности въ управленіи церковными имуществами.

„Меня зовутъ вотъ уже который годъ старостой; и рѣшался было наконецъ. Но не пойду теперь, если будутъ считать", говоритъ одинъ.

—Почему такъ?

„Я уйду, я брошу ключи, если меня начнутъ считать," говоритъ другой.

—Да отчего же? спрашиваемъ мы опять.

„Всякій староста тратитъ свои деньги на церковь, а тутъ станутъ его учитывать."

—Тутъ-то его и учитывать, и тѣмъ болѣе ему похвалы. А безъ этого злые языки, глядя на медаль одного и крестъ другого, разсуждаютъ: ишь, навѣсилъ, на церковныя деньги вызолотилъ главу, да и выдалъ, будто бы на свои, и важничаетъ.

—„Чтожъ, развѣ мы воры?"

—А кто же запретитъ выводить такое заключеніе, при видѣ непонятнаго отказа подвергать себя учету? Казначея учитываютъ во всякомъ присутственномъ мѣстѣ; собственнаго прикащика учитываетъ каждый хозяинъ и тотъ же староста-купецъ. Значитъ ли, что считаютъ всякаго казначея и прикащика

*) С. И. 7 марта, № 64.

непремѣнно воромъ? Учетомъ ограждаютъ, напротивъ, честнаго человѣка отъ вора, потому что безъ учета, и честнаго человѣка легко приравниваютъ къ вору. Можно ли, говоря по чистой совѣсти, утверждать и то, что въ числѣ старостъ дѣйствительно не было людей, которые не отличаютъ своего отъ церковнаго?

„Да какіе же мы прикащики? Мы хозяева А тутъ попъ будетъ нами командовать: безъ его воли ничего тогда не посмѣй дѣлать."

—Вотъ въ этомъ-то вся сущность заблужденія. Не староста же однако хозяинъ; хозяевами называются тѣ, у кого капиталъ, находящійся въ ихъ распоряженіи, составляетъ ихъ собственность. Это во-первыхъ. А во-вторыхъ, учетъ старостъ вовсе не ведетъ къ безапелляціонному хозяйствованію и священника. По закону, при провѣркѣ церковныхъ суммъ, священникъ присутствуетъ только, и при томъ не одинъ, а со всѣхъ причтомъ. По тому же закону, и распоряженіе церковнымъ имуществомъ принадлежитъ священнику, причту и старостѣ совокупно, а въ важныхъ случаяхъ предполагается согласіе и всѣхъ прихожанъ. Тѣмъ же прихожанамъ предоставляется право присутствовать и при повѣркѣ суммъ; если это не ставится имъ въ обязанность, то по нежеланію ихъ затруднить. Что же можетъ быть честнѣе, безобиднѣе, достойнѣе церкви и ея высокаго назначенія, когда бы эти предначертанія закона исполнялись буквально? Хозяевами церковнаго имущества были бы тѣ, кому оно и въ дѣйствительности принадлежитъ, то есть прихожане, подаяніями которыхъ оно составилось или точнѣе—приходъ, котораго современные прихожане суть временные представители. Распорядителями, исполняющими церковныя нужды прихожанъ, согласно ихъ желанію, были бы тѣ лица, которыя ближе всѣхъ стоятъ къ храму, то есть причтъ со старостой. Каждая церковная копѣйка была бы ясна. Не было бы безразсудныхъ издержекъ, какія случаются теперь, по капризу старостъ и ихъ не развитымъ привычкамъ Истинный благотворитель—староста получалъ бы тогда достойную мзду и

похвалу, незаподозрѣнный въ томъ, что церковные сборы выдаетъ за собственныя пожертвованія; а тѣмъ, которые, не различая своего отъ церковнаго, пускаютъ церковныя деньги въ оборотъ или даже просто перепускаютъ себѣ въ карманъ, преграждена была бы дорога.

Печальнѣе всего въ этой распрѣ между старостами, нежелающими подвергнуться учету, и причтами, желающими исполнить законъ, требующій учета,—отсутствіе духа любви между двумя сторонами. Нужно отдать честь духовенству, что оно съ своей стороны даже черезъ-чуръ долготерпѣливо. Но куда какъ не похваленъ этотъ духъ любоначалія, подсказывающій старостѣ грубое возраженіе: „какъ-де меня такого и такого смѣетъ провѣрять попъ и дьяконъ съ дьячками". Судя по подобнымъ восклицаніямъ, гг. старосты воображаютъ должно быть, что не имъ оказывается честь избраніемъ ихъ въ старосты, а они оказываютъ честь—кому?—церкви и приходу. Въ виду этого пусть крайняго и дикаго мнѣнія, совѣтовали бы мы московскому духовенству ступить еще шагъ по пути снисхожденія, а именно—озаботиться повсемѣстнымъ устроеніемъ приходскихъ попечительствъ. Нужно снизойти къ неразвитости тѣхъ, кто трудно примиряется съ мыслію, что провѣряющими будутъ священникъ съ причтомъ: такъ отнимите окончательное основаніе къ этимъ возраженіямъ, хотя въ дѣйствительности вы и теперь настаиваете только на исполненіи закона и справедливости, а вовсе не изъ своихъ видовъ. Устройте провѣрку церковныхъ суммъ и всего церковнаго хозяйства посредствомъ самихъ прихожанъ, что для старостъ будетъ не такъ обидно. А это возможно только именно посредствомъ попечительствъ, то есть постояннаго органа, состоящаго изъ нѣсколькихъ прихожанъ, заботою котораго были бы вообще польза церкви и прихода, и въ частности высшее наблюденіе за церковнымъ хозяйствомъ. Къ сожалѣнію, именно въ Москвѣ-то попечительствъ совсѣмъ и нѣтъ, гдѣ бы они между тѣмъ легче всего и могли составиться и болѣе принести пользы, нежели гдѣ-нибудь.

Толковый апостолъ о. Михаила*).

Выпускъ первой части Толковаго Апостола и назначеніе составителя ея ректоромъ Московской духовной академіи налагаетъ на насъ обязанность сказать нѣсколько словъ о книгѣ и выразить нѣкоторыя опасенія.

Толковательные труды о. Михаила имѣли необыкновенный успѣхъ: думаемъ, что этотъ эпитетъ не будетъ преувеличенъ въ примѣненіи къ книгамъ, расходящимся свыше десятка тысячъ экземпляровъ въ какіе-нибудь три-четыре года. Къ этому прибавимъ, что книги не отличаются особенною доступностью цѣны, не сопровождались никакими рекламами и, напротивъ, встрѣчены въ печати критикою, не только придирчивою, но даже злорадною. Это фактъ, заслуживающій вниманія. Онъ доказываетъ, что на сочиненія подобнаго рода есть потребность; потребность такъ велика, что не останавливается предъ цѣной, и наконецъ что авторъ угадалъ не просто фактъ потребности, но и ея качество,—чего именно желаетъ читающее общество отъ библейскихъ толкованій. О Михаилъ не первый и не послѣдній. Не станемъ называть именъ и сличать достоинствъ, но несомнѣнно, что попытки другихъ толкователей не увѣнчались успѣхомъ: иныя толкованія не распространялись далѣе школьнаго употребленія, другія пролежали въ книжныхъ складахъ совсѣмъ безъ движенія. Совокупность этихъ обстоятельствъ даетъ своего рода патентъ толкованіямъ о. Михаила и мы рады это засвидѣтельствовать. Упомянутая выше придирчивая рецензія, напечатанная когда-то въ одномъ изъ духовныхъ журналовъ, подступила къ Толковому Евангелію съ учеными требованіями, которымъ оно, по ея мнѣнію, не удовлетворяетъ и съ нѣкоторымъ злорадствомъ выставила промахи и недосмотры автора Но вопросъ нужно ставить не такъ. Нужна ли для русскаго народа протолкованная Библія и въ частности Евангеліе, и сдѣлано ли кѣмъ-либо и что-либо для этого? Вотъ един-

*) С И. 25 марта, № 82

ственный вопросъ, съ которымъ дозволительно подступать къ сочиненіямъ подобнымъ Толковому Евангелію. Если мы обозримъ исторію русской церкви; если въ частности переберемъ богословскую литературу со временн заведенія у насъ духовной школы, мы приходимъ къ печальному убѣжденію, что за исключеніемъ весьма посредственныхъ трудовъ Иринея, принадлежащихъ притомъ прошлому столѣтію, ничего цѣлаго и систематическаго въ этомъ родѣ у насъ не появлялось, а частные опыты толкованій той или другой книги, не прибавивъ ничего богословской наукѣ (или прибавивъ слишкомъ мало), не дали ничего и народу, который ихъ не принялъ. И въ этомъ то смыслѣ о. Михаилъ, какъ бы ни судили о его трудѣ, съ гелертерской точки зрѣнія, поставилъ себѣ великій памятникъ и оказалъ услугу церкви, литературѣ, развитію общества,— услугу неоцѣнимую Заслуга его въ томъ самомъ между прочимъ, за что готовы упрекать его педанты. Въ данномъ положеніи русскаго общества нужно было найти середину между ученымъ экзегезомъ и толкованіемъ нравоучительнымъ. Красиво выглядываетъ, нечего и говорить, ученое сочиненіе, обставленное цитатами, загроможденное историческими, филологическими и критическими комментаріями; можно показать ораторскій талантъ въ гомилетическомъ родѣ, въ объясненіи нравоучительномъ. Но ждутъ не того, хотя ждутъ несомнѣнно толкованія. Мы проживемъ еще не одинъ десятокъ лѣтъ, прежде чѣмъ въ пору будетъ намъ подниматься на соперничество съ какою-нибудь школой, въ родѣ Тюбингенской, и если бы кому пришлось дойти въ критикѣ и экзегезѣ до оригинальнаго вывода въ этомъ смыслѣ, (чего впрочемъ при данномъ развитіи у насъ богословской науки мы даже не допускаемъ), можно посовѣтовать изслѣдователю выступать съ подобнымъ сочиненіемъ въ Германіи, а никакъ не у насъ, гдѣ не только желающихъ читать, но и способныхъ понимать подобные труды, еще не народо. Чисто гомилетическія толкованія были бы точно не лишнія и у насъ, и до нихъ дойдетъ чередъ, но прежде нужно ввести читателя въ простое исторически—грамматическое разу-

мѣніе Библіи, какъ прежде исторически-грамматическаго объясненія необходимъ простой переводъ. Нужно толкователю, при всей учености, имѣть самоотверженіе отъ нея отказаться до извѣстной степени. Но насколько при этомъ первомъ объясненіи, назначенномъ для массы средняго общества, полезно вмѣстѣ допустить въ какомъ именно родѣ научныя подкрѣпленія и насколько нравоучительныхъ выводовъ? Вотъ вопросъ, на который способно отвѣтить только само общество. Могъ ли кто угадать это вѣрнѣе, нежели о. Михаилъ, мы оставляемъ этотъ вопросъ въ сторонѣ, тѣмъ болѣе что другихъ-то опытовъ и нѣтъ совсѣмъ. Но о. Михаилъ предпринялъ и исполнилъ задачу, и читающее общество одобрило его, тогда какъ другихъ принимаетъ холодно. А въ этомъ и сказывается заслуга теперешняго ректора академіи, заслуга, какъ мы выразились, неоцѣнимая, историческая.

Сказавъ о заслугѣ, выскажемъ и опасеніе: оно-то и вызвало насъ на эти строки. Духовно-учебный административный постъ, къ которому призванъ толкователь Евангелія и Апостола, не замедлитъ ли выхода дальнѣйшихъ частей, не прерветъ ли толковательныхъ работъ? Нѣтъ спора, назначеніе о. Михаила ректоромъ академіи есть лучшее изъ назначеній; но какъ бы обязанности администратора не увлекли за собою экзегета и не остановили его на полдорогѣ, тѣмъ болѣе что, какъ мы слышали, о. Михаилъ намѣревался не ограничиться даже Новымъ Завѣтомъ, а пройти всю Библію: это былъ бы великій вкладъ въ сокровищницу духовной литературы. Примѣръ А. В. Горскаго, котораго ректорскія обязанности совершенно отвлекли отъ ученыхъ трудовъ, способенъ питать это опасеніе, хотя и успокаиваетъ противоположный примѣръ высокопреосвященнаго Евсевія (теперь Могилевскаго архіепископа), который именно въ бытность свою ректоромъ той же академіи обогащалъ духовную литературу своими трудами.

Между тѣмъ отъ о. Михаила любители духовнаго чтенія вправѣ ожидать не одного продолженія. Отъ него самого или подъ его руководствомъ можемъ ждать и еще изданія, пусть въ

той же, а то и въ нѣсколько измѣненной редакціи—изданія не столь роскошнаго, за то болѣе приноровленнаго къ бѣднѣйшему классу читателей. Успѣхъ томовъ, сравнительно дорогихъ, указываетъ, какихъ бы громадныхъ цифръ достигало распространеніе Толковаго Евангелія при цѣнѣ, значительно удешевленной. Довольно зная условія распространенія книгъ вообще и религіозныхъ въ частности, смѣло можемъ обѣщать подобному изданію, уже не десятокъ, а сотню тысячъ пріобрѣтателей, благо потребность угадана. Изданіе такого рода было бы дѣломъ первостепенной общественной важности. Характеристическая черта современнаго духовнаго развитія заключается въ нашествіи радикальныхъ ученій. Они входятъ посредственно и непосредственно, черезъ печать, черезъ устное слово, черезъ примѣры, черезъ разложеніе быта, они носятся въ воздухѣ, и проникаютъ до глубины народныхъ массъ Гдѣ духовный отпоръ разлагающей силѣ? А никакой другой отпоръ, кромѣ свободно духовнаго, не въ силахъ оказать сдерживающаго дѣйствія Гдѣ воспитательные элементы, которые предохранили бы духовную жизнь отъ односторонняго хода, и обезпечили бы надежду, что разлагающіяся суевѣрія и слѣпыя вѣрованія, оставятъ послѣ себя не одно отрицаніе? Оглядѣть кругомъ литературу, противовѣсъ слишкомъ слабъ. Труды о Михаила представляютъ въ этомъ смыслѣ ту счастливую особенность, что даютъ во всякомъ случаѣ ручательство за свое успѣшное распространеніе

Заключимъ желаніемъ: сколько бы ни подвигался досточтимый экзегетъ впередъ по административной лѣстницѣ, пускай ни на какой стадіи не останавливается продолженіе начатаго экзегетическаго труда. И еслибы дѣло до того дошло (позволяемъ себѣ надѣяться, впрочемъ, до этого не пойдетъ), что какая-нибудь изъ административныхъ заботъ дѣйствительно бы могла отнять у него лишнее время съ ущербомъ для толковательныхъ трудовъ, то не грѣшно было бы тогда придумать даже какія-нибудь особенныя средства къ облегченію административныхъ обязанностей, чтобы тѣмъ свободнѣе продолжалось дѣло экзегета: этого требуетъ благо общественное, благо церкви, въ широкомъ смыслѣ понимаемое.

1877 ГОДЪ.

Посланіе Константинопольскаго патріарха Іоакима*).

Святѣйшій патріархъ Константинопольскій Іоакимъ II разослалъ недавно окружное посланіе къ митрополитамъ константинопольскаго трона, въ которомъ выступаетъ защитникомъ турецкаго правительства въ предпринятой войнѣ съ Россіей, „скорбитъ и печалится по поводу приключающихся Портѣ затрудненій, которыя замедляютъ ея прогрессъ и возрожденіе(?), равно какъ и приведеніе въ исполненіе благородныхъ и великодушныхъ предначертаній народолюбиваго султана Абдулъ-Гамида—хана II, который такъ блистательно обновилъ свое славное царство дарованіемъ либеральныхъ учрежденій". Далѣе продолжаетъ:

„Зная и уважая, какъ должно, эти благія намѣренія державнѣйшаго нашего царя, всѣ европейскія державы, искренно озабоченныя улучшеніемъ участи восточныхъ христіанъ, естественно желали, чтобы дано было ему время, необходимое для ихъ осуществленія· но къ несчастію одна изъ нихъ (т. е. Россія), не знаемъ, по какимъ причинамъ, но навѣрно не по заботливости объ истинномъ интересѣ христіанъ, пользуясь возникшими въ имперіи внутренними затрудненіями, возбудила

*) С И 30 іюня, № 177.

противъ нея несправедливую войну, подъ предлогомъ защиты всѣхъ восточныхъ христіанъ, а на дѣлѣ преслѣдуя свои собственныя исключительныя выгоды, какъ это доказывается ея послѣдними всѣмъ извѣстными дѣйствіями“.....

Въ концѣ посланія патріархъ приглашаетъ паству „молиться объ отвращеніи отъ любезнаго отечества этой несправедливой и губительной войны“.

Подобное посланіе первостоятеля православной церкви, по нашему мнѣнію, должно вызвать между нами не столько порицанія, сколько глубокаго сожалѣнія, такъ какъ святѣйшій Іоакимъ, подписывая своею старческою рукою означенное посланіе къ своей паствѣ, хорошо знаетъ, что оно будетъ принято всѣми греками въ противоположномъ смыслѣ и вызоветъ только негодованіе въ грекахъ противъ турецкаго правительства, насильно вынудившаго патріарха обнародовать посланіе, направленное противъ державы, поднявшей оружіе за освобожденіе всѣхъ христіанъ Балканскаго полуострова отъ турецкаго ига.

Единовѣріе грековъ съ русскими и высокое значеніе, занимаемое и донынѣ вселенскими патріархами въ средѣ православной церкви, заставляли турецкое правительство всякій разъ, когда начиналась не только война съ Россіей, но и возстаніе въ средѣ православнаго населенія, хотя бы болгаръ, сербовъ, босняковъ и герцеговинцевъ, не говоря уже о грекахъ, подозрѣвать въ этомъ дѣлѣ патріарха Вслѣдствіе этого Порта не только отрѣшала безъ всякаго суда патріарховъ, но отправляла ихъ въ ссылку въ глубь Малой Азіи или Сѣверной Африки, заключала въ тюрьмы, предавала смертной казни (какъ патріарховъ: Кирилла Лукариса, Парфенія II и III, Кирилла VI, Григорія V и др.); нѣкоторыхъ безчеловѣчно истязала, какъ Іеремію III и Мелетія III, по подозрѣнію въ сообщничествѣ съ русскими, и т. д.

Кажется, довольно уже этихъ кровавыхъ жертвъ, принесенныхъ вселенскими патріархами за православную церковь, довольно уже замученныхъ, повѣшенныхъ, истерзанныхъ, поса-

женныхъ на колъ ея іерарховъ (въ одну греческую войну за независимость было умерщвлено, по приказанію Порты, до 80 архіереевъ), чтобы мы могли перестать порицать дѣйствія патріарха Іоакима Да что же сдѣлала для патріархіи, въ настоящее трудное и тяжкое для нея время, наша могущественная русская церковь? Помогла ли она ей чѣмъ-нибудь? Гдѣ тѣ слова ободренія, которыми наша церковь подкрѣпила вселенскаго первосвятителя и поддержала его на высотѣ его положенія въ православномъ мірѣ? Не сама ли она въ послѣдніе годы, все болѣе и болѣе отдаляясь отъ сношеній съ своею матерью церковью константинопольскою, въ то же время перестала ей оказывать какую бы то ни было поддержку, какъ матеріальную, такъ и нравственную. Гдѣ то единеніе, которое не должно было бы прекращаться между всѣми самостоятельными церквами? Нѣтъ, патріархъ не заслуживаетъ обвиненія, что въ самомъ безвыходномъ положеніи, какъ утопающій, хватается за послѣднія средства—обнародованіе посланія, чтобы спасти себя, клиръ и народъ; не заслуживаютъ обвиненія патріархъ и греческіе архіереи, являющіеся и нынѣ первыми жертвователями на вооруженіе грековъ и на распространеніе возстанія въ греческихъ провинціяхъ Турціи, хотя и заявляющіе себя вѣрными подданными султана. Довольно, повторимъ, пало мучениковъ іерарховъ въ теченіе столькихъ вѣковъ и горько, несправедливо воздвигать обвиненія противъ лицъ, не подкрѣпляемыхъ отвнѣ даже помощью духовнаго ободренія.

1878 ГОДЪ.

Бѣгуны*).

Изъ двухъ противоположныхъ угловъ—два явленія разнородныя, но параллельныя. Съ намѣреніемъ сопоставляемъ сегодня съ одесскимъ кровавымъ дѣломъ происшествіе, о которомъ сообщаютъ намъ изъ Красноуфимска, именно чтобъ выставить параллельность явленій. соціалистъ интернационалистъ, вооруженною рукою сопротивляющійся полиціи, и крестьянинъ секты „неплательщиковъ“, нападающій на священнослужителей среди религіознаго обряда—два брата, если не родные, то двоюродные. Параллельность оказалась бы ближе, если придать вѣсъ мѣстному объясненію о связи „неплательщиковъ“ съ Нечаевскою пропагандою. Мы положительно объявляемъ эту связь сказкою. Красноуфимскіе „неплательщики“ не болѣе ни менѣе, какъ бѣгуны, „странники“, „Божіи люди“ (какимъ именемъ они и назвались, по словамъ корреспондента)—секта, имѣющая извѣстное прошедшее и извѣстную систему вѣроученія, выведенную изъ крайней безпоповщины. Но это не мѣшаетъ бѣгунамъ-фанатикамъ представлять серьезный элементъ политическаго и соціальнаго безпорядка и сходиться въ выводахъ съ отводками на нашей почвѣ интернационалистовъ Совпаденіе не первое: нигилисты вообще, прежде чѣмъ получить эту

*) С. И. 1 августа, № 209.

кличку отъ талантливаго художника, уже имѣли свою двойчатку въ религіозной сектѣ „нѣтовцевъ“, тожественной даже по имени.

Красноуфимское происшествіе намъ представляется серіознымъ, тѣмъ болѣе серіознымъ, что въ числѣ „Божіихъ людей“ оказываются не русскіе только крестьяне, прародители секты, но и черемисы съ татарами; какъ перебралось старообрядческое вѣрованіе даже къ татарамъ, это трудно и объяснить. Въ данномъ случаѣ сектанты въ своихъ бѣлыхъ рубахахъ и черныхъ шляпахъ, съ своимъ вѣрованіемъ въ наступленіе страшнаго суда—пока не болѣе, какъ поврежденные, дошедшіе въ своей экзальтаціи до кандидатуры въ домъ умалишенныхъ· но секта, возводящая отказъ отъ податей и сопротивленіе властямъ въ религіозный догматъ, представляетъ не малое искушеніе и для простой сволочи, которая найдетъ удобнымъ эксплоатировать въ свою пользу догматическую систему „Божіихъ людей“, вовсе не изъ небесныхъ, а изъ очень прозаическихъ, земныхъ побужденій. Въ сущности опасность отъ такихъ „Божіихъ людей“ гораздо глубже даже, нежели отъ какихъ-нибудь Ковальскихъ, какъ ни уродливы, какъ ни преступны и эти донъ-кихоты соціализма Сравнительно Ковальскіе, Боголюбовы, Нечаевы, безопасны именно потому, что они донъ-кихоты,—донъ-кихоты въ томъ смыслѣ, что мыслятъ и дѣйствуютъ, руководимые фанатическою вѣрою въ заморскій катихизисъ, выработавшійся на почвѣ, стоящей въ другихъ условіяхъ съ нашею. Истинный, ламанчскій Донъ-Кихотъ Сервантеса былъ фанатикъ *анахронизма;* нашихъ соціалистовъ можемъ назвать фанатиками *анатопизма,* ратующими за то и противъ того, чему не имѣется у насъ соотвѣтствія: одинъ преступалъ время (*хронос*), другіе преступаютъ мѣсто (*топос*).

Земледѣльческія колоніи для евреевъ *).

„Къ дѣлу, къ дѣлу, евреи!“—Такими словами начинаетъ въ „Новороссійскомъ Телеграфѣ“, г. Ашкинази статью, сообщающую о коллоссальномъ предпріятіи, которое имѣетъ въ виду осуществить для пользы своихъ соплеменниковъ: Всеобщій Израильскій Союзъ (Alliance israelite universel). Дѣло идетъ о томъ чтобы обратить русскихъ евреевъ въ земледѣльцевъ. Какъ справедливо замѣчаетъ г. Ашкинази, евреи только потребляютъ, но не производятъ, добавимъ—не только не производятъ, но и обсасываютъ производство. Г. Ашкинази справедливо усматриваетъ въ этомъ причину, какъ выражается онъ, ненависти къ еврейскому народу, и причину, почему не даютъ ему равноправности. „Израильскій Союзъ“, очевидно, раздѣляющій туже мысль, намѣревается купить у русскаго правительства землю, раздать ее по евреямъ, пріучивъ ихъ къ машинному земледѣлію, и притомъ на кооперативныхъ началахъ. На первый разъ предполагается осѣдлать такимъ образомъ 10,000 семействъ.

Кто не пожелаетъ этому успѣха? На тѣхъ основаніяхъ, какія предполагаются Союзомъ, каждый русскій мужикъ,—не только мужикъ, но изъ классовъ болѣе развитыхъ, ухватился бы за предлагаемую благостыню Въ самомъ дѣлѣ, преполагается выдать на каждое семейство ни мало, ни много, по 20 десятинъ, да еще на обзаведеніе по 400 рублей. Что касается до правительства, то въ поддержкѣ его, притомъ самой горячей, не можетъ быть сомнѣнія. Но будетъ ли успѣхъ?

Авторъ надѣется, приводя въ основаніе, что еврейскія паріи тяготятся своимъ положеніемъ. Едва ли. Они тяготятся своею бѣдностью, тяготятся безправіемъ, другими словами—ограниченною сферою, предоставляемою для ихъ эксплоатаціи, но не положеніемъ собственно, не профессіею. Развѣ не знаютъ гг. Израильскій Союзъ и г. Ашкинази, что мысль о колонизаціи евреевъ не нова, что ее пробовали осуществить въ минувшее царствованіе, точно также предложивши имъ земли въ надѣлъ?

*) С И 23 августа, № 231.

Гдѣ же успѣхъ? Евреи побросали свои земли или передали плугъ наемщикамъ, а сами, даже и числясь въ земледѣльцахъ, предались своему любимому и единственно привычному „хандель“. Даже вѣроученіе еврейское противостоитъ такой колонизаціи. Они лишены отечества, они странники, это есть догматъ; еврей не долженъ оставлять посоха въ рукѣ, потому что онъ странникъ· переломите это убѣжденіе, переработайте эту привычку! Нѣтъ сомнѣнія, что въ данномъ случаѣ еврей наймет работника, а самъ пустится въ *хандель*. „Четыреста рублей“! Да это цѣлый капиталъ! Самъ С. С. Поляковъ не имѣлъ при началѣ такихъ денегъ. Четыреста рублей дадутъ мнѣ въ нѣсколько лѣтъ милліоны, разсудитъ еврейскій парія,—и не ошибется корчемствомъ, контрабандою, ростовщичествомъ и всѣми другими подобными *еврейскими* пріемами, слишкомъ намъ извѣстными, при умѣ, при оборотливости, въ которыхъ нельзя отказать этому племени, нажить милліонъ можно. И главное,—нажить легко, безъ физическаго труда, дѣйствуя быстро одними мозгами Возможно ли разбогатѣть такъ скоро и такъ широко на земледѣліи, да и вообще на какомъ угодно производствѣ, если вести его честно? Возможно ли на нихъ вообще разбогатѣть?

Если „Израильскій Союзъ“ осуществитъ свою мысль, то онъ долженъ будетъ прослѣдить и за ея исполненіемъ. Можетъ быть, онъ и найдетъ средства приковать своихъ соотечественниковъ къ производительному земледѣлію, которыхъ тщетно отыскивало правительство. Онъ имъ свой; онъ можетъ пустить мѣры принужденія, на которыя правительство не рѣшится изъ опасенія упрековъ въ нетерпимости. И прекрасно это было бы. По крайней мѣрѣ снимется тогда съ насъ упрекъ въ религіозной будто бы нетерпимости Религія тутъ совершенно ни при чемъ. Еврейское племя есть племя-паразитъ, только поѣдающій, обсасывающій чужой трудъ, не участвуя въ производительности· вотъ вся разгадка, и если Израильскій Союзъ отыщетъ то чудотворное средство, которымъ паразитъ будетъ превращенъ въ производителя, то ему будетъ первый глубокій поклонъ благодарности отъ всего русскаго народа, отъ всего христіанскаго населенія....

Объ имущественныхъ отношеніяхъ къ восточнымъ церквамъ *).

Въ настоящій моментъ приближающейся развязки съ восточнымъ вопросомъ, не безполезно напомнить объ отношеніяхъ нашихъ, и притомъ имущественныхъ отношеніяхъ, къ восточнымъ церквамъ, и преимущественно къ одной изъ патріархій, именно Іерусалимской. Въ Россіи, именно въ Бессарабіи, существуютъ довольно обширныя имѣнія, принадлежащія св. гробу. Доходъ съ нихъ простирается до 250 тысячъ рублей сер. По существующему въ настоящее время порядку, $^2/_5$ этого дохода идетъ въ распоряженіе Кишиневскаго архіерея, $^1/_5$ на управленіе этими имѣніями и только остальныя $^2/_5$ назначаются въ Іерусалимъ, въ распоряженіе св гроба; но и эти деньги очень рѣдко отсылаются, а онѣ большею частію хранятся въ государственномъ банкѣ. Точно также, поступаютъ и съ прочими въ Бессарабіи церковными имѣніями, принадлежащими Аѳонскимъ, Синайскому, Румынскимъ монастырямъ и другимъ

Спрашивается: такова ли нужда Кишиневской епархіи, чтобы пользоваться ей, въ сущности безъ права, цѣлыми $^2/_5$ имѣній, не ей принадлежащихъ? Пусть на эти деньги устроены при 15 кишиневскихъ монастыряхъ школы; (на нихъ изъ доходовъ съ палестинскихъ имѣній издерживается ежегодно 30,390 р. и единовременно въ 1876 году израсходовано на строительныя надобности 111,600 р. 55 к.). Пусть содержится на эти деньги епархіальное женское училище; на нихъ же мужское епархіальное училище и проч. Словомъ, деньги тратятся на нужды почтенныя. Но мы говоримъ о правѣ и о нуждѣ сравнительной. Кишиневская епархія есть одна изъ богатѣйшихъ въ Россіи. Митрополія Кишиневская (такъ называется архіерейскій Кишиневскій домъ) получаетъ до 60 тыс. руб сер. годового дохода, одной братіи въ архіерейскомъ домѣ съ послушниками и служителями насчитывается болѣе 70 че-

*) С И 6 декабря, № 336.

ловѣкъ (въ такой многочисленности нигдѣ ихъ въ другихъ епархіяхъ нѣтъ). Монастыри тоже очень богаты, а ихъ 16 епархіальныхъ, не считая греческаго и румынскаго. Церквей же съ соборными всего 465 (а въ 1872 году было 785, слѣдовательно закрыто 320), священниковъ въ 1872 году было 1,003, а теперь 663. При такомъ положеніи есть ли для Кишиневской епархіи особенная нужда заимствоваться, въ сущности, чужими деньгами?

Посмотримъ съ другой стороны послѣдствія такого порядка для самого св гроба, для Палестины. Тамъ закрыты, со взятіемъ въ казну церковныхъ имѣній въ Іерусалимѣ, высшее богословское училище, богадѣльни и больницы съ даровыми аптеками. Точно такимъ же образомъ закрылись больницы съ аптеками во всѣхъ другихъ св. мѣстахъ, гдѣ онѣ были открыты въ разное время. Закрыты всѣ 39 арабскихъ школъ. Сельскимъ священникамъ (изъ арабовъ) прекращено жалованье, за арабское населеніе прекращены взносы податей (патріархія уплачивала прежде за нихъ всѣ подати турецкому правительству до 1872 года), а также даровая раздача хлѣба (еженедѣльно по 2 раза бѣднымъ арабскимъ семействамъ раздавался хлѣбъ и прочіе припасы); кромѣ того, бѣдные изъ арабовъ жили въ 105 домахъ, состоявшихъ при патріархіи. Теперь изъ этихъ домовъ многіе разрушились, въ наемныхъ домахъ, за которые патріархія платила ежегодно по 8 тыс руб на наши деньги, теперь болѣе не живутъ, потому что нанимать дома нѣтъ средствъ болѣе.—Не станемъ обсуждать, справедлива ли мѣра, приведшая къ такимъ послѣдствіямъ, но—полезна ли? Чтобъ русское имя было чествуемо въ тѣхъ мѣстахъ, нужно ли это или не нужно? И напося ущербъ русскому вліянію, кому мы удружаемъ? Отвѣтомъ на это послужатъ слѣдующіе факты.

Какъ пишутъ, пользуясь бѣдственнымъ положеніемъ православныхъ, католическая и протестантская пропаганда въ Іерусалимѣ усилились; прибыли сотни іезуитовъ изъ Рима, прибыли американскіе миссіонеры и методисты и другіе. Въ каждой деревнѣ латиняне построили костелъ и училище; въ каждой ла-

тиняне помогаютъ деньгами тѣмъ изъ родителей, которые посылаютъ къ нимъ въ школы своихъ дѣтей (а православныя школы, какъ мы сказали выше, всѣ закрыты). Въ митрополіи Петры Аравійской и въ архіепископіи Филадельфійской болѣе половины православнаго населенія перешло уже въ католичество Въ самомъ Іерусалимѣ открываются теперь больницы, богадѣльни и училища католиками и протестантами, тогда какъ у православныхъ все это было, но по недостатку средствъ закрыто. Много архіепископскихъ каѳедръ остаются незамѣщенными. Русская миссія остается къ мѣстнымъ дѣламъ православія безучастною, совершенно отказавшись отъ преданія прежнихъ временъ, когда всѣ православные находили именно въ ней защиту и покровительство.

Повторимъ· въ моментъ приближающейся развязки восточнаго вопроса не заслуживаетъ ли серьезнѣйшаго вниманія это явленіе, которое совсѣмъ нельзя признать ни съ какой стороны выгоднымъ, и трудно признать даже вполнѣ справедливымъ?

1879 ГОДЪ.

Объ умерщвленіи евреями христіанскихъ дѣтей*).

Судебное дѣло, начало котораго помѣщено у насъ сегодня, несомнѣнно пріобрѣтетъ европейскую, даже всемірную извѣстность Родъ преступленія, фигурирующій въ немъ, выступаетъ на свѣтъ не въ первый разъ и оглашается не въ нашей только странѣ. Въ теченіи многихъ столѣтій, время отъ времени, то здѣсь, то тамъ, поднимались загадочные случаи похищенія дѣтей, сопровождаемые ихъ насильственною смертью; виновниками упорно называли евреевъ, и обстоятельства каждый разъ выглядывали для заподозрѣваемыхъ очень неблагопріятно. Умолчимъ, какимъ побужденіямъ молва приписывала преступленіе. Обвиняемая сторона отрицаетъ самые факты Существуетъ цѣлая литература по этому вопросу, и очень понятно, что приверженцы заподозрѣнной религіи не упустили ничего, чтобы сломить то, что они называютъ злобнымъ противъ себя предразсудкомъ Дѣйствительно, будетъ жестоко и, по нашему мнѣнію, прямо несправедливо выводить преступленія, въ родѣ разбираемаго въ Кутаисскомъ судѣ, изъ религіозныхъ основаній Религіи, которая бы требовала убійства, и притомъ убійства невинныхъ дѣтей,—существованію такой религіи мы отказыва-

*) С И 9 марта, № 67.

емся вѣрить, тѣмъ болѣе, что общія основанія еврейскаго вѣрованія, слишкомъ извѣстныя всѣмъ намъ, не ведутъ даже отдаленнымъ образомъ къ человѣческимъ жертвоприношеніямъ. Но совершенно невѣроятно и то объясненіе, которое даютъ загадочнымъ случаямъ евреи и ихъ защитники. Они полагаютъ, что христіанство заподозрило ихъ въ употребленіи христіанской крови, подобно тому и столь же ложно, какъ подозрѣваемы были въ подобномъ изувѣрствѣ христіане перваго вѣка римлянами; что это подозрѣніе обратилось въ постоянный предразсудокъ, который и спѣшитъ обвинять евреевъ, случись пропажа и умерщвленіе дѣтей. Нѣтъ, скажемъ мы въ отвѣтъ,—такого предразсудка среди христіанъ не существуетъ; ему и не было основанія возникнуть, подобнаго тому, какое нашли для себя римляне противъ христіанъ въ евхаристіи. И вообще, религіозной ненависти къ евреямъ нигдѣ въ христіанахъ, и особенно въ русскомъ народѣ, смѣло можемъ утверждать, нѣтъ въ настоящее время. Антипатія питается исключительно экономическими побужденіями, и притомъ въ тѣхъ странахъ и мѣстностяхъ единственно, гдѣ разрозненное населеніе, экономически недостаточно развито, увидитъ себя въ рукахъ скопившейся эксплоатаціи. Въ повѣрьяхъ, въ легендахъ, хотя бы русскаго народа, не находимъ и намека на упомянутый предразсудокъ; а онъ въ эпическомъ міровоззрѣніи долженъ бы оставить свой слѣдъ. Предразсудокъ,—если это есть предразсудокъ,—вызывается дѣйствительными случаями, а не случаи подгоняются подъ готовый предразсудокъ. И надо замѣтить, о чемъ можно удостовѣриться у самихъ еврейскихъ писателей,—случаи таинственной пропажи и умерщвленія дѣтей и обвиненія евреевъ въ этомъ жертвоприношеніи повторялись не въ однихъ христіанскихъ странахъ, но даже въ магометанскихъ. Странно предполагать одинаковый предразсудокъ во всемъ человѣчествѣ, не смотря на разности происхожденія и быта. Неужели и то припишемъ предразсудку, и притомъ вытекшему изъ религіозной ненависти, что случаи, которые вызываютъ его на свѣтъ, удивительно всѣ похожи одинъ на другой? Читая обвинитель-

ный актъ и по настоящему дѣлу, читаемъ знакомое. Порядокъ похищенія, время года, всѣ обстоятельства, до поразительности повторяютъ то, что извѣстно о другихъ подобныхъ случаяхъ, бывшихъ въ отдаленныя времена, въ отдаленныхъ странахъ Нѣтъ, стало быть тутъ есть что-то, есть фактъ какой-то, а не одно мнѣніе. Какой фактъ,—въ раскрытіи этого должна бы помочь всему цивилизованному міру благомыслящая, образованная часть самого еврейскаго общества.

Нельзя не высказать сожалѣнія, что на само еврейство въ этомъ случаѣ плоха надежда. Не ошибемся, если скажемъ, что и на этотъ разъ навѣрное раздадутся негодующія отрицанія, повторятся крики о возобновленіи „средне-вѣкового фанатизма“, и Кутаисскій судъ приравненъ будетъ къ „инквизиціи“. Мы увѣрены, найдутся многіе, которые и удовольствуются этими, слишкомъ пошлыми выраженіями анахроническаго либерализма. Напрасно; будетъ даже не въ интересахъ самого еврейства, при несомнѣнности факта, упорное отрицаніе. Въ наше время никто же не заподозритъ весь составъ еврейства, и тѣмъ болѣе его религію, въ догматѣ дѣтоубійства. Слѣдовательно, простое благоразуміе должно бы внушить любящимъ свою націю евреямъ, что выгоднѣе выдать изверговъ, если они случайно есть среди націи, нежели ихъ прикрывать и тѣмъ только болѣе вооружать другихъ противъ себя.

Въ христіанахъ не существуетъ предразсудка, сказали мы, который бы обвинялъ евреевъ въ употребленіи младенческой крови (фанатическаго предубѣжденія нѣкоторыхъ нельзя смѣшивать съ общимъ мнѣніемъ всѣхъ). Но нѣтъ ли обратнаго предразсудка среди самыхъ евреевъ? Если среди христіанъ являлись фанатики, забывавшіе въ своемъ фанатизмѣ о всякомъ человѣколюбіи, доходившіе до звѣрства, до истязаній, почему такого фанатизма не можетъ быть, или не могло бывать и среди евреевъ? Мы не видимъ основаній, которыя бы говорили положительно нѣтъ. Въ христіанствѣ была инквизиція, существуютъ іезуиты, существуютъ скопцы. Это не христіанство, а извращеніе христіанства: но мы, христіане, не отрицаемъ факта.

Статочное ли дѣло, чтобы въ массѣ евреевъ, особенно въ грубой, непросвѣщенной его части, не коренилось ненависти къ намъ, христіанамъ? Не можетъ ли ненависть эта подвигать къ безчеловѣчнымъ поступкамъ, не могутъ ли эти поступки образоваться для нѣкоторыхъ въ правило, въ долгъ, въ преданіе, формироваться въ извѣстную конкретную заповѣдь, положимъ, хотя бы объ истязаніи дѣтей напримѣръ? А если такъ, то случаи, подобные разбираемому въ Кутаисскомъ судѣ, найдутъ очень естественное объясненіе, понятное въ своей логикѣ и исторіи.

Настоящій случай не первый ли во всей Европѣ, что обвиненіе въ похищеніи и умерщвленіи христіанскаго дитяти евреями, разбирается судомъ присяжныхъ? Не беремся рѣшительно утверждать, но кажется, что новое европейское судопроизводство дѣйствительно еще не сталкивалось съ подобными случаями, по очень простой впрочемъ причинѣ: по относительной малочисленности евреевъ въ западной Европѣ, ихъ высшей, сравнительно со здѣшними, умственной развитости и отсутствію фанатизма съ обѣихъ сторонъ. Ни обвиненій, ни случаевъ, подающихъ имъ поводъ, не можетъ тамъ быть. Но у насъ подобный процессъ, гласно производимый и притомъ предъ присяжными, положительно есть первый. Дѣла, въ родѣ настоящаго, велись доселѣ въ закрытыхъ судахъ. Одно (велижское), надѣлало въ свое время много европейскаго шума; хотя очень сомнительное и по своему существу и по всѣмъ сопровождавшимъ обстоятельствамъ, оно кончилось тогда не только оправданіемъ обвиняемыхъ, но чуть ли даже не запрещеніемъ судебной власти впредь вообще начинать такія дѣла. Они поэтому заминались всегда, при самомъ началѣ своемъ, административнымъ порядкомъ. Не далѣе двухъ или трехъ лѣтъ, мы помнимъ, была вѣсть изъ Перми о подобномъ Кутаисскому случаѣ; но г начальникъ губерніи оффиціальною къ намъ телеграммою прекратилъ всѣ дальнѣйшіе разговоры и догадки. Не знаемъ, дѣйствительно ли тогда самый случай похищенія и умерщвленія дитяти оказался вздоромъ; или же онъ преданъ былъ, какъ выражаются, „волѣ Божіей“, изъ либеральнаго опасенія попасть

въ „узкій фанатизмъ“ Теперь, когда подобное же дѣло дошло до гласнаго суда, пожелаемъ, чтобы оно озарилось возможно яснымъ свѣтомъ, къ торжеству правды и къ возможному разрѣшенію и очищенію религіозно-племенныхъ недоразумѣній, которыя, къ прискорбію, съ обѣихъ сторонъ далеко еще не разрѣшены и не очищены.

Церковные вопросы*)

Въ послѣднемъ воскресномъ № „Новаго времени“ мы прочитали статью о „Домашнихъ Церковныхъ Вопросахъ“. Статья, очевидно, принадлежитъ перу какого-нибудь адепта той клерикально-бюрократической партіи, которой столь вѣрнымъ органомъ служитъ „Церковно-Общественной Вѣстникъ.“ Катихизисъ этой партіи извѣстенъ: не духовенство для приходовъ, а приходы для духовенства, не церковная іерархія, а управленіе церковью чрезъ чиновничество. Можно было бы спросить клерикало-бюрократовъ: да для чего-жъ послѣ того и священство, когда паства съ ея духовными потребностями есть только орудіе для „улучшенія быта“ пастырей, а сами пастыри суть только орудіе администраціи? Если же лишнее административное орудіе въ лицѣ духовенства признается необходимымъ, и только въ этомъ смыслѣ признается, то добросовѣстность требуетъ по крайней мѣрѣ не подмѣнивать именъ, а такъ и называть вещь по существу, потому что народъ понимаетъ подъ духовенствомъ не полицейское орудіе, а нѣчто иное и иного отъ него ожидаетъ.

Но не станемъ входить въ препирательство объ основныхъ воззрѣніяхъ; каждый мыслитъ по своему убѣжденію, и клерикало-бюрократы пускай остаются при своемъ. Въ настоящее время клерикало-бюрократъ радуется побѣдѣ, которую „мы въ тихомолку“, какъ выражается онъ, одержали недавно надъ собственною уступчивостью предъ Константинопольскою патріархіею.

*) С. И 23 марта, № 81

Кто это „мы“?—Дѣло идетъ о какомъ-то отвѣтѣ св. синода на запросъ Константинопольскаго патріарха, составленномъ и посланномъ, какъ выражается авторъ, „въ тихомолку“. Отчего же „мы“, когда „въ тихомолку“? Идетъ вопросъ церковный, который касается не трехъ, четырехъ лицъ, а всѣхъ 70,000,000 православныхъ русскихъ: „это касается не одной какой-нибудь канцеляріи, а всего народа“, какъ справедливо выразился самъ авторъ. Правда, авторъ утверждаетъ въ концѣ, что „нашъ народъ отвѣтитъ одною благодарностью и довѣріемъ тѣмъ, кто имѣлъ мужество .“ и проч., но это есть пока его ожиданіе, по меньшей мѣрѣ преждевременное, и говорить о канцелярскомъ элаборатѣ „мы“, употребляя это „мы“ въ смыслѣ всенародности, нѣсколько смѣло.

И о посланіи Константинопольскаго патріарха, и объ отвѣтѣ св. синода можемъ судить только на основаніи сообщеній автора. На его отвѣтственности и оставляемъ, что запросъ состоялъ въ выраженіи недоумѣнія, почему русскіе священники за Дунаемъ имѣли общеніе и сослужили съ болгарскими, а отвѣтъ св. синода въ томъ, что онъ (синодъ) „не видитъ никакихъ основаній считать болгаръ еретиками“. Намъ нѣсколько сомнителенъ этотъ отвѣтъ, равно какъ и то, что болгары признаны отъ Константинополя еретиками. Между константинопольской патріархіей и болгарскимъ экзархатомъ существуетъ схизма, расколъ, а это нѣчто другое. Въ этомъ единственно смыслѣ, какъ намъ кажется, могъ и спрашивать патріархъ, и онъ имѣлъ основаніе спрашивать, потому что необходимо было удостовѣриться, съ какою же стороною сохраняетъ единеніе русская церковь: ибо нельзя же, да и всякій клерикало-бюрократъ едва ли одобритъ, когда русскій священникъ, напримѣръ, будетъ служить безразлично и въ своей церкви, и въ церкви, такъ называемой поповщинской, вмѣстѣ съ другимъ священникомъ, напримѣръ, „австрійскаго священства.“

И такъ, если св. синодъ отвѣчалъ, какъ увѣряетъ авторъ, что онъ не видитъ основаній считать болгаръ еретиками,

это былъ бы отвѣтъ не на вопросъ. Но если бы отвѣтъ относился и прямо къ вопросу, въ немъ не могло быть указанія на „отсутствіе основаній“ Патріархъ безъ сомнѣнія указывалъ на опредѣленія послѣдняго Константинопольскаго собора по болгарскому дѣлу, который для него, патріарха, конечно обязателенъ Патріархъ выражался, какъ совершенно справедливо находитъ авторъ, отъ лица *помѣстной* церкви, по отношенію къ которой Русская церковь есть величина равносильная, какъ опять справедливо разсуждаетъ тотъ же авторъ. Но не совсѣмъ понятно, въ силу чего нашъ клерикало-бюрократъ приравниваетъ къ помѣстной церкви нашъ св. синодъ, и „канцелярское дѣло“, какъ онъ самъ называетъ синодальное посланіе, къ соборному опредѣленію. Св. синодъ есть іерархическая величина, равносильная единоличному Константинопольскому патріарху,—только; такъ значится въ самой грамотѣ о его учрежденіи, и такъ есть по существу дѣла Въ добавокъ, слышали мы, за достовѣрность чего не ручаемся впрочемъ, что и это „канцелярское дѣло“, какъ чествуетъ его самъ его восхвалитель, нашло за себя не всѣ голоса среди даже малочисленнаго нашего синодальнаго состава. Въ церковныхъ рѣшеніяхъ предполагается единогласіе (разногласіе и есть расколъ): слѣдовательно, отвѣтъ, которымъ восторгается авторъ, даже не голосъ синода въ точномъ смыслѣ, тѣмъ менѣе—голосъ всей помѣстной (Русской) церкви.

Впрочемъ, мы не станемъ распространяться объ этомъ частномъ случаѣ разногласія (разумѣемъ греко-болгарскую распрю). Какъ мы неоднократно указывали и разъясняли, дѣло это подлежитъ не бюрократическому и не помѣстному, а вселенскому соборному обсужденію. Клерикало-бюрократъ, обрадовавшись побѣдѣ, которую, повторяемъ его слова, канцелярія „въ тихомолку“ одержала надъ уступчивостью предъ Константинополемъ въ дѣлахъ церковныхъ, спѣшитъ указать на „домашніе“, то есть внутреннie русскіе церковные вопросы, прямо высказывая ожиданіе, что и они будутъ рѣшены тѣмъ же путемъ „мужества предъ константинопольской патріархіей“. Вопросы эти онъ пере-

числяетъ: „брачная реформа, второженство священниковъ, церковный судъ“. Мы съ своей стороны, не станемъ гадать, сбудутся ли ожиданія автора и будуть ли упомянутые вопросы рѣшены тѣмъ путемъ, какимъ онъ желаетъ. Все возможно; но только предупреждаемъ, что *такихъ* вопросовъ рѣшеніе и *такимъ* путемъ будетъ всего менѣе церковное, и что если до сихъ поръ эти вопросы не рѣшались, то вовсе не изъ угодничества предъ константинопольскимъ, ни даже всѣми восточными патріархами, какъ автору воображается, и вовсе не въ слѣдствіе „нашего незнакомства съ церковною исторіею, преподаваемою по бѣднымъ и неточнымъ источникамъ“. Причина гораздо основательнѣе, и намъ удивительно, какъ это недоумѣваетъ о ней авторъ, изучавшій, сколько можно полагать изъ его словъ, церковную исторію по „богатымъ“ и должно быть „точнымъ“ источникамъ.—Соборная наша церковь или нѣтъ? Соборность обязываетъ ли членовъ церкви къ единомыслію и къ послушанію соборнымъ опредѣленіямъ?—Доселѣ полагали, что *да*, и что вышедшій изъ соборнаго единомыслія есть раскольникъ, схизматикъ, кто онъ ни будетъ, патріархъ ли, синодъ ли (частный), архіерей, священникъ. На основаніи этомъ-то, въ качествѣ помѣстнаго члена, Русская церковь доселѣ ничего и не предпринимала по вопросамъ вселенской важности безъ совѣта съ другими церквами; равномѣрно и Константинопольская. Хотя бы тотъ же болгарскій вопросъ,—вѣдь Константинопольская патріархія предлагала его вниманію Русской церкви и даже приглашала ее, если не ошибаемся, на соборъ. Приглашеніе, сколько мы помнимъ, было положено подъ сукно, и не вина патріархіи, если соборъ состоялся безъ содѣйствія русской іерархіи. А кого винить, если на соборѣ вопросъ былъ рѣшенъ, можетъ быть, и односторонне, на это пусть придумываютъ отвѣтъ уже сами клерикалъ-бюрократы.

Всѣ „домашніе“, какъ выражается авторъ, церковные вопросы, перечисленные имъ, несомнѣнно относятся къ числу подлежащихъ соборному обсужденію, ибо имѣютъ за собою правила, всею церковію принятыя и на соборахъ опредѣлен-

ныя. Если бы ожиданія автора сбылись и бюрократически создались новыя правила, противныя канонамъ, они конечно будутъ имѣть государственную силу. Но церковь (полагая въ ней іерархію и вѣрующій народъ) приметъ ли ихъ внутренно-обязательными для своей совѣсти? Впрочемъ автора вѣроятно мало это безпокоитъ. Пастыри, въ его воззрѣніи, конечно суть только чиновники, а паства—загнанное стадо, обязанное только повиноваться и содѣйствовать „улучшенію быта“ пастырей, и церковные порядки не ихъ дѣло, и какъ видится—не дѣло даже пастырей, по мнѣнію автора. Но слѣдовало бы, повторимъ, по крайней мѣрѣ называть вещи своими именами, и не привязывать наименованія „духовной паствы“ къ тому, въ чемъ видится только полицейскій участокъ своего рода, и не кощунствовать словомъ „церковь“.

Кутаисскій процессъ объ убіеніи евреями дѣвочки*)

Драма, разыгравшаяся годъ тому назадъ на Кавказѣ, вѣроятно, свѣжа еще у всѣхъ въ памяти: разумѣемъ таинственную смерть дѣвочки-грузинки, Сарры Модебадзе. Судебное по поводу этого дѣло производилось такъ недавно, что читатели не забыли главныхъ его очертаній, не забыли и того напряженнаго любопытства, съ какимъ ожидаемъ былъ исходъ процесса, и того всеобщаго, съ тяжелымъ чувствомъ соединеннаго удивленія, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Кутаисскомъ судѣ процессъ кончился оправданіемъ. Неудивительно ли въ самомъ дѣлѣ? Совершилось вопіющее преступленіе надъ неповиннымъ ребенкомъ и, не смотря на то, что голосъ этого ребенка вопилъ о мщеніи за себя, преступленіе это оказалось почему-то... не преступленіемъ, дѣяніемъ ненаказуемымъ; всѣ подсудимые, обвинявшіеся въ умерщвленіи Сарры, оправданы; оправданы, хотя судебное слѣдствіе, какъ могли видѣть читавшіе о немъ стенографическій отчетъ, не дало удовлетворительныхъ объяс-

*) С И 25 апрѣля, № 112

ненiй, какимъ бы инымъ образомъ, кромѣ убiйства, могла приключиться смерть несчастной Саррѣ.

Мы сказали о всеобщемъ удивленiи по поводу оправдательнаго приговора. Спѣшимъ оговориться: большинство петербургской печати нисколько не было ни удивлено, ни огорчено; напротивъ, лишь только вѣсть объ оправданiи доходитъ по телеграфу въ Петербургъ, какъ одна большая газета впадаетъ въ восторгъ и поднимаетъ побѣдный кличъ: „прочь, семивѣковое *суевѣрiе* христiанъ, *тяготѣвшее* надъ ихъ совѣстью! Нелѣпое обвиненiе публично опровергнуто, и намъ остается только пожелать, чтобы впредь не было уже даваемо хода подобнымъ нелѣпостямъ Отъ души привѣтствуемъ *мы* гласное обсужденiе нелѣпаго обвиненiя!“ Большинство публики вправѣ было удивиться, въ свою очередь, на это ликованiе. Откуда этотъ восторженный тонъ, къ чему громъ и молнiя? Неужели нельзя было обойтись безъ фразъ, которыя, обыкновенно, никогда ничего не доказываютъ, и высказать свое мнѣнiе о кутаисскомъ процессѣ съ болѣе спокойнымъ чувствомъ? Этотъ восторженный тонъ только доказываетъ намъ, чего вѣроятно не ожидалъ авторъ, что онъ, самъ авторъ, къ кутаисскому дѣлу не безпристрастенъ, въ силу какихъ основанiй не станемъ докапываться, но во всякомъ случаѣ не на основанiи данныхъ, выясненныхъ отчасти обвинительнымъ актомъ, отчасти судебнымъ слѣдствiемъ. „*Нелѣпое* обвиненiе публично опровергнуто“. Почему-жъ именно „нелѣпое“? Не потому ли, что обвинявшiеся въ умерщвленiи Сарры Модебадзе евреи заподозрѣны были чернью въ употребленiи христiанской крови? Но они обвинялись только въ ординарномъ, обыкновенномъ убiйствѣ, а вовсе не въ томъ, что путемъ такого убiйства воспользовались христiанскою кровью. Слѣдовательно, съ этой стороны ничего нелѣпаго нѣтъ. Или обвиненiе нелѣпо потому, что въ совершенiи преступленiя обвинялись евреи? Въ такомъ случаѣ каждое преступленiе ординарное, совершенное евреемъ, будетъ нелѣпо: стоитъ только сказать, или приписать черни мнѣнiе, что въ преступленiи виноватъ религiозный фанатизмъ, и тогда мы будемъ, слѣдова-

тельно, уполномочены воскликнуть: „это нелѣпо!“ Можно преспокойно обвинять скопцовъ и другихъ, не евреевъ, въ совершеніи преступленій „по заблужденію фанатизма“, можемъ ссылать ихъ даже на каторгу. Но все это должно относится къ не евреямъ, а евреевъ не смѣемъ трогать: у нихъ не можетъ быть религіознаго фанатизма; они, изволите ли видѣть, должны находиться въ особомъ, по отношенію ко всѣмъ другимъ смертнымъ, привиллегированномъ положеніи. Если же бы нашелся смертный, который бы рѣшился обвинить еврея въ совершеніи преступленія изъ суевѣрныхъ побужденій, то сколь бы ни были очевидны и сильны улики, оно должно быть обращено въ „нелѣпое“ само по себѣ.

Русскихъ крестьянъ мы можемъ обвинять въ вырытіи покойниковъ изъ могилъ, съ цѣлью предовратить тѣмъ бездождіе; или въ вырытіи трупа изъ могилы, съ цѣлью добыть изъ него жиръ на свѣчку, обладающую чудодѣйственною силою дѣлать похитителя чужой собственности невидимымъ и неосязаемымъ *). Никто намъ не говоритъ въ этихъ случаяхъ, что обвиненіе въ такихъ преступленіяхъ „нелѣпое“. Выходитъ, что евреи могутъ безнаказанно совершать какія угодно, самыя ординарныя преступленія. Совершитъ еврей, положимъ, убійство съ цѣлью ограбленія: стоитъ только пронести молву, что оно совершено-де въ предохраненіе единовѣрцевъ его отъ проказы, и обвиненіе окажется „нелѣпымъ;“ наймутъ нѣсколько адвокатовъ-знаменитостей, изъ которыхъ одному поручатъ, „религіозную сторону дѣла“; тотъ станетъ распинаться, доказывая, что преступленіе съ подобною цѣлью безсмыслица, и что потому оно не могло быть совершено его кліентомъ. Обвиненіе будетъ „публично опровергнуто“, и насъ уже станутъ обвинять въ какомъ-то „суевѣріи, тяготѣющимъ надъ нашею совѣстью“ и т. д

„Нелѣпое обвиненіе *публично опровергнуто*“. Но дѣйствительно ли оно опровергнуто? Стоитъ только внимательно прочесть

*) Примѣры подобныхъ преступленій доходили до суда, и виновные несли заслуженную кару закона.

отчетъ о судебномъ слѣдствіи, чтобы сильно усомниться. Подсудимые обвинялись не въ томъ, что добыли изъ тѣла Сарры Модебадзе христіанскую кровь, а въ похищеніи и убійствѣ Сарры. Во всемъ уложеніи о наказаніяхъ нѣтъ ни одной статьи, которая бы предусматривала случай употребленія евреями христіанской крови; стало быть, съ юридической точки зрѣнія о немъ не могло быть и рѣчи; рѣчь, повторяемъ, можетъ быть только о похищеніи и убійствѣ Сарры Модебадзе; съ какою именно цѣлью—это уже другой вопросъ, вопросъ факта, а не права, который долженъ былъ выясниться на судѣ путемъ судебнаго слѣдствія. По этому-то и трудно понять, чему здѣсь такъ обрадовалась петербургская газета: тому-ли, что преступленіе, въ которомъ обвинялись сачхерскіе мѣщане, осталось недоказаннымъ, или тому, что дѣйствительные убійцы ушли отъ заслуженной кары закона?

„Приговоръ суда“, говоритъ тотъ же авторъ, былъ встрѣченъ громкими рукоплесканіями, и при этомъ прибавляетъ: „Слава Богу! въ первый разъ послѣ 25-лѣтняго промежутка, общественное (?) правосудіе высказало категорическое порицаніе обвиненію, основанному на предразсудкѣ и поддерживаемому невѣжествомъ“. Сомнѣваемся, чтобы общество рукоплескало такому приговору, позволяющему безнаказанно совершать злодѣянія. Лицо, присутствовавшее на судебномъ слѣдствіи по этому дѣлу, наоборотъ передавало намъ, что общество осталось очень недовольно оправдательнымъ приговоромъ; если же были рукоплесканія, то они исходили изъ среды еврейскаго общества, которое рукоплескало болѣе всего тому, вѣроятно, что десятки тысячъ рублей, на которые имъ куплена была защита своихъ членовъ, не пропали даромъ. Говоря объ „общественномъ правосудіи“, авторъ, очевидно, забываетъ, что дѣло это разбиралось безъ участія присяжныхъ засѣдателей, такъ какъ институтъ присяжныхъ въ Закавказскомъ краѣ еще не введенъ. Приговоръ, какъ извѣстно, опротестованъ прокуроромъ, а теперь даже и отмѣненъ. Особенно восторгаться, по этому, было нѣсколько даже и преждевременно.

Другая петербургская газета по поводу обвинительнаго акта выразилась такъ: „Удивительно, какъ кавказская прокуратура робко и смиренно пошла по слѣдамъ *фантазіи и вымысла и поставила обвиненіе въ томъ, что христіанскую дѣвочку убили евреи, и съ прямою цѣлью воспользоваться ея кровью для праздника Пасхи;* въ настоящемъ случаѣ для такого обвиненія (какого—именно? что они убили?) *не было ни одного слова, ни одного серьезнаго факта*“. Мы нарочно подчеркнули нѣкоторыя слова, потому что ни въ одномъ изъ нихъ нѣтъ ни малѣйшей доли правды Въ обвинительномъ актѣ, напечатанномъ между прочимъ и въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“, не было ни единаго намека на обвиненіе евреевъ въ томъ, чтобы они убили „христіанскую“ дѣвочку „съ прямою цѣлью воспользоваться ея кровью для праздника Пасхи“; въ актѣ только изложено было обвиненіе сачхерскихъ мѣщанъ въ похищеніи и умерщвленіи Сарры Модебадзе, причемъ цѣль этого преступленія была оставлена въ неизвѣстности Слишкомъ смѣло увѣреніе почтенной газеты и въ томъ, будто для обвиненія подсудимыхъ въ похищеніи и умерщвленіи Сарры Модебадзе „не было ни одного слова, ни одного серьезнаго факта“.

Не станемъ факту умерщвленія Модебадзе поспѣшно придавать какого бы ни было религіознаго значенія; мы не считаемъ его затрогивающимъ интересы христіанъ; на подсудимыхъ мы смотримъ не какъ на евреевъ, а какъ на простыхъ смертныхъ. Другими словами, на убійство Сарры мы смотримъ съ чисто юридической точки зрѣнія, а потому и вопроса о томъ. съ какою именно цѣлью оно было совершено, мы не будемъ касаться; для насъ важенъ только фактъ убійства, и мы вполнѣ убѣждены на основаніи всего того, что выяснено было на судѣ, путемъ допроса свидѣтелей. Правда, и цѣль преступленія, и побужденія, вызвавшія его, не лишены значенія, но вопросъ о нихъ важенъ собственно для опредѣленія степени наказуемости· такъ, напримѣръ, предумышленное убійство, совершенное съ цѣлью ограбленія, влечетъ за собою каторжныя работы въ рудникахъ на время, отъ 15 до 20 лѣтъ, и даже безсрочныя,

тогда какъ предумышленное убійство, совершенное „по слабоумію, глупости, крайнему невѣжеству“ (суевѣрію), наказывается хотя тою же каторгою, но на срокъ отъ 10 до 15 лѣтъ. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ важенъ только для судей, при избраніи ими степени и мѣры наказанія; для насъ же, для общества, фактъ убійства остается въ одинаковой силѣ, съ какою бы цѣлью онъ не совершался. Жизнь человѣческая дорога безусловно, и съ какою бы цѣлію ни похищали ее преступнымъ образомъ, она не умаляется отъ того въ цѣнѣ и не возвращается ни для самой жертвы преступленія, ни для того общества, изъ среды котораго она преступнымъ образомъ похищена.

Церковное пѣніе*).

Прошлое воскресенье, въ присутствіи профессоровъ музыки, духовныхъ лицъ и горсти любителей, было производимо практическое сравненіе различныхъ методъ православнаго церковнаго пѣнія. Скажемъ, что впечатлѣніе было необыкновенное; оно произведено частію именно сравненіемъ, которое давалось уху непосредственными переходами отъ обиходнаго пѣнія къ партесному или греческому, или отъ угорскаго (православно-западнаго) къ обиходному. Между прочимъ, само обиходное пѣніе, исполненное унисономъ, испытано было въ исполненіи на греческій образецъ, гдѣ мелодію выводитъ только одинъ или два пѣвца, весь же остальной хоръ, въ продолженіи всего пѣснопѣнія, ведетъ одну основную ноту или гласовой ключъ пѣснопѣнія.

Въ частности, необыкновенное впечатлѣніе произведено было греческимъ пѣніемъ, именно и этимъ, необыкновенно оригинальнымъ способомъ исполненія, и своеобразностью мелодіи, не напоминавшей ни объ одномъ родѣ извѣстныхъ намъ музыкальныхъ произведеній, ниже о нашемъ, тѣмъ менѣе запад-

---

*) С. И 7 мая, № 124.

номъ церковномъ, пѣніи: что-то совершенно и явственно молитвенное. Присутствовавшій на собраніи преосвященный Порфирій, знатокъ и видокъ дѣла, увѣрялъ присутствовавшихъ, что опытъ, произведенный здѣсь, не можетъ еще, по силѣ впечатлѣнія, идти и въ далекое сравненіе съ подлиннымъ греческимъ пѣніемъ, исполняемымъ на его родинѣ, пѣвцами, понимающими языкъ и смыслъ пѣснопѣній

Сообщеніе ученаго преосвященнаго, которому между прочимъ обязаны мы и переложеніемъ исполненнаго греческаго пѣнія, съ церковно-греческихъ крюковъ на наши линейно-нотные знаки, пояснило ошибку, въ которой доселѣ бывали всѣ, знавшіе о восточной музыкѣ по книгамъ. Ученый Виллото, писавшій объ этой музыкѣ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, на основаніи личныхъ наблюденій, вѣроятно былъ родоначальникомъ ошибочнаго мнѣнія, будто въ греческихъ церквахъ мелодію исполняетъ весь хоръ, а гласовый ключъ, или тамъ такъ называемый *ison*, тянется однимъ пѣвцомъ, тогда какъ дѣло на оборотъ. Вѣроятно, ученый французъ самъ хорового пѣнія не слыхалъ, а получилъ о немъ понятіе отъ третьяго лица и смѣшалъ роли. Нельзя не подивиться, мимоходомъ, что цѣлый міръ своеобразной, богатой музыки, остался съ тѣхъ поръ въ теченіи осьмидесяти лѣтъ совершенно невѣдомымъ, и притомъ не западной только Европѣ, но и намъ, связаннымъ съ восточными землями единовѣріемъ, откуда мы должны были, по теоретическимъ предположеніямъ, заимствовать и свое пѣніе.

Въ какой мѣрѣ однако оно заимствовано, что нами изъ него удержано и что принадлежитъ нашему творчеству,—вотъ вопросъ, который не только не рѣшенъ, и который долженъ быть предметомъ изысканій желающаго основаться Общества любителей пѣнія. Вопросъ важенъ въ томъ отношеніи, что отъ него зависитъ другой, практическій: что же мы должны и какъ пѣть? Допустимо ли въ церковномъ пѣніи переложеніе на голоса (партитура) и обязано ли оно довольствоваться унисономъ? Откуда происхожденіе самихъ нашихъ мелодій въ церковномъ пѣніи, даже старыхъ, обиходныхъ? Что должно быть

руководительною нитью для будущихъ творцовъ церковной музыки и какъ опредѣлить ея музыкальный родъ, ея техническіе предѣлы? Нѣтъ нужды прибавлять, что мы желаемъ горячо скорѣйшаго осуществленія задуманному Обществу, которому предсказываемъ, при умѣломъ веденіи, небывалую популярность. Не забудемъ, что изъ всѣхъ искусствъ пѣніе есть единственное у русскаго народа исконное; еще архитектура можетъ предъявить аттестатъ нѣкоторой самостоятельности. Прочія суть прививныя, заемныя, лишенныя національной почвы.

Говоря о вопросахъ, подлежащихъ будущему Обществу пѣнія, которые наводитъ сличеніе мелодій и способовъ исполненія, нашихъ съ греческими, мы никакъ не думаемъ предсказывать, что послѣдніе должны быть поставлены въ образецъ и правило. Не смотря на всю чрезвычайную древность греческой музыки (по словамъ преосвященнаго Порфирія, сохранились записи мелодій еще отъ X вѣка), мы сильно сомнѣваемся, чтобы теперешнее исполненіе, образецъ котораго мы слышали, было подлиннымъ, естественнымъ, первичнымъ пѣніемъ христіанской православной церкви Это веденіе однообразнаго гласоваго звука, безъ словъ, слишкомъ искусственно,—болѣе органно, сценично, если угодно, нежели приличествуетъ пѣнію живой молитвы. Оно образовалось, какъ мы полагаемъ, изъ обычая первенствующей церкви сопровождать пѣвца живымъ аккомпаниментомъ въ полголоса, а затѣмъ регулировано и приведено въ систему подъ вліяніемъ теоріи гласовъ. Конечно, это наша догадка, и пусть основательность ея провѣритъ будущее ученое Общество.

Борьба съ нищенствомъ*).

Правительство озаботилось вопросомъ о нищихъ, что свидѣтельствуется учрежденіемъ особой по этому предмету коммиссіи. Привѣтствуемъ заботливость; а если при этомъ, какъ передаютъ, предполагается и обратить бездѣльныя руки нищихъ къ обработкѣ пустующихъ земель, то можно радоваться вдвое.

*) С И. 16 мая, № 133.

Нищихъ въ Россіи не должно бы быть по настоящему, за исключеніемъ малочисленнаго сравнительно класса городскихъ пролетаріевъ. Всякій, если не собственникъ, принадлежитъ къ поземельной общинѣ, средства къ существованію которой, *предполагается, обезпечены*. Если нищіе *являются* и продолжаютъ существовать, это указываетъ только, что въ общинномъ учрежденіи, то-есть сельскомъ устройствѣ, есть какой нибудь пробѣлъ, и притомъ двоякаго свойства, идетъ ли дѣло о нищихъ-бродягахъ, которые промышляютъ нищенствомъ, имѣя здоровыя руки и готовый матеріалъ для труда, или о нищихъ-бѣднякахъ, нуждою выгоняемыхъ на уличное попрошайничество. Первый классъ впрочемъ раждается изъ второго, привычка обращаетъ въ повседневное занятіе то, что вытекло изъ нужды. Крестьянинъ-погорѣлецъ, крестьянинъ, котораго за недоимку лишили послѣднихъ животовъ, крестьянинъ, просрочившій въ городѣ паспортъ и не нашедшій въ городской работѣ средствъ на выписку новаго, сперва невольные попрошайки, обращаются въ бродягъ-дилеттантовъ, воровъ, даже разбойниковъ. Во всякомъ случаѣ ихъ существованіе доказываетъ, что 1) или экономическія силы общины не достаточны, чтобы прокормить населеніе; или 2) что нѣтъ достаточныхъ у нея силъ, чтобы обратить своихъ членовъ къ имѣющимся занятіямъ. Первый недостатокъ касается экономическаго устройства, второй административнаго. Бываютъ, конечно, и оба недостатка вмѣстѣ.

Итакъ, для кореннаго прекращенія нищенства, необходимо, минуя все, обратиться прямо къ общинамъ, и всмотрѣться, достаточно ли имъ дано экономическихъ средствъ въ предохраненіе отъ невольной бѣдности, за которою потомъ слѣдуетъ и изъ которой нарождается вольное нищенство, и достаточно ли онѣ обезпечены силами юридическими и нравственными, чтобы исправлять бѣдняка, совратившагося уже. Всякій иной путь къ искорененію нищенства, принудительный ли то будетъ или благотворительный, есть сизифова работа, наполненіе бездоннаго ящика, гнанье мухъ изъ окна съ тѣмъ, чтобы онѣ влетали въ другое. Благотворительность, въ частности, и недоста-

точна здѣсь, да и излишня. Излишня именно потому, что каждому и безъ того обезпечено существованіе; а недостаточна потому, что имущіе классы далеко не въ такомъ избыткѣ сами, чтобы прокормить всѣхъ вольныхъ и невольныхъ бѣдняковъ. Прямая противоположность Англіи: тамъ благотворительность, и даже принудительная въ видѣ подати, есть единственно-возможное средство, при отсутствіи собственности и готоваго труда у громаднаго большинства. Все населеніе тамъ есть предметъ эксплоатаціи для немногихъ, и эти немногіе обладаютъ всѣмъ національнымъ достояніемъ, срывая въ исключительную свою пользу плоды національнаго производства, оставляя самому народу на выборъ только два исхода; или умирать съ голода на улицѣ отъ недостатка хлѣба, жилища и труда, или прокармливаться тѣмъ, что выкинетъ ему имущій землевладѣлецъ или фабрикантъ за трудъ, до котораго онъ удостоитъ простолюдина допустить. Тамъ есть изъ чего благодарить, ибо все и принадлежитъ немногимъ; съ другой стороны, тѣмъ же условіемъ быта создается обязанность благотворить и право требовать благотворенія, потому что, по праву, по крайней мѣрѣ половина всего и должна принадлежать благотворимымъ. Благотвореніе перестаетъ быть благотвореніемъ; оно есть повинность, долгъ, уплачиваемый народу, и уплачиваемый даже непропорціально займу или точнѣе хищенію, произведенному у народа, возвращеніе единицъ за сотню. Въ томъ же смыслѣ остается благотвореніе для англичанина, даже когда оно является, сверхъ общинной подати на бѣдныхъ, добровольнымъ его приношеніемъ на человѣколюбивыя цѣли: потому что каждый имущій, въ силу общихъ соціальныхъ условій, остается и за взносомъ подати все-таки должникомъ народнымъ, и какъ ни обширны добровольныя человѣколюбивыя приношенія, они не истощаютъ дающаго, котораго средства во всякомъ случаѣ преизбыточествуютъ и ни въ какомъ случаѣ не возвращаютъ полностью народу то, что у него ежедневно похищается.

Сказаннаго совершенно достаточно для уясненія, что въ слѣдствіе прямой противоположности экономическихъ основъ

нашего государства, обращеніе за искорененіемъ нищенства къ благотворительности будетъ до извѣстной степени у насъ даже вредно. Дать голодному хлѣба добродѣтельно вообще: но когда у голодающаго хлѣбъ лежитъ около, и онъ не достаетъ его единственно по лѣни, подавать ему хлѣбъ,—значитъ служить лѣни и развращать его, хотя дѣяніе дающаго, само по себѣ, и не перестаетъ быть христіански-нравственнымъ. Поэтому нельзя согласиться съ мнѣніемъ, высказаннымъ нѣкоторыми, что услугу въ искорененіи нищенства могли бы оказать приходскія попечительства Приходскія попечительства основаны у насъ все таки на началѣ благотворительности; они составляются изъ добровольныхъ членовъ, вносящихъ доброхотныя подаянія. Съ другой стороны, мало могутъ тутъ и земства, къ которымъ обращается министерство внутреннихъ дѣлъ за содѣйствіемъ. Что же они сдѣлаютъ? Устроятъ богадѣльни? Изъ какихъ суммъ? Изъ налоговъ ли, собираемыхъ съ тружениковъ? И это съ тѣмъ, чтобы питать тунеядцевъ? Или же предполагается учрежденіе работныхъ домовъ на земскій счетъ и подъ земскимъ наблюденіемъ? Оно было бы основательно, когда бы дѣло поставилось такъ, чтобы выручка съ производства вознаграждала не только трудъ, но и затраты на учрежденіе. Иначе это будетъ тоже богадѣльнею для дармоѣдовъ на счетъ тружениковъ. Съ другой стороны, такіе центральные домы не могутъ не послужить поощреніемъ къ нищенству, когда для призрѣваемаго въ работномъ домѣ готова работа на родинѣ. Онъ попалъ въ работный домъ не потому, чтобы ему негдѣ и не надъ чѣмъ работать, а потому, что не хочетъ; таковы нищіе въ тѣсномъ смыслѣ слова. Разоренные же бѣдняки, контингентъ будущихъ нищихъ, не работаютъ, хотя бы и желали, потому что нуждаются въ капиталѣ, котораго лишились не по своей винѣ: сгорѣлъ домъ, свели корову, не на что выправить паспортъ или пассажирскій билетъ для возвращенія на родину. Тогда проще имъ помочь возвращеніемъ того, чего они лишились, обзаведеніемъ имъ хозяйствъ на мѣстѣ, не отторгая ихъ отъ родины, не запирая ихъ въ четыре стѣны. Но это касается

уже не тѣхъ крупныхъ единицъ, на которыя теперь разбито земство, а прямо—общинъ.

Работные домы пусть необходимы, но исключительно для закоренѣлыхъ нищихъ, нищихъ-бродягъ, они же большею частію и воры и пьяницы. Работный домъ для нихъ будетъ карательною и исправительною тюрьмою, и пускай они такъ и называются. Вопросъ тогда сводится не болѣе какъ къ сочиненію лишней статьи въ Уложеніи о наказаніяхъ, которая присудитъ извѣстный классъ нищихъ къ заключенію въ исправительныхъ тюрьмахъ, къ поселенію въ исправительныхъ колоніяхъ, къ работамъ на исправительныхъ заводахъ. Но гдѣ у насъ тюрьмы для нищихъ, когда въ должномъ видѣ ихъ нѣтъ даже для первыхъ, законнѣйшихъ претендентовъ на тюрьму,—для уголовныхъ преступниковъ? Поселеніе (исправительная колонія), легкая каторга (принудительная работа на заводахъ) остаются пока единственными средствами, которыя сравнительно не потребуютъ и большихъ затратъ; хотя, правду сказать, и такія поселенія и каторги у насъ еще не организованы, но устройство ихъ, по крайней мѣрѣ, легче. Во всякомъ случаѣ принципъ долженъ быть выдержанъ, чтобы тунеядцы не сидѣли на шеѣ труженниковъ. Если не поселеніе съ каторгой, то батрачество, кабала, подъ казенной ли, частной ли опекой, таковы справедливыя и цѣлесообразныя мѣры для закоренѣлыхъ нищихъ. Заселеніе ими пустующихъ земель заслуживаетъ въ этомъ смыслѣ похвалы, особенно когда оно будетъ произведено подъ подлежащей опекой.

Но исправительныя мѣры будутъ лишь пресѣкать закоренѣлое, преступное нищенство. Онѣ однако не предохраняютъ отъ его возрожденія, если одновременно не будетъ удалена первая причина, къ нему ведущая,—невольная бѣдность, и не будутъ измѣнены условія, ей способствующія. А условія эти—въ условіяхъ, подъ которыми живутъ общины: нужно облегчить общину, во первыхъ, въ налогахъ, гдѣ они непосильны, нужно облегчить ей кредитъ; нужно, во вторыхъ, точнѣе опредѣлить способы призрѣнія въ селахъ; нужно, въ третьихъ, прилить администраціи и суду въ селахъ болѣе силъ нравствен-

ныхъ и юридическихъ, чтобъ заботливость о честныхъ бѣднякахъ и развращенныхъ бездѣльникахъ не ограничивалась формою и буквою. А это возвращаетъ къ тремъ практическимъ истинамъ, которыя мы неоднократно высказывали и доказывали, и безъ примѣненія которыхъ всѣ принимаемые паллативы и противъ бѣдности, и противъ нищенства, и противъ народнаго разврата съ пьянствомъ, окажутся переливаніемъ изъ пустого въ порожнее:

1) Необходимо учрежденіе первой органической ячейки, отсутствующей въ нашемъ устройствѣ, въ Англіи извѣстной подъ именемъ прихода. Необходимъ и у насъ приходъ, не въ теперешнемъ только церковномъ смыслѣ, но въ видѣ той общественной, самоуправляющейся единицы, въ которой сосредоточены были бы, подъ завѣдываніемъ совѣта, избираемаго изъ жителей мѣстности безъ различія сословій, и общественное хозяйство, и кредитъ, и просвѣщеніе, и призрѣніе, и словомъ всѣ отрасли общественной жизни. Тогда и приходскія, такъ называемыя, попечительства получатъ смыслъ: ихъ призрѣвательныя мѣры будутъ стоять не отдѣльно и вытекутъ не изъ случайныхъ только побужденій частной филантропіи, а будутъ дѣйствовать въ связи съ уровнемъ мѣстнаго хозяйства, съ услугами мѣстнаго кредита, съ культивирующимъ вліяніемъ церкви, школы, суда и со вспомоществованіемъ мѣстной медицины.

2) Помимо существующаго раздѣленія жителей имперіи по происхожденію (сословія) и мѣсту жительства (городскія и сельскія общины), необходима обязательная классификація по занятіямъ, и каждый родъ занятій (профессія) долженъ получить правильную общественную организацію и управленіе помимо существующихъ мѣстныхъ (городского и сельскаго) и сословныхъ, назовемъ такъ—организацію артельную. Тогда, въ параллель призрѣнію сельскому, просто рѣшится вопросъ и о призрѣніи (вмѣстѣ и исправленіи) городского неимущаго класса, лишеннаго земельной обезпеченности. За спиною его, какъ за спиною земледѣльческаго класса, будетъ стоять организованная артель его профессіи, съ своего рода капиталомъ,

параллельнымъ земельному капиталу сельской общины, обезпеченная и отвѣтственная. Тогда только и окажутся дѣйствительные лишніе люди, если только они есть у насъ, и дѣйствительные тунеядцы. Кстати, тогда, и только тогда наконецъ, вполнѣ облегчится обнаженіе и изъятіе равно и тѣхъ плевелъ, которые теперь своими противогосударственными и противообщественными стремленіями начинаютъ внушать серьезныя опасенія, между тѣмъ укрываясь въ своемъ существованіи и преступной дѣятельности именно благодаря отсутствію правильной классификаціи и организаціи профессій.

3) Наконецъ, въ каждомъ классѣ, будетъ ли то земледѣльческій, будетъ ли торговый, ремесленный, или классъ свободной профессіи, въ каждомъ подраздѣленіи класса и отдѣлѣ, словомъ, въ каждой общинѣ и каждой артели, долженъ быть опредѣленъ объемъ послѣдней общественной молекулы, еще меньшей, нежели община или артель, крайней соціальной клѣточки, которая должна служить недробимою и неразрушимою основою экономическаго благосостоянія, личнаго и общественнаго. Помимо признанія „семьи“ и ея правъ, ячейки нравственной и физіологической, должно быть признано право „частнаго хозяйства“,—соотвѣтствующей ячейки экономической, каковою служитъ дворъ для крестьянина, мастерская для мастероваго. Отдѣльному, самостоятельному хозяйству неотъемлемо долженъ сопутствовать извѣстный minimum капитала, въ томъ видѣ, въ какомъ по роду занятій требуется, безъ котораго не должна быть допускаема самостоятельность и до котораго не должно быть допускаемо ни какое взысканіе. Безъ этого условія неприкосновенности неотъемлемыхъ принадлежностей хозяйственнаго заведенія, вся экономическая жизнь государства окажется построенною въ водѣ. Само собою разумѣется, съ величиною единицы хозяйства будетъ соразмѣрена и величина налога государственнаго и общественнаго, правильность котораго обезпечится *кадастромъ*.

Гдѣ же бы тогда оказались не только лишніе, тѣмъ болѣе бездѣльные, люди, но даже просто раззоренные бѣдняки?

Для раззоренныхъ—организованная, обязательная помощь отъ общинъ и артелей (ячеекъ мѣстныхъ и профессіонныхъ); для бездѣльниковъ—исправительные дома За каждаго бродягу находилось бы тогда отвѣтственное лицо (отецъ семейства или хозяинъ заведенія) или учрежденіе (община и артель), ближайшимъ сочленомъ которыхъ состоитъ бродяга, на чьей заботѣ лежитъ его обезпеченіе и опека;—не какъ теперь, когда „препровожденіе безпаспортнаго въ общество“ наноситъ только лишній расходъ казнѣ по пересылкѣ, а на общество надѣваетъ обузу, съ которою само оно не въ силахъ справиться, потому что лишено частію юридическихъ, частію нравственныхъ, а иногда и экономическихъ къ тому средствъ.

Заключимъ: въ тѣхъ же трехъ практическихъ истинахъ, нами поименованныхъ, находится простѣйшій ключъ къ разрѣшенію вопроса и о паспортахъ, который событіями дней выдвинутъ тоже на неотложную очередь.

Нищенство*).

Въ свое время мы уже разбирали вопросъ о нищенствѣ, при чемъ указывали необходимость различить нищенство вольное, то-есть бродяжничество изъ тунеядства, и христарадничество невольное, въ слѣдствіе отсутствія средствъ къ жизни и даже къ труду. Предотвращеніе послѣдняго требуетъ органическихъ преобразованій въ самомъ устройствѣ общества, а противъ перваго, то-есть нищенства въ тѣсномъ смыслѣ, должны существовать исправительные, работные дома. Авторъ нижеслѣдующей статьи рекомендуетъ противъ нищихъ монастыри, на попеченіе которыхъ, по его мнѣнію, они должны быть отдаваемы. Мысль эта не лишена основательности, хотя обобщеніе ея, дѣлаемое изъ нея авторомъ, и сильно хромаетъ во всѣхъ отношеніяхъ Начать съ того, что монастыри вовсе не

*) С И 26 іюня, № 173.

такъ богаты, какъ повидимому воображаетъ авторъ, полагая, что только нѣкоторые изъ нихъ на содержаніе нищихъ потребуютъ пособія. Во вторыхъ, монастыри разсѣяны по Россіи слишкомъ неравномѣрно, черезъ что иныя мѣстности совершенно лишены были бы предполагаемыхъ исправительныхъ заведеній, другія напротивъ слишкомъ ими обиловали бы; и наконецъ нашлись бы мѣстности, каковы именно города и преимущественно Москва, гдѣ устройство „исправительныхъ поселковъ“ вовсе не приложимо. Это удобство въ тѣхъ пустыняхъ, которыя лежатъ въ дѣйствительныхъ пустыняхъ: но какой исправительный пріютъ для нищихъ, напримѣръ, могутъ дать, хотя бы Богоявленскій здѣшній монастырь или Заиконоспасскій, лежащіе въ самомъ центрѣ города и имѣющіе какой-нибудь десятокъ братій, не болѣе?

Итакъ, предположеніе автора по настоящему надобно перевернуть и въ рекомендуемой имъ мѣрѣ видѣть не средство искоренить нищенство, а средство занять производительною работою нѣкоторые изъ монастырей или точнѣе сказать—монашествующихъ. Послѣднее различеніе тоже необходимо, потому что преувеличенно утверждать, что монастыри избавлены будто бы отъ всякой службы государству и отъ всякой тяготы. Монастырь-домовладѣлецъ несетъ, напримѣръ, равную съ прочими городскими плательщиками, и ихъ тунеядство нисколькимъ не больше тунеядства зажиточнаго землевладѣльца, и несомнѣнно меньше, нежели тунеядство капиталиста, живущаго процентными бумагами. Иное дѣло, если мы посмотримъ, достаточно ли дѣла внутри монастырскаго общежитія для самихъ его членовъ. На этотъ вопросъ приходится отвѣчать иногда отрицательно, особенно относительно многолюдныхъ монастырей; опека надъ нищими можетъ быть справедливо присоединена къ числу готовыхъ матеріаловъ для иноческаго подвига тамъ, гдѣ ихъ, помимо того, недостаточно. Мы говоримъ „опека“, нравственное исправленіе нищаго, но не говоримъ „призрѣніе“, то есть содержаніе на свои средства, призрѣнія заслуживаютъ не нищіе бродяги, а нищіе-бѣдняки, или нищіе увѣчные и немощ-

ные, для которыхъ должны быть, а отчасти и существуютъ, богадѣльни, между прочимъ уже содержимыя тѣми же монастырями, а то и приходскими церквами. Но призрѣніе таковыхъ въ строгомъ смыслѣ не обязанность ни церквей, ни монастырей, а тѣхъ обществъ, къ которымъ принадлежатъ нуждающіеся въ призрѣніи, и которымъ они сами или ихъ семьи содѣйствовали своимъ трудомъ въ свое время. Служеніе призрѣваемымъ, быть для нихъ сердобольнымъ братомъ, это соотвѣтственно призванію монаха, и тѣмъ должны и ограничиться требованія отъ него.

Итакъ, служеніе призрѣваемымъ немощнымъ и увѣчнымъ въ богадѣльняхъ, и нравственная опека надъ бродягами, отдаваемыми на исправленіе или, говоря монастырскимъ языкомъ, на „послушаніе“ въ монастыри это достойно призванія иноческаго, и въ этомъ ограниченномъ смыслѣ мысль автора заслуживаетъ вниманія.

Церковные старосты*).

Нѣкоторые выражаютъ неудовольствіе на удовольствіе, выраженное нами по поводу слуховъ о болѣе строгомъ контролѣ надъ церковными старостами. Понятно, что неудовольствіе идетъ именно изъ міра церковныхъ старостъ. Удивительно, какъ произволъ въѣлся въ нашу природу! Протестъ противъ контроля, противодѣйствіе ему и даже борьба—повсюдное явленіе во всѣхъ отрасляхъ управленія, гдѣ дѣйствуютъ выборы, не исключая даже и крестьянскаго. Разъ избранное лицо считаетъ себя какимъ-то самодержавцемъ и вмѣняетъ въ личную себѣ обиду, въ оскорбленіе своего достоинства, если замѣчаетъ попытку ревизовать его. Сейчасъ драпируются въ позу благодѣтеля, оскорбляемаго невѣжественной толпой, злобной и завистливой (зри исторію акціонерныхъ Обществъ), а не то—просто смѣются и презираютъ всѣ законныя попытки ревизіонной власти (смотри

*) С. И 15 іюля, № 192.

исторію московскаго городского управленія). Но нигдѣ оппозиція контролю не представляетъ такой плотности и такого упорства, какъ въ средѣ церковныхъ старостъ, по крайней мѣрѣ, здѣшней столицы. Тутъ духовная власть встрѣчаетъ непреоборимую стѣну. Не знаемъ, какимъ успѣхомъ пользуются настоянія о. благочиннаго Никольскаго, выступившаго было въ этомъ вопросѣ съ давно желанною энергіею и требовавшаго, чтобы законъ о повѣркѣ церковныхъ суммъ исполнялся въ точности. Признаться, мы сомнѣваемся, чтобъ успѣхъ вполнѣ соотвѣтствовалъ желаніямъ. А прочіе оо. благочинные, повидимому, и не приступали къ борьбѣ; въ большинствѣ церквей, если не во всѣхъ, причтъ продолжаетъ безотговорочно подписываться въ книгахъ: „при счетѣ были", хотя ихъ до счета этого староста и не допускалъ; и навѣрное ужъ ни въ одномъ изъ приходовъ къ повѣркѣ суммъ не приглашаются прихожане, тѣмъ менѣе подписываются, что однако закономъ предоставлено.

Казалось бы, дѣло такъ ясно, что не допускаетъ ни секунды спора Могутъ ли быть оставляемы безъ ревизіи общественныя суммы? А церковныя суммы не личныя, а общественныя. Хранитель чужого сундука можетъ ли оскорбляться повѣркою? Въ комъ развито чувство чести, тотъ наоборотъ, оскорбится тѣмъ, что его не повѣряютъ.

Не споримъ, бываютъ старосты, не щадящіе своего кошелька для церкви. Но тѣмъ больше для нихъ основанія просить, чтобъ ихъ провѣряли; тѣмъ болѣе имъ чести, когда провѣркою доказано будетъ ихъ радѣніе, не только безкорыстное, но и соединенное съ пожертвованіями, тѣмъ болѣе, наконецъ, опасности смѣшать свое съ чужимъ, и на оборотъ. Отставимъ возраженіе на счетъ „скромности" жертводателя, не желающаго, чтобы знали другіе щедрость его десницы. Опытъ говоритъ совсѣмъ противное: чаще всего пожертвованія старостъ, дѣйствительныя и мнимыя, совершаются прямо изъ тщеславія и изъ за наградъ. Наконецъ, самоотверженная скромность старосты всегда найдетъ путь укрыться, записавъ свое пожертвованіе на имя „неизвѣстнаго". Гдѣ же послѣ того причины уклоняться отъ контроля?

А факты безцеремоннаго обращенія старостъ съ церковнымъ сундукомъ не выдумки и не одни предположенія. Развѣ не фактъ, что въ одномъ изъ здѣшнихъ соборовъ, послѣ одного изъ старостъ очень извѣстнаго купца, на нашей свѣжей памяти умершаго, оказалось расхищеніе ни мало ни много, а на сумму свыше пятидесяти тысячъ? Развѣ не фактъ, еще болѣе свѣжій, что другой староста, еще здравствующій, слывшій тоже богатымъ купцомъ, чуть ли не цѣлые полтора года отказывался, послѣ смѣны своей, выдать ключи отъ сундука своему преемнику, причиною чего оказалось изъятіе банковыхъ билетовъ, принадлежащихъ церкви, на свои надобности? Духовная власть прикрыла эти грѣхи, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы ихъ не было или чтобы они не могли повторяться. Несомнѣнно, они и повторяются, и въ этомъ-то обстоятельствѣ вѣрнѣе всего отыскивать причину упорнаго уклоненія отъ ревизій. Здравый смыслъ, чувство достоинства, казалось бы, должны были послѣ двухъ упомянутыхъ фактовъ, которые не могли не быть извѣстными тотчасъ же въ средѣ старостъ, подсказать имъ совершенно обратное желаніе: „просчитайте насъ, чтобъ вы не подумали, что мы изъ такихъ же“. Но на дѣлѣ видимъ обратное,— тѣмъ упорнѣйшее уклоненіе. Къ какому заключенію уполномочивается этимъ безпристрастный, здравомысленный судья?

Если существуетъ въ св. синодѣ предположеніе подвергнуть старостъ болѣе строгому контролю, ему должно предшествовать предписаніе, чтобъ самое веденіе счетныхъ книгъ не было простою формальностью, и чтобы запись соотвѣтствовала дѣйствительности. Въ сущности, церковное счетоводство въ теченіе цѣлыхъ шестидесяти лѣтъ было узаконено ложью, завѣдомою всѣмъ, начиная съ послѣдняго дьячка и оканчивая самыми членами синодальнаго управленія. Церквамъ вмѣнено было въ обязанность отсылать прибыль отъ продажи церковныхъ свѣчей на содержаніе духовныхъ училищъ, и притомъ заботиться о непремѣнномъ приращеніи этой статьи дохода. Большая часть церквей сами между тѣмъ только и существовали на эту прибыль; у другихъ она не оказывала возрастанія,

Отсюда розникла ложь, изъ года въ годъ переходившая въ книги,—утайка доходовъ, искусственное разнесеніе ихъ и расходовъ по указаннымъ статьямъ, и ежегодная, столь же мало соотвѣтствовавшая дѣйствительности, надбавка свѣчной прибыли на нѣсколько рублей или даже копѣекъ. Желавшій выслужиться староста подбавлялъ иногда, разумѣется стольже подложно, и по цѣлымъ сотнямъ, за что получалъ награды, не заботясь о томъ, что ставилъ этимъ будущее хозяйство своей церкви въ критическое положеніе

Порядокъ этотъ отмѣненъ былъ наконецъ. Вмѣсто отчисленія прибыли отъ продажи свѣчъ, церкви обложены теперь прямымъ налогомъ, размѣръ котораго опредѣляется, если не ошибаемся, добровольною раскладкою церквей извѣстнаго района. Лгать въ книгахъ не представляется надобности, ни даже въ интересахъ частной церкви, какъ это было прежде, и духовному правительству слѣдовало бы поэтому озаботиться отученіемъ отъ порядка, въ которому пріучались со старостами причты цѣлые 60 лѣтъ, потому что безконтрольность, къ искорененію которой приступается и которая дѣйствительно есть великое зло, истекаетъ прямо изъ той невольной лжи, къ которой были принуждены причты со старостами. Прикладывая къ книгамъ подпись „при счетѣ были“, они исполняли формальность, какъ формальность. Имъ нечего было ни считать, ни ревизовать, потому что, сколько бы они ни сочли и къ какимъ бы открытіямъ ни привела ихъ ревизія, для записи это не могло имѣть послѣдствій. Оставалось положиться на совѣсть старосты, потому что и формальное подтвержденіе его честности было бы заразъ обличеніемъ какъ его, такъ и себя, въ подлогѣ; и протестъ противъ его недобросовѣстности сталкивался съ тою же формальною невозможностью, и съ тою же опасностью. Но теперь этой невозможности нѣтъ, и опасность перестала существовать; шестидесятилѣтняя привычка осталась, единственно потворствуемая тѣмъ, что не смотря на устраненіе основаній ко лжи, записи продолжаютъ вестись, по старому, фиктивныя.

Церковное хозяйство*).

Мы очень благодарны о Никольскому за присланную имъ отповѣдь. Не смотря на всю краткость цифръ, онѣ краснорѣчивы. Подъемъ свѣчной прибыли почти вдесятеро, а въ нѣкоторыхъ церквахъ и болѣе, документально свидѣтельствуетъ, что прежде эта прибыль утаивалась, или безусловно, то есть большая часть прибыли не вносилась совсѣмъ въ приходъ, или же вносилась подъ другими статьями. Какими же? Можетъ быть подъ именемъ пожертвованій неизвѣстнаго или даже самого старосты. Если же она утаивалась совсѣмъ, куда она расходовалась? Предположимъ благопріятнѣйшее· она расходовалась на нужды же церковныя, только внѣ записей. Какое однако здѣсь широкое поле произволу и даже злоупотребленіямъ, если остановиться даже на этомъ, благопріятнѣйшемъ толкованіи! Не можемъ не пожалѣть, что о. благочинный поскупился на цифры. Важно въ особенности знать отношеніе представленныхъ имъ цифръ къ общей суммѣ церковныхъ доходовъ. увеличились ли доходы вообще въ продолженіе разсматриваемаго періода или остались въ прежнемъ размѣрѣ, слѣдовательно уменьшились по другимъ статьямъ, современно возвышенію по статьѣ свѣчной прибыли? Тогда бы заключенія были тверже.

Какъ бы то ни было, но смѣшно же требовать, чтобы движеніе суммъ въ какомъ бы то ни было общественномъ учрежденіи оставляемо было безъ контроля, на исключительномъ самовластномъ завѣдываніи одного лица. Единственное, сколько-нибудь основательное возраженіе со стороны ревнителей теперешняго безконтрольнаго хозяйничанья церковными деньгами можетъ быть представлено то, что при точной отчетности многія церковныя нужды останутся неудовлетворенными: церквамъ предоставлено слишкомъ мало власти распоряжаться собственными деньгами, для каждой бездѣлицы, выходящей изъ ряда обыкно-

*) С И. 19 іюля, № 196

венныхъ расходовъ, приходилось бы испрашивать разрѣшеніе, на которое не всегда можно надѣяться. Предположимъ, для храмового праздника, по установившемуся обычаю, нужно нанять пѣвчихъ. Но этотъ наемъ не принадлежитъ къ числу узаконенныхъ расходовъ, и начальство можетъ въ немъ отказать, понятно—къ ущербу же церковнаго хозяйства, которое отъ найма пѣвчихъ не потеряетъ, но выгадаетъ. Слѣдовательно положеніе старосты: или вынимай собственныя деньги, на что не всякій расположенъ, да и не всякій въ состояніи; или затрачивай церковныя деньги негласно, то-есть не показывая суммы на пѣвчихъ ни въ расходѣ, ни въ приходѣ.

Приведенный примѣръ есть одинъ изъ безчисленнаго множества, и всѣ они сводятся къ одному существенному недостатку, даже прямѣе сказать—къ существенной несправедливости въ церковномъ хозяйствѣ. Кто истинный хозяинъ церковныхъ денегъ? Точнаго юридическаго отвѣта, отвѣта принципіальнаго, законъ не даетъ. На дѣлѣ, право собственности какъ бы признается и за отдѣльными церквами, то-есть тѣми, въ которыя притекаютъ приношенія, и частное благосостояніе которыхъ преимущественно, если не исключительно, имѣется въ виду самими жертвователями. Но съ другой стороны тоже право присвоивается церкви въ общемъ ея составѣ, то есть всей русской церкви или точнѣе ея верховному управленію. Накопился при извѣстной церкви значительный остатокъ денегъ, высшее духовное управленіе отберетъ ихъ безъ разговора на „общія нужды церкви“,—не скажемъ самымъ законнымъ образомъ, по крайней мѣрѣ не противозаконнымъ, то есть не встрѣчая себѣ отпора ни отъ одной статьи дѣйствующихъ законоположеній, напротивъ, находя ободреніе и поощреніе въ предшествовавшихъ примѣрахъ. На этомъ неписаномъ правѣ установилось въ свое время и требованіе объ отсылкѣ всей свѣчной прибыли на духовно-училищныя нужды, тогда какъ, по сущности, свѣчная прибыль каждой церкви и должна бы оставаться собственностью этой церкви, если за отдѣльною церковью признавать полное право юридическаго лица.

Не будемъ въ настоящій разъ распространяться о предметѣ, котораго, въ прежніе годы, касались неоднократно. Вѣрно, что церковное хозяйство только тогда и придетъ въ настоящій порядокъ, когда положительнымъ, твердымъ закономъ будетъ положенъ конецъ экспропріаціямъ, опасность которыхъ пока ежеминутно виситъ надъ церквами, когда ихъ право собственности на свое стяжаніе будетъ столь же ограждено, какъ и право всякаго другого. Понятно, тогда собственникомъ, а слѣдовательно и хозяиномъ, будетъ признанъ не староста и не причтъ и даже не староста съ причтомъ, а весь приходъ въ полномъ составѣ клира и народа. Тогда сама собою и отчетность установится безупречнымъ, образцовымъ образомъ. Но во всякомъ случаѣ, даже и теперь, при настоящемъ шаткомъ положеніи церковной собственности, гдѣ же основаніе для старосты видѣть въ себѣ единоличнаго оберегателя церковныхъ интересовъ? Будутъ ли полагать, что священникъ съ причтомъ, какъ наиболѣе зависимыя лица отъ высшаго духовнаго управленія, склоннѣе дѣйствовать въ направленіи экспропріаціи, нежели въ интересахъ своей отдѣльной церкви, какъ самостоятельной единицы? Если бы и случилось такъ, чему впрочемъ найдутся развѣ слишкомъ рѣдкіе примѣры, каждый пастырь порадѣетъ непремѣнно прежде всего о своей церкви, которою правитъ, но если бы, говоримъ, и случилось, за старостою есть цѣлый приходъ· отдавай себя на контроль приходу, и не только отдавай, но потребуй, умоли, упроси, чтобъ онъ тебя считалъ Высока будетъ заслуга того старосты, который такимъ путемъ достигнетъ того, что церковь, то есть приходъ, будетъ не по книгамъ только, но въ дѣйствительности, единымъ стадомъ, и притомъ включительно со своимъ пастыремъ?

Церковные доходы*).

О. протоіерей Никольскій отвѣчаетъ на недоумѣніе наше: увеличеніе свѣчного дохода въ церквахъ его благочинія, достигнутое введеніемъ контроля, сопутствовалось ли увеличеніемъ и прочихъ статей дохода? Отвѣтъ получается утвердительный. Могутъ, конечно, это объяснить причинами и независѣвшими отъ контроля, но польза контроля этимъ, во всякомъ случаѣ, не ослабляется (смѣшно однако, что приходится спорить о такихъ вещахъ: какъ будто денежный контроль когда-нибудь и гдѣ-нибудь можетъ быть вреденъ!). Къ тому же, мы видимъ, что увеличеніе доходовъ произошло не по всѣмъ статьямъ одинаково пропорціонально; свѣчной доходъ увеличился въ болѣе значительной прогрессіи, изъ чего можно съ вѣроятностью заключить, что до контроля, если не было утайки безусловной, то разносились доходы по статьямъ не съ должною точностью, то есть скрывались по однѣмъ, хотя можетъ быть даже приписывались лишніе по другимъ статьямъ. Впрочемъ заключеніе было бы тверже и для общества назидательнѣе, если бы достопочтенный о. протоіерей продолжилъ намъ свое содѣйствіе, а именно—сообщилъ подобныя представленнымъ сравнительныя цифры о тѣхъ церквахъ, которыя уклоняются отъ контроля. Для этого не нужно поименовывать церквей; нѣтъ надобности и въ дробныхъ вѣдомостяхъ о каждой, достаточно валового счета, съ общимъ указаніемъ, что таковъ приходъ въ „безконтрольныхъ“ церквахъ, при чемъ остается лишь сравнить оный съ приходомъ церквей, подчиняющихся контролю. Если возрастаніе доходовъ въ церквахъ контролируемыхъ произошло отъ своихъ причинъ, независимо отъ контроля, напримѣръ, отъ усилившагося усердія къ храмамъ Божіимъ, то причины эти въ равномѣрной степени должны были содѣйствовать и увеличенію доходовъ въ остальныхъ церквахъ того же благочинія, потому что противно здравому смыслу предположить, что въ одномъ и

*) С. И. 30 іюля, № 207.

томъ же околоткѣ города, на разстояніи какихъ-нибудь двухъ-трехъ верстъ, при населеніи во всѣхъ частяхъ околотка однородномъ, одна часть оказывается преуспѣвающею въ благочестіи и усердіи къ храмамъ, другая же пребываетъ въ косности, и притомъ, преуспѣяніе благочестія совпадаетъ именно съ контролированіемъ церковныхъ денегъ. Ну, да ужъ все равно, если въ контролируемыхъ церквахъ увеличеніе доходовъ произошло и отъ преуспѣяннаго благочестія, то контроль стало быть тѣмъ потребнѣе, когда одновременно со введеніемъ его возгорается и благочестіе прихожанъ. Не касаясь денежной стороны дѣла, уже этотъ религіозно-нравственный плодъ долженъ убѣдить гг. строптивыхъ старостъ въ благополезности контроля надъ ними. Безъ сомнѣнія, имъ самимъ благочестіе ихъ соприхожанъ будетъ утѣшительно.

Недостаточно извѣстны намъ правила современнаго церковнаго счетоводства. Сообщеніе о. Никольскаго показываетъ, что въ церковныя счетныя книги введена теперь графа, которой не было прежде, а именно: „пожертвовано на нужды мѣстныхъ церквей“. Этою прибавкою съ новою силою подтверждается замѣчаніе, которое нами высказано прошлый разъ о шаткомъ положеніи церковной собственности какими-нибудь пятью словами, приписанными къ заголовкамъ церковныхъ счетовъ, какою-нибудь одною лишнею въ книгахъ графою, разомъ отписываются, не говоря ни слова, всѣ остальные доходы отъ тѣхъ церквей, куда они поступаютъ. Словами: „пожертвовано на нужды мѣстныхъ церквей“ подразумѣвательно утверждается, что стало быть кошельковый и кружечный, и свѣчной доходы принадлежатъ церкви вообще, а не мѣстной; другими словами—представляется будущему времени и центральной духовной власти право отчислять остальные доходы, „за исключеніемъ пожертвованныхъ на мѣстныя нужды“,—то-есть все, что ни поступаетъ въ церкви, за малыми исключеніями, распредѣлять, куда имъ заблагоразсудится. Такое толкованіе, само собою разумѣется, произвольно; оно не имѣетъ за собою отчетливо выраженной воли жертвователей, которая одна и можетъ слу-

жить здѣсь опредѣляющимъ основаніемъ. Мало того: гораздо болѣе есть основаній предположить, что посѣтители храма, внося отъ себя подаянія въ кружку или кошелекъ, имѣютъ въ виду не общія нужды и церковь вообще, а именно мѣстную церковь и ея нужды, что редакція новоприбавленной графы была бы гораздо основательнѣе и согласнѣе со справедливостію, если бы формулирована была словами: „пожертвовано съ опредѣленнымъ назначеніемъ“. Но дѣло не въ логикѣ и даже не въ юридической и нравственной справедливости, о чемъ мы еще поговоримъ въ свое время. дѣло въ томъ, что усиленный, повсемѣстный контроль надъ церковными суммами, если мѣры къ установленію его предполагаются святѣйшимъ синодомъ, поведетъ къ утайкамъ денегъ и безпорядочности еще большимъ, если не будетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ отстранена отъ церквей опасность экспропріаціи и не будутъ разсѣяны подозрѣнія, которымъ прошлые опыты и эта новая графа даютъ слишкомъ основательные поводы . .

Церковные доходы*).

Не ожидали мы недоразумѣнія, свидѣтельствомъ которому служитъ письмо *Прихожанина*. Если бы *Прихожанинъ* перечиталъ внимательнѣе, что нами было писано о контролѣ надъ церковными старостами, и вдумался, что значитъ „церковь“ и „церковный“, тогда бы онъ убѣдился, что мы высказываемъ именно тѣ желанія, которыя ставитъ онъ намъ въ видѣ возраженія. Мы находимъ наилучшимъ порядкомъ, когда бы суммы провѣрялись „церковнымъ совѣтомъ, при участіи причта“. Прихожанинъ-читатель подмѣниваетъ слова „церковный совѣтъ“ на „духовный совѣтъ“ и воображаетъ, что мы вручаемъ контроль одному духовенству. Но церковь не есть духовенство, а духовенство и міряне, или, по древнему выраженію, „клиръ“

*) С И 19 августа, № 227.

(причтъ) и „народъ“ Слѣдовательно и церковный совѣтъ предполагается не изъ одного духовенства, но отъ всей церкви, то есть прихода; однако и не безъ участія причта, какъ мы сказали, потому что сколь завѣдываніе однимъ причтомъ было бы односторонне, столь же односторонне и прямо противно церковнымъ правиламъ отрѣшеніе причта (клира), духовенства, отъ церковнаго имущества.

По буквѣ церковныхъ правилъ, распорядитель церковныхъ имуществъ есть епископъ. Но прежде чѣмъ судить о потребномъ примѣненіи этого правила, нужно оговорить одно недоразумѣніе, которое непремѣнно вкрадывается сюда, когда имѣется въ виду теперешнее устройство. Во первыхъ, по понятію церковныхъ правилъ, и чѣмъ древнѣе, тѣмъ выдерживается это понятіе строже, епископъ не есть духовный губернаторъ или администраторъ области, лицо на извѣстной бюрократической ступени, а „предстоятель церкви“, избранный мірянами и клиромъ совмѣстно. И во вторыхъ, чѣмъ древнѣе, тѣмъ болѣе совпадаетъ епископство съ пресвитерствомъ, не въ смыслѣ степеней священства, какъ таинства, а въ смыслѣ предстоятельства церкви. Въ первобытное христіанство, каждый городъ имѣлъ епископа и притомъ одну церковь, то есть одно христіанское собраніе; а по селамъ и совсѣмъ не было христіанъ, отчего и получилось названіе pagani (селяне) въ смыслѣ язычниковъ, перешедшее и въ нашъ языкъ словомъ „поганый“. Итакъ, представимъ же себѣ эту, единственную церковь въ городѣ, съ своимъ предстоятелемъ епископомъ, избраннымъ по единодушному согласію всей паствы и всего клира; этотъ предстоятель, само собою разумѣется, и есть самый естественный распорядитель имущества, принадлежащаго выбравшему его собранію, то есть церкви, равно какъ онъ есть и нравственный пастырь, и учитель, и выразитель ея вѣры на соборахъ. Чѣмъ дальше шло время, чѣмъ болѣе развѣтвлялась церковь, чѣмъ далѣе уходила она по внѣшнему своему устройству отъ первоначальнаго типа, чѣмъ глубже проходило раздѣленіе клира отъ народа, кончавшееся тѣмъ наконецъ, что сначала отъ избранія

епископа, а потомъ даже и отъ избранія низшихъ членовъ клира міряне были устранены; тѣмъ, разумѣется менѣе уже основательно примѣнять въ буквальномъ смыслѣ правило о правахъ епископа надъ церковнымъ имуществомъ, станемъ ли мы разумѣть подъ епископомъ высшаго предстоятеля церкви, то есть епископа въ тѣсномъ смыслѣ, или настоятеля частной церкви, то есть приходскаго священника. Церковь остается церковью въ своемъ вѣковѣчномъ смыслѣ единства паствы съ клиромъ, и имущество церковное остается принадлежностью ея, понимаемаемой въ этомъ единствѣ. Безъ того это уже не церковь, а расколъ, явный или прикрытый, но все таки расколъ. Если церковь въ цѣломъ своемъ составѣ не избираетъ теперь своихъ предстоятелей и настоятелей, то она ихъ принимаетъ, и въ этомъ смыслѣ остается въ церкви и церковью, то есть въ собраніи, хотя разсѣянномъ по всему міру, но связаннымъ между собою догматами вѣры, таинствами, правилами христіанской любви, устройствомъ священноначалія, богослужебными обрядами, тожественными повсюду.

Спускаясь на практическую почву, находимъ, что, при настоящемъ устройствѣ, каждая частная церковь въ Россіи имѣетъ клиръ съ своимъ настоятелемъ, священниковъ, и имѣетъ старосту, который есть выбранное лицо всѣмъ приходомъ для ближайшаго завѣдыванія церковнымъ имуществомъ. Кому же принадлежитъ это имущество и кто его распорядитель, а слѣдовательно и контролеръ? Понятно, приходъ, но не въ смыслѣ гражданъ или частныхъ лицъ вообще, но въ смыслѣ церкви, христіанскаго собранія, и въ полномъ составѣ клира (духовенства) и мірянъ. Приходъ не коммерческое учрежденіе и христіане не пайщики. Отчисляя каждый отъ своего достатка добровольную лепту на церковь, прихожанинъ отрекается, во первыхъ, отъ всякаго личнаго на нее права; во вторыхъ, отстраняетъ всякое ея употребленіе, которое не имѣетъ въ виду ближайшихъ или отдаленныхъ нуждъ именно церкви, то-есть духовнаго, видимаго собранія вѣрующихъ, какъ таковыхъ. Затѣмъ, принадлежитъ ли имущество исключительно одной только част-

ной церкви, въ которую внесено, или обращается въ общую собственность всей церкви по вселенной? По существу и здравому смыслу, это зависитъ отъ намѣренія жертвующихъ, и здѣсь должны быть приняты въ разсчетъ два соображенія Частныя церкви, предполагается во первыхъ, связаны тою же любовію между собою, какая предполагается и въ общеніи каждаго члена частной церкви съ другимъ той же церкви Слѣдовательно, предполагается, что имущая церковь сострадательно всегда подѣлится избытками съ другою, малоимущею церковью. Но съ другой стороны тотъ же христіанскій духъ любви предполагаетъ, что эта взаимопомощь дается по добровольному влеченію сострадающаго сердца, а не по принужденію. Въ противномъ случаѣ, это есть споліація, по меньшей мѣрѣ налогъ, и въ этомъ послѣднемъ смыслѣ входитъ уже въ сферу государственную, а не церковную.

Церкви у насъ теперь несутъ налогъ, и притомъ не только со своихъ доходныхъ имуществъ, но и съ пожертвованій, вносимыхъ прямо на церковныя нужды, подъ общими наименованіями кружечнаго и кошельковаго сбора, если только жертвователь не опредѣлилъ спеціальнаго назначенія (въ каковомъ случаѣ они остаются неприкосновенными). Справедливъ ли этотъ налогъ? Государство и вообще имѣетъ на него право, потому что съ точки зрѣнія спеціальной-государственной, церковь хотя сама въ себѣ и есть духовный, нравственный міръ, но тѣмъ не менѣе остается и хозяйственною единицею, которая наравнѣ съ другими обязана нести хозяйственныя тягости государства. Но помимо того, сборъ съ церквей оправдывается двумя ближайшими основаніями. 1) Онъ идетъ на церковныя же нужды, только не частныхъ церквей, а церкви всероссійской (приготовленіе просвѣщенныхъ пастырей). 2) Церкви наши, при настоящемъ положеніи, въ числѣ источниковъ дохода имѣютъ не только не церковные, то-есть не изъ добровольныхъ приношеній, но прямо противоцерковные, отъ торговли свѣчами и взимаемой съ нихъ лихвы. Этотъ прибытокъ есть прямое преступленіе противъ заповѣди Спасителя. „Домъ Мой есть

домъ молитвы, а не торжища", и христіанская чистота церкви требовала бы безусловно упразднить этотъ, совершенно несовмѣстный съ духомъ церкви обычай. Онъ не упраздненъ, но потребовано было, чтобы лихва, по крайней мѣрѣ, отдѣлялась и поступала въ центральную массу, откуда она и распредѣлялась на нужды, однако ближайшимъ образомъ относящіяся къ церкви же именно на воспитаніе духовенства. Но затѣмъ, такъ какъ лихва отъ торговли свѣчами, для многихъ церквей и даже большинства, составляла главный доходъ, безъ котораго не могли онѣ даже содержаться, а въ слѣдствіе того началась повсемѣстно систематическая утайка лихвенныхъ денегъ, то предпочтено центральною властію, чтобы не вводить церкви въ дальнѣйшій грѣхъ, замѣнить сборъ лихвенныхъ суммъ, то есть отчисленіе прибыли отъ торговли свѣчами, простымъ налогомъ, смотря по состоянію церквей и согласно съ ихъ добровольною между собою раскладкой.

Вотъ состояніе вопроса о церковныхъ доходахъ и о томъ ихъ употребленіи, которое наиболѣе щекотливо для прихожанъ и для ихъ выборныхъ старостъ. Положеніе приходовъ самихъ въ себѣ, отношеніе ихъ къ причтамъ и старостамъ и отношеніе тѣхъ и другихъ между собою нельзя не признать крайне ложнымъ. Въ сущности, большинство церковныхъ доходовъ, главный ихъ сборъ, то есть свѣчной, есть даже не церковный: онъ получается не церквами, а лавочками, пригнѣздившимися въ церквахъ; староста есть не хранитель церковныхъ суммъ, а торгашъ на капиталъ, составляемый изъ добровольныхъ приношеній, единственныхъ церковныхъ изъ всѣхъ поступленій. Такимъ образомъ, все, что ни притекаетъ этимъ лихвеннымъ путемъ, не принадлежитъ приходской церкви, даже совсѣмъ, это есть скорѣе даръ государства, образующійся изъ снисхожденія, оказываемаго имъ вѣковѣчному, но противоцерковному обычаю. Такъ какъ однако это есть главный сборъ, кто же его долженъ контролировать? Прихожане? Но только по довѣрію, которое имъ окажетъ высшая власть, государственная ли, или

чрезъ нее церковная. Священникъ ли съ причтомъ, благочинный ли? Но только въ смыслѣ делегатовъ власти, а не прихода. Приходъ, въ совокупномъ составѣ причта и мірянъ, есть полновластный законный распорядитель только того имущества, которое имѣетъ чисто церковное, то есть изъ добровольныхъ приношеній происхожденіе. Сравнительною ничтожностію доходовъ этого происхожденія, повидимому, и должно объяснить то обстоятельство, что права приходовъ, въ смыслѣ юридическихъ лицъ, доселѣ не получили въ законѣ твердаго опредѣленія и огражденія. А отсюда произошла и вся эта путаница отношеній, всѣ пререканія между старостами и причтами, всѣ недоразумѣнія мірянъ и наконецъ всѣ экспропріаціи, которымъ подвергались частныя церковныя имущества. Разъ навсегда положить этому конецъ можно и должно, какъ мы уже неоднократно объясняли, утвержденіемъ права юридическихъ лицъ за церковными приходами. Съ этимъ вмѣстѣ опредѣлится и ихъ полновластіе на доходы церковно-приходскаго происхожденія, и ихъ безвластіе или степень власти (смотря потому, какъ разсудитъ законъ) на суммы мнимо-церковныя, происхожденія торгашевскаго; устроится безъ сомнѣнія и церковно-приходскій совѣтъ и имущественное отношеніе мірянъ къ причту, равно какъ и обратно; наконецъ опредѣлятся и тягости, которыя обязанъ понести каждый приходъ предъ общими нуждами церкви или центральною духовною властію. Вопросъ о контролѣ обратится уже во второстепенный и рѣшится самъ собою.

Контроль надъ церковными доходами *).

Авторъ письма, закрывшійся названіемъ *Прихожанинъ* № *2*, очевидно не есть прихожанинъ, а одинъ изъ клириковъ. Но кто бы онъ ни былъ, возраженіе его служитъ только свидѣтельствомъ, до чего извращены у насъ самыя азбучныя понятія, благодаря вѣковому отрѣшенію духовенства отъ народа.

*) С. И. 28 августа, № 234.

Авторъ находитъ несправедливымъ и вреднымъ поручать завѣдываніе церковнымъ хозяйствомъ и контроль надъ нимъ приходу. По его мнѣнію, церковь есть особое юридическое лицо, а приходъ особое. Что же такое, по мнѣнію автора, церковь? Храмъ, каменное или деревянное зданіе? И что такое причтъ? Нѣчто, само по себѣ и для себя существующее? Если авторъ самъ изъ числа принадлежащихъ причту, онъ долженъ бы вспомнить, какъ объясняется понятіе о церкви хотя въ катихизисѣ, которому, безъ сомнѣнія, онъ учился въ малолѣтствѣ

Авторъ боится, что причтъ будетъ поглощенъ приходомъ, коль скоро дать приходу власть въ церковномъ хозяйствѣ. Конечно. И какъ же иначе? Думаетъ ли авторъ, что приходъ для духовенства, а не духовенство для прихода? Судя по тому, что „церковь“ у него есть какое-то особое юридическое лицо, помимо вѣрующихъ мірянъ, должно полагать, что, по его мнѣнію, дѣйствительно, приходы существуютъ и должны существовать для духовенства, а не наоборотъ.

Автору кажется, что если пожертвованія прихожанъ суть даръ, и если прихожанинъ, внося свою лепту въ церковное казнохранилище, отрекается отъ своей личной надъ нею власти, то затѣмъ безразлично, какое бы ни дали употребленіе внесеннымъ деньгамъ, даритель не имѣетъ права контролировать, какое употребленіе будетъ сдѣлано лицомъ, получившимъ даръ. И по его, выходитъ это очень логично. Въ самомъ дѣлѣ, прихожанинъ жертвуетъ въ „церковь“, а вѣдь приходъ, по его мнѣнію, не есть церковь, и прихожанинъ, стало быть, не есть членъ церкви, стало быть онъ и не долженъ вмѣшиваться. До какихъ, повторимъ, искаженій дошли самыя азбучныя понятія!

И къ несчастію, извращенныя понятія, которыхъ обращикомъ служитъ прилагаемое письмо, до того закоренѣли въ цѣломъ классѣ, что даже трудно надѣяться на исправленіе ихъ безъ внѣшнихъ понудительныхъ мѣръ. Исторія съ церковно-приходскими попечительствами служитъ тому нагляднѣйшимъ

доказательствомъ. Существуетъ уставъ попечительствъ, и существуютъ самыя попечительства· предметъ ихъ попеченій—церковь, то есть приходъ съ причтомъ и ихъ храмомъ Какъ бы, повидимому, должно было обрадоваться духовенство такому учрежденію, какъ бы должно было торопиться повсюднымъ его введеніемъ! Помимо матеріальныхъ нуждъ церкви, какъ храма, которымъ такое учрежденіе обѣщаетъ наилучшее удовлетвореніе; помимо нуждъ духовныхъ прихода и нуждъ его даже вещественныхъ, которымъ облегченіе предвидится въ предоставляемой попечительствамъ власти устроивать училища, богадѣльни, организованную помощь для нищихъ; помимо всего этого, съ высшей и общей точки болѣе существеннаго, отъ попечительствъ причты вѣрнѣе всего могутъ ожидать и „улучшенія своего быта“, предмета особенной, чуть не единственной своей заботливости. И однако прошло 15 лѣтъ, попечительства не учреждаются, и тамъ, гдѣ учредились, встрѣчаются зачастую не только съ равнодушіемъ, но даже съ неудовольствіемъ. Мы знаемъ примѣры, гдѣ между попечительствами и причтами, къ которымъ на этотъ разъ присоединяются и старосты, ведется горячая борьба Приходъ, въ смыслѣ церкви, раздѣляется на два лагеря, изъ которыхъ одинъ представляется старостою, отъ прихода единогласно выбраннымъ, другой попечительствомъ, столь же единогласно выбраннымъ отъ этого же прихода. Староста завѣдуетъ деньгами, поступающими на церковь черезъ кружечное и кошельковое подаяніе и свѣчную продажу, попечительство суммами, поступающими на ту же церковь и точно тѣмъ же добровольнымъ путемъ, но непосредственно ему въ руки. Предметъ попеченія тотъ же—церковь, путь приношеній одинъ и тамъ и здѣсь—пожертвованіе, даже жертвователи одни и тѣ же... И тѣмъ не менѣе борьба,—борьба притомъ даже не о практическомъ употребленіи суммъ, въ которомъ обѣ стороны согласны, а изъ-за понятія о церкви; это уже истинный расколъ. Знаемъ примѣры, что попечительства устраивали дома для причта, не говоря объ училищахъ и благотворительныхъ заведеніяхъ, обезпечивали причту матеріальное положеніе; но лишь только начинали тѣ

же попечительства поднимать голосъ о допущеніи ихъ къ деньгамъ церковнаго кошелька, хранимаго старостой съ причтомъ, тотчасъ встрѣчали упорное сопротивленіе. Жертвуйте, жертвуйте, это прекрасно, мы принимаемъ; устраивайте, что знаете, мы не препятствуемъ, вы попечительство: но до этихъ денегъ вы не касайтесь, это церковныя. Отъ этихъ „церковныхъ“ денегъ попечительства не успѣвали выпросить хотя бы даже ничтожнаго пособія, нѣтъ нужды хотя бы для той же церкви и для того же причта, и хотя бы причтъ состоялъ въ членахъ попечительства: суммы „церковныя“ должны оставаться, какъ масло и года, несмѣсимыми съ капиталомъ попечительства, хотя имѣющимъ тоже церковное назначеніе. Что же такое церковь послѣ того? Въ этомъ, очевидно, не отдаютъ себѣ отчета подобные старосты съ причтами, и даже, случалось, епархіальныя власти, какъ и не отдаетъ отчета авторъ предлежащей статьи. Въ понятіе „церкви“ отложена одна внѣшняя схема заведеннаго бюрократическаго порядка, а то, что составляетъ существо церкви, отставляется какъ бы чуждое, коль скоро не представляетъ привычнаго бюрократическаго штемпеля

Мы сказали: искоренятся эти понятія развѣ внѣшне принудительнымъ путемъ. Есть слухъ, что высшія сферы заняты въ настоящее время вопросомъ о дарованіи широкихъ правъ старообрядцамъ. Если права эти будутъ даны, нѣтъ сомнѣнія, они послужатъ толчкомъ, который разбудитъ и отрезвитъ умы и силы нравственныя, теперь дремлющія; слетитъ и этотъ предразсудокъ, будто приходы существуютъ для духовенства; минетъ и вѣковая отрѣшенность, въ которой пребываютъ клиръ и народъ: пастыри и паствы представятъ тотъ духовный міръ единодушнаго мира, который и требуется понятіемъ церкви.

Старообрядческая газета*).

Помѣщенный 22 октября въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ разсказъ заимствованъ изъ заграничной газеты „Старообрядецъ“ Но дѣло не въ разсказѣ, который впрочемъ не лишенъ занимательности, а въ газетѣ, которая есть явленіе любопытное. „Старообрядецъ“, издающійся въ Коломнѣ, церковно-славянскими буквами, есть „Колоколъ“ своего рода старообрядческаго міра, только съ обратнымъ успѣхомъ, сравнительно съ „Колоколомъ“, печатавшимся въ Лондонѣ гражданскимъ шрифтомъ. Затѣя издавать старообрядческую газету не встрѣтила ни малѣйшаго сочувствія въ старообрядческомъ мірѣ, какъ жалуется издатель, повидимому знающій Россію только по наслышкѣ (онъ, кажется, изъ старообрядцевъ, родившихся за границею). Онъ истый старообрядецъ поповщинскаго согласія, вѣруетъ въ свои догматы, отстаиваетъ права своихъ единовѣрцевъ на свободу, и удивляется, почему при этихъ качествахъ его и журнала, никто изъ единовѣрцевъ не хочетъ протянуть ему руку, а духовенство (старообрядческое) даже преслѣдуетъ его, отказываетъ даже въ книгахъ для прочтенія тѣмъ, о которыхъ узнаетъ, что они предполагаемые сотрудники „Старообрядца“.

Мы нисколько не удивляемся. Если старовѣрческое духовенство возражаетъ издателю, что „святые отцы не издавали газетъ“, они разсуждаютъ именно такъ, какъ и подобаетъ разсуждать въ ихъ положеніи и въ ихъ вѣрѣ. Соглашаясь на газету и одобривъ ее, пришлось бы согласиться и одобрить многое, что подкопаетъ ихъ положеніе и самую вѣру. Равно для насъ неудивительно безучастіе старообрядческаго духовенства къ просвѣщенію своей паствы, и для насъ отзывается младенчествомъ негодованіе объ этомъ старообрядческой газеты, которая ссылается на грамматику патріарха Іосифа и на Кириллову книгу. Патріархъ Іосифъ и Кириллова книга—имена авторитетныя для старообрядца, а Кириллова книга, между

*) С. П. 22 октября, № 291

прочимъ, повелѣваетъ заводить академіи по епархіямъ и отсутствіе заботливости объ этомъ „Старообрядецъ“ ставитъ въ упрекъ своимъ епископамъ, стыдитъ ихъ примѣромъ уніатскихъ монастырей въ Буковинѣ. Но для насъ, въ Россіи, не дико ли звучитъ это сопоставленіе академія и старообрядческій архіерей? Когда бы были академіи, тогда бы не было и старообрядческихъ архіереевъ и самого старообрядства въ видѣ раскола, и предводители старообрядства очень ясно это, если не понимаютъ, то чувствуютъ. Темнота—ихъ область, просвѣщеніе не далѣе Кирилловой книги.

Участь старообрядческой газеты преподаетъ и намъ, нестарообрядцамъ, нравоученіе, отчасти даже политическаго свойства. Ясно, во первыхъ, что старообрядство утратило энергію, лишено напряженности, словомъ, внутренняя его жизнь погасла. Отчасти это доказалось самимъ расколомъ окружниковъ съ неокружниками, котораго смыслъ діаметрально противоположенъ движенію, происходившему въ расколѣ прошлымъ вѣкомъ. Тогда, разламываясь и крошась, онъ каждымъ новымъ отколомъ отодвигался все далѣе и далѣе отъ господствующей церкви. Нынѣ же окружниковъ отъ единовѣрцевъ отдѣляетъ лишь малая, незамѣтная черта.

А во вторыхъ, примѣръ „Старообрядца“ научаетъ, что предоставленіемъ свободы печатнаго слова нанесенъ былъ бы старообрядству смертельный ударъ. Что оно сказало бы? что оно могло бы сказать? Оно посторонилось бы отъ печатнаго слова. „Отцы святые не заводили типографій“, сказать это будетъ также умѣстно, какъ и отозваться, что святые отцы не издавали газетъ. Пусть патріархи Филаретъ и Іосифъ печатали книги тоже въ типографіяхъ, но Іосифъ говорилъ и о заведеніи академій Арена печатнаго слова въ современномъ смыслѣ—могила старообрядства; предчувствіе этого и сказывается въ воззрѣніяхъ старообрядческаго міра на собственный печатный органъ.

Единовѣрчество*)

Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ напечатано прошеніе, поданное въ святѣйшій синодъ московскими единовѣрцами еще въ прошломъ году. Единовѣрцы просятъ: 1) разрѣшенія присоединяться къ ихъ церкви чтителямъ старыхъ обрядовъ, хотя бы числящимся православными по метрическимъ и исповѣднымъ книгамъ, 2) дозволенія принимать таинства безразлично, единовѣрцамъ въ православной, православнымъ въ единовѣрческой церкви, 3) дозволенія совершать въ единовѣрческихъ церквахъ моленіе за Царя безразлично, по старопечатнымъ книгамъ и по формамъ, издаваемымъ отъ святѣйшаго синода, 4) запрещенія хулить единовѣріе; и 5) соборнаго снятія клятвы, положенной на старые обряды соборомъ 1667 года. Прошеніе это не первое въ своемъ родѣ; въ подобномъ смыслѣ подавались и нижегородскими единовѣрцами. Кто знаетъ сущность единовѣрія, тотъ не откажетъ просителямъ въ основательности ихъ желаній, каждый изъ перечисленныхъ пунктовъ есть только логическій выводъ изъ самаго учрежденія, называемаго „единовѣріемъ“, и всѣ они суть только частныя дополненія къ главному, именно 5-му, требующему соборнаго снятія клятвы. Мы возразили бы лишь противъ пункта 4-го, не въ смыслѣ впрочемъ спора съ нимъ, а въ томъ напротивъ смыслѣ, что религіозныя убѣжденія не только единовѣрцевъ, но чьи бы ни было, заслуживаютъ уваженія, и отъ хулы должны быть ограждены не они одни, а всякій другой вѣрующій, хотя бы прямой раскольникъ. Въ этомъ отношеніи, пунктъ 4-й кажется излишнимъ, частію потому, что онъ и безъ того закономъ огражденъ, съ другой же стороны и потому, что иного огражденія, кромѣ положеннаго закономъ, нельзя новаго придумать Единовѣрцы просятъ внушительнаго циркуляра по всему духовенству, но бумажное внушеніе едва ли способно водворить тотъ внутренній миръ, отсутствіе котораго ихъ печалитъ

*) С И 27 ноября, № 327.

Мы сказали, что всѣ пункты относятся къ 5-му, какъ частныя дополненія къ главной мысли; иначе можемъ выразиться, какъ слѣдствія къ основанію. И понятно. Если будетъ снято проклятіе на старые обряды, тогда не останется и оснований воспрещать такъ называемымъ православнымъ, то есть числящимся по книгамъ прихожанами православныхъ церквей, принимать таинства безразлично въ той и другой церкви или переходить изъ одного прихода въ другой.

Всѣ пункты, съ тѣмъ вмѣстѣ, суть и логическій выводъ, какъ мы сказали, изъ самаго учрежденія, называемаго единовѣріемъ. Если разности, отдѣляющія старообрядцевъ отъ новообрядцевъ, признаются столь несущественными, что полагается возможнымъ не только рукополагать старообрядцамъ священниковъ, но и дозволять священству употребленіе старыхъ обрядовъ, на чемъ тогда держится запрещеніе новообрядцамъ вступать въ общеніе со старообрядцами, даже имѣющими православнаго священника? Каменный храмъ или деревянный, это для существа вѣры безразлично, запрещеніе, о которомъ сейчасъ упомянуто, походило бы на запрещеніе молиться въ деревянномъ храмѣ тѣмъ, которые посѣщаютъ каменный. Еще понятно было бы ограниченіе, когда бы оно основывалось на совѣсти прихожанъ, смущающихся принятіемъ таинствъ, положимъ, по старымъ обрядамъ; это была бы взаимность; новообрядцамъ было бы оказано тоже снисхожденіе, что старообрядцамъ. Но единовѣрцы и не просятъ принужденія; они просятъ свободы именно тѣмъ изъ православныхъ, которые наоборотъ смущаются новыми обрядами и сами желали бы молиться и пріобщаться въ единовѣрческихъ церквахъ, но при запрещеніи этого совсѣмъ не ходятъ въ церковь и совсѣмъ лишаютъ себя таинствъ. Прошеніе имѣетъ въ виду также и безразличныхъ (пусть оно и не говоритъ о нихъ), то есть тѣхъ, для которыхъ тѣ и другіе обряды равночестны. Здѣсь опять никакого принужденія совѣсти; напротивъ, принужденіемъ является теперешній порядокъ, воспрещающій общеніе со старообрядцами даже тѣмъ, чья совѣсть старыми обрядами не смущается.

Наконецъ, что касается до главнаго пункта, то—или проклятіе 1667 года положено, какъ толковалъ покойный митрополитъ Филаретъ, не на самые обряды, а на непокоряющихся православной церкви; тогда необходимо столь же торжественное разъясненіе этого смысла клятвы, сколь торжественно было самое проклятіе Безъ того толкованіе можетъ быть заподозрѣно и въ искренности и въ правильности Или соборъ въ клятвѣ имѣлъ въ виду самые обряды, и тогда самое учрежденіе единовѣрія лишено основанія.

„Церковно-Общественный Вѣстникъ“ сопровождаетъ прошеніе своими толкованіями, по правдѣ сказать, для насъ не вполнѣ понятными. Онъ подозрѣваетъ напримѣръ тайную мысль въ единовѣрцахъ, что они желаютъ пріобрѣсти къ себѣ не однихъ только смущающихся новыми обрядами, но и чисто православныхъ, какъ онъ называетъ, отказывая повидимому единовѣрцамъ въ названіи православныхъ, вопреки смыслу единовѣрія; пунктъ 1-й есть только личина пропаганды, какъ онъ полагаетъ. Но хоть бы и такъ? (Чего мы впрочемъ о прошеніи единовѣрцевъ не думаемъ). Гдѣ же основаніе къ опасенію, когда и тѣ и другіе обряды одинаково безразличны по существу вѣры, чего не отрицаетъ почтенный журналъ?

Онъ боится, что единовѣріе послужитъ только ступенью къ уклоненію въ полный расколъ. Пусть этого никогда не бывало, а всегда бывало напротивъ обратное Но дозволительно спросить, при чемъ же однако духовенство, котораго столь постояннымъ и горячимъ соратователемъ является тотъ же журналъ? Дѣло пастырей удержать въ своей паствѣ колеблющихся, и тѣмъ постыднѣе для нихъ, если они отказываются отъ собственной проповѣди или не надѣются на ея нравственную силу и хотятъ паству держать на привязи, посредствомъ одного занесенія въ списокъ „православныхъ“.

Журналъ сводитъ, по обыкновенію своему, на недостатокъ средствъ духовенства и въ частности средствъ миссіонерскихъ Миссіонерство предполагается у иновѣрцевъ, а здѣсь дѣло идетъ объ удержаніи собственной паствы. Въ чемъ же послѣ

того будетъ долгъ священства, когда помимо пастыря потребуется еще особый миссіонеръ, и притомъ съ богатыми матеріальными средствами, котораго обязанность будетъ обращать къ искреннему православію колеблющуюся часть православной паствы, то есть прихожанъ, записанныхъ по книгамъ православными? Или что такое будетъ паства, когда она именуется православною только потому, что значится таковою по бумагамъ?

Въ прошеніи единовѣрцевъ представляется другое, несравненно болѣе важное затрудненіе, имѣющее отношеніе не къ частному обряду, или частному ихъ положенію среди Россійской церкви, а къ догмату о церкви вообще. Въ другой разъ мы коснемся этого пункта.

Единовѣрцы *).

Въ прошеніи единовѣрцевъ, о которомъ мы говорили вчера, кроется, какъ мы сказали, болѣе существенное затрудненіе, нежели комическое опасеніе, обнаруживаемое „Церковно-Общественнымъ Вѣстникомъ“. „Вѣстникъ“ изъявляетъ предположеніе, что „если высшая церковная власть и согласится удовлетворить ходатайству единовѣрцевъ (по 1 пункту), то не иначе, какъ обставивъ свое согласіе серіозными гарантіями, въ родѣ тщательнаго разслѣдованія каждаго отдѣльнаго случая и подъ условіемъ окончательнаго рѣшенія дѣла мѣстнымъ епископомъ“ Ну, не комично ли это? Дѣло идетъ „о безпрепятственной приписке къ единовѣрческимъ приходамъ лицъ, числящихся лишь номинально православными, но въ дѣйствительности уклоняющихся отъ православной церкви“. Таковы подлинныя слова журнала. Въ чемъ же должно состоять разслѣдованіе и какія это гарантіи? (Гарантіи! Какъ будто дѣло идетъ о какомъ нибудь дипломатическомъ, военномъ или торговомъ договорѣ,

*) С. И. 28 ноября, № 328.

и вообще о „договорѣ“ принудительнаго характера) „Серіозное разслѣдованіе“ ни въ чемъ не можетъ иномъ состоять, какъ въ требованіи и представленіи доказательствъ, что желающій присоединиться къ единовѣрческому приходу, дѣйствительно обманывалъ православную церковь, числясь ея членомъ, что онъ въ душѣ и въ дѣйствительности отъ нея уклонялся; гарантіи же, по общему смыслу опасенія, могутъ быть не иныя, что ищущій единовѣрія не перейдетъ на расколъ. То и другое, по крайней мѣрѣ первое, условіе уже значится въ самомъ учрежденіи единовѣрія. Въ восьмомъ пунктѣ правилъ, на коихъ оно основано, резолюція покойнаго митрополита Платона гласитъ

Сіе (приписка къ единовѣрію) не иначе дозволено быть можетъ, какъ по изслѣдованію отъ епископа, что онъ никогда дотолѣ въ церковь православную не ходилъ и таинствъ его не принималъ.

Итакъ, вообразимъ положеніе: ищущій единовѣрія будетъ поставленъ въ обязанность доказывать священнику или епископу о себѣ, что онъ чуждался и чуждается православной церкви, а священникъ или епископъ обязаны будутъ „уличать“ его въ противномъ. „Ты почитаешь церковь“, будутъ увѣрять его; онъ будетъ настаивать, что не почитаетъ; „тщательное разслѣдованіе“ будетъ отыскивать доказательства въ родѣ того, что „уличаемый“ (въ сущности вѣдь нельзя и придать другого названія) такого-то числа былъ видѣнъ въ такой-то церкви, и потому желаніе его, какъ доказаннаго православнаго, не можетъ быть принято въ уваженіе. Уличаемый въ свою очередь вынужденъ будетъ уже къ какому-нибудь рѣзкому фактическому доказательству своего неправославія. Можно ли идти далѣе въ извращеніи понятій о церкви, идти далѣе, выразимся даже такъ, въ кощунствѣ вѣрою и православіемъ? Въ сущности, не далеко отъ того ушло и самое прошеніе единовѣрцевъ, предлагающихъ такую редакцію, чтобы принимать въ единовѣрческіе приходы тѣхъ, „о которыхъ извѣстно, что они долговременно и не менѣе пяти лѣтъ удаляются отъ общенія съ православною церковію“. Изъ этого вытекаетъ слѣдующее. желающій присоединиться

къ единовѣрію долженъ на пять лѣтъ отказаться отъ церкви, а отсюда выходитъ то, что для лучшаго обезпеченія въ исполненіи своего желанія, онъ можетъ, такъ сказать указывается ему даже путь, заранѣе объявить оффиціально, что отнынѣ въ теченіи пяти лѣтъ не будетъ ходить въ церковь. Того ли желаютъ и то ли думаютъ единовѣрцы? О „Церковномъ Общественномъ Вѣстникѣ“ можно, кажется, утверждать, что онъ даже такимъ рѣшительнымъ предупрежденіемъ не удовольствуется, а потребуетъ, если не разслѣдованія, которое вѣроятно и ему покажется излишнимъ, послѣ открытаго заявленія, то „увѣщанія“, система которыхъ состоитъ, какъ извѣстно, въ томъ, что нарядится священникъ, который по временамъ будетъ освѣдомляться, не перемѣнилъ ли №№ своего намѣренія, и въ извѣстные періоды будетъ отписываться, что „такой-то остается непреклоннымъ“. Измѣнить такой порядокъ, по понятіямъ „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, вѣроятно нельзя, при скудости средствъ духовенства и въ частности „миссіонерскихъ средствъ“, какъ онъ выражается.

Что же касается до гарантій противъ перехода въ расколъ, которыхъ желаетъ журналъ, то онъ не объясняетъ, въ чемъ онѣ предполагаются, въ личномъ или денежномъ поручительствѣ. Съ общимъ его воззрѣніемъ, по нашему понятію, согласуется болѣе поручительство денежное; то есть единовѣрецъ внесетъ извѣстную сумму, которая, въ случаѣ перехода его въ расколъ, перейдетъ приходскому духовенству. Мѣра эта будетъ совершенно по вкусу „Церковно-Общественному Вѣстнику“.

Но обращаемся къ дѣйствительному затрудненію, которое предвидится въ прошеніи единовѣрцевъ. Сколь ни далеко, по наружности, недоразумѣніе, возбуждаемое прошеніемъ, оно однородно съ современною греко-болгарскою распрею. Въ церкви, какъ союзѣ нравственномъ, основанномъ на единствѣ вѣры, всѣ внѣшнія отличія членовъ, какъ-то полъ, возрастъ, соціальное положеніе и, наконецъ, національность, исчезаютъ; это— основное положеніе, что въ церкви нѣтъ мѣста принужденію, иначе она была бы союзомъ не вѣры, а чего-нибудь другого.

И нѣтъ мѣста принужденію не только въ самой вѣрѣ (вѣра и принужденіе понятія взаимно себя исключающія), но и тѣмъ болѣе во внѣшностяхъ, безразличныхъ до вѣры, до нея не относящихся. Въ греко-болгарской распрѣ противъ этихъ основъ погрѣшили сначала греки, лишавшіе болгаръ богослуженія на національномъ языкѣ (начало принужденія во внѣшней, безразличной принадлежности вѣрованія), потомъ болгары, составившіе церковный союзъ не во имя вѣры, а во имя племени, съ разрывомъ братства іерархическаго. Старый или новый переводъ богослужебныхъ книгъ (предметъ пререканій съ раскольниками) для единства вѣры есть вещь столь же безразличная, какъ и самый языкъ, на которомъ передается вѣроученіе Но докуда простирается безразличіе обряда богослужебнаго, который хотя есть внѣшность, но служащая однако же символомъ внутренняго церковнаго единства, знаменемъ православія, рядомъ съ іерархическимъ устройствомъ? Рѣшающимъ элементомъ служитъ здѣсь, во первыхъ, *мысль* обряда, и съ этой стороны единовѣріе вполнѣ православно. Но вторымъ рѣшающимъ признакомъ должно служить іерархическое единеніе, какъ свидѣтельство, что сами различающіеся въ обрядахъ не придаютъ своимъ отличіямъ существеннаго въ вѣрѣ значенія, покоряя ихъ высшему единству церковнаго общенія взаимнаго снисхожденія. Положимъ, и здѣсь единовѣрцы стоятъ на твердой почвѣ Но они тѣмъ не менѣе образуютъ изъ себя особую же церковь, пусть не въ видѣ епископіи внутри другихъ епископій, но въ видѣ, по крайней мѣрѣ, приходовъ, стоящихъ особнякомъ отъ прочихъ и объединяемыхъ между собою именно извѣстною особенностью обрядовъ. Они стоятъ на полдорогѣ къ тому, къ чему пришли болгары, образовавшіе особыя епископіи среди существующихъ православныхъ епископій и, такъ сказать, пересѣкая ихъ; не доходя до того, единовѣрцы образуютъ церкви (приходы) также среди другихъ церквей (приходовъ) и также ихъ пересѣкая. Если бы дѣло дошло до соборнаго обсужденія, нѣтъ сомнѣнія, и двуперстіе и сугубое аллилуія признаны были бы равно выражающими православную мысль и равно

достопріемлемыми въ церквахъ, какъ и троеперстіе съ тройнымъ аллилуія. Употребленіе того или другого вида предоставилось бы свободному изволенію каждаго. Но иное дѣло личное свободное употребленіе того или другого обряда, иное дѣло устройство цѣлыхъ церквей на основаніи извѣстныхъ обрядовыхъ отличій, и притомъ съ обязательнымъ ихъ употребленіемъ. Обязательное употребленіе одного вида равносильно въ этомъ случаѣ, изверженію другого; а устройство особой церкви, то есть особаго собранія подъ этимъ знаменемъ, есть уже расколъ, пусть и не полный, съ сохраненіемъ іерархическаго общенія. То—свободное употребленіе обычая, а то—возведеніе обычая въ основаніе, то—личное изволеніе, а то—символъ, знамя церкви, цѣлаго собранія. Двоеперстіе и сугубое аллилуія не есть физическая принадлежность, въ родѣ языка, дѣлающая неизбѣжнымъ различіе во внѣшнемъ выраженіи той же вѣры; употребленіе тѣхъ же обрядовъ (двоеперстія и двойного аллилуія) не можетъ быть подведено и подъ понятіе особеннаго подвига, которое бы уполномочивало на устройство ради нихъ особыхъ киновій Вотъ здѣсь-то и коренится трудность соглашенія, и препятствіе къ выведенію единовѣрческихъ особенностей на царскую дорогу вселенскаго православія.

Конечно, и это затрудненіе легко преодолимо. Послѣдовательность требуетъ, въ доказательство ненарушимаго единенія со всею церковью, чтобы не однѣ отдѣльныя лица безразлично, не сумняся, молились и пріобщались въ церквахъ обоего обряда, но чтобъ самимъ церквамъ предоставлена была свобода употреблять безразлично тѣ или другіе; или по крайней мѣрѣ, хотя бы въ извѣстные дни совершать богослуженіе не по обычному обряду своей церкви, а новообрядцамъ по старообрядчески, старообрядцамъ по новымъ книгамъ. Полная равночестность обоихъ обрядовъ, и при томъ для всей вселенской церкви, тогда утвердится, и послѣдній призракъ расколовидности упразднится. Этого однако единовѣрцы не просятъ, и не знаемъ, готовы ли они ко всему своему бо-

гослуженію примѣнить то, чего просятъ только для моленій за Царя (то есть безразличное употребленіе старыхъ и новыхъ формъ).

Скажемъ въ заключеніе, что если бы дошло до соборнаго разрѣшенія, вопросъ непремѣнно возвысился бы и расширился. Не однѣ особенности русскихъ старообрядцевъ, но весь обрядъ вообще, весь чинъ богослуженія взываетъ къ пересмотру и къ возстановленію той живой, истинно церковной свободы, знаменіемъ и памятникомъ которой служатъ редакціи самихъ литургій. Было время, когда столь важное даже священнодѣйствіе не облекало всѣхъ своихъ подробностей въ кристаллическую, стереотипную форму, какъ теперь, благодаря чему и имѣемъ мы, напримѣръ, литургію Златоуста. Внѣшнія обстоятельства, преимущественно политическія, затруднительность живыхъ сношеній между церквами, а отсюда рѣдкость церковныхъ соборовъ и почти ихъ совершенное исчезновеніе,—вотъ что было причиною, что буква во многихъ случаяхъ окаменѣла и возвысилась надъ духомъ Эта окаменѣлость породила даже особое вѣрованіе въ букву, какъ въ нѣчто непреложное, какъ въ догматъ, тогда какъ вся ея непреложность условлена лишь опасеніемъ,—опасеніемъ, достойнымъ истинной церкви и гармонически соотвѣтствующимъ ея внутреннему существу—нарушить вселенскій миръ и общее братское единеніе самочиннымъ нововведеніемъ, о которомъ мнѣніе всѣхъ частныхъ церквей не выразилось въ соборной формѣ. Тѣмъ не менѣе эта-то окаменѣлость и это вѣрованіе въ букву послужило самымъ началомъ расколу старообрядства, изъ котораго вышло единовѣріе, откуда однако не слѣдуетъ, чтобы такъ и оставалось навсегда. Напротивъ, существованіе этого раскола и взываетъ къ необходимости торжественнаго, соборнаго возвращенія церковной внѣшности, къ той живой свободѣ, которая дышала въ ней нѣкогда, при болѣе благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ

Церковныя суммы *).

Намъ сообщаютъ объ епархіальномъ распоряженіи, разсылаемомъ или разосланномъ уже по Москвѣ, содержаніе котораго нѣсколько удивительно Не имѣя въ рукахъ подлиннаго документа, колеблемся вѣрить даже его существованію, не говоря уже о содержаніи, которое ему приписываютъ.

Дѣло идетъ о торговлѣ восковыми свѣчами и о контролѣ церковныхъ суммъ. Увѣряютъ, что церквамъ, во первыхъ, запрещается покупать свѣчи гдѣ-нибудь, кромѣ епархіальнаго завода Во вторыхъ, свѣчнымъ лавкамъ запрещается продавать менѣе полупуда въ однѣ руки. Въ третьихъ, за нарушеніе этихъ правилъ угрожается отвѣтственностью и штрафами. Въ четвертыхъ, объявляется, что будутъ производиться внезапныя ревизіи церковныхъ ящиковъ, сопровождаемыя также наложеніемъ штрафовъ и отставками.

Мы изъ числа первыхъ, ставшихъ за контроль церковныхъ суммъ и за правильное веденіе церковнаго хозяйства, но никакъ не предполагали, что исправленіе отчетности церквей и вообще ихъ хозяйства двинется въ направленіи, которое приписывается упомянутому распоряженію, и произведено будетъ въ такомъ видѣ и такими способами

Мы не понимаемъ, во первыхъ, ограниченія, налагаемаго на свѣчныя лавки. Означаетъ ли оно, что частное лицо лишено будетъ возможности имѣть свѣчку для домашняго употребленія, даже для святочной елки, и за удовлетвореніемъ этой нужды обязано будетъ отправляться въ церковь? Церковь тогда обращается прямо въ лавочку, что совсѣмъ несовмѣстно съ понятіемъ о храмѣ Божіемъ.

Съ трудомъ вѣримъ, что имѣютъ въ виду воскресить силу закона, давно устарѣвшаго, да никогда въ полной мѣрѣ и не дѣйствовавшаго, о церковной монополіи въ продажѣ восковыхъ свѣчъ. Прежде всего, монополія не осуществима; для огражде-

*) С И. 1 декабря, № 331.

нія ея необходимъ особый персоналъ, въ родѣ новыхъ акцизныхъ чиновниковъ или торговыхъ смотрителей Ни чиновники существующаго акциза, ни существующіе торговые смотрители не примутъ на себя этой неблагодарной обязанности. А потому и взысканія, которыми, какъ увѣряютъ, угрожаетъ упомянутое распоряженіе, безсильны Или духовенство само возьметъ на себя обязанность сыщиковъ и потомъ обвинителей контрабанды? Пусть это будетъ логически послѣдовательно, но мы съ трудомъ допускаемъ возможность такой профанаціи.

Внезапныя ревизіи будутъ производиться духовенствомъ, то есть оо. благочинными, или можетъ быть особенными ревизорами, которыхъ назначитъ епархіальная власть; во всякомъ случаѣ безъ участія прихожанъ, какъ увѣряютъ насъ. Цѣль— охранить не церковь отъ расхищенія, а обезпечить исправное полученіе и, если возможно, возвышеніе налога съ церквей. Не станемъ распространяться, до чего это не соотвѣтствуетъ достодолжнымъ взглядамъ на церковное имущество и истиннымъ обязанностямъ относительно его употребленія. Объ этомъ мы говаривали не разъ. Въ настоящее время коснемся вопроса, насколько практична предполагаемая мѣра, осуществленіе которой несомнѣнно оскорбитъ и старостъ, и большинство, если не всѣхъ, прихожанъ во всѣхъ приходахъ. Церковное подаяніе, въ видѣ ли свѣчки, затепливаемой предъ образомъ, въ видѣ ли монеты, опускаемой предъ образомъ, для прихожанина не обязательно. Это не подушная подать, не земскій налогъ, не акцизъ съ табака. Вторженіе въ церковный ящикъ, помимо воли прихожанъ и безъ ихъ участія, съ цѣлями, къ которымъ сочувствіе жертвователей не только не удостовѣрено, но удостовѣрено, напротивъ, скорѣе противное,—къ чему это приведетъ? Къ совершенному оскуденію церковнаго ящика и къ уклоненію прихожанъ отъ церкви.

Въ виду всѣхъ вышеизложенныхъ основаній мы продолжаемъ сомнѣваться въ существованіи распоряженія, о которомъ намъ сообщаютъ, и тѣмъ болѣе, чтобъ его содержаніе изобиловало столь неумѣстными и, скажемъ болѣе, столь не без-

опасными подробностями. Ожидаемъ отъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ разъясненія. Склоняемся предположить значительную преувеличенность слуховъ, тѣмъ болѣе естественную, по нашему мнѣнію, что налогъ съ церквей вообще не пользуется сочувствіемъ, и именно потому, что онъ распредѣляется епархіальными съѣздами, состоящими, какъ извѣстно, исключительно изъ духовенства и между тѣмъ налагающими руку на достояніе, не духовенствомъ собираемое. Всякій слухъ о дальнѣйшихъ мѣрахъ въ этомъ направленіи естественно долженъ породить новое неудовольствіе, откуда и выросли, можетъ быть, предположенія о преднамѣреваемой квалификаціи налога посредствомъ монополіи и внезапныхъ ревизій. Но именно потому-то и требуется осторожность въ новыхъ мѣрахъ и успокоительное ихъ разъясненіе.

Церковное пѣніе*).

16 декабря, въ зданіи здѣшняго Экзерцицгауза предполагается духовный концертъ соединенныхъ нѣсколькихъ пѣвческихъ хоровъ, подъ управленіемъ регента Н. Смирнова. Концертъ, съ шестью стами исполнителей, самъ по себѣ явленіе уже выходящее изъ ряда обыкновенныхъ. Но этотъ концертъ, хотя имѣющій видъ частнаго предпріятія, есть первый шагъ собственно Общества любителей церковнаго пѣнія, которое отчасти уже организовалось и лишь ждетъ утвержденія своему уставу, которое, по слухамъ, не замедлитъ послѣдовать на дняхъ. Выручка предстоящаго концерта, какъ намъ сообщали, и предназначается г. Смирновымъ въ пользу будущаго Общества для образованія первоначальнаго фонда.

Задача новорождающагося Общества весьма почтенна; оно имѣетъ въ виду двоякую цѣль, теоретическую и практическую. Практическая—доставить публикѣ, осужденной, за малыми исключеніями, на развлеченіе въ видѣ театра и кафе-шанта-

*) С И 4 декабря, № 334.

новъ, доставлять духовное наслажденіе болѣе серіозное и иного пошиба Въ этомъ смыслѣ концерты Общества будутъ своего рода воспитательною школою, среди и насупротивъ другого рода школъ, изъ которыхъ иныя, къ сожалѣнію слишкомъ обильныя, не столько воспитываютъ, сколько развращаютъ,— среди музеевъ, библіотекъ, публичныхъ чтеній, симфоническихъ собраній, и насупротивъ трактировъ и кабаковъ разнаго наименованія. Но этимъ отвлекающимъ дѣйствіемъ не ограничивается задача Общества. Оно предполагаетъ быть школою и въ болѣе положительномъ смыслѣ, органомъ эстетическаго народнаго самосознанія въ сферѣ музыки, при чемъ, если обстоятельства поблагопріятствуютъ, устроить и школу въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, то есть школу пѣвческую, разсадникъ правильнаго музыкальнаго образованія въ народѣ. А здѣсь задача опять раздвояется. Помимо обученія народа правильному пѣнію, Обществу предстоитъ самому начать или продолжить изученіе народной музыки, точнѣе сказать, процессъ самообученія ей. Русское церковное пѣніе, равно какъ и русское пѣніе вообще, есть еще неизвѣстный х въ музыкальной наукѣ, своебытный, оригинальный фактъ, еще доселѣ не изслѣдованный вполнѣ Можно сказать, что край завѣсы только приподнятъ, проблемма только поставлена такими умами и талантами, какъ покойные князь Одоевскій и М. Глинка, оба рѣшившіе, что ключа къ русской народной музыкѣ слѣдуетъ искать, между прочимъ, въ музыкѣ церковной, и оба вѣровавшіе, что съ открытіемъ законовъ русской музыки настанетъ новая эра и для музыки вообще.

Но само церковное пѣніе сохранило ли свою чистоту? Вѣрно ли оно своимъ музыкальнымъ законамъ? Не уклонилось ли оно отъ своего характера и назначенія? Тысячу разъ *да*. Если народъ забываетъ свою пѣсню, по крайней мѣрѣ онъ не искажаетъ ея строя. Церковное же пѣніе, хотя хранитъ въ Обиходѣ неприкосновенный, или по крайней мѣрѣ мало тронутый запасъ дѣйствительныхъ церковныхъ мелодій, на практикѣ совершенно распростилось съ ними и въ особенности съ

ихъ строемъ. Трудно рѣшить, что дальше отошло, русскіе ли романсы отъ русской пѣсни, или новѣйшія церковныя композиціи отъ подлинно-церковныхъ пѣснопѣній. Да, наконецъ, не рѣшенъ вопросъ даже о томъ: откуда наше церковное пѣніе? Наше ли оно или унаслѣдованное отъ чужого народа, то есть грековъ?

Самая постановка задачъ уже дѣлаетъ великую честь учредителямъ Общества. Съ другой стороны смѣло пророчимъ ему и популярность, особенно при его составѣ, считающемъ среди себя и исполнителей, и теоретиковъ, и любителей. Многообѣщающее явленіе усматриваемъ, между прочимъ, и въ томъ, что на закладку перваго камня въ фундаментъ Общества, собралось нѣсколько самостоятельныхъ хоровъ, отложивъ на этотъ разъ въ сторону всякое соперничество.

Въ частности пожелаемъ успѣха первому почину, имѣющему быть, какъ мы сказали, 16 декабря. Въ предстоящемъ концертѣ, какъ мы слышали и какъ можно судить изъ программы, отчасти уже принятъ сравнительный методъ: будутъ предложены пѣснопѣнія древнія, по напѣвамъ Обихода, и притомъ исполненныя унисономъ, и рядомъ съ ними исполнены новѣйшія, партесныя произведенія извѣстнѣйшихъ композиторовъ; публикѣ предоставлено будетъ не только наслаждаться, но и сличать, провѣрять и образовывать свой вкусъ.

Новыя теченія въ интеллигенціи духовенства*).

Изъ газеты „Востокъ“ мы узнаемъ нѣкоторыя дополнительныя подробности о здѣшнемъ епархіальномъ свѣчномъ заводѣ съ его монопольнымъ характеромъ и разными подробностями, въ родѣ внезапныхъ ревизій церковнаго хозяйства и т. п Редакція очевидно имѣла въ рукахъ подлинный документъ проекта объ учрежденіи завода, тогда какъ мы говорили только

*) С И 10 декабря, № 340

по слухамъ Оказывается, между прочимъ, что заводъ есть не просто коммерческое предпріятіе, но предпріятіе до извѣстной степени акціонерное, хотя на особыхъ, любопытныхъ основаніяхъ. Первоначальный капиталъ, кажется, составился изъ общеепархіальныхъ суммъ. Но затѣмъ вошли въ дѣло частные пайщики, въ видѣ нѣкоторыхъ священниковъ, внесшіе свои суммы, подъ условіемъ однако участія въ дивидендѣ. Въ порядкѣ вещей, изъ этихъ акціонеровъ составился и комитетъ, управляющій заводомъ, или говоря языкомъ обыкновенныхъ компаній, члены правленія, разумѣется съ жалованьемъ, какъ и подобаетъ. Оно не доходитъ до семи или десяти тысячъ, какъ въ банкахъ и на желѣзныхъ дорогахъ, ограничиваясь, какъ говорятъ, тремя тысячами, при взносѣ капитала, примѣрно, въ четыре.

Вотъ это современность! Это прогрессъ! Прогрессъ знаменуется тѣмъ особенно, что въ тотъ или другой банкъ никого не заставляютъ насильно отправляться за займомъ или учетомъ, и въ вагонъ желѣзной дороги не тащатъ за шиворотъ, а свѣчной епархіальный заводъ имѣетъ обязательныхъ покупателей, которымъ грозятъ отвѣтственностію въ случаѣ покупки свѣчей въ другомъ мѣстѣ. Хотя епархіальный заводъ и не въ состояніи снабдить всѣ церкви собственными свѣчами, это однако не снимаетъ отвѣтственности съ покупателей на этотъ предметъ прикупаются заводомъ готовыя свѣчи изъ лавокъ. Намъ кажется, выдѣлка свѣчей на заводѣ, при такихъ условіяхъ, есть даже излишняя роскошь. Зачѣмъ выдѣлка? Покупатели—обязательные, цѣны—произвольныя. Слѣдовательно, для цѣли достаточно брать готовыя свѣчи, назначить почтенный процентъ при перепродажѣ, и все: и просто и спокойно. На тѣ неудобства, которыя оказались, по слухамъ, при употребленіи такихъ готовыхъ свѣчей въ одной или двухъ церквахъ, обращать вниманіе не слѣдуетъ, именно, что потолки и стѣны закоптятся отъ растительнаго воска, которымъ угостили заводъ его поставщики. Цѣль, все равно, будетъ достигнута покупатели обязательные и цѣны произвольныя, дивидендъ упроченъ.

Замѣчательно самоотреченіе, которому усердно предается современное духовенство. Оговоримся: мы имѣемъ въ виду не все духовенство, въ которомъ еще не всѣ духовные свѣтильники угасли, а выдающуюся въ публику его часть, его интеллигенцію, употребляя это пошлое выраженіе людей, мнящихъ быть его руководителями. То, что всему обществу начинаетъ мерзить, во имя нравственныхъ началъ, преподносится ему, духовенству, носителю нравственнаго начала, его руководителями, въ видѣ идеала. Мы не слышимъ о новыхъ проповѣдникахъ, миссіонерахъ, о духовныхъ подвижникахъ; но обильно питаемся жалобами на бѣдность, проектами „объ улучшеніи быта“, не останавливающимися даже передъ закрытіемъ церквей; видимъ акціонерныя компаніи съ дивидендомъ, подъ названіемъ епархіальныхъ заводовъ. Спекуляція и нажива вошла и сюда, какъ господствующее начало. Въ клерикально-бюрократической печати сдѣлалось казеннымъ общимъ мѣстомъ воззрѣніе: дайте хорошее содержаніе, и будутъ хорошіе пастыри. Замѣчательно въ этомъ положеніи самопризнаніе, во первыхъ, что пастыри неудовлетворительны, и во вторыхъ, подразумѣваемое основаніе, что обязанности духовнаго пастыря однородны съ матеріальнымъ трудомъ, напряженіемъ мышцъ или же съ коммерческимъ дѣломъ, интенсивность котораго увеличивается или уменьшается, по степени матеріальнаго вознагражденія. Любовь, ревность о спасеніи заблудшаго, полаганіе души за своихъ овецъ, жаръ проповѣданія, духовная радость и скорбь, совѣсть и вѣра,— все это признается возникающимъ, возвышающимся и ослабляющимся по мѣрѣ пѣнязей. Лучшей проповѣди матеріализмъ для себя не можетъ искать: отрицаніе самостоятельности духовныхъ началъ подтверждается ему собственными, и притомъ очень рѣшительными и очень горячими, разсужденіями преимущественныхъ представителей такъ называемаго начала.

Читатели не изъ духовенства едва ли даже повѣрятъ, что одинъ изъ органовъ духовенства самымъ ревностнѣйшимъ образомъ пропагандируетъ въ послѣднее время мысль—о чемъ бы вы думали? О томъ, чтобы духовенству, вмѣсто своихъ рясъ,

носить свѣтское платье! Духъ корпораціи тѣмъ и свидѣтельствуется между прочимъ, что она дорожитъ своимъ мундиромъ, дорожитъ честью носить его. Желаніемъ, такъ горячо изъявляемымъ, интеллигенція духовенства свидѣтельствуетъ, что его званіе не внушаетъ уваженія ни другимъ, ни ему самому. Оно желало бы укрыться, смѣшаться съ остальными, не колоть глаза своимъ платьемъ. Мы оставляемъ безъ вниманія, что то же желаніе свидѣтельствуетъ о намѣреніи освободиться отъ нѣкоторыхъ стѣсненій, которыя все таки налагаетъ санъ и которыми, не производя общественнаго соблазна, все таки нельзя публично пренебречь, нося на себѣ отличительныя принадлежности сана. Это желаніе, въ сущности мелкое и дѣтское, пусть и грязное, права посѣщать, не смущая никого, всякія увеселительныя заведенія и сборища, еще не такъ характеристично, какъ утрата вѣры вообще въ свое званіе.

Но вотъ вопросъ, о которомъ забываетъ эта мнимая интеллигенція: какое же право предъявитъ званіе, которому она принадлежитъ, на самое бытіе свое въ общественномъ организмѣ, когда отрекается отъ собственной сущности и даже отъ внѣшнихъ примѣтъ? Интеллигенція, по старымъ преданіямъ, не перестаетъ утверждать, что духовенство есть призванный руководитель народа (способный однако таковымъ быть, по ихъ мнѣнію, только при сытномъ содержаніи). Но во имя чего и въ силу чего же оно будетъ руководителемъ? Но во имя чего и въ силу чего ихъ руководительство будетъ уважено народомъ? Если не будетъ уважено и уважаемо, то въ силу чего имъ существовать, а тѣмъ болѣе получать содержаніе? Анархисты по крайней мѣрѣ послѣдовательны: для нихъ Богъ, употребля библейское выраженіе, есть чрево, въ чревѣ, то есть желудкѣ, и вся душа; здѣсь всѣ цѣли и всѣ побужденія бытія. Идеалъ общественнаго бытія—общая всѣхъ сытость А такъ какъ вмѣстѣ со всею духовною природою отрицается и свобода, то насытить всѣхъ дозволяется разрушеніемъ всего теперешняго порядка, хотя бы съ кровавыми насиліями. Но они и вычеркиваютъ изъ общества все, что не согласно съ этимъ обществен-

нымъ идеаломъ, построеннымъ на исключительныхъ требованіяхъ желудка, и прежде всего духовенство, или, по ихъ выраженію, церковь, которая стоитъ на противоположномъ принципѣ. Интеллигенція же духовенства, усвоя и проповѣдуя тотъ же принципъ, въ примѣненіи къ „улучшенію своего быта“, тѣмъ не менѣе настаиваетъ на своемъ существованіи, хотя бы и съ закрытіемъ церквей, и притомъ приписываетъ себѣ духовное руководительство (хотя бы и съ закрытіемъ церквей). Какъ ни какъ, но во всякомъ случаѣ непослѣдовательно.

Объ управленіи церковнымъ хозяйствомъ*).

Въ „Новое время“ сообщаетъ кто-то изъ Москвы, что нѣкоторые изъ московскихъ церковныхъ старостъ предполагаютъ войти въ святѣйшій синодъ съ прошеніемъ, чтобы церковныя имущества и хозяйство, а равно и контроль церковно-финансовыхъ операцій, переданы были въ завѣдываніе выборныхъ отъ прихода. Полная точность этого слуха сомнительна. Не думаемъ, чтобы гг. московскіе старосты смѣшивали двѣ вещи, управленіе и контроль. Полагаемъ, что если управленіе церковнымъ хозяйствомъ, по мнѣнію старостъ, удобно поручить выборнымъ отъ прихода, то не можетъ принадлежать тѣмъ же лицамъ контроль. Всего вѣроятнѣе, и это было бы всего цѣлесообразнѣе, гг. старосты, оставляя управленіе за собою, изъявляютъ готовность подвергнуть себя контролю выборныхъ отъ прихода; или же, слагая съ себя единоличную отвѣтственность и изъявляя готовность раздѣлить управленіе съ приходскими выборными, желаютъ, чтобы контролирующая власть передана была приходу въ полномъ составѣ. И давно это пора; давно было бы пора воскресить жизнь приходской общины, въ интересахъ не только церковнаго хозяйства, но и въ интересахъ народнаго благочестія и нравственности Въ настоящую

*) С. И 12 декабря, № 342

пору умственнаго и нравственнаго шатанія особенно было бы благовременно вспомнить о приходѣ. Для этого не нужно ничего и ломать и ничего придумывать. Стоитъ обратиться къ уставу приходскихъ попечительствъ и дополнить его лишь нѣсколькими штрихами; именно, подчинить имъ все церковно-приходское хозяйство, помимо того, которое находится въ ихъ попечительскомъ завѣдываніи, но и хозяйство въ тѣсномъ смыслѣ церковное, храмовое, во главѣ котораго стоитъ староста. Само собою разумѣется, изъ добровольныхъ учрежденій обратятся тогда попечительства въ обязательныя для каждаго прихода. Церковный староста обратится въ приходскаго делегата, подчиненнаго попечительству и всему приходу и состоящаго подъ ихъ постояннымъ надзоромъ Намъ кажется, гг. московскимъ старостамъ не о чемъ бы болѣе и просить.

Прошеніе старостъ, о которомъ сообщаетъ корреспондентъ „Новаго Времени“, возбуждено, какъ онъ полагаетъ, слухами о предстоящемъ снаряженіи коммиссіи для пересмотра правилъ о церковномъ хозяйствѣ и о контролѣ церковно-финансовыхъ операцій, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы полагаемъ, возбуждено и неудовольствіемъ на односторонній контроль церковныхъ суммъ, который начинаетъ вводиться по епархіи. А то и другое побужденія, въ свою очередь, коренятся на опасеніи, что церковныя имущества и доходы отъ церковныхъ подаяній обращены будутъ не на церковь вообще, а исключительно на духовенство. Ясно, что желаніе старостъ, въ этомъ случаѣ, встрѣтитъ сильное противодѣйствіе со стороны духовенства, по крайней мѣрѣ той извѣстной его части, которую мы назвали клерикально-бюрократическою и къ которой принадлежитъ, повидимому, и авторъ упомянутой замѣтки въ „Новомъ Времени“. Но въ успокоеніе клерикало-бюрократовъ можно высказать увѣренность, что, при порядкѣ нами проектируемомъ, интересы самого духовенства будутъ ограждены несравненно прочнѣе, нежели, при теперешнемъ, а тѣмъ болѣе при желаемомъ клерикалами будущемъ. Исключительная власть духовенства надъ церковными имуществами и доходами, исключитель-

ный его контроль, сопровождаемые притомъ насильственнымъ налогомъ и монополіями, должны привести къ открытому раздору между клиромъ и паствами, и въ концѣ концовъ къ опустѣнію церковныхъ ящиковъ и, наконецъ, самыхъ церквей. Это будетъ лучшею мѣрою, чтобы самый источникъ изсякъ, на который разсчитываетъ духовенство. Передача же церковнаго хозяйства въ руки попечительствъ, а чрезъ нихъ и приходовъ вообще, возложитъ на нихъ обязанность, вмѣстѣ съ прочими нуждами, озаботиться и о содержаніи духовенства. Если не желаютъ допустить прихожанъ до контроля, что опасаются ропота на церковный налогъ и даже противодѣйствія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и оскудѣнія духовно-учебныхъ средствъ, то не нужно забывать, что ропотъ и безъ того идетъ повсемѣстно; а съ другой стороны, совершенная отмѣна налога съ церквей только соотвѣтствовала бы истиннымъ государственнымъ потребностямъ. Въ настоящее время духовенство проситъ себѣ казеннаго жалованья, а свои училища содержитъ непопулярнымъ и, правду сказать, несправедливымъ побором съ церквей. Поставьте наоборотъ: пусть государство содержитъ на свой счетъ духовно-учебныя заведенія, а церкви съ своими приходами пускай обезпечиваютъ мѣстное духовенство. Это будетъ вполнѣ согласно съ государственными нуждами, съ значеніемъ духовенства и приходовъ, съ требованіями справедливости наконецъ. И въ добавокъ, такая перестановка, благодѣтельная во всѣхъ смыслахъ, почти не потребуетъ даже измѣненій въ государственномъ бюджетѣ, какъ это было документально разъяснено прекрасными статьями Д. Ѳ. Самарина, напечатанными въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“, лѣтъ восемь назадъ.

Авторъ замѣтки въ „Новомъ Времени“, не отрицая права у выборныхъ прихода участвовать въ завѣдываніи церковнымъ хозяйствомъ, опасается, какъ бы, „при неразвитіи у насъ выборнаго начала и общественной приходской жизни“ не повторили собою эти выборные пайщиковъ въ акціонерныхъ собраніяхъ. „Если акціонерныя собранія, состоящія изъ пайщиковъ, въ большинствѣ случаевъ являются простыми стадами,

а ревизіонныя коммиссіи въ банкахъ средствами не повѣрки, а сокрытія различныхъ злоупотребленій, то чего ожидать отъ приходскихъ собраній и приходскихъ ревизіонныхъ коммиссій?“ Но если у насъ не развито выборное начало и общественная приходская жизнь, окончательное подавленіе ихъ послужитъ ли средствомъ къ ихъ развитію? А вѣдь право выборныхъ не отрицается самимъ авторомъ. Во вторыхъ, если отъ выборныхъ ожидается, что они будутъ стадомъ, то почему стадомъ старостъ, а не духовныхъ пастырей, за права которыхъ собственно и стоитъ авторъ? Почему же они пастыри послѣ того? Наконецъ, не лишено поучительности это приравниванье прихода акціонерному предпріятію, ну, хоть бы приравнять къ какому нибудь благотворительному или ученому обществу, это еще было бы похоже, а то къ акціонерному обществу! Церковь и акціонерное общество! Это есть тоже своего рода знаменіе времени Свѣчной здѣшній заводъ, въ своей организаціи, какъ мы уже и объясняли позавчера, дѣйствительно и поспѣшилъ заимствовать отъ акціонерныхъ обществъ всѣ ихъ порядки, до жалованья и наградныхъ директорамъ включительно.

Православіе на нашихъ окраинахъ*).

Невеселыя думы навѣваетъ письмо съ Волыни. Одинокій боецъ, затерявшійся среди враждебнаго лагеря, откуда до своихъ и голоса не слышно. таково впечатлѣніе. Дѣло идетъ о положеніи русской народности и православія въ юго-западной Россіи. И какъ немногое нужно! Книжекъ, даже книженокъ какихъ-нибудь, и этого достаточно въ видѣ спасительнаго орудія передъ натискомъ, въ которомъ сочетались усилія польщизны, католичества и нигилизма

Читатель найдетъ самъ дальнѣйшія подробности въ письмѣ. Но картина юго-западной окраины, предъ нами развертываемая, напоминаетъ намъ о другихъ окраинахъ, гдѣ задачи однородны, хотя окружающее иное Авторъ письма съ Волыни

*) С И 14 декабря, № 344.

объясняетъ нашу и національную вялость врожденною русскому горячностью, которая быстро воспламеняется, но быстро и тухнетъ; это, по его словамъ, земледѣлецъ, который бросилъ сѣмена, но у котораго не достаетъ терпѣнія ихъ полить и очистить отъ сорныхъ травъ. При всей относительной вѣрности этого сравненія, мы нашли бы болѣе основательнымъ отыскать другую причину того же явленія: отсутствіе національнаго самоуваженія. Есть окраины, въ которыхъ русская національность и сѣмянъ не сѣетъ; въ другихъ, наоборотъ проводитъ руссификаціе далѣе границъ, предписываемыхъ и благоразуміемъ и справедливостью. Что сдѣлано для русской народности въ Балтійскомъ краѣ? У насъ въ рукахъ есть письмо изъ тѣхъ мѣстъ, разсказывающее, что чиновникъ, не только русскій по подданству, но русскій по происхожденію, не стѣсняется въ слухъ доказывать полную законность вытѣсненія мѣстныхъ нарѣчій не русскимъ, а нѣмецкимъ языкомъ; русскій чиновникъ признаетъ за нѣмецкимъ языкомъ культурность, отчисляя такимъ образомъ себя къ варварамъ! А такимъ отношеніемъ къ собственной и къ нѣмецкой народности вполнѣ поясняется безпрепятственное процвѣтаніе тамъ же слѣдующаго факта. Законъ говоритъ, что въ народныхъ училищахъ преподаваніе русскаго языка обязательно, а затѣмъ тотъ же законъ предоставляетъ мѣстнымъ управленіямъ вводить въ курсъ, сверхъ обязательной программы, преподаваніе такихъ предметовъ, какіе найдены будутъ нужными ближайшимъ начальственнымъ усмотрѣніемъ. А это усмотрѣніе и подсказало повсюду мѣстнымъ управленіямъ пользу нѣмецкаго языка; результатомъ же вышло, что вопреки прямой буквѣ закона, нѣмецкій необязательный языкъ всюду въ школахъ преподается, а русскій, обязательный, нигдѣ, или только для вида, и туземцы массами онѣмечиваются, отрываются и отъ русской національности, и отъ своей даже природной.

Оглянемся на другую окраину. Въ послѣднемъ выпускѣ „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ читаемъ о бывшемъ въ Тифлисѣ съѣздѣ грузинскаго духовенства Духовенство обра-

тилось къ высокопреосвященному экзарху съ запиской, въ которой просило о введеніи въ мѣстную семинарію преподаванія грузинскаго языка и грузинской исторіи. Высокопреосвященный, хотя и обѣщалъ словесно ходатайствовать, но записки даже не принялъ Просьба духовенства имѣетъ однако за себя слишкомъ вѣсскія основанія; воспитанные въ семинаріи, грузинскіе пастыри разучиваются своему грузинскому, особенно церковно-богослужебному языку; они обращаются чрезъ это для своей паствы во что-то, похожее на католическихъ патеровъ, провозглашающихъ народу христіанскія истины на невѣдомомъ языкѣ, и такимъ образомъ лишаются способовъ духовно дѣйствовать на паству. Чѣмъ объяснить эту противоположность юго-востока сѣверо-западу? Системою? Но тогда она была бы одною, а не разными по разнымъ мѣстамъ. Если въ Грузіи руссифированіе проводится далѣе даже предѣловъ, дозволяемыхъ духомъ православной церкви, то тѣмъ рѣшительнѣе оно должно было бы проявляться въ балтійскихъ губерніяхъ, гдѣ не только не стоятъ поперекъ никакія религіозныя начала, но гдѣ за русскую національность стоитъ и политическій интересъ, и желаніе туземцевъ (латышей и эстовъ), и сама буква закона. Или грузинская народность считается болѣе опасною для русской, нежели польская въ юго-западномъ краѣ и нѣмецкая на берегахъ Балтики? Тамъ, гдѣ русскіе представляютъ единственную высшую культуру, къ которой тянутся сами мѣстныя народности; тамъ, гдѣ преобладающей мѣстной народности и не существуетъ, а есть сожительство нѣсколькихъ (и грузинской, и армянской, и отчасти татарской, не говоря о разныхъ черкесскихъ),—тамъ какъ бы опасаются сепаратизма; а гдѣ сепаратизмъ постоянно самъ о себѣ заявляетъ, русская народность смиряется, не осмѣливаясь опереться даже на законъ. Это уже не земледѣлецъ, оставляющій безъ поливки сѣмена, въ надеждѣ, что они сами взойдутъ, это не болѣе какъ отсутствіе уваженія къ національному достоинству вообще, а отсюда и къ собственному, стѣсненіе тѣмъ, кто насъ желаетъ и насъ чтитъ; подобострастіе къ тѣмъ, кто не скрываетъ къ намъ презрѣнія. Если

въ западномъ краѣ мы всполошились нѣкогда, то единственно вслѣдствіе политической опасности, тогда, когда она явилась уже открытою силою, въ видѣ вооруженныхъ бандъ, а не по чувству національности; горячка вскорѣ и прошла, лишь только внѣшняя опасность отстранена внѣшнею же силою. Но духовнаго подъема національности, какъ нѣтъ теперь, такъ и не было вообще, потому что недостаетъ въ обществѣ основанія для него, вѣры въ свою національность. А то же отсутствіе вѣры въ свою національность привело, въ свою очередь, и къ обратному явленію, именно въ Закавказскомъ краѣ. Народная гордость подсказала бы намъ тамъ напротивъ дѣйствовать поощрительно, въ пользу грузинской народности, потому что она вполнѣ намъ предана и кромѣ насъ не имѣетъ себѣ будущаго. Внимательность къ ней только скрѣпила бы наши братскія узы, не говоря уже о томъ, что засвидѣтельствовала бы передъ свѣтомъ объ искренности уваженія нашего и къ національностямъ вообще и ко вселенскому православію. Не мы ли приходили и приходимъ въ негодованіе на отреченіе болгаръ? Не мы ли стояли, и основательно, за право болгаръ слушать богослуженіе на родномъ языкѣ и руководиться родными, славянскими пастырями? Право грузинской національности—не менѣе святое право.

Сокращеніе церквей*).

Московское земство произнесло вѣсское, хотя не новое слово· „сокращеніе церквей должно произвести пагубное вліяніе на народную нравственность“, кому это неизвѣстно, и кто въ этомъ не убѣжденъ? Но московское земство стяжало честь, что первое, если не ошибаемся, рѣшилось представить на благоусмотрѣніе высшаго правительства фактъ, въ которомъ никто не сомнѣвается. Не распространяясь о всемъ губительномъ значеніи

*) С И. 25 декабря, № 354.

сокращенія приходовъ или церквей, что все одно (ибо церковь, остающаяся безъ богослуженія все равно, что церковь несуществующая), мы остановимъ вниманіе на одномъ, что мѣрою сокращенія не достигается даже цѣль, которая ею предположена Приходы сокращаются съ цѣлію увеличить средства духовенства. Прежде всего, самое увеличеніе это есть почти мнимое: съ географическимъ отдаленіемъ прихожанъ отъ приходской церкви, ихъ усердіе охлаждается, число посѣщающихъ церковь уменьшается отъ однихъ уже физическихъ неудобствъ отдаленнаго путешествія; равномѣрно и требованія духовенства на домъ не могутъ быть исполняемы съ прежнею скоростью, что въ свою очередь тоже не должно оставаться безъ вліянія на крестьянскую набожность и ихъ щедрость относительно духовенства. Благосостояніе причтовъ зависитъ не столько отъ ихъ численности, сколько отъ усердія ихъ и отъ умѣнья священнослужителей привязать паству къ себѣ и къ своему храму; городскіе приходы представляютъ тому особенно наглядное доказательство. Не разъ проникали и въ печать чистосердечныя признанія самихъ священнослужителей изъ увеличенныхъ приходовъ по новому штату, что дѣйствительность далеко не оправдала ихъ надеждъ на улучшеніе быта.

Но оставимъ эту матеріальную сторону. Она была ближайшею, но не главною причиною сокращенія приходовъ. Само увеличеніе содержанія для духовенства понимается какъ средство для другой цѣли,—успѣшнаго исполненія пастырскихъ обязанностей. Извѣстенъ этотъ силлогизмъ, безъ устали повторяемый духовенствомъ, что незначительность его нравственнаго вліянія должна быть объясняема недостаточностью содержанія. Съ увеличеніемъ приходовъ и сокращеніемъ штатовъ самого причта не увеличиваются ли однако, по простой численности, обязательныя занятія духовенства? Вмѣсто ста крестинъ приходится совершить двѣсти, вмѣсто пятнадцати свадьбъ триста, точно также—похоронъ, исповѣдей и т. д. Механическая часть отправленія требъ, вмѣстѣ съ веденіемъ метрическихъ записей, должна поглощать въ увеличенномъ приходѣ значительно болѣе

досуга; отсюда несомнѣнно менѣе простора для дѣятельности чисто духовной, для того нравственнаго воздѣйствія, недостаточность котораго объясняется бѣдностью содержанія. Скорѣе можно утверждать, что духовное вліяніе стоитъ прямо въ обратной пропорціи съ численностью прихода. Вѣдомство, въ которомъ находится духовенство, или такъ называемое „вѣдомство православнаго исповѣданія", вмѣстѣ съ дѣлами церкви вѣдаетъ и училищную часть, по крайней мѣрѣ духовно-училищную; да и все народное образованіе стоитъ подъ управленіемъ министра, который вмѣстѣ есть и оберъ-прокуроръ синода. Въ училищной половинѣ того же вѣдомства вполнѣ, можетъ быть даже съ излишкомъ, оцѣнивается правило, что одинъ учитель не долженъ быть нагружаемъ слишкомъ большимъ числомъ учениковъ, и что чѣмъ меньше ихъ у учителя, тѣмъ достижимѣе педагогическія цѣли училища. Когда же дѣло доходитъ до численнаго отношенія пасомыхъ къ пастырямъ, правило принимается обратное: идутъ не къ раздѣленію приходовъ на два, подобно открытію параллельныхъ классовъ въ училищахъ, а къ соединенію уже существующихъ параллельныхъ, не смотря даже на то, что для каждаго изъ нихъ и классная зала (церковь) искони существуетъ. Тамъ положенъ предѣлъ, далѣе котораго нельзя увеличивать числа учениковъ; здѣсь предѣлъ, менѣе котораго не позволяется быть прихожанамъ Нѣтъ сомнѣнія, гдѣ наоборотъ многочисленность прихода превышаетъ даже предѣлы новыхъ штатовъ, тамъ не столь безпрепятственно достигается желаніе прихожанъ объ открытіи новаго прихода (отъ самого духовенства такихъ желаній, понятно, не поступаетъ). Назначено будетъ цѣлое слѣдствіе, прихожане обязаны будутъ доказать, что такой-то младенецъ умеръ безъ крещенія, взрослый безъ исповѣди, и такъ далѣе; очень много усилій придется употребить, чтобы удовлетворить столь естественному для христіанина желанію—имѣть вблизи церковь и удовлетворять своимъ духовнымъ потребностямъ безъ препятствій, полагаемыхъ многочисленностью прихожанъ, отдаленностью разстояній и отсутствіемъ удобныхъ сообщеній.

Нѣтъ нужды говорить, мы искренно желаемъ, чтобы правительство обратило дѣятельное вниманіе на ходатайство московскаго земства. Въ связи съ вопросомъ о народномъ образованіи, доводъ, представляемый земствомъ, получаетъ особенную силу. На собраніи обнаружилось, что для обученія закону Божію въ народныхъ училищахъ не достаетъ духовенства, и истины христіанскаго благочестія преподаются тѣми же учителями, которые учатъ грамотѣ и ариѳметикѣ. Отчего такъ? Отвѣтъ двоякій, третьяго не даетъ духовенство: или а) мало вознагражденія за учительскія обязанности; или б) недостаточно досуга, чтобы, сверхъ совершенія требъ, заниматься еще и учительствомъ. Первымъ отвѣтомъ опровергается жалоба на недостаточность вообще существующихъ средствъ; дѣйствительно нуждающійся не откажется и отъ малаго пособія къ существующему содержанію, брезгаютъ лишнимъ рублемъ только отъ избытка, а не отъ нужды. Вторымъ же объявленіемъ отвергается необходимость увеличенія или что тоже—сокращенія приходовъ. Когда и безъ того досугъ священнослужителей занятъ до невозможности посвятить часъ на уроки по закону Божію, не слѣдуетъ ли облегчить ихъ даже въ требахъ, то есть наоборотъ, не требуется ли раздѣлять и умножать приходы? Во всякомъ случаѣ, при этомъ недосугѣ, если отговорка основательна, сокращеніе приходовъ есть мѣра, прямо противорѣчащая дѣйствительнымъ нуждамъ.

Любопытно, между прочимъ, разрѣшеніе вопроса: въ какихъ именно приходахъ священнослужители уклоняются отъ законоучительства, многолюдныхъ или малолюдныхъ, и въ которыхъ на какихъ основаніяхъ? Московская управа, надобно отдать ей честь, оказываетъ уваженіе статистикѣ и многое сдѣлала къ уясненію экономическихъ средствъ подмосковнаго крестьянина. Вывести на свѣтъ положеніе законоучительства съ указанной точки зрѣнія было бы очень кстати теперь, къ надлежащему уясненію, между прочимъ, вопроса и о сокращеніи доходовъ.

1880 ГОДЪ.

О желательности развитія съѣздовъ съ цѣлями духовными наряду съ научными и педагогическими *).

Недавній (VI-й) съѣздъ естествоиспытателей поражаетъ численностью своихъ членовъ. ихъ переходило за тысячу. Сколько ни было у насъ съѣздовъ—юридическій, лѣсоводовъ, углепромышленниковъ, археологическій,—ни одинъ изъ нихъ далеко не достигалъ такой численности. Считаемъ лишнимъ упоминать, что цѣлыя отрасли знанія совсѣмъ не имѣютъ у насъ съѣздовъ, повидимому и желанія не возбуждается, да если бы и возбудилось, собранія несомнѣнно вышли бы жалкія. Имѣемъ въ виду отрасль филологіи и вообще такъ называемыхъ гуманныхъ наукъ, а еще болѣе—филологію классическую. Пусть послѣдняя, сравнительно, молода у насъ; но нельзя не признать силы за замѣчаніемъ, которое высказано было г. Модестовымъ въ его статьяхъ „о школьномъ вопросѣ". Сравнительная малочисленность у насъ, почти даже совершенное отсутствіе, замѣчательныхъ филологовъ приводитъ его къ выводу, что классицизмъ противенъ русской природѣ. Выводъ этотъ, можетъ быть, и поспѣшенъ, но обстоятельство, указанное въ основаніи, остается фактически вѣрнымъ: у насъ есть физики, астрономы, математики, медики, пользующіеся европейскою извѣстностью, давшіе вкладъ въ общечеловѣческое знаніе, а классическаго филолога,

*) С. И. 9 января, № 8

который бы „подъ версту“ былъ нашимъ извѣстнѣйшимъ математикамъ или естествоиспытателямъ, Русь еще не произвела. Какъ угодно, явленіе достойное замѣчанія, а сейчасъ, когда обнаружилось столь замѣчательное обиліе естествоиспытателей, заслуживаетъ по истинѣ государственнаго вниманія И прибавимъ: собрались на съѣздъ не диллетанты одни какіе-нибудь и не лица привязанныя къ естествознанію служебнымъ положеніемъ. Послѣднихъ и нѣтъ столько, и если даже наберется, пріѣздъ ихъ все-таки свидѣтельствуетъ о сердечномъ отношеніи къ своей наукѣ не по одному внѣшнему положенію, а по внутреннимъ влеченіямъ. Но дѣло въ томъ, что допускъ на съѣздъ давался вовсе не всякому желающему или любопытному, требовалось доказательство спеціальности, фактическое свидѣтельство объ участіи въ естествоиспытательной литературѣ или практикѣ И тѣмъ не менѣе набралось свыше тысячи! Не безъ удивленія видѣлись на съѣздѣ лица, близкое отношеніе которыхъ къ естествознанію трудно было и заподозрить, служащіе напримѣръ по контрольному вѣдомству и т. п, но тѣмъ не менѣе подлинные, патентованные спеціалисты.

Всего ближе бы сравнить естествоиспытателей съ юристами. Казалось бы юридическій съѣздъ долженъ былъ привлечь не тысячи даже, а подъ десятокъ тысячъ человѣкъ. Сколько судей, слѣдователей, прокуроровъ, профессоровъ, присяжныхъ и не присяжныхъ адвокатовъ, сколько юридическихъ дѣльцовъ всякаго рода, начиная съ землемѣровъ, сколько вообще вышедшихъ въ жизнь съ юридическаго факультета! А вопросовъ тьма: о новости гласнаго и состязательнаго судопроизводства, по несовершенству уголовныхъ законовъ, по бѣдности, почти полному отсутствію общихъ понятій въ гражданскомъ дѣйствующемъ правѣ И однако юридическій съѣздъ былъ бѣднѣе не только естествоиспытательнаго, но даже, кажется, археологическихъ

Черта еще любопытная съѣзды въ родѣ углепромышленниковъ и лѣсоводовъ, людей совершенно практическихъ и долженствовавшихъ обсуждать практическіе вопросы, привлекали къ себѣ охотниковъ принимать участіе въ совѣщаніяхъ и того менѣе. Угле-

промышленниковъ, пусть, слишкомъ немного и есть, а лѣсоводовъ. . но вѣдь почти каждый землевладѣлецъ есть и лѣсоводъ.

Если пойти на обобщеніе, представляется возможнымъ слѣдующій выводъ. Вопросы чистой науки привлекаютъ къ себѣ больше на съѣзды, вопросы практическіе менѣе, а изъ чистой науки, по преимуществу, естествознаніе. Humaniora же, филологія—совсѣмъ безъ запроса.

Мы боимся, что читатель заподозритъ нашу рѣчь въ желаніи вывести обвинительный актъ противъ общественнаго направленія, тѣмъ болѣе, что въ школьномъ вопросѣ мы стоимъ за классицизмъ. Совершенно наоборотъ. Мы привѣтствовали бывшую антропологическую выставку и радуемся, что Россія и ея правительство стали выше обскурантическихъ опасеній на счетъ антропологіи, отъ которыхъ не свободны правительства самыхъ либеральнѣйшихъ и просвѣщеннѣйшихъ странъ. Современные выводы изъ антропологіи—не наше убѣжденіе, мы ихъ находимъ поспѣшными, и въ ихъ сыромъ видѣ, въ какомъ они популяризуются, правда не жрецами, а прихвостнями науки, находимъ возмутительными для нравственнаго чувства и для общественнаго воспитанія. Но наука здѣсь не виновата. Истина прежде всего. безпристрастное ея изслѣдованіе и свобода въ изслѣдованіи приведутъ, въ окончательномъ или, по крайней мѣрѣ, въ болѣе полномъ итогѣ, все-таки не къ разрушенію человѣческихъ обществъ, а напротивъ къ утвержденію ихъ на болѣе прочномъ фундаментѣ. Стыдно уличать XIX вѣкъ Галилеемъ, но нельзя о немъ и умолчать.

Естествознаніе есть идея времени, „духъ вѣка“, другими словами сказать Какъ угодно кому, а этотъ фактъ неизбѣжно признать и противиться ему безразсудно и нечестно. Не честно, потому что зачѣмъ же морочить себя и другихъ? Безразсудно, потому что въ борьбѣ противъ вѣка и правительства и народы безсильны. Мы слышали сравненіе, принадлежащее одному изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ ученыхъ, и притомъ филологовъ, что настоящій вѣкъ находитъ себѣ подобный только въ періодѣ возрожденія наукъ: замѣчаніе не только вѣрное, но и глубокое.

Стоитъ припомнить, какихъ открытій и приложеній мы были свидѣтелями, мы, только одно поколѣніе. паръ и электричество, безъ преувеличенія говоря, перевернули все человѣчество, переставили всѣ отношенія. И не захотите вы признать даже въ этомъ одномъ обстоятельствѣ всесильнаго толчка человѣческому знанію, съ поворотомъ на изученіе не метафизическихъ истинъ и внутреннихъ сущностей, а именно явленій природы и ея внѣшнихъ законовъ? А отсюда не естественно ли, неизбѣжно ли свое направленіе и въ самомъ методѣ знанія, эмпирическое и позитивическое съ неизбѣжно-сопровождающими его матеріалистическими выводами?

Матеріалистическими выводами, да. Но они во всякомъ случаѣ т о л ь к о выводы, предположенія, а не сама истина. И лучшее предохраненіе отъ нихъ, даже не только лучшее, но прямо единственное, опять таки въ полной свободѣ изслѣдованія, которое для общества и его нравовъ тѣмъ безопаснѣе, чѣмъ менѣе страстно; а тѣмъ менѣе страстно именно, чѣмъ болѣе свободно. Вотъ почему, не только не раздѣляя поспѣшныхъ философскихъ и соціальныхъ выводовъ, которые строятся на современныхъ данныхъ естествознанія, напротивъ, положительно признавая ихъ и ложными и возмутительными, благословляемъ отъ души этотъ порывъ къ чистому знанію, сказавшійся многочисленностью съѣзда естествоиспытателей, и популярность у насъ вообще естествознанія, о которой онъ свидѣтельствовалъ. Съ другой стороны нельзя не пожелать развитія у насъ научныхъ съѣздовъ вообще, и хоть бы тѣхъ же филологическихъ и наконецъ педагогическихъ и съѣздовъ духовенства. Послѣднее частичками собирается въ видѣ благочинническихъ съѣздовъ, только толковать о грошахъ. Но почему не дать возможность, даже не вызвать и не поощрить съѣздовъ съ цѣлями духовными? И въ педагогіи съѣздами не безконечно ли лучше выяснятся истинныя задачи и условія школы, нежели всѣми возможными циркулярами и рапортами? Съѣзды же филологовъ дали бы намъ, по крайней мѣрѣ, сосчитать ихъ, а кстати опытомъ и провѣрить, въ какой мѣрѣ филологія къ намъ прививается.

Контроль надъ церковными суммами *)

Въ печати уже было извѣстіе о приготовляемой московскими церковными старостами запискѣ въ святѣйшій синодъ по поводу предпринимаемаго контроля надъ церковными суммами. Извѣстіе это, сколько мы слышали, оказывается не вполнѣ точнымъ. Московскіе старосты обращаются въ святѣйшій синодъ съ запискою, но съ тѣмъ вмѣстѣ и съ прошеніемъ къ епархіальному начальству. Собственно послѣднее касается контроля церковныхъ суммъ и въ частности продажи свѣчей, поводомъ же къ нему послужила монополія, съ какою выступаетъ епархіальный свѣчной заводъ, и стѣснительныя правила для церковнаго хозяйства, связанныя съ этою монополіей. Предъ святѣйшимъ же синодомъ старосты ходатайствуютъ объ участвованіи своимъ голосомъ въ назначенной коммиссіи для пересмотра правилъ о церковномъ хозяйствѣ. Извѣстно, что членами этой коммиссіи предполагаются чиновники синодальнаго вѣдомства, съ участіемъ, какъ выражаются газетныя извѣстія, лицъ изъ петербургскаго приходскаго духовенства и петербургскихъ церковныхъ старостъ, понятно, что московскіе старосты не желаютъ быть обойденными

Не ручаемся, чтобы и наше настоящее сообщеніе было во всѣхъ подробностяхъ точно. Но и не въ этомъ дѣло. Насъ извѣщаютъ во первыхъ, что подъ прошеніемъ подписалось до трехъ сотъ старостъ; если это справедливо, то желаніе, выражаемое просителями, имѣетъ за себя стало-быть несомнѣнное большинство, если не всѣхъ старостъ епархіи, по крайней мѣрѣ городскихъ. Едва ли ошибемся, что когда бы дѣло дошло до правильнаго голосованія, то послѣдовало бы единогласіе старостъ, развѣ съ самыми ничтожными исключеніями. Во вторыхъ, слышали мы, что въ этомъ, почти единогласномъ прошеніи высказывается между прочимъ готовность подчиняться самому строгому контролю, но только со стороны прихожанъ,

*) С. И 16 января, № 15

а не со стороны одного духовенства. Другими словами, старосты себя признаютъ делегатами прихода и готовы подчиниться всѣмъ послѣдствіямъ этого положенія, какъ бы ни были они стѣснительны, но не находятъ совмѣстнымъ со своимъ положеніемъ и съ своими обязанностями вмѣшательство внѣшняго, односторонняго контроля со стороны духовенства.

Если таковы дѣйствительно мысли и желанія московскихъ старостъ, нельзя имъ не сочувствовать и не пожелать имъ самаго полнаго успѣха. Прибавимъ вопросъ о неестественномъ положеніи церковнаго хозяйства назрѣлъ до того, что откладывать долѣе выводъ его на единственно-правильную дорогу представляется даже не безопаснымъ. Припомнимъ періодъ съ 1808 года до конца шестидесятыхъ, пока дѣйствовалъ номинально законъ объ отчисленіи церковной прибыли отъ свѣчъ „на пользу церкви“, то-есть на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній. Всѣмъ, отъ верха до низа, было извѣстно, что прибыль повсюду показывалась въ умышленно уменьшенномъ количествѣ. Чтобы вывести духовно-учебный доходъ изъ такого ложнаго положенія, администрація придумала замѣнить отчисленіе процентной прибыли простымъ откровеннымъ налогомъ съ церквей. Новое узаконеніе избавило и старостъ и причты отъ лжи, и это была его хорошая сторона, но при этомъ была упущена сущность дѣла. Почему однако лгалось повсюду съ такимъ единодушіемъ и постоянствомъ, не смотря на всѣ поощренія къ откровенности, въ видѣ высочайшихъ наградъ старостамъ „за приращеніе церковныхъ доходовъ“? Это лганье было фактическимъ протестомъ противъ посягательства центральныхъ управленій на доходы, которые въ народномъ сознаніи принадлежатъ къ доходамъ мѣстнымъ. И противодѣйствіе это оказывалось не изъ одного юридическаго принципа, который пожалуй для большинства былъ и не вполнѣ ясенъ, а даже прямо изъ-за существованія. Старыя правила объ отчисленіи прибыли отъ продажи церковныхъ свѣчей исходили изъ основанія, теоретически вполнѣ здраваго, что церкви барышничествомъ заниматься совсѣмъ непристойно, что отнятіемъ лихвы,

которая попадаетъ въ храмъ, церковь охраняется въ своей чистотѣ. При этомъ предполагалось, конечно, что на содержаніе самихъ церквей совершенно достаточно другихъ подаяній, помимо свѣчного. Но послѣднее-то и оказывалось противорѣчащимъ дѣйствительности. Большинство, если не всѣ храмы, содержатъ себя, главнымъ образомъ, именно на свѣчные доходы, безъ которыхъ многіе неминуемо должны были бы закрыться. Вотъ почему не одни старосты, но и всѣ причты по всей имперіи состояли въ единодушномъ, постоянномъ заговорѣ противъ отчужденія церковныхъ доходовъ. Замѣнивъ отчисленіе „прибыли“ прямымъ налогомъ, что же сдѣлали? Не только не уважили единодушнаго, всероссійскаго протеста, но отчужденіе, противъ котораго отовсюду фактически протестовалось, возведено въ принципъ, къ храмовымъ доходамъ отнесены исключительно суммы со спеціальнымъ прямымъ назначеніемъ, а всѣ остальные доходы подразумѣвательно объявлены слѣдовательно принадлежностью церкви вообще, или говоря ближе—синодальной администраціи. Прежде отчислялись отъ общей суммы церковныхъ доходовъ тѣ, которые по существу не принадлежатъ къ церковнымъ: теперь, наоборотъ, для церкви отчисляется то, что, по разсужденію оо благочинныхъ и приходскихъ іереевъ, сочтено бываетъ достаточнымъ для существованія храма и отправленія въ немъ службы. Храмы подразумѣвательно обратились чрезъ это не болѣе, какъ въ спеціальныя казначейства, а содержаніе храмовъ въ „издержки взиманія“. Устройство свѣчныхъ церковныхъ заводовъ съ монопольнымъ характеромъ есть только дальнѣйшее примѣненіе того же начала къ практикѣ.

Но примѣнять далѣе такой взглядъ, не будемъ уже говорить о справедливости,—даже безопасно ли? Не нужно упускать изъ виду, что приношенія въ церковь, прежде всего, суть добровольныя. Изъ числа ставящихъ свѣчки передъ образами и подающихъ копѣйки въ церковную кружку многіе ли о сію пору сознаютъ, что они своимъ дѣйствіемъ совершаютъ только уплату налога, и притомъ не въ прямую даже пользу храма, гдѣ они молятся? Развѣ одинъ изъ милліона, и этимъ невѣдѣ-

ніемъ, нечего скрывать, еще держится богомольное усердіе. Учрежденіемъ монопольныхъ свѣчныхъ заводовъ, устроеніемъ односторонняго контроля изъ лицъ духовенства и чиновничества, и притомъ съ цѣлію усиленнаго отчужденія церковныхъ доходовъ, нѣтъ сомнѣнія, это невѣдѣніе скоро просвѣтится, истинное положеніе церковныхъ доходовъ станетъ достояніемъ сознанія всѣхъ православныхъ, и предоставляемъ каждому судить, къ чему поведетъ такая популяризація Прошеніе московскихъ старостъ, почти единогласное, идущія отовсюду жалобы и плачи въ томъ же смыслѣ, свидѣтельствуютъ, что сознаніе, дѣйствительно, уже и проникаетъ въ православную паству. Будущей коммисіи по вопросу о церковномъ хозяйствѣ предлежитъ обратить на этотъ признакъ преимущественное вниманіе, и сообразить послѣдствія

Свобода церкви и свобода вѣры *).

Понятна горечь, съ которою разсуждаютъ объ отсутствіи поученій въ церквахъ. Если расширимъ еще вопросъ и подумаемъ объ отсутствіи церковной проповѣди вообще, мы попадемъ на самую больную струну нашего общественнаго положенія, на главнѣйшій пробѣлъ современной жизни. Нѣтъ церковной проповѣди, не слышится отъ пастырей живого слова: единственною воспитательною силою церкви, при современномъ ея положеніи, остается общественное богослуженіе, правда, исполненное смысла и назиданія, но и оно—какъ совершается! Удивительны ли послѣ того безчисленныя, ежедневныя отпаденія отъ церкви, явныя и тайныя? Удивляться ли успѣхамъ штундизма? Не вполнѣ ли понятно, что съ умственнымъ развитіемъ у насъ рядомъ преуспѣваетъ, и именно имъ обусловливаясь, невѣріе?

„Улучшеніе быта“, заслонило у духовенства другія помышленія Когда служитель истины торгуется, когда пастырь душъ

*) С. И 5 марта, № 63

оправдываетъ свою холодность къ внутреннимъ обязанностямъ сана недостаточностью матеріальныхъ средствъ, онъ подписываетъ себѣ ужасный приговоръ; это есть таже проповѣдь невѣрія, но произнесенная самимъ служителемъ вѣры, воскуреніе той же мамонѣ, противъ которой онъ призванъ бороться словомъ Евангелія Слышались ли когда такія рѣчи отъ католическихъ патеровъ? Обезпеченностью ли состоянія вдохновляется и береть надъ поселянами силу проповѣдникъ штундизма? Наконецъ—противоположеніе трагическое—даже эти кровью пропитанные проповѣдники атеистической анархіи, въ матеріальныхъ ли средствахъ почерпаютъ свою настойчивую дерзость, свое самозабвеніе, не отступающее даже предъ позорною смертью? Они, атеисты, жертвуютъ для идеи, даже ложной, жизнію, а служитель идеи, даже истинной, признаетъ для себя возможнымъ одушевленіе только подъ условіемъ мзды!

Не мзда поддержитъ народное благочестіе, предохранитъ отъ паденія народную нравственность, укрѣпитъ шатающіеся въ вѣрѣ умы, а свобода Борьба за существованіе—какъ ни опошлились ссылки на этотъ естественный законъ, но онъ сюда вполнѣ приложимъ,—только борьба за существованіе способна воскресить энергію и пробудить духъ у служителей алтаря; ихъ призваніе и есть борьба по самому существу, поставьте же борцовъ лицомъ къ лицу Изъ всѣхъ свободъ, въ которыхъ мы нуждаемся и отсутствіе которыхъ дается намъ знать теперь логическимъ выводомъ въ видѣ революціонной пропаганды съ заговоромъ, первая и самонужнѣйшая есть свобода церкви съ свободою вѣры А безъ нихъ неизбѣжно продолженіе той безпечности, той машинальности, того неуваженія и къ храму, и къ своимъ духовнымъ обязанностямъ; неизбѣжно то отсутствіе проповѣди, которому основательно могли напомнить о послѣдствіяхъ апостольскими словами, что кто скупо сѣетъ, тотъ скупо и жнетъ.

Расколъ.*)

Судя по намекамъ „Берега," предполагаемыя льготы раскольникамъ будутъ состоять въ признаніи ихъ іерархіи и въ разрѣшеніи имъ публичнаго богослуженія наравнѣ съ прочими признанными исповѣданіями. Ограниченіе же будетъ оставаться то самое, которое лежитъ и на всѣхъ иновѣрцахъ—воспрещеніе пропаганды. Послѣднее обстоятельство можетъ выходить красиво на бумагѣ, но какъ отразится на дѣлѣ? До извѣстной степени, въ Россіи по крайней мѣрѣ, вѣроисповѣданіе тожественно съ національностью. Было время, когда Россія состояла исключительно изъ православныхъ русскаго происхожденія и изъ магометанъ татарскаго Съ Петра, по мѣрѣ присоединенія новыхъ земель, среди русскихъ подданныхъ являются евреи, католики, лютеране, армяне-грегоріане. Каждое изъ новыхъ исповѣданій представлялось и сопутствовалось особенностями племени: съ Польшею зашли еврейство и католичество, съ Балтійскими землями и Финляндіей лютеранство. Армяно-грегоріане получились частію переселеніемъ (въ Астрахани), а потомъ и присоединеніемъ самого мѣста коренной армянской осѣдлости, Кавказа. И не только племя стоитъ въ соотвѣтствіи съ вѣроисповѣданіемъ—даже территорія· въ числѣ русскихъ оказались грекоуниты, но лишь уроженцы Литвы и Бѣлой Руси. Въ Великой Россіи разновѣріе имѣетъ характеръ спорадическій; отдѣльныя лица и семейства, и притомъ только въ городахъ, попадаются неправославныя, но то непремѣнно пришлецы изъ другихъ краевъ, пусть и обрусѣвшіе

Одна великая разновидность перекрещиваетъ за то и само великорусское православіе — расколъ безчисленныхъ толковъ. Но основное положеніе повторяется все таки и здѣсь. расколу принадлежитъ только великорусское племя, какъ само великорусское племя никому не принадлежитъ, кромѣ православія. Такимъ образомъ расколъ есть отпрыскъ русскаго православія, или точнѣе—отпрыскъ восточной церкви въ Великой Россіи: въ числѣ

*) С И 6 апрѣля, № 95

раскольниковъ не найдете ни полякa, ни нѣмца, ни татарина При сужденіи о возможныхъ политическихъ правахъ раскола необходимо имѣть это основное положеніе въ виду. Изъ него вытекаютъ очень важныя послѣдствія; особенно для вопроса о пропагандѣ.

Начать съ того, самую грань между расколомъ и православіемъ провести не такъ легко, какъ можетъ быть представляется бюрократическимъ сферамъ Петербурга. Русскій не ходитъ въ церковь: стало быть онъ раскольникъ? Не думаемъ, чтобы даже въ Петербургѣ остановились на такомъ опредѣленіи. Русскій ходитъ въ православную церковь: стало быть онъ православный? Но есть, по крайней мѣрѣ на нашей памяти были, раскольники, которые не только посѣщали церковь, но даже принимали таинство отъ православныхъ священниковъ; потомъ конечно „отчитывались“ и отмаливались, клали на себя эпитиміи. Всѣ перекрещенцы развѣ не потому и перекрещенцы, что принявъ крещеніе отъ священника, потомъ принимаютъ вторичное крещеніе отъ какого-нибудь старца или старицы? А хлыстовщина съ ея напряженнѣйшимъ видомъ, скопчествомъ, та систематически посѣщаетъ церкви, принимаетъ таинства, притомъ очень усердно, и поставляетъ изъ себя даже церковныхъ старостъ. Послѣ того, чтоже такое пропаганда раскола и какъ опредѣлить отпаденіе въ расколъ? Сдается намъ, да впрочемъ иначе и не можетъ быть по данному положенію, что въ указѣ, которымъ будутъ дарованы права расколу, предписано будетъ прежде всего опредѣлить наличный составъ раскольниковъ, такъ сказать закрѣпить и ихъ и православныхъ въ теперешнихъ предѣлахъ ихъ взаимной численности. Кому это будетъ поручено, полиціи или духовенству, это все равно; послѣдствія будутъ одинаковыя: польются пререканія безъ конца, духовенство будетъ зачислять своихъ овецъ за собою, овцы будутъ открещиваться. Или, если и промолчатъ на первое время, то протестовать будутъ послѣ, когда уравненіе состоится, и когда видъ свободной церкви (каковою будетъ признанная церковь раскола) потянетъ вѣрующихъ къ себѣ изъ церкви казенной.

Воображаемъ безконечную переписку, дознанія и разслѣдованія о томъ, кто и когда оказывался православнымъ или раскольникомъ, и въ чемъ именно; предвидимъ безконечныя дѣла и о пропагандѣ. Пропаганда .. но вѣдь это есть проповѣдь, существенная принадлежность вѣры. Проповѣди нельзя отнять, да и не отнимутъ, конечно, какъ нельзя отнять катихизиса. Итакъ, поповщинскіе іереи и архіереи, безпоповщинскіе старцы и старицы, будутъ проповѣдывать; надѣемся, что имъ будетъ позволено препираться по крайней мѣрѣ между собою Какъ же однако тогда утаить эту проповѣдь? Чѣмъ воспрепятствовать, чтобы не увлеклись ею православные крестьянинъ и крестьянка? А крестьянки между собою именно и бываютъ наиболѣе горячими проповѣдницами и проповѣдуютъ даже не въ церквахъ или на площадяхъ, а именно въ домахъ и семьяхъ

Петербургскихъ мыслителей очевидно соблазняетъ ничтожная численность совращеній въ лютеранство, католичество или жидовство: они вѣроятно приписываютъ эту кажущуюся незыблемость запретительной статьѣ закона Но здѣсь дѣйствуетъ не запрещеніе, а разность національностей. Тамъ, гдѣ сама національность раздвоилась въ исповѣданіи, мы видимъ, законъ безсиленъ предупреждать и окатоличеніе бѣлоруссовъ и облютераниванье эстовъ съ латышами. Полякъ или нѣмецъ не пойдутъ въ русскій народъ съ проповѣдью о вѣрѣ, помимо того, что пропаганда выдалась бы сейчасъ конечно, и потому что великоруссы имъ народъ чужой А у себя, въ костелахъ и киркахъ, проповѣдуютъ они на языкѣ незнаемомъ русскому народу Да и народъ не пойдетъ къ нимъ ни въ костелъ, ни въ кирку, хотя бы тамъ проповѣдывали и по-русски Но на лавку, въ деревенской избѣ, къ „божественному разговору“, тотъ же народъ, и мужчины и особенно женщины, присядутъ охотно.

Если давать права, то давать безъ стѣсненія. Иначе—это будетъ обманъ, самообольщеніе, недоразумѣніе въ основныхъ понятіяхъ. Вы дадите права и вообразите, что дали права расколу. Но вы дали ихъ не расколу, а только создали новое исповѣданіе, „казенный“ расколъ, какъ есть казенная церковь Расколъ безъ

проповѣди—какой же это расколъ, или вообще какая это вѣра? Расколъ, настоящій сектантскій расколъ, конечно и останется, если въ немъ сохранилось духовное зерно; продолжится и проповѣдь въ немъ, даже усилится, и именно подъ вліяніемъ запрещенія съ одной стороны, подъ воздѣйствіемъ льготъ съ другой. Но это будетъ пропаганда подпольная, а потому односторонняя, а слѣдовательно вредная, какъ вредно все подпольное и одностороннее. Дайте мѣсто открытой борьбѣ и не смущайтесь ея послѣдствіями. Да и чего смущаться? Само православное духовенство только воспрянетъ отъ спячки, только возбудятся въ немъ силы; да и вообще дается только живительный толчекъ духовной жизни народа.

О патріаршествѣ*).

На наши мысли о неумѣстности возстановлять въ Россіи патріаршество и объ анахронизмѣ патріаршествъ вообще отозвались петербургскій „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ и Московскій „Востокъ“ „Церковно-Общественный Вѣстникъ,“ соглашаясь въ основаніяхъ съ нами, вступается за восточныхъ патріарховъ, что честь ихъ во всякомъ случаѣ должна быть за ними сохранена, ради ихъ древности и преданій о великомъ нѣкогда для христіанства значеніи Антіохіи, Іерусалима и Александріи Съ этимъ мы, разумѣется, спорить не будемъ. Да и мысль наша не та совсѣмъ была, чтобы подвергать сомнѣнію старѣйшинство каѳедръ, ведущихъ начало отъ апостоловъ, или умалять ихъ честь. Вопросъ собственно о „патріархатахъ“ и о тѣхъ особенныхъ прерогативахъ, которыя епископіямъ, именующимся патріархатами, присвоены не въ силу ихъ древняго происхожденія или внутренняго значенія для христіанства, а подъ вліяніемъ временныхъ политическихъ обстоятельствъ; первенствующая церковь не знала самого этого названія „патріархъ“.

*) С И 7 апрѣля, № 96

Тотъ же напъ отвѣтъ и газетѣ „Востокъ“. „Востокъ“, въ частности, не замѣчаетъ, что самъ же себя побиваетъ правиломъ Апостольскимъ, которое онъ приводитъ, повидимому, намъ въ возраженіе. „Церковныя правила, говоритъ онъ, опредѣляютъ, чтобы въ каждой области, а *тѣмъ болѣе монархіи,* епископы всякаго рода знали перваго изъ нихъ и признавали его, яко главу.“ Авторъ позволилъ себѣ здѣсь маленькую передержку. Подлинное Апостольское правило говоритъ только объ „области“, но ни какъ не о „монархіи“, тѣмъ менѣе согласна съ подлиннымъ правиломъ измышленная авторомъ еще прибавка „и тѣмъ болѣе“. Что же однако говоритъ подлинное Апостольское правило, освобожденное отъ этой измышленной подстановки? А именно, оно и говоритъ не болѣе и не менѣе того, что мы утверждали,—что если называть первенствующихъ въ области епископовъ патріархами, то въ Россіи прилично быть не только еще патріархамъ нѣсколькимъ, но гораздо большему ихъ числу, нежели было въ древней Римской имперіи, принимая во вниманіе сравнительную многочисленность областей и еще бо́льшую многочисленность христіанъ. И какъ почтенный авторъ не догадался, что подставляя Апостольскому правилу произвольное упоминаніе о „монархіи“, онъ тѣмъ самымъ возводитъ на древнюю греческую церковь, да и на теперешнюю ея преемницу въ турецкихъ владѣніяхъ капитальное обвиненіе въ нарушеніи Апостольскаго правила! Вѣдь и имперія Константина и теперешняя Отоманская имперія была и есть единая „монархія“; а ни тогда не было, ни теперь нѣтъ въ этой монархіи единаго главы епископовъ И благодареніе Богу, всякое главенство епископовъ есть только шагъ къ папизму и отступленіе отъ соборнаго начала, которое и самъ авторъ признаетъ за единое истинно-церковное. Для споспѣшествованія ему, онъ предлагаетъ даже всѣ автокефальныя церкви возвести въ патріаршества, путаясь однако опять и здѣсь въ понятіяхъ Всякая автокефальная церковь и безъ того есть патріаршество, въ этомъ смыслѣ она и есть автокефальная, только не называясь патріаршествомъ. Но это и доказываетъ опять, что патріар-

шества, то есть самыя эти названія заслуживаютъ упраздненія, какъ лишнія титла, вовсе не условливаемыя внутренними требованіями церковнаго благочинія. А еще болѣе подобало бы упразднить такія титла, каковы усвоенныя двумъ изъ восточныхъ патріарховъ, одному—„вселенскій“, другому—„судія вселенскій“. Пускай за ними древность; но эта древность не только не апостольская, но даже прямо осуждаемая духомъ правилъ апостольскихъ и православнаго христіанства вообще

Этими замѣчаніями пока ограничимся, недоумѣвая въ заключеніе, какъ авторъ, столь основательно разсуждающій о ненормальности теперешняго синодальнаго управленія, можетъ воображать, чтобы при единоличномъ патріархѣ дѣла пошли лучше. Въ чемъ онъ видитъ ручательство, что съ возстановленіемъ патріаршества, возстановилось бы и соборное управленіе? А еще болѣе: въ чемъ онъ видитъ ручательство, что патріархъ будетъ болѣе независимъ, нежели теперешній первенствующій членъ синода? Если почитаете соборное управленіе, то не припутывайте къ нему единоличнаго верховнаго іерарха для всей „монархіи“, соборность чрезъ то не облегчится, а развѣ только не затруднится ли еще болѣе. Съ Россіи довольно бы было семи, проектированныхъ авторомъ, архіепископовъ, безъ дальнѣйшаго надъ ними постояннаго главенства. Это отсутствіе главенства уже неизбѣжно почти повело бы за собою соборность.

Все остальное, что говоритъ авторъ, именно о недостаткахъ синодальнаго управленія, какъ мы уже сказали, вполнѣ основательно.

О замѣщеніи законоучительскихъ мѣстъ свѣтскими учителями [*]).

Идетъ вопросъ о замѣщеніи законоучительскихъ мѣстъ свѣтскими лицами, и министерство народнаго просвѣщенія, какъ слышно по крайней мѣрѣ, склоняется въ пользу этого нововведенія. Мы не будемъ говорить о немъ въ существѣ, но

*) С. И. 13 апрѣля, № 102

любопытно приводимое основаніе,—недостаточное число лицъ изъ духовенства: конечно не вообще, но лицъ желающихъ законоучительствовать; общей численности духовенства, безъ сомнѣнія, съ излишкомъ хватило бы на всѣ училища.

Намъ одинъ изъ подписчиковъ недавно въ письмѣ предлагалъ и еще мысль. чтобы высшая іерархія открыла свѣтскимъ лицамъ свободный доступъ и къ церковной каѳедрѣ Духовенство наше, разсуждаетъ подписчикъ, чрезвычайно холодно къ церковной каѳедрѣ, но по крайней мѣрѣ духовная литература обильна, итакъ, пускай допустили бы хотя чтецовъ постороннихъ

Явленіе очень характерное и заслуживаетъ всесторонняго государственнаго вниманія! Итакъ, профессія, къ которой призвано духовенство, объявляется какъ бы вакантною, и на нее просятся изъ другихъ сферъ. Проповѣданіе слова Божія считается въ духовенствѣ не неотъемлемою принадлежностью званія, а роскошью, парадною праздничною церемоніей, законоучительство также—не присущею священному званію обязанностью, а постороннимъ прикладнымъ ремесломъ, которое можно взять и не взять, смотря по достаточности вознагражденія за труды, или—возьмемъ самую благовидную отговорку—смотря по достаточности досуга отъ другихъ, болѣе существенныхъ занятій. Какія же занятія существенны? Очевидно требы и служенія. Итакъ, духовенство считаетъ себя званіемъ, существенно назначеннымъ для отправленія требъ и различныхъ богослуженій; остальное есть лишнее, по крайней мѣрѣ второстепенное дѣло.

Не станемъ обсуждать, въ какой степени это воззрѣніе выдерживаетъ критику съ точки зрѣнія пастырскаго богословія. Но это воззрѣніе существуетъ несомнѣнно, оно вросло въ духовенство, имъ только и объясняются какъ вышеупомянутыя два явленія, такъ и множество другихъ изъ клерикальнаго міра; только при существованіи его и понятно, что не только противъ законоучительства свѣтскихъ лицъ не поднимается протеста со стороны духовенства, но что духовенство непремѣнно будетъ обрадовано и тѣмъ, если придадутъ ему лишнихъ „чте-

цовъ", которые снимутъ съ него хотя бы только номинальную обязанность проповѣданія. Повторяемъ: не будемъ говорить объ этомъ воззрѣніи съ точки зрѣнія пастырскаго богословія; обратимъ вниманіе на практическій выводъ дѣла Для проповѣданія и для законоучительства требуется учебная подготовка—ну, хотя бы въ предѣлахъ изученія катихизиса, а требы исправлять и молебны съ панихидами служить можно при одной грамотѣ; даже безъ нея, потому что всѣ богослужебныя формулы можно вызубрить на память Къ чему же послѣ того образованіе духовенства и суммы, которыя на него тратятся? Выходитъ, что школы не для того существуютъ, чтобы воспитать духовенство къ достойному, соотвѣтственному его идеѣ прохожденію званія; а наоборотъ, духовныя мѣста діаконовъ, священниковъ, а пожалуй и выше, суть премін, учрежденныя въ награду воспитанникамъ, кончившимъ курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

Просимъ не принимать нашихъ словъ за шутку. Именно такъ есть на самомъ дѣлѣ, и говоря безъ всякаго преувеличенія, таково именно, а не инаково всеобщее воззрѣніе духовенства, плотно утвердившееся во всемъ его быту, и изъ котораго если оно выходитъ иногда, то риторически, общими, затверженными фразами, лишь только разнообразя ихъ, но не соединяя съ ними живого смысла, и такъ сказать потерявъ объ немъ память. Мы не говоримъ объ исключеніяхъ. Исключенія существуютъ, но они только нагляднѣе доказываютъ истину общаго положенія. Какимъ успѣхомъ, авторитетомъ, вліяніемъ овладѣваетъ всякій церковный проповѣдникъ, лишь только выдвинется онъ сколько-нибудь за порогъ реторическихъ хрій, именуемыхъ проповѣдями, лишь только заслышится въ его словѣ хоть искра дѣйствительнаго огня, хоть капля живого, искренняго отношенія къ предмету проповѣди! Какимъ успѣхомъ пользуются штундисты! Какъ расходятся изданія, подобныя Каѳедрѣ Исаакіевскаго собора! А еще надо признаться, что и эти изданія не возвышаются надъ обыкновеннымъ казеннымъ проповѣдываніемъ. Не умолчимъ и о „пашковцахъ", которые служатъ теперь предметомъ толковъ въ Петербургѣ. Что же этимъ доказывается?

Доказывается то, что жажда слышать христіанскую проповѣдь есть въ народѣ; что живая проповѣдь непремѣнно повлечетъ за собою перевоспитаніе народа (доказательство тѣже штундисты и пашковцы) А отсюда слѣдуетъ и то, что со стороны духовенства стало быть проповѣди нѣтъ, потому что иначе не таковъ былъ бы и народъ Но впрочемъ нужно ли это и доказывать?

Безопасно ли оставаться въ такомъ положеніи и даже возможно ли надолго оставаться,—предоставляемъ этотъ вопросъ рѣшить государственнымъ людямъ. При отсутствіи проповѣди, народъ теперь въ духовной спячкѣ, во власти косныхъ, не осмысленныхъ привычекъ. Но ваканція, о которой теперь объявляютъ и толки о недостаткѣ законоучителей и просьбы о доступѣ къ церковной каѳедрѣ, не все же будетъ пустовать; это не въ порядкѣ вещей. Для насъ и для народа счастіе еще, что безумные юноши, ходившіе въ народѣ съ аграрными бреднями, были вмѣстѣ и атеисты. Чего ждать, когда явятся подобные самозванные проповѣдники, но уже съ христіанскою подкладкою? .

Православіе въ Японіи*).

Воззваніе преосвященнаго Николая, мы увѣрены, не останется втуне. На дняхъ мы постараемся сообщить подробности о зарождающемся христіанствѣ въ Японіи,—этомъ чудномъ явленіи, не имѣющемъ себѣ примѣра въ исторіи, за исключеніемъ единственнаго, великаго примѣра первой колыбели христіанства, объ этомъ во-очію совершающемся осуществленіи притчи Спасителя о зернѣ горушечномъ Достаточно сказать, что христіанство распространяется не столько внѣшними миссіонерами, которые не имѣютъ и возможности проповѣдывать помимо двухъ городовъ (Едо и Хакодате), и даже не столько силою миссіонерства, сколько силою самой христіанской истины Не проповѣдники ищутъ и настигаютъ слушателей, а слуша-

*) С И. 18 апрѣля, № 107

тели жаждутъ проповѣди и ищутъ выхода изъ унаслѣдованной религіи или точнѣе—религій, которыя не даютъ удовлетворенія духовнымъ потребностямъ развитаго народа. Японцы—народъ, который имѣетъ свою исторію не только гражданственности, но и просвѣщенія, обладаетъ обширною литературою, философскою и богословскою. Этимъ онъ, съ одной стороны, выдвигается изъ всѣхъ новообращаемыхъ народовъ, которые всѣ принадлежатъ обыкновенно къ племенамъ еще первобытнымъ, съ другой, обстоятельствами своего обращенія ко Христу сближается съ древнимъ классическимъ міромъ Это самое и даетъ японскому христіанству, какъ уже сказали мы, единственный въ мірѣ характеръ живого воспроизведенія временъ апостольскихъ.

Церковь японская уже считаетъ до 31 проповѣдническаго округа и около 80 проповѣдниковъ, все природныхъ японцевъ; въ ней шесть священниковъ, точно также японцевъ, въ ней 4 училища, въ томъ числѣ семинаріи съ шестилѣтнимъ курсомъ; въ ней издается журналъ „Церковный Вѣстникъ", въ ней трудятся переводчики книгъ богословскихъ и душеспасительныхъ. И все это изъ японцевъ и частію даже на средства японскія же.

Мы говоримъ: японская „церковь",—разумѣется, православная. Католичество и протестанство имѣютъ въ Японіи также миссіонеровъ, явившихся туда даже ранѣе православныхъ, какъ и всегда и вездѣ, за ними болѣе сильная поддержка и безпримѣрно обильнѣйшія средства. Но ни та, ни другая миссія, взятыя вмѣстѣ, не равняются по числу новообращенныхъ съ православною миссіей; и не только по числу, но и по внутренней прочности обращеній: случаи отпаденій не рѣдки, чего здѣшнее православіе не испытываетъ. Развитіе умственное народа опять и здѣсь причина. Японецъ не младенецъ: ища духовной религіи, онъ радуется, когда ему предлагаютъ христіанство, и принимаетъ оное по его сущности, не разглядывая первоначально подробностей. Но входя глубже, когда случай его познакомилъ съ христіанствомъ въ видѣ полу-

матеріалистическаго папизма или въ видѣ отвлеченной, индивидуальной религіозности протестантства,—онъ отшатывается, разочарованный противорѣчіемъ между религіознымъ началомъ, которому онъ такъ порадовался, и тѣмъ примѣненіемъ, которое изъ него дѣлаютъ.

Повидимому недалеко время, когда горчичное зерно, въ видѣ котораго пока пребываетъ, не смотря на свою относительную многочисленность, православное христіанство въ Японіи—недалеко, говоримъ, повидимому, время, когда это зерно разростется въ 35-миллионномъ народѣ въ обширное дерево За это говоритъ характеръ націи и то обстоятельство, что она и вообще слагаетъ съ себя старыя формы бытія. Мы, русскіе, содѣйствіемъ своимъ въ этомъ не только исполнимъ христіанскій братскій долгъ въ отношеніи къ Японскому народу, но окажемъ и своему отечеству важную услугу вопросъ о будущемъ христіанствѣ въ Японіи, помимо своего значенія религознаго, имѣетъ значеніе и политическое

Православіе въ Японіи*)

Православная миссія въ Японіи существуетъ всего восемь лѣтъ, и имѣла первоначально всего двухъ миссіонеровъ; теперь считаетъ болѣе 80 проповѣдниковъ и свыше 6,000 вѣрующихъ, вдвое болѣе того, сколько могутъ насчитать католическая и протестантская миссіи, взятыя вмѣстѣ, дѣйствующія сотнями миссіонеровъ и миссіонерокъ и обладающія неистощимыми средствами.

За исключеніемъ двухъ первоначальныхъ миссіонеровъ, дѣятельность которыхъ, помимо воли ихъ, ограничена уже тѣмъ, что ихъ право безпрепятственнаго жительства ограничивается всего двумя городами, миссіонеры, какъ мы уже говорили, всѣ изъ туземцевъ, равно какъ и шесть священниковъ; они же и переводчики Въ настоящее время Еван-

*) С И. 20 апрѣля, № 109

геліе проповѣдуется по 31 округу въ 150 городахъ, и здѣсь повсюду уже насаждено христіанство. Проповѣдники приготовляются въ катихизаторскомъ училищѣ и содержатся отчасти на счетъ мѣстный Соборъ, ежегодно созываемый, опредѣляетъ правила проповѣданія и избираетъ проповѣдниковъ. „Катихизаторъ долженъ быть всецѣло посвященъ проповѣди Слова Божія и распространенію вѣры“, говоритъ правило собора бывшаго въ 1878 г. „Но если у него остается свободное время, то онъ долженъ заниматься какимъ либо приличнымъ ремесломъ, подавая другимъ примѣръ трудолюбія“.

Въ рапортѣ начальника миссіи святѣйшему синоду мы находимъ любопытныя и по истинѣ трогательныя свѣдѣнія о хозяйственномъ положеніи священниковъ и проповѣдниковъ. Священниковъ съ семействами, говоритъ рапортъ, положено обезпечить содержаніемъ въ 30 енъ (енъ равенъ мексиканскому доллару), полагая въ томъ числѣ 15 енъ на семейство, о которомъ священникъ не имѣетъ никакой возможности заботиться самъ, такъ какъ почти всегда въ разлукѣ съ нимъ, и 15 енъ на самаго священника Но Сакай, Кангета и Хорсу попросили себѣ не болѣе 10 енъ, такъ какъ прочее недостающее восполняютъ для нихъ мѣстные христіане. Нужно имѣть въ виду, прибавляетъ рапортъ, что

священники вѣчно въ разъѣздахъ для совершенія требъ, по очень большимъ пространствамъ, такъ что и 15 енъ для нихъ было бы мало безъ пособія отъ христіанъ Мало-по-малу христіане совсѣмъ примутъ священниковъ на свое содержаніе, хотя это сдѣлается не въ годъ и не въ два. Но и послѣ того расходъ миссіи по этой статьѣ едва ли сократится, напротивъ, гораздо вѣроятнѣе, что увеличится, такъ какъ священниковъ уже и въ настоящее время недостаточно для церкви, и для представленія къ посвященію въ будущемъ году одинъ кандидатъ уже избранъ. Вѣроятно, прибавится еще не одинъ, а съ ними, по новости, будетъ тоже, что съ настоящими, то-есть миссія должна будетъ содержать ихъ сама, пока церкви въ состояніи будутъ исполнять это.

Содержаніе проповѣдниковъ или катихизаторовъ обходится по 4, 5, 6 енъ въ мѣсяцъ. Какія гомеопатическія цифры! Путешествуютъ катихизаторы пѣшкомъ, исключая слабыхъ здо-

ровьемъ, а также случаевъ, когда отправка на пароходѣ или въ дилижансѣ значительно сокращаетъ время и трудъ путешествія. Всѣ приманки міра, говоритъ о нихъ и о священникахъ рапортъ, какъ то· богатство, почести, легкая и спокойная жизнь—совершенно не для нихъ. Они, будучи почти всѣ дворянами по происхожденію, и притомъ люди умные, развитые, съ прекрасными нравственными качествами, словомъ со всѣми вѣроятностями выгодно служить во всякой другой службѣ, предпочитаютъ служить церкви безъ жалованья, получая лишь скудное пропитаніе и одѣяніе, не имѣя въ виду никакихъ чиновъ и повышеній. Между тѣмъ огорченій и трудовъ сколько у каждаго изъ нихъ и въ настоящемъ и впереди!

Уже одно то, что они порвали духовную связь съ окружающимъ ихъ міромъ и стали въ отношеніи къ нему непріязненныя,—хотя и на время, но это время можетъ продлиться дольше жизни каждаго изъ нихъ,—сколько причиняетъ страданій и огорченій. Ихъ злословятъ, называютъ отступниками, врагами отечества, индѣ бросаютъ въ нихъ каменьями, бьютъ ихъ, заключаютъ подъ разными предлогами въ тюрьму,—не мало нужно твердости и сознанія правоты своего дѣла, чтобы переносить все это А въ исполненіи службы, чтобы не упасть духомъ, сколько нужно живой вѣры и любви къ Богу и ближнимъ! Вотъ, послѣ собора, катихизаторъ отправляется на мѣсто своего служенія, все имущество его заключается въ платьѣ на плечахъ и нѣсколькихъ книгахъ за плечами; впереди ждутъ его нѣсколько друзей, призывающихъ его, и кругомъ темная, непроглядная масса язычества, рѣдко гдѣ тронутая любопытствомъ къ нему, почти вездѣ совершенно безучастная, а индѣ и враждебно настроенная. Для всѣхъ онъ долженъ быть въ своемъ мѣстѣ свѣтильникомъ горящимъ и свѣтящимъ, то-есть устами неустанно проповѣдывать, поведеніемъ же нелѣпостно осуществлять свою проповѣдь А между тѣмъ онъ и самъ, три-четыре года, или никакъ не болѣе пяти-шести лѣтъ тому назадъ, былъ темнымъ язычникомъ, окутаннымъ суевѣріями и жившимъ по стихіямъ міра сего

Читая рапортъ, переносишься совершенно во времена апостольскія. Читатели будутъ намъ благодарны за слѣдующія изъ него строки, которыя такъ напоминаютъ своимъ содержаніемъ Дѣянія Апостольскія.

Почти нѣтъ ни одного катихизатора, у котораго мѣсто проповѣди было бы одно, а непремѣнно—два, три, иногда четыре; кончивши поученіе въ одномъ мѣстѣ, катихизаторъ долженъ спѣшить къ назначенному часу въ другое, отсюда въ третье и т. д.; немалый физическій трудъ—такое хожденіе, особенно въ провинціяхъ, гдѣ иногда катихизатору приходится ежедневно, не смотря ни на какую погоду, дѣлать двѣнадцать-пятнадцать верстъ. Нѣкоторые другіе проповѣдники ѣздятъ въ такихъ случаяхъ на лошадяхъ, ихъ миссіями для того содержимыхъ; но православный проповѣдникъ не можетъ дозволить себѣ этого облегченія и роскоши, такъ какъ Апостолы нигдѣ не показали примѣра къ тому. Что самоотверженіе нашихъ катихизаторовъ—не пустое слово, а дѣло, что они, дѣйствительно, не щадятъ себя для своего служенія, много бы можно разсказать въ доказательство тому, укажу на ближайшіе по времени примѣры. Въ настоящее время катихизаторскій помощникъ Петръ Фудзита лежитъ опасно больной въ одномъ изъ здѣшнихъ госпиталей, прежде чѣмъ поступить въ катихизаторскую школу, онъ изучилъ портное мастерство, и быть можетъ этимъ повредилъ себѣ грудь, отъ его мастерства вышло мало пользы, такъ какъ въ деревняхъ портному работы мало, отъ слабости же груди, при его ревности къ проповѣди, произошло вреда много, человѣкъ заботящійся о своемъ здоровьѣ, конечно, простиралъ бы говореніе поученій на столько, сколько позволяютъ силы, но Фудзита соразмѣрялъ проповѣдь не съ своими силами, а съ требованіями постепенно возраставшаго круга слушателей, такъ и произошло, что у него, въ слѣдъ за начавшимся и постепенно усиливавшимся кровохарканіемъ, вдругъ однажды, во время проповѣди, кровь хлынула горломъ, онъ и тутъ, не распуская слушателей, усиливался остановить припадокъ, чтобъ договорить начатую катихизацію, но, чуть не изошедши кровью, принужденъ былъ на завтра, совсѣмъ ослабленный, притащиться въ Токіо—откуда мѣсто проповѣди его недалеко,—чтобъ просить кого-нибудь на время на свое мѣсто Едва дотащившись до миссіи, онъ слегъ и не могъ двинуться, и въ такомъ видѣ отправленъ въ госпиталь; но оттуда теперь, почувствовавъ нѣкоторое облегченіе, рвется идти на свой постъ, повторяя, что онъ долженъ исполнять свою обязанность.

Петръ Кавано, Токійскій катихизаторъ, недѣли четыре тому назадъ отправленъ былъ на 10 дней въ одинъ городъ, на день пути отсюда, гдѣ всего одинъ христіанинъ и нѣсколько человѣкъ немного слушавшихъ вѣроученіе отъ случайно заходившихъ туда катихизаторовъ, по недостатку катихизаторовъ, проповѣдникъ тамъ

не помѣщенъ, между тѣмъ христіанинъ извѣстилъ, что тамъ поселился католическій патеръ, что онъ поноситъ православіе, называя оное Фотіевой ересью, и совращаетъ расположенныхъ къ православію.—вслѣдствіе чего христіанинъ убѣдительно просилъ прислать хоть на время катихизатора, для охраненія православнаго стада отъ расхищенія, кромѣ письма пришла еще женщина изъ слушавшихъ ученіе, неотступно умолять о томъ же По предварительному знакомству съ этимъ мѣстомъ, посланъ Кавано Недавно водворенный на своемъ нынѣшнемъ посту въ Токео, и усталый отъ заботъ о немъ, Кавано тотчасъ же отправился и 10 дней проповѣдывалъ, въ эти дни должно было твердо поставить православіе и оградить его отъ будущихъ нападокъ. Человѣку, который бы формально отнесся къ своему дѣлу, много ли тутъ напряженія и труда? Но не формально относятся къ своему служенію здѣшніе катихизаторы Петръ Кавано десять дней, или лучше, десять сутокъ, горѣлъ свѣчей предъ Богомъ и людьми, и вполнѣ успѣшно кончилъ свою миссію. Но и для людей, какъ онъ, совершенно здоровыхъ органически, есть предѣлъ душевныхъ и физическихъ напряженій, простившись съ ободренными имъ вѣрующими и оставшись въ пути одинъ, Кавано тотчасъ же отъ усталости и ослабленія потерялъ сознаніе, и самъ не знаетъ, какъ потомъ доставленъ въ городъ на свою квартиру.

Катихизаторъ Павелъ Ниццума отправленъ былъ на три недѣли въ Троицкую церковь, въ Сано, тамъ въ то время не было катихизатора, но ревностные христіане сами проповѣдывали и приготовили ко крещенію нѣсколько человѣкъ; просили только катихизатора повѣрить ихъ и окончательно приготовить. Церковнымъ совѣтомъ назначенъ былъ Ниццума. Слушать Ниццума, какъ проповѣдника довольно извѣстнаго вездѣ, гдѣ есть вѣрующіе въ Японіи, собрались, кромѣ готовящихся къ крещенію, многіе и другіе, и онъ въ 20 дней изложилъ, на сколько возможно, полное вѣроученіе церкви. Онъ исполнилъ возложенное на него порученіе такъ хорошо, что кромѣ предварительно приготовленныхъ къ крещенію, оказалось и нѣсколько новыхъ, но изъ Сано привезли его сюда едва живого отъ страшнаго ослабленія и головныхъ болей, что врачъ тотчасъ же назвалъ послѣдствіемъ усиленнаго душевнаго напряженія Чтобы лучше пользовать его, онъ взятъ былъ въ миссію, при чемъ христіане его прихода едва не перессорились изъ-за очереди сидѣть у его постели—такъ всѣмъ хотѣлось служить уважаемому катихизатору. Не мало уже сутокъ онъ пролежалъ почти безъ движенія, страдая въ то же время отъ невы-

носимыхъ головныхъ болей, какъ вдругъ въ одинъ вечеръ онъ возгорѣлся желаніемъ совершить свою обычную ночную молитву, онъ отослалъ сидѣлку, чтобъ остаться одному, съ усиліемъ приподнялся до сидячаго положенія, и сталъ изливать свою душу предъ образомъ Богоматери, въ теченіе молитвы онъ нечувствительно заснулъ, видѣлъ одинъ сонъ—а на утро изумилъ меня, пришедши въ мою комнату безъ посторонней помощи и прося пріобщить его Св. Таинъ, какъ Евхаристіи.—сердце его горѣло благодарностію къ Богу за исцѣленіе, такъ какъ головныхъ болей не было и слѣда, оставалась лишь небольшая слабость, чрезъ недѣлю потомъ совершенно прошедшая.

Что касается простыхъ христіанъ, то христіанство еще не успѣло у нихъ обратиться въ навыкъ, въ безсознательно практикуемый элементъ жизни; за то тѣмъ живѣе и дѣйственнѣе оно. Христіанство тѣми кто принимаетъ его, принимается вполнѣ, и возможно полно осуществляется. Учится, напримѣръ, что какъ можно чаще нужно испытывать свою совѣсть и обновляться душою въ таинствахъ покаянія и причащенія Св Таинъ, и христіане исповѣдуются и причащаются не однажды въ годъ и не четыре раза, по числу постовъ, а дѣйствительно такъ часто, какъ кто только имѣетъ физическую возможность, каждое воскресенье здѣсь бываетъ толпа исповѣдниковъ и причастниковъ. Учится, что посты нужно соблюдать, и посты дѣйствительно соблюдаются въ такой степени, что, если человѣкъ не можетъ лишить себя мяса или рыбы, потому что и безъ того никогда не ѣстъ ихъ, то лишаетъ себя завтрака, ужина или чаю, табаку и т п. Учится, что молитва за умершихъ спасительна для умершихъ, и христіане послѣ обѣдни, кто только видитъ приготовленіе къ панихидѣ, всѣ остаются молиться за умершаго, къ какому бы приходу онъ ни принадлежалъ. Смерть же въ своемъ собственномъ приходѣ принимается точно смерть въ семьѣ: всѣ, кто только можетъ, непремѣнно собираются проводить умершаго и помолиться за него, общее молитвенное взаимно-участіе простирается до того, что и къ совершенію таинства бракосочетанія въ церкви собираются всѣ, кто только замѣтитъ вывѣшенное при церкви объявленіе объ имѣющемъ быть вѣнчаніи. Учится, что надо помогать бѣднымъ, и между христіанами заброшенныхъ, бѣдныхъ, безпріютныхъ вдовъ и сиротъ положительно нѣтъ; что надо посѣщать больныхъ, и для больного христіанина весь приходъ его, малъ или великъ онъ, дѣйствительно, какъ родная семья. Въ госпиталяхъ, гдѣ христіанамъ случается лежать, для язычниковъ всегда составляетъ предметъ

изумленія отчего къ такому-то больному ходятъ такъ много и заботятся о немъ такъ усердно,—„должно быть это важный человѣкъ" Усердіе къ вѣрѣ выражается и въ томъ, что самая проповѣдь не есть дѣло личное однихъ катихизаторовъ, а всей церкви, въ каждомъ приходѣ христіане избираютъ между собою старостъ, дѣло которыхъ преимущественно состоитъ въ томъ, чтобъ расширить для катихизаторовъ кругъ знакомства, находить и приводить къ нимъ новыхъ слушателей, но кромѣ старостъ, и всякій христіанинъ и христіанка считаютъ своею обязанностію дѣлать тоже. Побуждаемые тѣмъ же усердіемъ, христіане, коль скоро число ихъ увеличивается до нѣсколькихъ десятковъ, тотчасъ же заботятся о построеніи храма, при чемъ обыкновенно разсчитывается и на устройство при храмѣ помѣщенія для катихизатора или священника Такъ, въ Преображенской церкви, безъ всякаго участія миссіи, кромѣ разсмотрѣнія и одобренія плановъ, построены уже два храма въ Такасимидзу и Сапума, и устроены молитвенные домы въ разныхъ другихъ городахъ, съ нѣкоторымъ участіемъ миссіи построены церкви въ Сендаѣ и Морюка, безъ всякаго участія—въ Сано, Одавара и Хацинохе. Усердствуютъ христіане и въ попеченіи о содержаніи своихъ катихизаторовъ и священниковъ. Въ Преображенской церкви христіане по деревнямъ отдѣлили отъ своихъ полей небольшіе участки и сообща обработываютъ ихъ, деньги же вырученныя за продажу плодовъ, или плоды въ натурѣ обращаютъ на содержаніе катихизаторовъ и священниковъ, въ другихъ мѣстахъ христіане прямо жертвуютъ деньгами, словомъ, вездѣ дѣлаютъ, что могутъ. По весьма скромному разсчету, японскіе христіане въ настоящее время жертвуютъ на церковь не менѣе 2-хъ тысячъ енъ въ годъ, что при юности и малочисленности церкви и при отсутствіи въ ней замѣтныхъ богачей, не можетъ быть названо малою жертвою

Есть здѣсь между христіанами евангельскія вдовицы, такъ, напримѣръ, пришедши на нынѣшній соборъ, одинъ изъ катихизаторовъ (Андреи Такахаси), проповѣдывавшій въ довольно глухомъ мѣстѣ, принесъ на церковь пять енъ· „Отъ кого?" „Отъ одной вдовы, которая просила не сказывать ея имени, она продала все, что было цѣннаго въ ея имуществѣ, и это вырученная сумма" Есть жены благовѣстницы—не мало ихъ, не имѣющія другой рѣчи ни съ кѣмъ, кромѣ рѣчи о Христѣ и Его ученіи такъ душа ихъ полна ими, есть жены, искупающія древній грѣхъ израильскихъ женъ, пожертвовавшихъ свои украшенія на золотого тельца, пожертвованіемъ своихъ на истиннаго Бога, такъ, еще три года тому

назадъ, въ Санума, когда однажды жена священника Павла Савабе, бесѣдуя съ собравшимися христіанками, упомянула, что нужно завести священную утварь христіанки, которыя имѣли, тотчасъ же сняли съ себя головныя серебряныя украшенія, другія принесли изъ домовъ, и, собравши все въ кучу сдали о. Павлу, прося позаботиться отъ отливкѣ св. утвари. Есть исповѣдники и исповѣдницы—много ихъ, гоненія преимущественно домашнія, иногда отъ сосѣдей и бонзъ Напримѣръ въ Идзу въ одной деревнѣ, года два тому назадъ, стало распространяться христіанство отъ школьнаго учителя, православнаго христіанина, однимъ изъ первыхъ приклонилъ къ нему ухо молодой человѣкъ, уже семейный, наслѣдникъ богатаго и еще со временъ Іоритомо (перваго сегуна) извѣстнаго въ округѣ дома, отецъ его, суевѣрнѣйшій изъ буддистовъ, былъ крайне разсерженъ узнавъ что сынъ склоняется къ христіанству, и не замедлилъ прибѣгнуть ко всѣмъ отцовскимъ мѣрамъ, чтобы перебратить его, но видя, что сынъ стоитъ твердо и еще жену свою склонилъ тоже къ христіанству лишилъ ихъ наслѣдства и прогналъ изъ дома вмѣстѣ съ ихъ грудным ребенкомъ, сынъ пришелъ въ Токео, принялъ здѣсь св. крещеніе и сталъ жить своимъ трудомъ. Старикъ расположился сдѣлать наслѣдникомъ третьяго сына, такъ какъ второй отданъ въ приемыши въ посторонній домъ, но гнѣву его предѣла не было, когда онъ узналъ, что и этотъ въ душѣ христіанинъ, прошедши и съ нимъ весь курсъ отцовскихъ уроковъ и внушеній, онъ и его прогналъ на всѣ четыре стороны, и этотъ пришелъ въ Токео, сдѣлался христіаниномъ, и сталъ жить съ братомъ. Послѣ каникулъ оба они приняты въ катихизаторскую школу (Петръ и Василій Ококава) и обѣщаютъ сдѣлаться ревностными проповѣдниками Въ настоящее время особенную жалость возбуждаютъ истязанія надъ одною молодою дѣвушкою въ Оказаки, прежде чѣмъ сдѣлаться христіанкою, она была просватана въ богатый домъ за любимаго человѣка, женихъ отъ нея отказался, по приказанію своего отца, родители бьютъ и всячески тиранятъ каждый Божій день,—и все, бѣдная, выноситъ за Христа.

На этомъ мы останавливаемся пока, увѣренные, что читатели, подобно намъ, оцѣнятъ всю великость начинающагося христіанскаго возрожденія сосѣдственной намъ страны. При такомъ началѣ будущее несомнѣнно,—будущее, какъ мы уже выражались, много обѣщающее не только для Японіи, но и для нашего отечества, послужившаго для нея церковью-матерью.

Оцѣнка дѣятельности гр. Д. А. Толстого по управленію духовнымъ вѣдомствомъ*).

Въ „Новомъ Времени“ и „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ“ высказана оцѣнка дѣятельности графа Д. А. Толстого по управленію духовнымъ вѣдомствомъ. Въ томъ и другомъ отзывѣ слышится направленіе, которое давно нами отмѣчено, какъ „клерикально-бюрократическое“. Направленіе это не знаетъ „церкви“, для него существуетъ только духовенство, и притомъ только бѣлое, и именно въ противоположеніи „черному“ Съ этой единственной точки, понятно, оцѣнивается и дѣятельность бывшаго оберъ-прокурора Какъ и можно было предположить, авторы восхищаются выборнымъ началомъ въ бѣломъ духовенствѣ, превозносятъ проектъ судебной реформы, снимавшей со священниковъ зависимость отъ епископа, съ негодованіемъ отзываясь о тѣхъ силахъ, которыя помѣшали ея осуществленію; записка графа Толстого о принудительномъ общежитіи въ монастыряхъ точно также восхищаетъ ихъ. Съ омерзѣніемъ воспоминая о старой бурсѣ, умиляются они казенною субсидіею, исходатайствованною для духовно-учебныхъ заведеній и о томъ, что училища духовныя поставлены подъ вѣдѣніе учебнаго комитета и снаряжаемыхъ отъ него ревизоровъ. Все это такъ и должно быть. Мы не вправѣ сѣтовать, что гг. панегиристы умолчали о томъ: въ какой мѣрѣ отразилось управленіе графа Толстого на религіозной жизни народа, въ какой мѣрѣ и въ какомъ направленіи двинулась богословская наука, и дали ли намъ новыя учебныя заведенія новыхъ проповѣдниковъ и подвижниковъ мысли, озарилась ли вообще новымъ духовнымъ свѣтомъ русская православная земля. Пусть эти вопросы и напрашиваются первыми при сужденіяхъ о духовномъ вѣдомствѣ, но они исключаются изъ программы клерикально-бюрократическаго направленія А отсюда естественно между прочимъ и то, что авторы не досматриваютъ слишкомъ существеннаго пробѣла и

*) С И 3 мая, № 120

въ похваляемыхъ ими съѣздахъ духовенства: съѣзды эти вѣдь ограничиваются денежными вопросами, минуя вопросы вѣры и нравственности. Мы не будемъ притязательны и не станемъ отмѣчать даже такихъ противорѣчій, въ какое впалъ напримѣръ г. К—въ, авторъ статьи въ „Новомъ Времени", огорчающійся канцеляризмомъ, который, по его словамъ, усилился за послѣднее время въ духовно-учебномъ вѣдомствѣ; ибо что же такое и самый учебный комитетъ съ его ревизорами, развѣ не та же канцелярія? Между собственною канцеляріей оберъ-прокурора и бюрократіей комитета, въ учрежденіи котораго авторъ видитъ заслугу графа Толстого, разница только количественная.

Само собою разумѣется, для того, кто въ духовномъ вѣдомствѣ не игнорируетъ церкви, вещи представляются иначе. Управленіе духовнымъ вѣдомствомъ, уединяющееся въ исключительное покровительство бѣлому духовенству, и притомъ помимо его обязанностей къ паствѣ и прямо вопреки его іерархическому значенію, становится въ положеніе не только одностороннее, но прямо ложное Оно искуственно создаетъ цѣлый особый классъ, почти государство въ государствѣ, съ особымъ самоуправленіемъ, безъ обязанностей, по крайней мѣрѣ безъ всякой отвѣтственности. Не знаемъ, какъ хвалители бывшаго оберъ-прокурора отнеслись бы къ министерству путей сообщенія, когда бы оно, принявъ къ сердцу интересъ машинистовъ, кондукторовъ и телеграфистовъ, дало имъ независимость отъ желѣзнодорожныхъ управленій и даже свой судъ, въ то же время не связывая ихъ отвѣтственностью и относительно пассажировъ съ товароотправителями, въ той увѣренности, что стоитъ дать только больше жалованья, „улучшить бытъ", а затѣмъ уже пойдетъ все хорошо, даже если бы для улучшенія быта пришлось и сократить число поѣздной прислуги. Но идеалы клерикально-бюрократическаго направленія именно таковы относительно духовнаго вѣдомства, и именно въ томъ отдаютъ они справедливость управленію бывшаго оберъ-прокурора, что оно довольно послушно и довольно послѣдовательно

подвизалось въ этомъ направленіи, даже съ явнымъ, непримиримымъ противорѣчіемъ со взглядами и началами, которыя проводились въ другомъ, рядомъ стоящемъ вѣдомствѣ, находившемся подъ главенствомъ того же общаго начальства А это противорѣчіе таково, что стоитъ быть отмѣченнымъ По нашему мнѣнію, оно есть существеннѣйшая черта въ характеристикѣ бывшаго оберъ-прокурора и министра и служитъ ключомъ къ объясненію всей его дѣятельности. Возьмемъ, напримѣръ тотъ несомнѣнный фактъ въ министерствѣ, что при графѣ Толстомъ вытравлялось всякое самоуправленіе Обрѣзывалось участіе земства, укорачивались права педагогическаго сословія не только въ среднихъ заведеніяхъ, но дѣлались приготовленія къ упраздненію выборнаго начала даже въ университетахъ Но сравнимъ, какъ тотъ же главный начальникъ относился въ то же время къ самоуправленію въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ: тамъ самоуправленіе не только не отнималось и не сокращалось, напротивъ дано право выбора, котораго не было прежде и притомъ распространено не только на духовныя академіи, но даже на семинаріи. Или обратимъ вниманіе на классическое языкознаніе Авторы отзывовъ въ „Новомъ Времени“ и „Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ“ высказываютъ сожалѣніе о прегражденіи семинаристамъ доступа въ университетъ. Въ сущности, сожалѣніе основано на невѣрномъ фактѣ. Доступъ въ университетъ семинаристамъ не загражденъ, а отъ нихъ требуется аттестатъ зрѣлости Если же это требованіе считается преградою, отсюда слѣдуетъ только, что курсъ семинарій понизился, если не безотносительно, то сравнительно съ гимназіями. А это обстоятельство слишкомъ мало согласуется съ тою вообще заботливостью о духовныхъ училищахъ, какую панегиристы приписываютъ бывшему оберъ-прокурору и въ частности съ его излишнимъ усердіемъ о классической школѣ, которое ему вмѣняютъ. Намъ кажется, и то и другое не совсѣмъ вѣрно, а настоящая истина въ томъ, что у бывшаго министра и оберъ-прокурора собственно не было взгляда, а былъ только избытокъ воли Въ этомъ и было

все существо у этого соединеннаго управленія двумя вѣдомствами: здѣсь и тамъ, въ духовномъ вѣдомствѣ и въ министерствѣ просвѣщенія, графъ Толстой подчинялся двумъ различнымъ токамъ, не связывая ихъ въ органическое цѣлое, для чего требовались бы, можетъ быть болѣе высокія государственныя способности. Но отсутствіе общаго взгляда, какъ мы уже сказали, вознаграждалось излишествомъ воли, не особенно стѣснявшейся препятствіями, и этими двумя опредѣленіями исчерпывается вся характеристика бывшаго управленія. Удивляемся, какъ доселѣ никто еще не поставилъ ея на видъ. Отчасти угадалъ ее „Голосъ“ признавъ бывшаго министра, какъ выразился онъ, „жертвою“ (мы сказали бы не жертвою, а орудіемъ) одного изъ публицистическихъ кружковъ; но и „Голосъ“ не доглядѣлъ, что одинаково послушно слѣдовалъ графъ Толстой въ своей оберъ-прокурорской дѣятельности за направленіемъ, которое нашло себѣ выраженіе въ книгахъ „О сельскомъ духовенствѣ“ Беллюстина и „О черномъ и бѣломъ духовенствѣ“ Ростиславова. Въ этихъ книгахъ была высшая премудрость для духовнаго управленія, точно такъ, какъ „Московскими Вѣдомостями“ гласилъ верховный законъ для министерства просвѣщенія. Въ связи съ этимъ пассивнымъ послушаніемъ предъ двумя, обоюдно узкими и односторонними направленіями, и притомъ даже несогласованными между собою, избытокъ рѣшительности въ дѣйствіяхъ, доходящій до нетерпимости,—и мы получимъ полное объясненіе всему,—даже тому впечатлѣнію, которое производилось на общество дѣятельностію бывшаго министра просвѣщенія и оберъ-прокурора святѣйшаго синода.

О восточныхъ патріархахъ*)

По поводу существующей въ Россіи болѣзни чинобѣсія, одинъ шутникъ предлагалъ „произвести всѣхъ въ генералы“, чтобы всѣмъ жителямъ было безобидно да и почетно. Эту

*) С И 7 мая, № 124

шутку напомнило намъ возраженіе противъ насъ греческой „Неологосъ", прочитанное нами сегодня въ „Востокѣ". Размышленія наши о значеніи патріаршествъ вообще и въ частности—патріарховъ восточныхъ греческая газета находитъ „богохульными" и „антихристіанскими", и только изъ снисхожденія воздерживается отъ обвиненій въ вѣроломствѣ и ереси „Не желая назвать ни вѣроломствомъ, ни ересью все то, что русская печать говоритъ о вселенской патріархіи....": такими словами и начинаетъ обличеніе намъ почтенный „Неологосъ" И почему это все такъ? Что показалось греческому органу и богохульнымъ, и вѣроломнымъ, и еретическимъ? А то, что теперешніе іерархическіе округи восточной церкви мы считаемъ преходящими, а титулы, которыми украшаютъ себя восточные патріархи, и въ томъ числѣ по преимуществу константинопольскій, не вполнѣ соотвѣтствующими смиренію христіанскаго пастыря. Они почтенны, какъ древность; еще болѣе почтенны самыя каѳедры, какъ хранительницы православнаго преданія; но пышные титулы и внѣшній іерархическій распорядокъ не связаны съ православною вѣрой и обязаны своимъ происхожденіемъ политической, а не христіанской исторіи По числу христіанъ, Россійская имперія, говорили мы, могла бы быть раздѣлена на нѣсколько патріаршествъ, то есть автокефальныхъ округовъ, какъ была раздѣлена древняя Римская имперія. Съ другой стороны и обратно, умаленіе числа христіанъ въ теперешнихъ предѣлахъ древней Римской имперіи должно бы повлечь относительное умаленіе власти и чести восточныхъ первосвятителей. „Неологосу" должно быть показалось, что мы предлагаемъ сейчасъ свести съ высоты ихъ престоловъ и антіохійскаго, и константинопольскаго, и александрійскаго патріарховъ и лишить ихъ чести Просимъ почтенную газету успокоиться. Дѣло идетъ о возстановленіи порядка, по возможности близкаго къ типу церкви апостольской, и о наилучшемъ согласованіи іерархическаго чина съ тѣми самыми соборными канонами, къ которымъ онъ взываетъ. Константинопольскій соборъ далъ первенство чести константинопольскому патріарху,

„ради чести царствующаго града“ Но градъ Константина пересталъ быть царствующимъ градомъ христіанства; онъ есть царствующій градъ магометанства; а въ послѣдствіи можетъ быть потеряетъ и совсѣмъ царствующее значеніе. Основаніе исчезнетъ: должно ли сохраниться послѣдствіе несуществующаго основанія? По здравому смыслу и по точному разуму соборнаго правила— нѣтъ; но самый намекъ объ этой возможности приводитъ въ содроганіе почтенную газету, и она отталкиваетъ эту возможность, какъ богохульство, вѣроломство и ересь Замѣтимъ въ скобкахъ, что такіе эпитеты обнаруживаютъ въ авторѣ не особенныя твердыя познанія въ богословіи. Но пусть; мы не станемъ ловить автора и на дальнѣйшихъ признакахъ умышленнаго или неумышленнаго невѣжества въ богословіи и церковной исторіи, ни на извращеніяхъ, очевидно уже сознательныхъ. „По истинѣ, эти мысли (авторъ разумѣетъ наши мысли, содержанія которыхъ однако не высказываетъ),—по истинѣ эти мысли показываютъ, что православіе въ Россіи опять нуждается въ помощи и что благоразумно разсуждаютъ предлагающіе созвать въ Москву первыхъ іерарховъ апостольскихъ церквей востока Подобныя идеи мало отстали или даже вовсе—отъ идей, принятыхъ нѣкоторыми церквами протестантовъ, которые ничто иное, кромѣ Евангелія, не принимаютъ и соборную церковь всякому слову подчиняютъ“.— Итакъ, мысль о преходящемъ первенствѣ константинопольской каѳедры и о неприличіи титула вселенскій есть протестантство! Поздравляемъ автора съ его познаніями въ христіанствѣ вообще и съ понятіемъ о „соборной церкви“. Оно не далеко уходитъ отъ понятій, которыя высказывались первыми нашими расколоучителями старообрядства, называвшими въ своихъ челобитныхъ „соборною и апостольскою церковью“ московскій Успенскій соборъ.

Далѣе говорить и оспаривать, разумѣется, не стоитъ. Успокоимъ только почтенную газету снова, что мы ничуть не предлагаемъ развѣнчивать восточныхъ патріарховъ, и о пониженіи ихъ во всецѣломъ іерархическомъ чинѣ вселенской

церкви говорили лишь, какъ объ исторической возможности, которая будетъ условлена паденіемъ Турецкой имперіи. Но если приводитъ его въ содроганіе даже эта, во всякомъ случаѣ отдаленная, возможность; то пускай онъ успокоиваетъ себя надеждою, что эта возможность даже въ отдаленномъ будущемъ не осуществится Въ самомъ дѣлѣ, одна и та же цѣль достигнется и та же мысль выразится, если не теперешнія патріаршія каѳедры снимутъ съ себя титулъ, а прочіе самоглавные престолы примутъ титулъ патріарховъ и притомъ вселенскихъ то-есть произведены будутъ всѣ въ генералы Вопросъ объ этомъ во всякомъ случаѣ есть дѣло будущаго, и можно было бы удивляться, что вступились такъ горячо за мнимо-обижаемую честь восточныхъ патріарховъ. Но удивляться не слѣдуетъ Въ этой горячности сказывается, къ прискорбію, тотъ самый *филетизмъ*, въ которомъ греки обвиняютъ болгаръ. Грѣхъ этотъ обильный: филетизмъ болгаръ недавній, а филетизмъ греческій идетъ съ очень давнихъ временъ и прикрывается, не совсѣмъ впрочемъ искусно, разсужденіями, подобными прочитанному въ „Неологосѣ“, и смѣшеніями понятій о церкви соборной и апостольской съ церковью или даже іерархіею константинопольскою, равно какъ отожествленіемъ вѣры православной съ національностью греческой. До чего глубокъ этотъ филетизмъ, можно судить по его русскимъ адептамъ. Повѣрятъ ли читатели, что одинъ изъ нихъ, занимавшій высокій постъ государственнаго русскаго сановника лѣтъ двадцать назадъ, считалъ спасительнымъ молиться на греческомъ языкѣ, а на славянскомъ чуть не еретическимъ, подобно нашему „Неологосу,“ признающему анти-христіанскимъ, богохульнымъ и еретическимъ всякое возраженіе противъ безусловности первенствующихъ правъ константинопольской каѳедры и ея пышныхъ титуловъ.

О нарушеніи церковныхъ уставовъ*).

Къ напечатанному сообщенію „О нарушеніяхъ церковнаго устава“ можно приложить эпиграфъ изъ словъ, которыми крестьяне обыкновенно характеризуютъ теперешнюю свою распущенность: „ослабъ, ослабъ народъ совсѣмъ“! И прочитывая примѣры, на которые указываетъ авторъ, нельзя не убѣдиться, что и духовенство, притомъ бѣлое и черное одинаково, тоже „ослабло“. Оно не находитъ себя нужнымъ связывать общепризнаннымъ церковнымъ уставомъ, и притомъ въ самыхъ торжественныхъ случаяхъ. Дѣло касается не сокращеній церковной службы, не отступленій отъ казуистики богослужебнаго устава, что уже вошло въ общій обычай и отчасти еще извиняется снисхожденіемъ къ физическимъ силамъ молящихся, которые утомляются длинною службою (хотя и происходитъ большею частію тоже отъ небреженія). Дѣло доходитъ до открытаго пренебреженія къ всеобще-чествуемымъ праздникамъ во всемъ православно-христіанскомъ мірѣ, и къ праздникамъ притомъ, которые составляютъ средоточіе всего христіанскаго богослуженія: дни, которые посвящаются церковію исключительному воспоминанію о краеугольныхъ событіяхъ христіанства, смерти Спасителя и Его воскресеніи, отклонены отъ своего вселенскаго значенія и обращены въ частныя молитвенныя воспоминанія. И это совершается на виду всѣхъ, торжественно, Троицкою лаврою, даже съ печатнымъ предварительнымъ провозглашеніемъ, какъ бы говорящимъ. „не хотимъ мы знать вашихъ страстныхъ великихъ пятницъ, у насъ тутъ поминки по Петрѣ Николаевичѣ“. Остается Троицкой лаврѣ еще шагъ ступить и подать тѣмъ примѣръ приходскимъ церквамъ, а именно: отпраздновать въ великую пятницу чью-нибудь свадьбу, обвѣнчавъ какого-нибудь другого Петра Николаевича. Правда, въ монастыряхъ не вѣнчаютъ, да почему же не отступить отъ этого правила? Правда, не вѣнчаютъ вообще въ великій постъ, а не то что въ великую пятницу: но если въ

*) С. И. 14 мая, № 131.

великую пятницу совершаютъ поминки, отчего не совершить свадьбы? Вѣнчаніе притомъ даже есть таинство Въ сущности, то, что совершено лаврою въ прошлую великую пятницу, а потомъ, по примѣру ея, повторено приходскими церквами въ свѣтлую недѣлю, ни мало и не отличается отъ того, какъ если бы лаврскій іеромонахъ въ лаврѣ, или приходскій священникъ въ своей церкви, повѣнчалъ свадьбу въ великую пятницу: сущность и величина отступленія отъ устава совершенно равнозначительны, выбранный нами примѣръ только нагляднѣе, доступнѣе для общаго чувства

Переносимся мысленно въ Англію и воображаемъ, какой бы скандалъ произведенъ былъ, если бы кто вздумалъ тамъ публично нарушить торжественную тишину воскресенья Но нѣтъ, мы отказываемся отъ этого сравненія, потому что въ Англіи подобная выходка положительно *невозможна*. А у насъ она возможна, и примѣръ подается не частными лицами, а даже такими обителями, какъ Троицкая лавра. И изъ за чего вдобавокъ? Не думаемъ даже, чтобы изъ-за денегъ. Родственникамъ Петра Николаевича Шабельскаго, равно какъ и другихъ покойниковъ, которыхъ поминки совершались по Москвѣ въ свѣтлую недѣлю, вѣроятно было совершенно одинаково, поминать ли своихъ усопшихъ въ великую пятницу, свѣтлую недѣлю или въ Ѳоминъ понедѣльникъ: едва ли „благостыня“ для „освященнаго собора“ лавры или для приходскихъ батюшекъ была увеличена хотя на рубль за отступленіе отъ устава. Это не то, что свадьба въ крестьянской семьѣ, гдѣ отложить ее на нѣсколько дней, значитъ разорить семью, обративъ въ ничто всѣ, дорого ей стоившія, приготовленія; къ поминкамъ не приготовляются задолго Вѣроятнѣе предположить, что со стороны „освященнаго собора“, равно какъ и со стороны приходскихъ іереевъ, была оказана въ этомъ случаѣ даже любезная предупредительность родственникамъ: „вы молъ не стѣсняйтесь, это дѣло простое, мы для васъ это сдѣлаемъ; поминки—когда угодно“. Да, ослабъ народъ, ослабъ совсѣмъ. Будемъ ждать теперь свадебъ, ну, хоть въ слѣдующій великій постъ.

Клерикально—бюрократическое направленіе*).

Непреодолимое, повидимому, недоразумѣніе раздѣляетъ насъ съ направленіемъ, которое мы называемъ клерикально-бюрократическимъ. „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ отклоняетъ отъ себя это наименованіе; „Новое Время“ въ отдѣлѣ „Среди газетъ и журналовъ“ соглашается, но съ тѣмъ, чтобы и мы приняли кличку „монахо-кратическаго“. Представители разбираемаго направленія, очевидно, не понимаютъ вопроса иначе, какъ въ видѣ дилеммы *или* бѣлое духовенство, *или* монахи Но потому-то это направленіе и есть „клерикальное“; вмѣсто того, чтобы видѣть церковь, они видятъ клиръ, забывая о вѣрующемъ народѣ. А такъ какъ верховное управленіе клиромъ, а черезъ него и церковію (которой это направленіе отказываетъ въ правѣ голоса)—а такъ какъ управленіе клиромъ, повторимъ мы, чрезъ чиновниковъ, считается достожеланнымъ, то, будучи клерикальнымъ, направленіе есть вмѣстѣ и „бюрократическое“. Все это, повидимому, ясно; но „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ въ обширной статьѣ обижается на насъ и укоряетъ, что мы забываемъ азбучныя истины, неодобрительно отзываясь о выборахъ въ духовенствѣ, введенныхъ въ управленіе графа Толстого. Все, что говоритъ почтенная газета о выборахъ, какъ существенномъ церковномъ принципѣ, само въ себѣ прекрасно и справедливо; но оно опять таки должно относиться къ церкви, а не къ духовенству, отвлеченно отъ церкви взятому, внѣ единства со всею совокупностью вѣрующихъ. Почтенный органъ, просимъ извинить, клерикально-бюрократическаго взгляда довольствуется объясненіемъ: „но такъ какъ внѣшнимъ выраженіемъ и представительствомъ церкви на землѣ *является* духовенство...“ Какъ? Внѣшнее выраженіе и представительство церкви на землѣ есть духовенство? Въ этомъ-то основномъ пунктѣ вся и бѣда. Мы говоримъ съ авторомъ, несомнѣнно получившимъ богословское образованіе, поэтому предостерегаемъ его, что выраженіе его,

*) С И 18 мая, № 135.

сейчасъ приведенное, есть сырая выдержка изъ богословскаго учебника, который въ свою очередь есть сырая компиляція изъ ультрамонтантскаго курса, разумѣется съ нѣкоторыми внѣшними приспособленіями къ православію. Nomina sunt odiosa. Почтенная редакція „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ понимаетъ, о чемъ мы ведемъ рѣчь Она можетъ быть съ нами несогласна въ оцѣнкѣ и, можетъ быть, признаетъ достоинство произведенія на нашъ взглядъ жалкаго. Но во всякомъ случаѣ, „церковь представительная“ есть ультрамонтантское воззрѣніе и измышленіе. Отсюда и наши недоразумѣнія. Отсюда и удивленіе почтенной газеты, какъ это не сочувствуемъ мы выборамъ въ духовенствѣ Ахъ, какъ бы мы ему порадовались, если бы это были выборы въ церкви, а не въ духовенствѣ! Въ духовенствѣ есть выборы, но само-то духовенство, спросимъ почтеннаго автора, развѣ есть выборное? Оно есть „назначенное“; а потому-то выборы, среди него происходящіе, и уподобляются, какъ мы уже говорили прошлый разъ, тому, если бы введены были выборы въ низшей желѣзно-дорожной администраціи, ceteris paribus, съ сохраненіемъ всего остальнаго, съ назначеніемъ служащихъ на мѣста отъ центральной власти и съ безотвѣтственностью ихъ предъ пассажирами и товароотправителями. Пассажиры и товароотправители, въ настоящемъ случаѣ, суть именно та церковь, которую игнорируютъ клерикало-бюрократы; тотъ вѣрующій народъ, которому „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ не только не склоненъ возвратить исконныя права, отъ апостольскихъ временъ идущія, напротивъ ищетъ упразднить и послѣднюю отъ него зависимость духовенства, которая осталась въ способѣ содержанія „Оно (т. е. духовенство) должно быть освобождено отъ рабской зависимости отъ своихъ прихожанъ, столь унизительной и оскорбительной для его достоинства“. Таковы слова „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ въ отвѣтѣ намъ, и такова постоянная его идея. Итакъ, зависимость отъ прихожанъ, видите, и унизительна, и даже оскорбительна для достоинства. Видите, духовенство стало быть есть власть, власть внѣшняя, которую, хотятъ-не-хотятъ, а

обязаны признавать и почитать подвластные. Что же это такое другими словами? Другими словами, это значитъ, что священникъ есть чиновникъ государственной принудительной власти, а не выразитель вѣры своихъ пасомыхъ, ими же уполномоченный. Мимоходомъ сказать, чистые ультрамонтанты по крайней мѣрѣ послѣдовательны. для нихъ священники суть органы власти все таки церковной, объединяемой папою, непосредственнымъ органомъ Христа Это власть sui generis, независимая отъ свѣтской власти Но ультрамонтантство, размѣненное на русскіе нравы, не соблюдаетъ и этой послѣдовательности· для него священникъ не только чиновникъ, но даже чиновникъ-то не церковный, а прямо государственный; потому что, признавая зависимость его отъ народа „рабскою", да притомъ еще „унизительною" и „оскорбительною", оно стремится высвободить его вмѣстѣ и отъ церковной іерархической зависимости, аппеллируя отъ нея къ свѣтской власти.

Но однако почему же бы такое зависимость духовенства отъ прихожанъ была рабская, и чѣмъ она унизительна и даже оскорбительна для достоинства? И какое это достоинство оскорбляется? Врачъ не находитъ ни унизительнымъ, ни оскорбительнымъ брать за визиты Мировой судья не находитъ своего положенія рабскимъ, хотя въ самомъ назначеніи своемъ зависитъ отъ народа. Чѣмъ бы, казалось, однако и условливается достоинство священника,—не тѣмъ ли, что существуетъ вѣрующій народъ, для котораго нужны пастыри, и нужны единственно потому, что народъ вѣруетъ? Не будь вѣры въ народѣ, или исповѣдуй онъ какую-нибудь другую, а не православную, самое основаніе къ бытію духовенства, какъ таковаго, упраздняется. Все это, повидимому, очень ясно и должно бы быть въ особенности ясно для „Церковно-Общественнаго Вѣстника", который въ настоящей же статьѣ напоминаетъ самъ „о чисто духовномъ, чуждомъ полицейскаго элемента, просвѣтительномъ вліяніи церкви (по понятіямъ автора, конечно—духовенства) на народъ". Но удивительно какъ-то примиряются для почтеннаго духовно-свѣтскаго органа. и от-

сутствіе полицейскаго элемента и вмѣстѣ—казенное жалованье, со введеніемъ принудительныхъ отношеній, вмѣсто теперешнихъ добровольныхъ, кажущихся рабскою зависимостью, унизительною и оскорбительною

Мы не удивимся, если и теперь почтенная газета выведетъ изъ нашихъ словъ что-нибудь въ родѣ того, что мы стоимъ за statu quo духовенства и за теперешній способъ матеріальнаго его обезпеченія въ частности, точно такъ же, какъ усматривала эту защиту statu quo въ нашихъ неодобрительныхъ отзывахъ о проектѣ судебной реформы, или какъ авторъ „Новаго Времени“ предполагаетъ въ нашихъ возраженіяхъ противъ исключительнаго покровительства бѣлому духовенству монахо-кратизмъ. Трудно отрѣшиться отъ заученныхъ понятій, клерикально-бюрократическое воззрѣніе есть плодъ цѣлаго долгаго воспитанія. Не будемъ поэтому распространяться въ дальнѣйшихъ разувѣреніяхъ. Не упустимъ лишь указать защитнику существующихъ выборовъ въ духовенствѣ на два обстоятельства. Пусть благочинническіе съѣзды, какъ увѣряетъ авторъ, сохраняютъ за собою право разсуждать не объ однихъ денежныхъ дѣлахъ (еще бы даже лишить ихъ права обсуждать духовныя дѣла!); но въ сущности, благочинническіе съѣзды собираются все-таки не для чего другого, а именно для раскладки церковнаго налога, а именно налога, назначеннаго на содержаніе училищъ духовенства Учрежденіе этихъ съѣздовъ, очевидно, до нѣкоторой степени списано съ земскихъ; но въ земствѣ—самообложеніе, а на благочинническихъ съѣздахъ себя ли облагаетъ духовенство? Оно облагаетъ церкви, т е храмы; иначе говоря, облагаетъ народъ, изъ подаяній котораго слагаются храмовые капиталы. А народъ-то ни прямо, ни косвенно и не участвуетъ въ этомъ обложеніи. Можетъ быть, по мнѣнію „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, это и справедливо, потому что для него въ духовенствѣ, безъ околичностей, подразумѣвается вся церковь, („представительная“, какъ выражаются ультрамонтанты), народъ же есть быдло, vulgus-pecus, которому дать какія-нибудь права унизительно и оскорбительно.

Мы держимся иного мнѣнія и полагаемъ, что истинно-церковный порядокъ избранія не долженъ исключать народа; что безъ этого выборы, въ томъ видѣ, въ какомъ они существуютъ теперь, только вносятъ въ церковь, вмѣсто единства, разладъ, совершенно обособляя клиръ и создавая изъ него, какъ мы выразились прошлый разъ, какое-то государство въ государствѣ. Другими словами, дарованіе церкви правъ избранія должно бы начаться съ возстановленія народныхъ правъ, изъ которыхъ одно, и притомъ главнѣйшее, выкрадено было изъ закона, сравнительно даже въ очень недавнія времена, въ тридцатыхъ, чуть не въ сороковыхъ годахъ. Мы говоримъ на память, подлиннаго текста не приводимъ, но за фактъ ручаемся. Пусть почтенная редакція „Церковно-Общественнаго Вѣстника“ сличитъ изданія „Инструкціи благочиннымъ“, новѣйшія и первоначальныя Въ первоначальныхъ было сказано, что если откроется священническая вакансія, то благочинный прежде всего долженъ созвать прихожанъ, спросить ихъ, кого они имѣютъ кандидатомъ на пустующее мѣсто; представить таковаго кандидата, и если уже прихожане откажутся указать, тогда обратиться къ архіерею. Въ новыхъ изданіяхъ не существуетъ этой статьи: она, какъ мы выразились сейчасъ, *выкрадена*. Мы не умѣемъ выразиться иначе, по крайней мѣрѣ ни въ какомъ печатномъ законодательномъ источникѣ мы не нашли слѣдовъ, въ силу какихъ соображеній и кѣмъ это важное право было отмѣнено и вычеркнуто изъ акта, имѣющаго для духовенства обязательную силу закона. Редакція „Вѣстника“ ближе насъ къ высшимъ сферамъ церковной администраціи; можетъ быть ей и посчастливится, если она найдетъ нужнымъ, открыть источникъ, котораго мы тщетно добивались. Во всякомъ случаѣ, послѣ нашего указанія, можетъ быть хоть уменьшится нѣсколько ея удивленіе, почему мы не восхищаемся либерализмомъ теперешнихъ выборовъ въ духовенствѣ.

Православіе въ Японіи*)

Мы виноваты предъ преосвященнымъ Николаемъ Японскимъ, что такъ замедлили воспроизведеніемъ его рѣчи, произнесенной еще 11 мая Но мы не хотѣли пустить ее безъ сопроводительнаго слова. Явленіе, которое теперь совершается въ Японіи, съ новою силою свидѣтельствуетъ, что коромысло всемірно-историческихъ вѣсовъ опускается на востокѣ. Въ мірѣ матеріальнаго развитія, отчасти и самой науки, обгоняетъ Старый Свѣтъ Америка, этотъ будущій Новый Свѣтъ не въ одномъ географическомъ отношеніи. Православіе въ Японіи, и именно при тѣхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ оно распространяется и о которыхъ между прочимъ свидѣтельствуетъ и настоящая рѣчь преосвященнаго миссіонера, говоритъ намъ, что нѣчто подобное переселенію гражданскаго просвѣщенія (цивилизаціи) совершается и въ области вѣры. Здѣсь фактъ еще нагляднѣе, нежели въ другихъ сферахъ человѣческаго бытія. Свѣтъ вѣры во всей ея внутренней силѣ апостольскихъ временъ загорается на отдаленномъ востокѣ, когда первоначальная родина христіанскаго ученія обращается въ мертвый формализмъ, въ кристаллизовавшуюся букву. сравнимъ современный греческій востокъ и юную Японію. Съ другой стороны, на тотъ же отдаленный востокъ, но обратнымъ путемъ, черезъ западъ, несется тоже христіанское ученіе, но видоизмѣненное подъ давленіемъ язычески-государственныхъ идеаловъ Рима, а частію вытравленное въ существѣ раціонализмомъ протестантства. Японцы, какъ подтверждаетъ и настоящая рѣчь преосвященнаго Николая, на основаніи послѣднихъ писемъ изъ Японіи, переходятъ въ православіе даже изъ протестантства, безъ всякихъ попытокъ къ полемикѣ со стороны православныхъ проповѣдниковъ. Это обстоятельство точнѣе всего свидѣтельствуетъ о всей силѣ внутренняго происходящаго духовнаго движенія, которое, повторяемъ, не имѣетъ себѣ подобнаго, потому что форма христіанства повсюду, гдѣ оно

*) С П 16 мая, № 136

ни являлось внѣ Европы, опредѣлялась случайною внѣшностью: завоевывало страну или народъ то вѣроисповѣданіе, миссіонерамъ котораго они были географически доступнѣе. Въ Японіи перемѣна вѣры, и притомъ безъ всякаго внѣшняго понудительнаго поощренія, происходитъ сознательно. А отсюда можемъ предугадывать, что и будущая религіозная жизнь этой страны, окажетъ себя несравненно богаче и плодотворнѣе нежели гдѣнибудь. Говоримъ не объ одномъ воздѣйствіи новой религіи на нравы, но и объ умственномъ просвѣщеніи, движеніе котораго всегда и вездѣ въ главныхъ путяхъ направлялось религіознымъ вѣрованіемъ. Въ Америкѣ связь эта порвана первоначальная страна пуританъ и квакеровъ, она представляетъ въ этомъ отношеніи любопытный дуализмъ. доводя въ практической области до крайностей утилитаризмъ, она въ религіи уносится въ противоположную крайность, вдаваясь въ иллюминатизмъ; даже холодно-раціоналистическій пуританинъ находитъ нужнымъ освѣжать себя отъ коммерческихъ выкладокъ въ конторѣ спиритическими сеансами, замѣняющими ему то, чего не доставляетъ ему его бездушная религія.

Если христіанство въ Японіи пойдетъ такъ, какъ начало идти, то Россіи выпадетъ честь послужить для японцевъ своего рода Византіей. Но помимо внѣшняго сходства отношеній церкви-матери къ церкви-дщери, другого въ этомъ повтореніи отношеній ничего не предвидится. Вмѣстѣ съ христіанствомъ, Греція давала намъ готовое свое просвѣщеніе, которое впрочемъ было намъ не по силамъ, котораго мы не продолжали, да и новаго не основали. Въ отношеніи же къ Японіи мы, новая Византія, явимся простыми передатчиками. Никакой своей печати, никакого даже зародыша для своеобразнаго просвѣщенія не дадимъ, потому что сами не имѣемъ, по крайней мѣрѣ не сознаемъ, обрѣтаясь вѣчно у всѣхъ въ задахъ, даже безъ предзнаменованій чего-либо своего, органическаго. Печальное сравненіе! Насъ утѣшаютъ, что мы молоды. Но для какой угодно молодости тысяча лѣтъ достаточный срокъ; да не только тысяча, хотя бы даже двѣсти, которые протекли со времени

Петра Америка живетъ не сотни, а десятки лѣтъ; и Японія просвѣтилась даже не десятки, а только годы. Развитіе Америки нечего уже и въ разсчетъ брать, но сравнить хотя бы съ Японіею. Всего какой-нибудь десятокъ лѣтъ, и даже не вполнѣ, а ея пароходы плаваютъ подъ командою уроженцевъ, и притомъ построенные до послѣдняго гвоздя на собственныхъ заводахъ изъ собственныхъ матеріаловъ. Съ какимъ десятилѣтіемъ, или съ какимъ пятидесятилѣтіемъ или даже столѣтіемъ Россіи могутъ быть сравнены эти успѣхи? Печальная параллель!

О богословскихъ сочиненіяхъ Хомякова *)

Второй томъ Хомякова, заключающій богословскія сочиненія, вышелъ; недавно, всего нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, вышла и диссертація Ю Ѳ Самарина, „Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ“, также существенно богословская. Отъ двадцати пяти до сорока лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ сочиненія писаны. Диссертаціи Ю. Ѳ. Самарина напечатана была въ свое время только часть, и то наименѣе существенная; сочиненія Хомякова издавались, но на французскомъ языкѣ, за границей; явились тринадцать лѣтъ назадъ и въ русскомъ переводѣ, но также за границей; входъ въ Россію былъ имъ загражденъ Удивительная судьба книгъ! Невѣроятная страница русскаго просвѣщенія! Даже теперь, когда наконецъ узрѣли свѣтъ въ Россіи сочиненія Хомякова, они вышли съ оговоркой издателя; читателя просятъ припомнить, что авторъ не получилъ спеціальнаго богословскаго образованія. Очевидно, оговорка принадлежитъ не самому издателю; она явилась по настоянію духовной цензуры, которая оказала, должно быть, опытъ гражданскаго мужества, пропуская такую книгу, какъ богословскія сочиненія Хомякова.

А богословскія сочиненія Хомякова, равно какъ Самарина, писаны людьми глубоко вѣрующими, посвящены защитѣ

*) С И 10 сентября, № 250

православной церкви и обличенію религіозныхъ лжеученій. А въ теченіе двадцати пяти и сорока лѣтъ, какъ они лежали подъ спудомъ, широко развивалась въ Россіи пропаганда безвѣрія, удобно находившая себѣ доступъ въ печати. Но сказать мало. „находившая доступъ въ печати“. Печать, литература вся была и основана на безвѣріи, сознательномъ и безсознательномъ, умышленномъ и простосердечномъ Русская печать компилировала европейскую, не дерзая восходить далѣе компиляціи; ученикъ не смѣлъ быть выше учителя, позволяя себѣ, самое большее, популяризовать науку; а въ представители науки избирались отрицавшіе или игнорировавшіе вѣру. Оно было и неизбѣжно, потому что наука въ Европѣ есть по существу высвобожденіе человѣчества отъ того, что тамъ выдаетъ себя за религіозную вѣру, хотя въ дѣйствительности есть не вѣра, а духовное рабство; такимъ образомъ прогрессъ науки долженъ былъ отожествляться съ прогрессомъ безвѣрія. Но въ Европѣ религіозныя начала, пусть и односторонніе, не уступаютъ мѣста безъ борьбы; а у насъ борцы лишены были слова, и притомъ правительственною властью, да мало еще—представителями церковной власти, хранителями религіознаго просвѣщенія. Явленіе невѣроятное, которое непостижимо иностранцу, кто бы онъ ни былъ, хотя бы турокъ. Появленіе богословскихъ брошюръ Хомякова за границей смутило тамошнія богословскимыслящія сферы неожиданною силою, всему свѣту извѣстный Пальмеръ, представитель цѣлаго направленія англиканской церкви, глубоко уважалъ Хомякова, какъ представителя православной мысли: что же должны были тамъ думать, когда бы знали (а Пальмеръ даже зналъ), что смутившій ихъ боецъ православія лишенъ слова на своей почвѣ?

Оговорка, выпрашивающая Хомякову снисхожденіе въ томъ, что онъ лишенъ былъ спеціально богословскаго образованія, заключаетъ въ себѣ, незавѣдомо для ея автора, глубокую иронію надъ этимъ самымъ „спеціально богословскимъ образованіемъ“ Оговорка означаетъ ни болѣе ни менѣе какъ то, что Хомяковъ свободенъ отъ терминологіи, употребительной въ

школьныхъ учебникахъ; а эта терминологія, вмѣстѣ съ постановкою вопросовъ, унаслѣдованы не изъ православнаго міра; онѣ идутъ отъ Бернарда, Ансельма и Ѳомы Аквината, чрезъ схоластическій періодъ „богословскихъ мѣстъ“ (loci theologici) и черезъ полемику между римскою церковью и протестантствомъ дошли онѣ и до насъ и усвоены нашими богословами. Кому же послѣ того похвала, кому осужденіе въ простосердечной оговоркѣ? Но та же оговорка можетъ служить и объясненіемъ невѣроятному пріему, который оказанъ былъ и Хомякову, и Самарину въ ихъ богословскихъ трудахъ Ихъ труды были выше своего времени, да выше и настоящаго Московскій университетъ сороковаго года забраковалъ самую существенную половину диссертаціи Самарина просто потому, что сталъ предъ ней въ тупикъ; трудъ молодого магистранта не могъ быть оцѣненъ, потому что у ученыхъ тогдашняго времени, и притомъ ученыхъ университета, представителей свѣтской науки, не оказалось прибора, не то чтобы оцѣнить рѣшеніе вопросовъ, но даже понять вопросы въ ихъ новой постановкѣ. То же, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, повторилось съ Хомяковымъ, цѣнителемъ котораго предстояло быть уже не тѣсному кругу университетской корпораціи, а всему православному міру. Замѣчательно предвѣщаніе, которое самъ Хомяковъ высказывалъ о судьбѣ своихъ богословскихъ сочиненій. Мы слышали отъ него лично, но кажется нѣчто подобное читаемъ теперь и въ печати: „недовольны будутъ, а осудить не посмѣютъ“. Это говорилось о высшемъ духовенствѣ, оффиціальныхъ представителяхъ богословской науки. Они тоже должны были стать въ тупикъ, и большее, на что должны были рѣшиться,—снисходительно признать, что авторъ къ сожалѣнію не прослушалъ спеціальнаго богословскаго курса. Въ самомъ дѣлѣ, это что-то новое и отъ богословской рутины слишкомъ далекое; однако и не ересь, не уклоненіе отъ православія, а защита православія и отраженіе лжеученій... Лица, „получившія спеціальное богословское образованіе“ и въ школьной рутинѣ видящія альфу и омегу богословія, дѣйствительно не могли не затрудняться приговоромъ.

Богословскія сочиненія Хомякова *).

Мы причислили, какъ и всѣ причисляютъ, диссертацію Самарина, а равно и вышедшій нынѣ томъ Хомякова, къ сочиненіямъ *богословскимъ*. Но это названіе не точно. Того, что привыкли разумѣть подъ богословіемъ со временъ Дамаскина, въ нихъ и нѣтъ: нѣтъ подбора текстовъ, ссылокъ на авторитеты, нѣтъ вообще внѣшней систематизаціи. А между тѣмъ сущность богословія, какъ науки, въ томъ и состоитъ: оно и есть ничто иное, какъ разложеніе первоначальныхъ свидѣтельствъ объ откровенной истинѣ изъ ихъ собственной, исторической связи на отвлеченную связь, внѣшнелогическую. По теперешней классификаціи наукъ, скорѣе подходило бы къ упомянутымъ трудамъ нашихъ двухъ писателей названіе философскихъ. Это были „Опыты церковнаго самосознанія“, или „Философіи церкви“,—науки, правду сказать, еще не бывалой, но въ этомъ-то и все дѣло, и здѣсь-то главная причина того недоумѣнія, которымъ были встрѣчены и Самаринъ, и Хомяковъ и которое навѣрное продолжится съ упорствомъ еще не малое время. Философія церкви, назовемъ ее такъ, или ближе по русски, опытъ самосознанія церкви, вовсе не то, что философія религіи, и не то даже, что апологетика церкви. Отъ философіи религіи она отличается тѣмъ, что предметъ ея не умозрительный, а данный, опытный; отъ апологетики отсутствіемъ демонстративнаго элемента, мало того—положительнымъ его отрицаніемъ: церковь не доказывается и не доказываетъ, а есть и сознается; сознается, то есть выясняется внутренній законъ, которымъ она живетъ. Различіе, которое здѣсь открывается, понятнѣе будетъ изъ сравненія церкви съ другими духовными организмами.

Мы знаемъ въ человѣчествѣ народы, знаемъ государства, существуетъ въ человѣчествѣ и церковь. Всѣ три поименованныя формы общежитія одна въ другой совмѣщаются, но одна отъ другой отличаются. Каждый изъ трехъ организмовъ живетъ своею жизнію, ему существенною· народъ не есть государство,

*) С И 11 сентября, № 251

не есть церковь, равно какъ и наоборотъ; хотя народъ живетъ въ государствѣ, а церковь распространяется и въ государствахъ и въ народахъ, и государства безъ народа не существуетъ. За то существуютъ народы безъ государства (на физіологической ступени племени); живетъ нѣсколько народовъ въ одномъ государствѣ, и одинъ народъ въ нѣсколькихъ государствахъ; не во всѣхъ народахъ, а равно не во всѣхъ государствахъ и церковь имѣетъ своихъ членовъ. Словомъ, это величины несоизмѣримыя. И народы, и государства могутъ быть предметомъ троякаго изученія, философскаго, критическаго, и назовемъ такъ—исторически-эстетическаго; философъ опредѣлитъ, что такое въ существѣ народъ и государство вообще; моралистъ и экономистъ разберутъ, каждый съ точки зрѣнія своихъ требованій, совершенства и недостатки даннаго народа и даннаго государства Но историкъ, не пускаясь ни въ теорію, ни въ практическую оцѣнку, изобразитъ народъ въ его живомъ единствѣ и внутренней сообразности Прилагая тотъ же троякій способъ изученія къ церкви, мы получаемъ философію религіи, которая можетъ дойти теоретическимъ путемъ до понятія о церкви, какъ до проблемы. Апологетика будетъ сравнивать церковь съ другими учрежденіями, и частности ея быта и вѣрованій провѣрять, умозрительными ли требованіями или велѣніями признаваемыхъ авторитетовъ Точка зрѣнія Хомякова и Самарина приравнивается къ третьему способу, и въ этомъ смыслѣ нова, и принадлежитъ Хомякову, первому отъ самаго начала христіанской литературы: онъ *изображаетъ* церковь, изъясняетъ ея основной законъ и пытается прослѣдить гармонію съ нимъ всего остального, что въ ней есть. Эта точка отправленія приводитъ его къ особому пріему и въ самой полемикѣ съ иновѣрными обществами: онъ ихъ не опровергаетъ, а обличаетъ, что они не церковь. Признаваемые богословами авторитеты для разрѣшенія споровъ, писаніе и преданіе, оставаясь авторитетами для отдѣльныхъ лицъ, въ отношеніи къ церкви суть только ея выраженіе, ея принадлежность, они въ ней, а не надъ нею. Подводить церковь къ

нимъ въ видѣ подсудимой столь же несообразно, какъ провѣрять русскій народъ лексикономъ Академіи Наукъ и грамматикою Востокова, а парижанина уличать въ неправильномъ говорѣ тѣми же авторитетами. Правда, что парижанинъ русской грамматики и не признаетъ для себя обязательною, не имѣя притязанія и вообще быть русскимъ. Но въ дѣлѣ вѣры не то. Если народовъ множество, то церковь по существу едина, и иновѣрныя общества не отрицаются быть церковью, а напротивъ выдаютъ себя за нее, и изъ нея вышли.

Настоящую бесѣду можно бы продолжить далеко, но мы останавливаемся, находя достаточнымъ, если сколько-нибудь удалось намъ выяснить странную судьбу, постигшую труды, появленіе которыхъ, казалось бы, должно было вызвать привѣтствія самой горячей благодарности. Остается объяснить, какъ случилось, что богословская наука, въ теченіе болѣе нежели тысячи лѣтъ, не догадалась стать на поясненную сейчасъ внутренно-церковную точку зрѣнія. Но богословіе, въ смыслѣ науки, то есть внѣшней систематизаціи откровенныхъ истинъ, вообще молодо. Дамаскина былъ первый несовершенный опытъ. Наука вообще потомъ, всякая совершенно замерла на востокѣ. Ее воздѣлывали на западѣ, а западъ, еще до „возрожденія наукъ“ такъ называемаго, уже утерялъ церковь, а съ нею вмѣстѣ и понятіе о ней. Католицизмъ смѣшалъ церковь съ государствомъ; для протестантства же, усмотрѣвшаго самозванство католицизма, церковь стала внѣшнимъ предметомъ археологическихъ изысканій, а не ощущаемымъ живымъ организмомъ. И тамъ и здѣсь церковь перестала быть, хотя притязаніе на нее сохраняется. Тамъ и здѣсь остались одни голые авторитеты, независимо отъ живого организма, которому они служатъ проявленіемъ; авторитеты притомъ, оспариваемые въ своемъ значеніи и взаимно опровергаемые. Вслѣдствіе того и христіанская наука осталась при одномъ богословіи въ тѣсномъ смыслѣ, то есть при внѣшней систематизаціи того или другого ученія, основанной на авторитетахъ писанія и преданія. Двадцать лѣтъ тому назадъ, въ „Русской Бесѣдѣ“ мы указывали,

что встѣдствіе той же причины не явилось доселѣ и церковной исторіи, достойной своего наименованія. Самые лучшіе труды въ этомъ родѣ остаются при внѣшнемъ изученіи происшествій христіанскаго міра, а если и объединяютъ ихъ, то подъ несвойственнымъ церкви опредѣленіемъ.

Пускаться ли въ подробную оцѣнку внутренняго содержанія двухъ трудовъ, о которыхъ говоримъ? Намъ это болѣе затруднительно, нежели кому-нибудь. Въ предисловіи читается, что трудившимся въ переводѣ Хомякова былъ Н. П. Гиляровъ-Платоновъ Слѣды своего косвеннаго участія усматриваемъ до нѣкоторой степени даже въ содержаніи; опредѣленіе, которое даетъ Хомяковъ нѣкоторымъ изъ таинствъ, и замѣтка объ условномъ значеніи термина „Логосъ," напоминаютъ намъ о нашихъ изустныхъ бесѣдахъ и преніяхъ Затѣмъ, оцѣнка, которую даетъ Хомяковъ католичеству и протестантству (въ первыхъ своихъ брошюрахъ) сошлась съ собственною нашею, которая, независимо отъ того, раскрывалась на лекціяхъ въ духовной академіи, до поразительнаго,—до буквальнаго тожества примѣровъ и сравненій. Положеніе наше, въ качествѣ критика, становится послѣ того довольно щекотливымъ; пусть нѣкоторыя изъ соображеній автора и оставляютъ мѣсто для замѣчаній, будучи, по нашему мнѣнію, болѣе остроумны, нежели основательны. Пришлось бы отчасти подтверждать самого себя или же вступать въ пререканія о тонкостяхъ, едва ли занимательныя для читателя. Сочиненіе же Ю. Ѳ. Самарина собственно есть только гепальный взмахъ. Капитальнымъ достоинствомъ остается критическая часть его диссертаціи съ новою постановкою вопросовъ, которою онъ сошелся съ Хомяковымъ, но самостоятельно, безъ его воздѣйствія. Положительная же часть, съ попытками опредѣлить православіе, носитъ до извѣстной степени еще слѣды незрѣлости и увлеченія гегелизмомъ, отъ котораго впослѣдствіи освободился авторъ, выросши и опредѣлившись вообще въ своихъ воззрѣніяхъ.

Впрочемъ спеціальная критическая оцѣнка трудовъ, разсматриваемыхъ нами, вообще не есть дѣло ежедневнаго органа.

Появленіе ихъ въ русской литературѣ есть событіе общественнаго значенія, и въ этомъ смыслѣ мы ихъ разсматривали. О внутреннемъ содержаніи ихъ, и особенно о главной идеѣ, ихъ проникающей, скажемъ лишь одно, что по прочтеніи ихъ, каждый непредубѣжденный просвѣщенный умъ долженъ будетъ сказать себѣ: „или церкви совсѣмъ не существуетъ, или она въ человѣчествѣ есть именно то, за что ее выдаютъ А. С. Хомяковъ и Ю. Ѳ. Самаринъ". Пусть читатель вникнетъ въ замѣчательныя строки, писанныя Самаринымъ, въ видѣ введенія къ Хомякову. Никто другой не въ состояніи такъ мѣтко, такъ глубоко и такъ общедоступно изъяснить существо—скажемъ такъ—ихъ церковнаго служенія и общественное значеніе этого служенія,—значеніе, между прочимъ, укладывающееся въ трехъ словахъ, принадлежащихъ не намъ, а тому же Ю. Ѳ. Самарину: „эманципація религіознаго сознанія". Эта заслуга эманципаціи принадлежитъ имъ двоимъ, принадлежитъ не въ Россіи только, а въ цѣломъ человѣчествѣ. И мы увѣрены, не сейчасъ, но со временемъ, можетъ быть даже черезъ долгое еще время, дождется эта заслуга своей благодарной оцѣнки, и именно опять не въ одной Россіи, а въ человѣчествѣ.

Духовная цензура*).

„Новое Время" порадовало слухомъ, что вопросъ о духовной цензурѣ предполагается къ разрѣшенію въ началѣ будущаго года. Но извѣстіе дополняется, поясненіемъ, о которомъ можно недоумѣвать. Духовной цензурѣ, говоритъ „Новое Время", будутъ подлежать только сочиненія догматическія. Что такое догматическія сочиненія? Всякая книга философскаго, а тѣмъ болѣе религіознаго содержанія, имѣетъ отношеніе къ догмату, раскрываетъ его или отрицаетъ и искажаетъ. Папское правленіе было въ этомъ смыслѣ послѣдовательно:

*) С И 11 октября, № 281

оно подвергаю своей цензурѣ, которая была исключительно духовная, всѣ книги, не исключая поваренныхъ. Приготовляемый или приготовленный проектъ преобразованія нашей духовной цензуры, выдѣляя для нея сочиненія только догматическія, имѣетъ въ виду очевидно не расширить, а напротивъ ограничить кругъ ея компетенціи. Возможно поэтому единственное предположеніе, что къ догматическимъ сочиненіямъ будетъ относимо не все, что касается такъ или иначе догмата и что пишется о догматѣ, а то, что выдаетъ себя за догматъ. Иного объясненія нельзя дать, и притомъ необходимо предположить, что имѣются въ виду догматы, исповѣдуемые православною церковью, а никакъ не католическіе и не протестантскіе, другими словами, подпись духовнаго цензора будетъ свидѣтельствомъ о православіи, выдаваемомъ писателю, желающему чтобы его разумѣли православнымъ, а не католикомъ, не лютераниномъ, не раскольникомъ. Но кто бы пожелалъ изложить догматъ по разумѣнію католическому или протестантскому, и при томъ желалъ бы, чтобъ его такъ и разумѣли католикомъ или протестантомъ, тутъ какъ быть? Послѣдовательность требуетъ, чтобы таковая книга обратилась за подписью къ католическимъ и протестантскимъ цензорамъ, и мы не имѣемъ ничего сказать противъ, если рядомъ съ православными цензорами явятся и иновѣрные цензора, а кстати, кромѣ христіанскихъ, и магометанскіе и еврейскіе. Но едва ли это предполагается; скорѣе останется такъ, какъ и теперь, то есть богословскія сочиненія иновѣрцевъ, съ изложеніемъ догматовъ въ смыслѣ католическомъ или протестантскомъ, будутъ подлежать безусловному запрещенію, за исключеніемъ книгъ литургическихъ и учебныхъ, и притомъ на языкѣ не русскомъ, а либо нѣмецкомъ, либо польскомъ. О сочиненіяхъ старообрядческихъ или духоборческихъ нечего и говорить; сами эти вѣроисповѣданія не признаны: куда же тутъ еще приставлять казенныхъ блюстителей чистоты ихъ старообрядческаго или духоборческаго вѣрованія!

Что же однако выйдетъ изъ этого? Можно предсказать, что духовной цензурѣ не особенно много будетъ дѣла; охотни-

ковъ выдавать себя за истолкователей православнаго догмата, притомъ съ обязанностью подвергать себя цензорской критикѣ, не найдется, за исключеніемъ составителей учебниковъ. Иновѣрные богословы, по самому закону, осуждены будутъ на молчаніе Однимъ словомъ, христіанская мысль, и именно когда она хочетъ открыто исповѣдывать себя таковою, будетъ скована; за то прямымъ и косвеннымъ нападкамъ на христіанство, явному и прикрытому атеизму, будетъ просторъ. Вѣдь это не догматъ и духовной цензурѣ не подлежитъ! Но если бы кто захотѣлъ эти нападки на христіанство, косвенные и прямые, этотъ атеизмъ, явный и прикрытый, разсмотрѣть съ христіанской точки зрѣнія, не отрекаясь отъ догмата, напротивъ исповѣдуя его, исходя изъ него и защищая его, тотъ долженъ будетъ пройти сквозь цензуру.

Пусть не возражаютъ намъ, что книги богословскаго содержанія, даже безъ притязанія на догматическое содержаніе, не минуютъ все-таки цензуры, хотя общей. Но отъ предварительной цензуры онѣ и при настоящемъ положеніи избавлены; а какое же будетъ основаніе карательной цензурѣ отправлять таковыя на разсмотрѣніе духовной, когда онѣ именно не толкуютъ ни о догматѣ, ни о христіанствѣ, а напротивъ игнорируютъ ихъ и избѣгаютъ о нихъ упоминать? Да, наконецъ, не на нашихъ ли глазахъ, атеистическія воззрѣнія умѣли проходить безопасно даже чрезъ предварительную цензуру?

Вопросъ о духовной цензурѣ допускаетъ только двоякое рѣшеніе: будь духовная цензура или въ томъ видѣ, какъ она практиковалась въ папскихъ владѣніяхъ, или въ томъ, какъ примѣняется цензура министерствомъ народнаго просвѣщенія къ учебнымъ книгамъ. То есть или должны ей подлежать всѣ книги безъ исключенія, или тѣ единственно, которыя добровольно представлены будутъ самими авторами для полученія аттестаціи о своемъ православіи. Конечно, послѣднее будетъ уже не цензура, не дозволеніе, а одобреніе, отзывъ, допускающій степени, и притомъ лишенный права запрещенія. Но средняго, во всякомъ случаѣ, логика не допускаетъ, по той

простой причинѣ, что нѣтъ границы между духовнымъ и свѣтскимъ содержаніемъ И въ поваренной книгѣ, дѣйствительно, и въ строительномъ руководствѣ, и въ лексиконѣ, можно, при снаровкѣ, наговорить довольно относящагося до религіи и до догматовъ, хотя не упоминая ихъ Чтобы перейти, и притомъ въ настоящее время, къ типу папской цензуры, объ этомъ едва ли кто и подумать рѣшится, когда въ самыя тяжёлыя времена печати нашей на это не рѣшались. Да это значило бы и убить всякую живую мысль. Стало быть остается духовную цензуру упразднить, оставивъ за нею одно право благословенія тѣхъ, кто самъ желаетъ подвергнуть властной критикѣ свое православіе. И право это не такъ страшно, а напротивъ будетъ даже благодѣтельно. Противъ поношеній вѣры, противъ оскорбленій церкви, противъ осмѣянія догматовъ, всегда достаточно найдется общей цензуры Но свобода оживитъ религіозную мысль, мало того—возродитъ ее, потому что въ сущности ея нѣтъ совсѣмъ у насъ; подъ именемъ ея плѣснѣвѣетъ мертвый буквализмъ, фарисейство, перебираніе стереотипныхъ выраженій безъ мысли и духа. А при этомъ какое раздолье антирелигіозному движенію! Да не оттуда ли оно и завелось у насъ?

Церковное хозяйство*).

Въ петербургскихъ газетахъ пишутъ, что въ синодальномъ вѣдомствѣ пересматриваются законоположенія по церковному хозяйству, изданныя со времени введенія „Инструкціи церковнымъ старостамъ“; что порядокъ церковнаго хозяйства рѣшено преобразовать, и вмѣсто одного старосты узаконить двухъ или трехъ Разумѣется, мы не можемъ ручаться за достовѣрность свѣдѣній, но если проектъ таковъ, то онъ останавливается на полдорогѣ. Введеніемъ помощниковъ старостъ думаютъ, какъ увѣряютъ, пресѣчь теперешнее зло, состоящее въ томъ, что къ

*) С И. 28 октября, № 298

церковному ящику приставляются старостами ихъ прикащики. Это есть дѣйствительное зло; но коренное зло не въ этомъ, а въ отсутствіи твердаго юридическаго опредѣленія церковной собственности и въ ея необезпеченности, откуда въ свою очередь происходитъ фиктивность всѣхъ церковно-хозяйственныхъ записей, происходитъ не всегда правильное направленіе церковныхъ доходовъ, и наконецъ происходитъ рознь между старостами и причтами, доходящая иногда до озлобленія. Все дѣло, чтобы признать церковь, то есть приходъ, правоспособной юридической единицей и предоставить ей самостоятельно хозяйствовать, назначивъ ей предметы хозяйственныхъ попеченій Съ этимъ послѣдовательно упразднится и налогъ съ церквей, подающій поводы къ огорченіямъ; съ этимъ отыщется и средство къ лучшему содержанію причтовъ. Духовно-училищныя нужды, по всей справедливости, должно принять на себя государство, въ замѣнъ того, духовенство должно отказаться отъ казеннаго жалованья и стать на попеченіе приходовъ Словомъ—произвести обмѣнъ; цифры, помнится, почти равныя—пособія, оказываемаго государствомъ на содержаніе духовенства, и пособія, оказываемаго приходами духовнымъ училищамъ; но отношенія очистятся, будутъ прямѣе, естественнѣе. Политическое благоразуміе рекомендуетъ избѣгать бюрократіи и централизаціи, искать болѣе простыхъ монадъ, на которыя бы опереться. Эта истина относится не къ одному церковному устройству, но на немъ она особенно очевидна. Сколько ни внушайте старостамъ и прихожанамъ, что дѣло духовныхъ училищъ есть дѣло тоже церковное и что частная церковь Іоанна Богослова или Знаменья обязана помочь церкви всероссійской: для нихъ всегда будетъ понятнѣе конкретная нужда Богословской или Знаменской церкви, нежели нужда церкви вообще, расходъ и практическіе результаты его будутъ очевиднѣе Отымется всякій поводъ ко лжи и утайкамъ, и самые расходы, выразимся такъ, осмыслятся. Многое изъ того, что идетъ теперь на ограды и на позолоты, обратится тогда на обезпеченіе причта, на призрѣніе бѣдныхъ, можетъ быть на книги и приходскую школу.

Раздвоеніе причтовъ отъ прихожанъ, признаки котораго день ото дня выступаютъ все яснѣе, тогда исчезнетъ, потому что отнимется къ нему поводъ.

Однимъ словомъ, въ настоящемъ положеніи ничего не оставалось бы, какъ учрежденія, уже существующія подъ именемъ попечительствъ, слить съ церковнымъ хозяйствомъ или, что одно и тоже, поставить церковное хозяйство подъ вѣдѣніе попечительствъ, на обязанности которыхъ будетъ и содержаніе причтовъ Идея попечительствъ любезна народу, чему свидѣтельствомъ служитъ то, что они все-таки распространяются, не смотря на противодѣйствіе имъ, оказываемое, къ удивленію, не кѣмъ инымъ, а даже епархіальными властями, отъ которыхъ бы и ожидалось содѣйствіе А какъ бы зацвѣли попечительства, когда бы имущества, состоящія въ ихъ вѣдѣніи (движимыя и недвижимыя), торжественно призналъ законъ неотчуждаемою собственностью приходовъ! Церкви разбогатѣли бы въ недолгое время. Больной вопросъ объ улучшеніи быта духовенства разрѣшился бы самъ собой; само собою совершилось бы и соціальное слияніе духовенства съ народомъ и обратно. Наконецъ, не здѣсь ли бы разрѣшились изнутри, безъ внѣшнихъ мѣръ, и притомъ самымъ благодатнымъ образомъ для народнаго будущаго, и вопросы о призрѣніи бѣдныхъ и о первичномъ образованіи?

Дѣлопроизводство въ св. синодѣ*).

Газета „Востокъ“, должно отдать ей справедливость, усердно, хотя односторонне, занимается церковными дѣлами вообще и русскими въ особенности Въ послѣднемъ вышедшемъ № она помѣстила „Замѣтку бюрократа“ церковнаго вѣдомства о недостаткахъ въ синодальномъ управленіи, о безсиліи членовъ синода и о всесиліи канцеляріи, а особенно оберъ-прокурора. Бюрократъ, въ заключеніе, подаетъ совѣты о возстановленіи синодальной власти и о возведеніи вообще

*) С. И 14 ноября, № 315.

управленія церковными дѣлами къ истинному церковно-іерархическому типу Не будемъ передавать этихъ совѣтовъ, тѣмъ болѣе съ ними спорить: всѣ они болѣе или менѣе дѣльны; но они требуютъ дополненія.

Въ числѣ совѣтовъ, подаваемыхъ духовному правительству, авторъ, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ „бюрократа“, придаетъ особенную повидимому важность тому, чтобы поступающія въ синодъ дѣла „вскрывалъ первоприсутствующій“. Не смотря на все уваженіе къ бюрократической опытности автора, мы находимъ, что требованіе его совершенно невозможно, и если бы не увѣренность въ его искренности, можно бы заподозрить даже макіавелизмъ въ совѣтѣ обратить первоприсутствующаго синодальнаго члена въ какую-то регистратурную машину. Сколько однако дѣлъ поступаетъ въ синодъ, и много ли останется времени у первоприсутствующаго послѣ операціи вскрыванія пакетовъ, съ каковою естественно должна быть соединена и помѣта и назначеніе пути дѣлопроизводства? Авторъ упустилъ изъ вида самое существенное: не слѣдовало ли прежде всего освободить синодъ отъ множества дѣлъ, которыя благополучно могли бы вершиться, не доходя до него? И даже не въ излишкѣ ли централизаціи, господствующей въ духовномъ вѣдомствѣ, причина самаго безсилія синодальныхъ членовъ? Вѣрится намъ, что коллегіальное обсужденіе всѣхъ дѣлъ, поступающихъ въ синодъ, физически невозможно по ихъ множеству. Самъ авторъ разсказываетъ случай, какъ покойный Серафимъ указывалъ оберъ-прокурору Нечаеву на груду дѣлъ по одной (бывшей) коммиссіи духовныхъ училищъ, что и послужило поводомъ къ облегченію высокопреосвященнаго, т е. къ тому, что его дѣлами училищными болѣе не безпокоили. Не то же ли и теперь? Не поступаетъ ли множество дѣлъ, въ сущности исполняющихъ одинъ механическій порядокъ передвиженія, для которыхъ существуютъ разъ навсегда заведенныя резолюціи, слѣдовательно для которыхъ не требуется обсужденія и которыя потому вершатся въ канцеляріи, представляясь присутствію только для подписи, въ формѣ готовыхъ опредѣленій!

Этимъ, понятно, искажается самая сущность коллегіи, а отсюда и всевластіе канцеляріи, которая получаетъ поводъ и привычку рѣшать дѣла за присутствіе. Не заходя далеко, ограничимся примѣромъ, на который указываетъ сама замѣтка, жалующаяся, что духовно-учебный комитетъ подчиненъ не синоду, а оберъ-прокурору синода. Мы не видимъ основанія, почему бы всѣ дѣла духовныхъ училищъ подвергать синодальному обсужденію. По здравому смыслу, богословское преподаваніе должно подлежать надзору и руководству іерархіи. Но у насъ къ несчастію спутаны двѣ цѣли, приготовленіе пастырства и воспитаніе священнослужительскихъ дѣтей, спеціальное подготовленіе и филантропическое, сословное вспоможеніе въ общемъ образованіи. Если не доходятъ до членовъ синода, можетъ быть, даже спеціально богословскія или пастырскія дѣла, то виною тому смѣшеніе, въ какомъ находятся они, съ дѣлами общаго административнаго характера, отъ которыхъ верховное священноначаліе по праву и по обязанности могло бы быть освобождено.

Итакъ, авторъ, не туда бьетъ. И въ особенности поразительно читать его сѣтованія о порядкѣ, какимъ получаются Высочайшія награды. Только до Владимира 3 степени, видите, правоспособенъ ходатайствовать святѣйшій синодъ! Этими словами авторъ совсѣмъ повернулся назадъ отъ того, куда слѣдовало ему идти. По нашему мнѣнію, святѣйшему синоду не подобало бы совсѣмъ ходатайствовать ни о какихъ гражданскихъ наградахъ, и все духовенство заслуживало бы совершеннаго отъ нихъ освобожденія. Если бы авторъ способенъ былъ смотрѣть глубже, то здѣсь-то, въ этихъ-то предметахъ его соболѣзнованія и нашелъ бы онъ дѣйствительную причину упадка духовенства вообще и въ частности его іерархическаго безсилія, о которомъ онъ плачетъ. Съ негодующею скорбію, напримѣръ, упоминаетъ онъ, что преосвященные архіереи встрѣчали бывшаго оберъ-прокурора на желѣзнодорожныхъ дебаркадерахъ, вмѣстѣ съ разною челядью А почему бы это такъ? Подумалъ ли онъ? Не потому ли, что въ противномъ случаѣ ушло бы отъ преосвященнаго ожидаемое украшеніе Владими-

ромъ или Александромъ? Во всей статьѣ сквозитъ это воздыханіе объ украшеніяхъ; и вообще газета, когда приходится ей говорить объ іерархическихъ порядкахъ, при всѣхъ дѣльныхъ своихъ замѣчаніяхъ, не безъ особенной любви слѣдитъ, кто изъ духовныхъ лицъ состоялъ „кавалеромъ“ какого ордена, и не безъ особеннаго ударенія отмѣчаетъ обойденныхъ въ этомъ отношеніи, по ея мнѣнію. Увы, куда кривой это путь къ нравственному возрожденію духовенства или къ возстановленію независимости!

А сколько бы дѣлъ поубавилось въ синодальномъ управленіи и во всемъ синодальномъ вѣдомствѣ, сколько бы простора и свободы открылось для духовнаго сѣянія и пасенія, сколько бы соблазновъ къ злоупотребленіямъ было удалено освобожденіемъ духовнаго вѣдомства отъ всякихъ дѣлъ о гражданскихъ отличіяхъ и отъ самихъ отличій!

Общественная благотворительность при приходахъ*).

Понятно чувство великаго удовлетворенія, которое почувствовали мы при чтеніи извѣстія о докладѣ Д. Ѳ. Самарина здѣшнему губернскому земству и о принятіи земствомъ ходатайства объ организаціи общественной благотворительности при приходахъ. Но дѣло не въ организаціи благотворительности: г. Самаринъ провелъ мысль, и земское собраніе единогласно рѣшило ходатайствовать на основаніи ея, чтобъ за приходами были признаны права самостоятельныхъ юридическихъ единицъ и чтобы возвращено было имъ право избирать себѣ пастырей. Тринадцать лѣтъ мы долбили это, въ убѣжденіи, что организація прихода важна для устойчивости не одного церковнаго, но и государственнаго строя Съ этой точки зрѣнія, соглашаясь во всемъ съ Д. Ѳ. Самаринымъ, мы не можемъ оставить безъ оговорки опредѣленіе, данное имъ приходу. Онъ совершенно отрицаетъ за нимъ территоріальное значеніе и рѣшительно

*) С И 21 декабря, № 352

отклоняетъ указанія на приходы, какъ на естественные выборные округи или какъ на желаемыя средоточія ссудо-сберегательныхъ кассъ. Отрицать территоріальное значеніе приходовъ совершенно ошибочно, хотя на практикѣ и существуютъ по мѣстамъ приходы, приближающіе ихъ дѣйствительно къ филантропическимъ, ученымъ, пожалуй даже акціонернымъ обществамъ, въ томъ смыслѣ, что они представляютъ союзъ только лицъ, связанныхъ извѣстнымъ нравственнымъ началомъ, безъ всякаго отношенія къ мѣстности. Таковы иные городскіе приходы и даже сельскіе, гдѣ бываетъ по двѣ церкви,—приходы черезполосные, въ которыхъ считаются семьи, а не мѣстности. Но этотъ порядокъ есть уклоненіе отъ первоначальнаго типа, а не наоборотъ. Мы не будемъ входить въ пространныя объясненія, а только намекнемъ почтенному Д. Ѳ Самарину, что раздѣленіе по семьямъ есть въ зародышѣ тотъ самый *филетизмъ*, который недавно на константинопольскомъ соборѣ осужденъ (въ принципѣ совершенно вѣрно, хотя неосновательно въ примѣненіи къ частной распрѣ между болгарами и греками). Происхожденіе, какъ языкъ, какъ полъ и возрастъ, какъ соціальное положеніе, обезграничиваются, мы бы сказали—игнорируются въ христіанствѣ; это его существенная черта, и эта существенная черта воплощается въ устройствѣ христіанскихъ общинъ; а какъ общины эти существуютъ на землѣ, принадлежатъ къ земной церкви, то и географическіе предѣлы общинъ существенны. Извѣстнымъ мѣстнымъ предѣломъ, округомъ, между прочимъ опредѣляется и задача проповѣди, что имѣетъ весьма понятное практическое значеніе въ смыслѣ распространенія просвѣщенія и нравственности, а равно опредѣляется и ближайшая задача благотворенія.

Думаемъ, что краткаго наброска, сейчасъ предложеннаго, достаточно для почтеннаго Д Ѳ. Самарина. А отсюда легко онъ выведетъ, что и осужденіе, которое изрекаетъ онъ мнѣніямъ о приходѣ, какъ выборной или взаимно-вспомоществовательной кредитной единицѣ, грѣшитъ односторонностью Впрочемъ мы не читали самаго доклада, а основываемся па отчетѣ репортера

Приходъ прежде всего есть единица нравственная, духовная. Совершенно вѣрно; но добавимъ, единица не безплотная и не витающая въ небесахъ, а состоящая изъ живыхъ лицъ и очерченная видимыми предѣлами географическими. Приходъ есть выраженіе и удовлетвореніе общественности религіозной. Но помимо единства вѣрованій, тѣ же лица, соединившіяся въ извѣстной мѣстности, могутъ имѣть, и не могутъ не имѣть, другія основанія для своего единства, относящіяся къ міру матеріальныхъ выгодъ и безопасности, короче—складываться въ единицы хозяйственныя и политическія. Состоя мірянами-прихожанами, они могутъ быть, и не могутъ не быть, мірянами въ другомъ смыслѣ,—членами волости и земледѣльческой общины. Кто предлагалъ приходъ отожествить съ выборнымъ округомъ или обратить его въ средоточіе взаимно-вспомогательныхъ сбереженій, тотъ не полагалъ, думаемъ мы, чтобы изъ церковнаго сундука сдѣлать кассу или, вмѣсто избирательной урны, воспользоваться купелью; а думаемъ, мысль была та только, чтобы съ предѣлами приходовъ, единицъ церковныхъ, по возможности совпадали предѣлы единицъ хозяйственныхъ и административныхъ, равно и наоборотъ. Между прочимъ, то самое выражалось и желаніемъ Положенія 19 февраля, чтобы волости по мѣрѣ возможности совпадали съ приходами Желаніе это вполнѣ понятно, и прибавимъ, всякая организація первоначальныхъ общественныхъ ячеекъ, которая задумана будетъ и приведена въ исполненіе, съ пренебреженіемъ къ предѣламъ прихода, будетъ хомутомъ на народную шею. Исключеніе одно—для еще низшей, самой первоначальной общественной ячейки, общественной протоплазмы, скажемъ мы, примѣняясь къ языку физіологіи—для сельскаго общества, то есть для поземельной общины Это единство есть перводанное, Ureinheit, сказалъ бы нѣмецъ. А за тѣмъ что? За тѣмъ—все надѣтое отвнѣ, насильственно объединенное, а не изъ почвы выросшее, не самимъ народомъ созданное,—все, за исключеніемъ прихода Приходъ есть вторая единица, рожденная и воспитанная и воспитуемая самимъ народомъ, который изъ

семьи, клѣточки физико-нравственной, чрезъ ячейку сельскаго общества, интересовъ матеріальныхъ, возрастаетъ здѣсь въ организмъ чисто уже духовный, въ которомъ онъ опознаетъ свое духовное родство, безразличное къ породѣ и матеріальному благосостоянію,—братство по вѣрѣ. Далѣе того, никакой организаціи народъ еще не придумалъ, шагнувъ прямо къ необъятной, чудовищной единицѣ „Русской Землѣ", которая однако, замѣтьте, сама въ былыя времена опредѣляла свое единство не языкомъ или происхожденіемъ, или матеріальными правами, а опять христіанствомъ, представительницею котораго она себя признавала, и въ этомъ смыслѣ противополагала себя другимъ. Городскія устройства, въ родѣ новгородскаго или псковскаго, не могутъ тутъ идти въ счетъ, да надѣемся, и г. Самаринъ насъ туда не потянетъ.

Такимъ образомъ мы убѣждены глубоко, убѣждены болѣе нежели въ чемъ-нибудь, что, не считая общественной благотворительности, которая по существу есть не просто приходская, а прямо церковная функція, потому что самая идея ея исходитъ не изъ государства, а христіанства, не считая, общественной благотворительности, вся общественная организація, скажемъ ближе—вся политическая организація русской земли должна начинаться съ прихода и примыкать къ нему, въ томъ числѣ, конечно, и всякіе выборы и первоначальныя вспомогательно-кредитныя учрежденія Ригористъ-схоластикъ возразитъ можетъ быть намъ, что не имѣетъ ничего, подобно Положенію 19 февраля, противъ того, чтобы предѣлы приходовъ и административныхъ единицъ совпадали, но что это будутъ учрежденія при приходахъ, а не самые приходы. Нѣтъ, а мы настаиваемъ, что именно приходы,- они самые, а не что другое, должны быть основаніемъ политической организаціи. Народъ образовалъ приходъ, какъ церковную единицу; пусть государство возьметъ ту же единицу, не касаясь и не разстроивая ее, то есть тѣ же лица и въ тѣхъ же предѣлахъ, и поможетъ имъ въ устройствѣ политическомъ Тотъ же приходъ, но будетъ у него, кромѣ духовной, церковной, и еще сторона.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не естественно приходъ сдѣлать выборнымъ средоточіемъ? Не ближе ли всего знаютъ себя взаимно прихожане? Не прямѣе ли приступать къ выборамъ послѣ общаго молебствія въ общемъ храмѣ, нежели послѣ общей выпивки въ мірскомъ кабакѣ? Ссудо-сберегательнымъ товариществамъ или, лучше, взаимно-вспомогательнымъ и страховымъ учрежденіямъ, (потому что ссудо-сберегательныя товарищества учрежденія тоже сочиненныя и непрактическія) опять не прямое ли мѣсто находить и начало себѣ и конецъ въ приходахъ? Взаимно-вспомогательный кредитъ есть та же общественная благотворительность, только воплощенная въ экономическую форму, практическій опытъ примиренія между экономическимъ своекорыстіемъ и христіанскимъ самоотверженіемъ. Наконецъ, первичному, непосредственному народному суду не ближе ли всего мѣсто возлѣ церкви? Не говоримъ уже объ училищахъ Приходъ даже въ теперешнемъ своемъ видѣ, нужно сказать правду, довольно стѣсненномъ (за отнятіемъ у него правъ), есть первая государственная инстанція для опредѣленія самыхъ государственныхъ правъ. Церковные причты ведутъ регистратуру рожденій, браковъ, кончинъ,—функція, по настоящему, никакъ не церковная, а государственная. При нормальномъ, широкомъ образованіи приходовъ, въ смыслѣ церковно-государственномъ, эта обязанность безъ сомнѣнія отчасти и отошла бы отъ причтовъ, какъ и теперешнія ихъ статистическія обязанности, и отчасти поставлена была бы въ болѣе живую связь съ мѣстнымъ міромъ. Но мы хотимъ сказать только, что даже о сію пору въ теперешнемъ несовершенномъ своемъ видѣ, приходъ есть уже государственная ячейка. Тѣмъ менѣе основательно ограничивать значеніе ихъ одними церковными или, что того несообразнѣе, вѣроисповѣдными цѣлями. А послѣднее именно сказалось въ оговоркѣ, прибавленной къ предложенію г. Самарина, по настоянію собранія. Оговорка эта нѣсколько даже комична: она говоритъ или сама не зная что, или же въ видѣ оговорки утверждаетъ то, что само собою подразумѣвается

1881 ГОДЪ.

Съѣзды духовенства*).

Окружные съѣзды духовенства должны ли быть отмѣнены? Разсужденія объ этомъ возбуждены слухомъ, что новый оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода не сочувствуетъ съѣздамъ духовенства

Духовенство собирается на окружные съѣзды, чтобы судить объ учебныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ воспитываются его дѣти. Этою единственною задачею ограничены ихъ права, и нѣтъ святѣе полномочія, какъ полномочіе отцовъ обсуживать воспитаніе своихъ дѣтей; коллективныя, дружныя обсужденія плодотворнѣе единичныхъ. Можно бы прибавить и еще полномочій, потому что дѣла, исключительно касающіяся духовенства, не ограничиваются однимъ воспитаніемъ дѣтей: могло бы оно обдумывать сообща объ успѣшномъ веденіи христіанской проповѣди, разбирать между собою и сообща рѣшать разныя недоумѣнія пастырской практики, взаимно сообщать о предстоящихъ опасностяхъ христіанской нравственности пасомыхъ и о средствахъ ихъ предотвратить, не выходя изъ предѣловъ пастырскаго служенія. Могли бы предметомъ обсужденія быть даже не пастырскія занятія. Каждый причтъ (говоримъ о сельскихъ) есть земле-

*) С И 7 января, № 6

владѣлецъ· сколькими полезными мыслями могли бы дѣлиться они, съ пользою матеріальною для себя и даже для государственнаго хозяйства!

Но какъ сказано выше, съѣздамъ позволено заниматься только училищными дѣлами, и только съ хозяйственной стороны, и притомъ на основаніи средствъ, которыя не имъ принадлежатъ, не членамъ съѣзда. Духовенство собирается, чтобы оброчить церкви, чтобы рѣшать выемку церковныхъ денегъ, поданныхъ не ими и не съ цѣлью вспомоществованія духовнымъ училищамъ: короче сказать, съѣзды учреждены съ цѣлію хищенія чужой собственности въ свою пользу. Здѣсь нѣтъ мѣста возраженію, недавно гдѣ-то нами прочитанному, что это хищеніе, или, говоря мягче, распоряженіе чужими средствами противъ воли и назначенія тѣхъ, отъ кого они поступили, узаконено, и что вообще духовныя училища содержатся на сборъ, имѣющій подобное происхожденіе. Вопросъ не о внѣшней законности, которая разумѣется на сторонѣ съѣздовъ, а вопросъ о томъ, сообразенъ ли со внутреннею правдою и съ основными гражданскими законами самый этотъ способъ содержанія духовныхъ училищъ, самъ этотъ внѣшній законъ его опредѣливший? Да не говоря ужъ о внутренней правдѣ, въ какой мѣрѣ распорядительное право, предоставленное мѣстному духовенству надъ церковными деньгами, съ тою исключительно кастовою цѣлію, какая назначена, въ какой мѣрѣ право это одобряется требованіями здравой политики? Въ старыя времена, когда оброкъ съ церквей, подъ именемъ свѣчного дохода, отсылался въ центральныя учрежденія и оттуда расходовался на учебныя заведенія незавѣдомо для приходовъ, было мѣсто ропоту, но неопредѣленному; роптали, высказывали неудовольствіе, но неудовольствіе летѣло въ воздухъ и тамъ пропадало, за отсутствіемъ видимыхъ лицъ, на кого бы оно могло устремляться. Приходскіе священники со старостами сами представлялись жертвами несправедливости. Но когда право распоряженій перенесено на мѣстное духовенство, неопредѣленные образы воплотились; духовенство, во первыхъ, отъ старостъ отдѣлено, потому что въ

съѣздахъ старосты не имѣютъ участія; а во вторыхъ, оно-то, отторгнутое отъ прихода и его представителя, старосты, духовенство и поставлено предъ православною паствою прямымъ виновникомъ того, что ими признается за несправедливость. Съѣзды духовенства, если не создали, то подогрѣли раздоръ между пастырями и пасомыми, провели между ними уже не черту, а цѣлую пропасть, оттолкнули ихъ въ два враждебные лагеря, упразднили то единство, которое пусть хотя фиктивно, но признавалось прежнимъ закономъ.

Было бы основаніе не только къ съѣздамъ, но къ съѣздамъ съ цѣлію обсуждать именно училищные вопросы, когда бы самое устройство училищъ поставлено было на иномъ основаніи. Когда обсуждалась послѣдняя духовно-учебная реформа, былъ слухъ, что помимо проэкта, принятаго большинствомъ, утвержденнаго и нынѣ дѣйствующаго, предложенъ былъ отъ меньшинства коммиссіи, обсуждавшей реформу, другой проэктъ, не принятый, и какъ увѣряли тогда, даже не доложенный. Въ меньшинствѣ состояли тогда высокоуважаемые нынѣ пастыри Филаретъ Рижскій и Михаилъ Уманьскій. Если не измѣняетъ намъ память, проектъ раздѣлялъ двѣ смѣшанныя цѣли, на которыя двоится духовно-учебное воспитаніе: воспитаніе дѣтей духовенства и приготовленіе желающихъ и достойныхъ къ пастырскому служенію,—двѣ цѣли, дѣйствительно, взаимно себя не покрывающія. Предположимъ, что здравая мысль меньшинства была бы принята, тогда бы логическимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ вытекла и разница какъ въ средствахъ содержанія двоякаго рода училищъ, такъ и въ способахъ управленія ими. Мы не знаемъ подробностей упомянутаго, забракованнаго проекта, но опять, спрашиваясь одной логики, утверждаемъ, что приготовленіе молодыхъ людей къ священству (безъ различія сословій) по справедливости, должно было бы пасть на общегосударственный счетъ, одинаково съ тѣмъ какъ на государственный счетъ дается воспитаніе юристамъ, военнымъ людямъ и представителямъ другихъ званій, безъ которыхъ государство не можетъ обойтись. Воспитанію дѣтей духовенства (безразлично къ ихъ

будущему званію) государство могло бы и даже было бы обязано, въ виду скудныхъ средствъ, на которыя содержится духовенство, оказать также вспомоществованіе; но въ какой формѣ и изъ какихъ источниковъ? Формы могли быть разныя, прямыя пособія, стипендіи въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ и, наконецъ, учрежденіе особыхъ воспитательныхъ заведеній, на подобіе теперешнихъ. Источникъ же имѣлся въ виду, даже помимо государственнаго пособія: духовно-учебный капиталъ, собранный не въ одномъ десяткѣ милліоновъ. Таже логика опять обязывала бы децентрализовать этотъ капиталъ, предоставивъ самому духовенству завѣдывать его употребленіемъ, и притомъ каждому округу, епархіальному ли, или еще меньшихъ размѣровъ, особо Мимоходомъ сказать, централизація въ церковномъ хозяйствѣ, сначала въ видѣ отнятія монастырскихъ имѣній, затѣмъ въ отобраніи капиталовъ на духовно-учебныя заведенія и сосредоточеніи всѣхъ доходовъ, на этотъ предметъ отовсюду поступавшихъ, въ Петербургѣ, имѣла, между прочимъ, губительное послѣдствіе, какъ вообще всякая централизація, какъ подѣйствовала таже централизація отчасти и учрежденнымъ уже на нашей памяти единствомъ государственной кассы. При всемъ своемъ великомъ значеніи, реформа покойнаго Татаринова смѣшала „учрежденія“ съ „заведеніями“ и равно упразднила собственныя хозяйства не только въ казенныхъ или гражданскихъ палатахъ, но даже въ университетахъ и богоугодныхъ заведеніяхъ, и хотя отличила спеціальные капиталы отъ общегосударственныхъ, но только на бумагѣ. Отсюда омертвѣніе хозяйства, къ ущербу казны разумѣется, но и въ погашеніе всякой предпріимчивости, всякаго преданія въ самихъ заведеніяхъ, достойныхъ быть признанными за юридическихъ лицъ, напримѣръ хотя бы въ университетахъ. Что такое университетъ теперь? Бюрократическое учрежденіе, такое же какъ губернское правленіе. Университетъ, напримѣръ, Московскій имѣетъ спеціальныя средства въ видѣ изданія, владѣетъ капиталомъ въ видѣ домовъ. Но вѣдь онъ есть только прикащикъ министерства по отношенію къ собственному имуществу!

Это общее замѣчаніе, на которомъ стоило бы подробнѣе остановиться, прилагается и къ духовно-учебному міру. Когда бы духовно-учебный капиталъ былъ раздѣленъ между епархіями или еще болѣе мелкими округами, когда бы правительство сказало „вотъ вамъ средства,“ благодаря вамъ же собранныя; вотъ зданіе, вашими предшественниками возведенное или доставшееся вамъ отъ нихъ въ наслѣдство; а затѣмъ заботьтесь о своихъ дѣтяхъ сами:—свобода оказала бы тогда свое благодѣтельное послѣдствіе, и тогда то вполнѣ законны и свято-справедливы были бы съѣзды духовенства, и притомъ именно даже безъ участія епархіальнаго начальства, которое тутъ ровно ни при чемъ. А у насъ на выворотъ, и притомъ съ путаницею правъ, самою не логическою. Мало того, что цѣли духовно-учебнаго воспитанія смѣшаны, и учебный курсъ имѣетъ видъ какого-то ублюдка, недоноска ни въ ту ни въ другую сторону, распоряженіе училищами имѣетъ такой видъ: администрація остается за центральнымъ управленіемъ, средства отчасти возложены на приходы, а право обложенія приходовъ предоставлено самостоятельно священству! Наоборотъ, есть заведенія, устроенныя исключительно на средства духовенства, безъ участія и казны и церквей: это—заведенія для дѣвицъ духовнаго званія. Тутъ, наоборотъ, мѣстное духовенство не имѣетъ ни малѣйшаго голоса, о своихъ то кровныхъ рубляхъ, тогда какъ распоряжается чужими рублями, настоящій хозяинъ которыхъ (приходъ) въ свою очередь лишенъ надъ ними голоса!!

Когда бы упомянутое различеніе цѣлей духовно-учебнаго воспитанія состоялось, и когда бы сообразно съ тѣмъ децентрализованы были капиталы, назначенные на пособіе духовенству къ воспитанію дѣтей, и духовенство объявлено было самостоятельнымъ ихъ распорядителемъ; тогда самый теперешній способъ нашелъ приложеніе, но безъ несправедливости, только возмущающей, раздражающей, вооружающей паству противъ пастырей. Напротивъ, вышло бы вотъ что. Приходы, оказавшіеся самостоятельными хозяевами своихъ средствъ, стали бы назначать сами, добровольно, пособіе на воспитаніе дѣтей, правда

не духовенства вообще, но своего излюбленнаго, многосемейнаго священника или діакона, помогать безъ всякихъ съѣздовъ, безъ всякаго содѣйствія баскаковъ, безъ всякаго раздраженія, напротивъ въ знаменіе и укрѣпленіе любви, связующей пасомыхъ съ пастырями.—Но чего нѣтъ, того нѣтъ, и пора подумать, чтобы зло взаимнаго раздраженія, какъ бы намѣренно воспитываемаго въ церкви, не разрослось далѣе и не образовало пропасти уже непроходимой. . .

Русскій языкъ въ католическомъ богослуженіи*).

Русское Всеобщее Агентство поправляетъ слухи, пущенные иностранною печатью, о какихъ-то чрезвычайныхъ уступкахъ, выговоренныхъ будто бы папскою куріею отъ русскаго двора. Никакихъ чрезвычайностей не предвидится, и папскаго нунція въ Петербургѣ не будетъ. Но есть нѣчто и новое: извѣстіе объ этомъ, кажется, достовѣрно. Русскій дворъ испрашиваетъ, говорятъ, у папы разрѣшенія употреблять въ католическомъ богослуженіи русскій языкъ, а папа, говорятъ, противится, представляя, что католики въ Россіи принадлежатъ польской національности. Вотъ удивительный размѣнъ ролей, замѣчательный qui pro quo! Можно было бы подумать даже, что извѣстіе перепутало имена, вложило возраженіе русскаго двора Льву XIII, а желаніе папы русскому двору. Но судя по направленію русской политики въ Западномъ краѣ, которое уже ознаменовалось на опытѣ, вѣримъ, что именно русское правительство добивается русскаго языка въ католическомъ богослуженіи, и именно папа противится, какъ противились, по крайней мѣрѣ, неблагопріятно смотрѣли на руссифированіе католическаго богослуженія въ Западномъ краѣ мѣстные прелаты. Въ сущности, папа долженъ бы горячо желать требуемой руссификаціи, и прелаты ей содѣйствовать. Введеніе русскаго языка

*) С И 8 января, № 7

въ костелы способно оказать Россіи политическую выгоду, содѣйствуя слiянію литвиновъ и бѣлоруссовъ католическаго исповѣданія съ коренными русскими и отнимая у нихъ одинъ изъ поводовъ ополячиваться. Но для папы, въ видахъ религіозной пропаганды, требуемое нововведеніе еще полезнѣе, и такъ какъ для него по настоящему должно быть все равно, къ какой національности принадлежатъ вѣрующіе въ него, то для него должно быть особенно дорого пріобрѣтеніе средства обращать къ своему стаду не только поляковъ, но и русскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, взвѣсимъ обстоятельства. Русскій, желающій перейти въ католичество, встрѣчаетъ на пути своемъ одно великое неудобство: помимо богослуженія на совершенно мертвомъ, непонятномъ языкѣ (такова ужъ общая доля всѣхъ католиковъ), ему и для молитвеннаго употребленія нечего найти, кромѣ книгъ на непонятныхъ же языкахъ, хотя живыхъ, но иностранныхъ. Чтобы быть католикомъ, ему нужно отречься вмѣстѣ отъ національности, переродиться въ поляка, француза, итальянца, нѣмца, англичанина, кого угодно, но иностранца. Поученіе духовнаго пастыря въ новой вѣрѣ, которую онъ приметъ, опять онъ услышать можетъ на иностранномъ же языкѣ. Съ переводомъ молитвенныхъ книгъ на русскій языкъ и со введеніемъ церковныхъ поученій на русскомъ же языкѣ, препятствіе устраняется: распространители папской вѣры могутъ разсчитывать на пріобщеніе лишнихъ овецъ къ своему стаду, уже не только русской или литовской, а коренной великорусской національности.

Предусматривается ли правительствомъ облегченіе, которое дается католической пропагандѣ введеніемъ русскаго языка въ католическое богослуженіе, этого мы не вѣдаемъ. Но не можемъ умолчать объ особенно благопріятномъ для нея обстоятельствѣ. Представимъ два храма, стоящіе рядомъ, католическій костелъ и православную церковь. Въ краѣ, для котораго испрашивается руссификація католическаго богослуженія, это и очень обыкновенно Представимъ, что правило, предполагаемое къ всеобщему введенію, уже дѣйствуетъ. Итакъ, посѣтитель костела имѣетъ въ рукахъ книжку съ молитвами на живомъ, родномъ,

понятномъ ему языкѣ; слышитъ поученіе на томъ же языкѣ; а рядомъ—богослуженіе славянское, пусть тоже родное, но мало понятное: молитвенниковъ не полагается, да если бы и взялъ книгу въ руки молящійся, та же предъ нимъ малопонятная славянская рѣчь. Поученіе, правда, можетъ быть преподано на живомъ языкѣ, но оно въ православныхъ храмахъ почти не въ употребленіи Куда позоветъ русскаго малообразованнаго человѣка скорѣе: въ костелъ ли съ его живою понятною рѣчью, или въ церковь съ ея церковно-славянскимъ языкомъ? А притомъ дѣленіе приходовъ и прихожанъ на православныхъ и католическихъ въ Западномъ краѣ далеко не рѣзко разграничено; напротивъ, весь край можно признать скорѣе колеблющимся. Масса темна; она не различаетъ богословскихъ тонкостей; она признаетъ своимъ исповѣданіе, за которымъ оффиціально числится: переходъ отгуда сюда и обратно, при теперешней непросвѣщенности народа, весь зависитъ отъ внѣшнихъ условій, ловкости ксендза, поведенія священника, настроенія политической власти въ краѣ, сравнительныхъ выгодъ матеріальныхъ, которыя обезпечиваются тамъ и здѣсь. Строго говоря, бѣлоруссъ-католикъ вовсе и не католикъ, его въ этомъ только увѣрили, и оффиціальною силою подкрѣпленное введеніе русскаго языка въ костелѣ только утвердитъ въ католичествѣ тѣхъ, кто въ немъ не твердъ, только создастъ правительственнымъ путемъ новый видъ исповѣданія, котораго пока у насъ не было. Многихъ ли оно предупредитъ отъ ополяченія, неизвѣстно.

Мы никакъ не хотимъ сказать, чтобы полезно было запрещать употребленіе русскаго языка въ костелахъ: достаточно его дозволить и достаточно требовать отъ папы, чтобы онъ предостерегалъ прелатовъ, которые, въ видахъ ополяченія своей (въ сущности фиктивной) паствы, принудительно требуютъ въ церквахъ исключительнаго употребленія польскихъ поученій и польскихъ молитвенниковъ. Мѣры противъ ополяченія могутъ быть успѣшнѣе ведены другимъ путемъ, тѣмъ самымъ, который одновременно способенъ противодѣйствовать самому католицизму въ его пропагандѣ,—путемъ училищнымъ. Учите здѣсь по русски,

внушайте здѣсь русское чувство, заставьте самого законоучителя ксендза разговаривать съ учениками не иначе какъ по русски. это будетъ вѣрнѣе русскихъ католическихъ молитвенниковъ. Если же употреблять и самое богослуженіе въ политическое оруде, не скажемъ руссификаціи, а предотвращенія отъ полонизма; то полезнѣе зайти со стороны не русскаго языка, а церковнославянскаго. Благословилъ же папа прошлымъ годомъ славянское богослуженіе. Почему его не поймать на словѣ? Славянское богослуженіе со славянскими молитвенниками, съ поученіями на русскомъ языкѣ,—представимъ себѣ такой порядокъ для католическихъ костеловъ отъ ополяченія бѣлорусскій или литовскій крестьянинъ будетъ столько же застрахованъ, а съ великорусскою народностью гораздо болѣе сближенъ, нежели русскими молитвенниками. Да и къ соединенію въ вѣрѣ останется всего одинъ шагъ.

Христіанскій соціализмъ*).

Къ удивленію и сожалѣнію, русская печать недостаточно обращаетъ вниманія на движеніе, возникшее въ Германіи подъ именемъ „христіанскаго соціализма,“ а въ связи его съ такъ называемомъ „антисемитическимъ“ движеніемъ, понимаетъ его даже превратно. Очень понятно. Печать наша питается по преимуществу листками либеральнаго и консервативнаго направленія, первыми въ особенности Но ни консерваторамъ, ни тѣмъ менѣе либераламъ, не можетъ быть по душѣ движеніе, возбужденное Штеккеромъ, по сущности своей радикальное. Радикалы же, представляемые соціалъ-демократіею, еще менѣе могутъ быть довольны выросшимъ изъ нихъ расколомъ. Если послушать, что говоритъ о христіанскомъ соціализмѣ пошлая, вседневная печать, движеніе, поднятое Штеккеромъ,—не болѣе какъ маневръ въ виду выборовъ. желаемый составъ будущаго парламента—вся альфа и омега этихъ сходокъ христіанскаго социа-

*) С И 13 января, № 12

лизма, этой новой агитаціи, поднимаемой среди германскихъ рабочихъ, и этихъ воодушевленныхъ рѣчей, произносимыхъ вождями движенія. Въ частности, противоеврейскому направленію, принятому христіанскимъ соціализмомъ, придается видъ „возбужденія къ средневѣковымъ страстямъ“. На дняхъ одинъ корреспондентъ, пишущій изъ Берлина, чтобы однимъ взмахомъ убить новую партію, нашелъ достаточнымъ указать лишь на то, что она идетъ противъ партіи прогрессистовъ; а чтобы читатели не усомнились, добросовѣстный корреспондентъ привелъ даже собственныя выраженія какого-то листка или какой-то рѣчи одного изъ дѣятелей новаго движенія.

Само собою разумѣется, что „христіанскій соціализмъ“ и „антиеврейское движеніе“ идутъ противъ прогрессистовъ, точно также какъ борются съ ними чистые радикалы, соціалъ-демократы. Въ этомъ вся сущность движенія, но этимъ еще ничего не говорится противъ него. Чтобы русскому читателю было понятнѣе, необходимо поставить вмѣсто „прогрессивный“ другое равнозначащее выраженіе „буржуазный,“ потому что партія прогрессистовъ въ Германіи собственно и есть буржуазная партія и притомъ въ своемъ крайнемъ проявленіи, партія, признающая верховенство капитала и презирающая народъ, живой трудъ и его права. Понятно, что чисто капиталистическая безусловно-буржуазная партія должна находить себѣ главныхъ представителей между евреями, равномѣрно понятно, что и всякій періодическій листокъ прогрессивнаго направленія въ Германіи издается непремѣнно на деньги капиталистовъ, изъ которыхъ главные суть евреи же. А затѣмъ естественно, что отъ этихъ листковъ всего менѣе можно ожидать безпристрастія, когда дѣло идетъ о евреяхъ.

Христіанскій соціализмъ или, какъ полнѣе называетъ онъ самъ себя, „христіанско-соціальная партія рабочихъ,“ затрогиваетъ міровой вопросъ первостепенной важности, точнѣе,—главнѣйшій вопросъ, движущій всею современною исторіею, и притомъ въ его самомъ существенномъ пунктѣ. Не религіозные, какъ встарь, не политическіе, какъ въ новѣйшія времена, а

соціальный вопросъ движетъ теперь исторіею, и ему подчинены и религіозные и политическіе, и имъ они опредѣляются ближайшимъ или отдаленнымъ образомъ,—вопросъ объ отношеніяхъ и сравнительныхъ правахъ собственности, капитала и труда. Еврейскій вопросъ съ одной стороны и рабочій вопросъ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, суть части его или моменты, выражаясь философскимъ языкомъ Стоятъ одно передъ другимъ. капитализмъ и—коммунизмъ, частная предпріимчивость съ laisser faire и всѣми его послѣдствіями, между прочимъ съ правомъ бѣдному умирать съ голода и—наоборотъ отрицаніе всякой частной собственности. То и другое въ крайнихъ своихъ выраженіяхъ одинаково упраздняютъ и вѣру и государство. Капиталъ—космополитъ по существу, а манчестерская школа возводитъ прямо даже въ догматъ, что государство не другое что и есть, какъ служебное орудіе, назначенное вспомоществовать частной иниціативѣ и капиталистическому производству. То же положеніе, но поставленное на противоположной точкѣ, выставляется Международною Ассоціацією рабочихъ, отстраняющею всѣ національныя и политическія различія и взывающею къ союзу рабочихъ безразлично всего свѣта, противъ капитала и, понятно, противъ государства или точнѣе—противъ государствъ Вѣра точно также вычеркивается изъ дѣятелей и въ томъ и другомъ лагерѣ. Въ одномъ—подъ кажущимся уваженіемъ къ личной свободѣ; она есть Privatsache, частное дѣло, какъ выражаются нѣмцы, общественнымъ отношеніямъ до нея нѣтъ дѣла; „государство—безбожно,“ опредѣлилъ Тьеръ, а въ Соединенныхъ Штатахъ преподаваніе закона Божія въ общественныхъ училищахъ даже воспрещено. Менѣе церемонится съ вѣрою противоположная партія; она не просто устраняетъ ее изъ вида, игнорируетъ, она объявляетъ ее врагомъ истинной цѣли человѣчества, тормазомъ блага. Чистый соціалистъ есть атеистъ непремѣнно, равно какъ злой врагъ существующихъ государственныхъ порядковъ вообще.

Среди этихъ-то противоположностей, въ сущности исходящихъ однако изъ того же основанія, пытается стать христіански-соціальная партія рабочихъ, предводимая Штеккеромъ Она

не отрицаетъ ни вѣры, ни государства. Напротивъ, первый пунктъ ея программы гласитъ: „мы стоимъ на почвѣ христіанской вѣры и на почвѣ любви къ королю и отечеству;“ и второй пунктъ: „мы отвергаемъ современную соціальную демократію, какъ не практическую, не христіанскую и не патріотическую“. Она не становится однако и на почву буржуазіи, патріотизмъ которой, а тѣмъ болѣе уваженіе къ религіи не болѣе какъ лицемѣріе. Четвертый пунктъ программы христіански-соціальной партіи рабочихъ провозглашаетъ, что она цѣлью своею поставляетъ уменьшить пропасть между богатымъ и бѣднымъ и установить экономическую обезпеченность“. Ея цѣли тѣ же, что у простого соціализма, но начала—евангельскія, а средства осуществленія—не революція, а реформы, не ниспроверженіе государствъ, а прогрессъ на преданныхъ исторіею основаніяхъ, политическихъ и религіозныхъ.

При чемъ же здѣсь антиеврейское направленіе? спроситъ читатель А притомъ, что современное еврейство и есть именно чистѣйшій выразитель одного изъ двухъ крайнихъ направленій, на которыя разложилось экономическое движеніе; еврейство есть именно воплощеніе космополитическаго капитализма. не смѣшивающаго себя ни съ чьею національностью, ни съ чьимъ государственнымъ устройствомъ, ни съ чьею вѣрою. Это есть капиталъ самъ въ себѣ, отрѣшенный отъ всякаго отечества и отъ всякой вѣры, кромѣ вѣры въ себя. Еврейство, противъ котораго борется христіанскій соціализмъ, берется не въ его религіозномъ или племенномъ, а въ его экономическомъ значеніи среди народовъ и государствъ міра и въ частности въ Германіи. Правда, и религія и племенная особенность евреевъ, какъ бы нарочно выдуманы для того, чтобы служить пособіемъ къ экономической міровой роли евреевъ, совершенно приноровлены къ ней, и не могутъ быть отвлечены при сужденіи о ней: но обвиненіе въ возбужденіи средневѣковаго фанатизма, накладываніе религіозныхъ красокъ на движеніе, имѣющее и исходнымъ и конечнымъ пунктомъ экономическое положеніе, есть умышленная клевета на Штеккера и его послѣдователей.

Основныя стихіи русскаго народа *).

Какъ часто вспоминается изреченіе покойнаго Хомякова Римъ осуществилъ начало воли, германскіе народы—разума; Россіи, со славянскими народами, предназначено осуществить начало любви! Напечатано ли гдѣ это изреченіе, мы не помнимъ; пусть въ немъ есть натяжка, доктринерство, подгонка подъ систему, не разъ мы лично препирались, что человѣчество не допускаетъ такихъ рѣзко очерченныхъ, логическихъ опредѣленій Но доля правды, и именно относительно Россіи, въ этомъ опредѣленіи есть. Прямо изъ непосредственнаго общиннаго, полусемейнаго быта принявшая христіанство, не знавшая науки въ раціоналистическомъ смыслѣ, нашедшая для опредѣленія своего противоположность себѣ въ татарахъ, Русская земля неизбѣжно должна была усвоить себѣ, въ видѣ высшаго нравственнаго идеала, именно христіанское начало любви. Остальныя полуязыческія доблести: сила, красота, мужество, могущество, не теряя своего значенія, которое все таки присуще всему человѣчеству,—должны были уступить первенство въ сознаніи началу братства, человѣколюбія, смиренія То, что есть наша дряблость, неустойчивость, неспособность справиться, уступчивость,—всѣ эти недостатки внутренняго управленія, всѣ пороки дипломатіи, получаютъ иное освѣщеніе, когда вникнешь, что русской природѣ противна методичность нѣмца, безчувственность англичанина, тщеславіе француза, скаредность и жадность всѣхъ ихъ вмѣстѣ.

Отъ практическаго примѣненія своихъ основныхъ качествъ къ своей общественной жизни народъ русскій въ большей части осужденъ вкушать очень горькіе матеріальные плоды: внѣшняя побѣда надъ міромъ дается уму и твердости. Но есть уголокъ, гдѣ тѣ же качества, невыгодныя при встрѣчѣ нашей съ Европой, доставляютъ намъ побѣду, съ которой и Европа соперничать не смѣетъ Это обстоятельство уже понято и оцѣнено, и именно тамъ, гдѣ готовится встрѣча двухъ міровъ, двухъ

*) С. И. 25 января, № 24.

складовъ нравственнаго воззрѣнія, въ лицѣ двухъ передовыхъ государствъ, обширнѣйшей монархіи материка и небывалой по могуществу имперіи морей. Съ тоскою безнадежности пророчатъ мыслящіе британцы наблюдатели, что будущая побѣда Россіи, будущее владычество ея надъ Азіею, обусловливается не силою оружія и не храбростью войскъ, не дисциплиной управленія и не соблазномъ торговли, а безпритязательностью, съ которою русскій признаетъ брата въ покоренномъ народѣ, тотчасъ по низложеніи его. Сейчасъ мы видимъ образецъ, и стоитъ о немъ упомянуть.

Не смотря на все дружеское расположеніе британскаго кабинета, на все успокоеніе, вливаемое въ англійскую публику печатью не только либеральною, но даже консервативною, побѣда генерала Скобелева произвела нѣкоторую тревогу, и при всей рѣшимости кабинета бросить Кандагаръ, мнѣніе лорда Непира о томъ, что надо удержать этотъ передовой постъ Остъ-индской имперіи, начинаетъ получать силу, склонять на свою сторону. Пусть, рѣшится ли такъ или иначе, для насъ, русскихъ, это совершенно безразлично. Даже безразлично, дойдетъ ли Скобелевъ до Мерва и возьметъ ли его. Побѣда нравственная одержана безпримѣрнымъ мужествомъ, предъ которымъ не могли не преклониться полуразбойники, не признающіе никакой доблести, кромѣ физической храбрости. Мы предсказывали, что ожидаемъ добровольной покорности туркменъ, что въ нихъ совершается или уже совершилось перерожденіе. Они охотно преклоняютъ голову предъ тѣмъ, кого ставятъ внутренно выше себя; это сознаніе превосходства они и выразили, какъ уже было въ свое время нами замѣчено, внезапнымъ явленіемъ рыцарской вѣжливости, совершенно необычной для разбойниковъ, въ глазахъ которыхъ именно искусство нападать въ расплохъ есть одна изъ добродѣтелей (всѣмъ ворамъ свойственное понятіе). Дѣйствительно, какъ сообщаютъ теперь, туркмены одинъ за другимъ и несутъ покорность, покорность передъ мужествомъ, передъ богатырствомъ Но полная побѣда, окончательное низложеніе еще впереди, и его предуказуетъ намъ нашъ

Красный Крестъ Краснорѣчива короткая телеграмма „Московскихъ Вѣдомостей“. Красный Крестъ поглощенъ заботливостью о женщинахъ и дѣтяхъ, оставленныхъ бѣжавшими туркменами Ихъ не мало: тысячи, десятки тысячъ. Какъ должна подѣйствовать эта заботливость на дикихъ степныхъ богатырей? Снисходительнаго къ себѣ онъ способенъ презирать; въ великодушіи онъ подозрѣваетъ боязнь, отсутствіе мужества Въ русскомъ этого недостатка, въ глазахъ дикарей презрительнаго, туркменъ во всякомъ случаѣ заподозрить не смѣетъ, да и не заподозриваетъ Но когда онъ, кромѣ того, видитъ, что тотъ же сказочный богатырь, побѣждающій сотнями тысячи, вмѣсто упоенія своею побѣдою, вмѣсто грабежа и проявленія силы надъ женщинами и дѣтьми, находящимися въ его власти, не только не грабитъ, не насилуетъ, не тѣшится убійствомъ, но сердобольствуетъ надъ оставленными семьями, какъ бы надъ собственными: воображеніе должно быть окончательно поражено. Сильному побѣжденному врагу оказывать снисхожденіе можно, по понятію дикаря, хоть изъ уваженія къ силѣ, если не изъ боязни. Но оказывать уваженіе къ тому, что и сопротивляться не въ силахъ, что само дано въ руки какъ добыча (а рабство есть законъ и доблесть для туркмена); лелѣять немощное именно потому, что оно немощно; богатырь, превратившійся въ няньку и кормилицу: это превосходитъ всѣ уразумѣвательныя силы туркмена. Именно, вотъ это-то начало любви, о которомъ говорилъ Хомяковъ, несомнѣнно и заслышано теперь нашими врагами, и оно должно довершить нравственную побѣду, чрезъ собственныя чувства бывшихъ бойцовъ-враговъ и чрезъ посредство женскихъ и дѣтскихъ сердецъ А женскія и дѣтскія сердца, это—воспитаніе племени, это его будущее Въ виду этого, немного грубоватыми и порядочно близорукими кажутся всѣ эти, повидимому, столь умные разсчеты, умными британцами подкладываемые къ вопросу: занимать Кандагаръ или бросить его? Не все ли равно это, и даже не забавно ли?

Дѣлопроизводство въ св. синодѣ*).

„Церковно-Общественный Вѣстникъ" далъ замѣчательную статью, обрисовывающую ходъ дѣлопроизводства въ святѣйшемъ синодѣ, точнѣе сказать—въ синодальной канцеляріи, которая впрочемъ и составляетъ одну изъ главныхъ двигательныхъ силъ высшаго духовнаго учрежденія, рядомъ съ другою такою же силою въ лицѣ канцеляріи оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Хозяйственнаго управленія и духовно-учебнаго комитета мы уже не считаемъ, хотя часть и ихъ дѣлъ поступаетъ на санкцію къ присутствію святѣйшаго синода. Но синодальная канцелярія есть органъ синода по преимуществу; онато и вѣдаетъ въ тѣсномъ смыслѣ духовныя, то есть церковныя дѣла. „Вотъ что значитъ бюрократизмъ!" восклицаетъ въ заключеніе авторъ статьи и продолжаетъ:

Исписываются цѣлыя горы бумаги, исчерпываются цѣлыя бочки чернилъ, затрачивается не мало времени на не имѣющую смысла работу, и исправители дѣлъ охаютъ и жалуются, что они завалены дѣломъ по горло, что некогда даже прочитать газету и т. д.

21 инстанцію проходитъ бумага въ одной канцеляріи, попеременно то спускаясь къ низу, то поднимаясь къ верху, и безъ всякаго живого отношенія къ дѣлу, не говоря уже о неизбѣжной проволочкѣ. Существуютъ такія дѣла, что канцелярія вовсе не считала нужнымъ даже пускать ихъ къ докладу, что и совершала безнаказанно; точно также случалось, что доложенные и подписанные присутствіемъ протоколы оставлялись безъ исполненія, и опять, разумѣется, безнаказанно. Такихъ дѣлъ, какъ увѣряетъ авторъ, осталось послѣ бывшаго оберъ-прокурора болѣе 50.

Все это необыкновенно вѣрно и прибавимъ—не только вполнѣ естественно, но даже неизбѣжно. Можно безъ преувеличенія сказать, что члены святѣйшаго синода собираются почти единственно для подписи того, что имъ предложатъ, рѣшивъ безъ нихъ въ канцелярской лабораторіи. Смѣло можно

*) С. И. 31 января, № 30.

сказать: еще нѣтъ другого учрежденія во всей имперіи, гдѣ бы царилъ съ такою силою приказный элементъ. И очень понятно: еще нѣтъ другого учрежденія, гдѣ бы смѣшаны были, оставаясь однако обѣ въ дѣйствіи, одна другую исключающія повидимому системы, коллегіальная и бюрократическая. По регламенту, синодъ быть и есть учрежденіе коллегіальное, устроенное на подобіе департаментовъ стараго сената, съ оберъ-прокуроромъ, оберъ-секретарями и секретарями Извѣстно, что этой системой, даже въ чистомъ ея видѣ, присутствіе поставляемо было въ зависимость отъ канцелярій, а дѣла подвергались проволочкѣ; въ видахъ противодѣйствія тому и другому злу, коллегіи замѣнены были у насъ (кромѣ сената собственно) министерствами; и введенъ такъ называемый бюрократическій порядокъ. Оберъ-прокуроръ синода, покойный графъ Протасовъ, пожелалъ привить и къ синоду тотъ же порядокъ, но вмѣстѣ оставилъ и старый коллегіальный. Такимъ образомъ въ синодальной канцеляріи, при оберъ-секретаряхъ и секретаряхъ, оказались еще директоръ и вице-директоръ, какъ въ департаментахъ, да кромѣ того и оберъ-прокуроръ получилъ особенную канцелярію, съ директоромъ, вице-директоромъ, начальниками отдѣленій и т. д Легко можно понять, къ чему должно было привести это помноженіе приказнаго начала на само себя!

Идетъ слухъ, что механизмъ синодальнаго управленія, этого канцеляризма въ квадратѣ, будетъ пересмотрѣнъ и вѣроятно преобразованъ Въ добрый часъ! Какой бы порядокъ ни былъ изобрѣтенъ на мѣсто теперешняго и сколько бы упрощеній ни было введено, прежде всего, думаемъ мы, слѣдовало бы облегчить машину отъ излишняго груза. Присутствіе святѣйшаго синода лишено возможности оказывать подобающее ему вліяніе на рѣшеніе дѣлъ не только въ силу порядка, усвоеннаго закономъ синодальному дѣлопроизводству, но и по множеству дѣлъ. Любопытенъ съ этой точки зрѣнія разсчетъ, дѣлаемый „Церковно-Общественнымъ Вѣстникомъ“. Въ синодальную канцелярію поступаетъ ежегодно до 8,000 бумагъ, а всѣхъ засѣданій синода въ году не болѣе 60, 8,000 раздѣ-

ленныя на 60 дають 133. Слѣдовательно 133 дѣла на каждое засѣданіе! Да развѣ есть физическая возможность заслушать и рѣшить дѣла не только въ одно засѣданіе, но даже въ цѣлую недѣлю при еженедневныхъ засѣданіяхъ? Стало быть не только большинство, но почти всѣ дѣла неизбѣжно должны вершиться внѣ самаго синода, чиновниками, болѣе крупными или болѣе мелкими, смотря по роду дѣлъ. Но тогда зачѣмъ же эта мистификація? И почему секретарь синода или даже столоначальникъ признается болѣе свѣдущимъ и правоспособнымъ лицомъ къ рѣшенію духовныхъ дѣлъ, нежели напримѣръ епархіальный архіерей? А вѣроятно еще, множество дѣлъ есть и такихъ, которыя вовсе безъ нужды ходятъ вообще на разрѣшеніе высшей духовной власти, но которымъ вѣроятно разъ навсегда составлены стереотипныя резолюціи, съ буквальнымъ тожествомъ накладываемыя каждый разъ на подходящій случай. Для такихъ случаевъ зачѣмъ вообще разрѣшеніе? Отъ цѣлой обузы вовсе ненужныхъ дѣлъ освободился бы, мы полагаемъ, святѣйшій синодъ, если бы взглянули на его дѣлопроизводство съ этой точки зрѣнія. И прежде чѣмъ приступать къ преобразованію механизма, слѣдовало бы начать именно съ этого его облегченія, задать вопросъ. „да какія дѣла стоятъ еще синодальнаго разсмотрѣнія?“ Правильнымъ рѣшеніемъ вопроса будетъ сдѣлана ужъ половина дѣла.

О правахъ приходовъ*).

Ходатайство о возобновленіи правъ прихода, предположенное здѣшнимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ, опротестовано губернаторомъ. Значеніе протеста, если онъ даже будетъ уваженъ, остается чисто формальнымъ; администрація не предрѣшаетъ вопроса по существу; равно и сенатъ, которому пой-

*) С. И. 4 февраля, № 34

детъ протестъ вмѣстѣ съ мнѣніемъ собранія, будетъ рѣшать лишь вопросъ о томъ, не превысило ли земство своихъ полномочій, когда возбуждало вопросъ объ устройствѣ приходовъ. Высшее правительство, во всякомъ случаѣ, не оставлено въ безызвѣстности, что по крайней мѣрѣ одно изъ земствъ находитъ полезнымъ, справедливымъ и благовременнымъ, чтобы за приходами признано было право юридическихъ лицъ. Для существа дѣла, поэтому, безразлично, будетъ ли уваженъ протестъ или дано будетъ законное движеніе ходатайству Ничто не препятствуетъ законодательной власти рѣшить вопросъ въ благопріятномъ ходатайству смыслѣ, по собственному почину и на основаніи государственныхъ соображеній

Почему бы и не дать приходамъ право, о которомъ ходатайствуютъ? Возраженія слышатся оттуда, откуда повидимому всего менѣе можно было бы ихъ ожидать,—отъ духовенства, и притомъ не отъ высшаго, что было бы еще понятно, такъ какъ ходатайствуется о нѣкоторомъ ограниченіи его правъ, а именно отъ приходскаго. Горячее возраженіе противъ земскаго ходатайства прочитано было въ здѣшнемъ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія священникомъ Палимпсестовымъ и подобное же напечатано „Церковнымъ Вѣстникомъ,“ тоже вѣроятно принадлежащее кому нибудь изъ приходскаго духовенства

Мы не будемъ приводить возраженій ни опровергать ихъ. Выразимъ только удивленіе на ихъ безтактность и на непониманіе гг. возражающими своихъ выгодъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ высшія соображенія, снизойдемъ на единственно понятную для оо. защитниковъ statu quo прихода, коммерческую точку зрѣнія Гдѣ священникъ и вообще причтъ будетъ независимѣе, тамъ ли, гдѣ за нимъ стоитъ приходъ, или тамъ, гдѣ онъ находится въ положеніи чиновника, надъ которымъ виситъ вѣчнымъ Дамокловымъ мечомъ 3-й пунктъ? И при какихъ условіяхъ найдетъ себѣ причтъ болѣе прочное обезпеченіе, тамъ ли, гдѣ церковь, то есть приходъ, есть полный, самостоятельный обладатель своего имущества, и гдѣ возможны предварительные договоры

причта съ приходомъ о своемъ содержаніи, или тамъ, гдѣ онъ стоитъ въ зависимости отъ добровольныхъ подаяній? А съ предоставленіемъ приходу права избирать причтъ неизбѣжно связано и право договора о содержаніи причта. Это само собою понятно.

Нельзя не подивиться этой малопонятливости, а отсюда и той горячности, съ какою отстаивается statu quo именно тѣми, кто отъ него страдаетъ болѣе всѣхъ Но еще удивительнѣе, какъ мы сказали, безтактность, свидѣтельствующая, что духовенство, по крайней мѣрѣ возражающіе, потеряли вѣру въ свое призваніе. Одинъ находитъ нежелательнымъ явленіе, что „священникъ будетъ стѣсненъ и ограниченъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ есть предстоятель“; другой опасается, что священники будутъ выбираться за ведро вина. Слѣдовательно о Палимпсестовъ воображаетъ, что требуютъ выборовъ, безусловно обязательныхъ для епископа, и слѣдовательно обнаруживаетъ незнакомство съ элементарнымъ правиломъ, что выборъ дѣйствителенъ можетъ быть только при согласіи епископа. А другой обнаруживаетъ, что паства, по его мнѣнію, должна состоять въ крѣпостныхъ отношеніяхъ къ пастырю! Если это про себя думается, то высказываться въ этомъ смыслѣ не дозволяло бы по крайней мѣрѣ хотя приличіе. Еще немного, и мы дождемся пожалуй, что какой нибудь изъ іереевъ признаетъ тѣ же крѣпостныя отношенія и въ таинствѣ исповѣди. Идти на духъ именно къ тому, а не къ другому, не принуждаютъ же: а поставленіе священника въ приходъ не то же ли, что приставленіе обязательнаго духовника? И неужто такъ за чарку вина прихожане и будутъ избирать себѣ духовника, по пословицѣ—„кто ни попъ, тотъ и батька?“ Не лестную вообще аттестацію своему званію даютъ гг. возражатели!

О поставленіи священниковъ*)

Во вчерашнемъ нумерѣ газеты „Востокъ“ мы прочли выдержку изъ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“. Кіевская газета разсуждаетъ о самоправности приходовъ, за которую ходатайствовало московское земство; видитъ въ предполагаемой самоправности изобрѣтеніе славянофиловъ, приравниваетъ ее къ парижской коммунѣ и т д. Не имѣемъ подъ руками этого оффиціальнаго органа кіевской епархіи; „Востокъ“ говоритъ, и вѣроятно не безъ основанія, что статья, изъ которой предложена выдержка, писана лицомъ бѣлаго духовенства. Съ удивленіемъ останавливаемся передъ этимъ авторомъ изъ бѣлаго духовенства: гдѣ же онъ и чему учился? Что онъ понимаетъ послѣ того въ коммунѣ, и что въ учрежденіи, о которомъ говоритъ девятый членъ символа вѣры?

Недоумѣнія, высказываемыя кіевскимъ мыслителемъ о порядкѣ избранія пастырей, за возстановленіе котораго ходатайствуетъ земство, по истинѣ удивительны. Приходамъ, разсуждаетъ онъ, будетъ предоставлено право представлять кандидатовъ во священство· обязанъ ли будетъ архіерей утверждать избраніе? Если нѣтъ, то положеніе нисколько не измѣнится; останется то же, что и теперь, потому что и теперь допускаются заручныя записи въ смыслѣ ходатайства прихожанъ. Если же архіерей обязанъ будетъ подписывать всегда „согласенъ“, и голосу прихода будетъ дано рѣшающее значеніе, тогда... тогда-то приходы обратятся, по мнѣнію автора, въ коммуны. И такъ, авторъ, принадлежащій къ бѣлому духовенству, слѣдовательно, предполагается, чему-нибудь учившійся, не знаетъ даже того, что для поставленія во священство требуется во всякомъ случаѣ *обоюдное* согласіе и рукополагающаго епископа, и паствы, къ которой онъ ставится. Если авторъ—іерей, въ чемъ мы не сомнѣваемся, или даже хоть діаконъ, онъ забылъ, стало быть, даже свое посвященіе, что и его рукоположили не прежде, какъ обратившись къ народу съ требованіемъ „повелѣнія“, на

*) С И. 15 февраля, № 46.

ряду съ „повелѣніемъ“ же архіерейскимъ; что отъ народа, а вмѣстѣ и отъ клира, требовалось одобреніе, выражаемое греческимъ аксіосъ (достоинъ)! Этого онъ ничего не знаетъ; это онъ все забылъ; во всемъ порядкѣ своего рукоположенія онъ усмотрѣлъ пустую церемонію, праздное препровожденіе времени. Это хорошо, характерно по крайней мѣрѣ.

Вмѣсто того чтобы отправляться за сравненіемъ къ парижской коммунѣ, мы просимъ автора обратиться къ опыту, и притомъ русскому, который безъ сомнѣнія бывалъ не разъ и который можетъ случаться ежечасно. Представимъ себѣ, что архіерей ставитъ священника и посылаетъ его въ приходъ, а приходъ его не принимаетъ. Бываетъ это? Авторъ можетъ быть не слыхалъ о такихъ случаяхъ, но они бываютъ. Надѣемся, не станетъ онъ спорить въ томъ по крайней мѣрѣ, что такой случай *можетъ* произойти. Итакъ, вообразите, авторъ, вы же и отецъ іерей, что присланнаго священника приходъ не принимаетъ; въ церковь ходить перестали, на духъ не идутъ, на требы не зовутъ. Мало того, коли на то пошло, прихожане и крестятъ ребятъ у какой-нибудь бабы, и вѣнчать молодыхъ людей перестали, и хоронятъ своихъ умершихъ гдѣ-то на особомъ кладбищѣ. Какъ вы назовете такой случай? По нашему, это есть расколъ. Вѣроятно и по вашему также, и вы отвѣтите, что священникъ обязанъ въ такихъ случаяхъ донести благочинному, благочинный консисторіи, нарядятъ слѣдствіе, коекого сошлютъ на поселеніе, можетъ быть и на каторгу, а нѣкоторыхъ и принудятъ возвратиться „въ лоно церкви“ какъ выражаются въ казенныхъ бумагахъ; то есть страхомъ наказаній, истязаніями принудятъ ходить въ церковь, звать на требы и, главное, платить за нихъ; то есть лицемѣрно, противъ совѣсти исполнять *наружныя* обязанности прихожанина. Не будемъ напоминать автору о томъ, что существуютъ секты, которыя догадались согласить эти наружныя дѣйствія, исполняемыя „страха ради іудейскаго“, какъ они выражаются, съ своими внутренними вѣрованіями: оставляютъ деньги на столѣ, не присутствуя при посѣщеніи домовъ причтомъ со святынею, „очи-

щаютъ“ домъ послѣ всякаго посѣщенія духовныхъ лицъ, перекрещиваютъ послѣ крещенія отъ іерея; „переправляютъ“ послѣ исповѣди. Но мы просимъ вдуматься въ вопросъ: съ котораго однако момента и въ силу чего образуется въ данномъ случаѣ расколъ?—Именно съ того момента, какъ данъ неугодный пастырь и въ силу того самаго, что онъ данъ насильно. Кто присвояетъ епископу власть ставить пастырей противъ желанія паствы, тотъ утверждаетъ расколъ, признаетъ его за должное, естественное, присущее церкви явленіе, то есть церковь саму въ себѣ. Поймите это, о іерей, или кто бы вы ни были, лицо изъ бѣлаго духовенства, забывшее процедуру собственнаго рукоположенія, забывшее даже и катихизисъ, который пожалуй еще сами и преподаете другимъ.

И въ настоящемъ, на Руси употребляемомъ, хотя и неправильномъ, порядкѣ поставленія членовъ клира,—даже въ этомъ порядкѣ подразумѣвательно признано однако именно то самое, о полномъ и ясномъ возстановленіи чего ходатайствуетъ московское земство и въ чемъ усматриваетъ кіевскій іерей зачатки парижской коммуны. И въ настоящее время ни одинъ же архіерей на всей св. Руси не рѣшится оставить пастыря, упорно и явно отвергаемаго паствою Въ настоящее время, молчаніе паствы, то-есть отсутствіе протеста, принимается за согласіе: стало быть согласіе все-таки предполагается, признается необходимымъ; да и не можетъ не признаваться безъ разрушенія самаго понятія о церкви и самой церкви, безъ превращенія ея въ какое-то другое учрежденіе, только не церковь. Московское же земство только о томъ и ходатайствуетъ, чтобы право подразумѣваемое, обращено было законодательною властью въ дѣйствительное, конкретное, чтобы кромѣ явнаго раскола или жалобы въ консисторію, узаконена была и болѣе мирная форма отказа отъ нелюбимаго и неуважаемаго пастыря; чтобы возстановлено было признанное въ сущности, но только лишенное законнаго органа, право представлять епископу кандидата и право отказываться отъ предлагаемаго архіереемъ кандидата, чтобы аксіосъ, которое провозглашаютъ теперь только при самомъ

рукоположеніи, имѣло возможность сказываться до рукоположенія и во всякомъ случаѣ было выраженіемъ искренняго, а не лицемѣрнаго согласія, истиннымъ чувствомъ, а не машинальнымъ звукомъ. Вотъ и все.

Можетъ быть о. іерею будетъ понятнѣе приказный языкъ, и удовлетворительнѣе будетъ для него, если мы будемъ объяснять затруднительный для него вопросъ не правилами христіанства, а формами дѣлопроизводства. Снисходимъ. Назначеніе въ члены причта, если уважать ходатайство московскаго земства, будетъ начинаться не донесеніемъ благочиннаго консисторіи объ открывшейся вакансіи и прошеніями къ архіерею отъ ищущихъ мѣста, послѣ чего, какъ снѣгъ на голову, налетаетъ на паству невѣдомый, а можетъ быть и неугодный пастырь; а какъ говорилось въ инструкціи митрополита Платона—сознаніемъ прихожанъ. Подумаютъ прихожане и выберутъ; представятъ; архіерей можетъ быть не согласится, представитъ своего; прихожане можетъ быть тоже не согласятся. Но предполагается любовное совѣщаніе и взаимныя убѣжденія со взаимною снисходительностью, которыя должны же кончиться соглашеніемъ, если не предполагать раскола, какъ оканчиваются соглашеніемъ семейныя недоразумѣнія, разногласіе дѣтей съ родителями. Кажется указанный порядокъ не напоминаетъ коммуны; и если уже кіевскому іерею нравится сравненіе съ политическими учрежденіями, то пусть онъ приравниваетъ желаемый московскимъ земствомъ порядокъ къ отношеніямъ между нижнею и верхнею палатами въ Англіи, или еще ближе—къ взаимнымъ отношеніямъ между собою присяжныхъ въ ассизахъ, въ той же Англіи.

Два разъясненія въ заключеніе.

Есть случай единственный, когда поставленіе пастыря оставляется на единоличное усмотрѣніе епископа, чаще всего впрочемъ и въ этомъ случаѣ—на усмотрѣніе его въ согласіи съ клиромъ· поставленіе пастырей новопросвѣщенной паствѣ, какъ апостолъ поставилъ Тита и Тимоѳея. Теперь практикуемый въ Россіи порядокъ въ сущности и есть признаніе русскаго народа въ состояніи новопросвѣщеннаго, то-есть только

что выпедшаго изъ состоянія оглашенныхъ, не опознавшагося въ христіанской жизни. На дѣлѣ впрочемъ, по правдѣ сказать, большинство русской паствы даже не дошло и до степени оглашенныхъ, то есть вовсе не наставлено въ истинахъ христіанства, насколько подобаетъ церкви. И это паствѣ же ставятъ въ вину! Въ той же непросвѣщенности ея указываютъ основаніе, почему нельзя ей предоставить выборъ пастырей! А чье было дѣло приготовить паству, „огласить“ ее, ввести въ познаніе христіанства? Сотни лѣтъ идутъ, и пастыри остаются внѣшними приставниками!

„Внѣшними приставниками“ сказали мы, и вотъ вамъ разъясненіе второе. Возражаете вы, лица бѣлаго духовенства, противъ самоправности приходовъ, исходя изъ понятія, хотя прямо вами не выражаемаго и, можетъ быть, ясно даже не сознаваемаго, но тѣмъ не менѣе крѣпко усвоеннаго и свидѣтельствуемаго всѣмъ вашимъ поведеніемъ,—изъ понятія, что вы не болѣе какъ чиновники,—духовные становые, нагляднѣе сказать. Оставайтесь пожалуй при этомъ мнѣніи, но вотъ чего вы не доглядываете Становые пристава, какъ и слѣдователи, неизбѣжны, хотятъ или не хотятъ, не только ихъ лично, но вообще становыхъ или слѣдователей, тѣ, къ кому они приставлены. А священниковъ назначаютъ потому, что ихъ желаютъ тѣ сами, къ кому ихъ ставятъ; а желаютъ потому, что вѣруютъ, и одни вѣруютъ въ одно, другіе въ другое. Къ магометанамъ справедливо ли ставить православнаго священника? Едва ли и кіевскій авторъ рѣшится на утвердительный отвѣтъ. А къ лютеранамъ? А къ католикамъ? Почему же справедливо будетъ приставить православнаго пастыря къ раскольникамъ, которые не признаютъ вообще священства и слѣдовательно вовсе не находятъ нужнымъ священника? А слѣдовательно гдѣ справедливость приставлять насильно священника и къ такимъ, которые хотя не отрицаютъ священства вообще, но отвергаютъ священника лично? Для чего нужно производить искусственный, пусть и затаенный расколъ, когда не только должно, но и можно сохранить миръ и полное единодушное общеніе?

Изгнаніе іезуитовъ изъ Франціи*).

Возвращаемся къ удивительному извѣстію, переданному со словъ г. Молчанова, корреспондента „Новаго Времени". Повторимъ его сущность. Іезуиты изгнаны изъ Франціи. Стоило это республиканскому правительству горячей борьбы, но законъ принятъ; точнѣе сказать—утвержденъ въ своей забытой силѣ, іезуиты изгнаны Въ числѣ іезуитовъ оказались два наши бывшіе соотечественника, князь Гагаринъ и о. Мартыновъ, людямъ свѣдущимъ извѣстные по своимъ брошюрамъ не просто ультрамонтантскаго, но и антипатріотическаго характера; о. Мартыновъ между прочимъ извѣстенъ русскимъ читателямъ по блестящему отвѣту, который преподнесенъ ему покойнымъ Ю Ѳ Самаринымъ въ видѣ цѣлой книги, подъ заглавіемъ: *Іезуиты*. О. Мартынова пожалуй можно даже благодарить за то, что именно имъ вызвано въ русской литературѣ капитальное сочиненіе объ іезуитахъ, которому по глубинѣ, остроумію, основательности не представляетъ подобнаго никакое другое О. Мартыновъ положенъ былъ въ лоскъ и замолчалъ; послѣднее впрочемъ обыкновенная уловка ордена Лойолы,—притворяться не замѣчающими, когда обличенія попадаютъ имъ такъ прямо въ цѣль, что отвѣчать нечего. Тѣмъ не менѣе, и о. Мартыновъ, и о Гагаринъ—бѣглецы изъ Россіи, которымъ въѣздъ въ отечество загражденъ. И что же? Русскій посолъ въ Парижѣ, какъ увѣряетъ г. Молчановъ, далъ этимъ бѣглецамъ пріютъ, и притомъ гдѣ же? Въ столицѣ Франціи или вообще въ Франціи. По истинѣ, невѣроятно. Разберемъ этотъ случай

Русскій посолъ выдаетъ паспорты.

Кому онъ выдаетъ? Русскимъ подданнымъ? Какъ, развѣ имъ возвращено подданство, и въѣздъ въ Россію имъ разрѣшенъ? Трудно вѣрится, чтобы, при общемъ запрещеніи въѣзда іезуитамъ въ Россію, таковое право дано именно русскимъ отщепенцамъ, одушевленнымъ враждою къ вѣрѣ своихъ отцовъ,

*) С. И 1 мая, № 118.

фанатическимъ пропагандистамъ. Мы этого не допускаемъ, а потому, если извѣстіе г. Молчанова справедливо, то князь Орловъ возвратилъ права русскаго подданства, а съ ними и всѣ гражданскія права въ Россіи русскимъ бѣглецамъ своею властью, помимо высшаго правительства. Но тогда онъ превысилъ свою власть, и во всякомъ случаѣ сомнительно, чтобы паспортъ, выданный княземъ Орловымъ, отворилъ двумъ ренегатамъ дверь въ бывшее отечество Онъ не отворилъ и не отворитъ, слѣдовательно паспорты выданы не подлинные, не настоящіе... какъ бы это выразиться поприличнѣе? Выданы на имя русскихъ подданныхъ, которые не суть русскіе подданные, выданы на имя князя Гагарина и господина Мартынова, когда получатели не князь и не господинъ, а отецъ Гагаринъ Общества Іисуса, и отецъ Мартыновъ того же Общества Положимъ это оо. іезуитамъ зачастую, это имъ въ привычку; всякая ложь, всякій подлогъ ими не считается ни за грѣхъ, ни за худо, но какимъ образомъ русскій посолъ присоединился къ іезуитскому катихизису и скрѣпилъ его подписью своей руки, выразилъ, слѣдовательно, этимъ, что и русское правительство держится тѣхъ же іезуитскихъ правилъ, имъ сочувствуетъ и ихъ прикрываетъ,—это непостижимо.

Но здѣсь еще есть сторона, которая придаетъ паспортамъ о. Гагарина и о. Мартынова новое освѣщеніе. Оба отца прибѣгаютъ къ русскому посольству за паспортами, потому что французскій законъ гонитъ ихъ изъ Франціи; а гонитъ ихъ законъ изъ Франціи за то, что они іезуиты. Русскому посольству не можетъ быть неизвѣстенъ этотъ законъ, не можетъ быть неизвѣстна причина, почему оо. ренегаты обратились къ нему за паспортомъ, тѣмъ менѣе неизвѣстно для него то, что просящіе паспорта суть іезуиты. Да это извѣстно и всему свѣту, извѣстно по самымъ ихъ сочиненіямъ, по всей ихъ исторіи, да и сами они конечно этого не скрываютъ. Или можетъ быть они дали въ посольствѣ росписку, что они не іезуиты? что они только князь Гагаринъ и господинъ Мартыновъ, что они отреклись отъ своего ордена и отъ папы? Конечно отъ

іезуита можетъ все статься. Но не предполагаемъ крайности простодушія въ русскомъ посольствѣ, а и того менѣе во французскомъ правительствѣ. Для французскаго правительства, по крайней мѣрѣ, ясно, что русскій посолъ принялъ подъ свое покровительство двухъ лицъ, которыхъ изгоняетъ изъ Франціи французскій законъ, и что для дѣйствительности покровительства выданы подложные паспорты: въ глазахъ французскаго правительства они и не могутъ имѣть другого значенія, кромѣ подложныхъ. Въ какой мѣрѣ согласно такое дѣйствіе съ дружескими отношеніями Россіи къ Франціи, мы не беремся судить. Дѣйствіе русскаго посла почти равнозначительно тому, какъ если бы французскій посолъ въ Петербургѣ выдалъ паспортъ на прожитіе въ Россіи кому-нибудь изъ французскихъ коммунаровъ, выгнанному изъ Франціи, но который пріютился въ Россіи, чтобы руководствовать русскихъ нигилистовъ. Французскій посолъ имѣлъ бы еще болѣе благовидное основаніе въ томъ, по крайней мѣрѣ, смыслѣ, что французскіе коммунары не принадлежатъ къ какой-нибудь корпораціи, изгнанной законами изъ Россіи; для Россіи французскій коммунаръ, прежде чѣмъ онъ объявилъ себя дѣйствіями, есть просто французъ; тогда какъ для Франціи Гагаринъ и Мартыновъ суть не просто русскіе, а русскіе іезуиты, корпорація, прямо изгнанная законами.

Покровительство Гагарину и Мартынову не есть ли отместка за Гартмана?—Но въ отказѣ выдать Гартмана соблюдены были всѣ формы законности, чего о выдачѣ паспортовъ, завѣдомо скрывающихъ званіе паспортодержателей, никакъ нельзя утверждать. Да и достойно ли могущественнаго правительства столь мелочное мщеніе, и предписывается ли правилами политическаго благоразумія вливать безъ всякой дальнѣйшей цѣли каплю яда въ дружескія отношенія, ничѣмъ серіознымъ не возмущенныя?

Или пожелалъ русскій посолъ, а чего добраго—даже русское министерство иностранныхъ дѣлъ, устроить „демонстрацію“ выдачею паспортовъ двумъ завѣдомымъ іезуитамъ,—дать понять французскому правительству, что Россія не одобряетъ похода

республиканской Франціи противъ іезуитовъ, а кстати косвеннымъ образомъ и заискать предъ римскою куріею? Чего добраго! Вѣдь толкуютъ же, что мы наканунѣ чуть-чуть не конкордата съ нунціемъ въ С.-Петербургѣ Конечно, наше министерство иностранныхъ дѣлъ ко всему насъ пріучило· послѣ Берлинскаго тракта, послѣ поступка съ Ширъ-Али мы можемъ ожидать всего. Но.. но раздражать дружественную державу непріязненнымъ вмѣшательствомъ въ ея внутренія дѣла, да еще изъ угодливости къ римскому папѣ и ордену іезуитовъ.... это превосходитъ всякую мѣру вмѣстимости.

Прошеніе, поданное старообрядцами сенатору Ковалевскому *)

Старообрядцы, пріемлющіе священство, подали въ Казани сенатору Ковалевскому прошеніе, въ которомъ ходатайствуютъ оградить ихъ отъ стѣсненій. Въ сущности они просятъ немногаго; чтобы имъ позволено было имѣть молитвенные дома; чтобы въ документахъ, къ которымъ они подписываются, не употреблялось наименованія „раскольникъ“, оскорбляющаго ихъ совѣсть, и чтобы узаконеніемъ, признающимъ ихъ браки, дозволено было пользоваться всѣмъ, „съ давнихъ лѣтъ состоящимъ старообрядцами“. Всего любопытнѣе въ ихъ просьбѣ именно послѣдній пунктъ, изъ котораго оказывается, что право признать или не признать кого-либо старообрядцемъ зависитъ отъ православнаго духовенства, или точнѣе сказать, отъ того обстоятельства, значится или не значится такой-то въ записяхъ духовенства, кто значится въ записяхъ православныхъ, тотъ не имѣетъ права на дарованную закономъ льготу. Православіе или неправославіе познается не по тому, чему кто вѣруетъ или не вѣруетъ, а кто, гдѣ и какимъ записанъ. Быть православнымъ значитъ числиться православнымъ, а не наоборотъ

*) С И 3 мая, № 120

Слѣдовательно понятно, что право пользоваться льготами, предоставленными старообрядцамъ, и даже самое право именоваться старообрядцемъ поставлено въ зависимость отъ духовенства, или точнѣе отъ почерка пера. Старообрядецъ, слѣдовательно, долженъ доказывать, что онъ старообрядецъ, опровергать именованіе его православнымъ. Не есть ли это совершенное извращеніе отношеній, соединенное притомъ съ профанаціей такого святого дѣла, какъ исповѣданіе вѣры? И замѣтимъ непритязательность старообрядцевъ: они просятъ не болѣе какъ признанія старообрядцами тѣхъ, кто „съ давнихъ лѣтъ состоитъ старообрядцемъ“. Другими словами, они изъявляютъ готовность доказывать свою долголѣтнюю приверженность къ старообрядчеству, напримѣръ, что они давно перестали ходить въ церковь, давно не принимаютъ таинствъ отъ православнаго священника, при чемъ предполагается, что священникъ будетъ уличать ихъ и доказывать, что не смотря на оставленіе церкви они суть православные, такъ какъ записаны таковыми. О старообрядцахъ, недавно отпавшихъ отъ церкви, прошеніе и не ходатайствуетъ, потому ли что совершенно не надѣется на достаточность доказательствъ, или можетъ быть и потому, что отпаденія за послѣднее время и совсѣмъ прекратились. Какое вѣрнѣе объясненіе, первое или послѣднее,—въ обоихъ случаяхъ ложное положеніе, оскорбляющее чувство вѣры и унижающее церковь, должно быть прекращено. Въ записяхъ приходскихъ нѣтъ нужды, когда есть собственное сознаніе старообрядца, что онъ оставилъ церковь; если справка съ книгами нужна, то единственно для сужденія о пастырскомъ достоинствѣ священника, соотвѣтствуетъ ли онъ или не соотвѣтствуетъ своему призванію; прихожанинъ, признающій себя старообрядцемъ, есть улика противъ духовенства, а не противъ старообрядца; тяжесть доказательствъ или точнѣе—обязанность оправдываться должна быть возложена на пастыря.

Вопросъ, кого числить и кого не числить православными, важенъ не для частнаго случая, каково признаніе старообрядческихъ браковъ, но вообще для опредѣленія числа иновѣр-

цевъ: а точное опредѣленіе ихъ числа, въ свою очередь, важно для рѣшенія вопроса о политикѣ, которая должна быть установлена въ отношеніи нашихъ диссидентовъ. Довольно распространенно мнѣніе, что раскольниковъ у насъ болѣе десяти, а по нѣкоторымъ даннымъ даже болѣе 15 милліоновъ Счетъ этотъ повидимому очень преувеличенъ. Но такъ ли однако расколъ и малочисленъ, чтобы не требовать для себя внимательности законодателя? Словомъ степень его численности, его развѣтвленія, мѣста его преимущественной осѣдлости,—все это должно служить основаніемъ такихъ, а не иныхъ законодательныхъ мѣръ; а этого-то основанія и не достаетъ Вывести вопросъ на чистоту, и притомъ исключить его изъ числа „секретныхъ"—давно пора; ни государству, ни церкви нѣтъ никакой пользы ни отъ этого наружнаго зачисленія православными отпавшихъ отъ православія, ни отъ этой потаенности (въ сущности только фиктивной) въ которой держатъ дѣла раскола. Отсюда только обманъ, лихоимство и неудовольствія .

Упадокъ авторитета церкви.

Смѣна трехъ министровъ, Высочайшій манифестъ и циркуляръ графа Игнатьева приняты за предвѣстіе новой внутренней политики. Естественны гаданія о будущемъ, и столь же естественно, что каждый ожидаетъ того, чего желаетъ На истолковательный къ манифесту циркуляръ министра нашлись въ свою очередъ толкователи, которые подчеркиваютъ выраженія, обѣщающія, по ихъ мнѣнію, продолженіе почти даже расширенія свободы. Другіе съ особенною сердечностію привѣтствовавшіе предвѣстіе новой политики, наоборотъ намекаютъ на предстоящія стѣсненія, и въ числѣ прочихъ на усиленіе цензурныхъ строгостей и на отмѣну независимости суда. Мы не становимся ни въ рядъ пророковъ, ни въ рядъ истолкователей.

*) С И 9 мая, № 126

Въ циркулярѣ графа Игнатьева ко всякому слову подписаться можно; все справедливо, начиная съ указаній на упадокъ вѣры и нравственности и кончая господствомъ неправды и хищничества. Но когда объявляется, что реформы минувшаго царствованія не дали того, что ими предполагалось, то остается мѣсто вопросу: такъ чего же не достигли онѣ и какимъ путемъ предполагается направить ихъ къ надлежащей цѣли? Возвѣщается равномѣрно, что обществу будутъ указаны способы содѣйствовать государственной власти; но цѣлесообразность этихъ способовъ будетъ опять зависѣть отъ того, *какіе* будутъ они.

Мы можемъ сказать одно. Двадцать пять лѣтъ Россія прожила не даромъ, и если нѣкоторые утверждаютъ даже печатно что въ Россіи нѣтъ общественнаго мнѣнія и не стоитъ съ нимъ свѣряться, то они ошибаются. Если не мнѣніе, то желаніе и способность судить о государственныхъ дѣлахъ несомнѣнны, и не въ высшихъ только слояхъ общества, но въ среднихъ и отчасти даже въ массѣ. Съ этимъ факторомъ, въ былыя времена, почти не существовавшимъ, считаться неизбѣжно. Государственная власть должна быть тверда не одною внѣшнею силою, и не однимъ страхомъ, ею внушаемымъ. Даже въ младенческіе періоды общественнаго развитія, недостаточно однихъ этихъ основаній, чтобы управлять въ мирѣ. Но когда общество способно и склонно размышлять о государственныхъ дѣлахъ, внѣшней силы и страха наказаній тѣмъ болѣе недостаточно; необходимъ нравственный авторитетъ для власти, необходимо, чтобы велѣнія ея признавались разумными и полезными, и чтобы лица, ею облеченныя, внушали къ себѣ не внѣшнее только, но внутреннее уваженіе. Въ какой мѣрѣ мы въ этомъ застрахованы? Но въ этомъ-то отношеніи Россія и шагнула далеко, даже далѣе чѣмъ это умѣстно въ здоровомъ обществѣ. Если угодно, въ трехъ словахъ „упадокъ нравственнаго авторитета“ заключается даже разгадка всей смуты, въ которой мы живемъ. Нравственный авторитетъ всего расшатанъ, авторитетъ семьи, авторитетъ церкви, авторитетъ школы и авто-

ритетъ власти наконецъ; все подвергается критикѣ, ничего не встрѣчаютъ безусловнымъ довѣріемъ. Какъ, чѣмъ поднять падающіе авторитеты, гдѣ найти новые, если они возможны, и возможно ли этого достигнуть внѣшними правительственными мѣропріятіями,—это вопросъ далекій, котораго разбирать не станемъ Но если дѣло идетъ о внутренней политикѣ, то изъ всѣхъ путей путь репрессій, какъ выражаются иностраннымъ словомъ, или путь подавленій, какъ выразимся мы по русски, есть наименѣе пригодный Задушить жизнь въ ея зловредныхъ проявленіяхъ, и должно и возможно; но нужно и вдохнуть новую жизнь. а откуда она возьмется? Дисциплина, особенно въ правительственныхъ рядахъ, необходима; но ея недостаточно· необходимо, чтобъ подчиненный вѣрилъ въ свое дѣло, вѣрилъ въ того, кто надъ нимъ поставленъ, и внутренно уважалъ его Говоримъ это по поводу призываемыхъ стѣсненій на независимость печати и независимость суда.

Упадокъ нравственныхъ авторитетовъ, отсюда шатаніе,—шатаніе умственное и нравственное; отсюда и этотъ прыщъ, называемый революціоннымъ движеніемъ. О психологической его сущности мы уже говорили не мало, нигилизмъ и есть это отрицаніе усвоенныхъ бытомъ нравственныхъ авторитетовъ,—отрицаніе, въ розницу разсѣянное между многими, пожалуй даже между большинствомъ, но здѣсь являющееся въ сосредоточенномъ видѣ и въ усиленной степени Прекратить отрицаніе,—слѣдовательно нужно возстановить отрицаемое или постановить новое на его мѣсто, то есть возстановить отвергаемые авторитеты или указать новые Но создавать авторитеты невозможно; они нарощаются опытомъ десятилѣтій, а то и вѣковъ (школа, церковь, семья), или выростаютъ сами для всеобщаго молчаливаго признанія (личные авторитеты), навязать или заказать вѣру, это свыше силъ всякаго правительства. Въ чемъ же послѣ того политическая задача? Помимо истребленія крамолы всѣми зависящими способами и со всею безпощадною строгостью,—положеніемъ вещей предписывается самое бережное обхожденіе съ нравственными силами страны, не стѣсненіе

независимыхъ искреннихъ мнѣній, напротивъ уваженіе къ нимъ, а затѣмъ и главнѣе всего—строгая требовательность власти къ собственнымъ органамъ, посредственно или косвенно отъ нея зависящимъ. На послѣднее повидимому и намекаетъ циркуляръ графа Игнатьева, но мы не будемъ пускаться въ его разборъ, а двумя примѣрами пояснимъ собственную мысль.

Отчасти повидимому для противодѣйствія крамолѣ, отчасти чтобы поднять обаяніе власти вообще, установлено правило судить за оскорбленіе властей соединеннымъ присутствіемъ судебной палаты. Блюсти повиновеніе властямъ необходимо, но какія бываютъ власти? Пьяный староста, грубый становой приставъ, или же чиновникъ, извѣстный лихоимствомъ. Противорѣчіе между тѣмъ, что внутренно чувствуется къ подобнымъ представителямъ власти, и тѣмъ, чего требуетъ внѣшній законъ, не возвышаетъ, а только роняетъ власть и даже способно порождать озлобленіе. Къ тому же ведетъ и еще обычай, котораго нельзя не назвать прямо пагубнымъ: боязнь уронить власть открытымъ преслѣдованіемъ или посрамленіемъ сколько-нибудь видное оффиціальное лицо, уличаемое въ злоупотребленіяхъ; напротивъ именно этимъ-то послабленіемъ и подрывается уваженіе къ власти.

Второй примѣръ: къ числу упадающихъ авторитетовъ относимъ авторитетъ церкви. Церковь поддерживается, но внѣшними мѣрами, преслѣдованіями отпадшихъ отъ нея, служебными поощреніями духовныхъ лицъ. Внѣшняя власть и внѣшній почетъ духовенства укрѣпляется; но тѣмъ самымъ не понижается ли внутреннее къ нему уваженіе? Какой вѣсъ проповѣди, о которой заранѣе извѣстно, что она есть казенная, и какой нравственный вѣсъ служителя церкви въ глазахъ людей развитыхъ и размышляющихъ, когда въ немъ не совсѣмъ безъ основанія заподозрѣваютъ переодѣтую полицію?

О наградахъ духовенству *).

„Новости“ передаютъ о состоявшемся расширеніи полномочій святѣйшаго синода. Хотя оффиціальнаго подтвержденія еще не явилось, но мы считаемъ извѣстіе подлиннымъ „Новости“ повидимому имѣютъ входъ въ духовное вѣдомство, и всѣ ихъ извѣстія оттуда обыкновенно оказываются вѣрными

Ниже читатель найдетъ перечисленіе дѣлъ, вершеніе которыхъ предоставляется синоду безъ высочайшаго утвержденія; большею частію это дѣла, касающіяся исключительно духовнаго вѣдомства и спеціальныхъ денежныхъ средствъ синода. Дѣла этого рода, дѣйствительно, не заслуживаютъ того, чтобы ими утруждать высочайшее вниманіе. Безъ сомнѣнія, и въ прочихъ вѣдомствахъ нашлось бы много подобныхъ дѣлъ, которымъ не стоитъ восходить не только на высочайшее, но можетъ быть даже на министерское утвержденіе. Машина государственная много упростилась бы, если бы, подобно святѣйшему синоду, расширены были полномочія и прочихъ центральныхъ учрежденій, а центральныя учрежденія, и первый синодъ въ томъ числѣ, сняли бы и съ себя лишнюю обузу, расширивъ полномочія мѣстныхъ учрежденій

На одинъ только пунктъ приводимаго „Новостями“ высочайшаго повелѣнія можно бы возразить: святѣйшему синоду предоставляется право награждать духовныхъ лицъ, безъ высочайшаго утвержденія камилавками, скуфьями и наперсными крестами. Возраженіе не противъ даруемыхъ полномочій, а противъ самыхъ наградъ. О наперсныхъ крестахъ еще ни слова, но скуфьи и камилавки—недавно изобрѣтенное и во всякомъ случаѣ *гражданское* отличіе; гражданское въ томъ смыслѣ, что то и другое украшеніе установлены гражданскою властію и предназначены служить свидѣтельствомъ монаршаго, то есть государственнаго вниманія къ заслугамъ духовнаго лица, и при томъ опять заслугамъ не духовнымъ, а гражданскимъ Такъ и было первоначально: священникъ награждался скуфьею,

*) С И 16 мая, № 133

камилавкою, потомъ орденомъ, не за проповѣданіе слова Божія, не за ревностное исполненіе другихъ обязанностей пастырскаго служенія, не за безпорочное житіе, а за прохожденіе должности законоучителя, увѣщателя, депутата, члена консисторіи или духовнаго правленія, словомъ за ту сторону службы, въ которой онъ явился чиновникомъ государственной власти. Понятно, такія награды и могли исходить только отъ гражданской власти и въ этомъ смыслѣ требовать высочайшаго утвержденія, сообразно тому, какъ напримѣръ возведеніе въ протоіерея, санъ церковно-іерархическій, оставалось на оборотѣ въ полномочныхъ рукахъ церковной власти Что же вышло теперь, когда святѣйшему синоду предоставлено жаловать скуфьи и камилавки? Эти головныя украшенія поставлены въ рядъ съ отличіями іерархическими, и приданъ имъ церковный смыслъ, котораго они не имѣютъ. Или же святѣйшему синоду приданъ смыслъ чисто государственнаго департамента, если остаться при томъ значеніи, которое скуфьи и камилавки первоначально имѣли и должны имѣть; другими словами—только усиленъ недостатокъ и безъ того вызывающій основательныя нареканія на святѣйшій синодъ.

Намъ могутъ возразить, что представленія духовныхъ лицъ къ отличіямъ, пусть и гражданскаго происхожденія, все равно, шли доселѣ чрезъ святѣйшій же синодъ. Нѣтъ, не все равно. Когда святѣйшій синодъ служилъ передаточнымъ мѣстомъ, его отношеніе было пассивное; онъ не противодѣйствовалъ установленію гражданскихъ наградъ, не отказывался представлять государственной власти къ награжденію тѣхъ, кого онъ находилъ достойными гражданской награды. Вотъ и все. А теперь, когда синоду дано самостоятельное распоряженіе тѣми же наградами, его отношеніе переходитъ въ активное. Предъ нимъ, какъ церковнымъ учрежденіемъ, предстаетъ вопросъ: давать или не давать эти награды, не церковью установленныя? Если онъ найдетъ нужнымъ давать, то присвоитъ гражданскимъ отличіямъ значеніе церковное, котораго они не имѣютъ, или распишется въ своемъ чисто-гражданскомъ значеніи. Если же

не приписываетъ онъ ни себѣ бюрократическаго значенія, ни скуфьямъ съ камилавками церковнаго, то выдача скуфей съ камилавками должна, по настоящему, совсѣмъ прекратиться, чему всякій сынъ церкви истинно и порадовался бы. По большей мѣрѣ, слѣдовало бы святѣйшему синоду передать распоряженіе гражданскими наградами опять таки представителю гражданской же власти среди себя, то есть оберъ-прокурору, хотя это и будетъ только лучшее изъ худшаго.

Установленныя для духовенства гражданскія награды, начиная со скуфей и кончая орденами, составляютъ вообще главнѣйшее изъ золъ, которымъ страдаетъ наша церковь и которымъ обусловленъ упадокъ духовенства.

Отличія для духовенства *).

Отличія, установленныя для духовенства, относятся, какъ мы сказали, къ числу существенныхъ золъ, отъ которыхъ страдаетъ наша церковь и которыми объясняется, между прочимъ, упадокъ духовенства. Не знаемъ, нужно ли это даже доказывать. Въ первоначальныя времена, когда скуфьи съ камилавками не утратили еще своего гражданскаго назначенія и раздавались за прохожденіе должностей, не связанныхъ прямо съ пастырскимъ служеніемъ, жажда отличій прежде всего родила погоню за таковыми побочными должностями, разумѣется не безъ ущерба прямымъ обязанностямъ, напротивъ въ прямое отъ нихъ отклоненіе. Затѣмъ явилось соревнованіе. Не на всѣхъ же хватало благочинническихъ, депутатскихъ или учительскихъ должностей, а быть отличеннымъ хотѣлось всѣмъ, и благодаря именно этому-то напору, пошло раздаваніе головныхъ украшеній уже не за побочныя должности, а за такія заслуги, каково напримѣръ „ревностное проповѣданіе слова Божія“ или просто долголѣтіе священства. Деморализація затѣмъ распространилась

*) С. И 17 мая, № 134

и на паству: и для нея іерей въ скуфьѣ или камилавкѣ сталъ значить больше, нежели пастырь съ непокровенной главой; первый казался (да и кажется) „внушительнѣе“ по крайней мѣрѣ. Критеріи къ сужденію о пастырскомъ достоинствѣ переставились Непорочное житіе, слово ученія, эти истинныя украшенія пастыря, должны были посторониться, въ основаніе оцѣнки вступило обстоятельство, украшенъ ли іерей чѣмъ-нибудь, совершенно также, какъ при оцѣнкѣ дьякона болѣе всего придаютъ значеніе, громогласенъ ли онъ.

Послѣ того не должно ли было блекнуть пастырство, не должно ли было совлекаться все болѣе и болѣе своего истиннаго характера? Духовный отецъ долженъ былъ обращаться все болѣе и болѣе во внѣшняго приставника, и сама паства пріучалась смотрѣть на него какъ на внѣшнюю принадлежность храма, параллельную высокой колокольнѣ, густому колоколу, богатому иконостасу, а кстати и голосистому дьякону.

Трудно бы повѣрить, что міряне подкупаются скуфьями и камилавками. Но спросите любого изъ священнослужителей. Къ „отличенному“ іерею иначе относятся; въ глазахъ народа это все тоже „чинъ“ своего рода. Что до того, что понятіемъ о чинѣ отстраняется понятіе о пастырѣ, но внѣшнее уваженіе къ чину влечетъ и существенныя выгоды. Кого позвать на церемонію похоронъ, напримѣръ, или освященія храма? Конечно не простого іерея; да и „дача“ совсѣмъ иная, простому ли іерею, или украшенному.

Въ заключеніе сказать, какъ ни странно это, ни одно сословіе не можетъ состязаться съ духовенствомъ въ чинолюбіи, или точнѣе сказать—въ „мѣстничествѣ“,—мѣстничествѣ потому, что каждое отличіе даетъ именно первенство „мѣста“ въ служеніяхъ. И чего не бываетъ изъ за этого первенства! Мы знаемъ случаи, когда бывали и, казалось бы, люди почтенные, больны изъ за этого, знаемъ случаи, когда тоже почтенные люди отказывались отъ священнослуженія подъ какимъ-нибудь предлогомъ изъ за того одного, чтобы не стать въ служеніи ниже такого-то, многочисленны случаи, когда епархіальному

архіерею приходится серіозно разбирать пререканія о „мѣстѣ“. Наконецъ приведемъ и печатный случай. Извѣстная книга „О сельскомъ духовенствѣ“, краеугольный камень клерикальнаго либерализма, послѣ всѣхъ громовъ на „сатраповъ въ рясахъ“, какъ авторъ назвалъ архіереевъ, заключаетъ свою книгу въ видѣ десерта—чѣмъ же? Сѣтованіями, почему обходятъ скуфьями и камилавками сельскихъ іереевъ, а счастливчики одни только городскіе попы да члены консисторіи. Авторъ вѣроятно уже утѣшился, потому что съ тѣхъ поръ какъ перестали признавать скуфьи съ камилавками наградами за побочныя должности (естественно возможныя по преимуществу только въ городахъ), не лишаются и сельскіе пастыри этихъ, столько завидныхъ отличій. А теперь, если вѣрить „Новостямъ“, послѣдовало даже валовое постановленіе, что можетъ быть представленъ къ наградѣ одинъ изъ двадцати Радуйтесь, отцы! Одинъ изъ двадцати, шутка ли! Вѣдь если въ епархіи найдется тысяча священниковъ, то не менѣе пятидесяти что-нибудь да получатъ каждый годъ

Но каковъ духъ, и чего же будемъ сѣтовать на слабость духовной дѣятельности въ духовенствѣ!

Симфоніи на Новый Завѣтъ *).

Въ послѣднемъ выпускѣ памятниковъ древней письменности (изданій Общества любителей древней письменности), напечатанъ первый листъ „Симфоніи на Новый Завѣтъ“, составленной П. А. Гильдебрандтомъ. Симфоніею или конкорданціею называется въ азбучномъ порядкѣ расположенный указатель къ какой-либо изъ книгъ или и ко всѣмъ книгамъ Священнаго Писанія Для библій на другихъ языкахъ такія конкорданціи давно изданы; издавались и у насъ на нѣкоторыя книги славянской библіи, начиная съ симфоніи Кантемира на

*) С. И. 21 мая, № 138.

псалмы. Г. Гильдебрандтъ составилъ на Новый Завѣтъ новую симфонію, болѣе тщательную, при чемъ, кромѣ простого указателя реченій, снабдилъ каждое реченіе краткимъ объясненіемъ и даже переводомъ на греческій и латинскій языкъ.

Сущность впрочемъ не въ самомъ этомъ трудѣ, котораго мы не станемъ разбирать и о которомъ полный отзывъ невозможно произнести по одному листу; сущность въ появленіи пробнаго листа симфоніи въ памятникахъ древней письменности. Издавая первый листъ симфоніи, Общество любителей древней письменности желало засвидѣтельствовать предъ Россіею, какъ оно и выразилось въ своемъ постановленіи, что оно находитъ трудъ г. Гильдебрандта „полезнымъ, важнымъ и необходимымъ пособіемъ для ближайшаго изученія церковнославянскаго текста Новаго Завѣта, могущимъ служить настольною книгою въ семьѣ и школѣ и вообще у каждаго образованнаго православнаго христіанина, для справокъ при чтеніи и изученіи новозавѣтной Библіи". Передъ пробнымъ листомъ и передъ этимъ постановленіемъ Общества помѣщено предисловіе самаго г. Гильдебрандта.

Однимъ словомъ, это—реклама. Говоримъ это вовсе не въ худомъ смыслѣ и не съ желаніемъ бросить какую-нибудь тѣнь на Общество или на автора. Наоборотъ, мы хотимъ указать на то, что такіе труды, каковъ трудъ г. Гильдебрандта, для того, чтобы быть оцѣненными и чтобы найти издателя, требуютъ, къ несчастію, рекламы. Въ этомъ и дѣло, что г Гильдебрандтъ, кончивъ трудъ по составленію симфоніи на Новый Завѣтъ и начавъ подобный же трудъ для Ветхаго Завѣта, не находитъ издателя, или точнѣе—не находитъ съ такимъ капиталомъ, чтобы можно было продавать симфонію по дешевой цѣнѣ, слѣдовательно напечатать въ большомъ числѣ экземпляровъ. Здѣсь удивительнымъ кажется, что составитель вынужденъ ожидать частной предпріимчивости и обращаться за рекомендаціей къ Обществу древней письменности. Болѣе естественною была бы рекомендація святѣйшаго синода, да и издателемъ подобной книги ближе бы всего быть опять тому

же святѣйшему синоду, тѣмъ болѣе, что и прежнія симфоніи, начиная съ Кантемира, издавались святѣйшимъ же синодомъ. Мы не говоримъ, что отъ духовнаго вѣдомства давно ожидалось бы самое составленіе труда, предпринятаго г. Гильдебрандтомъ. Мало ли что ожидалось бы отъ него? Давно ожидалось бы болѣе исправное изданіе самой библіи, съ новымъ пересмотромъ славянскаго текста, ожидался бы пересмотръ богослужебныхъ книгъ; ожидались бы общедоступныя толкованія на Ветхій и Новый Завѣтъ. Мало ли чего бы ожидалось! Но это относится до авторской и редакторской дѣятельности; слѣдовательно если нѣтъ для того способныхъ и охочихъ людей, удивляться можно только тому, что такихъ людей не обрѣтается, а не тому, что ожидаемыя изданія не выходятъ. Но когда составитель нашелся и трудъ готовъ, казалось бы, чего ближе, какъ не представить трудъ святѣйшему синоду, и чего естественнѣе, какъ не выйти такому труду изъ типографій святѣйшаго же синода, собственно для того и назначенныхъ; мало того—обладающихъ значительнымъ спеціально „типографскимъ капиталомъ“. При настоящемъ, по истинѣ жалкомъ репертуарѣ книгъ, издаваемыхъ синодальными типографіями, повидимому, оставалось бы ухватиться обѣими руками за случай въ родѣ того, о которомъ вынуждается рекламировать Общество древней письменности.

Но вѣдь вотъ что значатъ *бюрократія* съ централизаціею! Типографіи, теперь называемыя синодальными, по первоначальному своему назначенію учрежденія просвѣтительныя, по крайней мѣрѣ старшая изъ нихъ, при которой была и первая учрежденная въ Москвѣ школа, теперь не болѣе, какъ хозяйственныя мѣста (одна изъ нихъ и „присутственное“ мѣсто), подвѣдомыя „хозяйственному“ управленію при святѣйшемъ синодѣ, а „хозяйственное“ управленіе, по самому названію своему, должно вѣдать только экономію и барышъ; дѣятельность же его—счеты, расчеты, провѣрки, отношенія, донесенія, предписанія, касающіяся цифръ,—и только Что же касается до „типографскаго капитала“, то къ нему вполнѣ прилагается

сказанное нами недавно вообще о спеціальныхъ капиталахъ, приписываемыхъ къ центральной кассѣ и передаваемыхъ въ завѣдываніе центральныхъ учрежденій. Видѣло ли что-нибудь для себя духовное просвѣщеніе или церковная литература изъ „типографскаго капитала?“ Ничего ровно. Этотъ, такъ называемый, „типографскій капиталъ“ служилъ для синодальнаго управленія, въ сущности, капиталомъ „резервнымъ“, на случай покрытія такихъ нуждъ, удовлетворенія которымъ не предвидѣлось изъ прямыхъ средствъ,—на какую-нибудь безполезную затѣю, на отдѣлку квартиры чиновнаго лица или на незаслуженную награду и ничѣмъ не оправдываемую поѣздку. На дѣйствительныя нужды всегда нашлись бы обыкновенныя средства или даже чрезвычайныя, въ видѣ пособій государственнаго казначейства. Но государственное казначейство нельзя же безпокоить затѣями и прихотями, на нихъ-то и служилъ запасный типографскій капиталъ.

Сами типографіи, въ свою очередь, замерли, ограниченныя обязанностью одной печатной техники. Редакціонный элементъ испарился На мѣстѣ древняго „справщика“ *явился* чиновникъ со всѣми добрыми и худыми качествами россійскаго чиновника. Но что же будетъ печатать чиновникъ, при отсутствіи души дѣла, редакціи? Онъ будетъ печатать букву, ту самую букву, которая ему осталась отъ старыхъ временъ XVII и XVIII столѣтія. Новаго онъ ничего не можетъ, да и не долженъ смѣть. За исключеніемъ старой буквы библейскихъ и богослужебныхъ книгъ, выпадали ему отъ времени до времени книги новаго сочиненія, безвозмездно переданныя авторами въ собственность синода, каковы нѣкоторыя изъ сочиненій митрополита Филарета и „Путь ко спасенію“ митрополита Иннокентія.

Но какъ хозяйственное мѣсто, типографія обязана давать „доходъ“; въ бюрократическомъ смыслѣ это есть единственное оправданіе ея существованія. А дохода она давать не можетъ, какъ всякое хозяйственное заведеніе, бюрократически, а не коммерчески управляемое. Отсюда—монополія,—монополія даже не на такія изданія, какъ „Начатки“ Филарета и „Путь ко

спасенію" Иннокентія, пусть подаренныя двумя поименованными писателями не съ цѣлію дать лишнюю оброчную статью чиновникамъ, а съ цѣлію наибольшаго распространенія душеполезныхъ книгъ въ народѣ и для избавленія себя отъ издательскихъ хлопотъ, но все таки подаренныя и потому образовавшія собственность на обычномъ и естественномъ основаніи. Нѣтъ, монополія простерлась на библію, на богослужебныя книги, на всѣ церковнославянскія книги и даже на славянскій шрифтъ По правдѣ сказать, мы удивляемся даже, какъ это дерзнуло Общество древней письменности, хотя бы и пробный листъ симфоніи г. Гильдебрандта, напечатать *славянскимъ* шрифтомъ! Его могутъ потянуть къ суду Покойный Бодянскій вынужденъ былъ заказать особенное начертаніе церковнославянскихъ буквъ (надо сказать—довольно безобразное), чтобы печатать въ Чтеніяхъ Исторіи и Древностей разные памятники древней письменности, не сталкиваясь съ монополіею, присвоенною синодальными типографіями Но и этой монополіи оказалось еще недостаточно. „Хозяйственное" заведеніе все еще не могло вполнѣ достигнуть своего „хозяйственнаго" назначенія: заведена новая монополія, въ видѣ бланокъ для метрическихъ книгъ. Это выдумка остроумная и доставляетъ главный, чуть не единственный, доходъ типографій. Въ сущности это есть налогъ на духовенство для содержанія типографскихъ чиновниковъ и составленія типографскаго капитала, о которомъ сказано выше. Всѣ причты обязаны покупать всѣ бланки для всѣхъ своихъ книгъ и вѣдомостей не иначе, какъ изъ синодальной типографіи, которая беретъ за этотъ свой товаръ цѣну вдесятеро выше естественной стоимости.

Привиллегія издавать библейскія и богослужебныя книги, само собою разумѣется, должна принадлежать святѣйшему синоду, какъ блюстителю чистоты вѣры и богослуженія. Но не въ этомъ смыслѣ принадлежитъ синодальнымъ типографіямъ монополія изданій. Попытайте издать библію, самымъ точнымъ образомъ свѣренную съ синодальнымъ текстомъ,—у васъ книгу конфискуютъ. Попробуйте продать Новый Завѣтъ на русскомъ

языкѣ (англійскаго изданія) дешевле того, чѣмъ продаетъ синодальная лавка: вамъ не позволятъ. Вы находите полезнымъ распространить въ народѣ извѣстныя молитвы, продавать ихъ по цѣнѣ, въ которую печатаніе вамъ обойдется, или даже дешевле: остерегитесь: цензура не разрѣшитъ вамъ молитвъ; это монополія святѣйшаго синода. Достигнуть своего благочестиваго намѣренія вы можете развѣ хитростью, если напечатаете книжку, въ которой *между прочимъ* будутъ и молитвы. *Между прочимъ* молитвы разрѣшитъ вамъ цензура, а одни молитвы—никакъ.

Что же тутъ удивляться и г. Гильдебрандту, который прибѣгъ къ Обществу древней письменности, и удивляться рекламѣ, которую печатаетъ Общество?

Евреи*).

Болѣе 60,000 евреевъ изъявляютъ желаніе выселиться изъ Россіи, и король Альфонсъ обѣщаетъ имъ гостепріимство Достовѣрность этого извѣстія остается на совѣсти корреспондента „Кельнской Газеты"; но если оно вѣрно, оно служитъ признакомъ, что по крайней мѣрѣ часть нашихъ евреевъ почла долгомъ благоразумія, мы сказали бы даже „долгомъ чести", если бы дѣло шло о другомъ племени,—послѣдовать указаніямъ, которыя даны „Новымъ Временемъ" съ одной стороны и военнымъ прокуроромъ, генералъ-маіоромъ Стрѣльниковымъ съ другой. Евреямъ тѣсно въ двадцати пяти губерніяхъ, русскимъ душно отъ евреевъ въ двадцати пяти губерніяхъ. Въ обѣихъ этихъ истинахъ, по крайней мѣрѣ въ первой, одинаково убѣждены юдофобы и юдофилы, тѣ и другіе находятъ безотлагательно нужнымъ разрѣдить еврейское населеніе. Но юдофилы предпочитаютъ направить евреевъ на востокъ, юдофобы—просимъ почтенное „Новое Время" и генерала Стрѣльникова не

*) С И 11 іюня, № 154.

оскорбиться этимъ наименованіемъ—указываютъ евреямъ путь на западъ, во всякомъ случаѣ за предѣлы Россіи. 60,000 евреевъ, представитель которыхъ являлся къ испанскому послу въ Константинополѣ, соглашаются съ петербургскою газетою и съ кіевскимъ военнымъ прокуроромъ

Въ намѣреніи переселиться въ Испанію слышится, сказали мы, голосъ благоразумія, и еслибы дѣло шло о другомъ племени, то и голосъ чести Чувствомъ чести, за немногими исключеніями, которыя конечно бываютъ и вездѣ, обдѣлено еврейское племя· ему негдѣ было и нажить этого чувства, которое ведетъ свое происхожденіе отъ христіанства и въ частности отъ рыцарства; кромѣ того, гоненіе и отвращеніе, котораго евреи были предметомъ у всѣхъ христіанскихъ народовъ въ теченіи стольких вѣковъ, развивали въ нихъ чувство самосохраненія, которому вѣковѣчная ихъ безнравственность указывала единственное прибѣжище въ деньгахъ. Не матеріальная сила, которой они были лишены по своей относительной малочисленности, не политическія права, до которыхъ они не допускались,—деньги, деньги и деньги, вотъ единственная, оставававшаяся имъ опора и коммерческая выгода,—единственное остававшееся побужденіе. Слѣдовательно обращаться къ чувству чести этого племени было бы равнозначительно желанію тронуть музыкою глухого. Но юдофилы изъ христіанъ, которымъ понятіе о чести не можетъ быть ни незнакомо, ни смѣшно, должны бы понять, что требовать насильственнаго сожительства съ тѣмъ, кто насъ отвращается, мало согласуется съ чувствомъ чести, съ чувствомъ уваженія къ себѣ и другимъ Я вамъ противенъ, вы меня не хотите; пусть ваша антипатія несправедлива, мною не заслужена; но уже потому что она существуетъ и что преодолѣть ее не предвижу средствъ, я удаляюсь въ сообщество другихъ людей, гдѣ найду другія чувства и гдѣ нѣтъ вашихъ предразсудковъ. Вотъ какъ разсудитъ всякій уважающій себя и уважающій человѣчество вообще.

Юдофилы не хотятъ знать о чувствахъ, пусть это будутъ даже чувства уваженія къ человѣческому достоинству; они

предпочитаютъ опереться на голое, отвлеченное право и обращаться не къ народу, а къ государству. Еврей обиженъ; онъ подданный такой же, какъ и всѣ, а правами пользуется не всѣми, и лишенъ самаго главнаго,—свободы мѣстожительства, которая равнозначительна свободѣ личности вообще.—Совершенно невѣрно, когда разсужденіе прилагается къ русскому государству Евреи лишены вовсе не такихъ правъ, которыя бы принадлежали всѣмъ жителямъ имперіи; ограниченія, которымъ ихъ подвергаютъ, связываютъ вовсе не ихъ исключительно. Увы, большинство, девять десятыхъ населенія, связаны, какъ и они; крестьяне прикрѣплены къ землѣ; право отлучки, которое имъ предоставляется, не многимъ шире кратковременной отлучки, которая дозволена и еврею въ запретныя губерніи. Но, наконецъ, вопросъ ставится вообще ложно: относительно мѣстожительства у евреевъ ничего даже не отнято; имъ не дано лишь привиллегіи, которая уступлена другимъ. Ихъ не изгоняютъ изъ Россіи, какъ гнали изъ другихъ странъ Европы; ихъ только не пускаютъ—и даже правильнѣе сказать „не пускали", потому что права мѣстожительства все таки расширены—за кордонъ бывшей польской республики въ великую Россію, въ которой никогда и не были они исконны Присоединеніе польскихъ владѣній къ Россійской имперіи не означало покоренія Россійской имперіи евреямъ. Свободная Англія не даетъ правъ англійскаго гражданина лицу, не родившемуся въ соединенномъ королевствѣ; индусъ, хотя бы и принцъ, не говоря уже о новозеландцѣ, не дерзаютъ и помыслить о политическихъ правахъ на Альбіонѣ, если еврей состоитъ въ Россійской имперіи на положеніи индуса въ Великобританіи, онъ можетъ находить участь свою не вполнѣ для себя удовлетворительною, но не можетъ въ основаніе своихъ притязаній взывать къ историческому праву и политической справедливости. Заслужи мою благосклонность, заставь полюбить и уважать себя, докажи по меньшей мѣрѣ внѣшнюю для меня пользу, которая проистечетъ отъ твоего сожительства со мною,—двери мои тебѣ отворены: такъ въ сущности говоритъ русскій народъ, и обе-

регатель русскаго достоинства, русской пользы, русскаго чувства, наконецъ, русское государство вторитъ этому голосу

Соображенія, сейчасъ приведенныя, суть національно-государственныя. Юдофилы не любятъ на нихъ останавливаться, предпочитая возлетать къ правамъ человѣка вообще, къ тѣмъ правамъ, которыя провозглашены первою французскою революціею въ своей напыщенной декларации Я человѣкъ, какъ и всѣ, слѣдовательно имѣю прирожденныя политическія права, равныя со всѣми. Это теорія космополитизма, и въ сущности еврейское племя и не должно признавать другой политической теории, патріотизмъ отдѣльныхъ его членовъ есть случайное явленіе, прекрасное по своему содержанію, но грѣшащее непослѣдовательностью. Государство есть не воплощеніе народа, а приборъ для спокойствія индивидуумовъ безъ различія; такъ неизбѣжно разсуждаетъ еврей, потому что его племя хотя есть народъ, но народъ не воплотившійся въ государство. Національность, ограничивающаяся языкомъ, который иногда перенимается евреями у коренныхъ жителей, есть слабая національность, хотя за нее и хватаются иногда евреи, какъ за право сопричисленія себя къ роднымъ сынамъ земли, гдѣ они живутъ.

Длинно входить въ разговоры о томъ, какое понятіе о государствѣ болѣе правильно, основанное ли на отвлеченныхъ правахъ человѣка вообще или зиждущееся на органическомъ фактѣ живого народа Большинство государствъ принадлежитъ послѣднему типу: одни Сѣвероамериканскіе Штаты въ чистотѣ выдерживаютъ первый; иныя только исповѣдуютъ въ теории космополитическій принципъ, на дѣлѣ ему не слѣдуя Пусть Россія, по мнѣнію юдофиловъ, есть страна варварская, по излишнему господству національнаго начала. Но это вопросъ, касающійся ея, а не евреевъ; пускай же они и идутъ въ государства болѣе просвѣщенныя, впредь до того, когда русскій народъ разовьется до космополита и „Объявленіе о правахъ человѣка“ приметъ себѣ за Евангеліе. Слѣдовательно и выходитъ опять конецъ, рекомендуемый „Новымъ Временемъ“

и генераломъ Стрѣльниковымъ. Евреи русскаго государства не создали; крови и трудовъ на его созиданіе ихъ отцы не клали; они все таки пришельцы; согласимся даже—полезные, дѣятельные, благожелательные, но пришельцы со вчерашняго дня, приставшіе къ готовому организму, къ устроенному дѣлу, не его хозяева, не его душа. Но гостямъ почетъ на условіяхъ, какія хозяинъ для себя найдетъ сообразными. Не угодны имъ условія—путь имъ чистъ: вотъ Сѣвероамериканскіе Штаты, съ безусловнымъ равенствомъ на „правахъ человѣка", а вотъ и Испанія, открывающая свои объятія.

Еврейскій вопросъ*).

Къ числу многихъ, политическихъ и социальныхъ вопросовъ, для которыхъ рѣшеніе указывается исторіею иное, нежели въ Западной Европѣ, принадлежитъ у насъ и вопросъ еврейскій. Что дѣлать съ евреями или для евреевъ? Вотъ на какой вопросъ отвѣчаютъ въ своихъ указаніяхъ органы общественнаго мнѣнія, юдофильствующіе и юдофобствующіе безъ различія, и органы общественнаго самоуправленія, въ родѣ Елисаветградскаго земства или Бердянской думы, наконецъ само правительство въ своихъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятіяхъ. Не отрицая правильности вопроса, мы находимъ его недостаточнымъ. Какъ же не спроситъ никто. что дѣлать съ русскими, или для русскихъ, среди которыхъ вращаются евреи, и для которыхъ они тяжелы, несносны, опасны, вредны? Въ поясненіе этой, до сихъ поръ пренебрегаемой стороны вопроса, укажемъ на извѣстный случай, разсказанный въ „Новомъ Времени", какъ въ Могилевской губерніи одинъ православный священникъ, съ содѣйствіемъ настоятеля православной обители, устроилъ для мѣстныхъ крестьянъ ссудосберегательное това-

*) С И 12 іюня, № 160

рищество, чтобы вырвать ихъ изъ ростовщичьихъ когтей, которые на этотъ разъ, какъ и по всюду въ Западномъ Краѣ, были когти еврейскіе. Читателямъ извѣстны послѣдствія· крестьяне дѣйствительно отдохнули было; но евреи начали подавать на священника доносъ за доносомъ, и облегчитель своихъ прихожанъ выведенъ былъ изъ округа въ другой приходъ, за двѣсти верстъ. Удивляться нечего: дѣло рѣшала консисторія.

Евреи ростовщичествуютъ, евреи кулачатъ, евреи шинкарствуютъ,—спаиваютъ народъ и высасываютъ его производительныя силы. Здѣсь два конца, одинъ въ высасывающемъ, другой въ высасываемомъ Коршунъ не нападаетъ на живое мясо со стаею себѣ подобныхъ; онъ летитъ туда, гдѣ чуетъ падаль Еврей неохотно стремится въ Западную Европу, не смотря на предлагаемую равноправность; онъ ищетъ Румынскаго княжества (нынѣ королевства), ему хочется проникнуть въ русскую деревню, гдѣ экономическое и нравственное сопротивленіе слабо. Онъ не порывается даже въ страны, облегающія Кавказъ, гдѣ встрѣчается съ племенемъ, не уступающемъ ему въ искусствѣ эксплоатировать (съ армянами). Какой же выводъ отсюда? Гоните мухъ, налетѣвшихъ въ комнату; но удачнѣе будетъ, если остережетесь подставлять жидкія сладости. Наплывъ евреевъ есть указаніе на слабость экономическихъ силъ, на опасность разложенія: хирургическія операціи бываютъ необходимы, но еще необходимѣе терапевтическія, въ особенности гигіеническія и діэтическія средства, чтобы даже подобія трупности не улыбалось экономическимъ коршунамъ.

Въ Западной Европѣ, до своей эманципаціи, евреи лишены были не только политическихъ правъ, но оттерты отъ всѣхъ соціальныхъ занятій, за исключеніемъ ростовщичества: они были полные выкидыши, дѣйствительно и во всемъ гонимые. Для нихъ были закрыты и ремесла, и земледѣліе, и даже торговля, кромѣ денежной; баронъ съ виленомъ закрывали земледѣліе; крѣпко развитые цеха и гильдіи не пускали къ ремесламъ и торговлѣ Эманципація евреевъ была не расширеніемъ правъ, которыхъ они лишены были совершенно, не находя

мѣста ни въ одномъ ряду крѣпко организованнаго строя, а освобожденіемъ въ точномъ смыслѣ слова, отмѣною сословныхъ привиллегій, стоявшихъ предъ ними стѣною. У насъ совершенно наоборотъ· евреи въ бывшей Рѣчи Посполитой и составили изъ себя то среднее сословіе, которое вездѣ въ Европѣ запирало имъ двери къ участію въ городской жизни. Еврей по отношенію къ не еврею въ польскомъ, литовскомъ, бѣлорускомъ городѣ, есть именно то самое, чѣмъ былъ нѣмецкій бюргеръ и итальянскій купецъ по отношенію къ еврею въ средніе вѣка, съ придаткомъ той еще разности, что еврей у насъ не довольствуется городомъ, а проникаетъ въ село, втискивается въ посредничество между землевладѣльцемъ и земледѣльцемъ, между селяниномъ и городскимъ потребителемъ, чего за сословіями въ Европѣ не водилось; каждый зналъ свое мѣсто и за перегородку не переходилъ Такимъ образомъ, ихъ, евреевъ, положеніе въ краѣ, куда они недальновидными крулями были въ свое время призваны, есть господствующее. То же господство и ту же привиллегію отчасти переносятъ, а отчасти и перенесли они уже въ Новороссійскій край, гдѣ съ заселеніемъ его дана имъ была та же свобода, что на родинѣ,—привиллегію, закономъ не установленную, но ими завоеванную на почвѣ экономической конкуренціи. Въ томъ-то и дѣло, что всюду, куда проникаютъ они, они выступаютъ плотною, организованною силою, а сила эта коренится въ привиллегированномъ положеніи, которое они заняли въ Западномъ краѣ. Ихъ сравниваютъ съ тараканами и клопами, сравненіе неблагозвучное, и мы вовсе не думаемъ имъ оскорблять сыновъ Израиля; но замѣчательно мѣтко то народное наблюденіе, что гдѣ вы сегодня видите двухъ евреевъ, тамъ завтра будутъ ихъ тысячи. Религіозная и племенная обособленность, а у насъ въ Россіи кстати и обособленность по языку, необходимо должны были содѣйствовать этому колонному характеру еврейскаго наступленія Правительство легализированіемъ еврейскаго общества, съ предоставленіемъ ему притомъ самоуправленія, поддало въ свою очередь еще болѣе силы этой, и безъ того плотной массѣ, въ

которой держится одинъ за другого и безъ правительственнаго содѣйствія Такимъ образомъ противъ тучи, которая представляетъ изъ себя коалицію религіозную, племенную, гражданскую, почти предводимую самимъ правительствомъ, и тѣмъ болѣе поблажки встрѣчающую со стороны низшихъ правительственныхъ агентовъ,—противъ этой-то тучи предоставляется экономическая борьба одиночнымъ, разрозненнымъ, частнымъ силамъ. Борьба, понятно, невозможна: по этому во всѣхъ отрасляхъ торговли, за которыя разъ взялись евреи, не евреи непремѣнно будутъ у насъ вытѣснены это есть общее наблюденіе. Не считая крупнаго явленія желѣзнодорожныхъ построеній и продовольствія арміи въ минувшую войну, упоминаемъ о хлѣбной и дровяной торговлѣ даже у насъ въ Москвѣ: еще нѣсколько лѣтъ, говорятъ, и эти отрасли окажутся въ еврейскихъ рукахъ.

И такъ, необходимы оборонительныя мѣры въ сторону, противоположную еврейской, и онѣ даже экономически полезнѣе мѣръ репрессивныхъ противъ евреевъ, помимо уже того, что всякая репрессія претитъ чувству человѣчности. Въ чемъ могутъ состоять оборонительныя мѣры противъ еврейскаго нашествія въ экономической сферѣ, объ этомъ мы поговоримъ въ другой разъ. Но не можемъ кончить настоящей замѣтки, не упомянувъ о капитальной, можемъ сказать—гибельной ошибкѣ, которую законодательство допустило по отношенію къ евреямъ въ области не экономической, а назовемъ такъ—культурной. Евреевъ не только допускаютъ къ высшему образованію, но правительственными мѣрами поощряютъ къ нему, можно сказать—насильно тащатъ, во вредъ и пагубу если не цѣлой Россіи, то тому несчастному, и безъ того забитому, коренному населенію обширнаго края, гдѣ сосредоточено еврейское племя. Противъ этой системы мы еще двадцать четыре года оффиціальнымъ путемъ представляли возраженія, когда намъ оффиціальнымъ же путемъ задано было порученіе указать лучшія средства для привлеченія евреевъ къ общему образованію. Предполагалось (да и до сихъ поръ повидимому предполагается), что

„общее образованіе есть лучшее средство къ сліянію евреевъ съ коренными жителями“; но при этомъ терялось изъ вида, что образованіе есть сила, и притомъ сила вдвойнѣ, во первыхъ уже по развитію способностей, которое чрезъ него пріобрѣтается, и во вторыхъ по правамъ гражданскимъ, которыя съ нимъ въ Россіи соединяются. И это-то для племени, которое и безъ того занимаетъ господственное соціальное положеніе, и среди народа, доведеннаго крѣпостною властію иновѣрца-пана до полуидіотическаго состоянія, который потерялъ способность счета свыше десяти, діапазонъ голоса, помимо трехъ, много четырехъ нотъ, оставшихся у него! А двадцать четыре года назадъ крѣпостное право еще было въ силѣ, и бѣдному литвину и бѣлоруссу не только до гимназіи, что продолжается и теперь, но даже до начальной школы, до простой грамотности было далеко. Еврей же непремѣнно грамотенъ, непремѣнно учился, хотя бы у меламба; а ему преподнесли раввинскія училища, потомъ гимназіи и университеты и это задолго, задолго до освобожденія крестьянъ. Вопросъ опять былъ поставленъ ложно въ самомъ основаніи, и опять благодаря невниманію къ разницѣ общественныхъ отношеній въ Европѣ, и въ частности въ Германіи, съ отношеніями у насъ. Въ Германіи вопросъ шелъ о томъ, чтобы *допустить* евреевъ къ общему образованію, къ которому они порывались, ища сліянія съ коренными жителями. Сліяніе съ коренными жителями имъ было дорого, потому что оно открывало имъ входъ въ запертый для нихъ строй. У насъ сліяніе по языку, да потомъ съ придачею просвѣщенія, только облегчаетъ и расширяетъ сферу господства, которая и безъ того остается за евреями. Отсюда, между прочимъ, первоначальная неохота, съ которою отдали евреи дѣтей своихъ въ правительственныя училища, лишней силы чрезъ это они не видѣли. Въ правительственныхъ кругахъ приписывали эту неохоту учиться исключительно „религіозному суевѣрію“ и очень, кажется, этимъ огорчались, впадая въ двойное заблужденіе,—во первыхъ принимая вовсе не свойственную религіозно-педагогическую задачу въ чужомъ вѣроученіи, съ трагикоми-

ческими стараніями соблюсти и очистить еврейское православіе, а во вторыхъ вводя евреевъ во вкусъ новой силы, которой они еще не отвѣдывали и пріучая къ новой формѣ господства надъ народомъ, которая была дотолѣ имъ еще недоступна Старанія увѣнчались успѣхомъ. гимназіи въ Западномъ и Новороссійскомъ краѣ наполнены исключительно еврейскими дѣтьми, а теперь переполняются ими даже университеты. Отъ нихъ не знаетъ, куда дѣваться педагогическій міръ; неофиты вошли во вкусъ невѣдомой дотолѣ сласти. А бѣлоруссъ съ литвиномъ до сихъ поръ сдва протащится чрезъ начальную школу, да и та въ періодѣ полнаго упадка въ тѣхъ краяхъ Еще немного лѣтъ, и мы увидимъ Западный край особенно преобразованнымъ: всѣ судебныя, медицинскія, педагогическія, административныя должности отъ береговъ Вислы до Днѣстра будутъ заняты евреями. Племя безспорно даровитое, а въ искусствѣ тащить другъ друга они не уступятъ „правовѣдамъ“, общее замѣчаніе, что гдѣ сегодня два еврея, тамъ завтра будетъ тысяча, оправдается и здѣсь, и еврейскій комитетъ, какъ извѣстно, существующій въ числѣ высшихъ учрежденій имперіи, можетъ торжествовать успѣхъ своихъ гуманно-просвѣтительныхъ цѣлей.

Забота о просвѣщеніи есть вещь добрая; гуманность и того лучше. Затруднять кому-нибудь доступъ къ образованію несправедливо. Похвально и поощрять образованіе; но несправедливо направлять, въ видѣ привиллегіи, поощреніе на одну часть населенія, съ исключеніемъ другой, и тѣмъ болѣе несправедливо, разсыпая заботы о пасынкѣ, оставлять въ небреженіи сына. Пускай евреи съ Богомъ достигаютъ всѣхъ ученыхъ степеней и всѣхъ чиновъ и должностей, которыя тѣмъ степенямъ присвоены. но родного-то брата, бѣлоруссa, при этомъ не забудемъ

Еврейскій вопросъ*).

Не утихающій интересъ еврейскаго вопроса съ каждымъ днемъ порождаетъ новые слухи. Извѣстіе о евреяхъ, обращавшихся чрезъ своего представителя къ испанскому послу въ Константинополѣ, опровергнуто „Русскимъ Всеобщимъ Агентствомъ“. Нѣмецкая „Рижская Газета“, со словъ своего корреспондента, тѣмъ не менѣе увѣряетъ, что черезъ западную границу текутъ постоянныя волны евреевъ, переселяющихся будто бы въ Англію и Америку. Извѣстію этому можно вѣрить; но вотъ что кажется мало вѣроятнымъ: „Новое Время“ передаетъ, будто существуетъ проектъ учрежденія колоніи русскихъ евреевъ въ западныхъ штатахъ Сѣверной Америки, и будто одинъ изъ русскихъ евреевъ прибылъ уже въ Чикаго и „дѣлаетъ приготовленія къ устройству, въ видѣ опыта, колоніи изъ 20 семей землепашцевъ“. Невѣроятна именно послѣдняя часть слуха. Для того, чтобы основать колонію землепашцевъ, нѣтъ надобности переплывать океанъ. Колоніи земледѣльцевъ изъ евреевъ пытались устроить въ Россіи само правительство; имъ отведена была земля, даны были льготы, и извѣстно, чѣмъ это кончилось; земледѣліе не привилось къ евреямъ. Они приняли землю только для вида, а самый трудъ земледѣлія возложили все таки на наемныхъ батраковъ-христіанъ, предоставивъ себѣ привычное занятіе гандельства въ разныхъ родахъ. Это привычка, даже не вѣковая, а тысячелѣтняя, и если бы нашлось не двадцать, но хотя бы дюжина еврейскихъ семействъ, которые искренно предложили бы себя въ землепашцы, русскій народъ благословилъ бы ихъ, и правительство, нѣтъ сомнѣнія, поспѣшило бы имъ на помощь. Каждый изъ евреевъ, нѣтъ сомнѣнія, совершенно въ этомъ убѣжденъ, и ни одному изъ нихъ не придетъ въ голову отправляться въ Чикаго за полученіемъ того, чего безъ затрудненій можно достигнуть дома. Мало того; нѣсколько лѣтъ назадъ спеціально образовывалось благотворительное общество изъ самихъ евреевъ, съ цѣлію именно покупки зе-

*) С. П. 19 іюня, № 167.

мель для устройства колоній въ родѣ предполагаемыхъ въ Чикаго. Успѣло ли общество образоваться мы не знаемъ, но готовность была заявлена, и мы ее въ свое время привѣтствовали. И такъ, для чего же отправляться въ Америку? Если слухъ имѣетъ основаніе, то делегатъ отправленъ въ Чикаго должно быть для того, чтобы приготовить устройство колоніи евреевъ землевладѣльцевъ, а не землепашцевъ. Это совсѣмъ иное дѣло. Землевладѣніе, при обработкѣ земли чужими руками, есть тотъ же гандель, и онъ въ Россіи практикуется, гдѣ евреи охотно арендуютъ и даже покупаютъ земли (на чужое имя) и хозяйствуютъ. Стоило бы воздвигнуть отъ имени человѣчества памятникъ тому мудрецу, который бы придумалъ средство обратить евреевъ къ труду, и именно земледѣльческому, труду въ преимущественномъ смыслѣ Но этому противится отчасти самый организмъ еврея Мускульное напряженіе не по немъ; самое большее, на что онъ идетъ,—ремесло, родъ занятій почти женскій, свойственный слабому организму. Это даже не лѣнь и не разсчетъ, а естественное невольное отвращеніе. Организмъ еврея—по преимуществу нервный· живость, быстрые переходы отъ одного движенія къ другому, и физическаго и душевнаго, свойственны ему по преимуществу. Цѣлыя тысячи лѣтъ такъ воспитывался организмъ, и это тѣмъ болѣе значитъ, что порода съ другими не скрещивается, и слѣдовательно физическіе задатки переходятъ отъ одного поколѣнія къ другому послѣдовательнѣе, нежели во всякомъ другомъ племени Затѣмъ нравственная природа еврея противится земледѣлію, съ тѣхъ поръ какъ они потеряли свое отечество. Каждую землю они считаютъ чужою, особенно тѣ, для кого священна память объ Іерусалимѣ; прикрѣплять себя къ чужой землѣ, искренно признать себя ея сыномъ можетъ только еврей, въ душѣ совершенно развязавшійся отъ своихъ священныхъ преданій. А много ли такихъ?

Возникаютъ евреи библейцы или евреи-штундисты, какъ ихъ другіе называютъ. Пожелаемъ имъ самаго полнаго успѣха. Если они истинные библейцы и истинные штундисты, тогда они приближаются къ караимамъ, этимъ единственнымъ евреямъ,

имѣющимъ истинное право на названіе „русскихъ Моисеева закона“, не совсѣмъ заслуженно присвояемое себѣ евреями-талмудистами. Караимы, между прочимъ, и служатъ доказательствомъ, что не племя и не вѣроученіе возбуждаетъ въ народѣ русскомъ неудовольствіе противъ евреевъ, а тѣ соціальныя язвы, которыхъ они являются преимущественными распространителями, въ силу однако отчасти опять своего вѣроученія. Братство библейцевъ или штундистовъ поняло эту сущность зла, оно поставило себѣ потому задачею религіозно-нравственное возрожденіе на основаніи библіи.

О назначеніи благочинныхъ*).

Въ теченіе многихъ лѣтъ, во многихъ епархіяхъ ввелось въ обычай, что назначеніе въ благочинные совершалось по выбору самихъ духовныхъ лицъ подвѣдомственнаго благочинія. Этотъ обычай, какъ извѣстно, недавнимъ указомъ святѣйшаго синода отмѣненъ, въ видахъ, какъ объяснено было въ указѣ, „предупрежденія несовмѣстныхъ съ духовнымъ саномъ проступковъ въ средѣ священнослужителей“. Изъ всѣхъ отзывовъ, какіе послѣдовали въ печати по поводу этой мѣры, основательнѣе другихъ намъ показался явившійся въ послѣднемъ № „Голоса“, подъ заглавіемъ *Выборы духовныхъ лицъ*. Авторъ находитъ, что отмѣна выбора благочинныхъ не можетъ вести къ указанной цѣли „предупрежденія проступковъ въ средѣ духовныхъ лицъ“; что въ царствованіе Александра Благословеннаго поведеніе духовенства также обратило на себя вниманіе Императора, и что однимъ изъ средствъ къ исправленію духовенства, по порученію синода, предположено было митрополитомъ кіевскимъ Евгеніемъ, наоборотъ, именно введеніе выборнаго начала въ духовенство и именно приложеніе этого начала къ назначенію благочинныхъ, тогда какъ теперь, напротивъ, приложеніе того

*) С. П. 23 іюня, № 171.

же начала сочтено, повидимому, препятствіемъ къ нравственному улучшенію духовенства. Авторъ приводитъ затѣмъ выдержки изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, изъ которыхъ видно, что епархіальные архіереи и св. синодъ постоянно бывали довольны выборными благочинными и находили ихъ лучшими, нежели назначенные старымъ бюрократическимъ способомъ

Мы никогда не принадлежали къ числу приверженцевъ выбора благочинныхъ Намъ казалось, что началомъ избранія, примѣненнымъ именно къ этимъ административнымъ властямъ церковной іерархіи, и именно въ той формѣ, въ какой выборы производились. то есть внѣ всякаго участія паствы, только удалялось ложное положеніе, въ которомъ и безъ того у насъ поставлено духовенство; только укрѣплялось отчужденіе, въ которомъ у насъ стоитъ клиръ отъ народа, еще опредѣленнѣе конституировалось оно, какъ особое, само по себѣ и для себя состоящее тѣло. Выборное начало есть истинно церковное, тѣсно связанное съ самою соборностью церкви, но если вводятся выборы, то изъ права участвовать въ нихъ не должна быть исключаема сама церковь, то есть вѣрующіе; и во вторыхъ, если выборы производятся среди одного духовенства и при его исключительномъ участіи, то изъ всѣхъ духовныхъ должностей званіе благочиннаго наименѣе другихъ къ тому удобно: благочинный не игуменъ, и духовенство, подчиненное ему, не братія; онъ не духовный руководитель, не духовный отецъ, не депутатъ духовенства, и даже не судія. Ко всѣмъ вышеименованнымъ званіямъ выборы вполнѣ приложимы, они требуются самимъ существомъ отношенія, и даже прискорбно, что ни одно изъ нихъ доселѣ не подчинено апостольскому порядку избранія Но благочинный есть административно-полицейскій чинъ, око архіерея, его делегатъ, а не низшаго клира, и съ такой-то должности начинать приложеніе выборнаго начала къ церкви вообще и къ духовенству въ частности, по меньшей мѣрѣ, странно.

Итакъ не будучи приверженцами выбора благочинныхъ, мы находимъ однако возраженія противъ отмѣны его, высказан-

ныя сотрудникомъ „Голоса“, весьма вѣскими. Если бы отмѣна выбора послѣдовала съ цѣлію возстановить въ нашей церкви виды и способы вообще избраній, болѣе соотвѣтствующіе правиламъ апостольскимъ, само собою, можно было бы только радоваться. Наконецъ, если бы имѣлась въ виду практическая цѣль, достиженіе которой тѣсно связано именно со способомъ назначенія благочинныхъ, было бы понятно. Но предупрежденіе священнослужительскихъ проступковъ не зависитъ отъ того, какимъ путемъ іерей достигъ должности благочиннаго. И затѣмъ, теперешніе выборы замѣняются—чѣмъ же? Представленіемъ *консисторіи!* Достаточно назвать это слово, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ болѣе надежно ручательство и за самаго благочиннаго и за подвѣдомое ему духовенство при будущемъ способѣ назначенія, въ сравненіи съ недавнимъ прошлымъ, когда представленіе шло не отъ консисторіи, а отъ самихъ благочиній

Указъ синода поручаетъ преосвященнымъ „назначать по *личному* внимательному архипастырскому своему выбору“. Мы находимъ здѣсь недоразумѣніе. Указъ ссылается съ тѣмъ вмѣстѣ на 67 статью устава духовныхъ консисторій, которая требуетъ, какъ сказано выше, чтобы благочинныхъ представляла консисторія. Если представленіе консисторій не мѣшаетъ *личному* усмотрѣнію архіерея, чѣмъ мѣшаетъ тому же личному усмотрѣнію представленіе отъ благочинія? Если выборы благочинныхъ производились, это не значило, что архіерей обязанъ былъ имъ подчиняться. Архіереи не обязывались и не подчинялись; назначали, во всякомъ случаѣ, тѣхъ, кого сами находили болѣе достойными. Они только призывали на совѣтъ само духовенство, спрашивали, кто, по его мнѣнію, достоинъ благочинническаго званія Почему совѣтъ одной консисторіи будетъ надежнѣе для архіерея, нежели тотъ же совѣтъ, да сверхъ того еще присоединенная къ нему рекоммендація отъ нѣсколькихъ десятковъ лицъ цѣлаго благочинія? Архіерей, ни въ какомъ случаѣ не стѣсненный своимъ выборомъ, казалось бы, только болѣе обезпеченъ былъ отъ ошибокъ и пристрастія.

Еврейскій вопросъ*).

Нѣжинское происшествіе показываетъ, что огонь хранится подъ пепломъ, и малѣйшей причины достаточно, чтобы произвести пожаръ. И на этотъ разъ пожаръ былъ кровавый. Не только увѣщанія администраціи, увѣщанія духовенства,—не помогло даже употребленіе оружія. Между тѣмъ драма разыгрывалась въ неизмѣнномъ порядкѣ, какъ было въ Елисаветградѣ, Кіевѣ и за послѣдніе дни въ Переяславѣ и Борисполѣ. Личнаго озлобленія нѣтъ, нѣтъ побоевъ, тѣмъ менѣе убійствъ, нѣтъ даже оскорбленій; идетъ разгромъ, а не побоище; высказывается фактическій протестъ имущественный, не политическій, не племенной, не религіозный. „Мы не грабители", воскликнулъ одинъ изъ толпы, какъ пишутъ въ „Кіевлянинѣ", и увидавъ бабу съ узломъ награбленнаго, выхватилъ узелъ, бросилъ въ рѣку, а за нимъ бросилъ туда же и бабу. Не знаемъ: представляетъ ли еще исторія примѣры подобныхъ явленій.

Чтобы уничтожить дѣйствіе, необходимо уничтожить причины: такая простая истина! Причины, вызывающія озлобленіе противъ евреевъ, извѣстны. „Яица доходили у насъ до 40 копѣекъ десятокъ"! восклицаетъ нѣжинскій корреспондентъ „Кіевлянина". „На базарѣ ничего нельзя купить; все скуплено евреемъ уже за заставой и продается на базарѣ въ тридорога". Въ переводѣ на научный экономическій языкъ это означаетъ, что евреи захватываютъ себѣ монополію, и притомъ, какъ видно изъ послѣдняго замѣчанія, захватываютъ даже въ противность формальному закону. Когда будетъ производиться слѣдствіе, не мѣшаетъ слѣдователю провѣрить, не закупается-ли дѣйствительно товаръ еще за заставой, и не совершается ли дѣйствительно этотъ подлогъ въ торговлѣ, что производитель продаетъ товаръ не по той цѣнѣ, какую устанавливаетъ конкуренція, а какую подсказываетъ ему сзади стоящій еврей, и не продаетъ ли онъ товара, уже проданнаго, за свой, или не продаетъ ли еврей товара за свой, совершивши только фиктивную куплю, не ку-

*) С. И. 28 іюля, № 206.

пивши, не сваливши товаръ, а только приторговавши. Происходятъ эти операціи или нѣтъ? Извѣстны онѣ были полиціи или нѣтъ? И какимъ образомъ она терпѣла эту противозаконность?

„Захватываютъ себѣ монополію“ сказали мы. Предвидя возраженіе, замѣняемъ слово „монополія“ другимъ: „стачка“. Евреи, живущіе въ одномъ городѣ, тѣмъ самымъ не составляютъ еще одного торговаго дома. Въ этомъ смыслѣ они не монополисты; но ихъ торговыя дѣйствія падаютъ на остальное населеніе со всѣми признаками, которыя свойственны монополіи. Конкурируя между собою, они единодушны въ отношеніи къ чужимъ, находясь предъ ними въ стачкѣ, въ стачкѣ постоянной, даже не договоренной, а вѣчно подразумѣваемой и присущей. Стачка явленіе опять противозаконное. И опять можно бы задать вопросъ: какимъ же образомъ случилось, что она допускается? Но мы этого вопроса не зададимъ, по той простой причинѣ, что самъ законъ до извѣстной степени покровительствуетъ стачкѣ, выдѣляя евреевъ въ особую корпорацію. Экономическая стачка есть только послѣдствіе отчужденія племеннаго и религіознаго, которое законъ не только признаетъ, но можно сказать утверждаетъ, признавая „еврейское общество“, дозволяя ему дѣлать между собою раскладки, и проч. и проч.

Евреи скорбятъ о неравенствѣ правъ своихъ съ остальнымъ населеніемъ. Неравенство это заключается единственно въ ограниченіи мѣстъ ихъ осѣдлости. Но господствующее населеніе можетъ указать на равенство правъ въ обратномъ смыслѣ. Евреи имѣютъ организацію, которую отчасти утверждаетъ, отчасти признаетъ, отчасти терпитъ законъ. Обладаютъ ли равносильною организацією хотя бы крестьяне или мѣщане нѣжинскіе? Въ крикахъ толпы, при безпорядкахъ нѣжинскихъ, слышались восклицанія: „мы подадимъ прошеніе Царю!“ Кто *мы?* Какимъ образомъ можетъ быть подано и принято прошеніе? Восклицало только простодушіе, невѣдающее того, что прошеніе ихъ не будетъ имѣть хода, ибо, будучи не иначе составлено и подано какъ „скопомъ“, оно противозаконно, за что просители должны быть привлечены къ отвѣтственности

Говоря недавно объ еврейскомъ вопросѣ, мы утверждали, что къ благополучному рѣшенію могутъ вести не столько ограничительныя мѣры противъ евреевъ (а тѣмъ менѣе поощрительныя имъ), сколько покровительственныя и поощрительныя прочему населенію. Брошюра, изданная недавно въ Одессѣ г. Айзбергомъ (евреемъ) утверждаетъ между прочимъ то же самое. „Евреи развитѣе и грамотнѣе русскихъ, итакъ, развивайте и учите русскихъ". Такова мысль г Айзберга, и именно ее мы выражали; чтобы дать соціальный отпоръ, необходимо равенство въ силахъ. А онѣ не ровны; на сторонѣ евреевъ болѣе смѣтливости, образованія, богатства и, въ добавокъ, единодушія.

Соглашаясь въ основаніи съ г Айзбергомъ, мы приглашаемъ его идти далѣе Въ видахъ общественной и своей собственной пользы и собственнаго спокойствія, которому вотъ уже не первый разъ народное негодованіе изъявляетъ нешуточныя угрозы, евреямъ слѣдовало бы поступиться нѣкоторыми изъ своихъ правъ, которыми они владѣютъ и которыхъ лишены прочіе. Наиболѣе образованные изъ нихъ любятъ увѣрять, что они истинно русскіе и сердечно вѣрноподданные, что сліянія своихъ соплеменниковъ, живущихъ въ Россіи, съ русскимъ народомъ они желаютъ отъ всей души Желанія эти, отдадимъ справедливость, въ большей части искренни; но нужно, чтобы они подтверждались не однимъ изученіемъ русскаго языка, посѣщеніемъ русскихъ школъ, или поступленіемъ на государственныя профессіи. Это пусть въ одну сторону, но пусть усилія ихъ же самихъ направляются и въ другую—въ разрушеніе той корпоративной особности, которая образуетъ изъ нихъ не вѣроисповѣдную только секту, а соціально-экономическую и отчасти политическую касту. Не входя вдаль, почему бы напримѣръ самимъ евреямъ не попросить, чтобы метрики ихъ велись въ полиціи и браки свидѣтельствовались полиціею же? Почему не ходатайствовать, чтобы всякое ихъ общественное совѣщаніе было обязательно публичнымъ и во всякомъ случаѣ совершалось не иначе какъ въ присутствіи агента правительственной власти? Первое служило бы отвѣтомъ на нареканія объ уклоненіи отъ

военной службы, о подлогахъ въ именахъ и лѣтахъ, о намѣренно уменьшенномъ народосчисленіи. Второе фактически разсѣетъ подозрѣнія, что евреи систематически эксплоатируютъ населеніе, сообща прикрываютъ преступленія, сообща обдумываютъ способы дѣйствительнѣйшей стачки и т. п. Всякое совѣщаніе евреевъ, не обставленное упомянутыми гарантіями, признавалось бы тогда за незаконное сборище и разсѣевалось полиціею; права съ остальнымъ населеніемъ уравнялись бы тогда не только въ одну, но и въ другую сторону. Еврейская малообразованная чернь, мы понимаемъ, будетъ очень противъ и того и другого нововведенія; но долгъ передовыхъ евреевъ въ этомъ случаѣ содѣйствовать русскому народу, неотъемлемою частію котораго они себя признаютъ и желаютъ быть Русскій отдѣльно ничего не имѣетъ противъ еврея въ отдѣльности; но цѣлыя населенія начинаютъ коситься, ворчать, негодовать, наконецъ разражаются дѣйствіями насилія, когда чувствуютъ или подозрѣваютъ противъ себя стачку цѣлаго же еврейскаго общества

О церковномъ соборѣ *).

Присоединеніе къ православію одного изъ старообрядческихъ священниковъ задаетъ вопросъ: что же дѣлается церковью въ облегченіе подобныхъ присоединеній? Мы говоримъ не о миссіонерствѣ, а объ іерархическомъ положеніи, которое занимаетъ церковь по отношенію къ расколу или точнѣе къ обрядамъ, давшимъ ему начало. Расколъ, можно сказать, ступилъ шагъ къ сближенію съ церковью извѣстнымъ „окружнымъ посланіемъ“. Церковь съ своей стороны уже 80 лѣтъ оказываетъ снисхожденіе обрядамъ, давшимъ начало расколу, учредивъ „единовѣріе“. Единовѣріе, повидимому, есть наилучшій мостъ для примиренія, но положеніе, въ которомъ держатъ его, двусмысленно, чтобъ не сказать болѣе; и расколъ этимъ пользуется,

*) С И 9 августа, № 218.

чтобы укорить церковь въ противорѣчіи Противорѣчія въ сущности нѣтъ, если согласиться съ изъясненіемъ покойнаго митрополита Филарета, что проклятіе, наложенное на раскольниковъ въ 1667 году, относилось не къ обрядамъ, изъ за которыхъ отклонились раскольники отъ церкви, а къ уклоненію изъ за этихъ обрядовъ Но такое изъясненіе неудовлетворительно, пока не подтверждено соборною властью, не меньшею той, которая наложила проклятіе. Собора этого тщетно дожидаются и раскольники, и единовѣрцы и, можно сказать, сами православные, у которыхъ, помимо упомянутаго, много вопросовъ на сердцѣ. Вопросъ объ единовѣріи остается замятымъ по пріему, употребительному въ дипломатическомъ мірѣ, но совсѣмъ не подобающему церкви. Точно также заминается вопросъ и о болгарскомъ расколѣ и о многихъ предметахъ церковнаго устройства, нуждающихся въ соборномъ разрѣшеніи и изъясненіи. А между тѣмъ соборное разрѣшеніе хотя бы вопроса объ единовѣріи, послужило бы толчкомъ въ духовной жизни, можно сказать, задремавшей у насъ. Пожалуй она и не совсѣмъ заснула, пробивается наружу въ штундизмѣ и разныхъ сектаторствахъ (не скажемъ сектахъ), подобныхъ Пашковскому. Запросъ есть, и запросъ отправляется отъ неудовлетворенности современнымъ положеніемъ церкви, которое представляется окаменѣлымъ. Съ другой стороны разрѣшеніе клятвы на старообрядцевъ, въ смыслѣ митрополита Филарета, сняло бы, по крайней мѣрѣ на половину, плотину, заграждающую переходъ изъ старообрядчества въ православіе; точнѣе сказать—изъ раскола въ церковь, потому что вѣроятно, если бы соборъ состоялся, онъ обезразличилъ бы употребленіе старыхъ и новыхъ обрядовъ, признавъ толкованіе тѣхъ и другихъ равномѣрно православными. Тѣмъ изъ старообрядцевъ, которые въ основаніи не отрицаютъ православіе нашей церкви (каковы окружники), не оставалось бы тогда ничего, какъ возсоединиться

Въ газетахъ напечатанъ слухъ (и даже переданъ телеграфомъ[1]), нелѣпѣе котораго трудно представить: о томъ, что въ Москвѣ, ко времени освященія храма Христа Спасителя, яко бы соберется вселенскій (!) соборъ, на которомъ будетъ раз-

суждаться между прочимъ о второбрачіи священниковъ и о бракѣ католическихъ (!) священниковъ При всѣхъ усиліяхъ трудно даже додуматься, кто бы могъ сочинить такое полномочіе для православнаго собора разрѣшать браки католическимъ священникамъ; но не лишено значенія, что фантазія выдумщика, кто бы онъ ни былъ и какъ бы ни былъ невѣжественъ, направилась именно на такой предметъ, какъ церковный соборъ или бракъ католическихъ священниковъ, до извѣстной степени онъ надѣялся порадовать публику. слѣдовательно въ публикѣ ходятъ такія надежды Мы не принадлежимъ къ числу раздѣлящихъ эти надежды и тѣмъ менѣе находимъ возможнымъ въ данную пору и къ такому случаю, какъ освященіе мѣстнаго московскаго, пусть пожалуй всероссійскаго, храма созваніе вселенскаго собора; но приподнять дѣло объ единовѣріи и расколѣ, хотя бы перепискою съ восточными патріархами, находимъ благовременнымъ теперь, какъ и всегда. Нельзя же этому затрудненію оставаться на вѣки замятымъ. Придетъ же время, когда оно должно быть разрѣшено, какъ и многіе другіе. Именно вопросъ о единовѣріи и можетъ послужить началомъ къ разъясненію прочихъ недоумѣній; а всѣ они, выведенныя на свѣтъ,—къ сознанію необходимости для рѣшенія ихъ созвать соборъ.

Что же касается до брака католическихъ священниковъ, то въ этомъ можемъ успокоить неизвѣстнаго выдумщика, въ россійскомъ государствѣ бракъ католическимъ священникамъ можетъ быть разрѣшенъ безъ всякаго собора и даже безъ всякаго обращенія къ церковной власти: стоитъ только законодательной власти вычеркнуть изъ свода законовъ статью, которою связываетъ себя правительство, обязывалсь признавать католическими священниками только безбрачныхъ. Не будь этой статьи, отними законъ свою запретительную руку,—много ксендзовъ переженится (къ удостовѣренію этого есть несомнѣнныя данныя) И мы согласны, что это было бы очень хорошо и для самихъ ксендзовъ и для государственной власти, особенно въ тѣхъ краяхъ, гдѣ ксендзы являются проводниками не только религіозной идеи, но и политическаго сепаратизма.

Церковное пѣніе*).

Общество любителей церковнаго пѣнія, о которомъ мы неоднократно говаривали, не смотря на свою молодость, дѣйствуетъ Еще года не прошло со времени учрежденія, какъ оно уже издало кругъ церковнаго пѣнія и открыло двѣ безплатныя школы. Но это еще преддверіе дѣятельности. Задачъ впереди множество, и при замѣчательно горячемъ участіи предсѣдателя (преосвященнаго Амвросія) и при содѣйствіи людей теоріи и практики музыкальной вообще и пѣвческой въ частности, можно ожидать, что обильный починъ будетъ началомъ еще болѣе богатаго продолженія.

Какія же это задачи у общества? Часть ихъ найдетъ читатель указанными въ нижепомѣщаемой замѣткѣ Въ поясненіе прибавимъ, о чемъ вѣроятно громадное большинство не догадывается, что во 1, какъ дознано теперь, наше обыкновенное церковное пѣніе, по просту сказать дьячковское, есть произведеніе нашего народнаго творчества, а не заимствовано изъ Греціи вмѣстѣ съ христіанствомъ, какъ предполагалось и какъ предположить, повидимому, было всего естественнѣе, во 2, что простое дьячковское пѣніе—*правильнѣе*, нежели то же пѣніе, изданное въ извѣстныхъ церковныхъ обиходахъ и октоихахъ. Послѣднее обстоятельство должно несомнѣнно поразить всякаго, имѣющаго сколько-нибудь понятія о дѣлѣ. Какъ? Дьячекъ, тянущій по паслышкѣ, поетъ правильнѣе, нежели написано въ книгѣ, изъ которой несомнѣнно и заимствована исполняемая имъ мелодія? Вотъ то-то и нѣтъ. При внимательномъ изслѣдованіи оказывается, что указныя книги церковнаго пѣнія наоборотъ записаны съ голоса, причемъ списатели мудрили, прибавляли, переиначивали, руководствуясь можетъ быть личнымъ вкусомъ, и можетъ быть своими понятіями о музыкальной теоріи. Это и понятно, коль скоро обычное церковное пѣніе есть произведеніе народнаго генія; съ записываніемъ народныхъ

*) С. И. 5 сентября, № 245.

церковныхъ напѣвовъ и должно было случиться, что продолжаетъ до сихъ поръ съ другимъ видомъ народнаго пѣснотворчества, т. е. съ пѣснями: правильно записанной русской пѣсни нѣтъ, и мужикъ поетъ и несомнѣнно вѣрнѣе, нежели записалъ, пусть съ его же голоса, ученый композиторъ.

Такъ какъ обычное церковное пѣніе есть произведеніе русскаго народнаго творчества, то естественно, оно должно подчиняться и тѣмъ особеннымъ музыкальнымъ законамъ, которые свойственны русскому пѣнію и которые между прочимъ уже замѣчены въ пѣснѣ. Эту истину предугадывали корифеи музыкальнаго дѣла въ Россіи—покойные Глинка и князь Одоевскій. Честь ближайшаго открытія, что касается собственно церковнаго пѣнія, принадлежитъ именно новоучрежденному Обществу любителей, благодаря содѣйствію знатоковъ музыкальнаго дѣла, состоящихъ въ немъ членами. Мы не назовемъ ихъ, но одному изъ нихъ принадлежитъ нижепомѣщенная замѣтка; спеціалисты и оцѣнятъ.

Сказанное сейчасъ служитъ между прочимъ объясненіемъ и тому, почему Общество любителей рѣшило издать свой кругъ церковнаго пѣнія, когда уже существуетъ таковой въ изданныхъ святѣйшимъ синодомъ книгахъ. Чтобы открыть пѣніе истинно народное и истинно древнее (что на этотъ разъ совершенно тождественно), необходимо его записывать съ живого голоса, и случайныя разнообразія исполненія, такъ сказать, возводить къ идеальному единству· пріемъ нѣсколько подобный (въ настоящемъ случаѣ единственно и законный) тому, посредствомъ котораго филологъ изъ сличенія разнообразныхъ манускриптовъ возсоздаетъ подлинный текстъ древняго писателя. Общество издало кругъ московскаго обычнаго пѣнія; если въ другихъ мѣстностяхъ напѣвъ представляетъ уклоненіе, Общество безъ сомнѣнія съ благодарностью приметъ, если ему о нихъ сообщатъ; это будетъ новый манускриптъ. Изъ сличенія мѣстныхъ разнообразій обычнаго пѣнія, какъ между собою, такъ и съ древними напѣвами, частью записанными, частью сохраняющимися въ живомъ употребленіи (въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и у раскольниковъ) и возсоздается во всей чистотѣ русскій цер-

ковный стиль, церковное пѣніе не только вполнѣ исправится и облагообразится, но, что можетъ быть еще важнѣе, вполнѣ выяснятся и законы русской музыки Не худо бы сдѣлало Общество, если бы отнеслось повсюду съ приглашеніемъ доставлять ему своеобразные напѣвы, гдѣ-либо употребляемые. Общество между прочимъ имѣетъ въ виду снаряжать экспедиціи именно для изученія мѣстныхъ обычныхъ напѣвовъ Экспедиціи необходимы, но могутъ быть присланы и прямо съ мѣста полезныя указанія и сообщенія

Въ заключеніе не излишне прибавить, что обычное церковное пѣніе было у насъ до послѣднихъ временъ въ совершенномъ загонѣ, оно было своего рода mauvais genre, съ которымъ неприлично показываться въ торжественныхъ случаяхъ. И вотъ что замѣчательно: пренебреженіе къ „дьячковскому“ пѣнію и церковной нотѣ господствовало не только въ публикѣ, но въ самомъ духовенствѣ и духовныхъ школахъ Не знаемъ, какъ теперь, но въ не очень даже отдаленныя времена, изъ всѣхъ предметовъ обученія церковное пѣніе было въ духовныхъ школахъ самымъ презираемымъ Церковной нотѣ учились еще тѣ, которые не надѣялись окончить курса, слѣдовательно получить священническое или діаконское мѣсто; но кто надѣялся на что-либо высшее дьячковства, тотъ не хотѣлъ марать свое достоинство изученіемъ предмета, нужнаго, по общему убѣжденію, только дьячку. По замѣчательной, хотя вполнѣ объяснимой противоположности, тѣ же самые молодые люди, гнушавшіеся заниматься „дьячковскимъ“ дѣломъ, изучали, если приходилось, съ охотою итальянскую ноту и вступали любителями и пѣвчими въ хоры: церковная нота и обычное пѣніе считались своего рода зипуномъ, итальянскія—фракомъ. Со времени Львова, церковному обычному пѣнію оказано снисхожденіе, но только снисхожденіе: зипунъ удостоили вниманія, перекроивъ его однако на фракъ Ниже В. К. съ сожалѣніемъ замѣчаетъ, что на фабрикахъ, гдѣ къ чести фабрикантовъ заводятся хоры, употребляется львовское пѣніе Иначе не можетъ быть· кто покровительствуетъ, тотъ заведетъ даже вполнѣ партесное пѣніе,

добродушно воображая, что это и есть совершенство. Да вѣдаютъ однако всѣ усердствующіе о хоровомъ церковномъ пѣніи, не жалѣющіе иногда большихъ средствъ на обученіе хоровому пѣнію мастеровыхъ, учениковъ, и т. п., что пріученіе народа къ итальянскому хоровому пѣнію есть разученіе пѣнію, а не обученіе. Собственно въ русскомъ пѣніи, какъ замѣчаетъ ниже г. В. К., хоралъ никогда не употребляется. Въ русскомъ хорѣ каждый пропоетъ со смысломъ, если его оставить и одного безъ хора исполнять свою партію Но попытайте тоже сдѣлать съ партеснымъ хоровымъ пѣніемъ: басъ, теноръ, альтъ пусть исполнятъ свою партію безъ содѣйствія другихъ голосовъ: выйдетъ чепуха, безсмыслица. Въ этомъ то и состоитъ одно изъ существенныхъ отличій русской музыки, и потому-то партесное хоровое пѣніе отучаетъ русскаго человѣка отъ искусства пѣть, а не пріучаетъ къ нему. Будемъ надѣяться, что господствующій предразсудокъ разсѣется со временемъ, и пожелаемъ Обществу любителей церковнаго пѣнія, чтобы дѣятельность его помогла народу-пѣснотворцу выбиться изъ путъ, которыя на него наложили и накладываютъ.

Единовѣрцы*).

Новыя облегчительныя правила объ единовѣрцахъ на дняхъ напечатаны. Повторимъ ихъ сущность.

Тому, кто по духовнымъ книгамъ записанъ православнымъ, но болѣе 5 лѣтъ не принималъ таинствъ православной церкви, дозволяется присоединяться къ единовѣрію.

Записанному православнымъ дозволяется въ уважительныхъ случаяхъ, и безъ приписки къ единовѣрію, принимать таинство отъ единовѣрческаго священника.

Дѣтей дозволяется крестить и сподоблять прочихъ таинствъ въ единовѣрческой церкви, когда одинъ изъ родителей единовѣрецъ.

*) С. И 24 сентября, № 264

Быть записаннымъ въ православіи и присоединиться къ православію, быть записаннымъ въ единовѣріи и присоединиться къ единовѣрію,—однимъ словомъ „быть приписаннымъ“ и „присоединиться“ одно ли и то же? Правила исходятъ изъ утвердительнаго воззрѣнія, къ сожалѣнію до селѣ господствующаго въ нашихъ церковно-государственныхъ отношеніяхъ. Подразумѣвательно они разсуждаютъ не такимъ образомъ: „ты вѣруешь и потому приписанъ“, а на оборотъ· „ты приписанъ, слѣдовательно вѣруешь, обязанъ вѣровать, не смѣешь не вѣровать“. Въ сущности это есть отрицаніе вѣры, потому что вѣра, сама по себѣ, есть свобода, отрицаніе принужденія. Надо отдать справедливость правилам. они дѣлаютъ уступку вѣрѣ, признаютъ ея права, и на этомъ-то основаніи дозволяютъ записанному православнымъ „присоединяться къ единовѣрію“, т е, понятно,—„приписаться“. Они даютъ болѣе дозволяютъ принимать таинства по обрядамъ единовѣрія, даже безъ приписки къ единовѣрческому приходу. Правда, льгота условлена „особенно уважительными“ случаями, но это не болѣе, какъ канцелярская кавыка, неизбѣжная при существующемъ основномъ воззрѣніи, что дѣло не въ самой вѣрѣ вѣрующаго, а въ значкѣ, подъ которымъ онъ значится. На дѣлѣ же это есть безусловное дозволеніе. Пусть строптивый священникъ вчинитъ слѣдствіе о православномъ (т. е. „записанномъ“ въ православіи), что онъ безъ уважительной причины исповѣдывался у единовѣрческаго священника: испишется много бумаги, поживится консисторія, можетъ быть и самъ священникъ, но въ концѣ концовъ желающій быть въ единовѣріи останется единовѣрцемъ, тѣмъ болѣе, что пятилѣтній срокъ искуса недалекъ, когда можно вполнѣ законнымъ образомъ приписаться или, говоря языкомъ правилъ, „присоединиться“ къ единовѣрію.

Вообще, единовѣрію предоставляется теперь обширное поле. Ближайшая цѣль правилъ, сколько мы понимаемъ, заключалась въ томъ, чтобы путемъ присоединенія къ единовѣрію удержать отъ окончательнаго отпаденія въ расколъ тѣхъ, которые хотя записаны православными, но въ душѣ держатся старыхъ обрядовъ. Эта цѣль безъ сомнѣнія и достигнется, но

кромѣ того единовѣрію открываются виды и на пропаганду; ходъ къ ней открытъ именно вышепомянутыми „особенно уважительными случаями“. Все нетвердое, колеблющееся воспользуется этимъ ходомъ Предвидимъ, что единовѣрческіе храмы не только умножатся, но со временемъ нѣкоторые православные преобразятся въ единовѣрческіе, или совсѣмъ упразднятся, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наклонность къ старымъ обрядамъ распространена, а чрезъ нихъ распространится и единовѣріе. Православные храмы останутся безъ прихожанъ и достоинство церкви потребуетъ ихъ упраздненія Печальнаго въ этомъ конечно ничего нѣтъ, когда въ приписке къ единовѣрческому приходу будетъ находить успокоеніе совѣсть вѣрующаго, и когда единовѣріе вообще благословлено. Можетъ быть облегченіе переходовъ произведетъ даже полезное воздѣйствіе на православныхъ священниковъ, которые получатъ побужденіе удерживать овецъ своего стада въ оградѣ не одними записями, но словомъ и житіемъ.

Правила однако даютъ болѣе чѣмъ свободу убѣжденію: они предоставляютъ единовѣрію право и приневоливать. Разумѣемъ крещеніе дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ. Несчастное воззрѣніе, смѣшивающее „приписку“ съ „присоединеніемъ“, сказывается здѣсь даже прямымъ ущербомъ для церкви Дитя еще не имѣетъ убѣжденія и не можетъ имѣть: гдѣ же основаніе родителю-единовѣрцу распоряжаться заранѣе его вѣрованіемъ, и особенно когда другой родитель—православный? Съ точки зрѣнія господствующей церкви этою статьею дано единовѣрцамъ болѣе, нежели они имѣли право требовать, оказано снисхожденіе свыше мѣры, особенно если принять во вниманіе одно изъ ходатайствъ, съ которымъ они обращались. Ходатайство не уважено, но оно проливаетъ свѣтъ на то, что такое „единовѣрцы“.

Святѣйшій синодъ справедливо отказалъ въ новомъ изъясненіи проклятія, положеннаго соборомъ 1667 года, чего единовѣрцы требовали. Помимо того, что изъясненіе уже было дано однимъ изъ выдающихся іерарховъ (митрополитомъ Филаретомъ), самое дозволеніе единовѣрія есть уже изъясненіе. Церковь дозволила употреблять двоеперстіе и другіе обряды, именуемые

старыми; тѣмъ самымъ она фактически засвидѣтельствовала, что проклятіе лежитъ не на старыхъ обрядахъ самихъ въ себѣ, а на чемъ-нибудь другомъ, именно на расколѣ изъ за этихъ обрядовъ, ибо церковь та же, что была и въ 1667 году Но вопросъ о проклятіи, и именно на двоеперстіе, въ настоящемъ случаѣ, есть обоюдоострый Если соборъ 1667 года проклиналъ крестящихся двумя перстами, то соборъ Стоглавный, за сто слишкомъ лѣтъ ранѣе того, проклиналъ на оборотъ *не* крестящихся двумя перстами. Единовѣрцамъ хочется, чтобы проклятіе 1667 года было снято торжественнымъ изъясненіемъ. Ихъ смущаетъ совѣсть, что они находятся подъ проклятіемъ Ну, а какъ разсуждаютъ они о проклятіи 1551 года? Считаютъ они его имѣющимъ силу? Если не считаютъ, зачѣмъ имъ нужно слышать изъясненіе 1667 года? Стало быть, за 1551 годомъ они признаютъ силу, потому самому и держатся они старыхъ обрядовъ, потому и не переходятъ въ полное единеніе съ церковью, а остаются въ единовѣріи. Логика и справедливость требовали бы, чтобы сами они напередъ совершили то, чего просятъ отъ синода и торжественно засвидѣтельствовали, что постановленія 1551 года признаютъ ничтожными, не имѣющими силы, что тѣ и другіе обряды одинаково признаютъ святыми. Они этого не изъявляютъ, напротивъ, для своихъ однихъ старыхъ обрядовъ требуютъ привиллегіи. Они требуютъ (и получили чего требовали), чтобы числящемуся православнымъ дозволено было безразлично принимать таинства и въ православной и въ единовѣрческой церкви, но о самихъ себѣ не обѣщаютъ, что будутъ безразлично исповѣдываться у православнаго и единовѣрческаго священника и употреблять безразлично старые или новые обряды. Слѣдовательно они отъ церкви требуютъ болѣе того, чѣмъ сами ей оказываютъ. А это далеко не единеніе; это есть разновѣріе, прикрывающееся именемъ единовѣрія. Въ этомъ-то смыслѣ имъ и дано болѣе, чѣмъ они заслуживали.

О преподаваніи Закона Божія въ школахъ *).

Въ сегодняшнемъ (считаемъ не день выхода, а день полученія въ Москвѣ) нумерѣ „Новаго Времени“ напечатана статья *Безбожныя Школы*. По перу узнаемъ ея автора и принимаемъ къ сердцу его упрекъ, нами можетъ быть болѣе другихъ заслуженный, что не отозвались въ свое время на книгу, разосланную отъ министерства народнаго просвѣщенія по всѣмъ редакціямъ, съ изложеніемъ безотраднаго положенія, въ которомъ поставлено множество народныхъ школъ по отношенію къ преподаванію въ нихъ Закона Божія. Пятая ихъ доля (страшно сказать!) пятая доля школъ лишена законоучителей! Въ этомъ-то и состояла сущность разосланной книги: въ ней собраны были статистическія свѣдѣнія о школахъ и изложены мнѣнія, высказанныя разными вѣдомствами по вопросу: не предоставить ли, въ виду сказаннаго положенія, преподаваніе Закона Божія, помимо священниковъ, свѣтскимъ лицамъ? Большинство вѣдомствъ отозвалось утвердительно, за исключеніемъ попечителей московскаго и кіевскаго округовъ. Не безъ желчи авторъ *Безбожныхъ Школъ* замѣчаетъ, что московскій попечитель (бывшій, кн. Мещерскій) „находилъ, что у него въ округѣ даже достаточно законоучителей, но по какой-то ироніи судьбы самъ же представилъ министерству вѣдомость, по которой значилось что въ московскомъ округѣ изъ 4,180 школъ въ 691 нѣтъ законоучителей изъ священниковъ, а въ 69 вовсе никто не учитъ дѣтей Закону Божію“. У кіевскаго попечителя тоже оказались школы безъ законоучителей, „а по селамъ въ его округѣ духовенство не можетъ справиться со штундой“. Соглашаясь съ большинствомъ и повинуясь необходимости, потому что нельзя же оставлять пятую долю школъ на положеніи „безбожныхъ“, министерство рѣшило:

1) Необходимо вмѣнить священникамъ въ непремѣнную обязанность преподавать Законъ Божій въ народныхъ училищахъ своего прихода и назначить имъ вознагражденіе за трудъ, 2) гдѣ не

*) С И 7 ноября, № 308

законоучительствуетъ священникъ, тамъ допустить къ преподаванію Закона Божія и свѣтскихъ лицъ, но не иначе, какъ подъ наблюденіемъ мѣстныхъ священниковъ, 3) если мѣстный священникъ по старости или другимъ причинамъ не можетъ быть наблюдателемъ, то обязанность его должна быть возложена на священника ближайшаго прихода, 4) священники-наблюдатели обязаны направлять преподаваніе въ духѣ православной церкви и нести отвѣтственность за это передъ начальствомъ; они посѣщаютъ уроки, присутствуютъ на экзаменахъ и скрѣпляютъ своимъ подписомъ свидѣтельства учениковъ; 5) изъ свѣтскихъ лицъ допускаются лица съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ, и 6) тѣ изъ неимѣющихъ ценза, которые уже занимались такимъ преподаваніемъ и будутъ одобряемы законоучителями-наблюдателями

Въ мартѣ прошлаго 1880 года министерство послало эти свои предположенія на заключеніе святѣйшаго синода, переправивъ дѣло, какъ не безъ иронiи замѣчаетъ авторъ, отъ Чернышева моста на Сенатскую площадь; но съ тѣхъ поръ, въ теченіи года и восьми мѣсяцевъ, „не имѣетъ ни отказа, ни приказа“ На этомъ дѣло и стало, говоритъ авторъ, и опять проходятъ цѣлыя поколѣнія дѣтей черезъ школы „безбожныя“

Упомянувъ, что изъ всѣхъ періодическихъ изданій, къ которымъ былъ разосланъ проектъ министерства, отозвались на него только „Берегъ“ съ „Церковно-общественнымъ Вѣстникомъ“ авторъ замѣчаетъ, что теперь отзываться на него немножко и поздно. Но не поздно будетъ объяснить по крайней мѣрѣ, почему напримѣръ мы въ свое время не отозвались Мы не отозвались потому, что не находили даже вопроса, который слѣдовало бы рѣшать; потому что видѣли совершенно превратную постановку дѣла, какой-то противоестественный обмѣнъ ролей Въ самомъ дѣлѣ, видимъ сокрушеніе о существованіи „безбожныхъ“ школъ со стороны министерства народнаго просвѣщенія, тогда какъ оно ожидалось бы со стороны духовнаго вѣдомства; видимъ священниковъ, отбивающихся отъ законоучительства и ихъ верховное начальство, повидимому, къ тому равнодушное, тогда какъ постороннее вѣдомство, которое, повидимому, могло бы оставаться равнодушнымъ, убивается, что

цѣлая пятая доля школъ остается безъ Закона Божія. Какъ это идетъ у насъ все вверхъ ногами! Въ Германіи ожесточенный Kulturkamf кончается тѣмъ, что самъ желѣзный канцлеръ отправляется въ Каноссу. Во Франціи цѣлые пятьдесятъ лѣтъ бьются разныя правительства о „свободѣ обученія", разумѣя подъ „свободою" отнятіе у духовенства права учить дѣтей; бьются и не достигаютъ успѣха. Да не достигнутъ и теперь, хотя изгнаніе религіи и Бога практикуется теперь съ настойчивостью и послѣдовательностью, которымъ могутъ позавидовать времена Робеспьера. А у насъ....

Но мы не намѣрены писать обличеній. Мнѣніе наше о данномъ вопросѣ высказано давно, почти двадцать лѣтъ назадъ, и съ тѣхъ поръ не измѣнилось; только измѣнились обстоятельства и нѣсколько насъ разочаровали. Мы писали, (тогда, двадцать лѣтъ назадъ) что начальное обученіе народа, и притомъ не одному Закону Божію, а вообще, есть о б я з а н н о с т ь духовенства, и что если оно ее не исполняетъ, то виною не оно, а внѣшнія препятствія. Наступили обстоятельства, которыя показали, что внѣшнихъ препятствій нѣтъ уже; напротивъ, сама гражданская власть позвала духовенство къ запятію школами, но.. оно упирается. Слѣдовательно, вторая половина мнѣнія, по крайней мѣрѣ по отношенію къ настоящему времени, оказалась невѣрною. Тѣмъ не менѣе при первой мы все таки остаемся. Могутъ признавать и не признавать п р а в ъ духовенства на руководство народнымъ образованіемъ, но само оно не можетъ отрекаться отъ своей обязанности къ нему, не отрекаясь отъ себя самаго. Послѣ родительскаго попеченія и даже рядомъ съ нимъ естественно стоитъ духовно-пастырское попеченіе о дѣтяхъ; за отцомъ плотскимъ и рядомъ съ нимъ стоитъ отецъ духовный Такъ слѣдуетъ по теоріи, не чьей-нибудь, а по теоріи самаго духовенства, по той теоріи, въ силу которой оно существуетъ, и которою оправдываетъ свое бытіе. Стало быть къ какому же *православному* приводитъ насъ скорбная исторія о положеніи начальныхъ школъ, остающихся на цѣлую пятую долю безъ преподавателей Закона Божія?

Причины, почему въ требуемомъ числѣ не отыскивается законоучителей изъ священниковъ, сводятся къ слѣдующимъ тремъ: 1) они не могутъ, 2) они не хотятъ, 3) они не умѣютъ Они не могутъ, гдѣ завалено ихъ время, или гдѣ училищъ на столько больше числомъ, что законоучительскаго персонала не достаетъ Они не хотятъ, когда торгуются, находятъ другія занятія или даже бездѣлье болѣе для себя пріятнымъ и выгоднымъ. Они не умѣютъ· какъ это ни дико, но объ этомъ засвидѣтельствовалъ одинъ изъ архипастырей, именно высокопреосвященный Платонъ, который не обинуясь исповѣдуетъ, что въ числѣ духовенства есть неспособные обучить тому, чему способна обучить каждая благочестивая мать семейства, даже нянька, даже простая баба, сколько-нибудь развитая

А неспособные обучить Закону Божію, то есть внушить понятіе о Богѣ, объ истинахъ христіанства и христанскихъ заповѣдяхъ, способны ли, то есть достойны ли быть священниками? А не хотящіе, то есть торгующіеся изъ за того, чтобы учить дѣтей,—и замѣтьте чему!—Закону Божію, то есть вѣрѣ и благочестію, то есть исполнять первую обязанность священника, безъ которой всѣ остальныя бездѣйственны,—не повинны ли таковые въ святокупствѣ, не достойны ли прямо извержения? Вопросъ для насъ рѣшается такъ ясно, что, какъ мы сказали, не составляетъ даже вопроса Вопросъ возникаетъ только изъ неестественной постановки, только изъ того обмѣна ролями, въ которомъ гражданское начальство принимаетъ на себя положеніе духовнаго, а духовное пребываетъ въ равнодушіи, которое развѣ свѣтскому можетъ быть извинительно Вопросъ возникаетъ только о самой этой противоестественности, о томъ извращеніи понятій, что обязанность духовенства воображается его правомъ, гдѣ-то писаннымъ, что объ исполненіи самопервѣйшей обязанности духовенства нужно просить его какъ о какой-то милости, которую оно вольно оказать или не оказать, смотря по обстоятельствамъ, т. е. смотря по тому, заплатятъ ему или не заплатятъ и сколько заплатятъ, и смотря по тому, находитъ

ли оно для себя болѣе пріятнымъ и удобнымъ съѣздить въ школу на урокъ, или къ пріятелямъ на пульку.

Покойной памяти „Берегъ“, отозвавшійся о предположеніи министерства (приглашать законоучителей изъ свѣтскихъ лицъ), какъ о „нигилистическомъ“, высказалъ одну очень здравую мысль, и именно объ этомъ вопросѣ. Она сокращается въ слѣдующую. уничтожить духовныя семинаріи и учительскія семинаріи, какъ таковыя, а въ замѣнъ ихъ поставить семинаріи, которыя были бы вмѣстѣ и учительскія, и духовныя. Иначе говоря, семинаріи должны воспитывать прежде всего учителей для народа; къ этому долженъ быть направленъ весь планъ ученія, вся программа курса, и затѣмъ изъ числа кандидатовъ въ педагогіи, приготовляемыхъ семинаріями, поступали бы нѣкоторые, пусть если угодно всѣ, на курсъ специально приготовляющій къ священству Мысль очень дѣльная, которую хоть бы и не „Берегу“ выдумать. Духовныя семинаріи у насъ дѣйствительно ложно поставлены. Ихъ цѣль двоится: онѣ пытаются дать общее образованіе и притомъ классическое, то-есть приготовить юношей къ университету, а вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ же натуживаются изъ этого общаго образованія устроить приготовительное спеціальное, то-есть къ священству въ частности Между тѣмъ самое священство понято въ узкомъ, и притомъ нѣсколько протестантскомъ смыслѣ. Идея прошлаго столѣтія, общая столпамъ іерархіи тогдашняго времени, что семинарія должна образовать, преимущественно, если не исключительно, „проповѣдника Слова Божія“, оставалась болѣе или менѣе руководствующею во всѣ послѣдовавшія преобразованія. И такъ— „проповѣдника Слова Божія“, т. е. съ каѳедры въ храмѣ, а не христіанскаго учителя, который проповѣдуетъ благовременно и безвременно, а не духовнаго отца, который не оставляетъ духовныхъ дѣтей безъ руководства и въ храмѣ, и въ домѣ, (въ школѣ тѣмъ паче) и на всѣхъ путяхъ. Исполненіе мысли „Берега“ могло бы дѣйствительно исправить этотъ недостатокъ духовныхъ семинарій, сдѣлавъ съ тѣмъ вмѣстѣ излишними учительскія семинаріи, которыхъ бытіе по нашему мнѣнію въ

самомъ основаніи ложно, а для будущаго даже не безопасно, наконецъ—разрѣшило бы кажущійся неразрѣшимымъ вопросъ о сближеніи духовенства съ народомъ, о привлеченіи и къ священству и къ учительству лицъ по призванію, и въ довершеніе всего, очистило бы и возвысило духовенство, давъ народу учителей и руководителей, въ которыхъ онъ нуждается.

Приходскія попечительства въ Москвѣ *).

Насъ винятъ въ напраслинѣ: повсемѣстное учрежденіе приходскихъ попечительствъ въ Москвѣ тормозится не вслѣдствіе несочувствія или противодѣйствія со стороны духовенства, какъ мы предположили, а потому что дѣло застряло въ консисторіи, между тѣмъ какъ передано въ нее высокопреосвященнымъ митрополитомъ къ исполненію Благодаримъ за это указаніе, равно какъ за извѣщеніе, что оо. благочинные Москвы еще въ январѣ мѣсяцѣ порѣшили просить о повсемѣстномъ учрежденіи попечительствъ. Но все таки мы не находимъ себя повинными въ напраслинѣ и даже—какъ сказать?—не рѣшаемся безусловно обвинить и Московскую консисторію въ ея косности Причины сейчасъ будутъ объяснены.

Намъ доставлено нѣсколько брошюръ, и въ томъ числѣ одна, подъ заглавіемъ „Проектъ Положенія о приходскихъ попечительствахъ г Москвы“ Прочитали мы и перечитали этотъ проектъ· если именно онъ, а не другой внесенъ въ Московскую консисторію, понимаемъ ея нерѣшительность. Проектъ предлагаетъ, чтобы объявили его обязательнымъ для всѣхъ приходовъ, именно его, а не другой, и если гдѣ попечительства уже существуютъ, то уставы ихъ должны быть исправлены согласно съ предлагаемымъ всеобщимъ. Смотримъ далѣе. Въ немъ находимъ черты очень выпуклыя, несомнѣнно ни въ одномъ изъ существующихъ попечительствъ не повторяющіяся. Существеннѣйшая

*) С И 22 декабря, № 353

изъ нихъ, что предсѣдателемъ попечительства не долженъ быть никто, кромѣ настоятеля церкви. Установившись на этомъ клерикальномъ основаніи, авторъ предлагаетъ централизацію управленія попечительствами, во 1), посредствомъ благочинническихъ съѣздовъ, и во 2), центральнаго съѣзда, словомъ—цѣлое обширное централизованное вѣдомство. Не входя съ авторомъ въ пререканіе о существѣ предлагаемаго имъ преобразованія, не можемъ умолчать, что оно способно убить существующія попечительства, а не то что вызвать новыя. Добро бы еще авторъ ограничился такъ называемымъ „нормальнымъ“ уставомъ, въ которомъ бы намѣчены были самыя общія основанія, съ представленіемъ частностей на разумѣніе и добрую волю приходовъ, добро бы еще оставлялись во всей силѣ уставы существующіе. А то предписывать разрушеніе того, что уже создано, что жило и дало плодъ; а то вводить чуждую и несомнѣнно для многихъ несочувственную регламентацію, вводить своего рода казенщину въ доброхотныя подаянія.... Да еще въ правѣ ли епархіальныя начальства видоизмѣнять уставы, разъ имъ утвержденные? Во всякомъ случаѣ начало принужденія, вводимое въ попечительства, не говоря уже объ обязательномъ подчиненіи ихъ церковнымъ настоятелямъ, отшибетъ охоту отъ добраго въ сущности дѣла Если Московская консисторія остановлена въ исполненіи воли высокопреосвященнаго именно высказанными недоумѣніями, то ее можно только похвалить

А затѣмъ снимается съ насъ и еще напраслина. Именно проектъ, о которомъ мы говоримъ, яснѣе всего и свидѣтельствуетъ о несочувствіи духовенства. Въ другихъ мѣстахъ имперіи несочувствіе, какъ мы уже объяснялись прошлый разъ, проистекаетъ изъ опасеній, что попечительства подорвутъ существующую власть духовенства, нежеланіемъ допускать прихожанъ къ участію въ церковныхъ дѣлахъ· здѣсь тоже самое, лишь нѣсколько въ смягченной степени. Проектъ какъ бы говоритъ такъ· „да, мы согласны на попечительства, даже требуемъ учрежденія ихъ повсемѣстнаго, но подъ условіемъ, чтобъ это дѣло было въ нашихъ, духовенства, рукахъ“. А если не такъ,

то не нужно самыхъ попечительствъ, не нужно организованной помощи бѣднымъ И такъ, власть есть главное, а помощь бѣднымъ второстепенное, зависимое, допустимое только подъ условіемъ. Не знаемъ какъ кто, а мы затрудняемся назвать такое отношеніе сочувствіемъ Ну, какая же бѣда отъ того, если въ иномъ мѣстѣ предсѣдателемъ будетъ не настоятель? Существо дѣла потерпитъ ли отъ того, если въ иномъ приходѣ предсѣдательство будетъ вручено какому-либо, усерднѣйшему и доброхотнѣйшему благотворителю, который можетъ быть въ благотвореніи находитъ даже единственное утѣшеніе жизни, для котораго оно есть призваніе, даръ Божій? Мы полагаемъ, что по естественному ходу вещей священникъ и будетъ повсюду предсѣдателемъ попечительства Развѣ исключительные случаи, и притомъ падающіе на самаго священника, оттолкнуть его на второй планъ. Но тогда почему за него заступаться?

Нѣтъ, мы желали бы, чтобы предложено было всѣмъ приходамъ образовать попечительства, но безъ стѣсненія ихъ какими-нибудь готовыми уставами и безъ подчиненія какой-нибудь регламентаціи. Пускай каждое само составитъ себѣ регламентъ, а въ видѣ „нормальнаго“ устава пускай преподана будетъ имъ единственная статья·

„Организованную помощь бѣднымъ предоставляется устраивать приходамъ, на основаніи добровольныхъ приношеній.“

1882 ГОДЪ.

О русскомъ церковномъ управленіи *).

Въ „Руси“ авторъ статей *О русскомъ церковномъ управленіи* подаетъ между прочимъ совѣтъ о возстановленіи въ Россіи патріаршества. Не первый разъ встрѣчаемся съ этою мыслію въ печати, и не первый разъ „Современнымъ Извѣстіямъ“ приходится выступать противъ нея Къ удивленію, эта мысль даже пользуется, какъ кажется, нѣкоторою популярностью,—разумѣется у тѣхъ, для кого сама церковь не пустое слово По крайней мѣрѣ полтора или два года назадъ, и притомъ даже не въ спеціально-церковныхъ изданіяхъ, нашлись ревнители, не упустившіе прочесть намъ внушенія о непочтительности, оказанной нами къ такому учрежденію, какъ патріаршество. Но мы остаемся при своемъ мнѣніи, и даже удивляемся, какъ авторъ статей „Руси“, несомнѣнно ученый и знающій человѣкъ, выступаетъ съ такимъ, не скажемъ анахроническимъ проектомъ, но съ проектомъ, столь мало соотвѣтствующимъ нуждѣ церкви и даже скажемъ прямо—ея идеѣ.

Для чего нужно Россіи патріаршество? При всей дѣльности, которую авторъ обнаруживаетъ въ другихъ случаяхъ, на этотъ вопросъ онъ не отвѣчаетъ Мы не можемъ считать отвѣ-

*) С И 2 февраля, № 32.

томъ такія указанія, что „властію патріарха не должны быть подавляемы низшіе органы церковнаго управленія“; „онъ не можетъ становиться въ противленіе съ государственною властію“, или „ему должна быть предоставлена широкая возможность непосредственнаго доступа къ Государю“,—хотя эти положенія и высказываются въ видѣ доказательства, что „возстановленіе патріаршества могло бы быть весьма желательнымъ по многимъ причинамъ“ Но указанныя „не можетъ“, „не должны“ и „должна“, не разъясняютъ причинъ, почему патріаршество должно бы быть возстановлено, а перечисляютъ, и то болѣе отрицательныя, качества, которыя потребуются отъ патріарха и для него. „Уже одно то важно, увѣряетъ авторъ, что во главѣ церкви будетъ стоять одинъ высшій пастырь, считающій себя отвѣтственнымъ за правильное направленіе церковныхъ дѣлъ и „порядковъ“.—Да чѣмъ же это важно? Это-то бы и требовалось доказать, а мы напротивъ именно это-то самое считаемъ вреднымъ; просимъ автора насъ разубѣдить

Въ сущности, единственное основаніе, о которомъ стоитъ толковать, приводится авторомъ слѣдующее Безъ патріарха русская церковь лишена сановитости, которая подобаетъ ей по ея, истинно первенствующему положенію среди православія; случись соборъ,—какой-нибудь карловицкій патріархъ сядетъ выше нашего первенствующаго архіерея По этому-то авторъ требуетъ не только того, чтобы въ Россіи возстановлено было патріаршество, но и чтобы за русскимъ патріархомъ признано было первенство среди другихъ патріарховъ, вопреки установленному чину. Но можно ли, не шутя, высказывать такія предположенія, какъ сбыточныя? И такъ, Константинопольскій патріархъ, которому соборами предоставлено старѣйшинство (послѣ Римскаго), уступитъ безъ прекословій свое мѣсто? „Порядокъ старѣйшинства, отвѣчаетъ на это ожидаемое возраженіе авторъ, между высшими пастырями въ древней церкви измѣнялся съ возрастающимъ или уменьшающимся, вслѣдствіе историческихъ обстоятельствъ, значеніемъ самихъ помѣстныхъ церквей“ Замѣчаніе совершенно вѣрное; но оно-то и говоритъ

не глубоко противъ преподносимаго авторомъ старѣйшинства предполагаемому русскому патріарху, но противъ патріаршества вообще. Ученому автору не менѣе, даже болѣе нежели намъ, должно быть извѣстно: 1) что учрежденіе патріаршествъ, въ сущности есть не церковное, не богопреданное, а государственное, по крайней мѣрѣ примѣненное къ государственнымъ, хотя и освященное соборами; 2) что оно есть учрежденіе мѣстное, именно Римской имперіи, и было сколкомъ съ гражданскихъ префектуръ, на которыя дѣлилась имперія; 3) что въ одной имперіи (Восточной) было четыре патріаршества; 4) что старѣйшинство присуждено было Константинопольскому патріарху ради „царствующаго града", коего онъ былъ епископомъ.—А само старѣйшинство вообще, спросимъ мы,—его идея, развѣ это тоже что-нибудь богопреданное, церковное, развѣ и оно само не есть только переносъ гражданскаго чиноначалія въ несвойственную ему церковную область? Старѣйшинство въ дѣлахъ церковныхъ, при обсужденіи вопросовъ вѣры, глубочайшихъ вопросовъ христіанской совѣсти, соразмѣряется чиномъ города, да притомъ еще въ зависимости отъ государственнаго опредѣленія! Въ этомъ уже зародышъ папизма, который въ свою очередь таитъ въ себѣ зародышъ матеріализма и атеизма, какъ свое логическое послѣдствіе Папы были только болѣе послѣдовательными выразителями начала, которое крылось въ ихъ санѣ единственнаго патріарха всей Западной имперіи.

Пусть скажутъ намъ, что возвращеніе къ апостольскимъ временамъ и къ образу церковнаго чиноначалія первыхъ трехъ вѣковъ въ настоящія времена невозможно. Не будемъ спорить, хотя возраженіе не считаемъ особенно основательнымъ. Но почему же останавливаться, какъ на лучшемъ образцѣ для русскаго церковнаго управленія, именно на XVII вѣкѣ? Почему, наконецъ, если для русскихъ церковныхъ порядковъ признавать образцомъ порядки Римской имперіи, не провести подражаніе до конца и не завести нѣсколькихъ патріарховъ, какъ и Римская имперія имѣла ихъ (и до сихъ поръ оставила) нѣсколькихъ? Авторъ разсматриваемой статьи проектируетъ для Россіи, въ

согласіи съ канонами, нѣсколько церковныхъ округовъ, съ архіепископами во главѣ. И прекрасно. назовите же ихъ патріархами, если это названіе больше нравится; они будутъ точь въ точь, что патріархи восточной имперіи, да и замѣтьте— IV и V вѣковъ, а не XIV или XV, когда уже достигло полной силы преобладаніе „вселенскаго“ (то есть Константинопольскаго) патріарха И такое раздѣленіе русской церкви на нѣсколько патріархій будетъ тѣмъ сообразнѣе съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей, что въ Русской имперіи есть православная церковь, помимо русской, имѣвшая искони своего патріарха, хотя и не подъ этимъ наименованіемъ. Разумѣемъ церковь Грузинскую, которую авторъ, къ удивленію нашему, совершенно пропустилъ при перечисленіи желаемыхъ имъ церковныхъ округовъ. Церковь Грузинская издревле пользовалась самостоятельностью и конечно имѣетъ не меньшее право на сохраненіе ея, чѣмъ Александрійская, напримѣръ, церковь имѣла на сохраненіе своей самостоятельности въ Восточной имперіи.

Но само собою разумѣется, допуская цѣлесообразность учрежденія нѣсколькихъ патріархій въ Русской имперіи, мы дѣлаемъ только уступку тому, для насъ удивительному вкусу, который тѣшится названіями и чинами Въ сущности мы противъ патріаршества вообще. Это учрежденіе, вызванное историческими, и при томъ чисто государственными условіями, само ждетъ своего обновленія и преобразованія, которое и не замедлитъ, лишь только возобновятся вселенскіе соборы. Мы держимся мнѣнія, что не усиливать, а напротивъ надобно снимать мало по малу съ церковной іерархіи внѣшнія отличія, пусть нѣкоторыя и приросли къ ней; надобно помогать ей очищать себя отъ нихъ. Возьмемъ хотя это служеніе архіерейское на „орлахъ“, это облаченіе въ далматикъ (саккосъ), эти митры, которыя въ добавокъ перешли даже на головы іерейской степени,—словомъ, возьмемъ все то, чѣмъ тянулись сначала патріархи, а за тѣмъ обыкновенные архіереи, до внѣшняго уподобленія византійскимъ царямъ· все это болѣе ли возвышаетъ церковь и архіерейскій санъ въ ихъ истинномъ значеніи, или,

напротивъ, болѣе отъ него отклоняетъ и омрачаетъ? Мы вѣруемъ, что когда церковь снова будетъ собираться на вселенскіе соборы (а будетъ же это когда-нибудь), она много сниметъ приростовъ, обстоятельствами наложенныхъ на ея наружность Въ томъ числѣ и патріархіи, если и будутъ оставлены, то вѣроятно лишь въ видѣ почетнаго наименованія, въ ознаменованіе историческихъ заслугъ и древности того или другого престола.

Свѣтлая утреня въ Кремлѣ *).

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, свѣтлонедѣльные праздники сопровождались въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ неизмѣнно, съ незначительными варіяціями, однимъ и тѣмъ же замѣчаніемъ: „первый ударъ колокола къ пасхальной заутренѣ послѣдовалъ тамъ-то“; или: „и на этотъ разъ поспѣшные дьячки не соблагоизволили дождаться Ивановскаго колокола“. На нынѣшній разъ мы нашли не безполезнымъ, и притомъ по просьбѣ нѣсколькихъ подписчиковъ, особо писавшихъ намъ, просить духовенство отъ имени москвичей даже заранѣе, чтобы не оскорбляли они народнаго чувства этою неряшливостью, повторяющеюся вотъ уже нѣсколько лѣтъ. Ночь была, какъ нарочно, тихая и свѣтлая, тихая до того, что пламя восковыхъ свѣчекъ не колыхалось ни на площадкѣ между соборами, ни на набережной. Площадка была залита народомъ. Народъ толпился въ ожиданіи и на набережной. „Какъ счастливо!“ многіе думали и говорили: не только Ивановскій колоколъ, но бой Спасскихъ часовъ навѣрное услышанъ будетъ на всѣхъ концахъ Москвы. Освѣщеніе, правда, какъ и всегда, въ Кремлѣ было скудное и жалкое; за Москвой рѣкой точно также едва мелькали огоньки, вѣроятно по одной, много—парѣ плошекъ на колокольняхъ; да и то на всѣхъ ли? Но за это и взыскивать нельзя: Кремль не Шато де Флеръ и не Мавританія, и готовится въ немъ не

*) С. И 31 марта, № 87.

пляска съ каскадными аріями Угрюмо смотрѣлъ, между прочимъ, и храмъ Христа Спасителя, не нашедшій нужнымъ освѣтить себя для торжественнаго, всѣмъ народомъ чтимаго часа электрическимъ свѣтомъ.

Но пока продолжались ожиданія, ударилъ гдѣ-то колоколъ, (по свѣдѣніямъ однихъ, при церкви Екатерины мученицы на Ордынкѣ, по другимъ—при Казанской у Калужскихъ воротъ) не за двѣ, три или одну минуту, какъ бывало прежде и что показывало все таки ожиданіе дьячка, трапезника или сторожа, стоявшихъ у приходскаго колокола Нѣтъ, минутъ за девять, много за восемь Ни ожиданія, ни прислушиванія никакого очевидно не происходило, а просто пошелъ на колокольню и заблаговѣстилъ, по собственному ли изволенію или по приказанію настоятеля. Звонъ разлился по Москвѣ, неохотно сначала, потомъ дружнѣе и дружнѣе Одинъ Иванъ возвышался въ угрюмомъ молчаніи, въ бѣдномъ освѣщеніи, окруженный тысячами, въ числѣ которыхъ замѣчались и представители оффиціальнаго міра, и науки, и искусства, виднѣлся и городской голова, не говоря о многомъ множествѣ простолюдиновъ Войдти въ душу всего этого великаго множества: какое смущенное чувство защемило ихъ торжественно-благоговѣйныя ожиданія! По православному обычаю, рука сама собою поднимается перекреститься при первомъ звонѣ, чтобы молитвенно поздравить себя съ возвѣщеннымъ наступленіемъ праздника. Готова была и на сей разъ подняться и у простодушно вѣрующаго, готова была и у всякаго тронутаго уже рефлексіею, утратившаго простоту и непосредственность вѣры. На этотъ моментъ всякій былъ вѣрующимъ, воскресали воспоминанія дѣтства, оживлялось чувство духовнаго родства съ народомъ, съ которымъ какъ бы по сигналу, одновременно исполняется то же движеніе, подъ воздѣйствіемъ тѣхъ же впечатлѣній. Велики минуты этихъ слияній! Онѣ созидательны... Но руки, готовыя подняться, опускались при видѣ одинокаго, молчащаго Ивана. Моментъ пропалъ. Насмѣшкой какой-то прозвучали послѣ того и Спасскій бой, и величавомягкій ударъ царя-колокола. Присутствовавшіе почувствовали

себя внезапно отчужденными отъ всего множества Москвы, отъ всего православнаго народа. Въ довершеніе контраста, своего рода порядокъ введенъ былъ на этотъ разъ въ самомъ Кремлѣ: онъ состоялъ въ протянутыхъ кругомъ Архангельскаго собора веревкахъ, на которыя натыкались, чуть не падая, проходящіе, и—въ разставленныхъ солдатахъ. „Для чего это? Что это значитъ?“—Для порядка, отвѣчали солдаты.

„Это отъ того, что самого нѣтъ“, объясняли нѣкоторые, разумѣя митрополита и высказывая неудовольствіе, которое, помимо благовѣста, питается и другими основательными причинами. Москва не можетъ не чувствовать сиротства, оставляемая въ такіе великіе праздники своимъ архипастыремъ, „безъ винъ благословныхъ“. Петербургъ всего въ 15 часахъ; синодальныхъ засѣданій въ Пасху не бываетъ, и для членовъ синода Пасха, какъ и для обыкновенныхъ смертныхъ, есть преимущественно время только визитовъ. Московскіе граждане не могутъ этого не соображать и не могутъ не выводить своихъ заключеній изъ этого предпочтенія праздничныхъ визитовъ въ резиденціи праздничному посѣщенію паствы въ столицѣ Отпускъ на нѣсколько дней для высокопреосвященнаго всегда возможенъ, какъ возможенъ былъ и послѣ злополучнаго 1 марта, когда Москва оставлена была также въ совершенномъ забытьи, почти пренебреженіи, отъ своего архипастыря, не удостоившаго ея не только посѣщеніемъ, не только живымъ словомъ, но даже посланіемъ и распоряженіемъ. А какъ нуждалась она именно тогда въ духовномъ утѣшеніи и поученіи!

„Но все равно, у насъ цѣлыхъ два архіерея, кто-нибудь распоряжается же; должно быть отмѣнено?“—Ну, вотъ, отмѣнено! Кабы отмѣнено, пошелъ бы совсѣмъ разнобой, а то все-таки пошли одинъ за другимъ; другіе-то дожидались, только первый не хотѣлъ дождаться Ивановскаго колокола.

—А что, не знаете, штрафуютъ за это? спрашиваютъ нѣкоторые.—Нѣтъ, отвѣчаетъ одинъ —Да, споритъ другой.—Полноте, примиряетъ третій: не все ли одно? Ну, оштрафуютъ на пять, на десять рублей, велика важность? Вы знаете, что

за честь ударить сегодня первому въ Ивановскій колоколъ платятъ деньги, говорятъ, до ста рублей А тамъ въ приходѣ выкинетъ озорникъ съ удовольствіемъ двадцать пять за удовольствіе предупредить Ивана. Озорникъ тѣшится, а дьячку что? Онъ свое получитъ, выброситъ штрафъ, да еще въ барышахъ останется

—Ну, тутъ уже не дьячекъ, а попъ· хочется поскорѣе отвертѣть.

И дѣйствительно, только что кончился Ивановскій звонъ, и едва смолкли пушечные выстрѣлы, то есть едва началась свѣтловоскресная утреня, какъ уже въ приходскихъ церквахъ начали раздаваться благовѣсты—къ обѣднѣ!

И въ самомъ дѣлѣ, это предупрежденіе Ивана Великаго не совершается ли съ разсчетомъ „къ намъ, къ намъ!“ Конкуренція. Кто скорѣе отвертитъ? Освящались же пасхи въ великую субботу (теперь хотя этого нѣтъ) отчего не перенести на великую субботу не только свѣтловоскресную утреню, но даже обѣдню? Отчего въ самомъ дѣлѣ не такъ? Москва и дождется вѣроятно когда-нибудь этого при существующихъ „порядкахъ“.

Какое однако надругательство надъ народомъ, надъ его чувствами, надъ величайшимъ изъ праздниковъ! Вспоминаемъ „Свѣтлое Воскресенье“ Гоголя; вспоминаемъ, какъ послѣ его кончины собрались разъ, на свѣтлой недѣлѣ, помянуть его почитатели его и друзья, и не нашли ничѣмъ лучшимъ почтить его память, какъ прочтеніемъ этого знаменитаго письма, и помнимъ, какъ всѣ присутствовавшіе плакали. А не всѣ были изъ богомольныхъ, не всѣ даже вполнѣ вѣрующіе. Вспоминаемъ и другой случай, разсказанный намъ однимъ евреемъ, именно въ минувшее воскресенье, и именно въ Кремлѣ, евреемъ по происхожденію, но атеистомъ по убѣжденію. На него, когда онъ въ первый разъ пришелъ изъ любопытства на это свѣтловоскресное собраніе въ Кремлѣ, оно всею своею обстановкою, этою торжественностью ожиданія, этимъ единодушіемъ множества, этимъ величавымъ молчаніемъ, внезапно въ урочную ми-

нуту прерываемымъ и одновременно подхватываемымъ съ перекатами звона всею столицею, произвело такое глубокое впечатлѣніе, что, по выраженію его, онъ не могъ заснуть всю ночь. Но какому-нибудь дьячку или попу Замоскворѣчья что за дѣло до этихъ впечатлѣній? Въ ушахъ уже заранѣе гремятъ деньги: пора, валяй! Да верти скорѣй: утреню отмахни такъ, чтобы къ четверти второго все было кончено.

Какой глубоко-ироническій отвѣтъ слышится въ этихъ „порядкахъ“ на призывы къ поднятію религіозныхъ чувствъ, къ единенію духовному съ народомъ, раздающіеся въ настоящія тяжелыя для Россіи времена, и съ высоты престола, и въ печати, и въ частныхъ бесѣдахъ! Развѣ не видите, что даже здѣсь, въ средѣ, призванной быть преимущественною выразительницею этихъ чувствъ, начинается разложеніе? Посмотрите на крестные ходы, гдѣ рѣдкое священство идетъ въ раздраныхъ ризахъ и развлекается во время процессіи разговорами Уставъ на свѣтло-воскресный благовѣстъ несомнѣнно есть; можетъ быть, изъ года въ годъ повторяются даже подтвержденія. Но дисциплина упала здѣсь, какъ и вездѣ, а упасть она могла не отъ чего иного, какъ отъ формальнаго, чисто внѣшняго отношенія. По формѣ сдѣлано Но исполненіе зависитъ не отъ формы, а отъ того, много ли приложено души. А судите сами: тамъ предстоятъ праздничные визиты, здѣсь деньги и хожденіе по приходу...

Еврейскіе безпорядки*).

Если вѣрить корреспонденту „Голоса“, разгромъ еврейскаго имущества въ Балтѣ превосходитъ все, что мы читали о подобныхъ же разгромахъ въ Елисаветградѣ, Кіевѣ, Нѣжинѣ и проч Не осталось почти ни одного дома въ городѣ не разоренымъ; ни одной цѣнной вещи не оставлено въ цѣлости· само-

*) С И 14 апрѣля, № 101

вары изломаны, мебель сокрушена, куски матеріи разрѣзаны вдоль полотнищъ, даже кровати желѣзныя изогнуты, картины прорѣзаны и печи разрушены. Весь городъ покрытъ пухомъ, какъ снѣгомъ: пухъ на деревьяхъ, на крышахъ, придаетъ городу видъ покрытаго снѣгомъ, и въ довершеніе, по улицамъ лежитъ пухъ на четверть, такъ что ѣзды экипажей не слышно —Такъ передаетъ корреспондентъ „Голоса“ и, между прочимъ, въ объясненіе этой всеобщности разоренія добавляетъ, что Балта есть второй Бердичевъ; жителей-христіанъ и христіанскихъ домовъ число самое ничтожное; поэтому весь городъ, а не часть его, долженъ представить видъ разореннаго

Но по правдѣ сказать, именно то обстоятельство, что Балта есть второй Бердичевъ, внушаетъ нѣкоторое сомнѣніе въ полной достовѣрности разсказа. По счисленію самого автора, разгромъ начатъ шайкою въ 200 человѣкъ, а евреевъ въ Балтѣ 20,000. Какъ же это такъ? Была въ Балтѣ полиція, была даже воинская команда Всѣмъ буянамъ, если ихъ было 200 человѣкъ, легко было перевязать руки, не говоримъ ужъ—преградить путь. Предвидя недовѣріе, корреспондентъ опять поясняетъ, что буянамъ-горожанамъ помогали поселяне, призванные на помощь къ возстановленію порядка, но начавшіе оказывать помощь зачинщикамъ безпорядка. Это ни мало не уменьшаетъ невѣроятности; при такомъ отношеніи числа евреевъ къ первоначальному числу буяновъ не представлялось и надобности посылать за помощью

Во всякомъ случаѣ, самый фактъ разгрома, если признаемъ разсказъ даже преувеличеннымъ, отвратителенъ. Не знаешь, чему болѣе удивляться: тому ли что буйство не скоро унято, или же тому, что оно не предупреждено. Въ послѣднемъ отношеніи не можемъ не согласиться съ корреспондентомъ, что большая доля отвѣтственности, если не вся отвѣтственность, падаетъ на мѣстную городскую администрацію, тѣмъ болѣе что, по увѣренію корреспондента, разгрому предшествовали подметныя письма; нѣкоторые изъ горожанъ и являлись къ начальству съ выраженіемъ опасенія.

Такъ или иначе будемъ рѣшать еврейскій вопросъ вообще, такъ или иначе объяснять общія причины, вызывающія столь рѣшительное раздраженіе населенія противъ одной его части: но теперь, когда разгромы приняли видъ эпидеміи, необходимы рѣшительныя средства, и притомъ не только карательныя, но и главнымъ образомъ предупредительныя. Недостатокъ предупредительности обращается прямо въ вину администраціи, и въ вину тѣмъ болѣе тяжкую, чѣмъ менѣе неожиданности въ происшедшемъ безпорядкѣ. Мы не знаемъ, снабжены ли административныя начальства городовъ со смѣшаннымъ, христіано-еврейскимъ населеніемъ особенными инструкціями на случай нападеній на еврейскія имущества, теперь легко предвидимыхъ. Вѣроятно—да, иначе и представить нельзя послѣ прошлогднихъ опытовъ Но должно быть инструкціи не довольно внушительны или уже распорядительность изъ рукъ вонъ плоха. Въ этомъ отношеніи балтское происшествіе особенно необъяснимо, если мы даже удовольствуемся сухимъ объясненіемъ „Правительственнаго Вѣстника“, изъ котораго однако видно, что разгромъ продолжался два дня, 30 и 31 марта; а если повѣрить телеграммѣ изъ Кіева въ „Голосъ“, то еще 28 марта было разбито въ той же Балтѣ 30 лавокъ. Ожидаемъ, что въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ будутъ даны болѣе подробныя объясненія, именно въ виду корреспонденцій „Голоса“, по истинѣ потрясающихъ. Съ другой стороны, если диковинныя обстоятельства, разсказанныя въ „Голосѣ“ подтвердятся, то вмѣстѣ съ поимкою защитниковъ и участниковъ буйства и преданіемъ ихъ суду, не оставлено будетъ, надѣемся, безъ обсужденія и поведеніе мѣстной администраціи: все ли ею исполнено, что предписывала обязанность, къ прекращенію и предупрежденію безпорядковъ?

Еврейскій вопросъ—вопросъ мудреный, для Россіи тѣмъ труднѣе разрѣшимый, что положеніе евреевъ у насъ безпримѣрно. Обращающіеся за примѣромъ разрѣшенія къ западной Европѣ упускаютъ изъ вида два обстоятельства: во первыхъ, что въ Россіи тѣснится болѣе половины всего еврейскаго на-

родонаселенія на всемъ земномъ шарѣ, и во вторыхъ, что цѣлыя губерніи не имѣютъ у насъ другого городского сословія, кромѣ евреевъ. Эти обстоятельства не повторяются и не повторялись еще нигдѣ во всемъ свѣтѣ, и они-то затрудняютъ вопросъ до чрезвычайности потому что право, напримѣръ, жительства по всей имперіи, не говоря о прочихъ неудобствахъ, ровно ничего не измѣнитъ въ соціальныхъ отношеніяхъ между коренными жителями и евреями въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ свободное жительство евреямъ дозволено Чтобы достигнуть результатовъ, подобныхъ тѣмъ, которые получены, не говоримъ во Франціи и Англіи, но даже въ сѣверной Германіи, пришлось бы насильственно разрѣжать городское населеніе западныхъ губерній, то есть насильственно переселять евреевъ оттуда и насильственно же разбрасывать по разнымъ мѣстамъ, начиная отъ Днѣпра и до Камчатки; съ другой стороны—насильственно же нагонять въ западные города населеніе другой вѣры и другого происхожденія, чтобы содѣйствовать ассимиляціи евреевъ Развѣ это возможно и справедливо? А безъ этого всѣ обѣщанія и успокоенія, основанныя на примѣрѣ западныхъ государствъ, обращаются въ пустословіе. Но тѣмъ-то бдительнѣе нужно быть къ отношеніямъ между евреями и не евреями тамъ, гдѣ ихъ судьба свела на сожительство, и особенная бдительность нужна теперь, когда отношенія напряжены и есть признаки эпидеміи, самой возмутительной изъ всѣхъ эпидемій. Безпорядки и буйства не только должно утишать и прекращать, но не давать имъ и возникать. Не продолженіе и совершеніе ихъ, а одинъ приступъ къ нимъ, одно легкое предвѣстіе ихъ есть уже вина тѣхъ, кто имѣетъ власть, а слѣдовательно и способы ихъ предупредить.

О старообрядческихъ моленныхъ *).

Порадуемся за приговоръ суда, оправдавшій старца-старообрядца, обвиненнаго „въ открытіи моленной“. И за что было судить? Пусть бы это была и дѣйствительная моленная, чего впрочемъ на судѣ не подтвердилось. Законъ, запрещая открытіе новыхъ или исправленіе старыхъ моленныхъ, имѣлъ въ виду оказать противодѣйствіе распространенію раскола Но въ данномъ случаѣ, если бы моленная оказалась тѣмъ, за что приняла ее полиція, она была бы споспѣшествующимъ орудіемъ къ распаденію раскола По крайней мѣрѣ, сколько можемъ судить изъ краткаго отчета о судоговореніи, Пустынникова посѣщалъ и съ нимъ молился какой-то особый кружокъ, отдѣлившійся отъ „большой“, правительствомъ допущенной молельни; слѣдовательно, народилась какая-то новая секта, или новое ея подраздѣленіе. Съ той политической точки зрѣнія, съ какой законодатель воспретилъ устройство новыхъ молелень, собраніе части сектантовъ для молитвы въ новомъ мѣстѣ есть только явленіе благопріятное, потому что ослабляетъ силу раскола. Да впрочемъ какое же это „устройство“, какая это новая моленная, въ смыслѣ мѣста для общественнаго богослуженія, когда отъ обыкновенной комнаты всего-то и отличаетъ ее большое число иконъ, книгъ и аналоги, какъ будто ни того, ни другого, ни третьяго, ни всего вмѣстѣ не можетъ быть въ совершенно частномъ жилищѣ частнаго богомольнаго лица? И гдѣ было ближайшее основаніе заподозрить въ общественномъ характерѣ именно эту моленную или точнѣе „образную“, тогда какъ ихъ, нѣтъ сомнѣнія, по Москвѣ множество?

Вотъ этотъ послѣдній пунктъ болѣе всего и обращаетъ на себя вниманіе Къ сожалѣнію, не только краткій отчетъ репортера, но вѣроятно и подлинное производство, не поднимаетъ вполнѣ завѣсы, которою прикрыто начало дѣла. Началомъ послужилъ, видите, слухъ, должно быть о томъ, что на Брат-

*) С. И 6 мая, № 123

скомъ дворѣ собираются на молитву, и вотъ, полицейскому обыску достаточно было увидать иконы, книги и аналогію, чтобы передать дѣло судебной власти, которая и повела его по всѣмъ ступенямъ уголовнаго преслѣдованія. Не разслѣдуя причинъ, почему полиція не догадалась объяснить въ болѣе благопріятномъ для подсудимаго смыслѣ изобиліе иконъ и книгъ—причины эти для нея могли быть очень уважительныя—достойно сожалѣнія, что слѣдственная и судебно-обвинительная власть довела до судебнаго разбирательства улики столь незначительныя. Предвидѣть оправданіе было нетрудно, уже по одной недостаточности уликъ. Иное дѣло, если бы полиція накрыла молящихся въ самый моментъ общественнаго богослуженія со всѣми несомнѣнными его признаками По крайней мѣрѣ формальная сторона была бы вполнѣ очищена, а то даже и этого нѣтъ Неудивительно поэтому, если вся процедура дознанія, слѣдствія и суда поведетъ послѣ того, лишь къ большему укрѣпленію въ расколѣ и подсудимаго и всѣхъ его посѣтителей, словомъ къ послѣдствію совершенно обратному, нежели желалъ достигнуть тотъ законъ, на основаніи котораго привлекли Пустынникова къ отвѣту.

Въ печати прошелъ слухъ, что готовятся выработанныя соглашеніемъ министра финансовъ и оберъ-прокурора святѣйшаго синода инструкціи для полицейскихъ чиновъ, какъ поступать при случаяхъ подобныхъ настоящему. Необходимы дѣйствительно инструкціи, которыя бы связывали полицейскій произволъ и обуздывали его излишнюю ревность, тѣмъ болѣе неумѣстную, что она внушается, какъ очевидно, не однимъ желаніемъ исполнить законъ и даже не однимъ недоразумѣніемъ. Необходимо разъяснить, что подъ моленными, устройство которыхъ преслѣдуется закономъ, разумѣются молитвенные дома со всѣми признаками спеціальнаго назначенія быть общественнымъ молитвеннымъ домомъ, и при томъ не только наружными, но и внутренними. Келья, сколько бы въ ней ни находилось образовъ и даже сколько бы въ ней ни собиралось народа по временамъ молиться, остается келліею, пока, какъ выражаются,

нѣтъ „наружнаго оказательства“ Только въ послѣднемъ случаѣ она и можетъ служить соблазномъ для православныхъ и орудіемъ для пропаганды, и только въ этомъ безъ сомнѣнія смыслѣ законъ и преслѣдуетъ раскольничьи моленныя

Изъ старообрядческаго міра *).

Печатаемъ сегодня подъ чертою, но признаемся, не безъ смущенія и стѣсненія, давно уже доставленное намъ жизнеописаніе одного изъ современныхъ дѣятелей старообрядчества. Правда въ періодической и вообще въ печати стало уже за обычай относиться къ живымъ дѣятелямъ старообрядства, какъ во всѣхъ другихъ случаяхъ относятся только къ мертвымъ. Живого человѣка анатомируютъ, перебираютъ его дѣянія, его писанія, даже его помыслы. И дѣйствительно, старообрядецъ въ этомъ отношеніи есть субъектъ мертвый, ни писанія его, ни дѣянія, ни званіе его въ своей общинѣ не смѣютъ показаться на свѣтъ Божій; это міръ для всѣхъ затворенный. Ни самъ онъ, и никто за него, не могутъ дать отвѣта, въ случаѣ неправильнаго толкованія его мыслей или извращеннаго описанія его дѣятельности. Честно ли? А тѣмъ болѣе когда трактатъ о дѣятельности или писаніяхъ старообрядца (вообще сектанта) имѣетъ характеръ полемическій, какъ отчасти и предлагаетъ нынѣ жизнеописаніе.

Намъ скажутъ: за то и старообрядцы между собою не остаются предъ вами въ долгу; того же самаго автора, чьему перу принадлежитъ жизнеописаніе, и церковныхъ дѣятелей вообще, они разберутъ также по косточкамъ, съ тѣмъ различіемъ, что правдивость разсказа и слѣдовательно честность въ этомъ отношеніи остается во всякомъ случаѣ на сторонѣ православнаго дѣятеля.—Но этимъ только доказывается, что отношенія вообще поставлены на неправильномъ основаніи, и смущеніе,

---

*) С И 12 іюля, № 190

испытываемое нами каждый разъ, когда приходится печатать произведенія, подобныя помѣщаемому, остается не менѣе основательнымъ.

А вѣдь нѣтъ еще отрасли, гдѣ бы могла оказать бо́льшую пользу полная свобода слова, какъ расколъ Говоримъ съ точки зрѣнія государственной и съ точки зрѣнія господствующей церкви. Все, что могло быть сказано противъ церкви со времени Никона и въ пользу раскола, сказано давно. Новаго ни придумать ничего нельзя, да и не придумывается Вся полемическая жизнь старообрядства вертится въ настоящее время около единственнаго вопроса: если Никона и его послѣдователей признавать отпадшими отъ православія, то какъ глубоко было паденіе? Это есть вопросъ уже внутренній самого старообрядства, и полемика продолжается между отпрысками той же секты, одной противъ другой, безпоповца противъ поповца, окружника противъ противоокружника, ѳедосѣевца или филиппповца противъ поморянина Своею полемикой они только побиваютъ сами же себя, и окончательный выводъ изъ нея— уличеніе въ неправильности самаго основанія, то есть общаго старообрядцамъ положенія объ отпаденіи господствующей церкви яко бы въ ересь со времени патріарха Никона Предлагаемое жизнеописаніе даетъ, между прочимъ, краснорѣчивый того образчикъ.

Не признаемъ основательнымъ опасеніе, что съ освобожденіемъ старообрядческой полемики усилится пропаганда Мы въ возможность ея вообще не вѣримъ. Старообрядчество изжило себя. Замѣтьте хотя бы изъ предлагаемаго описанія, что вся жизнь старообрядства теперь вертится на схоластическихъ, умственныхъ, а недѣятельныхъ вопросахъ Въ настоящее время могутъ совершаться единоличныя отпаденія, и при томъ рѣже отъ церкви, нежели отъ одной изъ сектъ, а чтобы старообрядчество совершало новыя завоеванія массами, это совсѣмъ не сбыточное дѣло Помимо совершившейся въ немъ самомъ кристаллизаціи, не таковы задатки въ обществѣ. Мы не рѣшимся оспаривать, если бы кто сталъ утверждать возможность повалъ-

наго отпаденія въ штундизмъ или въ пашковство; но чтобы можно было поднять массы сугубымъ аллилуіа, вопросомъ о перстосложеніи и вообще объ обрядности, да еще возведеніемъ опредѣленной обрядности въ нѣчто вѣковѣчно-непреложное,—это совершенно противно настоящему настроенію массъ. Иное дѣло переходъ изъ тайнаго раскола въ явный; оно можетъ случиться и случается; но въ дѣйствительности оно ничего и не перемѣняетъ: оно означаетъ только, что духовенство своимъ примѣромъ и учительствомъ не умѣло удержать въ церкви и укрѣпить въ ней тѣхъ, кто принадлежалъ къ ней по внѣшности, и вовсе не означаетъ, чтобы прибыла какая новая положительная, увлекающая сила въ самомъ старообрядствѣ

За предѣлами Россіи влачилъ за послѣдніе годы незавидное существованіе „Старообрядецъ", періодическое изданіе, мнившее служить органомъ своихъ единовѣрцевъ Существуетъ ли оно еще? Оно пріостанавливалось, за недостаткомъ средствъ и недостаткомъ сочувствія. Вотъ наглядное доказательство, въ какой мѣрѣ не опасно предоставленіе свободы слова старообрядцамъ, и въ какой мѣрѣ неосновательно опасеніе, что съ развязаннымъ словомъ старообрядчества усилится (точнѣе—возникнетъ, потому что ея нѣтъ) пропаганда. Чего бы, казалось, удобнѣе? Готовый издатель, цензуры нѣтъ, правительство (австрійское) съ особеннымъ даже удовольствіемъ окажетъ всякое содѣйствіе начинанію, непріятному для Россіи. Распространеніе заграничныхъ изданій, когда для пропаганды есть почва, не составляетъ непреодолимаго труда· примѣръ тому покойный „Колоколъ". И однако „Старообрядецъ" умиралъ, да кажется и совсѣмъ умеръ отъ недостатка средствъ и отсутствія читателей...

Къ пріѣзду митрополита Іоанникія въ Москву *).

Съ любовію первопрестольная столица ожидала своего архипастыря; съ любовію завтра она его встрѣтитъ; съ любовію и почтеніемъ, какъ сообщаетъ ниже нашъ репортеръ, ловилъ народъ облобызать благословляющую руку.

Высокъ и труденъ постъ, на который призванъ высокопреосвященный митрополитъ, но и благодаренъ. Труденъ постъ не по многосложности дѣлъ епархіальнаго управленія, которыя вѣроятно потребуютъ даже менѣе заботъ, нежели требуетъ всякая другая епархія, но по особенному значенію Москвы. Здѣсь именно, болѣе нежели гдѣ, ожидается свѣтильникъ „свѣтяй и горяй“ Почти полное безъ перерыва столѣтіе занимаема была каѳедра такими столпами, каковыми были Платонъ и Филаретъ. Къ нимъ неизмѣнно обращается воспоминаніе всякаго при представленіи о московскомъ митрополитѣ; прочіе владыки памятью народною, какъ бы даже, не считаются. Но Платонъ и Филаретъ были іерархи не столько московскіе, сколько всероссійскіе, и къ преемникамъ ихъ народъ возвышаетъ свои требованія, которымъ однако не всякій въ силахъ удовлетворить. Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать трудности за московскою каѳедрою, которая еще увеличивается своеобразною устойчивостью московскихъ обычаевъ. При всѣхъ своихъ дарованіяхъ, напримѣръ, непосредственный предшественникъ митрополита Іоанникія не нашелся войти въ новый ладъ съ Москвой: онъ даже это чувствовалъ и повидимому тяготился, какъ, должно сознаться къ прискорбію, и Москва имъ тяготилась. Причиною была именно та невольная далекость отъ преданій московскихъ, въ которыхъ воспитанъ былъ и школою и своею службою высокопреосвященный митрополитъ Макарій.

Не всѣ обычаи Москвы похвальны (разумѣемъ и паству и клиръ), но всѣ преданія заслуживаютъ сохраненія. Многое, въ клирѣ особенно, заслуживаетъ можетъ быть строгой и силь-

*) С И 28 августа, № 237

ной руки Но не мало прозорливости требуется, чтобы различить истинно благопотребное исправленіе отъ безполезной, можетъ быть даже вредной, ломки. Всего опаснѣе для московскаго святителя (не безопасное и для всякаго другого архіерея), когда онъ дастъ хотя бы только заподозрить въ себѣ болѣе сановника и генерала, нежели пастыря. Съ высокопреосвященнымъ Іоанникіемъ, вступленіе котораго мы отъ души привѣтствуемъ, увѣрены мы, именно этого и не будетъ „Нельзя быть отщепенцемъ отъ народа“: таково было его слово, сказанное нашему корреспонденту. Многозначительно это слово. Исполненіе его докажетъ высокопреосвященному, что постъ московскаго митрополита, при всей своей трудности, есть вмѣстѣ и въ высшей степени благодарный. Въ церковномъ отношеніи Москва есть сердце Россіи, болѣе нежели во всякомъ другомъ. То, что будетъ совершено для преуспѣянія вѣры, благочестія и іерархическаго благочинія въ Москвѣ, разольется по всей Россіи.

Признаніе старообрядческой организаціи *).

Сегодня читатель въ извѣстіи объ одномъ и томъ же происшествіи найдетъ у насъ разнорѣчіе. Краткая замѣтка (заимствованная изъ „Голоса“) сообщаетъ, что на мѣсто старообрядческаго архіерея Антонія соборомъ всѣхъ старообрядческихъ архіереевъ избранъ Савватій, и избраніе его послѣдовало еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ А спеціальный корреспондентъ, сообщающій у насъ извѣстія „Изъ старообрядческаго міра“, говоритъ, что только къ половинѣ октября долженъ былъ состояться упомянутый соборъ. Но это не важность. Избраніе, должно быть, дѣйствительно состоялось и лишь не дошло до нашего спеціальнаго корреспондента, или онъ не нашелъ нужнымъ тотчасъ же оповѣстить міръ о событіи, которое для всѣхъ остальныхъ, кромѣ самихъ старообрядцевъ, конечно и

*) *С. И. 10 ноября, № 311*

не представляетъ особеннаго значенія. Но любопытны основанія, въ силу которыхъ, по мнѣнію корреспондента, замедлилось избраніе преемника умершему Антонію опасались-де, что это обстоятельство повредитъ успѣху ходатайства о распечатаніи старообрядческихъ часовень. Мы не вѣримъ такому дѣтскому опасенію, точнѣе сказать, не вѣримъ, чтобы старообрядцы предполагали въ правительствѣ такія дѣтскія разсужденія, какія расписываетъ корреспондентъ Избранъ ли уже старообрядцами архіерей для Москвы, или будетъ избранъ, для вопроса объ открытіи часовень не все ли одинаково? Развѣ, ходатайствуя о распечатаніи часовень, старообрядцы обязывались за это не имѣть въ Москвѣ архіерея? Но это переходитъ всѣ предѣлы вѣроятности. Ясно одно, что корреспондентъ самъ находитъ распечатаніе часовень вреднымъ, а тѣмъ болѣе вреднымъ признаніе старообрядческой іерархіи и подъ вліяніемъ этого взгляда приписываетъ и старообрядцамъ и правительству сужденія, въ которыхъ они едва ли повинны. Во первыхъ, два обстоятельства смѣшиваются, которыя вовсе не одно и то же: дозволеніе распечатать часовни еще не влечетъ за собою „признанія“ старообрядческой іерархіи. А во вторыхъ, какая особенная бѣда даже отъ этого „признанія“? Та, что въ одномъ городѣ будутъ два митрополита? Но они есть на дѣлѣ. Вопросъ ставили просто: можете вы надѣяться, чтобы старообрядческая іерархія истребилась? Чтобы самое старообрядство истребилось, и истребилось *именно* отъ того, что оффиціально показывается видъ, будто іерархіи у старообрядцевъ нѣтъ? Отвѣтъ, кажется, излишенъ, а потому терпимость къ старообрядцамъ, которая уже и оказывается, должна быть доведена и до признанія ихъ организаціи, а слѣдовательно ихъ іерархіи. Двойное число архіереевъ въ одномъ городѣ есть неизбѣжное послѣдствіе раскололовшейся церкви и вообще существованія двухъ исповѣданій въ городѣ. Существуетъ же, напримѣръ въ Могилевѣ архіепископъ православный и архіепископъ католическій

Впрочемъ мы вовсе не намѣрены здѣсь обсуждать вопросъ о благовременности снять послѣднія стѣсненія, которыя еще

лежатъ на старообрядцахъ; мы хотимъ только пояснить, что лица, разсуждающія подобно нашему корреспонденту, отправляются отъ ложной точки. Мы не знаемъ причинъ, удерживающихъ правительство отъ полнаго признанія старообрядческой организаціи и вовсе не понимаемъ основаній, почему остаются часовни запечатанными, вопреки терпимости, оказываемой вообще старообрядцамъ На нашъ взглядъ, остановкою въ примѣненіи полной терпимости къ старообрядцамъ можетъ служить одно,— что съ признаніемъ старообрядческой организаціи, господствующее государственное вѣроисповѣданіе окажется съ меньшими правами, нежели старообрядческое, „терпимое". Возьмемъ хотя бы это избраніе преемника Антонію Оно производится соборомъ архіереевъ въ полной независимости, тогда какъ перемѣщеніе православныхъ архіереевъ зависитъ вполнѣ отъ государственной власти. И такъ, старообрядческая организація въ своихъ правахъ можетъ быть признана во всякомъ случаѣ не прежде, чѣмъ господствующее вѣроисповѣданіе получитъ или точнѣе—возвратитъ свою свободную, на канонахъ основанную организацію

Столѣтіе со дня рожденія митрополита Филарета *).

Мы получили письмо за подписью „Москвичи" и въ немъ насъ просятъ напомнить, что черезъ 20 дней (26 декабря) исполнится столѣтіе со дня рожденія митрополита Филарета. „Нельзя предполагать, пишутъ намъ, чтобы вопросъ (объ юбилеѣ) не былъ возбужденъ; но болѣе нежели вѣроятно, что онъ возбужденъ и рѣшенъ въ самомъ скромномъ размѣрѣ, и притомъ въ ограниченной сферѣ. Вотъ этого, продолжаетъ письмо, и не желалось бы; желательно, чтобы все московское общество во всесословіи могло принять участіе". Обращаются къ намъ и просятъ, чтобы мы дали указаніе москвичамъ, „свято-чтущимъ память покойнаго".

*) С И 7 декабря, № 338

Порученіе—трудное; что же мы скажемъ? Все дѣло въ починѣ отъ него будетъ зависѣть и одушевленіе воспоминанія и размѣры чествованія А откуда же будетъ починъ? Авторъ или авторы „не предполагаютъ, чтобы вопросъ не былъ возбужденъ", а мы даже за это не поручимся, по крайней мѣрѣ до насъ не доходило извѣстія о какомъ-нибудь епархіальномъ, а тѣмъ менѣе синодальномъ распоряженіи Можетъ быть оно и есть, но уже неизвѣстность его есть мѣра участія или точнѣе—безучастія общественнаго Но авторы, упоминая объ „ограниченной" сферѣ, намекаютъ, что еще недовольны были бы они, когда бы столѣтній юбилей Филарета нашелъ отзвукъ даже во всей іерархической оффиціальной средѣ. Надо дать возможность обществу, паствѣ, и именно московской, почтить память знаменитаго іерарха, и притомъ чѣмъ-нибудь особеннымъ, независимымъ отъ участія въ церковномъ молебствіи. Желаніе прекрасное, и намъ остается привѣтствовать его и поискать пути къ его исполненію.

Если чествованіе общественное должно совершиться помимо и независимо отъ церковнаго поминовенія, то оно должно выразиться въ какомъ-нибудь дѣлѣ и притомъ достаточно вѣковѣчномъ, въ сооруженіи какого-нибудь памятника знаменитому іерарху.

Памятника... разумѣется не изъ бронзы или мрамора, не статуи какой-нибудь, что было бы оскорбленіемъ, а не чествованіемъ. Даже не закладкою церкви можетъ быть почтена память, не учрежденіемъ стипендій (замѣчательно опошлившееся благотвореніе), не пріютомъ или богадѣльней, словомъ не такимъ общимъ мѣстомъ, которое можетъ быть приложено ко всякому безразлично воспоминанію Если памятникъ, то памятникъ спеціальный, который бы относился именно къ Филарету, сохранялъ именно его грядущимъ родамъ. И этотъ памятникъ возможенъ; мало того, онъ и обязателенъ; по истинѣ, даже позорно, что онъ не воздвигнутъ, не смотря на истекшее пятнадцатилѣтіе со времени кончины приснопамятнаго іерарха Россія не имѣетъ еще полнаго собранія его писаній. вотъ задача, достойная общества, достойная чтущихъ память Филарета.

Отъ двухъ лицъ, и прежде всего отъ покойнаго оберъ-прокурора святѣйшаго синода А. П. Ахматова, слышали мы выраженіе удивленія: „едва ли есть еще въ Россіи и даже былъ когда человѣкъ, который бы столько писалъ *собственноручно*“. Другое лицо, еще здравствующее, но занимавшее нѣкогда одинъ изъ высшихъ постовъ при синодальномъ управленіи, вычисляло намъ, что если бы собрать всю переписку Филарета съ синодомъ, то наполнились бы двѣ архивныя комнаты. Писанія Филарета не ограничиваются его проповѣдями или учебниками и парой полемическихъ сочиненій („Разговоръ испытующаго съ увѣреннымъ“ и „Бесѣды къ глаголемому старообрядцу“). Сколько его записокъ и заключеній по дѣламъ церковнымъ и церковно-государственнымъ, сколько резолюцій, какое неисчислимое множество частныхъ писемъ! „Частныхъ“ писемъ, сказали мы. Нѣтъ, оговоримся, частныхъ-то писемъ, за исключеніемъ писемъ къ семейству и развѣ поздравительныхъ еще къ разнымъ особамъ, и не осталось отъ него, потому именно, что частныхъ, въ тѣсномъ смыслѣ слова, писемъ онъ не писалъ. Передаемъ случай, достовѣрность котораго несомнѣнна. Евгеній, бывшій ярославскій архіепископъ, давній сослуживецъ, огорченъ былъ тѣмъ, что на основаніи его письма Филаретъ далъ ходъ какому-то дѣлу. „Я писалъ это частнымъ образомъ“, объяснялъ онъ.— „Между архіереями не можетъ быть *частныхъ* писемъ“, замѣтилъ на это Филаретъ, отказывавшійся признавать столь свойственную всѣмъ раздвоенность: „это я вамъ говорю не какъ министръ или не какъ губернаторъ, а какъ частный человѣкъ; примите это отъ меня совершенно частнымъ образомъ“. Если уже архіерей, то уже отнимается отъ него право быть частнымъ человѣкомъ, и ни въ одномъ шагѣ онъ не долженъ забывать, что онъ носитель извѣстнаго сана и извѣстныхъ церковно-общественныхъ обязанностей, тѣмъ менѣе достойно его нравственное раздвоеніе, при которомъ одна изъ двухъ половинъ непремѣнно должна быть лгущею и лицемѣрящею, если она точно другая, особенная, не переходящая въ ту, отъ которой она есть другая, не смѣшивающаяся съ нею.

Распространяемся объ этомъ въ объясненіе того, что каждая строка Филарета должна быть издана. И кто же ихъ издастъ? Нельзя требовать отъ наслѣдниковъ Съ нихъ много и того, если они не остановятся въ воспроизведеніи трудовъ, уже напечатанныхъ. Да и отъ этого, по настоящему, слѣдовало бы ихъ освободить, не возлагать на нихъ обязанности затрачивать капиталъ, который во всякомъ случаѣ, если и воротится, то не мгновенно, а въ періодъ болѣе или менѣе продолжительный, и притомъ частями. За уступку своихъ издательскихъ правъ, вѣроятно, особенно дорого они бы и не запросили.

Другой возможный издатель—святѣйшій синодъ Нѣкогда мы и высказывали чаяніе и желаніе такого рода· но ему, безъ сомнѣнія, суждено остаться чаяніемъ на безконечные вѣки. Нужно знать механизмъ правительственныхъ учрежденій: нужно быть титаномъ, чтобы преодолѣть величайшее и непреодолимѣйшее изъ затрудненій, общее всѣмъ вѣдомствамъ,—рутину. Здѣсь опять необходимъ починъ чей-нибудь, нуженъ огонь, нужна настойчивость, нужно невѣроятное искусство въ преодолѣніи безчисленныхъ затрудненій, начинающихся съ неизбѣжнаго „денегъ нѣтъ“ и оканчивающихся столь же обычными „людей нѣтъ“ и „времени нѣтъ“. Святѣйшій синодъ можетъ учредить коммиссію; но вѣдь извѣстно, что такое эти коммиссіи, думскія ли, министерскія ли, этотъ бездонный ящикъ, въ который проваливаются всѣ дѣла и вопросы и повергаются въ оцѣпенѣніе всѣ горячіе порывы. Вотъ, если москвичи, „свято чтущіе память“ покойнаго святителя, составили бы изъ себя коммиссію, собрали бы между собою капиталъ или, по крайней мѣрѣ, подписку и вошли съ ходатайствомъ въ святѣйшій синодъ о желаніи своемъ и готовности содѣйствовать полному изданію писаній Филарета и съ просьбою открыть имъ для сего синодальные и епархіальные архивы: такому начинанію, полагаемъ мы, не отказался бы содѣйствовать святѣйшій синодъ, и оно-то бы дѣйствительно послужило памятникомъ, достойнымъ знаменитаго святителя и достойнымъ его юбилея. Нашлись бы и люди, которые бы выполнили трудъ изданія

тоже достойнымъ образомъ. Изъ однихъ духовныхъ лицъ, разсѣянныхъ по Руси, сколько найдется еще сподвижниковъ и послушниковъ знаменитаго митрополита, и даже въ числѣ здравствующихъ святителей! Ни одинъ изъ нихъ не отказалъ бы въ содѣйствіи, и изданіе могло бы выйти по истинѣ монументальнымъ.

Переговоры русскаго кабинета съ папской куріей *).

Къ числу темныхъ точекъ таинственнаго міра дипломатіи, способныхъ, на ряду съ извѣстіями объ отношеніи австро-германскаго союза къ Россіи, поселить если не тревогу, то недоумѣніе, принадлежатъ и давніе слухи о переговорахъ между нашимъ кабинетомъ и куріей. Переговоры,— это еще ничего, но по лѣту иностранная печать увѣряла въ полной уступчивости русскихъ уполномоченныхъ. Слухи, помнится, были опровергнуты, но съ поѣздкой г. Гирса они возобновились, а визитъ, сдѣланный нашимъ министромъ и папѣ и его статсъ-секретарю Якобини, поднялъ новые толки, и не далѣе вчерашняго дня читатель могъ удостовѣриться, что идетъ дѣло о возстановленіи какихъ-то правильныхъ отношеній, которыя де теперь особенно необходимы, „въ виду соціальной смуты“.

Послѣдняго мы окончательно не понимаемъ Какого рода правильныя сношенія возможны между Россіей и папскимъ престоломъ? Что мы говоримъ „между Россіей“? Между какимъ бы ни было государствомъ и папскою куріею. Даже конкордаты католическихъ державъ установляютъ вовсе не „правильное“, а развѣ только сносное отношеніе. Папство въ самой идеѣ заключаетъ отрицаніе церковной власти государей, и потому съ государствами ни съ какими у куріи не можетъ быть прочнаго и искренняго союза Но поражаетъ еще объясненіе, что правильныя отношенія желательны въ виду соціальной смуты. Какъ это понять, и какая смута разумѣется? Понять можно въ един-

*) С. И 16 декабря, № 347

ственномъ только смыслѣ, что клевреты папскаго престола могутъ распространять соціальную смуту и содѣйствовать ей, а потому ихъ дружба должна быть куплена политическими уступками Изъ этого слѣдовало бы заключить, что католическое духовенство имѣетъ силу въ соціальной партіи или по крайней мѣрѣ имѣетъ силу отклонять отъ нея колеблющихся. Какова сила католической партіи среди соціализма, это, недалеко ходить, показано монсолеминскими происшествіями. Первое, на что накидываются анархисты, есть именно католицизмъ и его духовенство. Итакъ, армія святѣйшаго отца можетъ нуждаться въ защитѣ и покровительствѣ государства противъ зачинщиковъ и участниковъ смуты, а вовсе не наоборотъ. Слѣдовательно, правильныя отношенія „въ виду соціальной смуты“ ожидались бы въ смыслѣ уступокъ со стороны куріи, а не со стороны государственной власти.

Скажутъ, что на остающихся вѣрными церкви духовенство можетъ оказывать предохраняющее вліяніе. А безъ того оно не окажетъ? То ли подъ этимъ разумѣется? Это есть угроза въ вѣжливой формѣ? Но предъ такою угрозою уступать недостойно государства. Подстрекатель смуты, кто бы онъ ни былъ, и ксендзъ не менѣе другихъ, долженъ подвергнуться за то государственной карѣ. Если бы въ переговорахъ дѣло дошло до высказыванія такихъ угрозъ или, что впрочемъ одно и тоже, до обѣщаній государству содѣйствія, то этого одного должно бы быть достаточно, чтобы прекратить переговоры.

Никогда никому папская курія никакого содѣйствія не окажетъ, кромѣ самой себя, кромѣ внѣдренія слѣпой, фанатической преданности святому престолу. Это нужно имѣть въ виду прежде всего, и только эта одна увѣренность должна бы служить основаніемъ для всѣхъ отношеній къ папскому престолу.

Но намъ обѣщаютъ иное. Въ „Новомъ Времени“ читаемъ, что ожидаютъ водворенія папскаго пунція въ Петербургѣ; а намъ въ награду за это будетъ, кромѣ упомянутаго миѳическаго содѣйствія въ виду смуты, еще и дозволеніе отправлять католическое богослуженіе на русскомъ языкѣ. Это замѣчательно.

Дозволеніе употреблять русскій языкъ при католическомъ богослуженіи должно бы быть испрашиваемо у русскаго правительства, которое еще могло бы противъ того находить возраженія въ видѣ опасности совращенія русскихъ православныхъ въ католицизмъ. А дѣло поставилось такъ, что папа съ его воинствомъ хотятъ поставить себѣ въ заслугу дозволеніе употреблять русскій языкъ. Русскій языкъ нетерпимъ въ католическомъ богослуженіи. Отчего же такъ? Въ чемъ же это его такая оскверняющая особенность, единственно ему принадлежащая, которой не имѣетъ ни одинъ языкъ въ мірѣ, по понятію самаго св. престола и его пропаганды? Разумѣется ни въ чемъ, и ультрамонтантство себѣ въ этомъ противорѣчитъ грубѣйшимъ образомъ. Русскій языкъ оттѣсняютъ отъ католическаго богослуженія, потому что оно есть для русскаго правительства политическое орудіе противъ ополячиванія русскихъ, знаменіе единства народности въ Великой и Бѣлой Россіи. Иначе сказать стѣсненіемъ русскаго языка католическое духовенство желаетъ засвидѣтельствовать свое политическое воззрѣніе, именно что оно не хочетъ признавать русскихъ западной окраины русскими, а видитъ въ нихъ поляковъ Итакъ, если вѣрно прочитанное нами въ „Новомъ Времени“, то рѣшаются принять папскаго нунція за то, чтобы прелаты, русскіе подданные, снизошли и признали русскихъ жителей Бѣлоруссіи русскими, принадлежащими единому народу, подданными русской коронѣ! Ужели же за прелатами признается право рѣшать національность своихъ русскихъ духовныхъ дѣтей и причислять ихъ къ Россіи или въ воображаемой Рѣчи Посполитой, и перемѣну воззрѣнія ихъ неизбѣжно покупать допущеніемъ папскаго нунція въ Петербургъ,—такою уступкою, о которой курія вѣроятно не посмѣетъ даже намекнуть, напримѣръ, Великобританіи; а у Великобританіи, мимоходомъ сказать, на рукахъ цѣлая католическая Ирландія, самый очагъ смуты, постоянное гнѣздилище всякихъ возстаній! Какъ это не пришло мистеру Гладстону на умъ, въ виду этихъ возстаній, что самымъ лучшимъ дѣломъ было бы допустить въ Лондонъ папскаго нунція.

Но мистеръ-то Гладстонъ, безъ сомнѣнія, яснѣе другихъ понимаетъ, что допущеніе нунція и будетъ источникомъ смуты. Тоже, нѣтъ сомнѣнія, послѣдуетъ и въ Петербургѣ И кромѣ того, не дѣтская-ли надежда воображать, что послѣ того вдругъ всѣ ксендзы начнутъ употреблять русскій языкъ? Нисколько Правительство только затруднитъ для себя политическую борьбу. Какъ въ самомъ дѣлѣ оно поступитъ, когда, не смотря на папское благословеніе и на пребываніе нунція въ Петербургѣ, ксендзы будутъ вести себя по прежнему (что несомнѣнно и произойдетъ)? У него хватитъ духа прибѣгнуть къ строгости, выгнать нунція, сослать всѣхъ прелатовъ? Да эти средства и теперь въ его распоряженіи.

Столѣтіе со дня рожденія митрополита Филарета *).

Наступающее столѣтіе митрополиту Филарету (26 декабря) напоминаетъ намъ, что пока не издано не только полнаго собранія его писаній, о чемъ нами уже говорено, но и достаточно обстоятельнаго жизнеописанія, котораго заслуживаетъ этотъ замѣчательный сановникъ трехъ царствованій Его участіе въ важнѣйшихъ событіяхъ отечества, гоненіе, которому онъ подвергся (во время аракчеевщины), внѣшнее удаленіе, въ которомъ его держали (послѣдніе годы Николаевскаго царствованія), при чемъ однако же рѣшеніе общецерковныхъ вопросовъ не обходилось безъ его первенствующаго вліянія, его отношенія къ правительству и государственнымъ людямъ; его отзывы о событіяхъ и о писателяхъ; его общіе взгляды на церковное и государственное управленіе; отношенія къ семейству и къ подвѣдомственнымъ лицамъ, наконецъ общія начала, изъ которыхъ вытекало все это разнообразное примѣненіе дѣятельности и сужденій и которыми оно объединялось: задача, не скажемъ легкая, но заслуживающая того, чтобы надъ нею потрудиться.

---

*) С И 25 декабря, № 356

Мы не даромъ сказали, что разнообразное примѣненіе дѣятельности Филарета „объединялось“. Съ этой стороны личность его особенно поучительна. Умъ замѣчательно логическій и осторожный, онъ тщательно блюлъ, чтобы каждый шагъ его былъ оправданъ, да не предъ обществомъ, а внутри, предъ совѣстью, предъ тѣми правилами и воззрѣніями, которыя онъ исповѣдывалъ. Теорія, которую усвоилъ Филаретъ и которой держался совершенно строго, носила слѣдъ софизма, но съ помощію ея онъ выходилъ побѣдителемъ изъ всѣхъ случаевъ, гдѣ обязанности, повидимому, сталкивались. „Покорность Промыслу“ и „смиреніе“ были между прочимъ столбы, за которые онъ держался и которыми объясняется то, достойное великаго сожалѣнія обстоятельство, что Филаретъ былъ совершенно лишенъ того, что называютъ „иниціативой“. Употребленіе текстовъ на русскомъ языкѣ въ катихизисѣ и въ *Запискахъ на книгу Бытія* вотъ былъ первый опытъ его иниціативы, но и послѣдній. Между прочимъ это нововведеніе и послужило причиною первой его опалы.

Филарета считали деспотомъ. Это несправедливо. Онъ вѣровалъ во власть, признавалъ обязаннымъ ей покоряться, не только за страхъ, но и за совѣсть, и со строгою точностью слѣдовалъ этому правилу въ обоихъ направленіяхъ, и къ верху и къ низу. Самомнѣніе, гордость подчиненныхъ, возмущали его не потому, что относились къ его лицу, а въ существѣ; и самъ онъ строго и безпощадно топтавшій гордливое возношеніе подвластныхъ, смирялся искренно передъ властію и мнилъ о себѣ уничиженно,—мнилъ искренно, безъ малѣйшаго лицемѣрія. Мы могли бы привести нѣсколько случаевъ, доподлинно намъ извѣстныхъ, когда онъ, уже семидесятилѣтній старецъ, превознесенный въ общемъ мнѣніи и въ положеніи общественномъ надо всѣми іерархами, совершенно дѣтскою радостію восторгался, когда получалъ отъ святѣйшаго синода, изъявленіе признательности. А святѣйшій синодъ во всемъ составѣ своемъ несомнѣнно самъ признавалъ себя тогда только ученикомъ того, кому изъявлялъ начальственную признательность. Между тѣмъ выра-

женіе этой признательности въ оффиціальной бумагѣ производило на старца совершенно подобное дѣйствіе, какъ на гимназиста поставленная пятерка; мы это видѣли, мы это читывали на его лицѣ.

Можно было долго разсуждать на эту тему и подкрѣпить нашъ выводъ многочисленными личными нашими наблюденіями и бесѣдами съ покойнымъ іерархомъ. Могли бы мы, напримѣръ, указать на безропотную покорность, съ которою онъ принималъ поправки своихъ проповѣдей отъ цензоровъ, надо замѣтить—подчиненныхъ ему протоіереевъ. Но мы здѣсь хотимъ указать только на необходимость біографіи святителя, которая бы не была только реторическимъ упражненіемъ. А не малое предстанетъ искушеніе біографу. Въ самомъ дѣлѣ, аскетъ, примѣрно дѣятельный архипастырь, необыкновеннаго ума человѣкъ: одно это болѣе нежели достаточно для біографіи. Но ограничиться этимъ—и будетъ реторика, общее мѣсто.

Заключимъ одною чертою почившаго іерарха. Его обвиняли, что онъ усиленно выводилъ своихъ родственниковъ, раздавая имъ мѣста по епархіи. Любопытно, чѣмъ онъ самъ объяснялъ эту свою склонность Архіепископъ Гавріилъ (теперь тоже скончавшійся) назначенъ былъ на Рязанскую каѳедру. Проѣзжая въ епархію, онъ, при свиданіи съ Филаретомъ, выразилъ, что хотя благодаренъ за назначеніе, но предвидитъ затрудненія. „Я самъ рязанскій, тамъ мои родственники; они меня будутъ осаждать просьбами о назначеніи на мѣста“ —Чѣмъ же вы смущаетесь? отвѣтилъ Филаретъ. Наоборотъ, примите это, какъ указаніе Промысла. Онъ васъ ставитъ на мѣсто служенія, которое облегчаетъ вамъ обязанность попеченія о присныхъ.—Это происшествіе—подлинное. Покойнаго Гавріила указаніе на Промыслъ не успокоило, въ данномъ случаѣ оно показалось ему софизмомъ, да и было дѣйствительно таково. Но устами Филарета говорило само чистосердечіе. онъ вѣровалъ въ высказанное правило,—очень успокоительное, надобно отдать справедливость. Подобныхъ-то чертъ наберется очень много. Ими выяснится въ полной живости образъ приснопамятнаго святителя, выяснится

между прочимъ и то, почему, при необыкновенныхъ дарованіяхъ, и властномъ положеніи, до котораго никто изъ іерарховъ новѣйшаго времени не достигалъ, онъ не сдѣлалъ многаго для внѣшняго положенія церкви, чего именно отъ него позволительно было бы ожидать.

„Удивляюсь на теперешнее поколѣніе,—слова, лично нами отъ него слышанныя: едва поступилъ на службу, а ужъ потребуетъ скоро Андрея Первозваннаго (дѣло шло о набедренникѣ для священника). Не утѣшаютъ себя исполненнымъ долгомъ. Когда я учился въ Троицкой семинаріи, высшимъ моимъ честолюбіемъ было стать іеродіакономъ лавры.“ Замѣчательныя слова! Они одни способны пролить свѣтъ на многое.

1883 ГОДЪ.

Столѣтіе дня рожденія митрополита Филарета*).

Сегодняшнее празднованіе Филаретовскаго юбилея вышло, не въ обиду будь сказано оо. устроителямъ, и скороспѣло и незрѣло. Неизбѣжно и должно было такъ случиться. Задуманное первоначально въ тѣсномъ кругѣ Общества любителей духовнаго просвѣщенія, оно получило нѣсколько болѣе обширные размѣры, въ слѣдствіе запоздалой догадливости, что приснопамятный святитель заслуживаетъ торжественнаго поминовенія, не какъ основатель только Общества любителей духовнаго просвѣщенія, но какъ іерархъ вообще, какъ писатель, какъ государственный дѣятель, однимъ словомъ—какъ знаменитое имя, слава Россіи Но догадались-то поздно, а отсюда и вышло, что торжество совершено все-таки въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, нежели заслуживало, и оцѣнка покойному святителю произведена далеко неполно.

Насъ удивляетъ, къ слову сказать, недостаточное участіе, оказанное торжеству московскими горожанами. Отчего это произошло? Отъ той ли же запоздалости извѣщенія, или отъ того, что въ пятнадцать лѣтъ живая память о великомъ митрополитѣ успѣла отлетѣть даже отъ Москвы, гдѣ протекло почти цѣлое пятидесятилѣтіе дѣятельности покойнаго?

Съ своей стороны мы обратимся и на сей разъ снова къ личности святителя, чья память нынѣ праздновалась, и освѣтимъ нѣкоторыя его черты.

---

*) С И. 10 января, № 9

Вліяніе Филарета было давящее, мертвящее. Таково общее мнѣніе было при его жизни и осталось послѣ его смерти. Было ли такъ въ дѣйствительности? Да, было, хотя Филаретъ, какъ мы говорили прошлый разъ, не былъ въ сущности деспотомъ. Его было громадное преимущество, а вмѣстѣ и великое несчастіе, что у него былъ, какъ мы говаривали еще при его жизни, умъ „микроскопическій“. Ученый, изслѣдуя микроскопомъ какой-нибудь хоботокъ насѣкомаго, видитъ его подробности, незримыя простому глазу. Умъ обладающій этимъ свойствомъ микроскопа даетъ свои преимущества; но не будетъ ли онъ и несчастіемъ? Попадала суду Филарета проповѣдь, докладная записка, ученый трактатъ, онъ являлъ придирчивость къ мелочамъ; изъ неточности какого-нибудь одного выраженія извлекалъ нелѣпую мысль, которой у автора не было. Но это не была придирчивость, а болѣзненное требованіе точности и послѣдовательности. Нѣсколько оживленное выраженіе казалось ему краснобайствомъ, образность рѣчи—неточностью, затемняющею смыслъ. Его собственное краснорѣчіе было краснорѣчіемъ сухимъ и художественность, которой достигала иногда его рѣчь, сухою художественностью. Онъ восхищался Григоріемъ Богословомъ, къ которому и приближался строеніемъ своей рѣчи, и не любилъ Златоуста, котораго называлъ „софистомъ“ и „болтуномъ“. Это было несчастіе ума великаго, но односторонне наточеннаго, и отсюда-то проистекало давящее, изсушающее, мертвящее дѣйствіе на тѣхъ, чья умственная жизнь подпадала подъ его руководство.

Размѣры газетной статьи не позволяютъ намъ распространиться подробнѣе, и мы о томъ истинно жалѣемъ, потому что изучали Филарета вблизи, видѣли воочію дѣйствіе этого „микроскопа“, какъ подъ его безпощаднымъ анализомъ засыпало и замирало многое живое. Изученіе этого явленія важно было бы не для одной характеристики Филарета; оно можетъ служить вообще урокомъ, не безполезнымъ для всякаго лица, облеченнаго властію

О сербской церкви*).

У Сербской церкви отняли митрополита, а теперь ее лишили и епископовъ. По насильственномъ и противузаконномъ низверженіи Михаила, правительство короля Милана задумало составить новый церковный законъ, не стѣсняясь ни статутомъ княжества, ни церковными канонами Іерархія по этому закону поставлена въ полное подчиненіе министерству, и выборъ самого митрополита предоставленъ собору, состоящему болѣе чѣмъ на половину изъ свѣтскихъ лицъ. Епископы, въ томъ числѣ и мѣстоблюститель митрополичьей каѳедры, подали протестъ и удалились отъ дѣлъ; отказались повиноваться церковному самоуправству и нѣкоторые изъ соборныхъ протоіереевъ и епархіальныхъ управленій. Правительство осталось однако при своемъ намѣреніи и при своемъ новомъ церковномъ законѣ, между прочимъ объявляющемъ будто бы короля главою церкви.

Какое же теперь положеніе сербской церкви? У нея и есть іерархія, и нѣтъ ея. Іерархія есть, потому что ни одинъ изъ епископовъ, ни самъ митрополитъ не отрекались отъ своихъ каѳедръ; не совершили они и ничего такого, за чтобы бы могли быть низложены; да правильнаго низложенія и не состоялось. Насильственное, да еще противозаконное, отстраненіе митрополита не лишаетъ его сана; и онъ, и всѣ епископы, остаются въ глазахъ всей церкви тѣмъ же, чѣмъ были. Но церковь внѣ ихъ управленія. Положеніе невозможное; правительство короля Милана понимаетъ это и надѣется поправить дѣло средствомъ, которое не безъ успѣха употреблено было нашими старообрядцами. Оно надѣется пріобрѣсти архіереевъ изъ Австріи и уже обратилось, говорятъ, въ Карловецъ, къ патріарху австрійскихъ сербовъ, Анжеличу.

Постоянные читатели наши помнятъ, что самъ Анжеличъ возведенъ австрійскимъ правительствомъ въ патріаршее званіе

*) С И 21 марта, № 78

вопреки желанію паствы и клира. Можно и о немъ сказать, что онъ лишь по наружности законный патріархъ, а въ существѣ восхититель патріаршаго престола, получившій каѳедру, вопреки канонамъ, изъ рукъ государственной власти. На этомъ вѣроятно и основана надежда сербскаго кабинета: столь угодливое орудіе австрійской власти, затруднится ли, даже посмѣетъ ли отказать въ просьбѣ, которую внѣ всякаго сомнѣнія, подкрѣпитъ и австрійское правительство всѣмъ своимъ давленіемъ.

Однако согласится ли Анжеличъ? Если согласится,—онъ отлучитъ себя отъ всей православной церкви, поставляя самочинно архіереевъ на каѳедры, не ему подвластныя, да на которыхъ притомъ еще здравствуютъ канонически избранные и поставленные архіереи, продолжающіе общеніе со всею церковію.

Какъ отнесется тогда къ Анжеличу сама его церковь?

Какъ отнесется и церковь сербскаго королевства къ незаконнымъ епископамъ, которыхъ приведутъ къ ней?

Вотъ вопросы, рѣшеніе которыхъ не останется безъ важныхъ послѣдствій. Австрійское правительство потираетъ себѣ руки; нѣтъ сомнѣнія, что вся эта исторія, начиная съ устраненія митрополита Михаила, и есть его дѣло. Произвести расколъ совершенно въ его видахъ. Можетъ быть вдали мелькаетъ ему даже своего рода унія, которую подготовитъ оно и не упуститъ, лишь только расколъ состоится. Однако оно можетъ и ошибиться. Оно, а съ нимъ и правительство короля Милана, народъ и низшее духовенство, какъ видно, ни во что считаютъ. Издали трудно судить, до какой степени чувство вѣры угасло въ сербахъ по ту и по сю сторону Савы и Дуная. Но если сербскій народъ, какъ случилось бы со всякимъ другимъ православнымъ народомъ, приметъ въ среду столь наглое надругательство надъ священнѣйшимъ завѣтомъ предковъ, то династія Обреновичей можетъ получить себѣ конецъ тамъ, гдѣ она повидимому менѣе всего ожидаетъ.

Братство преподобнаго Сергія*).

Перепечатывая съ полнымъ сочувствіемъ свѣдѣнія о братствѣ пр. Сергія по поводу предстоящаго концерта въ пользу него, мы позволимъ себѣ только въ одномъ не согласиться съ авторомъ Онъ говоритъ, что „надежды архипастыря (Макарія) на сочувствіе общества къ новому учрежденію оправдались“ А мы скажемъ не совсѣмъ. Покойному митрополиту великая честь, что въ началѣ онъ поддержалъ братство и подалъ другимъ примѣръ крупнымъ личнымъ пожертвованіемъ. Въ этомъ отношеніи преосвященный Макарій вообще достоинъ вѣчной памяти; духовная наука, духовноучебныя заведенія были близки его сердцу, и крупные капиталы отъ него шли сюда; онъ напоминалъ этимъ митрополита Платона. Но было бы слишкомъ много сказать, чтобы братство поддержано было достойнымъ образомъ если бы вывести процентное отношеніе, сколько лицъ изъ получившихъ образованіе въ Московской академіи оказали дѣятельное участіе въ братствѣ, цифра получилась бы не очень утѣшительная Впрочемъ академія и юношество ея могутъ на это не слишкомъ сѣтовать, они не одни въ этомъ случаѣ, съ университетомъ повторяется тоже. Общество вспомоществованія студентамъ Московскаго университета, напримѣръ, на сотню должниковъ едва ли одного считаетъ исправнаго: кончилъ курсъ, получилъ мѣсто и забылъ. Что это? Недобросовѣстность? Нѣтъ, а во первыхъ природная русская безпечность, и во вторыхъ, стыдно признаться, но это такъ: почтеніе къ alma mater и къ наукѣ вообще больше на словахъ. Отсюда мы не прочь собраться въ Татьянинъ день, выпить шампанскаго по этому случаю и отправить поздравительную телеграмму, а почувствовать въ душѣ себя роднымъ сыномъ воспитавшаго заведенія; перенестись мыслію въ былые учебные годы и живо представить положеніе младшей братіи, еще проходящей искусъ ученья вмѣстѣ съ искусомъ нужды,—

*) С И 30 марта, № 87

это другое дѣло Тоже и съ наукой: сколько тысячъ, нѣтъ—сколько десятковъ тысячъ, получившихъ воспитаніе въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ! Казалось бы, если не десятки тысячъ, то тысячи непремѣнно ужъ открывались бы читателей на каждую вновь выходящую ученую книгу, особенно же сочиненіе профессора, и какъ жалко дѣйствительность оправдываетъ это теоретическое предположеніе! Если повсюду такъ, то духовная академія не исключеніе изъ общаго правила; можетъ быть даже процентное отношеніе сочувствующихъ ея питомцамъ къ учившимся въ ней даже благопріятнѣе, нежели въ другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но мы находимъ все-таки, что размѣры участія, оказываемаго братству пр Сергія, могли-бы быть обширнѣе.

Покойный митрополитъ Филаретъ съ удивленіемъ и огорченіемъ говорилъ объ одномъ различіи, замѣчаемомъ, въ числѣ прочихъ, между русскимъ народомъ и западноевропейскими: въ дѣлѣ благотворенія тамъ изъ копѣекъ умѣютъ собирать милліоны; у насъ этого нѣтъ. Вспоминаемъ это слово приснопамятнаго митрополита по настоящему случаю и объясняемъ причину несомнѣнно существующей разницы. Русскій горячо за все берется, но нѣтъ у него нѣмецкой настойчивости, ausdauer. Братство пр. Сергія получило-бы въ десятеро больше средствъ, когда-бы не давало засыпать, не скажемъ—своимъ членамъ, а всѣмъ, кого долгъ благодарности къ воспитавшему заведенію обязывалъ-бы быть членомъ. Нужно снизойти къ русской лѣни, и если позволительно такъ выразиться—потолкать дремлющихъ, и при томъ (позволимъ себѣ этотъ совѣтъ) не обязывать даже пятирублевымъ взносомъ, какъ онъ ни малъ, а принимать и меньшія жертвы. Гдѣ кто изъ бывшихъ воспитанниковъ академіи находится, извѣстно. Предположимъ, что у братства въ каждой епархіи, при каждой семинаріи есть членъ-корреспондентъ, который беретъ на себя будить лѣнивыхъ, не гнушаясь самымъ ничтожнымъ взносомъ. Намъ кажется, что содержаніе всѣхъ неимущихъ студентовъ и устройство для нихъ общежитія тогда вполнѣ упрочено.

И въ самомъ дѣлѣ, много ли найдется изъ бывшихъ воспитанниковъ, и найдется ли даже хотя одинъ, настолько бездушный, чтобы пожалѣть, не говорится пяти рублей, но даже рубля на поддержаніе братства; хотя одинъ, кто бы не вспомнилъ, чѣмъ онъ самъ обязанъ заведенію и благодаря чему онъ самъ есть то, что есть, не вспомнилъ, что онъ былъ не только обученъ, но и поенъ и кормленъ и одѣтъ даромъ и даже первоначально устроенъ тѣмъ же заведеніемъ. Такова по крайней мѣрѣ судьба, или скажемъ точнѣе—таково великое счастіе большинства бывшихъ воспитанниковъ академіи Но повторяемъ· нужно будить лѣнь, потому что не всѣ бывшіе воспитанники академіи суть члены братства, то это не болѣе какъ русская Обломовщина, очень добродушная сама въ себѣ.

Собесѣдованія со старообрядцами*).

Собесѣдующіе съ преосвященнымъ Мисаиломъ старообрядцы изъявляютъ притязаніе, что бесѣды передаются не точно. Дѣйствительно, во всѣхъ описаніяхъ, появившихся объ этихъ собесѣдованіяхъ въ печати, сквозитъ какой-то ироническій тонъ, и сами старообрядцы, дерзающіе на слово, выставляются отчасти въ комическомъ, а отчасти даже прямо въ неблаговидномъ свѣтѣ, какъ не сдерживающіе себя въ границахъ уваженія, приличествующаго и мѣсту и предмету собесѣдованія Вѣроятно такъ и было на дѣлѣ. Случалось намъ присутствовать при „преніяхъ о вѣрѣ“; рѣдко они проходятъ съ полнымъ спокойствіемъ; да какъ и замѣтилъ съ полною основательностію преосвященный, въ стенографическихъ отчетахъ искаженія и не можетъ быть Но самая подробная стенографія не можетъ же передать всего дословно; неизбѣжны сокращенія, тѣмъ болѣе неизбѣжна редакція со стороны того, кто передаетъ не по стенографическому отчету, а по памяти. Одно опущенное слово, въ другомъ

*) С И. 5 апрѣля, № 93.

случаѣ—слово прибавленное, способны дать повѣствованію особый оттѣнокъ, смотря по расположенію референта. Въ этихъ видахъ полезно бы можетъ быть было уважить желаніе старообрядцевъ, а именно: предоставляя референту излагать происходившее, какъ ему больше по душѣ, составлять независимо отъ того оффиціальные протоколы преній, которые и прочитывать присутствующимъ, въ томъ числѣ самимъ препиравшимся: пускай они свидѣтельствуютъ точность записи своимъ рукоприкладствомъ. Никакому обвиненію послѣ того не будетъ повода. Кромѣ того, если глаголемые старообрядцы будутъ имѣть что-либо противъ того или другого тезиса, они, при соблюденіи упомянутаго выше условія, постараются навѣрное сами облечь свои возраженія въ форму пристойную, и изберутъ начетчиковъ и ораторовъ не такихъ, которые смѣшиваютъ храмъ съ собраніемъ вѣрующихъ, колеблясь между словами „церковь“ и „церква“, какъ случилось на одномъ изъ собесѣдованій. Могутъ да и должны быть выработаны правила о послѣдовательности разсужденій, о недозволительности уклоненій отъ вопроса въ сторону; на возраженія долженъ быть даваемъ срокъ. Примутъ старообрядцы или не примутъ собесѣдованіе въ такой формѣ и при такихъ условіяхъ, истина ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не пострадаетъ. Уклоненіе отъ собесѣдованія будетъ признаніемъ въ безсиліи; если же собесѣдованіе будетъ принято, и притомъ помимо всѣхъ другихъ, съ тѣмъ главнымъ условіемъ, чтобы ни съ той ни съ другой стороны не было допускаемо ни малѣйшихъ укоризнъ, тогда получится очень назидательный памятникъ въ видѣ полнаго изданія собесѣдованій А такое изданіе необходимо; иначе изъ собесѣдованій выйдетъ одно праздное препирательство. Нельзя таить отъ себя, что на присутствующихъ никакіе доводы не произведутъ непосредственнаго дѣйствія. Получасомъ бесѣды не изглаждаются заблужденія цѣлой жизни, и несловопреніями обращенія достигаются. Но собесѣдованіе способно укрѣпить колеблющихся; другимъ дать пищу для размышленія. А колеблющіеся и размышляющіе не ограничиваются тѣснымъ кругомъ

собесѣдующихъ. Если поставить дѣло основательно, могла бы выйти книга, соотвѣтствующая знаменитымъ „Поморскимъ Отвѣтамъ“, не уступающая имъ въ силѣ, но изложенная въ обратномъ направленіи. Она одна сколько бы могла принести пользы для умиротворенія церкви!

Нельзя не отмѣтить въ заключеніе, что миссіонерство противъ раскола въ той формѣ, въ какой оно велось искони и ведется доселѣ, способно вообще сулить церковной сторонѣ слишкомъ посредственный успѣхъ. Въ запасѣ у старообрядца всегда остается его неравноправность: „я бы сказалъ, но не могу“ Съ успѣхомъ могли бы дѣйствовать проповѣдники, но только не имѣющіе ни малѣйшаго признака власти, ни мірской, ни священной. Намъ передавали о какомъ-то училищѣ, бывшемъ, а можетъ быть даже существующемъ, въ Казани, гдѣ воспитывались или воспитываются дѣти простанародья, безъ предназначенія ихъ въ духовное званіе, но съ выправкою по части свѣдѣній о расколѣ, его догматахъ и его источникахъ. По окончаніи курса, воспитанники разсѣиваются среди массы, и расколоучители неожиданно находятъ себѣ сильныхъ противниковъ тамъ, гдѣ совсѣмъ не ожидаютъ, побѣдоносно ратующихъ съ ними на той же почвѣ, при равныхъ во всемъ остальномъ условіяхъ Есть ли, было ли такое училище? Кто его былъ зиждитель и педагогъ, и что съ нимъ стало?

Собесѣдованія со старообрядцами*).

Собесѣдованія со старообрядцами начинаютъ, говорятъ, привлекать столь значительныя массы слушателей, что помѣщеніе оказывается недостаточнымъ. Остается спросить: почему бы и не перевести ихъ въ болѣе обширный залъ, и притомъ въ общественное мѣсто, если не прямо въ церковь? Частное жилище первоначально избрано было потому вѣроятно, что не предполагалось, можетъ быть, той правильной періодичности,

*) С П. 11 апрѣля, № 101

какую приняли собесѣдованія, и не ожидалось того участія къ нимъ, какое оказалось. Но когда участіе возрастаетъ, необходимо подумать объ удобствахъ.

О порядкахъ, какимъ бы желательно было подчинить собесѣдованія, мы уже говорили; не можемъ не прибавить, что форма ихъ вообще не можетъ быть названа удачною. Характера „преній“ въ тѣснѣйшемъ смыслѣ они должны были бы всемѣрно избѣгать. Онъ неудобенъ уже потому между прочимъ, что преосвященный Мисаилъ есть въ одно время и предсѣдатель собранія и препирающаяся „сторона“. Потому-то, какъ мы уже говорили прошлый разъ, старообрядцамъ всегда останется отговорка, что не имѣютъ они или не могутъ имѣть полной свободы въ „разглагольствіи“. Понятно однако, что никто же и не можетъ въ подобномъ собраніи быть предсѣдательствующимъ, кромѣ преосвященнаго. Съ другой стороны, пренія вообще способны болѣе производить раздраженіе, нежели вести къ убѣжденію. Собесѣдованія должны бы поставить себѣ цѣлію собственно вразумленіе,—вразумленіе, разумѣется, желающихъ вразумиться, недоразумѣвающихъ, колеблющихся. Слѣдовательно никакъ не диспутъ и не турниръ, не бой, котораго вся задача, кто кого одолѣетъ, задача недостойная столь высокаго предмета, какъ истина вѣры и церкви. А потому-то совершенно и умѣстны были бы собесѣдованія именно въ храмѣ. Фанатическія хулы были бы тогда невозможны; невозможны по двоякой причинѣ: во первыхъ, фанатикъ, воображающій во Іисусѣ духа льсти, и не пришелъ бы въ православный храмъ, отъ чего потери конечно никакой бы и не было; а во вторыхъ, если бы и таковой явился, то на первое же его слово ему отвѣчено было бы замѣчаніемъ, что онъ ошибается, если полагаетъ, что въ собесѣдованіи допускаются какія-нибудь „изобличенія“, а тѣмъ болѣе укоризны.

Какъ же однако обойтись безъ „изобличенія?“ спросятъ насъ. Самое вразумленіе развѣ уже не подразумѣваетъ обличенія? Да, конечно, доказывающій, что истина есть истина, не можетъ не доказывать, что ложь есть ложь. Однако, папо-

мнимъ, напримѣръ, о разницѣ, какая замѣчается между „обличеніемъ неправды раскольнической“ Ѳеофилакта Лопатинскаго и сочиненіями противъ тѣхъ же раскольниковъ Филарета (Дроздова) и Григорія (Постникова) Иное дѣло сказать „ты лжешь“, иное—„ты заблуждаешься“; иное дѣло объяснить ложно понимаемое и криво толкуемое, иное—сказать· „ты не понимаешь этого, потому что невѣжда“. А восклицаніе „кривотолкъ“ даже было произнесено, какъ передаютъ, въ одно изъ собесѣдованій Спрашиваемъ· что же можетъ выйти изъ такого собесѣдованія кромѣ раздраженія, пусть названный кривотолкомъ и дѣйствительно кривотолкъ и таковымъ себя показалъ?

Къ числу не ведущихъ къ цѣли и только раздражающихъ „изобличеній“ относимъ мы и выборъ такихъ темъ, какъ невѣжественныя бредни Аввакума о Троицѣ. Да не только выбрана была такая, можно сказать, непристойная тема, но еще старообрядцы призывались къ отвѣту: какъ де они полагаютъ объ ученіи Аввакума? А затѣмъ уличали ихъ и стыдили: вотъ де какіе сумасброды были вашими первоучителями; проповѣдывали прямую ересь, а вы ихъ прославляете, какъ мучениковъ! Лекторъ отлично зналъ, что старообрядцы ничуть не держатся Аввакумовскихъ бредней о Троицѣ, что они ихъ стыдятся, что нѣкогда старались они даже истреблять писанія, обличающія богословское невѣжество ихъ первоучителя; зналъ лекторъ, какъ и всѣ мы знаемъ, что Аввакумъ страдалъ не за свои мнѣнія о Троицѣ, а за свое сопротивленіе книжному исправленію, и что старообрядцы чтутъ его за твердое послѣдованіе старымъ обрядамъ, а не за богословскія его бредни Да наконецъ и по общей логикѣ, если заблуждался въ одномъ, слѣдуетъ ли, чтобы онъ заблуждался во всемъ? Зашелъ бы споръ о какомъ-нибудь историческомъ фактѣ и собесѣдникъ сказалъ бы своему противнику. да помилуйте, вашъ учитель-то исторіи въ гимназіи былъ безбожникъ Было ли бы это удовлетворительно? Скажемъ болѣе: въ такомъ пріемѣ не усматривается ли одно желаніе оскорбить, и ничего болѣе? Не такъ подобаетъ глашатаю истины, христіански желающему вразумить заблуждающагося.

Собесѣдованія со старообрядцами*).

Одинъ изъ принимавшихъ участіе въ „собесѣдованіяхъ“ преосвященнаго Мисаила, очевидно старообрядецъ, И. И. Зыковъ, въ письмѣ къ намъ объясняетъ, что представленныя имъ въ собесѣдовании доказательства, и притомъ по его словамъ „очень вѣскія“, умолчаны газетными репортерами, и вообще въ газетныхъ отчетахъ о собесѣдованіяхъ много, по его словамъ, неточностей. Онъ проситъ позволенія выяснить искаженія, въ которыхъ повинны газетные репортеры, по его словамъ, „плохо понимающіе сущность религіозныхъ предметовъ“.

Очень возможно, что репортеры не вполнѣ знакомы съ сущностью пререканій между господствующею церковью и старообрядцами и потому могли передавать подробности собесѣдованія неточно; возможно, что передано и не все, что происходило. Но не вѣрится, чтобы репортеры повинны были въ искаженіяхъ, то есть передавали то, чего не говорили старообрядцы, или превратно излагали слышанное Мы лично имѣемъ нѣкоторое основаніе считать себя знающими сущность разногласій, отдѣляющихъ старообрядство отъ церкви, и по совѣсти ни въ одномъ изъ отчетовъ ничего не нашли такого, чего бы нельзя было ожидать отъ старообрядцевъ. Во всякомъ случаѣ, восполненіе отчетовъ, предлагаемое г. Зыковымъ, принято нами будетъ съ благодарностью, хотя и не безъ нѣкоторыхъ условій, о которыхъ заранѣе предупреждаемъ почтеннаго корреспондента. А именно:

1) Мы не допустимъ никакой укоризны Иное дѣло—разъясненіе, указаніе погрѣшительнаго мнѣнія и толкованія, иное—укоризна или, какъ мы выразились прошлый разъ,—„обличеніе“. Нѣтъ сомнѣнія, г Зыковъ читалъ наши прошлыя замѣчанія о собесѣдованіяхъ, и если не читалъ, то пусть прочтетъ. Онъ усмотритъ изъ нихъ, что мы не одобряемъ и противниковъ старообрядчества за принятые ими обличитель-

*) И С. 12 апрѣля, № 108.

ный тонъ и направленіе Равно не можемъ мы одобрить, когда бы вмѣсто разъясненій своего вѣрованія г. Зыковъ обратился къ намъ съ какими-нибудь нареканіями на господствующую ли церковь или на предержащую власть. Преніе тогда лишь плодотворно и въ частности преніе о предметахъ вѣры тогда лишь способно принести спасительный духовный плодъ, когда препирающіеся не только соблюдаютъ добросовѣстность, но и предполагаютъ ее въ противникѣ; уважая ее и уважая чувство вѣры, они могутъ скорбѣть о заблужденіи брата, но не порицать его, не унижать, не упрекать.

2) Просимъ, при разъясненіи мнѣній по извѣстнымъ пунктамъ догмата или обряда, не сворачивать съ дороги, что, не во гнѣвъ будь сказано г. Зыкову, водится за его единомышленниками. Не знаемъ и не хотимъ спрашивать, къ какому согласію принадлежитъ г. Зыковъ, но ставимъ ему въ примѣръ хотя бы тѣже „Поморскіе Отвѣты“, о которыхъ уже упоминали въ одинъ изъ прошлыхъ разовъ. Вотъ образецъ старообрядческой полемики, истинно приличной и по тону и по логической послѣдовательности!

И такъ, г. Зыковъ можетъ прислать намъ свои разъясненія Пусть онъ будетъ увѣренъ, что мы ни на іоту не исказимъ и не ослабимъ его мнѣній, а тѣмъ болѣе не унизимся до глумленія, отъ чего, къ искреннему сожалѣнію, не всегда воздерживаются представители господствующей церкви.

Обращаясь отъ г. Зыкова къ прочимъ нашимъ читателямъ, предупредимъ ихъ, что если почтенный старообрядецъ исполнитъ свое обѣщаніе, то мы ничего догматически новаго безъ сомнѣнія отъ него не услышимъ Новаго, чего бы уже не было сказано и много разъ пересказано и жизнію засвидѣтельствовано, ничего и придумать нельзя Расколъ старообрядства совершилъ вполнѣ свой историческій путь, развившись въ теченіи двухъ столѣтій съ замѣчательною логическою правильностью и послѣдовательностью, и упершись, какъ въ свои конечные пункты, одною половиною своею—въ австрійскую іерархію (поповщина), и другою—въ странничество (безпопов-

щина). Далѣе ни той ни другой половинѣ уже двигаться некуда. А по дорогѣ къ своему окончательному видообразованію та и другая половина оставляла отъ каждаго своего момента осадки въ видѣ отдѣльныхъ сектъ,—окружниковъ и противоокружниковъ, поморцевъ и феодосіянъ и т. д., которыя кристаллизовались, представляя изъ себя любопытному наблюдателю своего рода геологическіе пласты, сказывающіе о томъ или другомъ періодѣ въ развитіи старообрядства. Живого, движущагося въ смыслѣ историческомъ теперь уже нѣтъ въ старообрядствѣ,—по нашему, по крайней мѣрѣ, мнѣнію. Скажемъ болѣе: сдается намъ, что даже въ смыслѣ личной вѣры старообрядство тоже омертвѣло. Оно обратилось въ то, что мы назовемъ „культомъ", то-есть такимъ положеніемъ вѣроисповѣданія, въ которомъ его объектъ и субъектъ разложились, личное вѣрованіе съ обязательнымъ символомъ распались, каждое существуетъ само о себѣ, связанное лишь внѣшнею принадлежностью. Аввакумъ, Никита, Лазарь, изъ позднѣйшихъ пожалуй Евфимій, родоначальникъ странствующихъ, были воплощенная вѣра Не то—большинство современныхъ старообрядцевъ: они относятся къ своему катихизису, какъ современный лютеранинъ къ Аугсбургскому исповѣданію, пожалуй даже какъ большинство католиковъ къ Тридентскому собору или догмату о непорочномъ зачатіи. Исповѣданіе такое или другое, поморское или окружническое, приросло къ нимъ, какъ наслѣдованный обычай, какъ принадлежность быта, не ими уставленная и не въ силу личныхъ религіозныхъ размышленій усвоенная. А въ силу того, неизбѣжно долженъ угаснуть и духъ пропаганды и ослабнуть та опасность „совращенія", которой повидимому еще боится духовенство, по нашему мнѣнію совершенно неосновательно. Всякое новое совращеніе слѣдуетъ отнынѣ записывать уже не въ „кредитъ" раскола, а въ „дебетъ" духовенства. Отваливаются отъ церкви тѣ, которыхъ отгоняютъ отъ нея какія-нибудь антипатическія явленія въ бытѣ духовенства или его отношеніяхъ къ своимъ обязанностямъ, а не чья-нибудь проповѣдь. Да и отваливаются куда теперь, куда должны отвали-

ваться? Никакъ не въ старообрядство, а на оборотъ въ тотъ или другой видъ духоборства, представителемъ котораго въ настоящій моментъ, послѣ бывшихъ нѣкогда молоканъ и духоборцевъ, скужитъ штундизмъ въ разныхъ его видахъ и наименованіяхъ. Лорда Редстока съ его послѣдователями мы причисляемъ тоже къ штундистамъ своего рода

Размѣръ газетной статьи не позволяетъ намъ распространиться о предметѣ съ тою подробностью, которой бы онъ заслуживалъ Скажемъ одно, что современное вѣроисповѣдное положеніе не оцѣнивается съ полною ясностію ни представителями духовенства, ни властію гражданскою и духовною. О старообрядцахъ въ частности разсуждаютъ задними числами и относятся къ нимъ за частую, какъ въ пору было бы при царѣ Ѳеодорѣ или императорѣ Петрѣ. Гражданскія законоположенія носятъ слѣды такого отношенія; самая полемика стоитъ на пунктѣ, до котораго дошла при митрополитѣ Платонѣ повторяются зады, и притомъ обѣими сторонами одинаково. Можно придумать какой-нибудь новый изворотъ, отыскать какой-нибудь новый аргументъ, открыть новое свидѣтельство въ рукописи или на иконѣ, но данное историческое положеніе этимъ ни на дюймъ не сдвинется Получить лишнее суетное утѣшеніе, въ родѣ извѣстнаго восклицанія „препрѣхомъ“, съ которымъ выходили коноводы старообрядцевъ во время стрѣлецкаго бунта изъ тогдашняго собесѣдованія Пастырь церкви долженъ быть вооруженъ знаніемъ объ исторической основѣ старообрядства и долженъ каждую минуту быть готовымъ отвѣщать о словеси; при первой минутѣ опасности совращенія (которой впрочемъ тѣмъ менѣе предстоитъ, чѣмъ болѣе гдѣ пастырски наставленъ христианинъ въ истинахъ вѣры), пастырь обязанъ спѣшить со словомъ вразумленія. Но сущность уже не въ личныхъ или частныхъ духовныхъ завоеваніяхъ; старообрядство есть вполнѣ образовавшееся тѣло, котораго отдѣльными обращеніями даже не ослабишь, и которое въ силу одного закона исторической косности отъ своего бытія не откажется. Даже папизмъ въ отношеніи къ протестантству пришелъ, ка-

жется, къ болѣе ясному убѣжденію, нежели наша церковь въ отношеніи къ расколу. Теперь въ отношеніи къ расколу вообще не столь важенъ путь „обличенія“, который способенъ вести къ противоположнымъ результатамъ, а путь примиренія, и строить для него мостъ даже не такъ трудно, какъ представляется. Стоитъ обратить вниманіе хотя на то одно, что самые существеннѣйшіе пункты разногласія успѣли обезразличиться; ни о двуперстіи, ни о старыхъ церковныхъ книгахъ никто изъ богослововъ не рѣшится повторить теперь того, что писалось въ „Скрижали“ или въ предисловіи къ псалтирю; и изъ старообрядцевъ большинство постыдится невѣжественно-хульныхъ толкованій имени Іисусъ Ближайшія къ намъ изъ старообрядческихъ сектъ, въ виду примирительнаго шага, уже сдѣланнаго церковію учрежденіемъ единовѣрія, отступаютъ тоже со старой позиціи и строятъ ретраншементъ преимущественно на почвѣ канонической, сосредоточивая выстрѣлы на извѣстной соборной клятвѣ и на кажущейся непослѣдовательности церковныхъ властей. Но вѣдь это уже почти миръ! Еще шагъ, еще небольшой шагъ, и полный миръ возможенъ. Частныя исключенія останутся, но они теряютъ политическую и церковную важность.

Возвращаясь къ г. Зыкову, приглашаемъ его не оставить насъ обѣщанными сообщеніями. Доброжелательные, безпристрастные столбцы „Современныхъ Извѣстій“ ему и его единомышленникамъ открыты, если сообщаемое ими само сохранитъ подъ собою почву того же безпристрастія и благожеланія.

Собесѣдованія со старообрядцами*).

Извѣщеніе о послѣднемъ собесѣдованіи со старообрядцами заключено было вчера словомъ благодарности г. Шумову, обязательно уступившему для собесѣдованія свое жилище. Дѣйствительно г. Шумовъ заслуживаетъ благодарности· но мы стоимъ

*) С И 27 апрѣля, № 113.

на своемъ, что для продолженія собесѣдованій приличнѣе была бы какая-либо общественная зала или даже церковь, при чемъ, какъ мы говорили также, должна быть принята предосторожность, чтобы не производить напраснаго раздраженія обобщеніями такихъ частностей, которыя вовсе не принадлежатъ къ существу старообрядства Таковымъ несправедливымъ, по нашему мнѣнію, обобщеніемъ были въ одно изъ предшествующихъ засѣданій комментаріи на бредни Аввакума Подобное-же отчасти повторилось и на послѣднемъ собесѣдованіи въ видѣ бесѣды о томъ, что церковь есть собраніе вѣрующихъ, а не храмъ. Одинъ изъ возражавшихъ старообрядцевъ путалъ эти понятія, и разъяснить ихъ конечно было нужно, но не заслуживала особенной внимательности путаная рѣчь невѣжды, отъ котораго лучше изъ старообрядцевъ, несомнѣнно отрекаются безъ постороннихъ указаній. Пространная бесѣда давала какъ-бы видъ, что старообрядцы вообще не различаютъ церкви отъ храма, чего на дѣлѣ разумѣется нѣтъ. Благодарнѣе былъ-бы трудъ, когда-бы лекторъ, не удостоивая особеннымъ опроверженіемъ нелѣпицу, которой изъ присутствовавшихъ едва-ли кто и могъ сочувствовать, обратился къ разбору тѣхъ историческихъ свидѣтельствъ, которыми въ частности безпоповцы доказываютъ возможность сохраненія церкви безъ іерархіи, или же тѣхъ историческихъ примѣровъ, которыми поповцы закрываютъ каноническую несостоятельность своей іерархіи. Впрочемъ и то и другое, какъ мы уже объясняли не разъ, можетъ принести пользу только въ смыслѣ утвержденія колеблющихся. Вообще же, встань самъ патріархъ Іосифъ или даже болѣе—всѣ четыре московскіе святителя, практическое дѣйствіе ихъ внушеній будетъ весьма сомнительно На послѣднемъ собраніи между прочимъ былъ тому убѣдительный примѣръ. евангеліе, хотя и XII вѣка, съ именемъ „Іисусъ“ старообрядцы не захотѣли смотрѣть, отговариваясь разными уклончивыми объясненіями И психологически это весьма понятно. Тотъ или другой старообрядецъ, А, В, или С, держится своей вѣры потому развѣ, что онъ нашелъ такое изображеніе крестнаго знаменія или

такое начертаніе имени Спасителя въ старинныхъ книгахъ? Ссылкою на старинныя книги онъ только успокоиваетъ себя, осмысливаетъ свое положеніе, но къ положенію-то онъ дошелъ не путемъ логическихъ заключеній или историческихъ изысканій: основаніе, которое выставляется имъ и для себя и для другихъ въ защиту своего вѣрованія, не есть дѣйствительная причина его вѣрованія. Если бы и рѣшился старообрядецъ посмотрѣть въ предлагаемую книгу XII столѣтія и увидалъ имя Спасителя въ начертаніи, которое принято церковію, онъ сталъ бы придумывать какіе угодно извороты, но остался бы при своемъ Онъ усомнится въ подлинности рукописи, скажетъ, что употребленіе такого начертанія въ одной книгѣ еще не говоритъ за всѣ книги и за всю церковь. Наконецъ, еслибы даже случилось, что какой-нибудь пунктъ разобранъ былъ во всей доскональности, такъ что не оставалось-бы ни малѣйшаго сомнѣнія въ логической достовѣрности приводимыхъ аргументовъ, послѣдуетъ отвѣтъ: „пускай въ этомъ можетъ быть мы ошибаемся, но . “, и способна создаться цѣлая новая система вѣроученія, даже отступающая отъ коренныхъ началъ своего предшествовавшаго момента. Такова вообще исторія религіозныхъ заблужденій и въ частности—старообрядства. Крайнія его секты какъ далеко отошли отъ своего первоначальнаго исходнаго пункта, ставши къ коренному старообрядческому началу даже въ прямое противорѣчіе! Основавшись на преувеличенномъ уваженіи къ обряду, и даже не къ обряду, а къ опредѣленной, случайной формѣ обряда, путемъ неминуемой злой логики, подъ дѣйствіемъ разъѣдающихъ внутреннихъ противорѣчій, пришли (безпоповцы напримѣръ) къ отрицанію даже не обряда, а существенныхъ принадлежностей видимой церкви вообще.

Вотъ почему отъ логическихъ или историческихъ препирательствъ вообще мало прока въ смыслѣ „обращеній“. Попутно они приносятъ свою пользу, служа вообще разъясненіемъ истины, но менѣе всего достигаетъ ихъ дѣйствіе именно туда, куда оно непосредственно направлено

Собесѣдованія со старообрядцами*).

О преніяхъ со старообрядцами приходится сказать еще нѣсколько словъ. Очень жалко, что г. Зыковъ, вызвавшись доставить намъ свои возраженія, которыя были имъ высказаны въ собесѣдованіи, но умолчаны репортерами, не исполнилъ доселѣ своего обѣщанія, не смотря на готовность нашу открыть ему свои столбцы Какая тому причина? Не условія ли, нами къ тому поставленныя? Но условія таковы, что ихъ обязательно держаться при каждомъ собесѣдованіи, хотя бы даже не о предметахъ вѣры, а о чемъ угодно· 1, воздерживаться отъ укоризнъ и 2, держаться послѣдовательности въ разсужденіяхъ, не перескакивая съ предмета на другой. Молчаніе г. Зыкова возбуждаетъ подозрѣніе, не намѣренъ ли онъ былъ дать волю языку своему именно въ двухъ, неодобряемыхъ нами направленіяхъ.

Въ замѣнъ г Зыкова одинъ, неназвавшій себя, старообрядецъ, пишетъ намъ о впечатлѣніи, которое было произведено въ послѣднемъ собесѣдованіи показомъ древняго Евангелія съ начертаніемъ имени Іисусъ. Старообрядецъ пишетъ:

Въ вашей газетѣ сказано, что принесено было св Евангеліе XII вѣка, а въ немъ написано Спасителево имя „Іисусъ", что и было показано старообрядцамъ. Это хорошо, но вотъ что не хорошо,—что въ этомъ же св. Евангеліи написано Спасителево имя „Исусъ" и это почему-то не было показано *нестарообрядцамъ?* А вѣдь нужно было бы показать то и другое, для вразумленія обѣихъ спорящихъ сторонъ, и къ вящему бы убѣжденію или вразумленію горячихъ порицателей Спасителева имени „Исусъ" показать при семъ еще св. Евангеліе, писанное св Алексіемъ Московскимъ митрополитомъ Иначе что это за бесѣды? Посмотрѣли бы вы на нихъ..

Вѣримъ, что въ Евангеліи XII вѣка встрѣчаются оба начертанія; вѣримъ и тому, что Алексій митрополитъ писалъ „Исусъ". Жалѣемъ, что возраженіе, предъявляемое старообряд-

*) С И 30 апрѣля, № 116

цемъ, не предусмотрѣно было преосвященнымъ предсѣдателемъ и его сотрудниками. Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, что по требованію старообрядцевъ не скрыты были бы и тѣ мѣста, гдѣ начертаніе согласно съ принимаемымъ старообрядцами. Мало того мы вполнѣ увѣрены, что православные собесѣдователи не упустятъ внять предлагаемому возраженію и при слѣдующихъ собесѣдованіяхъ волятъ старообрядцамъ указать благопріятныя имъ мѣста, если они въ Евангеліи XII столѣтія есть (мы вѣримъ въ этомъ пока на слово старообрядцу). Увѣрены мы въ этомъ именно потому, что въ православномъ духовенствѣ отнюдь нѣтъ „горячихъ порицателей Спасителева имени Исусъ“, какъ выражается старобрядецъ. Напротивъ, начертаніе Исусъ благословляется для употребленія въ единовѣрческой церкви, и корреспонденту-старообрядцу это не менѣе извѣстно, чѣмъ намъ.

Мы понимаемъ, на что намекаетъ старообрядецъ,—на то мѣсто изъ Димитрія Ростовскаго, гдѣ святитель объясняетъ, что „Ісусъ“ значитъ равноухій Это слово, если читать его по гречески, дѣйствительно имѣетъ такое значеніе,—замѣтьте, слово, само по себѣ взятое, безъ отношенія къ мысли о Спасителѣ. Слѣдуетъ ли однако отсюда, что святитель Ростовскій былъ „горячимъ порицателемъ“ имени Спасителева? Онъ былъ полемикомъ вообще горячимъ, это такъ; онъ порицалъ, и порицалъ горячо, самихъ старообрядцевъ, за то что они такъ слѣпо и упорно настаиваютъ на своемъ начертаніи и ставятъ въ немъ чуть не сущность православія. Его горячій тонъ и укорительныя слова, съ которыми онъ обращался къ современнымъ брынскимъ невѣждамъ, достойны сожалѣнія. Но тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, если какой-нибудь старообрядецъ теперь будетъ выводить какія-нибудь обвиненія противъ исповѣданія господствующей церкви изъ того, что одинъ изъ ея архіереевъ, знавшій по гречески, растолковалъ нѣкогда, сколь неблаговидное значеніе получается для имени „Ісусъ“, если остановиться на словѣ, на буквѣ, и какіе непріятные выводы получаются для старообрядцевъ, если они покланяются имени,

какъ слову, какъ буквѣ Мы выразились неодобрительно противъ пріема, употребленнаго однимъ изъ собесѣдниковъ, напомнившимъ о бредняхъ Аввакума Невѣжественныя, противохристіанскія бредни Аввакума о Троицѣ сами по себѣ, говорили мы, а сущность старообрядства сама по себѣ· по этому и не совѣтовали мы (не совѣтуемъ до сихъ поръ) попрекать старообрядцевъ Аввакумомъ, несшимъ положительную чепуху, и притомъ еретическую А почтенный корреспондентъ-старообрядецъ вытаскиваетъ словопроизводственное толкованіе Димитрія Ростовскаго (надобно замѣтить—совершенно правильное) и повидимому готовъ вывести отсюда, что господствующая церковь якобы „горячо порицаетъ Спасителево имя"! Спрашиваемъ неизвѣстнаго корреспондента, пусть онъ отвѣтитъ по совѣсти: неужели онъ это говоритъ искренно, отъ чистаго сердца и искренно воображаетъ, что господствующая церковь порицаетъ Спасителево имя? Желали бы оказать честь его добросовѣстности и предположить, что его ошибка неумышленна, но колеблемся.

„Что это за бесѣда! Посмотрѣли бы вы на нихъ.." съ горечью восклицаетъ корреспондентъ-старообрядецъ Если неудовольствіе корреспондента относится только къ неполной ссылкѣ на Евангеліе XII вѣка, это бѣда еще поправимая. Но если въ собесѣдованіяхъ отсутствуетъ духъ примиренія, то пожалуй мы и готовы, вмѣстѣ съ корреспондентомъ, пожалѣть объ этомъ.

Вѣнчаніе на царство русскихъ царей *).

Недавно вышедшая ученая книга Е В. Барсова „Древнерусскіе памятники священнаго вѣнчанія царей на царство" знакомитъ насъ съ исторіею обряда коронованія и съ видоизмѣненіями, которыя претерпѣвалъ, сообразно съ историческими обстоятельствами, чинъ вѣнчанія на царство. До христіанства въ Римской имперіи санъ императора знаменовалъ

*) С. И. 15 мая, № 131

преимущественно верховнаго полководца; съ этимъ смысломъ сообразовался и обрядъ возведенія въ императорское достоинство. Но когда христіанство стало господствующимъ исповѣданіемъ имперіи, императоръ явился съ тѣмъ вмѣстѣ верховнымъ покровителемъ церкви, и въ этомъ смыслѣ власть его потребовала освященія. Книга г. Барсова сообщаетъ любопытную подробность, что греческіе императоры, при вѣнчаніи на царство, облачались между прочимъ въ ризы, присвоенныя священнослужителямъ, и благословляли народъ архіерейски. Существеннѣйшею частію вѣнчанія на царство, во всякомъ случаѣ, оставалось муропомазаніе по примѣру помазанія царей ветхозавѣтныхъ.

Въ Россію чинъ вѣнчанія на царство перенесся съ паденіемъ Византійской имперіи; Русскій царь призналъ себя преемникомъ восточныхъ императоровъ; качество верховнаго хранителя вѣры перешло къ нему, и потребовалось вѣнчаніе съ муропомазаніемъ. Точнѣе сказать—муропомазаніе, потому что вѣнчаніе въ смыслѣ церковнаго обряда, было совершено еще надъ внукомъ Іоанна III, Димитріемъ Ивановичемъ, и притомъ безъ дѣйствительнаго возведенія на царство. Кромѣ того, шапка мономахова доказываетъ, что возложеніе вѣнца существовало и гораздо ранѣе, но безъ муропомазанія и безъ сопровожденія церковнымъ обрядомъ, по крайней мѣрѣ тѣмъ, которымъ сопровождается царское вѣнчаніе. Первымъ вѣнчавшимся на царство былъ Іоаннъ IV, который первый и именовался царемъ.

Таковъ историческій смыслъ торжественнаго вѣнчанія на царство. Въ чинѣ вѣнчанія, нынѣ употребляемомъ, онъ сохранился; императоръ принимаетъ помазаніе, предъ вѣнчаніемъ возглашаетъ символъ вѣры; слѣдовательно это есть тоже освящающее дѣйствіе, при чемъ въ царѣ подразумѣвается тотъ же хранитель и покровитель вѣры. Но современное состояніе христіанства и особыя историческія условія, въ которыя поставилась Россія, придаютъ тому же священному значенію новый оттѣнокъ. Мы сказали бы, что вѣнчаніе Русскаго царя на царство есть

знаменіе и торжественное свидѣтельство добровольнаго союза между царемъ и народомъ, ихъ искренняго духовнаго общенія. Порядкомъ престолонаслѣдія призывается царь на царство; онъ царствуетъ; для полноты правъ власти царской и для полноты обязанности для подданныхъ повиноваться ей не требуется ничего болѣе. Но ощущается недостатокъ въ видимомъ торжественномъ свидѣтельствѣ, что царю, промысломъ данному, повинуются, по выраженію апостола, не только за страхъ, но и за совѣсть; что существуетъ не одинъ принудительный, формальный союзъ между носителемъ верховной власти и подданными, но союзъ добровольный на основаніи духовнаго общенія. Здѣсь между прочимъ, причина, почему такъ радостно народъ встрѣчаетъ коронацію Онъ не пускается въ историческія воспоминанія и догматическія толкованія. Кромѣ того смыслъ, который придавался въ Византіи и котораго безъ сомнѣнія особенно горячо держался Иванъ IV, самымъ дѣломъ ослабленъ, царь считался тогда единственнымъ (а до Западной имперіи и былъ единственнымъ) представителемъ христіанской верховной власти; Россія въ частности только что высвободилась тогда отъ магометанскаго владычества. Поборничество за вѣру, на которое подразумѣвательно посвящался царь вѣнчаніемъ и мѵропомазаніемъ должно было тогда выступать предъ народнымъ сознаніемъ особенно ярко. Теперь должна если не ярче выступать, то глубже чувствоваться другая, болѣе положительная сторона,—духовное единомысліе вообще, подразумѣваемое между народомъ и царемъ, и народъ ликуетъ, когда видитъ торжественное, церковнымъ священнодѣйствіемъ скрѣпленное свидѣтельство объ этомъ

Такому разумѣнію коронованія содѣйствовало между прочимъ и раздвоеніе русской столицы—на императорскую резиденцію и „столицу первопрестольную“. Отсюда—императорскій въѣздъ, преддверіе коронованія, можно сказать—первая его часть. Это есть, такъ сказать, торжественное представленіе царя народу и всенародный пріемъ народомъ царя, народъ чрезъ это уже какъ бы соприсутствуетъ вѣнчанію на царство: его „ура“

въ данномъ случаѣ есть то „аксіосъ", которое возглашалось въ церкви при вѣнчаніи греческихъ царей. Съ этой точки зрѣнія чинъ царскаго въѣзда заслуживалъ бы даже нѣкоторыхъ измѣненій. Одно изъ нихъ уже и состоялось въ настоящемъ торжествѣ,—отмѣна продажныхъ мѣстъ для зрителей, дѣйствительно вовсе не соотвѣтствовавшая характеру событія: царскій въѣздъ не есть „зрѣлище"; примѣненіе къ нему условій, которымъ подчинены „зрѣлища", можетъ быть только оскорбительнымъ для его достоинства.

Коронація Императора Александра III *).

Одновременно съ молитвою, колѣнопреклоненно возглашаемою государемъ при вѣнчаніи, молится и весь народъ русскій, чтобы „вразумилъ Богъ и управилъ царя", чтобы „устроилъ сердце его къ пользѣ врученнаго ему народа и къ славѣ Божіей". По единогласному сказанію очевидцевъ, при въѣздѣ Ихъ Величествъ, съ первымъ пушечнымъ выстрѣломъ и первымъ ударомъ колокола, мгновенно у всего стотысячнаго народа обнажились головы и руки поднялись для крестнаго знаменованія, какъ бы по волшебному мановенію, какъ бы по электрическому току; многіе прослезились. Что это было такое? Это и была безсловная молитва, единодушное благожеланіе царю отъ милліоновъ. Это благожеланіе и освящено и укрѣплено нынѣ торжественнымъ священнодѣйствіемъ. Вѣнчаніе и помазаніе не есть только символъ, внѣшнее напоминаніе; это есть сила дѣйствующая, укрѣпляющая помазанника, по выраженію молитвы—„вразумляющая, устрояющая, управляющая".

Пошлый умъ воленъ усматривать въ сказанномъ сейчасъ мистицизимъ. Но оставляя вѣрованіе церкви въ таинство помазанія, укажемъ на эмпирическія явленія: ораторъ на трибунѣ, професоръ на каѳедрѣ не слышалъ ли дѣйствительное прибав-

*) С. И. 16 мая, № 132.

леніе внутренней силы въ единодушномъ сочувствіи, сосредоточенномъ вниманіи слушателей, которыя притомъ способенъ ощутить ораторъ, даже не видя выраженій лицъ, не слыша рукоплесканій? Это подобіе способно дать приблизительное понятіе о томъ, какая сила кроется во всенародномъ одушевленіи, во всенародномъ благословеніи, во всенародной молитвѣ.

Русскій царь есть символъ и носитель народнаго единства, есть хранитель и защитникъ народной вѣры, или точнѣе сказать—своего народа, какъ единаго и вѣрующаго, его внѣшней цѣлости и духовной самостоятельности. Такъ велѣла исторія, такова ея основа, таково существо русской національности, можно даже сказать, что этими двумя чертами русская національность пока даже и исчерпывается Исчерпывается *пока.* потому что народная задача въ обоихъ сказанныхъ отношеніяхъ развѣ достигнута уже вполнѣ? Внѣшне-политическая цѣлость развѣ завершена? Духовная самостоятельность, не спросимъ, завершена ли, но даже сформировалась ли? Вѣра, которую исповѣдуетъ народъ, есть пока зерно, есть почва, на которой должно будетъ расти духовное развитіе народа (говоримъ о народѣ, а не объ отдѣльныхъ лицахъ)

Кто не слѣпъ, тотъ видитъ: гдѣ, когда просыпается во всей силѣ у насъ народное чувство? На нашей памяти мы видѣли два случая, когда дремлющая стихія взволновалась, одушевилась: 1863 и 1876 годъ Что такое было? Въ первомъ послышалъ народъ посягательство на свою внѣшнюю цѣлость, а чрезъ нее отчасти и на свою духовную личность; въ стихійной душѣ поднялись дремавшія воспоминанія и объ уніи и о смутномъ времени, и о казачествѣ, о судьбѣ загнанныхъ юго-восточныхъ и юго-западныхъ братьевъ. Что одушевило народъ въ 1876 году? А одушевило небывалымъ, невѣроятнымъ даже образомъ, потомки не вѣрятъ, и сами участники движенія, оглянувшись назадъ, способны будутъ воскликнуть да такъ ли это было, возможна ли такая страстность? Но сказанія о герцеговинцахъ, и болгарахъ, посланіе Михаила, подняли съ народной души ощущенія, залегшія въ ней еще съ XIII вѣка и Батыя и Тохта-

мыша и Дмитрія Донского; въ единовѣрномъ славянинѣ подъ турецкимъ игомъ заслышалъ русскій человѣкъ себя подъ игомъ татарскимъ.

Все готовъ былъ и все готовъ доселѣ отдать русскій народъ за свое политическое единство, за свою цѣлость, и дѣйствительно онъ всѣмъ для того пожертвовалъ, пожертвовалъ даже свободою, не говоря о рѣкахъ крови, объ экономическихъ силахъ, всецѣло положенныхъ. Легко поверхностному историку, сидя въ кабинетѣ, громить обвиненіями безсердечіе Московскаго періода; легко другимъ казнить жестокое самоуправство Петра. Но когда бы не было ни Калиты, ни Петра, и ихъ времена были бы временами безусловной справедливости, гуманности и свободы,—не было бы и русскаго народа. Мы говоримъ прямо „народа“, даже не государства. Растаяли славянскія племена на Лабѣ и Одрѣ, таетъ одно изъ нихъ на берегахъ Вислы: черезъ сто лѣтъ развѣ останется польскій народъ въ прусскихъ владѣніяхъ? Мы не горное племя, у насъ географической защиты нѣтъ; наша единственная оборона въ нашемъ единодушіи Вотъ гдѣ наша сила. Представитель этой силы—царь, въ немъ народъ и признаетъ и ожидаетъ хранителя своей личности. На немъ потому преимущественно почіютъ и надежда и благожеланія народныя; въ немъ народъ находитъ залогъ и ручательство своего политическаго бытія, какъ государства, и своего нравственнаго бытія, какъ народа. Иностранецъ не пойметъ и не понимаетъ этого: у него другая исторія, французское единство, которое черезъ Людовика XI и Ришелье, созрѣло до Людовика XIV, не есть русское единство, и кто сближаетъ исторію французскихъ королей съ царскою властью у насъ, тотъ заблуждается: французское единодержавіе было созиданіемъ государства, но вмѣстѣ и возвышеніемъ извѣстнаго класса (средняго сословія); не на единодушіи народномъ и строилось оно, а на раздорѣ; а духовное бытіе народа вовсе и не входило въ составъ задачи французскаго единодержавія. Нѣтъ, иностранецъ подивится, можетъ быть и тронется при видѣ народной молитвенной любви, которая окружаетъ Русскаго царя и которая съ

особенною силой выступаетъ въ настоящіе великіе дни, сообразно съ великимъ значеніемъ событія по сущности этого союза между царемъ и народомъ, души, выразимся такъ, этого одушевленія, онъ не пойметъ. Для того, чтобы понять, нужно предварительно понять русскую исторію и нужно быть русскимъ въ душѣ.

Освященіе храма Христа Спасителя *).

Слава Богу, совершается и освященіе знаменитаго храма-памятника, семьдесятъ лѣтъ назадъ задуманнаго, сорокъ лѣтъ начатаго Немного въ живыхъ осталось сподвижниковъ великаго 1812 года; не дожилъ до сегодняшняго торжества и самъ строитель его; а судьба еще какъ бы нарочно щадила покойнаго Тона, давъ ему дожить болѣе 90 лѣтъ.

Храмъ Христа Спасителя есть не просто храмъ, а какъ сказали мы—храмъ-памятникъ. И памятникъ онъ не въ смыслѣ только напоминанія о великой годинѣ нашествія иноплеменниковъ, но онъ есть эпоха въ исторіи нашего архитектурнаго искусства. Съ Николая I начался возвратъ нашего зодчества къ исконному русскому стилю. Главнымъ дѣятелемъ въ этомъ направленіи былъ Тонъ, и главнымъ произведеніемъ Тона—храмъ Христа Спасителя. Онъ началъ собою новый періодъ русскаго зодчества, который мы назвали бы періодомъ „возрожденія“, въ томъ смыслѣ, что Тоновская архитектура все еще не есть русская архитектура, а только попытка найдти ее. Но уже въ смыслѣ одного поворота и художникъ и его произведеніе заслуживаютъ уваженія, тѣмъ болѣе что соотвѣтственно наружности и внутреннія украшенія въ храмѣ далеки отъ рутиннаго подражанія западнымъ образцамъ.

Оставаясь памятникомъ въ двоякомъ смыслѣ—напоминанія о великой исторической годинѣ и живого свидѣтельства о поворотѣ искусства на національную стезю, храмъ Спасителя тѣмъ не менѣе есть храмъ, домъ молитвы. Какая судьба ждетъ

*) С И 26 мая, № 142

его въ этомъ смыслѣ? Печально будетъ, если онъ останется только зрѣлищемъ для любопытныхъ, чего нужно опасаться при многочисленныхъ святыняхъ въ Москвѣ и при отсутствіи въ новомъ храмѣ чего-либо, особо зовущаго на молитву На этихъ самыхъ страницахъ было говорено, и даже, помнится, неоднократно о необходимости восполнить этотъ недостатокъ. Нѣкто предлагалъ даже перенести сюда икону Иверской Божіей Матери. Едва ли послѣднее возможно по смыслу, какой соединенъ съ иконой и который предполагаетъ въ ней Вратарницу, но основная мысль нисколько отъ того не теряетъ силы Если не перенесеніемъ святыни, то самымъ богослуженіемъ можно привлечь молящихся. Въ этомъ смыслѣ можетъ быть не излишенъ былъ бы въ новомъ соборѣ особый уставъ священнослуженія, особое пѣніе, вообще что-либо выдѣляющее его изъ числа прочихъ. Не будетъ ли учрежденъ въ него или изъ него крестный ходъ? Послѣднее было бы вполнѣ сообразно съ прочими храмами-памятниками, строенными въ воспоминаніе отечественныхъ событій, каковы Срѣтенскій и Донской монастыри и Казанскій соборъ Во всякомъ случаѣ чинъ крестнаго хода въ воспоминаніе избавленія Москвы отъ французовъ долженъ былъ измѣненъ, и притомъ въ такомъ видѣ, чтобы новому храму дать въ этой церемоніи особенно видное участіе Вообще не должно быть упущено ничего въ предохраненіе храма отъ опасности обратиться въ одно парадное мѣсто, въ домъ зрѣлища, вмѣсто дома молитвы Того заслуживаетъ храмъ по своему величію и по величію событія, въ воспоминаніе коего онъ сооруженъ.

Коронація Императора Александра III *).

Теперь, съ приближеніемъ коронаціонныхъ праздниковъ къ окончанію, пора оглянуться назадъ Еще много осталось въ живыхъ, кто помнитъ коронацію Александра II. Какое между ними различіе? Настоящая коронація праздновалась наро-

*) С П. 28 мая, № 144.

домъ сознательнѣе, встрѣчена болѣе сильнымъ нетерпѣніемъ и сопровождена болѣе торжественною радостью Продолжаютъ приходить изъ разныхъ городовъ и селъ сообщенія, доказывающія достовѣрность всѣхъ этихъ трехъ наблюденій Мы сказали „и селъ“: вотъ между прочимъ черта, отличающая двѣ коронаціи и свидѣтельствующая о сознательности, съ какою ожидаемо было и празднуемо торжество. Безправное село въ ту пору не могло и думать о самостоятельномъ участіи во всенародномъ событіи. Самоуправленіе городовъ дало съ другой стороны разнообразіе оттѣнковъ въ способахъ празднованія: свидѣтельство объ отсутствіи казеннаго, до пошлости стереотипнаго рецепта. Замѣтилъ ли читатель, что тамъ и здѣсь ученическіе хоры поютъ національный гимнъ; въ иномъ мѣстѣ они даже „славятъ“, какъ славятъ Христа на Рождество, ходятъ по домамъ съ пѣніемъ гимна. Ничего подобнаго и въ заводѣ не было, какъ не было въ заводѣ—это говоримъ уже о внѣшности—употребленія флаговъ Все это—наслѣдство отъ минувшаго царствованія, и можно сказать, что коронованіе Александра III было съ тѣмъ вмѣстѣ само по себѣ, въ самой своей обстановкѣ, прославленіемъ Александра II. Его же фактическимъ прославленіемъ служила самая физіономія толпы, хоть бы той, которая была видима въ Москвѣ Свободный народъ! На черни лежалъ уже совсѣмъ иной отпечатокъ, нежели, помнимъ мы, былъ въ тѣ времена; да черни и больше видно было, нежели тогда.

Откуда нетерпѣніе, откуда особенная радость? А радость была именно особенная, не простое веселіе по случаю патріотическаго событія, но именно радость, что оно совершилось. То и другое—послѣдствіе долгихъ ожиданій, притомъ сопровожденныхъ томительной тревогой Преступимъ ли предѣлы скромности, когда утвердительно засвидѣтельствуемъ, что тревога въ оба минувшіе года не покидала никого отъ мала до велика, отъ высшихъ классовъ до низшихъ? Въ этомъ отношеніи между началами двухъ царствованій пролегло различіе особенно глубокое. Коронація Александра II имѣла видъ какъ бы дополненія

только къ восшествію на престолъ; впечатлѣніе разложилось на оба событія и на все время, протекшее между 19 февраля 1855 г. и 26 августа 1856 г. Но коронацію Александра III народъ ощутилъ какъ бы восшествіе; впечатлѣнія наоборотъ слились и сосредоточились, тѣмъ болѣе что восшествіе омрачено было такимъ ужаснымъ бѣдствіемъ, отъ котораго опомниться было трудно и тѣмъ труднѣе было перейти къ торжественно-радостному настроенію. Можно утверждать безъ ошибки, что народное чувство почти что готово въ дѣйствительности считать коронацію началомъ настоящаго царствованія. Все минувшее представляется какъ бы переходнымъ, несущественнымъ, и твердаго опредѣленія всей будущей политики ожидаютъ именно съ 15 мая. Въ силу того же самаго, самые обряды и въѣзда и коронованія для народнаго чувства—не скажемъ для сознанія—получили болѣе значенія. Въ прежнее время парадность обоихъ актовъ была первымъ, что представлялось уму; ею заслонялся внутренній смыслъ въѣзда въ первопрестольную столицу и вѣнчанія на царство. Нынѣ наоборотъ. Это крестное знаменіе,—знаменіе внутренней молитвы, мгновенно и единовременно совершенное сотнями тысячъ при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ, удостовѣрявшемъ о началѣ царскаго въѣзда, есть прекраснѣйшій комментарій къ сейчасъ сказанному Мы помнимъ въѣздъ Александра II и были его очевидцами этого трогательнаго, единовременнаго обнаруженія всеобщей молитвы не было тогда. Иное, нежели въ 1856 году, сказалось и на народномъ праздникѣ. Народъ чувствовалъ себя и сознавалъ не чернью, которую потѣшаютъ, а гостемъ у Государя, и велъ себя какъ гость, а не какъ чернь.

Сказать ли? Все происшедшее, чему мы были свидѣтелями, и трогательное и знаменательное, налагаетъ нѣкоторыя обязанности относительно будущаго. Мы хотимъ сказать о церемоніалахъ. Они устарѣли. Время выросло изъ нихъ. Перечитайте церемоніалъ нынѣшняго въѣзда, нынѣшней коронаціи, и прошлыхъ вы увидите, что церемоніалъ Александра III повторяетъ Александра II, тотъ—Николая I, далѣе мы не простирались. Повто-

реніе и понятно. вѣрноподданической преданности оскорбительно помышлять о наступленіи другого царствованія и тѣмъ болѣе дѣлать къ нему приготовленія. Но если составленіе акта о престолонаслѣдіи ни мало не было оскорбительно достоинству здравствовавшаго Государя, коимъ онъ былъ составленъ и утвержденъ, то и пересмотръ церемоніаловъ въѣзда и коронаціи не долженъ ничему нанести предосужденія, если будетъ предпринятъ заблаговременно, и мы скажемъ прямо—предпринятъ именно теперь, когда свѣжи воспоминанія. Изъ числа многихъ желаемыхъ перемѣнъ, укажемъ на одну, и притомъ самую существенную. Представителямъ русскихъ городовъ надо было бы въ обѣихъ церемоніяхъ дать гораздо и гораздо поболѣе мѣста, нежели дано. Какимъ анахронизмомъ дышетъ участіе во въѣздѣ представителей разныхъ азіатскихъ народовъ при безучастіи представителей отъ областей и городовъ Россіи! Какая несообразность, можно сказать даже—оскорбительная въ томъ, что какое-нибудь мѣстное врачебное управленіе, московская ссудная касса, телеграфное управленіе, присутствуютъ въ соборѣ при вѣнчаніи царя на царство, а представители такихъ городовъ, какъ Великій Новгородъ или Нижній Новгородъ, лишены этой чести. Что такое врачебное или телеграфное управленіе, пускай и московское? То и другое есть просто второстепенная вѣтвь губернской администраціи, даже не представляющая всего министерства, которому подчинена, а только одинъ изъ департаментовъ. И такая честь! Почему затѣмъ участвуютъ въ процессіи сословныя управы (мѣщанская, ремесленная), а городская нѣтъ? Мы бы позвали на торжество царскаго вѣнчанія нижегородцевъ съ знаменемъ Пожарскаго, псковитянъ съ доспѣхами Довмонта, владимірцевъ съ облаченіями Суздальскихъ князей, подняли бы иконы Смоленской Божіей Матери изъ Смоленска, уготовали бы царю встрѣчу въ Москвѣ отъ всѣхъ городовъ и областей земли Русской. Этотъ праздникъ есть торжественное возобновленіе въ памяти единства русской земли, и вся исторія русской земли должна бы на немъ быть въ лицахъ.

Но мы далеки отъ притязаній расписывать подробности: довольствуемся общимъ указаніемъ. Во многихъ отношеніяхъ оба церемоніала, особенно церемоніалъ въѣзда, устарѣли; исправить ихъ, сообразно съ нынѣшнимъ положеніемъ Россіи, предстоитъ настоятельная надобность, и всего бы благовременнѣе приступить къ новой редакціи именно теперь, благо впечатлѣніе вообще свѣже, и въ частности свѣжи впечатлѣнія участниковъ празднества: новая редакція была бы составлена на основаніи не кабинетныхъ умствованій, но живыхъ чувствъ вѣрноподданничества и народности, съ особенною силою возбужденныхъ обстоятельствами.

Льготы раскольникамъ*).

Льготы, раскольникамъ данныя, не повредитъ ли, какъ опасаются въ нѣкоторыхъ общественныхъ кружкахъ, православію? спрашиваетъ „Новое Время“ и отвѣчаетъ отрицательно. Раздѣляя мнѣніе почтенной газеты, недоумѣваемъ. на какомъ бы основаніи могъ кто-нибудь изъявлять упомянутое опасеніе? Начать съ того, что раскольникамъ, собственно говоря, ничего новаго не дано, чѣмъ бы они не пользовались· признано только легальное существованіе того, что уже существовало фактически, частію по потворству, частію по снисходительности административныхъ властей. Нѣкоторыя моленныя будутъ распечатаны, но это не значитъ, чтобы моленныхъ не было. Точно также совершалась и церковная служба, существовала іерархія. Раскольники только избавлены отъ унизительной необходимости покупать взятками право существованія для своего богослуженія и своей іерархіи, часть другихъ правъ выведена только изъ секретныхъ, конфиденціальныхъ министерскихъ циркуляровъ на свѣтъ открытаго закона. Итакъ, гдѣ же вредъ православію, тѣмъ болѣе когда публичнаго оказательства расколу все таки не дано, и пропаганда остается запрещенною по прежнему?

*) С. И 17 іюня, № 148

Развѣ въ томъ усматриваютъ опасность, что въ виду дозволенныхъ молелень часть раскольниковъ перейдутъ изъ тайныхъ въ явные, или же задержится обращеніе тѣхъ въ православіе или единовѣріе, которые можетъ быть уже были къ этому вчера склонны? Не думаемъ, чтобы таковыхъ было много. Да и гдѣ они? Гдѣ тѣ цѣлыя общины раскольническія, обращеніе которыхъ бы предвидѣлось? Гораздо болѣ было обратныхъ случаевъ. Что же касается до обращенія единицъ, то едва ли кого привлекла къ церкви физическая близость богослуженія Да если кто и переходилъ къ церкви изъ такого побужденія, безъ вѣры въ истинность православія то ни особенное отъ ихъ обращенія пріобрѣтеніе для церкви, ни особенная потеря отъ ихъ отпаденія.

Мы склонны думать, что высказываемыя опасенія, если только они высказываются, принадлежатъ исключительно тѣмъ кружкамъ, для которыхъ внѣшняя принадлежность православному приходу и самое православіе одно и тоже. А на нашъ взглядъ всего болѣе вредитъ православію самый этотъ взглядъ, и напротивъ ничто не можетъ столь прочно содѣйствовать преуспѣянію истинной вѣры и истиннаго благочестія, какъ открытое выдѣленіе изъ церкви всѣхъ лицемѣровъ, всѣхъ внутреннихъ отступниковъ Если даже разсуждать съ точки зрѣнія матеріальныхъ выгодъ духовенства, то его положеніе будетъ несравненно болѣе обезпечено, когда подъ его пастырскимъ жезломъ останутся овцы безъ козлищъ. Вотъ почему между прочимъ мы и считаемъ полезнымъ, какъ высказались недавно, чтобы право раскольниковъ на новыя моленныя и церкви опредѣлялось не губернаторскимъ произволомъ, а опредѣленными обстоятельствами, какова численность раскола въ данномъ мѣстѣ. Послѣдствіемъ таковаго правила, если бы оно было принято, оказалось бы во первыхъ точное число всѣхъ нашихъ сектантовъ: его иные уменьшаютъ (и именно оффиціальные, особенно церковные, отчеты), другіе безъ мѣры увеличиваютъ Нѣкоторые смѣльчаки готовы насчитывать диссидентовъ чуть ли не до 20 милліоновъ, что мы признаемъ за положительный вздоръ Но пускай истинное число съ точностью обозначится, (и оно обозначится, коль

скоро не будетъ въ виду не только преслѣдованія за отпаденіе, но ниже отказа въ сооруженіи особаго молитвеннаго дома): къ чему поведетъ тогда эта, невѣдомая дотолѣ, чистота отношеній?

а) Церковное правительство получитъ возможность строже требовать исполненія пастырскихъ обязанностей отъ приходскаго духовенства. Каждая заблудшая овца тогда упадетъ уже прямою виною на голову пастыря, не какъ теперь, когда остается неизвѣстнымъ, не принадлежало ли семейство заблудшаго издревле къ „приверженцамъ древняго благочестія“, только тайнымъ.

б) А въ виду отвѣтственности несомнѣнно воскреснетъ само приходское духовенство и приложитъ къ просвѣщенію своей паствы въ истинахъ вѣры болѣе рьяности, нежели теперь, когда во мнѣніи большинства пастырей, ихъ обязанность ограничивается требоисправленіемъ, и когда встрѣчается затрудненіе набрать изъ духовныхъ лицъ достаточное число даже законоучителей.

в) Не будетъ въ потьмахъ ходить и гражданское правительство. Оно будетъ знать, съ чѣмъ имѣетъ дѣло, и ему будутъ развязаны руки.

г) Наконецъ, откроется болѣе широкій путь къ примиренію раскола съ церковію на основаніи единовѣрія. Несомнѣнно, что изъ раскольниковъ большинство принадлежитъ поповщинскому толку, который держится въ отдаленіи отъ церкви только различіемъ обрядовъ. Найдутся цѣлыя селенія, числящіяся православными, гдѣ двоеперстіе въ привычкахъ и вѣрованіяхъ простонародья преобладаетъ. Сама необходимость укажетъ предложить тамъ устройство приходовъ на началахъ единовѣрія. А распространеніе такихъ приходовъ не замедлитъ оказать притягательную силу на единичныя семьи поповщинцевъ, особенно когда духовенство въ единовѣрческихъ приходахъ будетъ стоять на высотѣ своихъ обязанностей. Стѣна, раздѣляющая старообрядство отъ церкви, будетъ годъ отъ года падать, а оттуда не далеко и до полнаго примиренія, если въ добавокъ сношеніемъ со вселенскою церковію будетъ окончательно разрѣшено, смущающее многихъ недоумѣніе, о соборномъ проклятіи 1667 года.

О соглашеніи съ римской куріей *).

Возможно ли правительству вступать въ сдѣлки съ революціонною силою? — Вопросъ этотъ, который смѣшно бы и задавать, напрашивается, когда идетъ дѣло о соглашеніи съ римскою куріею Римская курія олицетворяетъ ли въ себѣ силу консервативную или революціонную? Покойный канцлеръ, получившій дипломатическое воспитаніе за границей, воображалъ папство консервативною силою и, не шутя, утверждалъ, что въ качествѣ державы консервативной, то есть заинтересованной сохраненіемъ порядка, Россія должна принять Святой престолъ подъ особенную свою охрану. Помнимъ, девятнадцать или семнадцать лѣтъ назадъ, покойнымъ Н. А. Милютину и В А Черкасскому стоило неимовѣрныхъ усилій сломить это средневѣковое воззрѣніе, подпертое такимъ крупнымъ авторитетомъ Покойный князь такъ и остался, кажется, до самаго гроба при своемъ анахроническомъ взглядѣ; но мнѣніе покойнаго Государя стало на сторону свѣжихъ борцовъ, и конкордатъ былъ разорванъ А чего это стоило, докажетъ слѣдующій несомнѣнный случай. Н А. Милютинъ сраженъ былъ параличемъ именно въ слѣдъ за засѣданіемъ, гдѣ онъ долженъ былъ отстаивать свой взглядъ на папство противъ канцлера и другихъ, космополитически или пожалуй европейски настроенныхъ; побѣда была одержана, но такою дорогою цѣною!

Многое, что въ Европѣ считается консервативнымъ, у насъ революціонно, и папство есть консервативная сила тамъ, гдѣ оно легло съ феодализмомъ въ основу государственнаго порядка. Не будемъ говорить, что это за порядокъ, но папство имъ создалось, имъ питалось; государственныя и народныя преданія, короче историческія преданія тамъ папистическія, а прогрессъ состоялъ и продолжаетъ состоять въ постепенномъ низверженіи началъ феодальныхъ, папистическихъ тожъ. Крайнимъ, и притомъ бурнымъ выраженіемъ протеста противъ феодализма и папизма была французская революція. За рево-

*) С И 19 іюня, № 166

люціей послѣдовали повсюду въ государствахъ сдѣлки со старыми силами, и клерикально-феодальное направленіе, понятно вездѣ стоитъ на сторонѣ консервативной, то есть за удержаніе порядка, но того, въ которомъ остаются слѣды средневѣковыхъ отношеній. Однако даже на западѣ изъ этихъ двухъ силъ, крупнаго землевладѣнія (феодаловъ) и католическаго духовенства, послѣднее становится неизмѣнно на революціонную почву, по крайней мѣрѣ въ одномъ пунктѣ, когда дѣло идетъ о монаршей вообще и государственной власти по отношенію къ власти папской Здѣсь нѣтъ примиренія: католичество допускаетъ въ теоріи государственную власть только подъ условіемъ ея покорности папскому престолу Католичество такимъ образомъ есть прямо противогосударственная сила и въ этомъ смыслѣ революціонная даже на западѣ. А у насъ?

У насъ папская власть была революціонною отъ начала Всякая попытка ея ко вторженію къ намъ имѣла въ виду разрушеніе и ниспроверженіе, и даже не государственнаго порядка, а гораздо глубже—самой народности, вѣры и языка. Католичество въ западномъ краѣ представитель и историческій наслѣдникъ чего? Уніи и величайшихъ насильствъ по самому живому мѣсту народнаго тѣла. Въ этомъ смыслѣ оно есть непремѣнно и другъ папства, притомъ опять въ самыхъ разрушительныхъ его тенденціяхъ, поколику шляхта направляется и противъ русской государственной власти и противъ русской народности. Оно было, какъ и есть, средствомъ къ ополяченію и угнетенію народа; для этого и такимъ путемъ оно и вошло въ западную Россію; повернуть себя оно не можетъ, потому что оно не было бы уже тогда тѣмъ, чѣмъ есть. Духовенство народное, противупанское, русское, въ смыслѣ и народномъ и государственномъ, было бы уже тѣмъ самымъ не католическое, а православное, по меньшей мѣрѣ протестантское. Какъ же иначе назвать, какъ не революціонною, такую силу, задача которой разрушить существующія государственныя и народныя основы? Совершенно обратно тому, что совершается въ Европѣ, направленіе антишляхтское и антикатолическое будетъ у насъ

консервативнымъ въ самомъ истинномъ и притомъ самомъ лучшемъ смыслѣ: въ самомъ истинномъ смыслѣ, потому что народное направленіе есть стремленіе къ возстановленію порядка, смущеннаго и частію разрушеннаго революціоннымъ путемъ католически-польскаго насилія, въ самомъ лучшемъ смыслѣ, потому что этотъ консерватизмъ, не какъ на западѣ, стоитъ не за продолженіе и укрѣпленіе рабства, не за угнетеніе, а за освобожденіе. Русская государственная власть явилась въ западный край не поработительницею, а напротивъ разрѣшительницею отъ узъ

Итакъ вопросъ умѣстенъ: должна ли государственная власть вступать въ сдѣлки съ революціонною силою? Соглашеніе съ папскимъ престоломъ, повѣданное въ правительственномъ сообщеніи, позавчера переданномъ, было такою сдѣлкою, и притомъ, къ величайшей грусти, сдѣлкою одностороннею. Сколько можно понять, мы все отдали и ничего не получили... кромѣ назначенія епископовъ. Ну, а что же бы произошло, если-бы такъ новыхъ епископовъ и не получили? Какая бѣда? Повидимому, государственная мудрость напротивъ къ тому бы и должна была вести западный край, чтобъ католическое епископство прекратилось тамъ вовсе, чтобы католичеству въ томъ краѣ совершенно отказать въ какомъ бы ни было признаніи; чтобы католическій епископъ и ксендзъ оставались на положеніи, по самой большей мѣрѣ томъ, въ какое поставлены сейчасъ раскольническіе попы. Это было бы согласно со справедливостью, съ государственнымъ и народнымъ достоинствомъ, и въ добавокъ консервативно. И почему, казалось бы, церемониться? Почему, за что Россія должна быть снисходительнѣе къ папству, нежели Англія? И смотрите, таже Англія ни на шагъ не поступилась предъ Его Святѣйшествомъ, а Его Святѣйшество издаетъ послания противъ ирландскихъ мятежниковъ съ наказами ирландскому духовенству, подъ которыми могъ бы подписаться самъ мистеръ Форстеръ Этимъ доказывается между прочимъ и то, что не принесеніемъ повинныхъ предъ мятежниками, не пассованіемъ предъ „примирительными“ заявленіями папскаго престола покупается его содѣйствіе, а чѣмъ-нибудь другимъ, о чемъ вѣдомо мистеру Гладстону

О соглашеніи съ римской куріей *).

Когда мы говорили, что при соглашеніи съ куріею, въ замѣнъ помилованія и даже возвеличенія бывшихъ участниковъ мятежа, Русскій дворъ не получилъ ничего, кромѣ епископовъ на пустующія каѳедры,—мы выразились не точно. Со стороны папскаго двора сдѣлана была и еще уступка; по крайней мѣрѣ такой смыслъ придается ей правительственнымъ сообщеніемъ. Какая бъ, вы думали, это уступка, въ чемъ?

„Соглашеніе въ вопросѣ о семинаріяхъ представляетъ для насъ значеніе, главнымъ образомъ, вслѣдствіе признанія со стороны куріи за правительствомъ права контроля преподаванія (надъ преподаваніемъ?) въ этихъ заведеніяхъ русскаго языка, литературы и исторіи, причемъ учителя означенныхъ предметовъ назначаются съ предварительнаго согласія правительства".

Таковы подлинныя слова правительственнаго сообщенія. Слова „уступка" не произнесено; но лучше ли отъ того? Для русскаго кабинета оказывалось имѣвшимъ значеніе, что папа согласился признать права русскаго правительства на надзоръ за преподаваніемъ русскаго языка, литературы и исторіи. Слѣдовательно русскій кабинетъ признавалъ за папою право даже и отвергнуть контроль правительства надъ преподаваніемъ, и при томъ такихъ предметовъ, какъ русскій языкъ, литература и исторія. Можетъ быть гг. Мосоловъ и Бутеневъ признавали особенною милостью со стороны куріи и особенною собственною заслугою даже и то, что они выхлопотали дозволеніе преподавать русскій языкъ въ учебныхъ заведеніяхъ для русскихъ дѣтей, въ русской землѣ, устроенныхъ и содержимыхъ на казенныя русскія деньги. Иначе и понять нельзя Папа могъ воспротивиться даже преподаванію этихъ опальныхъ предметовъ; а онъ, о милость, о искренность и миролюбіе, позволилъ ихъ преподавать; да чего! Позволилъ русскому правительству имѣть

*) С И 21 іюня, № 168.

даже надзоръ за преподаваніемъ этихъ предметовъ (только этихъ). Но искренность и миролюбіе римской куріи пошли еще дальше; назначеніе учителей по этимъ предметамъ будетъ производиться. . вы думаете — русскимъ правительствомъ? Нѣтъ, это было бы уже черезчуръ, какъ можно было смѣть объ этомъ просить? Достаточно, что при опредѣленіи учителей по означеннымъ (и опять только по означеннымъ) предметамъ будетъ спрашиваемо согласіе правительства

А учители по прочимъ предметамъ? Объ этомъ умолчано. Договаривавшіяся стороны, очевидно, считали всѣ остальные предметы человѣческаго вѣдѣнія принадлежащими къ каноническимъ или богословскимъ предметамъ; напримѣръ, польскій языкъ или всеобщая исторія, это богословскій предметъ, не правда ли? И должно ли русское правительство смѣть вмѣшиваться въ назначеніе учителей по этимъ предметамъ или надзирать за ихъ преподаваніемъ?

Спѣшимъ однако оговориться. правительственное сообщеніе изложено хотя на языкѣ русскомъ, но съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ къ русской грамматикѣ Одинъ случай мы уже замѣтили въ скобкахъ, найдя „контроль преподаванія“ вмѣсто „контроля надъ преподаваніемъ“. Но и въ самомъ перечисленіи предметовъ преподаванія, удостоенныхъ милостиваго разрѣшенія папы, оставлена неясность, по неуваженію ли къ грамматикѣ или по намѣренной дипломатической двусмысленности „Русскаго языка, литературы и исторіи...“ Литература и исторія разумѣются какія? Русскія — или вообще? По единственному числу, въ которомъ употреблено „Русскаго“, можно бы заключить пожалуй, что и всеобщая, и даже церковная и польская исторіи будутъ преподаваемы учителями, назначенными съ согласія русскаго правительства. Но мы предпочитаемъ мнѣніе, что редакторы правительственнаго сообщенія были послѣдовательнѣе въ своемъ пренебреженіи къ русской грамматикѣ, а договаривавшеся гг. Мосоловъ и Бутеневъ послѣдовательнѣе въ своихъ понятіяхъ объ относительныхъ правахъ русскаго и ватиканскаго дворовъ. Исходатайствовано у куріи не болѣе

какъ позволеніе преподавать еретическіе предметы, каковы языкъ и исторія русская, при чемъ предоставлено однако назначать учителей преосвященнымъ генераламъ папскаго воинства, только съ „предварительнаго согласія правительства“. Извѣстно, что „такія предварительныя согласія“ испрашиваются обыкновенно только для формы. Назначать-то будутъ все таки епископы или митрополитъ, и нужны будутъ очень вѣскія причины, чтобы департаментъ иностранныхъ исповѣданій отказалъ въ своемъ согласіи; развѣ будетъ уже представленъ прямо повстанецъ, взятый въ лѣсу съ оружіемъ въ рукахъ. Сталъ ли бы спорить и отказывать въ согласіи хотя бы тотъ же г. Мосоловъ, русскому чувству и дипломатическому искусству котораго мы обязаны настоящимъ „соглашеніемъ“, когда бы ему представили на каѳедру русскаго языка лицо, еще менѣе знакомое съ русскою грамматикою, нежели редакторъ правительственнаго сообщенія, изъ котораго дѣлаемъ настоящія выписки?

Итакъ, нами допущена только неточность, и никакъ не болѣе, когда мы сказали, что единственною уступкою куріи было назначеніе епископовъ. Ибо въ вопросѣ о семинаріяхъ уступка-то сдѣлана не куріею, какъ повидимому предполагали договаривавшіеся, а все таки нами Договаривавшіеся отъ имени русскаго кабинета безусловно отказались за свое правительство, по всѣмъ предметамъ, не только богословской, но и свѣтской науки, отъ права назначать учителей въ католическія семинаріи, и лишь для одного предмета,—русскаго языка съ его литературою и русской исторіи исходатайствовали право правительству, и то лишь только изъявлять согласіе или несогласіе на назначеніе, не отъ него вышедшее.

Въ какой-то газетѣ мы прочитали, вмѣстѣ съ восхваленіемъ пресловутаго соглашенія, еще и толкованіе, что надъ католическими семинаріями русское правительство получило, благодаря соглашенію г. Мосолова, болѣе права, нежели надъ семинаріями православными. Мы не понимаемъ послѣ того, что-же такое разумѣется подъ правительствомъ, если такъ. Подъ чьимъ вѣдѣніемъ, какъ не всецѣло подъ правительствен-

нымъ стоитъ все вѣдомство православнаго исповѣданія? Чьей власти органами состоятъ всѣ духовноучебныя начальства, начиная съ учебнаго комитета при святѣйшемъ синодѣ? Развѣ святѣйшій синодъ или православные архіереи суть делегаты еще какого-нибудь иностраннаго правительства? А католическіе епископы суть органы именно иностраннаго правительства, и, передавая имъ какія-либо права, правительство совершаетъ всегда капитуляцію, на подобіе азіатскихъ владѣтелей, допускающихъ иностранную юрисдикцію въ своихъ владѣніяхъ Если уже сравнить, то пускай-бы взяли для сравненія отношеніе правительства къ заведеніямъ, содержимымъ на земскія средства Какъ извѣстно, между земствами и министерствомъ просвѣщенія происходили пререканія о правѣ надзора и назначенія учителей. Гг. Мосоловъ и Бутеневъ повидимому признавали католическія семинаріи состоящими предъ папскимъ дворомъ на томъ же правѣ, на какомъ состоятъ земскія училища предъ центральнымъ правительствомъ Что за дѣло, что католическія семинаріи содержатся на средства русскаго правительства, то есть (въ понятіи договаривавшихся) одного изъ земствъ католическаго міра,—назначеніе учителей и надзоръ за преподаваніемъ долженъ принадлежать центральному правительству, каковымъ на сей разъ служитъ иностранное правительство Ватиканскаго двора, дѣйствующаго чрезъ своихъ делегатовъ, именуемыхъ католическими епископами.

Старообрядчество *).

Изъ старообрядческаго міра мы получили документъ, состоящій изъ пяти вопросовъ, которые переданы кремлевскому проповѣднику (нынѣ обратно перешедшему въ расколъ) Пафнутію, а имъ будто бы препровождены въ святѣйшій синодъ, и остались яко бы безъ отвѣта Въ послѣднемъ мы сомнѣваемся; если бы вопросы достигли святѣйшаго синода, то не могли

*) С. И 12 октября, № 281.

быть оставлены безъ вниманія; какое-нибудь распоряженіе или разъясненіе послѣдовало бы. Очевидно, старообрядцы считаютъ свои вопросы настолько сильными, что де и сонмъ высшихъ іерарховъ Русской церкви не нашелся что отвѣтить. Въ этихъ видахъ, полагаемъ, необходимо удовлетворить совопросниковъ, дабы отнять предлогъ по крайней мѣрѣ хвалиться небывалой побѣдой Будемъ надѣяться, что изданъ будетъ по пунктамъ отвѣтъ въ родѣ извѣстнаго „Изъясненія о проклятіи", изданнаго Филаретомъ тоже по поводу вопроса старообрядцевъ.

Не предваряя этихъ ожидаемыхъ отъ предержащей церковной власти отвѣтовъ, скажемъ съ своей стороны, что на нашъ глазъ вопросы эти православному богослову нисколько не затруднительны, а нѣкоторые до него и не относятся. Въ вопросѣ 2-мъ старообрядцы спрашиваютъ напримѣръ: достаточно ли „къ успокоенію совѣсти", когда богослуженіе по старопечатнымъ книгамъ разрѣшается однимъ русскимъ синодомъ безъ участія греческихъ патріарховъ Но на это предлежитъ отвѣчать имъ самимъ, старообрядцамъ, а не представителямъ господствующей церкви; какъ могутъ отвѣчать богословы о достаточности или недостачочности къ успокоенію совѣсти, когда дѣло идетъ о совѣсти именно старообрядцевъ. Вопросъ 3-й не менѣе страненъ; онъ есть вопросъ историческій. Откуда произошло двоеперстіе и другіе обряды, утверждаемые старопечатными книгами? Старообрядцамъ желательно, разумѣется, получить отвѣтъ, что двоеперстіе держалось по преданію въ русской православной церкви, и отсюда вывести заключеніе, что при Никонѣ слѣдовательно двоеперстники осуждены неправильно. Но 1) это вопросъ спорный, откуда произошло двоеперстіе; а 2) какъ бы ни объяснять его происхожденіе, ничего отсюда еще не слѣдуетъ. Объ отцахъ стоглаваго собора было же сказано, что они „простотою и невѣжествомъ писаша". Развѣ не могло быть такъ дѣйствительно Слѣдовательно, утверждавшіе двоеперстіе могли быть и „въ области православія" (употребляемъ выраженіе старообрядцевъ), но быть простецами и невѣждами.

Вопросъ существенный одинъ: что выше, церковь ли сама, или обрядъ ею употребляемый, точнѣе—внѣшній видъ обряда? Съ этой точки зрѣнія и два послѣдніе вопроса будутъ разрѣшены, намъ кажется, безъ труда богословами. Во имя единства церкви, во имя любви и единомыслія, связующихъ и долженствующихъ связывать русскую церковь съ прочими восточно-каѳолическими, предпринято было исправленіе книгъ и обрядовъ, непослушный оказывался противникомъ единенія, нарушителемъ заповѣди о любви и становился раскольникомъ, чьей бы редакціи ни принадлежали Іосифовскія книги и откуда бы ни шли двоеперстіе съ сугубымъ аллилуіа. Сынъ Человѣческій выше субботы, и вселенская церковь выше сложенія перстовъ. При Кириллѣ Александрійскомъ выраженіе „едино естество“ не было еретическимъ, а на Халкидонскомъ соборѣ признано таковымъ, отсюда не слѣдовало, чтобы Кириллъ Александрійскій былъ еретикъ, а оказавшіе непослушаніе собору тѣмъ не менѣе стали еретиками. Все дѣло въ мысли, которая соединяется съ выраженіемъ, въ словѣ ли, въ тѣлодвиженіи ли.

Разумѣется, не въ газетной статьѣ обсуживать спеціальный богословскій вопросъ, мы хотимъ только сказать, что напрасно старообрядцы кичатся своими пятью вопросами и напрасно сходятъ съ единственной почвы, на которой возможно примирительное разсужденіе. Мы высказались нѣкогда противъ одного изъ православныхъ миссіонеровъ, попрекнувшаго старообрядцевъ Аввакумомъ. А что дѣлаютъ и старообрядцы, терзая въ своихъ вопросахъ „Скрижаль“. Если они хотятъ доказать, что обряды, которыхъ они держатся, не еретическаго происхожденія и смысла, то съ ними и не спорятъ объ этомъ. Но могли же они казаться еретическими до своего разъясненія. Когда старообрядцы будутъ попрекать „Скрижалью,“ богословы господствующей церкви тѣмъ съ бо́льшимъ основаніемъ могутъ указывать на первыя челобитныя, которыми церковь обвинялась между прочимъ въ томъ, что она „Духа истиннаго“ оставила. Рѣшатся ли, дерзнутъ ли нынѣшніе старообрядцы повторить эту нелѣпую хулу. Невѣждамъ Лазарю и Никитѣ показалось, что исправле-

ніе книгъ испровергаетъ важнѣйшіе догматы; а вы теперь соблазняетесь, что въ двоеперстіи заподозрѣно было еретическое происхожденіе. Въ обрядѣ, который оказался несходнымъ съ употребляемымъ всею православною церковью, заподозрить происхожденіе было конечно гораздо уже естественнѣе, нежели предложить, что соборъ патріарховъ „оставляетъ Духа истиннаго“.

Собесѣдованія со старообрядцами*)

Мы очень польщены тѣмъ, что по вопросамъ о старообрядствѣ намъ сообщаютъ не только описанія происходящихъ собесѣдованій, но и статьи догматическаго характера съ той и другой стороны. Тѣмъ не менѣе мы вынуждены объявить, что въ послѣднемъ случаѣ обязанность, намъ поручаемая, превышаетъ наши способы: изданію нашему вовсе не пристало обращаться въ полемико-апологетическій органъ. Мы и безъ того позволили себѣ неосторожность, давъ слово помѣстить отвѣтъ одного изъ старообрядцевъ (г Зыкова), умышленно будто бы умолчанный репортерами при описаніи собесѣдованій, происходившихъ въ Таганкѣ Мы обѣщаніе это и исполнимъ; статья г. Зыкова хранится въ портфелѣ редакціи, дожидаясь своей очереди. Но обширность разсужденій г. Зыкова возбуждаетъ по неволѣ сомнѣніе, дѣйствительно ли они только возстановляютъ умолчанное репортерами, а не составляютъ самостоятельной статьи. А кромѣ того, давая слово г. Зыкову, мы тѣмъ самымъ налагали на себя обязанность открыть столбцы и для отвѣтнаго ему слова, которое могло послѣдовать со стороны его собесѣдователей. Такимъ образомъ виднѣлась цѣлая вереница богословскихъ преній, перенесенная на газетные столбцы и ихъ затѣсняющая. Вотъ почему мы и удержались отъ воспроизведенія разсужденій почтеннаго старообрядца и удерживаемся, отлагая до того времени, когда собесѣдованія преосвященнаго Мисаила

*) С И. 21 октября, № 290.

снова возобновятся и когда пренія могутъ быть продолжены на болѣе умѣстной для нихъ аренѣ нежели періодическое изданіе, посвященное вовсе не богословію спеціально

Въ одной изъ замѣтокъ, полученныхъ нами на дняхъ, и именно со старообрядческой стороны, по поводу собесѣдованій въ семинаріи, говорится, что „безпристрастное разбирательство спорныхъ вопросовъ, въ томъ числѣ и о клятвахъ, самое лучшее—предоставить коммиссіи, составленной отъ обѣихъ сторонъ“ —Мы не совсѣмъ понимаемъ, чѣмъ будетъ отличаться „обсужденіе коммиссіи“ отъ обыкновеннаго собесѣдованія Полагаемъ, что старообрядцы могли бы и для настоящихъ собесѣдованій отрядить отъ себя „коммиссію“, то есть выбрать начетчиковъ, которые бы вступали въ собесѣдованіе. Но кромѣ того, развѣ вопросы вѣры суть вопросы дипломатическіе, о которыхъ переговариваютъ и договариваются уполномоченные, каждый соблюдая выгоду своей стороны? Цѣлью собесѣдованія о вѣрѣ предполагается съ той и другой стороны вовсе не преодолѣніе, какъ въ дипломатическихъ переговорахъ, а исканіе истины, разъясненіе недоумѣній, успокоеніе совѣсти Какимъ же тутъ быть делегатамъ, какимъ коммиссіямъ? Согласіе делегата на что-нибудь развѣ обязываетъ кого-нибудь къ чему-нибудь, связываетъ или развязываетъ чью-нибудь совѣсть? А мы бы вотъ что лучше предложили: независимо отъ словопреній, письменное изложеніе недоумѣній и письменные отвѣты на вопросы. Возьмемъ хотя бы тѣ пять вопросовъ, которые были не такъ давно у насъ помѣщены и о которыхъ старообрядцы отозвались, какъ бы о неодолимыхъ. Съ церковной стороны могутъ быть изложены письменные же отвѣты на нихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ предложены и письменные вопросы съ предоставленіемъ отвѣчать старообрядцамъ. То и другое, понятно, предавалось бы тисненію; вышелъ бы поучительный сборникъ. Тогда не было бы мѣста укорамъ, что де зажимаютъ ротъ и не даютъ говорить. Нѣтъ, пускай договариваютъ до послѣдняго слога, и пускай же это будетъ не въ четырехъ стѣнахъ, а на цѣлый свѣтъ. Упоминаемый сборникъ, въ видѣ ли цѣльной

книги или въ видѣ отдѣльныхъ брошюрокъ, могъ бы быть распространяемъ по возможности и выдаваемъ каждому желающему.

Мы уже высказывали свою мысль, что собесѣдованія въ родѣ бывшихъ въ Таганкѣ и устраиваемыхъ въ семинаріи, практически полезны могутъ быть только для утвержденія колеблющихся и для огражденія тѣхъ, кому грозитъ совращеніе. Переубѣдить завзятыхъ раскольниковъ надежды не должно быть. Но если такъ, то помимо устныхъ бесѣдъ именно необходимы книжки для народа, и при томъ не полемическія, а скорѣе историческія, мы бы сказали—генетическія, которыми предупреждалась бы проповѣдь расколоучителей, въ которыхъ заранѣе съ поясненіемъ излагались бы главные пункты возможной проповѣди расколоучителей Намъ представляется ясно редакція такихъ книжекъ. Написанныя талантливою рукою, эти „предостерегательныя посланія“ навѣрное получили бы не меньшій успѣхъ въ народѣ, нежели „Указаніе пути въ царствіе небесное“ покойнаго митрополита Иннокентія, расходящееся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ ежегодно, и достигали бы миссіонерской цѣли вѣрнѣе всякихъ даже собесѣдованій.

Трехсотлѣтній юбилей первопечатника Ивана Ѳедоровича*).

Сегодня, согласно программѣ, совершено было торжество въ память исполнившагося трехсотлѣтія со дня кончины русскаго первопечатника, Ивана Ѳедоровича: литургія и панихида въ приходской церкви Троицы въ Поляхъ, панихида въ палатѣ, гдѣ началъ свою дѣятельность первопечатникъ, засѣданіе соединенныхъ Обществъ Исторіи и Археологіи въ большой залѣ Славянскаго Базара и въ томъ же Славянскомъ Базарѣ обѣдъ. Въ засѣданіи произнесены были три рѣчи, знакомившія съ біографіею печатника, его воззрѣніемъ на свое дѣло и истори-

*) С. И 5 декабря, № 335

ческимъ значеніемъ его дѣятельности. На обѣдѣ провозглашено множество тостовъ. Послѣ первыхъ тостовъ за Государя Императора и за покровителя кассы типографовъ Великаго Князя Сергія Александровича, посыпались тосты и за преемниковъ Ивана Ѳедоровича, и за рабочихъ типографскихъ, и за писателей и публицистовъ, и за хозяевъ типографщиковъ, и за учредителей праздника, наконецъ за „будущаго Ивана Ѳедоровича", который геніальнымъ чутьемъ создалъ бы болѣе правильную и изящную русскую и общеславянскую азбуку, и проч., и проч.— Такова наружная сторона праздника; остается сказать о его внутренней подкладкѣ.

Во первыхъ, нельзя не отдать чести московскимъ типографамъ за полноту сочувствія, выраженнаго ими къ своему родоначальнику. Трогательно было видѣть эту массу типографскаго мастерового люда, заполнявшаго до тѣсноты церковь Что ихъ влекло сюда? Чистое чувство чистой памяти, безъ примѣси всякихъ видовъ выгоды или желанія порисоваться.

Пріятно было заслушать пѣніе, исполненное сборнымъ хоромъ пѣвчихъ, исключительно изъ типографовъ. Пѣніе было безукоризненно: стройно, отчетливо, строго.

Нельзя не отмѣтить двухъ представителей типографскаго дѣла: г г. Кушнерева и Пашкова. Тотъ и другой представили меню обѣда, г. Пашковъ подъ заглавіемъ „Столованіе", г. Кушневъ подъ заглавіемъ „Трапеза". Но какія это меню Это верхъ типографскаго искусства (г. Кушнерева) и литографскаго изящества (г. Пашкова). Знатоки поймутъ, когда скажемъ мы, что „Трапеза" г. Кушнерева отпечатана въ одну ночь одиннадцатью красками съ безукоризненною точностью. Каждое меню наполнено рисунками, заглавными буквами, заставицами, относящимися прямо ко времени Ивана Ѳедоровича. На томъ и другомъ изображена сверхъ того (хромотипически) палата Государева печатнаго двора

И однако не вполнѣ все таки отрадное впечатлѣніе вынесли мы изъ этого праздника. Слишкомъ онъ былъ семеенъ. Многіе, а можетъ быть и всѣ представители типографскаго

искусства присутствовали, немногіе представители „печати", а представителей науки, за исключеніемъ историковъ и археологовъ—никого Университетъ не почтилъ праздника своимъ участіемъ, тогда какъ даже г. исправляющій должность городского головы не пренебрегъ присоединиться къ празднующимъ. Значитъ мы еще чужіе для науки, мы, начиная съ механическихъ рабочихъ печати до представителей печатнаго слова. Не сильно это говоритъ въ пользу нашего просвѣщенія. Объ университетѣ въ частности нельзя не сказать къ слову, что не только въ Москвѣ, но и въ Одессѣ жрецы науки не отличались участіемъ къ общественнымъ чувствамъ, по другому впрочемъ случаю. Тамъ хоронили высокопреосвященнаго Димитрія. Множество депутацій провожало гробъ, даже депутація отъ евреевъ; а университетъ отсутствовалъ. Имени его мы по крайней мѣрѣ не нашли въ описаніяхъ процессіи.

Въ одной изъ застольныхъ рѣчей сегодняшнихъ Е. В. Барсовъ выразилъ между прочимъ мысль, что исторію Россіи можно было бы раздѣлить на двое, принявъ гранью не Петра, а Ивана Ѳедоровича, при чемъ на одной сторонѣ была бы Россія безкнижная, на другой—книжная. Можно было бы ученаго оратора и не обвинить въ преувеличеніи, когда бы развитіе книжнаго дѣла со времени введенія въ печати соотвѣтствовало движенію письменности въ Россіи безкнижной, положивъ разумѣется на вѣсы относительную легкость воспроизведенія умственныхъ богатствъ въ ту пору и въ нашу. Но какая же страшная, поражающая бѣдность книгопечатнаго періода. Безъ преувеличенія, каждый „экземпляръ" рукописи стараго времени долженъ быть принятъ за равнозначительную величину цѣлому книжному „изданію" новѣйшаго. Сколько же рукописей явилось въ тѣ старыя времена, при томъ скудномъ народонаселеніи, при тѣхъ еще болѣе скудныхъ средствахъ просвѣщенія, и сколько изданій въ новѣйшее, при всѣхъ, повидимому, благопріятствующихъ условіяхъ просвѣщенію? Нѣтъ, видно печать и не произвела переворота, и остается она на своемъ преимущественномъ значеніи воспроизводительницею этикетовъ и прейскурантовъ.

До другого высшаго служенія, должно быть ей еще далеко, и грань темноты и свѣта, долженствующую дѣлить, по замѣчанію ученаго археолога, Россію на двѣ половины, должно быть приходится переносить не назадъ, а наоборотъ отложить ее на будущее, еще не наступившее.

Церковное имущество*)

Понятія о церковномъ хозяйствѣ и въ частности о церковномъ имуществѣ „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ строитъ на странной параллели, о которой нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ. По обычаю и по закону, разсуждаетъ онъ, монастырское имущество принадлежитъ братіи, и въ ея расходы не имѣетъ права вмѣшиваться никто кромѣ контролирующей высшей власти. А къ церковному имуществу общество приставляетъ старосту. Журналъ находитъ въ этомъ противорѣчіе.

Принимаемъ параллель, но спрашиваемъ: а въ приходской церкви кто-же „братія“? И когда молится церковь „о братіяхъ храма сего“, о комъ она молитъ? Не „о предстоящихъ ли и молящихся“? Нѣтъ, моленіе о „братіи храма сего“ совершенно параллельно „братіи обители сея“,—выраженіе, которымъ въ монастыряхъ и замѣняются слова „братія храма сего“, употребляемыя въ церквахъ не монастырскихъ; вообще „предстоящіе и молящіеся“ отличаются отъ „братій“. И такъ кто же это „братія храма“? Не клиръ ли одинъ? О немъ молятся особенно. И такъ, если церковное имущество принадлежитъ братіи на томъ основаніи, на какомъ монастырское, то оно должно принадлежать тѣмъ, кого „Вѣстникъ“ называетъ „обществомъ“, то-есть приходской паствѣ, вкупѣ разумѣется съ клиромъ, потому что и въ монастыряхъ священно-служащіе не отстраняются отъ распоряженія имуществомъ и не выдѣляются отъ простыхъ иноковъ. Монастырь есть своего рода приходъ, котораго при-

*) С. И. 17 декабря, № 347

хожане—монастырская братія. Представимъ примѣръ болѣе наглядный. Монастырь можетъ не имѣть своихъ священнослужащихъ. Священство и монашество двѣ различныя функціи, которыя могутъ соединяться, но могутъ и не соединяться. Въ древности бывали киновіи безъ своего клира. Женскіе же монастыри по сію пору имѣютъ у себя священство не изъ братіи, да и не могутъ такового имѣть, потому что священство возбранено женскому полу. Кому принадлежитъ въ такихъ обителяхъ имущество? Не священнослужителямъ ли, хоть бы въ женскомъ, напримѣръ, монастырѣ? Пользуемся словопотребленіемъ автора нѣтъ, ни обычай, ни законъ не предоставилъ имъ этого права Въ женскихъ монастыряхъ имущество принадлежитъ именно братіи (сестрамъ) въ смыслѣ прихожанъ и даже имъ исключительно.

Удивительно какъ запутываются (недоумѣваемъ: ужели съ намѣреніемъ?) самыя простыя и очевидныя понятія Авторъ выражаетъ неудовольствіе, что иногда старосты „безконтрольно“ распоряжаются церковнымъ имуществомъ. Это есть неправильность, и одобрить ее само собою никоимъ образомъ не приходится. Но онъ прибавляетъ тутъ въ видѣ упрека, что старосты изъявляютъ неудовольствіе противъ обязанности отчислять часть церковныхъ доходовъ на духовно-учебныя нужды. Онъ строитъ умозаключеніе на томъ положеніи, что церковь есть также часть церковнаго организма, какъ и монастырь, и что главный и дѣйствительный распорядитель церковнаго имущества есть святѣйшій синодъ. Почему же святѣйшій синодъ, а не всѣ патріархи вселенной? Русская церковь есть точно также только часть церковнаго организма; гдѣ основанія останавливаться на полдорогѣ? Вся вселенская церковь есть распорядительница церковнаго имущества. Ахъ какъ жалко, что православная церковь не признаетъ папу. То есть намъ не жалко, а „Церковно-Общественный Вѣстникъ“ долженъ объ этомъ жалѣть, потому что онъ тогда бы вышелъ легко изъ затрудненія; папа былъ бы „главный и дѣйствительный распорядитель“ церковнаго имущества по всей вселенной. Было бы вполнѣ логически.

Казенное имущество принадлежитъ казнѣ, церковное церкви, имущество частное частнымъ лицамъ. Такъ разсуждаетъ авторъ и разсуждаетъ правильно; только онъ упустилъ еще одинъ видъ имущества. Городское имущество кому принадлежитъ, или сельское мірское? Кому принадлежитъ имущество завода или желѣзной дороги, устроенныхъ акціонерною компаніей? Кому принадлежатъ имущества ученыхъ и благотворительныхъ обществъ? И такъ, есть имущества общественныя, и почему же бѣжитъ авторъ отъ приравненія этихъ имуществъ церковному? А именно-они то, въ особенности же имущества ученыхъ и благотворительныхъ обществъ, ближе всего и подходятъ къ церковному. Собираются лица для извѣстной безкорыстной цѣли и на эту цѣль жертвуютъ деньги, частію обязательно, частію добровольно. Кто главный хозяинъ и распорядитель этихъ денегъ?—Хозяинъ есть собственно сама та цѣль, для которой служитъ учрежденіе, осуществляющееся въ преемственномъ рядѣ многочисленнаго состава лицъ. Если учрежденіе есть больница, а не богадѣльня, то настоящіе хозяева суть больные и призрѣваемые, распорядителями же, какъ и требуетъ справедливость, остаются тѣ самые, отъ кого идетъ жертва, они только ограничены въ своихъ распоряженіяхъ цѣлію, для которой назначили жертву. Съ прекращеніемъ учрежденія имущество имъ не возвращается, а пока учрежденіе существуетъ, устраненіе ихъ есть несправедливость.

Вѣрующіе вносятъ свои лепты въ церковь. Автора сбиваетъ понятіе о церкви, которая ему представляется совершенно по ультрамонтантски, какъ „церковь представительная“ (очень удобное названіе, придуманное папистами). Паства ему представляется стадомъ въ самомъ буквальномъ смыслѣ. Обязанность стада только подставлять спину для стрижки руна, руно же должно идти только на пастырей; пастыри тамъ уже сами распорядятся съ руномъ, не спрашивая стада, которое по существу безгласно, и не свѣряясь о мысли, съ которою оно приноситъ руно. На видъ это складно, только съ духомъ истинной церкви несогласно, да и съ понятіями простой справедливости

также. Несправедливость очевидна уже сама собою. А чтобы судить, согласно ли съ духомъ церкви, для этого нужно вспомнить ея первобытное устройство, а пожалуй и устройство на востокѣ, приближающееся къ первобытному. Каноны предоставляютъ епископу власть надъ церковными имуществами; но 1) то ли епископъ былъ въ древности по отношенію къ церковной общинѣ, что теперь, и то ли онъ на востокѣ у насъ? Не участвовала ли община въ избраніи его? 2) Если надъ имуществомъ присвоивалась власть епископу, то никогда не предоставлялась ея патріарху надъ всѣми имуществами патріархата; такимъ образомъ параллель ведется во всякомъ случаѣ дальше надлежащаго, когда въ дѣйствительности хозяиномъ возводится святѣйшій синодъ, то есть не епископъ уже, а патріархъ. 3) Наконецъ власть власти рознь. Можно быть хозяиномъ, но состоять подъ контролемъ. Городскія имущества принадлежатъ безспорно городу; но есть расходы, которыхъ городъ не можетъ произвести, не спроси министра. Значитъ ли это, что министръ есть „главный и дѣйствительный“ хозяинъ городскихъ имуществъ? И слѣдуетъ ли отсюда, что городскія имущества суть предметъ законной эксплуатаціи для чиновниковъ министерства и для воспитанія ихъ дѣтей? Точно также мало оправдывается и клерикально-бюрократическая эксплуатація церковныхъ имуществъ

Власть надъ церковными имуществами подобаетъ и святѣйшему синоду, подобаетъ и епископу, подобаетъ и настоятелю церкви (въ канонахъ подъ епископомъ большею частію и разумѣется настоятель), но каждому въ своей мѣрѣ. Главнымъ-то хозяиномъ остается все таки цѣль, для которой несутъ доброхотные датели свои жертвы, главнымъ же указателемъ этой цѣли можетъ служить, по счастливому выраженію „Церковно-Общественнаго Вѣстника“, сама братія храма, которая по этому никакъ и не должна быть устраняема отъ завѣдыванія церковнымъ имуществомъ. Ея неразумныя желанія справедливо останавливать, но несправедливо и направлять ея даянія туда, куда совершенно не намѣревался даятель.

1884 ГОДЪ.

Судьба богословскихъ сочиненій въ Россіи *)

У книжекъ есть своя судьба· эта латинская поговорка вспомнилась намъ при видѣ изданія. „Опытъ естественнаго богословія“, періодическаго сборника, теперь, кажется, уже кончившагося [вышло 20 выпусковъ]. Съ 1879 года началось изданіе и оно почти неизвѣстно; по крайней мѣрѣ мы знаемъ о немъ только изъ него самаго. Оно не такъ спеціально, какъ грозитъ названіе. Его можно назвать религіозной апологетикой, основанной на теоретическихъ умствованіяхъ лишь отчасти, а въ большинствѣ опирающейся на данныя эмпирической науки. Какъ трудъ серіозный, оно заслуживаетъ вниманія особенно тѣмъ, что преимущественно направляетъ свой анализъ на ходячія научныя положенія новаго времени, изъ которыхъ многія однако не столько твердо обоснованныя положенія, сколько предразсудки, взятые на вѣру къ ученымъ авторитетамъ. Авторъ основательно жалуется, что читающіе люди и молодежь въ особенности не пріучены критически относиться къ тому, что преподается съ каѳедръ и излагается въ мнимо ученыхъ изслѣдованіяхъ Но мы не о томъ ведемъ рѣчь, а о томъ, что сочиненіе, во всякомъ случаѣ серіозное, способное возбудить мысль, затронуть духовные интересы, проходитъ цѣлыя пять лѣтъ, незадѣвая видимымъ образомъ публики. Объясняемъ это во

*) С И. 9 января, № 8

первыхъ именно отсутствіемъ потребности къ самостоятельному мышленію. Разными теоретическими положеніями, которыя считаются нужными для обихода, запасаются изъ книгъ, за которыми признанъ внѣшній авторитетъ имени автора, или новости, въ особенности смѣлости выводовъ; принимаютъ на вѣру и тѣмъ кончено.

Кромѣ того есть и другая причина, спеціально касающаяся области вѣдѣнія, за которую ратуетъ авторъ. Нѣтъ еще страны, въ которой такъ называемая „наука“ и „вѣра“ раздѣлены были такими непроходимыми границами. Это двѣ несливаемыя полосы, и тому помогаетъ многое, начиная съ двухъ цензуръ и кончая двумя системами школъ и воспитанія. То, чего добиваются во Франціи, чтобы школа была безбожна, у насъ уже есть, и по причинѣ совершенно противоположной, не потому что вѣру гонятъ, а напротивъ потому что ее берегутъ, приставляютъ къ ней особенныхъ сторожей, а прочимъ восклицаютъ „procul o profani“—„убирайтесь непосвященные.“—Непосвященные и убираются. Законъ Божій, хотя и съ наружными признаками къ нему уваженія, пользуется въ школѣ только какъ бы гостепріимствомъ, принимается изъ приличія, не имѣя органической связи съ курсомъ. Литература же течетъ двумя руслами во взаимномъ невѣдѣніи.

„Во взаимномъ невѣдѣніи“, сказали мы, но должны поправиться. Невѣдѣніемъ обходитъ большинство духовную литературу, хотя и очень сравнительно обильную у насъ. Представители же вѣры не оставляютъ безъ вниманія „свѣтскую“ литературу (свѣтская литература, какое самое названіе дикое), подвергаютъ ее критикѣ, вступаютъ съ нею въ полемику. Но полемика безъ живого взаимодѣйствія, безъ преній, которыя свидѣтельствовали бы объ обмѣнѣ мыслей, является проповѣдью глухому, почти напрасною потерею труда. Читатели духовной литературы уже убѣждены въ томъ, въ чемъ стараются укрѣпить ихъ полемикою съ противниками (большинству читающихъ даже неизвѣстными), а до противниковъ даже и не доходятъ возраженія. То-же обстоятельство содѣйствовало малоизвѣстно-

сти сочиненія, о которомъ ведемъ рѣчь. Уже то есть несчастіе для него, что оно есть апологія, да еще апологія религіи. Большинству такъ называемаго образованнаго класса она должна заранѣе представляться, хотя и совершенно неосновательно, старьемъ, давно слышаннымъ. Какая разница въ этомъ отношеніи между Россіею и Англіею, и не менѣе того — Америкою! Помнимъ, нѣсколько лѣтъ назадъ о новомъ переводѣ евангелія препирались тамъ всѣ листки безъ исключенія; ни о чемъ другомъ тамъ не говорили; одна политическая газета перепечатала даже текстъ по телеграфу. А на что ужъ практичнѣе народа американцевъ? Не отъ нихъ ли ждать самаго безусловнаго реализма и эмпиризма? Но напротивъ у нихъ, какъ у англичанъ, религіозное образованіе идетъ не рядомъ только съ общимъ и профессіональнымъ, но служитъ основою, все остальное уткомъ. Мы знаемъ, что наука отъ того не въ проигрышѣ.

Бесѣда преосвященнаго Никанора о формулѣ присяги *)

Намъ удалось читать въ печати бесѣду одного преосвященнаго, очень ученую и очень замѣчательную. Она замѣчательна тѣмъ во первыхъ, что учена и во вторыхъ тѣмъ, что того самаго вопроса и не рѣшаетъ, который себѣ задала. Объ учености можно судить по тому между прочимъ, что хотя назначенная для внѣбогослужебнаго собесѣдованія, бесѣда обращается къ греческому словарю и греческой грамматикѣ; указываетъ, какіе глаголы съ какими падежами сочиняются. Для чего же это?.

Одинъ изъ единовѣрцевъ, въ газетѣ „Русь“, помнится, писалъ, что старообрядцы смущаются установленной формулой присяги, именно словами: „клянусь Всемогущимъ Богомъ“. Старообрядцы находятъ такое сочетаніе словъ недозволительнымъ послѣ заповѣди Христа и апостола „не клятися всяко“ и про-

*) С. И 10 января, № 9

тиворѣчащимъ церковной молитвѣ ко Св. Духу, гдѣ молящійся проситъ отпущенія, „аще именемъ Твоимъ кляхся“. Старообрядецъ или единовѣрецъ предлагаетъ вмѣсто „клянусь Всемогущимъ Богомъ“ внести въ употребленіе „клянусь предъ Всемогущимъ Богомъ“ Вотъ противъ этого желанія и противъ того основанія, которымъ оно возбуждено, нашелъ нужнымъ преосвященный Никаноръ, бывшій Уфимскій, обратиться между прочимъ къ греческому словарю и къ греческой грамматикѣ. Чѣмъ же обнаруженное познаніе въ греческомъ языкѣ помогло преосвященному на этотъ разъ? Ничѣмъ. Смущеніе единовѣрцевъ и старообрядцевъ возбуждается, какъ видитъ читатель, творительнымъ падежомъ, тѣмъ что говорится „клянусь Богомъ“, а не иначе какъ. Они успокаиваются даже и на творительномъ падежѣ, если только поставлено будетъ предъ нимъ „предъ“. Такъ можетъ быть гдѣ-нибудь въ греческомъ языкѣ, и притомъ въ священныхъ книгахъ, найденъ при подобномъ случаѣ творительный падежъ? Онъ не могъ быть найденъ, и преосвященный не нашелъ его по простой причинѣ, что соотвѣтствующему русскому творительнаго падежа въ греческомъ совсѣмъ нѣтъ. Преосвященный это и разъясняетъ. Но что же слѣдуетъ изъ этого? Смущаться формулою не слѣдуетъ, потому что соотвѣтствующаго словоупотребленія въ священныхъ книгахъ да и вообще въ греческомъ языкѣ нѣтъ. Какъ такимъ выводомъ можетъ успокоиться смущенная совѣсть, мы этого не видимъ.

Авторъ доказываетъ, что клятва не безусловно воспрещена и доказываетъ основательно. Но смущающіеся старообрядцы и не отрицаютъ клятву, а только смущаются ея формулою.

Съ особенною настойчивостію обращается авторъ за подтвержденіемъ своей мысли (что клятва дозволительна) къ Ветхому Завѣту. Но старообрядцы и не отрицаютъ того и ссылаются не на Ветхій Завѣтъ, а на Новый, и видятъ въ формулѣ противорѣчіе новозавѣтной заповѣди

Авторъ ссылается и на Новый Завѣтъ, что Христосъ на заклинаніе первосвященника отвѣчалъ: „ты сказалъ“, а въ другомъ мѣстѣ употребилъ, какъ авторъ полагаетъ, клятвенную

формулу. „ей, Отче, яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою“ Согласимся, что это клятва, согласимся, что отвѣтомъ первосвященнику Христосъ подтвердилъ его клятву· все таки изъ этого не слѣдуетъ, 1) что удостовѣривъ въ томъ, о чемъ заклиналъ первосвященникъ, Христосъ тѣмъ самымъ присоединился къ клятвѣ; 2) чтобы формула, Имъ самимъ употребленная, была тождесловна съ формулой гражданской присяги

Ближе на вопросъ отвѣчаетъ объясненіе, что въ молитвѣ Св. Духу проситъ молящійся простить не самую клятву, а легкомысліе, дурной навыкъ или наглость, съ которою иногда она дается. Впрочемъ опасаемся, что и здѣсь старообрядецъ возбудитъ недоумѣніе, почему правильнѣе такое объясненіе, а не то, которое они даютъ.

И такъ, по совѣсти, мы не находимъ, чтобы ученая бесѣда разрѣшила недоумѣніе и успокоила смущенныя совѣсти. Мы читаемъ только сужденія „новоявленнымъ учителямъ“ „совѣсти, защищающей неправду по пріятіи истины“, и тому подобныя порицанія, которыя послѣ всего прочтеннаго кажутся голословными.

Совѣсть смущаемая заслуживаетъ-ли успокоенія?—По нашему мнѣнію—да.

Дѣло идетъ изъ за грамматическаго оборота. Грамматическій оборотъ въ теперешней формулѣ столь-ли существененъ, чтобы его отстаивать? Измѣненіемъ его измѣнится ли смыслъ присяги? — Нѣтъ Изъ за чего же спорить и за что негодовать и за что обличать, когда не доказано даже, что настоящая формула есть правильнѣйшая и естественно правильная.

Удобна ли замѣна теперешней формулы другою съ предлогомъ „предъ“? Мы этого не скажемъ, потому что тогда выйдетъ· „предъ Всемогущимъ Богомъ, предъ честнымъ крестомъ и святымъ евангеліемъ“. Словомъ выйдетъ двусмыслица, и весьма не благовидная· Богъ, крестъ и евангеліе ставятся какъ бы на равной степени.

Въ „Руси“ указывается, что русская же формула присяги для католиковъ употребляетъ „Всемогущему Богу“ вмѣсто

„Всемогущимъ Богомъ". Это вполнѣ соотвѣтственный словообороть, клятва приносится именно Богу, предъ крестомъ и евангеліемъ. Преосвященный иронически выводитъ, что стало де поляки лучше православной россійской церкви. Итакъ дательный и творительный падежъ есть уже вопросъ о церкви. Мы не видимъ, чтобы колебалось почтеніе къ церкви или постановки „у" вмѣсто „омъ", тѣмъ болѣе что, если даже отправляться за ссылками, то въ Новомъ Завѣтѣ находимъ апостольское удостовѣреніе—„свидѣтель ми есть Богъ" А клятва (въ данномъ случаѣ присяга) и есть призываніе Бога въ свидѣтели

Отъ учености преосвященнаго автора мы ожидали-бы другого Онъ соглашается, что геперешняя формула присяги есть формула шведская. Указаніе на такое происхожденіе, по его же словамъ, имѣетъ „нѣкоторое" значеніе Заслуживало бы болѣе подробнаго историческаго разъясненія, отчего же только „нѣкоторое" значеніе, а не полное, и почему сюда не примѣнимъ выводъ, которымъ преосвященный попрекаетъ сомнѣвающихся, что „шведы лучше православной церкви". Да кромѣ того отъ той же учености ожидали бы обстоятельныхъ разрѣшеній, какъ присягали до этой шведской формулы. А присягали же, „цѣловали крестъ", по выраженію лѣтописцевъ. Какъ совершалось это цѣлованіе креста, въ чемъ оно состояло, какими словами сопровождалось, и сопровождалось ли какими? Разъясненіе этихъ-то вопросовъ вполнѣ успокоило-бы, какъ намъ кажется, недоумѣвающую совѣсть, а вмѣстѣ и дало бы законодательной власти матеріалъ, съ которымъ она могла бы сообразоваться въ измѣненіи формулы, если таковое требуется. А оно повидимому требуется, не смотря на всю ученость бесѣды, съ сущностью которой мы познакомили читателя.

Объ отношеніи къ старообрядцамъ *).

Мы получили письмо отъ одного духовнаго лица, въ которомъ отчасти хвалятъ насъ, отчасти осуждаютъ за отношеніе наше къ вопросу о старообрядцахъ. Изъявляютъ радость, что мы начинаемъ обличать „раскольниковъ“: порицаютъ, что мы исполняемъ это „еще робко“, а въ особенности возмущаются удовольствіемъ, которое мы выразили по поводу того, что старообрядческой іерархіи разрѣшено „тайнодѣйствовать“. Это не тайнодѣйствіе, а „лицемѣрствіе“ восклицаетъ корреспондентъ, присоединяя еще порицательныя выраженія о старообрядческомъ богослуженіи.

Отклоняемъ отъ себя и похвалы и укоризны Никогда мы не брались „обличать“ раскольниковъ и считаемъ это неподходящимъ къ программѣ газеты, которая вѣдаетъ политическіе и общественные вопросы; вопросы между прочимъ и „церковные“, но не богословскіе, въ чемъ есть разница Приходилось касаться и богословскихъ вопросовъ, но въ той мѣрѣ, въ какой они связаны съ тѣмъ или другимъ общественнымъ или политическимъ положеніемъ; нельзя было не коснуться, напримѣръ, догматики, когда шло дѣло о Константинопольскомъ соборѣ противъ филетизма или о Ватиканскомъ, утвердившемъ папскую непогрѣшимость, или о Кельнскомъ съѣздѣ старокатоликовъ Но самостоятельно защищать или опровергать, по автору, „обличать“ догматическія вѣрованія той или другой секты мы не беремся, находя это совершенно неумѣстнымъ. Иное дѣло охарактеризировать секту исторически; характеристики подобнаго рода просвѣщаютъ общественное и политическое сознаніе.

Послѣ того не можемъ припять и упрека по своему адресу въ „робости“. Ни робѣть, ни храбриться не изъ чего. Не показались ли автору „обличительными“ наши отзывы о собесѣдованіяхъ съ старообрядцами, производимыхъ въ домѣ Шумова въ семинаріи Показались развѣ робостію что ли наши неодно-

*) С. И. 12 января, № 11

кратные совѣты православнымъ собесѣдникамъ не поднимать щекотливыхъ вопросовъ, въ родѣ вопроса объ Аввакумѣ, и не вызывать напраснаго раздраженія? И то и другое былъ долгъ публициста, имѣющаго смѣлость думать, что онъ понимаетъ довольно отчетливо сущность распри, произведенной книжнымъ исправленіемъ.

Въ указаніяхъ достовѣрно одно, что мы изъявили удовольствіе по поводу льготъ данныхъ старообрядцамъ. Прибавимъ, еще больше радости доставитъ намъ и дальнѣйшее, болѣе широкое распространеніе льготъ. Авторъ іерей, безъ сомнѣнія, съ нами не согласенъ: онъ стоитъ на своей точкѣ зрѣнія, по которой служба, называемая у старообрядцевъ „тайнодѣйствіемъ", есть „лицедѣйствіе". Почему однако она „лицедѣйствіе"? Такое наименованіе есть игра словъ, не подобающая столь священному предмету. Порицатель нашъ вѣроятно тогда только былъ бы совершенно успокоенъ, когда мы иначе не называли бы старообрядческихъ священниковъ какъ лжеепископами, хотя бы въ простомъ повѣствованіи Онъ желалъ бы, что бы публицистика при всякомъ случаѣ выражалась о расколѣ на подобіе того, какъ дѣйствующія лица въ піесѣ солдатскихъ театровъ „Царь Максимиліанъ". Это царь Максимиліанъ—идолопоклонникъ, нечестивецъ, и онъ обращается къ другимъ дѣйствующимъ лицамъ съ такимъ увѣщаніемъ: „откажитесь отъ вашего истиннаго Бога и поклонитесь моему ложному, скверному богу". Не полагаетъ ли досточтимый іерей, что подобное словоупотребленіе будетъ для раскольниковъ особенно убѣдительно и успокоительно? Но впрочемъ нашъ оппонентъ желаетъ ли еще успокоенія и мира?

Угодимъ мы или нѣтъ почтенному іерею, но объявляемъ кстати, что мы отказываемся впредь помѣщать подробныя извѣстія о собесѣдованіяхъ со старообрядцами. Мы получили въ этомъ смыслѣ просьбы отъ многихъ. Да и самый порядокъ собесѣдованій, какъ мы неоднократно уже объясняли, не вполнѣ таковъ, какой бы приличествовалъ дѣлу и обѣщалъ достиженіе цѣли Кромѣ того мы уже обязаны словомъ помѣстить разсуж-

деніе старообрядца Зыкова. Это и будетъ послѣднимъ, если можно такъ выразиться, нашимъ участіемъ въ собесѣдованіяхъ. Если кто-либо изъ собесѣдовавшихъ „обличитъ“ г-на Зыкова въ неточности, мы, разумѣется, не откажемъ въ помѣщеніи обличенія и даже просимъ объ этомъ заранѣе. Но повторяемъ, держимся въ сторонѣ отъ догматическихъ преній. Наши догматическія мнѣнія при насъ, въ качествѣ публициста насъ занимаетъ общественное и государственное положеніе церкви и старообрядческихъ сектъ, а не то, въ какой степени вѣрованія тѣ или другія истинны.—

О пастырскихъ собесѣдованіяхъ съ народомъ *).

Итакъ вотъ чего достигаютъ въ короткое время собесѣдованія съ народомъ. Къ пастырямъ народъ становится внимательнѣе и почтительнѣе, ко храму Божію прилежнѣе и къ кабаку холоднѣе; кабатчики жалуются, что число посѣтителей у нихъ уменьшается, особенно въ посты. Свѣдѣнія обо всемъ этомъ читатель найдетъ въ помѣщенной корреспонденціи изъ Владиміра. Но можно и не ходить такъ далеко; въ самой Москвѣ, собесѣдованія о. Богоявленскаго въ Матросской богадѣльнѣ производятъ чудеса. Съ какою жаждою его слушаютъ и какъ легко даже дисциплинируются у него слушатели въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Мы говоримъ о всенародномъ пѣніи въ церкви: чего стоитъ это устроить Казалось бы и невозможно было согласовать такое множество поющихъ, и однако они согласованы

И такъ вотъ что могутъ производить пастырскія собесѣдованія: они могутъ воспитать и перевоспитать народъ: они могутъ его просвѣтить· они одни въ состояніи отвлечь его отъ пагубныхъ привычекъ и утвердить въ общественно-христіанскихъ добродѣтеляхъ. Многое, надъ чѣмъ безплодно трудятся законодательство и администрація, далось бы легко духовному собе-

*) С. И. 16 января, № 15.

сѣдованію. Отчего же его нѣтъ, отчего же оно такъ рѣдко, отчего пастыри, воспринимающіе добровольно такое служеніе, считаются единицами, а въ другихъ мѣстахъ, какъ именно во Владимірѣ, требуется основать для того особыя учрежденія подъ именемъ братства. Братства! Да развѣ это не есть долгъ священства, долгъ каждаго изъ пастырей, налагаемый именно тѣмъ, что они пастыри.

Если кто ожидаетъ, что мы сейчасъ пустимся въ обличеніе духовенства, нерадящаго о важнѣйшемъ изъ своихъ призваній, тотъ ошибается. Духовенство нерадиво къ исполненію этой своей обязанности, правда, оно даже и не считаетъ учительства своей обязанностію; извѣстна исторія съ затрудненіями отыскивать законоучителей даже для училищъ. Но не будемъ винить духовенство за то, что оно не такъ воспитано; его попеченія о своихъ обязанностяхъ заготовлены для него исторіею, подкрѣплены законодательствомъ и окончательно утверждены школою. Когда не было школъ, темный пастырь и не могъ быть для темнаго народа никѣмъ кромѣ отправителя требъ по служебнику и требнику, плохо даже разбираемымъ. А съ учрежденіемъ школъ левитъ введенъ былъ въ лѣсъ схоластики, въ которомъ и вращался, да притомъ еще по латинскимъ руководствамъ. И это продолжалось почти до нашего времени. Тѣмъ временемъ введена цензура проповѣдей. Живое слово лишено было права явиться, хотя бы чувствовало позывъ; проповѣди стали повинностью, и мы знаемъ всѣ, что они такое,—эти сухія сочиненія съ общими мѣстами и притомъ даже непонятныя для большинства по своей книжности.

И такъ, духовенство не могло не сдѣлаться такимъ, какимъ оно есть. Но это не значитъ, чтобы невозможенъ былъ поворотъ. Махнемъ рукой на большинство современныхъ пастырей, ихъ не перевоспитаешь и не переубѣдишь. Но должны бы быть приложены всѣ усилія къ приготовленію будущихъ поколѣній съ иными взглядами на свое призваніе. Итакъ:

1. Отмѣните, во первыхъ, цензуру проповѣдей совершенно; не ставьте пастыря въ оскорбительное положеніе школьника

до престарѣлыхъ лѣтъ. Не усиливайте этимъ искусственно книжности и сочиненности, а слѣдовательно и натянутости въ отношеніяхъ, которыя и должны быть живыми по преимуществу. Мы не сказали даже: преслѣдуйте сочиненныя проповѣди, за то отличайте проповѣдниковъ съ живымъ словомъ. Собесѣдованія съ народомъ поставьте въ первую обязанность пастыря и о достоинствахъ его судите именно по исполненію этой обязанности.

Это для настоящаго времени, а для будущаго вотъ что·

2 Весь курсъ духовныхъ училищъ и семинарій направьте къ тому, чтобы воспитанникъ видѣлъ себя приготовляемымъ къ обязанности народнаго учителя, и къ тому дѣйствительно приготовлялся. Исправлять требы, кромѣ развѣ исповѣди, можетъ даже и неучившійся. Можно отложить многія даже богословскія тонкости, вошедшія въ учебники изъ уваженія къ авторитетамъ запада, гдѣ борьба лютеранства съ папствомъ потребовала именно отвлеченныхъ тонкостей. Задача русскаго пастыря проще

Во времена митрополита Платона и мелькнула было эта задача духовнаго воспитанія· приготовить praedicatorem Verbi Divini признавалось послѣднею цѣлью; верхомъ достоинства признавалась складная проповѣдь, изложенная по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства. Но въ этомъ-то и была ложь· типомъ взятъ былъ „проповѣдникъ слова Божія“, въ смыслѣ лютеранскаго пастыря. А намъ нужно совсѣмъ другое: не пасторъ, вѣщающій велерѣчивое ученое слово съ каѳедры, а пастырь съ живымъ простымъ словомъ, проповѣдующій благовременнѣ и безвременнѣ Въ этомъ большая разница. У лютеранъ все богослуженіе состоитъ изъ проповѣди; у насъ богослуженіе и безъ проповѣди поучительно. Дайте же слову пастырскому другое болѣе обширное значеніе и больший просторъ.

О евреяхъ *).

Очень, полагаемъ, непріятное для образованныхъ евреевъ напоминаніе доставили два событія послѣднихъ дней: 1) судьба молодого человѣка, котораго держали чуть-чуть не въ плѣну за его намѣреніе принять христіанство; 2) циркуляръ г. черниговскаго губернатора, объясняющій, что евреи не только не соблюдаютъ закона, запрещающаго имъ держать христіанскую прислугу, но и пользуются своимъ вліяніемъ къ совращенію несовершеннолѣтнихъ христіанъ въ еврейство

Совращеніе христіанской прислуги тоже есть не вымыслъ, а дѣйствительная быль, оффиціально удостовѣренная. Очень непріятно, повторяемъ мы, должно подѣйствовать на образованныхъ евреевъ это напоминаніе Мы не читаемъ еврейскихъ журналовъ; не знаемъ поэтому, какъ они отнесутся или отнеслись къ упомянутымъ двумъ разоблаченіямъ. Не скажутъ ли, что это случаи частные, что на нихъ нельзя опираться? И это очень будетъ жаль. Говоримъ это въ интересѣ еврейскаго племени Да какая же убѣдительность послѣ того во всѣхъ доводахъ, приводимыхъ въ пользу евреевъ, доводахъ, которые опираются исключительно на теоретическія умствованія, о свободѣ и справедливости и на иностранныхъ примѣрахъ? Теоретическихъ доводовъ никто, самый ярый юдофобъ, не отрицаетъ. Почему не держать христіанской прислуги евреямъ? Теоретическій вопросъ разрѣшается въ пользу евреевъ: всякій воленъ пользоваться услугами другого при добровольномъ сторонъ согласіи. Но здѣсь практическій вопросъ объ опасности: чѣмъ ограждены христіане (малолѣтніе въ особенности) отъ обольщенія, которому ихъ подвергаютъ, пользуясь хозяйскими правами. Малолѣтній требуетъ опеки, физической во-первыхъ, нравственной во-вторыхъ. Естественные опекуны-родители, семья, гдѣ нѣтъ ихъ, вступаетъ юридически призванный опекунъ, гдѣ нѣтъ опекуна, а родители въ отдаленіи, обязанность опеки лежитъ на хозяевахъ. Когда обѣ стороны (опекающій и опекаемый)

*) С. И 25 января, № 24

принадлежатъ къ одному исповѣданію, вопросъ о злоупотребленіи правомъ умственно-нравственной опеки и возникать не можетъ, могутъ быть и бываютъ жалобы на худое содержаніе, пищу, одежду, помѣщеніе, только. А когда опекунъ (хозяинъ) другой вѣры, возникаетъ опасность, не употребитъ ли онъ средствъ, пользуясь своимъ положеніемъ съ одной стороны и умственнымъ несовершеннолѣтіемъ съ другой, чтобы оторвать ребенка отъ его нравственной семьи, а тѣмъ самымъ и отъ физической? У совращеннаго христіанскаго дитяти родители несомнѣнно христіане Что-же дѣлаетъ еврей-опекунъ, въ данномъ случаѣ хозяинъ? Онъ вторгается въ чужую семью, онъ насилуетъ ея право, онъ отторгаетъ отъ нея живого члена, беззащитнаго; отнимаетъ, пользуясь именно тѣмъ, что у дитяти нѣтъ защиты.

Когда скажутъ, что указанные факты суть отдѣльные случаи, па это съ полною основательностію будетъ отвѣчено· „однако такихъ, даже отдѣльныхъ случаевъ, за другими исповѣданіями не водится, исключая развѣ фанатическую секту скопцовъ“ А это сближеніе и приводитъ къ прискорбному выводу, что и евреи повинны въ грѣхѣ фанатизма: что этимъ отличаются они отъ другихъ исповѣданій; что доводъ, съ легкимъ сердцемъ возглашаемый ими противъ христіанскихъ правительствъ и обществъ прямо на нихъ: не мы, христіане, виноваты въ фанатизмѣ, а они, евреи

Опять повторяемъ: для лучшихъ изъ евреевъ просвѣщенныхъ и гуманныхъ должны быть непріятными обнаруженія, въ родѣ упомянутыхъ. Но не послужатъ ли тѣ же обнаруженія для нихъ самихъ указаніемъ повернуть точку зрѣнія, съ какой исключительно привыкли они трактовать доселѣ вопросъ о своемъ общественномъ положеніи? Не признаютъ ли они за нами право на самооборону, а съ тѣмъ не признаютъ ли они и за своими отдѣльными членами право на нравственную свободу? Еврей желаетъ принять христіанство· не мѣшай ему ни нравственно, ни матеріально (лишеніемъ наслѣдства и разными экономическими притѣсненіями) Попало христіанское

дитя подъ твое вліяніе: оберегай его вѣру, посылай его въ церковь, исполняй добросовѣстно обязанности попечителя, положеніемъ тебѣ указаннымъ. Вѣдь не болѣе того нужно: нужно по кодексу, даже не русскому и не христіанскому въ частности, а по общему нравственному кодексу; не дѣлай другому того, чего себѣ не желаешь

Найдутъ ли образованные евреи, найдетъ ли ихъ печать, эти требованія законными? Тогда спросимъ: гдѣ ручательство въ виду повторяющихся противоположныхъ явленій?

Вы умываете руки: вы говорите, что не всѣ таковы, что вы не принадлежите къ этимъ фанатикамъ. Вѣримъ, но удостовѣрьте, гдѣ примѣта, по которой бы можно отличить фанатика отъ не фанатика?

Это относится къ нравственной области; но тоже самое въ экономической и юридической. Удостовѣрьте, что вы не займетесь ростовщичествомъ, не будете лжесвидѣтельствовать, и проч., и проч., и проч. Мы имѣемъ основаніе опасаться и того, и другого, и третьяго. Успокойте насъ не фразами, а дѣломъ, удостовѣрьте, поручитесь Правительство искало поруки въ профессіи евреевъ, допустило еврея-ремесленника повсюду. Мы знаемъ, что и это злоупотребляется; подъ именемъ подлинныхъ ремесленниковъ проникли подложные ремесленники Знаемъ и то, что не одни истые ремесленники изъ евреевъ для насъ безопасны: есть евреи почтенные, гуманные и полезные. Но опять удостовѣрьте и укажите примѣту.

Возвращаемся къ нравственной области. Развѣ мало евреевъ, которые сейчасъ бы готовы были возсоединиться съ русскимъ народомъ вполнѣ, то есть пріобщиться и вѣрѣ его, и преданіямъ? Пріобщиться не изъ выгодъ, а по внутреннему влеченію, по убѣжденію, что идеалъ христіанскій и выше и шире, по сознанію, что апоѳеозъ племени (таковъ смыслъ еврейства) есть культъ, не соотвѣтствующій идеалу религіи. Развѣ мало? Развѣ ихъ нѣтъ? Нѣтъ они есть, они должны быть, они не могутъ не быть, если есть только среди евреевъ истинно просвѣщенные и мыслящіе. И что же? Они не посмѣ-

ютъ—ихъ братія накинется на нихъ, отвергнетъ, оклевещетъ, притѣснитъ.

И вотъ мы возвращаемся къ положенію, на которомъ мы неоднократно настаивали. Улучшеніе положенія евреевъ и въ частности расширеніе ихъ правъ зависитъ отъ нихъ самихъ прежде всего, и именно отъ лучшихъ и просвѣщеннѣйшихъ изъ нихъ Что могутъ они для того сдѣлать—не намъ судить Еврейство нашло возможнымъ устроить „мировой израильскій союзъ" для своей защиты. Устройте союзъ для защиты насъ, точнѣе сказать, для защиты правъ человѣчества, которыя могутъ быть оскорбляемы евреями, и именно тѣхъ правъ, которыя обыкновеннѣе ими оскорбляются. Придумайте для того программу; въ чемъ она будетъ состоять, не имѣемъ смѣлости предписывать. Но если бы общество и правительство увидали, что еврей, напримѣръ, ростовщичествующій подвергается презрѣнію и гоненію отъ своихъ соплеменниковъ, что обратившійся еврей въ христіанство въ нихъ же встрѣчаетъ защиту отъ фанатическаго гоненія; что долгомъ чести поставляетъ еврей изъ уваженія къ человѣческой свободѣ напротивъ усугубить внимательность къ обратившемуся, чтобъ не усиливать горечи положенія, котораго и безъ того не можетъ не испытывать при нравственной разлукѣ отъ родныхъ: тогда, о, тогда побѣда! Можно быть увѣреннымъ, что съ самымъ охотнымъ сердцемъ широко откроются еврею всѣ врата повсюду въ нашемъ обширномъ отечествѣ.

О возсоединеніи уніатовъ *).

Прошелъ пятидесятилѣтній юбилей одного изъ государственныхъ дѣятелей минувшаго времени, и никто о немъ не вспомнилъ, за исключеніемъ немногочисленнаго кружка кабинетныхъ людей, памятующихъ исторію Россіи. Минуло пятидесятилѣтіе епископству одного изъ іерарховъ· тѣмъ непонятнѣе

*) С. П. 26 января, № 25

молчаніе, такихъ пятидесятилѣтій на нашей памяти было всего только два; событіе, во всякомъ случаѣ, изъ ряда выходящее. Каемся, и мы узнали объ юбилеѣ высокопреосвященнаго Антонія (Зубко) только изъ адреса, ему приготовленнаго почитателями его государственной исторической заслуги. Высокопреосвященный Антоній былъ въ числѣ сподвижниковъ покойнаго Іосифа Симашко; онъ былъ одинъ изъ трехъ іерарховъ, возсоединившихъ уніатскую паству съ матерью-церковью. А какая величина былъ Іосифъ Симашко, и каково было значеніе возсоединенія уніатовъ! Не будь Симашко и возсоединенія, не столь легко было бы и подавленіе возстанія въ 1863 году. Уніаты, это былъ не умирающій контингентъ, откуда подбавлялась численность католиковъ, а черезъ то и поляковъ, въ западномъ краѣ. Чему и обязанъ западный край обольщеніемъ по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ слоевъ населенія его, какъ не католичеству, для котораго унія была преддверіемъ? Съ возсоединеніемъ уніатовъ этотъ родникъ искусственнаго пересозданія народности изсякъ и тамъ, гдѣ при другихъ условіяхъ явились бы сомнительные подданные или прямые измѣнники, русская власть въ 1863 году нашла чисто-русскихъ и вѣрно-подданныхъ; возсоединеніе въ 24 года исполнило свое дѣло, между „древлеправославными“ и возсоединенными уже не оказывалось различія.

Мы, русскіе, вообще неблагодарны къ историческимъ заслугамъ. Чего бы не сдѣлали на нашемъ мѣстѣ хотя бы тѣ же поляки! Брошюры, книги, портреты, картины посыпались бы ко дню юбилея, напоминавшаго о событіи 1839 г., воспѣта была бы память о народномъ единствѣ, котораго бѣлорусское племя есть не разрывная часть. Разбуженъ былъ бы энтузіазмъ; вниманіе къ западно-русскому вопросу освѣжилось бы: а онъ въ немъ такъ теперь нуждается.

Намъ передавали мысль, достойную уваженія, что память о дѣятельности такихъ лицъ, каковы были Іосифъ Симашко и теперешній юбиляръ Антоній Зубко, надлежало бы распространять въ народѣ; чтобы не оставалась она только въ истори-

ческихъ учебникахъ и спеціально-ученыхъ изслѣдованіяхъ. Это такъ, но гдѣ же дѣятели и гдѣ средства? О дѣятеляхъ менѣе даже отдаленнаго времени, каковъ М Н. Муравьевъ, напротивъ, пошли у насъ препирательства, съ цѣлью умалить заслуги, мало того—зачернить и обезславить подвигъ А для М Н Муравьева виленское генералъ-губернаторство былъ именно подвигъ, была борьба не съ мятежными только силами, но съ противодѣйствіемъ, шедшимъ даже изъ правительственныхъ сферъ. Возсоединителямъ уніатовъ не менѣе труденъ былъ подвигъ, чего должна была имъ стоить одна рѣшимость встать противъ 300-лѣтней кабалы, быть не совершителями только, а и начинателями эмансипаціи среди злобствовавшаго ультрамонтантства и косившихся поляковъ.

О церковномъ отлученіи*).

Мы получили письмо съ лестнымъ для насъ приглашеніемъ высказаться по одному изъ догматическихъ вопросовъ Все таки мы должны повторить, что догматическія пренія и разъясненія, пока они не получатъ общественнаго значенія, находимъ для своего органа рѣшительно неумѣстными, по многимъ причинамъ, изъ которыхъ одну пожалуй укажемъ, какъ близко касающуюся того самаго вопроса, который предлагается на наше разрѣшеніе корреспондентомъ. Довольно времени прошло, 14 лѣтъ; въ 1870 году къ намъ обратился за разъясненіемъ недоумѣнія корреспондентъ, смущавшійся двумя обрядами церковными: провозглашеніемъ „анаѳемы“ въ недѣлю православія и обрядомъ умовенія. Мы напечатали письмо, и отвѣчая на него, постарались успокоить корреспондента разъясненіемъ обоихъ обрядовъ. „Современныя Извѣстія“ получили тогда за этотъ обмѣнъ мыслей, допущенный на ихъ столбцахъ, предостереженіе,—первое предостереженіе, которому подверглась газета за время своего существованія. По совѣсти, предостере-

*) С И 28 января, № 27

женіе было неосновательно, но оно состоялось. Внимательно затѣмъ обдумавши случившееся, мы рѣшили тогда про себя, что газета во всякомъ случаѣ была формально неправа: она не богословскій органъ.

Корреспондентъ задаетъ намъ не одинъ вопросъ, но настаиваетъ собственно на одномъ: отлученные и „проклятые“ одно ли и тоже, и прокляты ли были еретики въ соборахъ? Въ самой постановкѣ вопроса мы находимъ недоразумѣніе: что такое „проклятый“? Авторъ, котораго слова приведены корреспондентомъ, вѣроятно, и понималъ „проклятаго“ въ смыслѣ „отлученнаго“, а отлученнымъ, какъ основательно объяснилъ „Православный Мірянинъ“, признаваемъ былъ церковію тотъ, кто самъ себя отлучалъ отъ ея единства А отлученіе отъ церковнаго единства, если стать на точку зрѣнія догматическую, само по себѣ должно влечь на сознательно отлучившагося тѣ послѣдствія, которыя призываются проклятіемъ. Въ обыкновенномъ слововыраженіи проклятіемъ и называется призываніе всѣхъ бѣдъ на голову обвиняемаго Разница въ томъ, призываются ли бѣды на кого, или указываются онѣ, какъ неминуемое послѣдствіе. Призвала ли церковь бѣды на кого-нибудь? Другими словами, зложелательствовала ли кому-нибудь, одушевлялась ли мщеніемъ или вообще страстію? Объ этомъ и спрашивать нечего. Это было бы нелѣпостью; церковь есть организмъ истины и любви Слѣдовательно будетъ оставаться споръ о словѣ: не знаемъ, заслуживаетъ ли оно того. Заслуживаетъ вразумленія только тотъ, кто, не вникая въ смыслъ, приписываетъ слову несоотвѣтствующее ему страстное и притомъ магическое значеніе: таковы, напримѣръ, всѣ смущающіеся анаѳемою, а въ частности таковы старообрядцы, смущающіеся клятвою извѣстнаго собора! Прежде всего тѣ и другіе должны вникнуть, что анаѳема ли вообще, или клятва 1667 г., оказывается не злоželаніе, а удостовѣреніе въ событіи: „ты не со мною,—стало быть, ты—не мой“; вотъ и весь смыслъ упомянутаго церковнаго обряда и упомянутаго соборнаго рѣшенія.—

Участіе прихода въ избраніи священнослужителей *).

Вчерашнее сообщеніе изъ Покровскаго уѣзда о раздорѣ между паствой и пастыремъ въ одномъ изъ селеній приводитъ на память выраженія досады, посыпавшіяся (со стороны духовенства конечно) на Московское земство за то, что оно рѣшилось просить о предоставленіи приходамъ участія въ избраніи священнослужителей Постановленіе земства въ свое время было опротестовано губернаторомъ, какъ выходящее изъ предѣловъ земскаго вѣдѣнія Сенатъ, однако, не уважилъ протеста и призналъ за земствомъ право ходатайствовать о новомъ порядкѣ, или точнѣе сказать, о возстановленіи древняго порядка въ избраніи пастырей. Нападки и на этотъ разъ не замедлили послѣдовать. И. У Палимпсестовъ въ качествѣ мірянина возстаетъ противъ права, о которомъ намѣрено ходатайствовать земство·такова его статья, недавно помѣщенная въ „Православномъ Обозрѣніи“ подъ заглавіемъ „Голосъ мірянина.“ Пусть же достоуважаемый „мірянинъ“ взвѣситъ случай, о которомъ повѣствуетъ корреспондентъ Приходъ проситъ убрать батюшку, сильно выпивающаго и даже потерявшаго крестъ въ состояніи невмѣняемости; проситъ, но безуспѣшно Итакъ продолженія такихъ порядковъ желаетъ г Палимпсестовъ! Прихожане уже перестали посѣщать церковь; еще немного и они перейдутъ въ расколъ, благо окружность наполнена старовѣрами. Итакъ этого желаетъ ополчающійся противъ Московскаго земства „мірянинъ“.

Противъ участія прихожанъ въ избраніи, между прочимъ, возражаютъ, что тогда будетъ и зелено-вино рѣшающимъ избирателемъ, г. Палимпсестовъ приходитъ отъ этого въ ужасъ. Но если разсказъ нашего корреспондента справедливъ, то и при настоящихъ порядкахъ зелено-вино не безучастно; если не оно назначаетъ на мѣста, то оно способно до извѣстной степени закрѣплять мѣста за лицами недостойными. Можно запоить

*) С И. 25 марта, № 82

мужиковъ, но можно угощать и духовныхъ слѣдователей съ о. благочиннымъ; одно другого стоитъ. Іерей ведетъ зазорную жизнь: таковъ примѣръ, приводимый г. Палимпсестовымъ. Архіерей хочетъ удалить недостойнаго священника и назначить другого, достойнаго, а приходъ не принимаетъ. „Что-же?“ и живи прежній іерей, восклицаетъ г. Палимпсестовъ, и служи явнымъ соблазномъ для христіанскихъ душъ?“ Но авторъ не доводитъ своего разсужденія до конца и мы поможемъ ему Предположимъ, что приходъ наконецъ послушался и разстается съ зазорной жизни пастыремъ Куда же сей несчастный дѣвается? Разстригается? Нѣтъ, потому что для извержения изъ священнаго сана вовсе не требуется согласія паствы, паства не могла упорствовать· стало быть не ту судьбу недостойному назначаетъ авторъ. Онъ предполагаетъ, конечно, что архіерей переведетъ священника въ другой приходъ Каково же будетъ положеніе этого прихода? И живи у нихъ этотъ іерей, повторимъ вопросъ г. Палимпсестова, и служи явнымъ соблазномъ для христіанскихъ душъ? Но такова логика. Въ одномъ мѣстѣ служить соблазномъ для христіанскихъ душъ непозволительно,— въ другомъ, видите, ничего, можно. А какъ въ наказаніе переводятъ обыкновенно изъ богатаго прихода въ бѣдный, то выходитъ и другое послѣдствіе: бѣдныхъ-де соблазнять можно; это такой народъ, пускай, а вотъ люди съ достаткомъ, ну, этихъ-де христіанскія души надо пощадить и не подвергать ихъ соблазну.

Насъ всегда поражало упорное недоразумѣніе, въ которомъ и, повидимому даже искренно, пребываютъ клерикалы. Имъ представляется, что желаютъ самовластія, чуть не верховенства паствы. Всѣ возраженія, по крайней мѣрѣ раздаются въ предположеніи этого условія. Кто же однако такого самовластія требуетъ и осмѣлится о такомъ верховенствѣ ходатайствовать? Но не давайте же пастыря и насильно приходу, нелюбимаго, нежелаемаго, неуважаемаго: вотъ все требованіе Власть постановленія, во всякомъ случаѣ, принадлежитъ и будетъ принадлежать архіерею, но за народомъ останется свобода принять

поставляемаго Въ сущности она и есть у него, эта свобода: насильно не погонишь въ церковь, не заставишь идти на духъ Но внѣшности можно, пожалуй, добиться того и другого; но это будетъ истинное христіанство? Не будетъ это расколомъ, только неназваннымъ по имени? Или еще хуже: не повлечетъ это къ равнодушію, къ холодности, уже и овладѣвающей народомъ и выразившейся извѣстною пословицею: „кто ни попъ, тотъ и батька". „Кто ни попъ, тотъ и батька"—вникните во весь ужасный смыслъ этой отмѣтки, совершенно повторяющей другую. „кто палку взялъ, тотъ и капралъ". Тотъ ли, другой ли, все равно; дѣло не въ человѣкѣ, не во внутреннихъ его качествахъ, а во внѣшнемъ положеніи, во внѣшней силѣ, въ палкѣ. И такъ одинаково отнеслась пословица и къ капралу и къ пастырю.

Защитники теперешнихъ порядковъ, впрочемъ, и не стѣсняются; они и желаютъ, чтобы священникъ былъ главное капраломъ, и чтобы на него такъ смотрѣли Они, и въ числѣ ихъ г. Палимпсестовъ, заботятся болѣе всего, чтобы священниками сохраненъ былъ авторитетъ, и авторитетъ этотъ они находятъ единственно возможнымъ, когда священникъ ставится въ приходъ и держится въ немъ внѣшнею силою. Ихъ раздражаетъ малѣйшій намекъ на зависимость духовенства отъ народа даже въ содержаніи; они желали бы, чтобы содержаніе обезпечивалось такимъ же принудительнымъ способомъ, какъ и постановленіе; они не хотятъ ни къ кому духовное лицо приравнять, какъ только къ квартальному надзирателю, или пожалуй, къ военному офицеру; закрываютъ глаза, что существуютъ, однако, и другія званія, зависимыя въ содержаніи отъ добровольныхъ даяній; напримѣръ, врачи и адвокаты; ни тѣ, ни другіе не находятъ тяжелою и унизительною для себя такую зависимость. Нѣтъ, намъ за образецъ именно квартальнаго, и дайте намъ такой авторитетъ, чтобы по истинѣ для народа былъ кто ни попъ, тотъ и батька.

Въ теченіи 16 лѣтъ слишкомъ часто обращались мы къ этой темѣ, и повторять ея развитіе скучно. Заключимъ на-

стоящую замѣтку только указаніемъ еще на одно недоразумѣніе, общее нашимъ клерикаламъ. Они указываютъ на невѣжество и грубость народа, и потому-де давать ему какой-нибудь голосъ въ избраніи пастырей невозможно. Большинство невѣжественно и грубо, это такъ. Однако, отчего невѣжество и грубость происходятъ? Кто въ нихъ виноватъ? На комъ бы прежде всего лежалъ святой долгъ просвѣщать и смягчать? „Авторитета“ у священниковъ кажется достаточно. Просимъ вдуматься въ это А отъ того-то, оказывается, и грубъ народъ и невѣжественъ, что духовенство держится по преимуществу внѣшнимъ авторитетомъ. Внѣшній авторитетъ никакъ не порука за нравственную связь, тогда какъ, наоборотъ, при нравственной связи самъ собою дается и авторитетъ,—авторитетъ внутренній, предъ которымъ склоняются добровольно И можно указать примѣры—славу Богу, ими не бѣдна Русская земля—какъ іереи свѣтомъ ученія, житіемъ безукоризненнымъ снискивали себѣ такую несокрушимую власть, а вмѣстѣ вызывали такой къ себѣ притокъ вещественныхъ средствъ, что не только квартальному, но и кому-нибудь повыше въ пору позавидовать.—

Еврейскій элементъ въ Новороссійскомъ учебномъ округѣ *).

Свѣдѣнія, сообщенныя г. Молчановымъ частію на основаніи оффиціальныхъ данныхъ объ еврейскомъ элементѣ въ Новороссійскомъ учебномъ округѣ, кажутся для иныхъ невѣроятными. Мы, по крайней мѣрѣ, знаемъ такихъ. Намъ кажутся напротивъ явленія, указываемыя г Молчановымъ, естественными и даже неизбѣжными. „Духъ заведенія“ развѣ пустое слово? Мы говоримъ: „человѣкъ хорошаго общества, хорошаго тона“, узнаемъ такого по разговору, по обращенію, по привычкамъ. Обиліе еврейскаго элемента въ учебномъ заведеніи развѣ не должно наложить также печать на учащихся, какъ и всякое общество? Объ этомъ не можетъ быть спора; вопросъ можетъ

*) С П. 26 мая, № 141

быть о томъ только, какую печать наложатъ на остальныхъ товарищей еврейскія дѣти Впрочемъ и тутъ вопроса не можетъ быть. По общему закону, на духѣ заведенія отразится то, что существенно не евреямъ въ отдѣльности взятымъ, а еврейству вообще, какъ принципу, какъ мировому, государственному и общественному явленію. Все это внѣ спора. Итакъ, космополитизмъ, личная нажива, отсутствіе чести (въ христіанско-европейскомъ смыслѣ), отвращеніе и брезгливость къ христіанству,—все это должно вноситься въ заведеніе чрезъ учащихся евреевъ, и если ихъ много, а тѣмъ болѣе если они образуютъ перевѣсъ, то и все заведеніе получитъ этотъ типъ Намъ приходилось въ свое время указывать, что общество учащихся оказываетъ на воспитаніе, на строеніе личности даже болѣе вліянія, нежели классическіе уроки Правовѣда, лицеиста, университетскаго воспитанника, семинариста вы отличаете, и отличіе дается менѣе курсомъ пройденнымъ; иной университетскій и на лекціяхъ мало бывалъ, но печать университетская остается

Такія частности, указываемыя г. Молчановымъ, какъ практика гимназистовъ за кабацкою стойкою или въ домѣ терпимости, еще не важны, это случайности и притомъ неизбѣжныя вообще при демократизаціи образованія. И русскаго мѣщанина сынъ гимназистъ также, по выходѣ изъ класса, будетъ завертывать мыло въ лавкѣ отца и обманывать покупателя, и также станетъ за стойку, если отецъ кабатчикъ. Но когда предметы христіанскаго чествованія подвергаются оскорбленіямъ, должно отнести на счетъ скопленія евреевъ въ заведеніи. Мы слыхали и о кассахъ ссудъ, быстро учреждаемыхъ въ такихъ заведеніяхъ и сопровождаемыхъ всѣми принадлежностями гешефтмахерства. Что противъ того предпринять?

Было уже въ газетахъ, что въ Харьковскомъ округѣ (кажется и другомъ еще какомъ-то) рѣшено допускать въ учебныя заведенія только извѣстный процентъ евреевъ. Замѣчательный выводъ, къ которому пришла политика по еврейскому вопросу, сама же и устроившая это явленіе, отъ котораго теперь отбивается. Правительство не упускало старанія „привлечь евреевъ

къ образованію". И пишущему эти строки было дано, безъ малаго тридцать лѣтъ назадъ, оффиціальное порученіе, „какъ посредствомъ образованія евреевъ достигнуть ихъ сліянія съ коренными жителями." По изученіи вопроса мы вынуждены были тогда представить возраженія противъ самаго основанія: образованіе евреевъ поведетъ къ нравственному перевѣсу ихъ надъ остальными жителями, а не къ сліянію. Таково было наше мнѣніе, но это мимоходомъ; указываемъ только на то, что предсказаніе сбывается, и теперь не знаютъ, какъ отдѣлаться отъ напора еврейскихъ дѣтей. Установленіе извѣстнаго процента въ сущности есть мѣра несправедливая, хотя въ оборонительномъ смыслѣ неизбѣжная. Несправедливая потому, что никто же не виноватъ, что у евреевъ сильнѣе потребность въ образованіи, нежели у остальнаго населенія, которое внѣ стѣнъ заведенія численностію превосходитъ евреевъ. Если порывъ къ образованію у всѣхъ былъ бы одинаковъ, тогда безопасное процентное отношеніе въ гимназіяхъ установилось бы само собою.

Привлеченіемъ къ образованію надѣялись, какъ сказано выше, слить евреевъ. Надежда не увѣнчалась успѣхомъ, какъ очевидно теперь и какъ можно было предвидѣть заранѣе, по тому уже одному между прочимъ, что еврей, будучи по природѣ и по исторіи космополитомъ, у насъ, въ частности, есть нѣмецъ въ зачаткѣ. Жаргонъ евреевъ есть нѣмецкій языкъ; приподнимая еврея культурой, вы обращаете его въ нѣмца прежде всего Австрійское правительство между прочимъ именно и пользовалось евреями въ этомъ смыслѣ для онѣмеченія Галиціи.

Итакъ, надежду на „сліяніе" посредствомъ образованія отложить указываютъ сами обстоятельства; приходится напротивъ своихъ дѣтей оберегать отъ нравственнаго преодолѣнія еврействомъ. Тогда отдѣлите евреевъ въ образованіи совсѣмъ; устройте спеціально для нихъ или дайте имъ самимъ устроить гимназіи. Въ Новороссійскомъ краѣ это и удобно, по множеству евреевъ. Опасность „развращающаго" вліянія, какъ называетъ его г. Молчановъ, будетъ устранена; наоборотъ, можно тогда съ успѣхомъ дѣйствовать даже на предостереженіе

еврейскаго духа, сосредоточеніемъ нравственнаго надзора въ этихъ гимназіяхъ, именно съ этою спеціальною цѣлію—очищать дѣтей отъ жидовщины, въ которой воспитываетъ ихъ семья и ближайшее общество

Намъ передавали еще проектъ: обязать еврейскихъ дѣтей слушать христіанскіе уроки Закона Божія наравнѣ съ прочими учениками. Насиліемъ совѣсти это не будетъ; могутъ они оставаться при своей еврейской вѣрѣ, но пусть исторически знаютъ христіанство такимъ, какимъ оно есть и какимъ сознаетъ себя. И почему бы не такъ? Фанатики евреи, въ понятіи которыхъ даже внѣшнее знакомство есть грѣхъ, конечно, тогда не отдадутъ своихъ дѣтей въ ненавистное заведеніе. Но болѣе благоразумные согласятся, и изъ дѣтей часть, можетъ быть, въ послѣдствіи и дѣйствительно сольется, даже по вѣрѣ, со своими соотечественниками, а другая часть воздержится, по крайней мѣрѣ, отъ оскорбленій христіанскому чествованію, о которыхъ говоритъ г. Молчановъ; ибо эти оскорбленія проистекаютъ именно отъ невѣжества въ двоякомъ смыслѣ, не только нравственнаго (неуваженіе къ святынѣ, согражданами чтимой) но и умственнаго отъ того, что они извращенно понимаютъ то, надъ чѣмъ кощунствуютъ.

Когда нѣтъ спеціальныхъ еврейскихъ гимназій, обязанность для евреевъ слушать уроки Закона Божія еще имѣла бы видъ нѣкотораго насилія Но всякая тѣнь его исчезаетъ, когда представлялось бы поступать, если угодно, въ такія образовательныя заведенія, гдѣ подобной обязанности не предстоитъ

Въ заключеніе. Намъ передавали что въ одной изъ женскихъ гимназій Новороссійскаго округа, одна изъ матерей, еврейка, нѣсколько лѣтъ назадъ, просила даже допустить свою дочь къ слушанію уроковъ Закона Божія наравнѣ съ христіанскими дѣтьми, именно въ тѣхъ просвѣщенныхъ видахъ, чтобы въ послѣдствіи ея дочь сознательно могла опредѣлить, съ кѣмъ въ духовномъ обращеніи она предпочитаетъ состоять. И начальствомъ гимназіи было отказано. Можно бы усумниться; но въ Россіи все возможно и именно такія-то дикости возможнѣе всего.

Старообрядчество*).

Невзрачную картину старообрядческой іерархіи рисуетъ нашъ корреспондентъ „изъ старообрядческаго міра“. Иначе не должно и быть, и мы думаемъ, чѣмъ болѣе не дадутъ всплывать на свѣтъ внутренней жизни старообрядства, чѣмъ болѣе безопасности и свободы будетъ ей дано, тѣмъ печальнѣе она представится самимъ старообрядцамъ При полной противоположности и сравненіе невозможно: а однородное просится на сличеніе, и вотъ старообрядецъ сравниваетъ своихъ австрійскаго происхожденія іерарховъ съ православными, къ огорченію замѣчая, что даже начитанности нѣтъ въ духовныхъ вождяхъ поповщинской секты, не говоря о подготовкѣ въ видѣ солиднаго образованія. Время свое дѣло дѣлаетъ: неучъ, какъ угодно, и старообрядцу сколько-нибудь понатершемуся въ обществѣ, не можетъ внушить къ себѣ уваженія. А относительная свобода не даетъ мысли сосредоточиться, какъ бывало прежде, на плачѣ о гоненіяхъ, причемъ за ореоломъ мученичества не доглядывалось остальное, теперь выступающее на видъ. Если бы іерейскій чинъ у православныхъ не былъ зараженъ тѣми же недостатками, которыми корреспондентъ коритъ поповъ старовѣрія, то старообрядецъ, сколько-нибудь смышленный, и совсѣмъ бы теперь отвернулся отъ своихъ.

Къ сожалѣнію корреспондентъ умалчиваетъ объ обстоятельствѣ, которое въ данномъ случаѣ имѣетъ большую важность: о проповѣди словомъ и житіемъ, какою питаетъ австрійско-бѣлокриницкая высшая и низшая іерархія свою паству. Есть ли такая проповѣдь? Или пробавляются только точнымъ отправленіемъ обрядовъ, а при случаѣ препирательствами въ пунктахъ догматическаго разногласія между собою и съ православными? Тогда не долго вѣковать расколу: церковная жизнь держится не умствованіями, не словопреніями, которыя только кичатъ и отчасти только раздражаютъ, а преимущественно благочестіемъ,

*) С. И 5 іюня, № 151.

воплощеніемъ извѣстныхъ идеаловъ. Въ старообрядчествѣ они и вообще были на заднемъ планѣ: фарисейскій духъ, поклоненіе буквѣ, формѣ,—всегда преобладали· такова была самая точка отправленія изъ-за внѣшности отклонились Аввакумъ, Лазарь, Никита. Сердце же, жаждущее вѣры, не можетъ успокоиться на внѣшности, и тѣмъ менѣе, чѣмъ развитѣе Боровская баба-молельница отмахаетъ поклоны, отстоитъ „правило“ и полагаетъ себя исполнившею все· но на то она боровская баба. А у кого умъ повыше, чѣмъ у боровской бабы, у того сердце попроситъ чего-нибудь иного, чего-нибудь дальнѣйшаго и болѣе сердечнаго. Вотъ почему въ настоящее время успѣхъ можно пророчить штундизму, пашковщинѣ и тому подобнымъ толкамъ, но не холодному сухому старовѣрію. Сомнѣваемся, способно ли оно пріобрѣтать себѣ и о сю пору новыхъ приверженцевъ Если бы и случилось гдѣ-нибудь отпаденіе въ старую вѣру, то, зажмуривъ глаза, можно сказать безъ ошибки, что то впна не проповѣдниковъ и проповѣдницъ раскола, а православнаго духовенства, не они привлекли къ себѣ, а оно чѣмъ-нибудь отогнало отъ себя· небрежнымъ богослуженіемъ, зазорною жизнію, чрезмѣрною требовательностію денежною Не будь этого и не присоединись къ этому по мѣстамъ рѣдкость церквей, причемъ предстоитъ возможность умирать безъ церковнаго напутствованія, ни единой лишней овцы не пріобрѣло бы старообрядческое стадо. Только поднимись уровень духовенства, начиная съ нравственнаго поведенія и оканчивая внимательностію къ „истовому“ отправленію богослуженія, расколъ будетъ таять, теряя часъ отъ часу своихъ членовъ. А наконецъ еще прекратись тотъ внутренній, неназванный расколъ, который разъѣдаетъ церковь, выражаясь противопоставленіемъ пасущихъ пасомымъ, этимъ внесеніемъ латинскаго принципа „церкви представительной“, тогда расколъ старообрядства совсѣмъ исчезнетъ Ибо, по правдѣ сказать, что еще даетъ ему силу теперь, то формальная вѣрность внутренняго его устройства церковному преданію. Двоеперстіе, крестъ осьмиконечный и всѣ дониконовскіе обряды и чтенія, съ которыми носятся доселѣ обличители раскола, въ

сущности у старообрядца отошли уже на второй планъ. Часть увлеченій дониконовскими книгами сознана въ своемъ преувеличеніи самими старообрядцами, церковь, со своей стороны, тоже смягчила прежнюю исключительность, благословивъ старые обряды. Но остается пунктъ, и онъ уже не къ никоновскимъ временамъ относится, на которомъ примиреніе тѣмъ менѣе возможно, чѣмъ менѣе основаній можетъ представить за себя порядокъ господствующей церкви. ея теперешнее іерархическое устройство, съ существующею редакціею архіерейской присяги въ добавокъ. Словомъ, не столько Никонъ, сколько Петръ служитъ теперь препятствіемъ къ примиренію, и по истинѣ достойно скорби, что не усматриваютъ глубочайшей причины раскола внѣшняго тѣ, отъ кого бы зависѣло прекращеніемъ внутренняго раскола и возстановленіемъ каноническаго церковнаго устройства отнять у старообрядцевъ послѣднее оружіе, которымъ они могутъ и не безъ внутренней силы отбиваться отъ церкви.

Учительство, какъ обязанность пастырскаго служенія *).

По поводу состоявшагося „Положенія о церковно-приходскихъ школахъ“ газета „Русь“ въ послѣднемъ нумерѣ задаетъ вопросъ, котораго сущность можетъ быть вкратцѣ передана такъ: не долженъ ли прежде всего самый храмъ быть школою? Раздѣленіе „священника“ отъ „законоучителя“ имѣетъ ли смыслъ? Въ понятіи о пастырствѣ уже не заключается ли законоучительства?

Церковно-приходская каѳедра не нужнѣе ли церковно-приходской школы?

Отвлеченно взятый, вопросъ этотъ вполнѣ основателенъ, а отсюда основателенъ и выводъ, что прежде чѣмъ заботиться о церковно-приходскихъ школахъ, стоитъ позаботиться, чтобы само пастырство соотвѣтствовало своему призванію законоучи-

*) С. И. 7 іюля, № 183

тельства, перестало смотрѣть на свое званіе какъ на профессію, тогда какъ должно смотрѣть какъ на миссію

Но вѣрно и основательно все это, пока разсуждаемъ отвлеченно. Съ своей стороны лично мы пройдемъ даже далѣе: почему школы, въ тѣсномъ своемъ смыслѣ элементарнаго училища, не могли бы быть учреждаемы прямо въ церкви, а не при церкви? Въ храмахъ бываетъ, согласно первобытному устройству, „трапеза“, и въ трапезѣ или въ трапезной церкви дѣйствительно совершаютъ трапезу монашествующіе даже ежедневно Если кушать и даже выпивать въ церкви не предосудительно, даже почтенно по преданіямъ, не тѣмъ ли почтеннѣе въ церкви учиться, вмѣсто столовъ съ блюдами и графинами устроять столы съ книгами и тетрадями?

Все это такъ въ идеѣ, дѣйствительность же далеко отъ нея отошла, такъ далеко, что если бы поставить столы съ учебными книгами въ церкви, то можно ли быть увѣреннымъ, что не соблазнится тотъ же самый православный народъ, который жаждетъ православной грамотности на основаніяхъ церковныхъ? Линейки и карандаши не покажутся ли ему глумленіемъ, хотя онъ не находитъ предосудительнымъ, когда видитъ въ церкви блины и графины съ водкой?

Возьмемъ ближе. Учительство есть непремѣнная обязанность пастырскаго служенія; мало того,—оно есть первая обязанность, за которою уже слѣдуютъ другія, служащія ей только послѣдствіемъ; самому таинству крещенія предшествуетъ оглашеніе, то есть наставленіе въ законѣ Божіемъ, катихизація. И однако эти обязанности опять такъ разлучились, что священнодѣйствіе отправляется помимо катихизаторства; безъ катихизаціи находитъ возможность обходиться не только духовенство, но опять народъ на половину будетъ недоволенъ катихизаторскою проповѣдью пастырей и даже почтетъ притѣсненіемъ, когда бы іерей, напримѣръ, не допустилъ кого бы нибудь до таинства за незнаніе символа вѣры. Какъ предъ крещеніемъ за малолѣтняго символъ вѣры читается дьячкомъ (даже не воспріемникомъ), такъ и на „правилѣ“ передъ исповѣдью, бормочетъ

исповѣданіе вѣры тотъ же дьячекъ, и лишь предъ причастіемъ непосредственно, и то подъ диктовку священника, произноситъ вѣрующій самолично. „вѣрую, Господи, и исповѣдую“ и проч.

Здѣсь и скрывается узелъ вопроса Священникъ признаетъ себя исполнителемъ требъ, только; но и народъ не иначе смотритъ на него. Со времени духовной школы правительство пыталось поворотить духовенство на другую дорогу. Подъ вліяніемъ лютеранскаго богословія, оно и внушало, что окончательною цѣлью всего процесса духовной школы есть приготовленіе „проповѣдниковъ слова Божія“. Къ этой цѣли былъ направленъ весь курсъ; „проповѣдь“—главное условіе на полученіе священства, литургіи въ старыхъ школахъ даже совсѣмъ не преподавалось; довольствовались тѣмъ, что по возведеніи въ священный санъ отправляли ставленника къ кому-нибудь на выучку механизму богослуженія. Но какіе же плоды двухсотлѣтнихъ условій. Правилась проповѣдь? Утвердилась церковно-приходская каѳедра? Оставляемъ полную силу за возраженіемъ, что проповѣдничество, которому учили, было схоластическое, формальное; что проповѣдь стѣснена была цензурою (и продолжаетъ быть стѣсненною). Однако не должна ли была бы всетаки прижиться проповѣдь, когда дѣйствительно ея требовалъ народъ? Нѣтъ, народъ не призналъ и до сихъ поръ не признаетъ проповѣди неотъемлемою принадлежностью богослуженія, равно и духовенство. Кто здѣсь идетъ впереди, это безразлично, но таковъ фактъ. Чѣмъ можно его переломить, и даже должно ли переламывать, это вопросъ, котораго рѣшать не беремся.

Да, трудно отвѣтить, нужно ли переламывать неохоту духовенства проповѣдничествовать и неохоту народа слушать проповѣдь; по меньшей мѣрѣ, не безполезно ли это? Центромъ религіознаго культа для русскаго народа служитъ не іерей, а храмъ съ богослуженіемъ; священника безсознательно представляетъ народъ не настоятелемъ церкви, а принадлежностью храма, чуть-чуть не наравнѣ съ вещественными принадлежностями, и нѣкоторыя изъ вещественныхъ принадлежностей, служащихъ къ обстановкѣ таинства, притомъ считаетъ даже выше

самого совершителя таинствъ Если угодно, такова даже отличительная черта русскаго воззрѣнія, условленная обстоятельствами, при которыхъ принято христіанство. Этою исходною точкою объясняется многое, скажемъ болѣе—объясняется все Зададимъ напримѣръ вопросъ себѣ куда охотнѣе пойдетъ православный народъ, къ священнику ли проповѣднику, или къ священнику, который отчетливо совершаетъ службу и у котораго отчетливо вычитывается установленный текстъ богослуженія; (предполагая, что эти два достоинства раздѣлены)? Лично мы не затруднимся отвѣтить: народъ предпочтетъ истоваго отправителя службъ краснорѣчивому проповѣднику

Какіе отсюда вытекаютъ практическіе выводы, это вопросъ опять новый, котораго не будемъ разбирать Удовольствуемся замѣчаніемъ, что если перевоспитывать духовенство, то надобно начинать совсѣмъ съ противоположнаго конца, нежели сдѣлано Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и его послѣдователями: приготовлять не praedicatorem Verbi Divini главнымъ образомъ, то есть не проповѣдника, а священнослужителя, то есть отправителя требъ, и отсюда, какъ изъ зерна, уже ростить остальное. Начать хоть съ того, чтобы умѣли читать въ церкви. Вѣдь и этого нѣтъ; этого-то и нѣтъ именно, а именно-то этого прежде всего и требуетъ народъ, и даже не безсознательно. Составъ нашего богослуженія представляетъ такую полную, точную и краснорѣчивую катихизацію, что личное велерѣчіе пастыря можетъ предъ нею смолкать безъ ущерба вѣрѣ и благочестію. Съ этимъ отчасти согласна и газета „Русь“

По поводу избіенія евреевъ въ Нижнемъ-Новгородѣ *).

Тяжелое впечатлѣніе производитъ корреспонденція изъ Казани о впечатлѣніи, которое тамъ произведено нижегородскимъ избіеніемъ евреевъ И опять скажешь. именно отъ самихъ евреевъ, отъ лучшихъ изъ нихъ зависитъ предупреждать несчастія

*) С И. 9 іюля, № 185

и даже примирить народъ со своими соплеменниками. Если справедливо сообщаемое корреспондентомъ, что евреи внесли мошенничество въ отрасли торговли, въ которыхъ мошенничества прежде не замѣчалось; если вѣрно, что евреи способствуютъ кражамъ и ссудныя кассы ихъ суть только оформленныя мѣста краденныхъ вещей, негодованіе понятно. И отъ кого же зависитъ, чтобы оно умолкло? Мы знаемъ отвѣтъ скорый: „такъ прогнать ихъ“. Но это не есть рѣшеніе вопроса Въ свою очередь, частное преслѣдованіе закона противъ систематическихъ мошенничествъ, въ родѣ описанныхъ, безсильно. Одинъ попадется, десятеро останутся, и наконецъ еврейская изворотливость не отыщетъ ли тысячи средствъ обойти законъ? И такъ, нужно средство, которое бы дѣйствовало помимо закона· гдѣ же оно? Народъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ грубымъ, звѣрскимъ способомъ. Мало того, что онъ отвратителенъ, но онъ и безполезенъ. Поэтому и требовалось бы именно содѣйствіе закону и честнымъ гражданамъ отъ самихъ евреевъ. Существуетъ ли кагалъ или нѣтъ, объ этомъ спорятъ Но несомнѣнно, что во многихъ случаяхъ евреи стоятъ за одно, образуя стачку, оформленную или нѣтъ неизвѣстнымъ кагальнымъ постановленіемъ, все равно. Такъ пускай образуется кагалъ, составится стачка не для эксплоатаціи христіанъ, а противъ единовѣрцевъ, мошенничающихъ и принимающихъ краденое. Пускай образуется круговая порука; пускай лучшіе и вліятельнѣйшіе изъ евреевъ принимаютъ на свою отвѣтственность поведеніе еврея, поселяющагося внѣ законной черты. Пускай образуютъ они изъ себя полицію надъ своими и въ случаѣ извѣстной имъ неблагонамѣренности сами попросятъ убираться единовѣрца, позорящаго еврейское имя.

Почему бы это было невозможно? Отвѣтомъ: „нельзя ручаться за всякаго“ обличится только неосновательность жалобъ на придирки, якобы несправедливыя, къ евреямъ, на обвиненія, якобы неосновательныя, въ эксплоататорствѣ, мошенничествахъ, лжесвидѣтельствахъ, уклоненіяхъ отъ воинской повинности и проч. Если всѣ обвиненія только напраслины, то

отчего не принять ручательства? Но дѣло уже не въ томъ, а въ томъ, чтобы не давать разгораться народному негодованію. А этого можно достигнуть единственно при томъ условіи, когда только безукоризненной честности евреи будутъ допускаемы въ новыя мѣста Можетъ быть не болѣе одного поколѣнія оказалось бы достаточнымъ, чтобы предубѣжденіе, теперь слишкомъ часто оправданное, разсѣялось. А достигнуть этого, чтобы вмѣстѣ съ зернами не попадала и кострика, кто же въ состояніи, какъ не сами евреи? Не на нихъ ли самихъ обязанность этому помочь?

О призваніи духовенства*)

Цѣлыя почти двѣсти лѣтъ церковная власть объ руку съ государственною усиливалась воспитать изъ духовенства „проповѣдниковъ Слова Божія", но тщетно; и не по винѣ одного духовенства, а по упорству народа, которое въ свою очередь объясняется не однимъ невѣжествомъ. Такова была мысль, высказанная нами по поводу замѣчаній газеты „Русь" на новое „Положеніе о церковно-приходскихъ училищахъ". Народъ, сказали мы, требуетъ отъ духовнаго лица, чтобъ оно было священнослужителемъ, онъ признаетъ іерея не настоятелемъ, а принадлежностью храма. Вся русская церковная исторія получаетъ особое освѣщеніе отъ этого бытового воззрѣнія, движеніе сектъ идетъ отсюда же. Обѣ ихъ половины, не смотря на догматическую противоположность, старообрядство съ одной стороны, молоканство, затѣмъ духоборчество и теперешній штундизмъ съ другой, отправляются изъ одной точки—недовольства совершеніемъ богослуженія. Старообрядство потребовало поклоненія буквѣ, духоборство вознегодовало, что буквою закрытъ духъ. Но не въ томъ дѣло, дѣло въ роковомъ недоразумѣніи, которое продолжаетъ висѣть надъ духовенствомъ и его призваніемъ.

*) С И 11 іюля, № 187

чѣмъ же оно должно быть, когда быть проповѣдникомъ не удается? Развѣ уже не directeur ли de conscience католическимъ?

Оно должно быть изнанкою полиціи, отвѣчаетъ большинство изъ духовенства, впрочемъ само не догадываясь, что именно такъ оно себя опредѣляетъ, когда требуетъ преслѣдованія иновѣрцевъ, мечтаетъ о казенномъ жалованьѣ и стремительно ищетъ наградъ отъ скуфьи до ордена включительно.

Нѣтъ, священникъ долженъ быть провозвѣстникомъ и дѣятелемъ цивилизаціи; его обязанность въ отношеніи народа таже, что обязанность самого народа по отношенію къ племенамъ Средней Азіи. Высказывается и такое мнѣніе, и разсуждая о замѣчаніи газеты „Русь“, мы вспомнили, что недавно печать познакомила даже съ обращикомъ подобнаго воззванія къ цивилизаторской миссіи духовенства. Воззвалъ ректоръ здѣшней семинаріи, о. Благоразумовъ. Обратившись съ напутственнымъ словомъ къ оканчивавшимъ курсъ богословамъ, онъ увѣщевалъ ихъ внушать крестьянамъ раціональные способы хозяйства, поучать о значеніи искусственнаго удобренія, искоренять предразсудокъ, по которому темный народъ слишкомъ много возлагаетъ на милость Божію и невѣжественно пріурочиваетъ періоды сельскохозяйственнаго года къ церковнымъ праздникамъ и къ памяти святыхъ, чествуемыхъ въ извѣстные дни.

Это напутствіе, произнесенное нынѣшнимъ лѣтомъ, мы читали, а въ прошлый годъ подобнымъ же напутствіемъ обращалъ о. ректоръ священниковъ во врачей (ужъ не въ акушеровъ ли кстати? мы не имѣли случая прочесть).

Мы не думаемъ осуждать о. ректора; но здѣсь сказывается то роковое и вѣковое недоразумѣніе, которое помимо явнаго раскола, разъѣдаетъ церковь еще расколомъ тайнымъ, обѣими сторонами несознаваемымъ, тѣмъ не менѣе дѣйствительнымъ.

Ничего нѣтъ худого, если священникъ и изложитъ своему прихожанину теорію Либиха, а когда понадобится приставить горчицу подъ ложечку больному. Но какъ? Всѣ пастырскія

обязанности уже исчерпаны, такъ что можно обратиться къ прихожанину и съ медицинскими и съ сельскохозяйственными совѣтами? Прихожанинъ твердо знаетъ символъ вѣры, имѣетъ познаніе о силѣ таинствъ, осмысленно молится при богослуженіи, не ходитъ въ кабакъ, не ругается при каждомъ словѣ, не кулачествуетъ, не колотитъ жену безъ толку? Мы желаемъ видѣть эти приходы, гдѣ прихожане, совершенные христіане, нуждаются уже только въ обученіи улучшеннымъ сельско-хозяйственнымъ пріемамъ.

Мы полагаемъ, что бо́льшая часть слышавшихъ напутствіе о. ректора остережется слишкомъ усердно примѣнять къ дѣлу его наставленія. Если же не остережется отъ этого пастырь, онъ будетъ осмѣянъ, и еще глубже развернется пропасть между имъ и пасомыми, которые ожидаютъ отъ него бесѣдъ не объ удобреніи и сохѣ, а о душѣ.

Доброе дѣло, когда бы священникъ примѣромъ собственнаго хозяйства наглядно убѣдилъ прихожанъ, въ пользѣ улучшеннаго земледѣлія и когда бы прихожане, пораженные очевидностью, *сами* попросили руководства. Но опять наставленіе, которое дастъ имъ въ отвѣтъ на это священникъ, будетъ услугою добраго согражданина, а не исполненіемъ обязанности пастыря.

Мы на мѣстѣ о. ректора напротивъ обращались бы, при каждомъ выпускѣ воспитанниковъ, съ такимъ приблизительно словомъ:

„Старайтесь, гг., главнымъ образомъ чинно и нелѣпостно отправлять богослуженіе. Выучитесь прежде всего читать, господа, чтобы каждое слово доходило до сердца и ума слушающихъ. Да, читать; читать изъ васъ, гг., никто не умѣетъ; вы изучили богословіе, знаете патрологію, а читать не выучились, тогда какъ это—главное и первоначальное.

Старайтесь, затѣмъ, быть одинаково благоговѣйными, въ служеніи или въ частной жизни, чтобы истребилось обидное мнѣніе: „въ ризахъ попу—почтеніе, а безъ ризъ можно съ нимъ за панибрата“. Нѣтъ, нужно, чтобы во всякомъ положени

видѣли въ васъ сосудъ избранный. Пользуйтесь исповѣдью не упускайте этого случая, почти единственнаго, когда вы прикасаетесь къ душѣ пасомаго, и употребляйте усилія, чтобы исправить жизнь пасомыхъ: внимательное исполненіе этой обязанности способно возродить весь приходъ менѣе нежели въ одно поколѣніе, и вы увидите плоды вашей дѣятельности, не только духовные, но вещественные; васъ не оставятъ, васъ поддержатъ, для васъ все охотно сдѣлаютъ. Не мало примѣровъ, это доказывающихъ.

„Остерегайтесь навязываться съ совѣтами, прямо къ духовной обязанности не относящимися, особенно—учить по хозяйству, чтобы не быть Донкихотами; притомъ сельско-хозяйственная наука не такъ безусловна, чтобы съ предписаніями агрономіи выступать какъ съ словомъ Божіимъ. Достаточно, если вы будете внушать имъ необходимость труда и здѣсь указывать имъ, что невнимательность ихъ къ своему дѣлу влечетъ для нихъ даже матеріальные ущербы; разъ вспаханная земля даетъ менѣе, нежели сдвоенная. Но вамъ нѣтъ, во всякомъ случаѣ, надобности при этомъ пускаться въ химическія объясненія

„Касайтесь осторожно вѣковыхъ предразсудковъ, когда они не заключаютъ языческихъ и еретическихъ мнѣній Иногда въ нихъ кроется народная мудрость. Вы будете жалки, когда на просьбы о молебствіи во время засухи, будете толковать о значеніи лѣсовъ и вліяніи электричества. Народъ почтетъ васъ измѣнниками и предъ Богомъ и предъ своимъ званіемъ. Тѣми же молебствіями, тѣмъ же бездождіемъ и тѣми же свѣдѣніями о значеніи лѣсовъ и объ электричествѣ, вы можете воспользоваться, но поставивъ опять вопросъ на христіанско-нравственную точку, указавъ на жадность, съ какою поспѣшили срубить лѣсъ, да еще пропить его, на небрежность о древесныхъ произрастеніяхъ вообще Похвалите обычай называть хлѣбъ „даромъ Божіимъ“ и осторожность, съ какою не позволяютъ бросать хлѣбъ на полъ. Но воспользуйтесь этимъ для поясненія, что лѣсное произрастеніе есть тѣмъ болѣе даръ Божій, и небрежность къ нему тѣмъ болѣе грѣшна“.

Но мы не намѣрены вступать въ соперничество съ о. ректоромъ семинаріи. Каждому свое. Мы только хотѣли подтвердить мысль, нами утверждаемую, о недоразумѣніи, которое существуетъ, шатаясь въ понятіяхъ о ближайшемъ призваніи духовенства, цѣлыя двѣсти лѣтъ. Напутствіе о. Благоразумова, казалось намъ, служитъ лучшей иллюстраціей того, куда можно забрести въ этомъ историческомъ недоумѣніи, двѣсти лѣтъ продолжающемъ расколъ и явный и тайный.

О призваніи духовенства *)

Если читанное нами напутствіе направлено противъ тѣхъ, которые возлагаютъ на церковныхъ пастырей цивилизаторскую миссію, то намѣреніе выразилось во всякомъ случаѣ не ясно, такъ не ясно, что мы не нашли ни одной оговорки во всей рѣчи. Можетъ-быть въ предшествующихъ рѣчахъ мысль высказана была яснѣе, но мы ихъ—просимъ извинить — не читали

Если достопочтенный о ректоръ находитъ лучшихъ новѣйшихъ свѣтскихъ писателей и публицистовъ, которые возлагаютъ на пастыря цивилизаторскую миссію (мы таковыхъ не знаемъ, или совсѣмъ мало знаемъ и во всякомъ случаѣ не причисляемъ къ лучшимъ писателямъ), то совѣты ихъ могутъ быть принимаемы не въ иномъ смыслѣ, какъ въ томъ, что они въ существѣ совсѣмъ отвергаютъ священство, и съ бытіемъ его только мирятся подъ однимъ условіемъ, чтобы оно было не тѣмъ, чѣмъ должно быть по своей идеѣ, напротивъ, отвернется отъ самаго себя въ другую сторону:

„Духовенство есть сословіе безполезное, непроизводительное; оно выкупитъ вину своего незаконнаго бытія, если только будетъ просвѣтителемъ народа, принимая просвѣщеніе въ смыслѣ матеріальнаго прогресса“: вотъ вѣдь собственно что проповѣдуется соотвѣтственно яко бы духу и потребностямъ вре-

*) С И 17 іюля, № 193

мени. Это есть проповѣдь безвѣрія и вмѣстѣ походъ противъ самого духовенства; сдаваясь ей, духовенство только подпишетъ приговоръ противъ себя, наложитъ на себя руку.

Съ этой-то стороны напутственное слово о. ректора грѣшитъ неосторожностью; оно становится на предательскую почву.

О. Благоразумовъ только одинъ изъ весьма многихъ, которые, сами о томъ не догадываясь, рвутъ знамя подъ которымъ стоятъ А это опять отъ рокового недоразумѣнія, которое внесено еще выходцами кіевскихъ школъ двѣсти лѣтъ назадъ и затѣмъ укрѣплено и продолжено всею исторіею Петровской Россіи Въ одной изъ прежнихъ статей мы упомянули не даромъ о Симеонѣ Полоцкомъ. Уже въ его „Жезлѣ Правленія“ усматривается зародышъ тѣхъ іереевъ, которые, по остроумному чьему-то выраженію, стараются носить рясу такъ, чтобы она походила на фракъ. „Невѣжи вы, невѣдающіе грамматики и непонимающіе діалектики“! Вотъ съ какимъ словомъ обратился первый защитникъ книжнаго исправленія къ расколоучителямъ. Этимъ было все сказано, церковная апологетика и полемика сразу сошла съ подобавшей ей нравственно-христіанской точки, ухватившись за идеалъ внѣшняго, мірского просвѣщенія; и отсюда расколъ окрѣпъ и распространился, невѣжественный сначала, правда, но выставившій знамя не грамматики и діалектики, а церковнаго преданія, почтенія къ памяти святыхъ, любви, связующей грядущее съ минувшимъ въ церкви. Здѣсь не мѣсто входить въ исторію раскола, но о. Благоразумовъ не менѣе другого знаетъ, что „невѣжество“, это есть первая квалификація, которую даютъ старообрядству даже до сего времени. Да развѣ въ этомъ вопросъ?

Но принципъ уже былъ поставленъ. Завелись затѣмъ школы; наступила реформа Петра; мірское просвѣщеніе стало верховнымъ идеаломъ съ одной стороны, съ другой государство объявилось преобладающею силою не только надъ имуществомъ и жизнію подданныхъ, но и надъ ихъ совѣстью. Духовенство было совсѣмъ сбито съ колеи, и даже мало надежды доселѣ, чтобы самосознаніе скоро воротилось къ нему вполнѣ. Развитѣй-

шіе изъ духовенства стали стыдиться своего званія, точь въ точь, какъ вся интеллигенція, стала стыдиться своей національности Отвѣтъ митрополита Платона на вопросъ Екатерины, зачѣмъ онъ пошелъ въ монахи, характеренъ въ этомъ отношеніи —„Для того, чтобы заниматься удобнѣе науками". Этими словами отвергнута идея монашества, аскетизмъ объявленъ предразсудкомъ; монашество есть только мундиръ, надѣваемый не для исполненія извѣстныхъ трехъ обѣтовъ, а для другой цѣли То самое подразумѣвается и въ цивилизаторской миссіи, накладываемой на духовенство; „не смущайтесь тѣмъ, что мы существуемъ, за то мы научимъ мужика обходиться лучше съ землею и будемъ полезны ему въ гигіенѣ" —Берегитесь становиться на эту почву!

По поводу предположеній о введеніи уроковъ пчеловодства въ духовныхъ семинаріяхъ *).

По свѣдѣніямъ „Новаго Времени", въ духовныхъ семинаріяхъ предполагается ввести „уроки пчеловодства". Справедливо ли это и нужно ли это?

Изъ всѣхъ хозяйственныхъ занятій пчеловодство (вмѣстѣ съ садоводствомъ) есть самое приличное и самое подручное для духовнаго лица· не требуется утомительнаго физическаго труда, не нужно найма рабочихъ, занятіе чистое, можно сказать—изящное и вмѣстѣ гуманное. Да, гуманное, заботливость о „Божіей мушкѣ" отчасти требуетъ добраго сердца, отчасти свидѣтельствуетъ о немъ; народное преданіе и говоритъ, что за пчелами могутъ ходить только „чистые люди", цѣломудренные, трезвые. Внимательность къ пчелиному быту способна смягчать сердца, нравственно воспитывать. Самый плодъ пчелиной работы имѣетъ ближайшее отношеніе къ церковнымъ потребамъ; не только воскъ для свѣчей, но даже медъ для кутьи

*) С И 21 іюля, № 197

Таково основаніе желать, чтобы пчеловодство среди духовенства было распространено въ этомъ сословіи сравнительно сильнѣе, нежели въ другихъ. И за границей пчеловоды принадлежатъ духовному званію преимущественно Знаменитые Джерзонъ и Долинскій,—отцы новѣйшаго пчеловодства—католическіе ксендзы.

Вотъ что можно сказать въ пользу подготовленія семинаристовъ къ пчеловодству

Но для этого нужно ли вводить уроки пчеловодства въ семинарскій курсъ? Вотъ чего никоимъ образомъ нельзя одобрить. Вѣдь памятно намъ введеніе уроковъ сельскаго хозяйства и медицины въ семинарскій курсъ. Вѣдь извѣстно же, что это было напраснымъ похищеніемъ времени у учениковъ; что ни тому ни другому серьезно не учились и не учили, что серіозная наука по этимъ предметамъ даже невозможна; что верхи сельско-хозяйственныхъ и медицинскихъ знаній, предложенные въ теорическихъ урокахъ по тетрадкамъ есть жалкое полузнаніе, практически безполезное А время воспитанника между тѣмъ отнимается, вниманіе разсѣивается.

Мечта объ урокахъ пчеловодства въ семинаріяхъ доказываетъ, что до сихъ поръ все еще не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ томъ: чѣмъ должны быть духовныя училища вообще?

„Они должны служить подготовленіемъ желающихъ посвятить себя пастырскому служенію“.—Вѣрно.

„Но для того, чтобы обладать спеціальными знаніями, необходимыми для пастыря, должно спеціальному образованію предшествовать общее“.—Вѣрно и это; но отсюда не слѣдуетъ, чтобы общее образованіе, предшествующее спеціально-богословскому, образовало особый рядъ училищъ. Какой же смыслъ въ первыхъ классахъ семинаріи и въ такъ называемыхъ духовныхъ училищахъ?

Смыслъ есть,—тотъ, что духовно-учебныя заведенія суть заведенія не только приготовительныя къ священству, но и образовательныя для дѣтей духовенства, безъ отношеніи къ ихъ будущей карьерѣ. Это заведенія благотворительныя, которыхъ

цѣль: дать духовенству возможность воспитывать своихъ дѣтей, облегчивъ, хотите—между прочимъ, хотите—преимущественно, приготовленіе тѣхъ же дѣтей и спеціально къ духовному званію. Двѣ цѣли смѣшаны, и смѣшались онѣ по той причинѣ, что изъ всѣхъ сословій, по части образованія, духовенство оказалось самымъ передовымъ. оно одно издавна, вотъ уже болѣе ста лѣтъ, ввело у себя общеобязательное образованіе: „хочешь не хочешь, а иди и учись, или ступай въ солдаты, записывайся въ мѣщане“. Таково было постановленіе, и съ тѣмъ вмѣстѣ каждая епархія заводила у себя семинаріи Ни одно изъ сословій, ни даже дворянство не поступало такъ дружно и рѣшительно. Тѣмъ временемъ лѣниво заводились общеобразовательныя заведенія для остальныхъ сословій, епархіи, давно обладавшія семинаріею, часто не имѣли гимназій. Когда завелись гимназіи повсюду, семинарская школа успѣла уже вырости въ самостоятельный, прочный организмъ, въ цѣльное учрежденіе, съ своимъ особеннымъ складомъ и особенными преданіями. А подъ вліяніемъ этой особенности образованія и само духовенство обратилось въ касту. Несоотвѣтствіе гимназическаго курса семинарскому; сравнительная рѣдкость гимназій; недостаточное обезпеченіе духовенства сравнительно съ административной карьерой: все это представило слишкомъ достаточную помѣху тому, чтобы изъ общихъ заведеній тянулись къ спеціально-духовному образованію въ спеціально-духовныхъ училищахъ. Наоборотъ, изъ семинарій валилъ народъ въ факультеты, а наиболѣе состоятельные изъ духовенства отдавали дѣтей даже прямо въ гимназіи За то семинаріи оставались крѣпкимъ сословнымъ органомъ, и иначе не могло быть

Не могло быть; но должно ли быть? Кастичность духовенства здоровое ли явленіе? Не послужила ли она къ отдаленію народа отъ духовенства и обратно? Не смѣшалось ли въ духовенствѣ понятіе о призваніи съ понятіемъ о карьерѣ?

Существеннѣйшая настоятельнѣйшая надобность указываетъ отдѣлить эти двѣ задачи,—задачу спеціальнаго образованія и задачу сословнаго благотворенія. Задача еще указывалась

двадцать лѣтъ назадъ, при предстоявшемъ (послѣднемъ) преобразованіи духовныхъ училищъ; и сознана она была тогда, но выполнена криво и нерѣшительно. Теперь приступаютъ къ исправленію недостатковъ кривой реформы, и нельзя не посовѣтовать, чтобы настоящіе преобразователи обратились хотя бы къ проекту меньшинства, который былъ представленъ во время оно Филаретомъ (Кіевскимъ, тогда ректоромъ, а послѣ Рижскимъ епископомъ) и здравствующимъ Михаиломъ (нынѣ Курскимъ преосвященнымъ)· за этотъ проектъ стоялъ, сколько извѣстно и высокопреосвященный Димитрій, въ прошломъ году скончавшійся Этотъ проектъ во всякомъ случаѣ былъ цѣлесообразнѣе каши, которая явилась въ видѣ новаго устава духовно-учебныхъ заведеній

Мы ведемъ рѣчь къ тому, что пчеловодство, уроки котораго для будущаго служителя церкви несомнѣнно полезны, не можетъ быть включаемо ни въ спеціально-богословское образованіе, что само собою очевидно, ни даже въ курсъ общаго образованія, что также очевидно: ибо для чего пчеловодство тому, кто изъ духовно-учебнаго заведенія поступитъ на юридическій факультетъ или въ военное училище? Что прибавлено будетъ естественною исторіею пчелъ къ умственной зрѣлости, которая есть единственная цѣль общаго образованія? Наука пчеловодства падаетъ въ кругъ тѣхъ практическихъ знаній, которыя полезны служителю церкви не ради его спеціальнаго призванія при храмѣ и приходѣ, не ради умственнаго развитія, а въ виду его соціальнаго положенія, какъ подспорье къ безбѣдности существованія. Это таже благотворительная задача, что и общаго образованія, доставляемаго левиту, притомъ еще съ педагогіею въ существѣ связи неимѣющая. Не полезно ли еще учить левитовъ искусству иконописанія?—Безспорно, но не вводить же его въ курсы общаго ли, спеціальнаго ли образованія, гдѣ оно будетъ только помѣхою. Найдутся и еще знанія, подходящія служителю церкви и способныя къ „улучшенію его быта“, употребляя это опошлившееся выраженіе, но курсъ-то образовательный не долженъ быть ими засоряемъ Обученіе

имъ можетъ совершаться при курсахъ, но не на курсахъ; иное можетъ быть организовано при всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, другое при нѣкоторыхъ только

Однимъ словомъ, въ виду двойной задачи духовнаго образованія, специально богословской и сословно-благотворительной, не только должны быть раздѣлены на двое учебныя заведенія, но тѣ изъ нихъ, которыя назначены для сословно—благотворительной цѣли, должны бы быть еще подраздѣлены: часть ихъ можетъ быть назначена на подготовку дѣтей и юношей духовнаго званія къ практическимъ профессіямъ, ближайшимъ къ духовному званію и даже возможнымъ къ соединенію съ нимъ. Не наше дѣло, разумѣется, составлять подобный проэктъ; но гдѣ только есть при школѣ садъ, могутъ быть поставлены пара,—другая ульевъ, и въ лѣтніе дни можетъ быть показанъ любопытствующимъ уходъ за пчелами и изложена естественная исторія этого насѣкомаго Премудрость не велика, но нужна любовь, и нужно ея дожидаться и ее вызывать Можетъ быть рекомендовано монастырямъ заведеніе образцовыхъ пасѣкъ съ принятіемъ учениковъ изъ тѣхъ дѣтей духовнаго званія, которымъ общеобразовательный научный курсъ не подъ силу. Да мало ли что возможно. Возможенъ не одинъ десятокъ пасѣкъ и не одинъ десятокъ фермъ, даже земледѣльческихъ, на земляхъ духовенства,—такихъ пасѣкъ и такихъ фермъ, которыя бы, распространяя практическія свѣдѣнія, доставляли вмѣстѣ и доходъ. Возможно въ союзѣ съ Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ и при пособіи синодскихъ капиталовъ, поставить пчеловодство (да и сельское хозяйство) на самую высокую степень въ духовенствѣ, не внося ни науки о пчелахъ, ни науки о сельскомъ хозяйствѣ въ училищный курсъ и не путая разныхъ задачъ.

Пчеловодство — наука нехитрая и даже вовсе не наука. Каждый священникъ, дьяконъ, дьячекъ, каждый народный учитель можетъ быть искуснымъ пчеловодомъ: лишь бы была охота. Распространите только среди нихъ книжки о толковомъ пчеловодствѣ, облегчите желающимъ пріобрѣтеніе пчелиныхъ

семействъ и улучшенныхъ орудій пчеловодства; разрѣшите и даже поощрите пчеловодные епархіальные съѣзды. Епархіальные съѣзды не замедлятъ стать пчеловодными центрами вообще для губерніи; духовенство станетъ тогда во главѣ этой отрасли, возьметъ ее въ руки. Совершится это само собою, безъ расширенія семинарской программы, не съ того конца нужно начать.

Ранніе священники*).

„Ранніе священники“ заведены первоначально съ тѣмъ, чтобы въ приходскихъ церквахъ возможно было отправлять въ одинъ день двѣ обѣдни: кромѣ поздней, начинающейся въ часъ, назначаемый общимъ уставомъ, еще раннюю, неизбѣжную по образу жизни прихожанъ, изъ которыхъ многимъ дѣла не позволяютъ посѣщать храма въ часы поздней обѣдни. Для раннихъ обѣденъ нанимались (и теперь нанимаются) нѣкоторые свободные отъ службы іеромонахи городскихъ монастырей. Это наемъ временный, на опредѣленный день, храмовой праздникъ, напримѣръ, или другой праздникъ, когда двѣ обѣдни въ приходѣ неизбѣжны между прочимъ и потому, что иначе стѣснялся бы храмъ.

Но временное обратилось въ постоянное; нашли возможнымъ священниковъ не только приманимать для опредѣленныхъ дней, но подряжать на цѣлый годъ, на цѣлую жизнь, если угодно, и притомъ вознаграждать ихъ годичнымъ жалованьемъ, а не платою за каждое служеніе, какъ вознаграждаютъ іеромонаховъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ обязанность ранняго священника перестала соотвѣтствовать его наименованію: онъ обратился въ настоятельскаго викарія, вообще чернорабочаго, который обязанъ исполнять за настоятеля все, что ему прикажутъ, не раннюю обѣдню только служить, но и всенощную и вечерню и утреню, и исповѣдывать по приходу. „Ранній“ становится

*) С И 23 іюля, № 199.

членомъ причта, но поставленнымъ на особыхъ условіяхъ. исполняй, что прикажутъ, но ни въ совѣтѣ о храмовыхъ и приходскихъ дѣлахъ, ни въ доходахъ остального причта участія ему не дается. Въ этомъ отношеніи онъ поставленъ ниже причетника, въ совершенное ниспроверженіе іерархическихъ основъ и въ посмѣяніе имъ

Откуда же берутся „ранніе“? Изъ „заштатныхъ“ священниковъ, то есть, тѣхъ, которые, прослуживши настоятелями въ какомъ-нибудь сельскомъ храмѣ десятка два лѣтъ, просятся и увольняются на покой, не утрачивая власти священнослуженія. Опять совершенное ниспроверженіе іерархическихъ началъ. Заслуженный, безпорочный настоятель идетъ подъ начало своему собрату, въ видѣ наемника, и это унизительное положеніе является связаннымъ съ заслуженностью, является ея послѣдствіемъ, какъ бы наградою за нее. Прослужи честно двадцать лѣтъ, за это тебѣ награда· можешь отправляться подъ начало.

Но что однако дѣлаютъ не ранніе, а эти поздніе, если ихъ такъ назвать, то есть настоятели храма?—Да могутъ ничего не дѣлать, а только пользоваться доходами, могутъ обратить себѣ приходъ въ пребенду и тунеядствовать. За что?

За то, что онъ попалъ въ Московскую церковь настоятелемъ.

А за что попалъ сюда настоятелемъ онъ именно, а не этотъ заслуженный старецъ, который имѣлъ бы и всѣ права на повышеніе и тѣмъ болѣе права на отдыхъ?

Но объ этомъ нужно спросить епархіальное начальство и вкравшійся обычай. А обычай этотъ таковъ, что настоятельское мѣсто въ Москвѣ дается въ награду за успѣшное прохожденіе школьнаго курса, пожалуй, еще за безпорочную дьяконскую службу въ Москвѣ.

На чей счетъ однако нанимается ранній священникъ? На счетъ поздняго, то есть настоятеля, трудъ котораго онъ облегчаетъ, и которому представляетъ сибаритствовать? О, нѣтъ Расплачиваются, кажется, вездѣ церковь и прихожане, подъ, конечно, благовиднымъ основаніемъ, что нанимается онъ для

раннихъ обѣдень, а раннія обѣдни нужны не для настоятеля, а для прихожанъ.

Если онъ нанятъ для раннихъ обѣдень, для чего же его употреблять на другія обязанности?

Если его употребляютъ на другія обязанности, почему онъ не включенъ въ составъ причта?

Гдѣ причина, почему настоятель посылаетъ ранняго съ требами? Лѣнь—не причина. Болѣзнь—дѣло временное. Великъ приходъ, утомительно? Тогда долженъ быть увеличенъ штатъ причта. Законоучительство и частные уроки отнимаютъ время, отзываютъ на богатые похороны, для прихода не остается времени Прямое, кажется, послѣдствіе: проси тогда на болѣе легкій приходъ или же отказывайся отъ „халтуръ“ Но этого нѣтъ, а нанимается „ранній“.

Отъ высокопреосвященнаго Іоанникія, внимательнаго къ дѣламъ епархіи, можно бы ожидать, что онъ и сюда преклонитъ ухо, обратитъ око.

Выражаютъ желаніе, чтобы „ранніе“ священники были „пріукаживаемы“ (особенное слово, именно на эти случаи и придуманное въ духовенствѣ). Намъ кажется это недостаточнымъ. Пріукаженный только что избавляется отъ рабскаго положенія, перестаетъ быть дворникомъ, котораго хозяинъ имѣетъ право разсчесть, не принимая возраженій Не только „пріуказить“ но ввести въ составъ клира, словомъ дать настоятелямъ настоящихъ викаріевъ, вооруживъ ихъ общими правами вторыхъ священниковъ, какъ во всѣхъ двухштатныхъ приходахъ. Предосудительный обычай наемничества, представляющій своего рода симонію, долженъ быть прекращенъ. Требованіе „ранняго“ священника для церкви должно считать заявленіемъ о необходимости обратить приходъ изъ одноштатнаго въ двухштатный. Оо. настоятелямъ это будетъ не по вкусу, понятно; ихъ доходы уменьшатся. Но гдѣ же основаніе, чтобы этотъ „ранній“ получалъ вдесятеро, въ двадцать разъ менѣе нежели настоятель, при томъ же санѣ, при тѣхъ же, нѣтъ—при болѣе значительныхъ трудахъ!

Вмѣсто предосудительнаго найма іереевъ-батраковъ, не приличнѣе ли повернуть часть діаконовъ въ ранніе священники? Дьячковъ производятъ въ діаконы, оставляя „на дьячковской вакансіи“, т. е. на дьячковскихъ доходахъ. Отчего не быть въ такомъ положеніи вторымъ священникамъ? И если уже допустить наемъ и батрачество, то не благовиднѣе ли имѣть наймитовъ для исполненія дьяконскихъ обязанностей? Дьяконъ при томъ можетъ служить хоть десять обѣдень въ день, и если настоятелю нужно облегченіе, то именно діаконъ-то и можетъ облегчить его, но безъ предвосхищенія обязанностей, которыя исключительно принадлежатъ пресвитеру, каково совершеніе таинствъ и вообще отправленіе требъ.

Далѣе: отчего часть псаломщиковъ не можетъ быть подобнымъ же образомъ произведена во діаконы?

Наконецъ: отчего иныхъ двухъ приходовъ не соединить въ одинъ, не поставить напримѣръ правиломъ, чтобы ближайшія церкви чередовались поздними и ранними обѣднями, если раннія обѣдни необходимы, и онѣ-то служатъ основаніемъ къ найму „ранняго“? Не должны ли быть подвергнуты и вообще пересмотру составъ и границы московскихъ приходовъ? Съ 1812 г. пересмотра не повторялось, а по многимъ основаніямъ не мѣшало бы его произвести, между прочимъ и для того, чтобы положить конецъ предварительному учрежденію не „пріукаженныхъ“ священниковъ, этихъ наймитовъ, невольниковъ, положеніе которыхъ не можетъ не служить предосужденіемъ сану и, смѣемъ сказать, даже оскорбленіемъ догмату священства

Старообрядство *).

Съ великимъ колебаніемъ помѣщаемъ письмо, точнѣе приглашеніе, обращенное къ намъ, высказаться по поводу одного изъ законовъ, касающихся старообрядства. Лежитъ въ нашемъ портфелѣ и другое подобное письмо, писанное другимъ лицомъ,

*) С. П. 6 августа, № 213.

изъ другого края, изъ Кіева (настоящее письмо помѣчено на конвертѣ Ярославлемъ), гоже съ приглашеніемъ высказаться, но о другомъ церковномъ вопросѣ,—объ уніи, проповѣдуемой В. С. Соловьевымъ. Мы колебались и колеблемся въ виду преувеличенныхъ отзывовъ о силѣ нашего слова. Но передаемъ это по крайней мѣрѣ письмо именно въ наглядное доказательство неправильности положенія, въ какомъ поставлено старообрядство: оно-то и ведетъ къ преувеличенной оцѣнкѣ публициста, котораго единственная заслуга въ томъ, что онъ имѣетъ дерзновеніе указать на эту неправильность и вообще не зажмуриваетъ глазъ отъ церковныхъ вопросовъ, признавая за ними слишкомъ важное значеніе въ общемъ строѣ жизни. Для этого нѣтъ надобности въ талантѣ; достаточно здраваго смысла да чувства вѣры сверхъ того и искренняго къ ней уваженія.

Старообрядецъ (поповщинецъ, конечно) повѣнчался въ единовѣрческой церкви, а дѣтей крестилъ у проѣзжаго попа. Дѣти потому въ единовѣрческихъ метрикахъ не записаны, да не могутъ быть записанными и въ старообрядческія метрики, потому что родители числятся единовѣрцами; дѣти отъ законнаго, церковью благословеннаго брака, обращаются черезъ то въ незаконныя, иначе говоря, въ пригульныя, блудно прижитыя.

Вотъ фактъ, передаваемый корреспондентомъ, и о немъ то проситъ онъ нашего отзыва, ожидая, какъ выражается онъ, что въ нашемъ голосѣ окажется и vox populi и vox Dei. Но корреспондентъ самъ сказалъ лучше и выпуклѣе, нежели бы мы смогли. „Что дѣлать? спрашиваетъ онъ. Остается продолжать лицемѣріе, быть фальшивымъ сыномъ господствующей церкви“. Конечно, того и требуютъ. Законоположеніе, о которомъ скорбитъ корреспондентъ, и есть въ сущности проповѣдь безвѣрія, само о томъ не догадываясь. Вѣруешь ли ты чему-нибудь или нѣтъ, до этого намъ нѣтъ дѣла, да это и не нужно; нужно, чтобы ты числился среди многихъ, о которыхъ предполагается, что они вѣруютъ тому и тому Предполагается, а вѣруютъ ли? Да до этого-то и нѣтъ дѣла, повторяетъ законъ, а

этимъ самымъ подразумѣвательно добавляетъ, что вѣра, стало быть, собственно не нужна вообще: а далѣе этимъ высказывается ужасное признаніе, что и остальные, числящіеся вѣрующими, стало быть только числятся, а не вѣруютъ, что принадлежность къ вѣрѣ есть только форма, наружность, и что подъ принадлежностью къ вѣрѣ ничего больше не подразумѣвается. Какъ же не сказать, что это есть проповѣдь безвѣрія, проповѣдь нигилизма, если хотите, нигилизма въ томъ смыслѣ, что легально устанавливаетъ нелегальныхъ православныхъ, вынуждаетъ старообрядца къ тому самому къ чему добровольно прибѣгаетъ анархистъ, запасаясь фальшивымъ паспортомъ; учитъ раскольника не уважать и ея таинствъ. Нѣтъ, поправимся, учитъ его уважать именно свою вѣру, старообрядческую, въ которую невѣрующихъ не принимаетъ, а лишь о церкви господствующей толкуетъ, что она не есть вѣра, а только форма

Въ другомъ случаѣ мы бы сказали, что поповщинецъ тяжко согрѣшилъ, когда, не признавая единовѣрія, приступилъ къ таинству по правиламъ единовѣрія, но нѣтъ. За это свое лицемѣріе, за свое кощунственное отношеніе къ таинству и получаетъ въ судьбѣ дѣтей своихъ достойное наказаніе. Но не хватаетъ духа винить несчастнаго, когда этому лицемѣрію даетъ поблажку, мало того—вызвалъ на него, толкнулъ къ нему именно самъ законъ же, отказывая раскольнику въ легальной формѣ брака.

Перебѣгаетъ мысль далеко, за границу, къ Пруссіи временъ Фридриха II. Малаго подпаиваютъ, въ безсознательномъ состояніи наряжаютъ его въ красную шапку, и солдатъ на вѣкъ. Не тоже ли и здѣсь? Во времена вербовокъ не спрашивали о патріотизмѣ вольно и невольно вступающаго въ ряды: шпицрутенъ былъ достаточнымъ огражденіемъ дисциплины, а больше ея ничего и не требовалось. Неужели къ церкви, къ собранію, къ собранію единомысленно вѣрующаго, къ организму любви и свободы должно быть приложено то, чего не прилагаютъ нынѣ нигдѣ даже и къ солдатамъ? Законъ, нисходя къ совѣсти гражданина, не принуждаетъ его даже къ наружному

исполненію военныхъ обязанностей, когда его вѣра ему это запрещаетъ. Но къ военому званію не принуждаютъ менонита ради его вѣры, а старообрядца, не смотря на совѣсть его отвращающую, поощряютъ принимать даже таинство, которое онъ отвергаетъ.

Переносится и еще мысль за границу, въ другое государство Въ Австро-Венгріи допущена свобода вѣроисповѣданія и даже гражданскій бракъ Но конституціонная имперія тѣмъ не менѣе тѣснитъ православіе, находя конституціонные изворотъ. Приходитъ въ голову: если бы въ имперіи Его Апостольскаго Величества, въ видахъ покровительства католичеству изданъ былъ противъ православныхъ (которыхъ тамъ называютъ схизматиками, то есть раскольниками) законъ совершенно тотъ самый, которому подлежатъ наши раскольники и пришлось бы испытать его дѣйствіе кому-нибудь изъ тѣхъ русскихъ, которые отстаиваютъ современное законодательство наше противъ раскола: какъ-бы таковой почувствовалъ себя, что бы заговорилъ, какъ бы поступилъ? Да, впрочемъ, что мы спрашиваемъ? Логически онъ то и сдѣлалъ бы, чего требуютъ отъ раскольника: онъ перечислился бы въ уніаты или католики и отправилъ бы дѣтей своихъ крестить къ ксендзу. Безъ сомнѣнія такъ, ибо гдѣ было бы основаніе ему поступить иначе? Основаніе поступить иначе было бы въ признаніи права вѣры, въ признаніи бытія вѣры вообще, помимо формальнаго зачисленія въ опредѣленное исповѣданіе. Но вѣдь этого-то онъ и не признаетъ. Или и признаетъ, но не требуетъ искренности; вѣруй тамъ чему хочешь или совсѣмъ не вѣруй, только числись. Когда именуемый православнымъ обращается съ такимъ требованіемъ къ раскольнику, онъ объявляетъ себя самого ренегатомъ, и если онъ не ренегатъ, то ему не достаетъ только случая.

О новомъ уставѣ духовныхъ академій [1]).

Во вчерашнемъ № „Московскія Вѣдомости“ изъявляютъ сожалѣніе, что новый уставъ духовныхъ академій оставляетъ на произволъ студентамъ изученіе древнихъ языковъ; обязателенъ только одинъ изъ нихъ какой-нибудь. Отъ души присоединяемся къ этому сожалѣнію, и кромѣ того не совсѣмъ мы понимаемъ, почему и въ этомъ уставѣ, какъ въ уставѣ злополучной памяти 1869 года, сохранено вообще раздѣленіе предметовъ курса на общеобязательные и необязательные. Почему было полнѣе не возвратиться къ уставу 1814 года, который допускалъ для студентовъ выборъ только въ новѣйшихъ языкахъ, предоставляя обучаться одному? Несомнѣнно, что при составленіи теперешняго устава, какъ при составленіи прошлаго, не уяснена была предварительно главная мысль: что такое духовныя академіи въ ряду другихъ учебныхъ заведеній и въ частности духовно-учебныхъ? Если проводить параллель, то въ семинаріяхъ должно признать оканчивающимся „среднее“ образованіе уже въ четвертомъ классѣ: пятый и шестой, по старому—богословскій классъ есть уже спеціальный, слѣдовательно, факультетскій въ сущности. Чѣмъ же послѣ того будутъ академіи? Не ходя вдаль, достаточно сказать, что академическое образованіе предполагалось бы на этомъ основаніи выше факультетскаго, и если брать параллели, то справедливо приравнять его къ тѣмъ заграничнымъ командировкамъ, которыя давались университетскимъ воспитанникамъ для приготовленія къ каѳедрѣ, словомъ, это есть профессорскій институтъ. Установить это общее положеніе очень важно, потому что именно отъ опредѣленія существа разницы между богословскимъ семинарскимъ курсомъ отъ таковаго же академическаго и зависитъ правильное и цѣлесообразное построеніе всего учебнаго курса духовно-учебныхъ заведеній съ низа до верха, начиная съ первыхъ классовъ училища.

---

*) С П 7 августа, № 214.

Когда семинарскій богословскій курсъ долженъ быть факультетскимъ, а академическій профессорскимъ, то какъ же при этомъ не всѣ древніе языки для него должны быть обязательны! Да справедливо пожалуй и признать ихъ необязательными, но вотъ единственно въ какомъ смыслѣ: студентъ при самомъ поступленіи въ академію настолько долженъ быть освоенъ со всѣми тремя языками, что преподавать ихъ уже излишне. Такъ и слѣдовало бы по настоящему; во вступительномъ экзаменѣ, по классу, положимъ, Священнаго Писанія, надлежало бы требовать, чтобы экзаменующійся приводилъ тексты не на славянскомъ и русскомъ, а на еврейскомъ и греческомъ. Но мы не знаемъ, еврейскій языкъ даже и вообще-то обязателенъ ли для поступающаго въ академію? Уставъ 1814 года былъ строже: онъ отъ каждаго семинариста требовалъ еврейскаго языка; пусть это исполнялось плохо, но требованіе было правильно.

Съ этого-то, кажется, и слѣдовало бы начать преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній; именно наклонить весь курсъ такъ, чтобы лучшіе семинаристы, то есть достойные поступленія въ академію, читали совершенно свободно, a-livre ouvert, библію на еврейскомъ, любого отца на греческомъ, не говоря уже о латинскихъ писателяхъ. А отъ курса академическаго тогда требовать, чтобы при преподаваніи богословскихъ наукъ тексты приводимы были непремѣнно по подлиннику, не говоря о библіи, но даже изъ отцовъ при преподаваніи патристики. Преподаватель каноническаго права точно также по подлинному тексту долженъ излагать и каноны; преподаватель литургики—текстъ богослуженія. Это и будетъ настоящимъ образованіемъ, достойнымъ академіи; тогда и будетъ достигнутъ подъемъ науки тотъ самый, котораго слѣдуетъ желать. Достигнуть можно не скоро, соглашаемся. Но это доказываетъ только, что уровень науки въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ стоитъ низко, и всего менѣе доказываетъ, чтобы на этомъ уровнѣ и оставаться слѣдовало. А потому-то необходимо приложить усиленнѣйшія заботы еще въ семинарскомъ курсѣ къ тому, чтобы воспитанникъ владѣлъ

свободно всѣми тремя древними языками; знаніе ихъ должно быть поставлено непремѣннымъ условіемъ для поступленія въ академію. Въ виду же этого открыть и въ академіи обязательные уроки и по латинскому и по греческому; обученіе еврейскому языку могло бы быть соединено съ каѳедрою толкованія ветхозавѣтныхъ книгъ Это было бы временною мѣрою, впредь до того, когда для воспитанниковъ древніе языки будутъ совсѣмъ своими уже въ семинаріи. Тогда спеціальныя каѳедры языковъ въ академіи пожалуй могутъ быть упразднены, особенно еврейскаго, на которомъ кромѣ библіи и нѣтъ другой литературы, изученіе талмудической литературы есть роскошь. Каѳедра для желающихъ слушать могла бы быть оставлена, но уже въ другомъ видѣ, собственно для сравнительнаго изученія и съ добавленіемъ уроковъ по сирскому языку и арабскому.

Что побудило къ преобразованію устава духовныхъ академій и въ частности къ передѣлкѣ ихъ учебнаго курса? Едва ли ошибемся, указавъ на фельетонное направленіе, принятое богословскою литературою за послѣднія пятнадцать лѣтъ; на магистерскія и докторскія диссертаціи, читая которыя спрашиваешь· да православнымъ ли богословомъ онѣ писаны? А откуда такое направленіе? пусть задали бы себѣ вопросъ составители устава. Отъ отсутствія самостоятельной науки: богословы и церковные историки у насъ пока компилируютъ, русскій ученый надѣваетъ готовыя нѣмецкія очки, чтобы читать библію и отцовъ, да еще читаетъ ли? Не довольствуется ли цитатами? А отчего? Отъ того, что съ первоисточниками обращаться его и не учили, да въ большинствѣ онъ и взяться за нихъ не въ силахъ. Потому-то прежде всего и необходимо поставить курсъ такъ и къ этому вести, чтобы воспитаннику легче было обращаться къ подлинному тексту библіи, отцовъ и церковныхъ историковъ, нежели къ протестантскимъ и католическимъ комментаторамъ.

О церковномъ соборѣ*).

„Скажите, вы, именующіеся старовѣры, вопрошаетъ васъ святая Христова церковь: скажите, почто вы отъ насъ отлучаетесь?“ Такія слова читаемъ мы въ „Увѣщаніи“, изданномъ отъ святѣйшаго синода съ небольшимъ сто лѣтъ назадъ. „Ежели вы о нѣкоторыхъ церкви нашей обычаяхъ сумнитесь и соблажняетесь, то безъ всякой опасности требуйте отъ духовнаго церкви правительства или отъ другихъ какихъ хотите пастырей, чтобы ваши сумнѣнія они разрѣшили и утишили бы безпокойства вашего соблазна“... . Само „Увѣщаніе“ вступило тутъ же въ нѣкоторыя разъясненія и затѣмъ продолжаетъ: „И сіе разсужденіе наше покажется вамъ еще недовольно, то позволительно вамъ желаніе свое разъяснить пастыремъ письменно или словесно, да не только позволительно, но и просимъ и молимъ васъ...“ Этотъ, какъ выразился одинъ изъ старообрядцевъ того времени, „жалостный и болѣзненный гласъ“ не остался безъ отвѣта. „Сумнѣнія“ были предложены старообрядцами въ довольно объемистой книгѣ, и хотя не получили разъясненія по затруднительности, въ какую были поставлены тогдашніе богословы логикой инока Никодима, но кроткій голосъ, какимъ заговорило духовное правительство послѣ укоризненныхъ обращеній Ѳеофана Прокоповича, Димитрія Ростовскаго и Ѳеофилакта Лопатинскаго, нашелъ все таки доступъ къ сердцу старообрядцевъ. И тотъ же Никодимъ уговорилъ часть своихъ единомышленниковъ возсоединиться съ церковью чрезъ принятіе отъ нея священниковъ. Такъ установилась „Единовѣрческая“ церковь въ 1785 году, тогда впрочемъ еще не получившая этого наименованія.

Безусловно или условно было это подчиненіе? Минуя остальное, въ 1-мъ пунктѣ всѣхъ прошеній, какія подавались по разнымъ мѣстамъ о дозволеніи присоединиться къ единовѣрію, неизмѣнно мы находимъ слѣдующее: чтобы снята была клятва, наложенная соборомъ 1667 года на соблюдающихъ старые обряды

*) С. И. 10 августа, № 217.

Клятва, отвѣчаемо было на это столь же неизмѣнно, сколь неизмѣнно повторялось прошеніе,—наложена соборомъ 1667 года не на старые обряды, а на не покоряющихся церкви изъ за старыхъ обрядовъ. Отвѣтъ былъ основателенъ, но старообрядцевъ онъ не успокоилъ „Сумнѣнія“ ихъ не разрѣшились такимъ уклончивымъ объясненіемъ, и „безпокойства ихъ соблазна“ не „утишились“.

Обращались снова за снятіемъ клятвы и въ послѣднія времена, и притомъ не раскольники уже, а тѣ изъ старообрядцевъ, которые возсоединились съ церковью на правахъ единовѣрія. Но и въ послѣднія времена митрополитъ Филаретъ „Изъясненіемъ о проклятіяхъ“, повторилъ единовѣрцамъ тоже, что было сказано шестьдесятъ лѣтъ назадъ искавшимъ единовѣрія, а святѣйшій синодъ четыре года назадъ и снова еще повторилъ, и притомъ съ нѣкоторою какъ бы укоризною, „извѣстно, говоритъ его указъ, что клятва наложена не на обряды“.

„Извѣстно“.. . но единовѣрцы-то сомнѣваются. Да и кому же „извѣстно“? Подлинныя слова клятвы обоюдны, допускаютъ разныя толкованія, и успокоительныя толкованія исходили не отъ самого собора, положившаго клятвы

Допустимъ, что единовѣрцы и не относятъ къ себѣ проклятій, которыя ихъ смущаютъ; иначе они и не соединились бы съ церковью Но существованіе проклятій есть доводъ для старообрядцевъ невозсоединившихся, причина или предлогъ, почему они не возсоединяются. Русская церковь преступила свою власть, разрѣшивши обряды, соборно подвергнутые проклятію, и единовѣрцы, присоединяясь съ этими обрядами къ церкви, идутъ подъ проклятіе. Таковы разсужденія раскольниковъ, и голословное „извѣстно“ ничуть ихъ не опровергаетъ. Обвиняютъ русскую іерархію въ превышеніи власти, и іерархія въ оправданіе ссылается на собственное толкованіе, выставляя себя судьею своего же дѣла

„Извѣстно.“ Почему же не удостовѣрить эту извѣстность, не оформить кажущееся противорѣчіе? Противорѣчіе все таки есть Двуперстіе съ сугубымъ аллилуіа, хожденіемъ посолонь

и прочими старыми обрядами было запрещено большимъ соборомъ, почти вселенскимъ, съ тремя патріархами, а разрѣшено единоличною властью русской верховной іерархіи, святѣйшимъ синодомъ, то есть Россійскимъ патріархомъ Формальной незаконности нельзя отрицать. Отчего же не возстановить полную законность, отчего не испросить благословенія всѣхъ патріарховъ? Необходимость соборнаго разрѣшенія остается даже въ силѣ, если такимъ образомъ признать, что проклятіе не нуждается въ толкованіи; пусть толкованіе не нужно, но нужно разрѣшеніе запрещенныхъ обрядовъ и разрѣшеніе должно изойти отъ власти не меньшей нежели та, отъ которой послѣдовало запрещеніе.

Менѣе года осталось до столѣтней годовщины единовѣрія. Почему, хотя бы къ этому знаменательному для единовѣрцевъ дню, не исполнить желанія значащагося въ первомъ пунктѣ ихъ прошенія, не исполнить первое и существеннѣйшее условіе, подъ которымъ они предлагали свое возсоединеніе? Почему не исполнить обѣщаніе „разрѣшить сумнѣніе“, „не утишить безпокойства соблазна“? Ибо сумнѣніе не успокаивается и соблазнъ не унимается. Мы не обольщаемъ себя, подобно единовѣрцамъ, надеждою, что большинство раскола исчезнетъ послѣ того; явленіе историческое, прожившее двѣсти лѣтъ, не заканчивается такъ легко; сто лѣтъ назадъ разрѣшеніемъ клятвъ можетъ быть три четверти отщепенцевъ и было бы исторгнуто изъ раскола. Теперь это труднѣе, но нѣтъ сомнѣнія, что у раскола, и именно поповщинскаго, отнята была бы послѣдняя ограда, за которою онъ укрывается. Тогда-то уже съ полнѣйшимъ основаніемъ могла бы Россійская іерархія повторить слова упомянутаго „Увѣщанія:“ „Ежели и сіе все презрите..... тогда уже чиста святая церковь наша отъ крове вашея“.

По истинѣ удивительно, какое препятствіе удерживаетъ русскую іерархію отъ прямого способа успокоить смущенную старобрядцевъ совѣсть. Опасеніе ли, что восточные патріархи не благословятъ единовѣрія? Но гдѣ основанія къ опасенію? Если они и были, они уже опровергнуты фактически единовѣріемъ въ Константинопольскомъ патріархатѣ между майно-

тами, для которыхъ два года здѣсь въ Москвѣ поставленъ священникъ по требованію вселенскаго патріарха

Или смущаетъ мысль о соборѣ вообще? Правда, двѣсти лѣтъ не было у насъ собора, но это еще не основаніе ни смущаться, и не откладывать.

Не возникнетъ ли опасеніе, что соборъ выйдетъ изъ предѣловъ вопроса о клятвѣ 1667 года и войдетъ въ обсужденіе другихъ, мирное разрѣшеніе которыхъ до времени не подаетъ о себѣ надежды? Но не трудно достичь, чтобы соборъ довольствовался разрѣшеніемъ единственнаго вопроса, который будетъ предложенъ ему Россійскимъ синодомъ, и такое ограниченіе предмета совѣщаній тѣмъ легче будетъ достигнуто, если созванію собора будетъ предшествовать переписка между всѣми автокефальными престолами Взаимными грамотами предварительно могутъ быть формулированы какъ поводъ къ созванію собора, такъ и опредѣленіе отъ него ожидаемое, съ объясненіемъ, сколько пространнымъ, столько точнымъ, основаній, въ силу которыхъ составляется опредѣленіе. Собравшимся іерархамъ останется только закрѣпить готовое опредѣленіе своимъ согласіемъ и запечатлѣть соборное дѣяніе своими подписями

Не предвидится и практическихъ затрудненій къ созыву собранія, можетъ быть пугающаго своею многочисленностью и международными затрудненіями, которыя могутъ возникнуть Никакой же нѣтъ необходимости созывать соборъ непремѣнно въ Москвѣ или вообще въ Россіи какъ было въ 1666 году. Пусть соберется онъ въ центрѣ восточныхъ іерарховъ. Всѣмъ четыремъ патріархамъ легко прибыть туда въ наличности Церковь Эллинскаго королевства, Румынскаго, а равно Русская могутъ прислать делегатовъ, какъ водилось и на всѣхъ соборахъ. Безъ присутствія сербской и австрійско-сербской іерархій можно обойтись. Ожидаемое опредѣленіе представитъ тѣмъ не менѣе вселенскую наружность, какъ и опредѣленіе 1667 года.

Отчего же бы въ самомъ дѣлѣ не прибѣгнуть къ столь нетрудному, столь законному, столь справедливому способу успокоить совѣсть милліоновъ и прекратить соблазнъ, волнующій церковь?

О постановкѣ богословскаго образованія *).

Въ школахъ для первоначальнаго обученія и вообще во всѣхъ училищахъ, гдѣ преподаваніе ведется по новѣйшей методѣ Ушинскаго и его послѣдователей, обученіе русскому языку начинается съ чтенія статей, содержаніе которыхъ пересказывается потомъ учащимися. Порядокъ этотъ вспомнился намъ по поводу преобразованій, отчасти уже произведенныхъ въ курсѣ духовно-учебныхъ заведеній. Хотимъ сказать не о русскомъ языкѣ, а о первоисточникахъ богословскаго образованія. Что для него должно служить фундаментомъ? Понятно, библія, Слово Божіе прежде всего Удивится читатель, когда мы скажемъ, что изъ духовно-учебныхъ заведеній выпускались (о настоящемъ времени, малоизвѣстномъ для насъ, не говоримъ, а о прежнихъ, доподлинно намъ извѣстныхъ), и притомъ не изъ училищъ или изъ семинарій, но даже изъ академій со степенями кандидата и магистра, выпускались, говоримъ мы, воспитанники, ни раза не прочитавшіе всей библіи. Сколь ни мало вѣроятно это, но достовѣрно Въ каждый академическій выпускъ, не говоря уже о семинарскомъ, едва ли можно насчитать двухъ, трехъ, кто бы прочиталъ библію. Въ оффиціальной запискѣ лѣтъ двадцать назадъ пишущій настоящія строки указывалъ на это обстоятельство властямъ, въ виду предпринимавшагося преобразованія духовно-учебныхъ заведеній; ручаюсь за фактъ, котораго, конечно, не осмѣлился бы опровергнуть никто, и который всегда легко провѣрить, да котораго притомъ и оспаривать не сталъ бы никто изъ учившихся. Поразительно, непостижимо для посторонняго? Вѣримъ; но явленіе было вполнѣ естественно. Причинъ ему было много, начиная уже съ того, что библія-то вовсе не была (да и не есть) такою распространенною книгою, чтобы быть подъ руками у каждаго учащагося. Затѣмъ, невразумительность славянскаго ветхозавѣтнаго текста, затѣмъ косой взглядъ, какимъ вообще смотрѣли на библейскія занятія особенно по закрытіи

*) С. И. 16 августа, № 223.

Библейскаго Общества Наконецъ.... Да наконецъ такова была (и она останется) вся постановка духовно-учебнаго курса, и въ этомъ его коренная, ужасающая ошибка

Духовно-учебный курсъ имѣетъ въ виду преподать науку о . . о чемъ? Не будемъ перечислять предметовъ общаго образованія, которые тѣ же въ свѣтскихъ и духовныхъ заведеніяхъ, но что касается до основаній вѣроученія, то онъ имѣетъ въ виду преподать науку о нихъ, а не ихъ самихъ. Къ библіи, не говоря уже объ отцахъ, о канонахъ, о богослужебныхъ книгахъ, курсъ относится, какъ относится профессоръ и учитель исторіи къ Тациту или къ лѣтописцамъ, такъ же какъ профессоръ права относится къ пандектамъ. Профессоръ или учитель духовно-учебнаго заведенія излагаетъ содержаніе первоисточниковъ христіанскаго вѣроученія въ системѣ; точнѣе сказать, предлагаетъ эту систему учебникъ и учитель преподаетъ ее. Правда, съ сороковыхъ годовъ въ семинаріяхъ былъ учрежденъ особенный курсъ экзегетики, при которомъ предполагается объясненіе библіи въ порядкѣ книгъ, главъ и стиховъ, но экзегетика осгавалась таковою только по имени: сводилось дѣло болѣе опять на общія понятія о той или другой библейской книгѣ, а сама библія все-таки не читалась Уроки имѣли такой видъ, какъ бы книга была уже прочтена и нужны только нѣкоторыя внѣшнія освѣщенія, съ понятіями о писателѣ книги, о ея подлинности и т. п. Это относительно библіи, о прочихъ же первоисточникахъ и говорить нечего Отцовъ, понятно, прочесть нѣтъ и времени, но даже съ такимъ прѣдметомъ, какъ богослужебныя книги, учащійся впервые живымъ образомъ знакомиться могъ только ужъ на службѣ въ самой практикѣ священнослуженія, если не знакомился отчасти, когда стоя на клиросѣ помогалъ дьячкамъ въ чтеніи и пѣніи. Въ сороковыхъ годахъ начали, правда, знакомить учениковъ и съ богослужебными книгами; но это опять наука о богослужебныхъ книгахъ, внѣшнее о нихъ понятіе, а не они сами.

Съ достаточною ли ясностью мы выразили мысль и понятна ли вся колоссальность ошибки въ пріемѣ обученія? Съ

нимъ можно бы сравнить вотъ что: если бы солдата учили не артикулу, а преподавали ему науку объ артикулѣ. Ошибку мы назвали ужасающею и вся исторія минувшихъ почти двухсотъ лѣтъ уполномочиваетъ на такой отзывъ, могущій показаться преувеличеннымъ. Семинарія и академія выпускали отвлеченныхъ богослововъ, но не священнослужителей, богослововъ притомъ, во многомъ ученыхъ и много знающихъ, но невѣжественныхъ въ томъ, что имъ ближе всего и прежде всего знать надлежало. Отсюда и пропасть образовалась между духовенствомъ и паствою (есть тому и другія причины, а эта одна изъ главнѣйшихъ). Отсюда и вѣковое недоразумѣніе съ сектами, неспособность ихъ оспаривать. Въ ближайшихъ источникахъ православнаго вѣроученія и православной практики, пусть и чрезъ несовершенные переводы, старообрядческій начетчикъ безспорно болѣе свѣдущъ, нежели любой магистръ и докторъ богословія. Отсюда молоканинъ и штундистъ забьютъ священника, потому что знаютъ библію тверже его.

Года три назадъ намъ любезно была сообщена печатная брошюра, составленная, кажется, однимъ изъ здравствующихъ епископовъ и напечатанная по синодальному распоряженію (не для продажи). Въ ней высказывалась мысль, что въ виду оскудѣнія лицъ для занятія священнослужительскихъ должностей, полезно было бы возводить въ священный санъ простецовъ, не прошедшихъ школы, но богобоязненныхъ, грамотныхъ и знакомыхъ съ священными книгами. Указывалось въ видѣ примѣра на іеромонаховъ, изъ которыхъ многіе достойные своего сана, получили келейное духовно-богословское образованіе. Вполнѣ основательно, но не досказано. Получившіе келейное образованіе не только не менѣе, но часто даже болѣе достойны священнаго званія, нежели обученные семинаристы, именно по непригодности семинарскаго образованія. А отсюда такое нравоученіе: семинарское образованіе стало быть должно быть перестроено такъ, чтобы оно было тѣмъ же, которое получаетъ келейно благочестивый начетчикъ, но осмысленное, возвышенное и освѣщенное внѣшнимъ образованіемъ.

На этомъ можно бы и умолкнуть, но мы продолжаемъ рѣчь. Вотъ поэтому-то между прочимъ, древніе языки (всѣ три, латинскій, греческій и еврейскій) и должны стать краеугольнымъ основаніемъ всего духовно-учебнаго образованія. Будущій пастырь долженъ прочесть буквально—прочесть шагъ за шагомъ въ теченіе учебнаго курса библію и богослужебныя книги въ подлинникѣ и переводѣ, или только въ подлинникахъ съ сопровожденіемъ перевода, чтобы онѣ были ему вполнѣ свои книги, въ которыхъ бы онъ ни на единомъ мѣстѣ не затруднился. На нашъ взглядъ вмѣсто всякихъ экзаменовъ по тетрадкамъ и учебникамъ, чтобы судить о степени приготовленія къ священству, достаточно бы развернуть библію въ любомъ мѣстѣ, развернуть богослужебную книгу, положимъ тріодь или минею, развернуть кормчую, развернуть любого отца (это впрочемъ уже и роскошь отчасти), предложить и тамъ и здѣсь и тутъ прочитать и дать объясненіе филологическое и историческое, литургическое и каноническое, не говоря уже о догматическомъ Разборъ правиленъ? Сказалъ, какъ стоитъ въ подлинникѣ, изложилъ связь рѣчи, разсказалъ исторію, протолковалъ? Довольно. Аксіосъ

Для того, чтобы сдать этотъ короткій экзаменъ правда надо учиться, много учиться, и прежде всего быть вполнѣ знакомымъ съ священными языками. А еще прежде всего прочитать эти книги, изъ которыхъ производится экзаменъ; прочитать, какъ читаютъ въ начальныхъ школахъ басни и разсказцы. Передайте содержаніе, да не по заученному, не по тетрадкѣ и не по учебнику, избави Богъ, ихъ не нужно, а по самому тексту. Вѣдь еще этого не достигнуто, хотя съ того нужно было бы начинать.

По поводу церковнаго собора въ Кіевѣ*).

Наконецъ мы имѣемъ церковный соборъ, послѣ того, какъ двѣсти лѣтъ слишкомъ его не было. Слава Богу, и нельзя не воздать благодарности церковному правительству, что оно рѣшилось прибѣгнуть къ апостольскому и святоотеческому пути

Соборъ откроется 8 Сентября въ Кіевѣ и составится изъ митрополита и 8 епископовъ, управляющихъ ближайшими къ Кіеву епархіями. „Южный Край“ называетъ соборъ съѣздомъ; но не въ названіи дѣло Этотъ съѣздъ все-таки есть настоящій соборъ и таковыхъ у насъ двѣсти лѣтъ не было.

По свѣдѣніямъ газетъ, предметомъ совѣщаній будутъ нужды епархій и изысканіе средствъ къ улучшенію быта духовенства. Если бы не первая половина программы, то дѣйствительно это былъ бы скорѣе съѣздъ, нежели соборъ Но какъ мы слышали, въ числѣ „епархіальныхъ нуждъ“, о которыхъ будетъ совѣщаться соборъ, самое главное займетъ борьба со штундою, и это уже помимо внѣшнихъ признаковъ даетъ истинно церковный характеръ съѣзду.

Борьба со штундою. Вразуми, Богъ, іерарховъ. Штунда, какъ и всякая другая секта, родилась все отъ той же одной причины: неудовлетворенія духовной потребности существующею церковною внѣшностью и главное—богослуженіемъ. Отсюда расколъ старообрядчества, отсюда и противостоящее ему духоборчество разныхъ наименованій и степеней. Припоминается намъ показаніе, поданное духоборцами екатеринославскому губернатору въ 1761 году, если не ошибаемся. „Родились мы и крещены; взросли, а нѣкіе и состарились, ходя по вся дни жизни своей въ церковь: но истинну скажемъ, какъ ни со скукою стаивали токмо въ ней, ни малѣйше не понимая неудобопонятнаго слога книжнаго, тѣмъ болѣе велегласно пѣваемаго, или поспѣшно чтомаго. О, Боже, спаси всѣхъ насъ!“ Приводимъ на память, но кажется безошибочно. Когда великороссіянинъ

*) С И 18 августа, № 225

старообрядецъ выступаетъ съ требованіемъ строгой буквы, отлагаясь отъ церкви изъ-за перемѣны, несущественной для вѣры, малороссъ ищетъ духа, негодуя на ту же букву, въ которой онъ его не обрѣтаетъ. Здѣсь сказались отличительныя черты двухъ половинъ нашей народности—практическаго сѣверянина, неспособнаго къ меланхоліи и сентиментальности и задумчиваго южанина. Вѣковыя формы повторились. фарисейство и саддукейство. Наше саддукейство, начавшись съ молоканства, ударилось какъ и саддукейство древнее, тоже въ раціонализмъ, зерно котораго есть въ штундѣ. Будетъ ошибкою искать причинъ штунды во внѣшнемъ вліяніи протестантства, какъ были ошибкою толкованія о началѣ духоборства, которое выводили отчасти даже отъ пифагорейцевъ. Ни внѣшнее сходство, ни случайные поводы къ лишнимъ отпаденіямъ ничего не говорятъ. Никакой солдатъ-лютеранинъ не обратитъ въ штунду, когда для нея нѣтъ почвы въ душѣ слушателя. Въ почвѣ все и дѣло. Есть жаждущіе духа, дайте же имъ духъ. Неудопонятенъ слогъ книжный! приблизьте его къ разумѣнію. А болѣе всего не отталкивайте окончательно отъ церкви полицейскимъ пріемомъ, ограниченными требованіями дисциплины. Скажите: какъ же не родиться штундѣ, если вмѣстѣ съ небрежнымъ, механическимъ богослуженіемъ духовное лицо и во всей жизни своей явится предъ пасомыми погруженнымъ исключительно въ матеріальные разсчеты?

Штунда! Да развѣ она въ однихъ селахъ юга? Развѣ не она въ другомъ видѣ рекомендуетъ себя пашковщиной? Штунда! Да еще слава Богу, что штунда, что какая-нибудь вѣра да еще горячая· а большинство совершенно безразличное къ духовнымъ вопросамъ, лучше развѣ? А цѣлый міръ интеллигенціи, причисленный къ православному исповѣданію, на большую половину развѣ не раціоналистъ, чуть-чуть не атеистъ? Что печальнѣе, что опаснѣе?

Мы повторимъ. вразуми, Богъ, іерарховъ, имѣющихъ собраться на предстоящее совѣщаніе. Усмотрѣть причину зла значитъ наполовину уже вылѣчить его. Смотря потому, къ какимъ рѣшеніямъ придетъ соборъ, будетъ зависѣть дальнѣйшая

система дѣйствій, и смотря по тому, куда направится она, или можно надѣяться на возстановленіе церковнаго мира или же опасаться дальнѣйшихъ отпаденій, которыя затѣмъ не замедлятъ организоваться и представятъ не менѣе тяжеловѣсное тѣло, чѣмъ расколъ старообрядчества. Старообрядчество своею исторіею показало, чего ожидать отъ мѣръ внѣшнихъ, если бы и не было другихъ основаній, быть увѣреннымъ, что духовное только духовнымъ препобѣждается.

Радуемся мы заранѣе, что грядущій соборъ разсѣетъ между прочимъ опасенія, гнѣздящіяся въ высшихъ сферахъ вообще относительно соборовъ. Какъ крѣпко засѣлъ вбитый Петромъ клинъ До предшествующаго царствованія законъ очень тщательно оберегалъ, чтобы между епископами, хотя бы даже двумя, никакъ не могло произойти никакого личнаго совѣщанія. Законодательство не пощадило усилій, чтобы обратить и епископа, наравнѣ со всею администрацією, въ бумажнаго жреца. Но чего опасаться? Если Петръ ожидалъ, и не безосновательно, приверженцевъ стараго порядка въ духовенствѣ и защитниковъ Евдокіи и Софіи; если Бирономъ имѣлъ свои причины сѣчь кнутомъ архіереевъ, а Екатерина заточить Арсенія Мацѣевича, то трудно теперь даже и придумать предлоговъ для оппозиціи въ высшемъ духовенствѣ. О, скорѣе потребно другое: возгрѣть ихъ ревность, не могшую не ослабнуть подъ двухвѣковымъ искусомъ, поощрить ихъ къ искреннему слову іерарха Божія, невнушенному лестію, человѣкоугодничествомъ, мірскою заботою.

Такса за требы*).

Неутѣшительную картину поборовъ духовенства рисуетъ намъ сегодняшнее письмо изъ Ливенъ. Должно согласиться съ заключеніемъ корреспондента, что не можетъ быть высока нравственность у народа, когда его духовные руководители сами

*) С. И. 12 сентября, № 250

подаютъ примѣръ деморализаціи. А мы добавимъ еще: не диво будетъ, если орловская епархія вообще и ливенскій уѣздъ въ частности увидятъ у себя распространеніе штунды въ крупныхъ размѣрахъ. Въ самомъ дѣлѣ, не достаетъ только проповѣдника: а то какая удобная почва, здѣсь ли, въ ливенскомъ уѣздѣ, гдѣ одно за другимъ сельскія общества составляютъ приговоры противъ поборовъ, или въ Мценскѣ (той же орловской епархіи), откуда на дняхъ намъ писали, что дѣдушка Егоръ-причетникъ одинъ провожаетъ покойника, не смотря на то, что батюшка даже впередъ деньги беретъ за проводы.

Ливенскій корреспондентъ увѣряетъ, что всѣ обращенія къ епархіальной власти въ орловской епархіи безплодны; духовенство всегда выходитъ сухо изъ воды и чисто изъ грязи: оставляемъ на совѣсти корреспондента достовѣрность факта, сомнѣваться въ которомъ, впрочемъ, мы тѣмъ менѣе имѣемъ основаній, что изъ Мценска идутъ подобныя же вѣсти; не сговорились же корреспонденты.

Но обратимъ вниманіе на существо дѣла. Приходское духовенство назначаетъ таксу на требы, терпимо ли это само въ себѣ? Фактъ несомнѣненъ: предъ нами оффиціальный общественный приговоръ, подлинность котораго въ экземплярѣ, намъ присланномъ, засвидѣтельствована. Оставимъ вопросъ о томъ, высока или низка такса, но должна ли она существовать, и кто имѣетъ право назначать ее? Положеніе мужичка-то предъ церковнымъ причтомъ оказывается хуже, нежели больного предъ аптекою. Аптечная такса назначается по крайней мѣрѣ правительствомъ, а здѣсь самимъ мздоимцикомъ, которому притомъ предоставлена монополія еще ботѣе крѣпкая, нежели аптекѣ. Отъ одного аптекаря можно идти къ другому, а здѣсь того нельзя: въ другой церкви ни отпѣть, ни повѣнчать не смѣютъ. Тамъ налогъ на болѣзнь, а здѣсь даже на смерть и погребеніе: вотъ ужъ что называется и съ живого и съ мертваго. За „отпускъ души“ (что это за отходную или даже за исповѣдь?) подавай три рубля, а то умирай безъ отпуска. Крѣпка еще вѣра у деревенскихъ поселянъ.

И такъ, повторяемъ вопросъ: должна ли существовать такса на требы, и кто имѣетъ право ее накладывать? По настоящему не должна; предполагается, что духовенство питается доброхотными даяніями. Но доброхотныя отношенія прекратились. Основательно или нѣтъ, но духовенство находитъ или опасается, что при доброхотныхъ подаяніяхъ оно останется безъ хлѣба Пусть такъ. но прихожане-то, однако, не крѣпостные же; слѣдовательно, если плата за требы должна принять форму оброка, то сумму долженъ опредѣлять никакъ не тотъ самъ, въ чью пользу оброкъ идетъ. Слѣдовательно такса, если она неизбѣжна, должна быть назначаема высшею властію. И притомъ, въ видѣ ли подати, помимо ли согласія платящихъ? То было бы святокупствомъ, таинство и молитва будутъ объявлены товаромъ: вотъ тебѣ цѣна—хочешь молиться, хочешь исповѣдываться, плати столько-то. Оставляя возмутительный смыслъ такого объявленія съ религіозной стороны, нельзя признать его справедливымъ даже съ простой, юридически-коммерческой. Оно было бы справедливо, когда бы рынокъ былъ свободенъ, когда за предложеніемъ „вотъ тебѣ цѣна“ подразумѣвалось бы: если не хочешь платить—иди къ другому продавцу. А идти къ другому продавцу, къ раскольническому большаку или въ штунду, покупателю не предоставлено.

И такъ, простая справедливость, не говоря уже о святости религіозныхъ отношеній, требуетъ чтобы такса за требы назначаема была не только высшею властью, но и съ согласія самихъ нуждающихся въ требахъ, когда не предоставляется имъ права безпрепятственно переходить въ другую вѣру. Другими словами, такса должна быть опредѣляема обоюдною сказкою прихода и причта и утверждаема епархіальнымъ начальствомъ. Въ случаѣ несогласія прихожанъ давать плату въ размѣрѣ, признаваемомъ отъ причта необходимымъ, или въ случаѣ отказа церковно-служителей довольствоваться размѣромъ, который прихожане считаютъ себѣ по силамъ, епархіальная власть возьметъ на себя примиряющее посредничество, тѣмъ болѣе легкое для нея, что въ распоряженіи ея всегда найдутся, при несогласіи мѣстнаго

причта, священнослужители болѣе умѣренные. Такъ ли, иначе ли, но соблазнъ долженъ быть прекращенъ· онъ грозитъ великими бѣдствіями, когда приходы одинъ за другимъ начинаютъ, пусть и легальнымъ путемъ, уже открытый походъ противъ причтовъ, отсюда до полнаго отпаденія одинъ шагъ.

Объ участіи прихода въ избраніи священнослужителей*)

Высокопреосвященный Платонъ митрополитъ кіевскій предложилъ консисторіи, чтобы лица, которыя желаютъ занять священно-церковно-служительскія мѣста въ приходахъ или перейти на службу изъ одного прихода въ другой, присоединяли къ своимъ прошеніямъ засвидѣтельствованные отзывы отъ прихожанъ, что послѣдніе желаютъ имѣть ихъ въ своемъ причтѣ. Поводомъ къ такому предложенію послужили неоднократные случаи, что прихожане просятъ объ удаленіи насланныхъ членовъ причта, особенно священниковъ, просятъ дать лучшихъ, даже не допускаютъ нелюбимыхъ священниковъ совершать богослуженіе, и отсюда возникаютъ слѣдственныя дѣла.

Вотъ, мы говорили еще лѣтъ десять, восемь назадъ, что можетъ прійти время, когда пастыри останутся безъ паствы Слѣдственныя дѣла, побудившія высокопреосвященнаго къ требованію заручныхъ, показываютъ, что періодъ, котораго мы опасались, на который указывали, какъ на грозящее зло, не очень далекъ отъ насъ, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. И это еще благо—эти жалобы и эти слѣдствія. Они еще доказываютъ, что церковь дорога для народа, что онъ не желаетъ отлучаться отъ іерархіи. Спокойная терпѣливость можетъ означать худшее, совершенное отпаденіе отъ церкви, равнодушіе, для котораго безразлично, „кто ни попъ, тотъ и батька“, потому что уже совсѣмъ не чувствуетъ потребности ни въ какомъ пастырѣ.

---

*) С И. 24 октября, № 292

Мы не имѣемъ нужды распространяться въ сердечныхъ привѣтствіяхъ кіевскому высокопреосвященному: предполагается слишкомъ извѣстнымъ читателю наше мнѣніе о необходимости участія прихожанъ въ избраніи священнослужителей. Но пользуемся распоряженіемъ высокочтимаго митрополита, чтобы успокоить тѣхъ недальновидныхъ, которые ожидаютъ какихъ-то бѣдъ отъ возстановленія апостольскаго порядка въ избраніи пастырей. Недальновидность въ этомъ случаѣ граничитъ съ невѣжествомъ: воображаютъ, что право прихожанъ будетъ нарушеніемъ правъ іерархіи Но какимъ же образомъ и въ чемъ же?

По теперешнему порядку ищущій мѣста подаетъ просьбу, и о немъ консисторія собираетъ „справки“ Справки эти ограничиваются формулярнымъ спискомъ просителя или даже однимъ учебнымъ аттестатомъ, если проситель только что сошелъ съ ученической скамьи. Въ Кіевѣ же теперь предполагается, что кромѣ этой справки будетъ присоединяема и другая, возлагаемая на самого просителя, въ видѣ заявленія отъ прихожанъ. Извѣстіе газетъ мы полагаемъ несовсѣмъ точно. Отъ прихожанъ нельзя требовать, чтобы они изъявили желаніе получить извѣстнаго имя рекъ во священники, довольно отрицательнаго удостовѣренія, что они не имѣютъ возраженій противъ того или другого кандидата Наши ультрамонтаны боятся, что назначеніе перейдетъ въ руки горлопановъ, и что одобреніе будетъ покупаться зеленымъ виномъ. Не говоря о томъ, что благочинные однако не упраздняются же; ихъ же дѣло будетъ слѣдить, чтобы не происходило святокупства. Но для святокупства не будетъ и повода при отрицательномъ удостовѣреніи, котораго будутъ просить и безъ сомнѣнія удостоиваться не одинъ и не двое, а можетъ быть десятеро просящихся. Угощая прихожанъ проситель еще не получаетъ ручательства, что ихъ одобреніе доставитъ мѣсто именно ему, а слѣдовательно и угощать ему не изъ чего. Но за то прихожане получаютъ ручательство, что не получатъ священника, котораго положительно отвращаются за извѣстную имъ зазорную жизнь его, за его притязательность, за небреж-

ность въ отправленіи службы. Развѣ не штрафуютъ священниковъ переводами въ худшій, то есть менѣе доходный, приходъ? Но этотъ менѣе доходный приходъ можетъ быть есть наилучшій по состоянію благочестія и нравственности прихожанъ. Не оскорбленіе ли имъ, не глумленіе ли надъ вѣрою назначеніе имъ пастырей, которые отъ самой іерархіи признаны недостойными? Противъ такихъ-то случаевъ предостерегаетъ требованіе заручныхъ, давая прихожанамъ ручательство, что надъ ихъ усердіемъ къ церкви не надругаются назначеніемъ недостойнаго іерея.

Три стороны: ищущій священства проситель, іерархъ, отъ котораго зависитъ рукоположеніе, и паства, нуждающаяся въ пастырѣ. До сихъ поръ дѣйствовали только двѣ стороны, и добрая воля обѣихъ уважалась. Безъ рукоположенія взявшій пастырство есть отступникъ отъ церкви; рукоположенный, но водворившійся въ клирѣ помимо архипастырскаго благословенія, есть раскольникъ Насильнаго рукоположенія быть не можетъ, да и насильный переводъ съ одного мѣста воспрещенъ Итакъ воля двухъ сторонъ уважена. А третья-то, а словесное стадо, ожидающее пастыря, жаждущёе его ученія, священнослуженія, добраго примѣра и руководства? Оно есть въ буквальномъ смыслѣ стало быть vulgus pecus (скотъ-народъ)? По всей строгости, насильное соединеніе пастыря съ паствою, его отвергающей, есть расколъ, ни болѣе ни менѣе. Удивительно, какъ не усматриваютъ этого клерикалы, и изъ нихъ получившіе даже богословское образованіе?

Открывается вакансія. Подаетъ просьбу одинъ, единственный Обязательно ли поставить его? Нисколько, архіерей подождетъ другихъ; даже не дожидаясь, откажетъ просителю, признавая его недостойнымъ, можетъ самъ вызвать другихъ и предложить мѣсто, находя ихъ полезными

Приходъ проситъ за одного, за единственнаго. Обязательно ли архипастырю уважить просьбу? Нимало. Онъ можетъ находитъ просьбу легкомысленной, представляемаго кандидата недостойнымъ по его личнымъ качествамъ и по особенностямъ

вдовствующаго прихода. Архіерей предложитъ поискать другого, самъ предложитъ другого. Отъ права, совершенно условнаго, предоставленнаго прихожанъ, давать заручныя, никакого ущерба для власти архіерейской нѣтъ, какъ нѣтъ для нея ущерба отъ того, что предоставляется ищущимъ мѣста подавать самимъ просьбу о своемъ опредѣленіи безъ вызова отъ архипастыря. Но поставленіе кого-нибудь противъ воли поставляемаго есть насиліе. Какъ не понять, что такое же насиліе совершается, когда поставляютъ и вопреки волѣ прихода, когда обязываютъ принимать таинства отъ лица, къ которому питаютъ отвращеніе, злобу, пренебреженіе? И развѣ это не оскорбленіе таинствамъ? И развѣ это миръ церковный? А миръ церковный не есть ли сама церковь?

Бесѣда со старообрядцами*).

Не можемъ и мы не высказать сожалѣнія вмѣстѣ съ корреспондентомъ о томъ, что бесѣда, начавшаяся мирно, окончилась непристойнымъ шумомъ: разумѣемъ бесѣду со старообрядцами, о которой повѣствуется сегодня у насъ подъ чертою. Очевидно, что страсти въ слушателяхъ сильнѣе желанія поучаться Мы уже высказывались не однократно, что разглагольствія со старообрядцами въ Рогожской поставлены не совсѣмъ соотвѣтственно своей цѣли. На обращеніе старообрядцевъ подобными преніями надежда тщетная: побѣда въ словесномъ состязаніи на виду тысячи человѣкъ скорѣе озлобитъ побѣжденнаго собесѣдника, нежели убѣдитъ въ перемѣнѣ исповѣданія. Бесѣды должны имѣть въ виду не столько самихъ старообрядцевъ, сколько колеблющихся между старовѣріемъ и православіемъ, а также и тѣхъ православныхъ, которымъ недостаточно ясна сущность различія, отдѣляющая дониконовцевъ отъ церкви. При этомъ какой же смыслъ въ совопросничествѣ, въ вызовѣ возражателей? Нужно быть слишкомъ увѣреннымъ въ состяза-

*) С. И 30 ноября, № 329

тельной изворотливости и въ своей эрудиціи, чтобы съ несомнѣнностью предсказывать себѣ побѣду. Бесѣда, о которой разсказываетъ авторъ, представляетъ наглядное доказательство. Очевидно, что церковная сторона не приготовилась къ отвѣту на неожиданный вопросъ, предложенный безпоповцемъ Отъ свидѣтеля очевидца слышали мы, что православные борцы не соблюли первые того хладнокровія, которое бы ожидалось отъ обладателя истины. О Петрова будто бы не столько бросало въ потъ отъ комнатной температуры, сколько отъ діалектики противника. Да и можно тому повѣрить, когда онъ рѣшился потрясать на воздухѣ книгою „О вѣрѣ", вмѣсто того, чтобы отвѣчать на вопросъ Передавали намъ еще, будто бы о Виноградовъ, читая какое-то правило, выпустилъ существенную частицу не. Мы не вполнѣ довѣряемъ этому разсказу; но достаточно того, что онъ могъ явиться.

Вообще самонадѣянность православныхъ борцовъ намъ кажется нѣсколько смѣлою, хотя собраніе и обставлено такъ, что въ волѣ предсѣдателя всегда прекратить бесѣду въ тотъ самый моментъ, когда побѣда грозитъ склониться на старообрядческую сторону. Повидимому такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Преосвященный закрылъ собраніе именно тогда, когда требовался отвѣтъ на замысловатое возраженіе безпоповца. Отчего бы не сказать отвѣта тутъ же? Да и сказанъ ли онъ будетъ послѣ? Нельзя сказать, чтобы такого рода недоразумѣнія были особенно благопріятны для дѣла, защищаемаго преосвященнымъ и его помощниками въ собесѣдованіи.

По нашему мнѣнію слѣдовало бы обратить бесѣды или въ простое катихизаторство, или же допустить уже равныя права для обѣихъ сторонъ. А именно не ставить собесѣдниковъ въ положеніе подсудимыхъ, которымъ предоставлено право лишь отвѣчать на предлагаемые вопросы. Предоставьте и имъ ставить вопросы и благоволите отвѣчать на нихъ. Иначе всуе весь трудъ: не только расколъ не будетъ поколебленъ, но соблазнъ будетъ произведенъ и на тѣхъ, кто пребывалъ въ послушаніи церковномъ.

О порядкѣ назначенія церковно-служителей *).

Печатаемъ возраженіе Клерикала, какъ называетъ себя авторъ. Онъ возражаетъ противъ мыслей, высказанныхъ нами по поводу резолюціи митрополита кіевскаго Платона о порядкѣ назначенія священнослужителей. Клерикалъ вооружается канонами, изъ которыхъ выводитъ, что народу предоставляется при рукоположеніи только произносить аксіосъ (достоинъ), именно лишь произносить устами: предполагается, что сердечно народъ уже согласенъ принять рукополагаемаго, обязанъ быть согласенъ, не можетъ и не смѣетъ быть не согласенъ; волѣ его предоставляется единственно на выборъ или гласно объявить свое одобреніе или промолчать, то есть держать про себя. „Аксіосъ", по толкованію автора есть панегирикъ рукополагаемому, основанный не на внутреннемъ убѣжденіи народа въ достоинствѣ рукополагаемаго, а на вѣрѣ въ безусловную непогрѣшимость рукополагающаго и непогрѣшимость клира, если епископъ до рукоположенія совѣщался съ клиромъ „Аксіосъ", толкуетъ авторъ, есть тоже, что „аминь" послѣ возгласовъ и молитвъ, а мы поясним—тоже, что „здравія желаемъ" и „рады стараться", но съ тѣмъ различіемъ, что строевыя формулы произносить обязательно, а „аксіосъ" можно держать въ умѣ Но держать въ умѣ вѣрующій обязанъ предоставленное ему аксіосъ; иначе онъ невѣрующій, отверженный, архіерейское мнѣніе въ данномъ случаѣ равняется догмату или слову Божію, потому что оно равнозначительно „аминю", а аминь употребляется только послѣ непреложныхъ истинъ.

Авторъ уличаетъ насъ, что во времена апостольскія народъ не всегда участвовалъ въ избраніи пастырей, ядовито намъ напоминая о Титѣ и Тимофеѣ, поставленныхъ апостоломъ языковъ. Достоуважаемый Клерикалъ полагаетъ должно быть, что по нашему мнѣнію участіе паствы въ избраніи пастырей доступно даже для „непросвѣщенныхъ" и даже для неоглашен-

*) С И. 11 ноября, № 310

ныхъ: дикарь, еще неозаренный свѣтомъ христіанства, долженъ быть спрошенъ, кого къ нему выслать миссіонеромъ Таковымъ должно быть Клерикалъ предполагаетъ наше мнѣніе, когда указываетъ намъ на Тита и Тимофея. Позволяемъ себѣ разувѣрить почтеннаго нашего оппонента; добавимъ однако въ объясненіе, что даже и апостоламъ Христосъ заповѣдалъ уходить отъ тѣхъ, кто не приметъ, слѣдовательно, не пастырствовать насильно.

Мы не войдемъ въ подробное толкованіе каноновъ, противъ насъ приводимыхъ Замѣтимъ только, что авторъ благоразумнѣе бы поступилъ, когда бы воздержался отъ ссылки на правило, запрещающее вторженіе гражданской власти въ поставленіе священнослужителей, ибо даже невѣдающій каноновъ понимаетъ, что „мірскіе начальники“ не то, что „народъ“. Точно также и „Сборище“, противъ котораго предостерегаетъ другое правило, опять не означаетъ того, что называется народомъ (по гречески лаосъ), то есть собраніе вѣрующихъ Почтенный Клерикалъ подлинно ли такъ несвѣдущъ въ церковномъ словоупотребленіи? Тогда ему не слѣдовало бы браться за возраженіе. А если онъ сознательно подкладываетъ понятіе, завѣдомо неподразумѣваемое словомъ, употребленнымъ въ приводимомъ правилѣ, это не сильно говоритъ въ пользу его добросовѣстности. Правило противъ участія безчинныхъ сборищъ въ избраніи священно-служителей напротивъ и свидѣтельствуетъ въ пользу того, что народъ участвовалъ въ избраніи Къ чему же иначе и устанавливаютъ это, въ сущности полицейское предостереженіе? Если принять толкованіе автора, правило приводимое имъ, похоже было бы на статью Свода Законовъ, которая бы гласила, что становой приставъ не долженъ быть избираемъ пьяной сходкой. Не было ли бы это нелѣпостью, когда становые пристава получаютъ мѣста исключительно по назначенію отъ правительства и избраніе безусловно не допускается? Итакъ на этой почвѣ мы не будемъ спорить Не будемъ на сей разъ опровергать недоумѣнія и чисто практическаго свойства, выставляемыя г. Клерикаломъ. Нѣкоторыя изъ

нихъ забавны. А, ну какъ будутъ забраковывать учившихся въ семинаріяхъ? Крѣпокъ однако взглядъ, о которомъ мы уже говаривали, что по обиходному въ духовенствѣ понятію, священно-служительское мѣсто есть не болѣе, какъ награда за одобрительный учебный аттестатъ. Если будутъ забраковывать семинаристовъ, отвѣтимъ мы, это будетъ означать, что семинаріи не удовлетворяютъ своему назначенію и ихъ стало быть нужно поставить иначе. А съ другой стороны: да развѣ за народомъ рѣшающая власть? Власть все же за епископомъ, рукополагаетъ не народъ, а епископъ. Такъ неужели же не найдется кандидатовъ, которымъ бы единогласно сказали свое „аксіосъ“ и епископъ и народъ? Ужели предположимъ, что епископъ и клиръ на столько лишены нравственнаго значенія въ паствѣ, что приходъ ко всѣмъ увѣщаніямъ и разъясненіямъ клира и епископа останется глухъ? Мы этого не допускаемъ Авторъ боится проволочекъ, лишней процедуры. Если назначеніе пастырей равнять съ назначеніемъ столоначальниковъ и становыхъ, то выйдетъ дѣйствительно только лишняя формальность. Но вѣдь въ томъ-то и вопросъ, чтобъ столь святое дѣло не было формой; для того-то и нужно участіе „народа“, „вѣрныхъ“, „паствы“, чтобы пастыри и пасомые были другъ другу ближе, связанные сердечною любовью и отношенія ихъ были отношеніями живыми, сердечными, а не мертвыми—бумажными

1885 ГОДЪ.

Польское ультрамонтантство *).

Телеграфъ извѣстилъ, что виленскій епископъ Гриневецкій за враждебное и неприличное поведеніе съ русскими властями отрѣшенъ отъ управленія епархіею и сосланъ на жительство въ Ярославль подъ присмотръ полиціи. Какой внушительный урокъ. Кому? Епископу Гриневецкому? Нѣтъ, русскому благодушію Постоянные читатели наши припомнятъ, съ какимъ удивленіемъ и съ какою скорбію на этихъ самыхъ страницахъ встрѣчена была мировая съ римскимъ престоломъ, повлекшая за собою назначеніе нѣсколькихъ новыхъ епископовъ. Намъ возражали тогда; указывали неизбѣжность принятой мѣры, нельзя же де оставлять епархіи безъ епископовъ; высказывались даже надежды (какое простодушіе!), что мы не только примиримъ съ собою Римъ, но чуть не завоюемъ сердца римско-католическихъ подданныхъ польскаго происхожденія и полякующаго направленія. И какъ скоро наступило разочарованіе, двухъ лѣтъ не прошло! Поступокъ Козловскаго былъ дебютомъ, продолженіе взялъ на себя Гриневецкій. Впрочемъ было это развѣ продолженіемъ или то дебютомъ? Ничуть; можно вѣрить, что тотъ и другой случай только выскочили на свѣтъ, а поведеніе Гриневецкаго дошло, должно быть, до того, что и рус-

*) С И 1 февраля, № 31

ское мягкосердное долготерпѣніе, которому, какъ извѣстно, границъ нѣтъ, отказалось выносить далѣе.

Съ ультрамонтантствомъ и тѣмъ болѣе съ ультрамонтантствомъ польскимъ мира нѣтъ; его не должно быть, потому что его быть не можетъ: онъ Россіи, русскому государству и русской народности врагъ въ основаніи. Онъ не можетъ не быть врагомъ, не переставая быть тѣмъ, что онъ есть: папизмъ самъ по себѣ есть отрицаніе государства; всякое отношеніе къ государственной власти, какой бы то ни было и гдѣ бы то ни было, въ глазахъ его есть только временная сдѣлка, вынужденная обстоятельствами, которую приходится принимать, но которую высшій долгъ повелѣваетъ сбросить, лишь представится къ тому возможность. Таковъ папизмъ повсюду, но гдѣ онъ сливается съ народностью, проникнутою сепаратизмомъ, тамъ онъ есть прямо заговорщикъ и мятежникъ; онъ завтра же благословитъ мятежныя знамена, если паства его поднимаетъ противъ законной власти оружіе.

Въ этомъ взглядѣ на ультрамонтантство, который есть единственно основательный, необходимо искать руководственныхъ началъ и для практическаго отношенія къ нему. Князь Бисмаркъ отлично понимаетъ это; многое мы готовы перенять у него, а вотъ взгляду-то на римскую церковь по преимуществу и слѣдовало бы у него поучиться. Но еще положеніе Бисмарка сложнѣе нежели русскаго правительства: католицизмъ въ Германіи принадлежитъ не польской, а отчасти германской національности; Германія вынуждена вступать съ католицизмомъ въ сдѣлки, какъ съ вѣрою, къ несчастью для нея, государственною Но русскаго католицизма исторія не дала; католицизмъ для Россіи имѣлъ одно значеніе отторженія и возмущенія противъ русскаго единства, противъ народности русской и противъ государства русскаго. Таковъ былъ смыслъ уніи, единственной формы, въ которой католицизмъ успѣлъ распространиться среди части русскихъ. Унія была и есть ополячиваніемъ.

Къ чему же тутъ нѣжности? На войнѣ какъ на войнѣ. Когда вы знаете, что льстивый по наружности или сдержанный

сожитель вашъ точитъ на васъ оружіе и въ душѣ желаетъ вашей гибели и вашего униженія, позволительно ли ему вѣрить? Когда онъ говоритъ о своихъ правахъ, ссылаясь на свои догматы, позволительно ли принимать ихъ въ уваженіе? Кромѣ государственной пользы и государственнаго достоинства, ничто другое не должно быть принимаемо въ соображеніе. Всякое своеобразіе, на которое изъявлялъ бы притязаніе католицизмъ на основаніи своихъ уставовъ, можетъ быть терпимо какъ фактъ, но далѣе того ни законъ, ни администрація не должны заходить, памятуя противогосударственное, а въ Россіи и противонародное начало, изъ котораго вышла эта мѣра, и которому она въ своемъ іерархическомъ устройствѣ служитъ воплощеніемъ.

По этому не слѣдовало бы, намъ кажется, ограничиваться такими и частными мѣрами, какова высылка епископа въ русскій губернскій городъ, причемъ какъ бы подразумѣвается, что другой епископъ на мѣстѣ Гриневецкаго будетъ лучше Можетъ быть преемникъ Гриневецкаго поведетъ себя сдержаннѣе, но вѣдь и только. Поэтому на каждую частную выходку достойно было бы отвѣчать общею мѣрою. Дерзокъ и неуважителенъ оказался епископъ. Его выслать, какъ и поступлено, но упразднить и самую епархію. А потому: за что же это, за какія заслуги давать дерзкому архіерею пенсію въ 2000 рублей, какъ объ этомъ пишутъ. Онъ отрѣшенъ; по этому низвести его въ первобытное состояніе, игнорируя его епископское званіе, которое можетъ имѣть значеніе для Рима или для фанатическихъ приверженцевъ его, но не для русскаго правительства.

Въ свое время мы уже ставили вопросъ: за что римско-католическіе іерархи пользуются правами, которыхъ лишены старообрядческіе При всякомъ частномъ обнаруженіи противоправительственнаго отношенія и слѣдовало бы отнимать отъ католической іерархіи, по крайней мѣрѣ въ чисто русскихъ областяхъ, покровительственную руку, тѣмъ болѣе, что въ большинствѣ случаевъ католицизму, съ нарушеніемъ всякой справедливости, оказывается даже больше уваженія, нежели господствующему, православному исповѣданію.

Неудавшееся ходатайство *).

Отвѣтъ святѣйшаго синода на ходатайство московскаго земства о признаніи приходовъ юридическими лицами вовсе не рѣшителенъ, а скорѣе уклончивъ. И въ ходатайствѣ и въ отказѣ нельзя не признать недоразумѣнія. Права заручныхъ святѣйшимъ синодомъ не отвергаются; равно признается, что приходъ въ духовномъ вѣдомствѣ уже пользуется значеніемъ общественной единицы. Слѣдовательно что же? Оставалось бы закрѣпить порядокъ и урегулировать. Не болѣе того, конечно, земство и добивалось; между тѣмъ окончательный выводъ явился совершенно неожиданный, что „ходатайство земства не подлежитъ удовлетворенію". Выставляются соборныя правила, запрещающія полученіе священства отъ мірскихъ начальниковъ; но земство этого не просило и не могло просить, равно не могло посягать на власть архіерея, равно какъ не могло желать, чтобы члены клира избирались „сборищемъ", то есть безпорядочною толпою. Совсѣмъ и не тотъ порядокъ земство имѣло безъ сомнѣнія въ виду, который обличается въ Стоглавѣ. Напротивъ удовлетвореніе земскаго ходатайства и предохранило бы назначеніе священниковъ отъ тѣхъ нарушеній порядка, противъ котораго возстаютъ соборы. Земство не формулировало того, *какъ* должно примѣняться право, о возстановленіи котораго оно ходатайствуетъ; оно желаетъ только, чтобы право не было оставляемо въ пренебреженіи; уже отъ высшей духовной іерархіи зависѣло составить правила, которыми бы обусловливались заручныя и именно чтобы въ нихъ не участвовали „мірскіе начальники" или пьяное „сборище", покупаемое ведромъ вина.

Затѣмъ и въ вопросѣ о церковномъ имуществѣ тоже недоразумѣніе. Приходамъ завѣдываніе имъ неудобно предоставить, потому что составъ приходовъ мѣняется; имущество принадлежитъ церкви. Такова аргументація отвѣта. Но земство и просило, чтобы имущественныя права предоставлены были

*) С. И. 6 февраля, № 35.

церкви. Только какой? Не вселенскую же церковь въ полномъ составѣ разумѣетъ и святѣйшій синодъ, а церковь россійскую; земство же просило о правѣ еще для меньшихъ церквей, для малыхъ собраній, называемыхъ приходами и объединяемыхъ храмомъ и настоятелемъ, надъ пасенемъ, понятно, епископа. Весь вопросъ сводится къ вопросу о централизаціи, и мы сомнѣваемся, чтобы излишняя централизація служила на пользу церкви. Напротивъ благо церкви давно бы требовало, во первыхъ, для архіереевъ большей самостоятельности, нежели имъ теперь предоставлено, а во вторыхъ—самостоятельность и для настоятелей приходскихъ совокупно съ ихъ приходами

Неудавшееся ходатайство *).

Московское губернское земство ходатайствовало объ организаціи приходовъ, и ему отказано. Отказано, какъ мы сказали, по недоразумѣнію.

Святѣйшій синодъ взглянулъ на вопросъ между прочимъ съ точки зрѣнія „вѣдомствъ“. Развѣ это не есть недоразумѣніе?

Другіе въ ходатайствѣ земства усмотрѣли, повидимому, политическій либерализмъ, притязаніе расширить выборныя права. Находимъ и въ этомъ недоразумѣніе.

Святѣйшій синодъ указываетъ между прочимъ, что для дѣлъ благотворенія существуетъ уже при приходахъ готовый органъ—приходскія попечительства. Но сами попечительства что такое, какъ не колоссальнѣйшее изъ недоразумѣній.

Припомнимъ исторію попечительствъ. Зачинателемъ дѣла былъ приходскій настоятель Алексѣй Осиповичъ Ключаревъ, тогда протоіерей Казанской церкви у Калужскихъ воротъ въ Москвѣ, а нынѣ преосвященный харьковскій Амвросій. Чтобы прекратить праздношатающееся попрошайничество, чтобы дать

*) С И 8 февраля, № 37

разумное направленіе приходской благотворительности, которая бы помогала истинно нуждающимся, сама ища ихъ и сострадая, онъ устроилъ въ своемъ приходѣ первую организацію благотворительности. Къ тому времени извлечено было изъ историческаго забвенія древнее учрежденіе „братствъ“ въ западной Россіи. Подоспѣла польская справка; вспомнили, чѣмъ русскіе православные въ древнія времена охранили, насколько было въ силахъ, вѣру и народность отъ іезуитско-польскихъ насилій и обольщеній. Вошли въ моду „братства“ и назрѣла мысль о „попечительствахъ“. „Братства“ и „попечительства“—учрежденія-близнецы, и оба суть недоноски, особенно послѣднее, именно въ силу случайности происхожденія. Учрежденіе братствъ впрочемъ не заключаетъ въ себѣ еще ничего нелогическаго, кромѣ того лишь, что оно присвоило себѣ праздное названіе, ибо любое „братство“ чѣмъ же отличается отъ другого, любого благотворительнаго иль ученаго „общества“. Не то съ „попечительствомъ“, оно связано съ приходомъ и слѣдовательно съ церковью не одною обязанностью отслушать литургію въ извѣстный день при опредѣленной церкви, къ которой приписано (чѣмъ ограничиваются братства). И обязанность попечительства не ограничивается помощью о бѣдныхъ. Нѣтъ, попечительство есть самъ приходъ. Такою по крайней мѣрѣ мыслію задался проэктъ устава; онъ вѣдаетъ не бѣдныхъ только, а и храмъ и духовенство, беретъ на себя устройство школъ и т. д. А приходъ имѣетъ уже свою организацію; въ немъ есть клиръ съ настоятелемъ, есть староста. Въ какое же отношеніе должны были стать эти, закономъ признанные представители прихода, къ новому учрежденію, которое бралось быть тоже представителемъ прихода и присваивало себѣ всѣ функціи, лежавшія доселѣ на прежнихъ представителяхъ совмѣстно со всѣмъ составомъ прихожанъ. Вышло нѣчто несообразное, едва ли возможное гдѣ, кромѣ Россіи. Существуетъ приходъ, то есть малое собраніе вѣрующихъ, объединяемое храмомъ и настоятелемъ; существуетъ причтъ, назначаемый епархіальнымъ преосвященнымъ, и староста, избираемый прихожанами, совмѣстно съ прич-

томъ. Существуетъ церковное хозяйство, которое вѣдаютъ староста съ причтомъ, распоряжаясь доброхотными даяніями, притекающими въ церковь При церкви можетъ быть училище (и бываетъ), бываютъ богадѣльни, вѣдаемыя тѣ и другія тѣмъ же составомъ приходскаго управленія. Но затѣмъ въ приходѣ является другое учрежденіе съ особою организаціею; оно заводитъ свое хозяйство и свои средства Оно есть тотъ же приходъ и вѣдаетъ тѣ же предметы, что настоятель со старостою и всѣми прихожанами въ совокупности украшаетъ церковь, заботится о матеріальномъ бытѣ священнослужителей, устраиваетъ училища и богадѣльни. Тѣ же староста съ настоятелемъ что въ приходѣ прежней организаціи, состоятъ, въ числѣ другихъ, непремѣнными членами новаго учрежденія. Особенность лишь та, что въ попечительствахъ, помимо настоятеля со старостою, засѣдаютъ еще попечители, и что попечительства въ числѣ другихъ предметовъ вѣдаютъ бѣдныхъ прихода.

Ясно, что учрежденіе, внесшее столь странный расколъ, не могло привиться, и гдѣ привилось, тамъ за немногими исключеніями, послужило источникомъ къ пререканіямъ съ іерархіею, ко взаимнымъ неудовольствіямъ церкви съ церковью, церкви, выразимся такъ, приходской съ церковью синодско-консисторской, породило клерикальный вопросъ, котораго по счастью доселѣ не было.

Либо то, либо другое. Либо организація на основаніи Инструкціи благочиннымъ, Инструкціи старостамъ, Устава консисторій и Положенія о свѣчномъ сборѣ, либо устройство на основаніяхъ, намѣченныхъ Положеніемъ о попечительствахъ Когда Положеніе о попечительствахъ находилось еще въ зародышѣ, и между творцами проэкта съ одной стороны и іерархіею съ другой возникло разногласіе о томъ, въ какомъ отношеніи должны стоять къ попечительствамъ настоятель со старостою, пишущему сіи строки пришлось подать голосъ, что настоятель долженъ быть или непремѣннымъ предсѣдателемъ попечительства или вовсе не состоять его членомъ, смотря потому, какая мысль положена будетъ въ учрежденіе. Если клиръ есть только

предметъ попечительства, „опекаемый“, тогда настоятелю не слѣдъ быть членомъ, тѣмъ менѣе предсѣдателемъ. Попечительство тогда будетъ организованною паствою, тѣмъ „народнымъ совѣтомъ“, который существуетъ, напримѣръ, при константинопольской церкви. Или же попечительство есть организованная приходская церковь въ полномъ составѣ клира и паствы, тогда настоятель долженъ быть непремѣннымъ предсѣдателемъ, какъ требуется по самой идеѣ церковнаго устроенія. Но тогда настоятель, понятно, долженъ быть назначаемъ уже не иначе какъ съ согласія прихода (паствы и остальныхъ членовъ клира). Во всякомъ случаѣ, при томъ или другомъ устройствѣ одинаково, средства попечительства и его хозяйство должны быть нераздѣльны со средствами и хозяйствомъ церковными въ тѣснѣйшемъ консисторскомъ смыслѣ безъ этого неизбѣжный расколъ. То и случилось, какъ мы предсказывали. И этотъ-то продуктъ законодательнаго недоразумѣнія о существѣ церковнаго устройства и каноническихъ отношеніяхъ между клиромъ и паствою указывается земству въ видѣ правильнаго якобы органа общественной благотворительности.

Объ уніи*).

Съ удивленіемъ, близкимъ къ негодованію, обращается „Варшавскій Дневникъ“ къ столичной печати: какъ это она пропустила такое событіе, какъ переговоры между Римскою куріею и Константинопольскимъ патріархатомъ о соединеніи церквей, при чемъ блаженнѣйшій Іоакимъ IV якобы склоняется къ уніи. Удивленіе варшавской газеты напоминаетъ намъ о настояніяхъ, съ которыми годъ тому назадъ и болѣе обращались нѣкоторые письменно къ редактору „Современныхъ Извѣстій“, почему онъ, и именно онъ въ частности, не выступитъ со словомъ противъ В. С. Соловьева, который явился пропо-

*) С И 14 февраля, № 43.

вѣдникомъ своего рода тоже уніи Не отвѣчая за другихъ, скажемъ за себя, что ни оригинальное воззрѣніе, съ которымъ выступилъ В С Соловьевъ, ни склонность къ уніи приписываемую Константинопольскому патріарху, мы не считаемъ достойными не только серіознаго спора, но даже серіознаго упоминанія. Унія! Мысль о ней есть нѣчто даже забавное, не говоря о томъ, что къ вѣрѣ она не имѣетъ отношенія. Въ уніи весь вопросъ о дисциплинѣ, о власти, и тѣмъ онъ возмутительнѣе, что Римъ охотно пожертвуетъ даже догматомъ, лишь бы сохранить авторитетъ папской туфли, о которой съ такимъ справедливымъ омерзеніемъ говаривалъ въ своихъ сочиненіяхъ блаженной памяти Платонъ митрополитъ московскій. Придумывая унію новѣйшей конструкціи, и В С. Соловьевъ находитъ ее нужнымъ тоже лишь для внѣшняго единства, котораго, по мнѣнію почтеннаго ученаго, не достаетъ для церкви. Внѣшнее единство, то есть—единство власти, которое можетъ быть логически завершено только признаніемъ непогрѣшимаго папы, гдѣ бы онъ ни сидѣлъ, въ Римѣ или другомъ мѣстѣ. А духовная непогрѣшимость въ единоличномъ воплощеніи, это есть демонизмъ вмѣсто христіанства, перенесенный въ церковь. Лютеранскіе богословы первыхъ временъ не очень были далеки отъ истины, когда антихристомъ и вавилонскою блудницею признавали Римскаго папу.

Въ стремленіяхъ папизма подчинить себѣ восточную церковь не видимъ никакой новости: и Пій IX обращался къ восточнымъ патріархамъ, отчего же не попытаться и Льву XIII. Если, какъ увѣряетъ польскій „Часъ“, около Константинопольскаго престола есть люди, склонные къ соединенію (въ числѣ ихъ называютъ логоѳета Аристарха бея), то и это насъ не удивитъ. Возможно, что и патріархъ, не этотъ, такъ другой, подпишетъ даже унію; развѣ это не бывало, развѣ не было Флорентійскаго собора и не остался въ свое время одинъ Маркъ Ефесскій вѣрнымъ церкви. Польско-клерикальному „Часу“ извинительно предаваться грезамъ, что вотъ исчезнетъ „схима“, и востокъ переродится подъ „живительнымъ вліяніемъ католи-

цизма и западной цивилизаціи". „Живительное" вліяніе! Что-то этого не слыхивали мы о католицизмѣ, который напротивъ вездѣ мертвитъ, душитъ и порабощаетъ. А западная цивилизація, которую неожиданно сближаетъ польская газета съ католицизмомъ, и народилась именно какъ протестъ противъ католичества „Часъ" плохо знаетъ исторію или находитъ нужнымъ притвориться, что забылъ ее, клерикальному органу не подобало забывать по крайней мѣрѣ, что не противъ чего однако и воюетъ болѣе всего современная курія, какъ противъ цивилизаціи (то есть внѣшняго просвѣщенія). Изъ чего и состоялъ знаменитый „Syllabus errorum" („Перечень заблужденій") Пія IX А были слухи, что Левъ XIII тоже хочетъ издать свой Силлабусъ Но у ультрамонтантства стратегія всегда такова. въ одну сторону одна логика. въ обращеніи къ другой другая Это даже столь обыкновенное явленіе, что на немъ останавливаться не стоитъ.

Нѣсколько серіознѣе то указаніе, что папистамъ надежду на успѣхъ внушаетъ современная распря болгаръ съ греками. Либо ту, либо другую сторону надѣются они уловить, разумѣется, не наставленіемъ въ духовной истинѣ, а приманкою политическаго господства: „кто нашъ, за тѣмъ и будетъ востокъ". Могутъ найтись легковѣрные и перейдутъ на сторону Рима. „Часъ" мечтаетъ именно о грекахъ. Только времена-то прошли не только крестовыхъ походовъ, когда путемъ завоеваній водворился латинскій патріархатъ въ Царьградѣ, но даже времена Флорентійскаго собора. Кто-жъ будетъ крестоносцемъ Льва XIII? Его апостолическое величество Австровенгерскій императоръ? Австрія дѣйствительно ищетъ присвоить себѣ востокъ посредствомъ окатоличиванія жителей. Но вѣдь Австрійскій же императоръ, а не греческій король. „Часъ" же развертываетъ предъ независимыми греками перспективу, что они, а не Австрія, станутъ наслѣдниками турецкихъ владѣній въ Европѣ и Малой Азіи, когда обратятся въ католичество.

Рознь между греками и болгарами во всякомъ случаѣ существуетъ, и это самая печальная сторона дѣла. Существуетъ

не только рознь, но прямой расколъ, который прекратить ни та, ни другая сторона не рѣшается· племенная вражда слишкомъ сильна. Къ вѣрѣ опять рознь эта имѣетъ мало отношенія; дѣло въ будущемъ политическомъ господствѣ. И въ интересахъ, конечно, Римской куріи съ одной стороны, Австровенгріи съ другой поддерживать непріязнь и раздувать огонь въ надеждѣ попользоваться чѣмъ-нибудь, когда пожаръ вспыхнетъ. Добыча будетъ вообще не велика, но жалко, что въ виду подстрекателей раздора бездѣйствуетъ повидимому миротворное участіе народовъ и государствъ единовѣрнымъ грекамъ и болгарамъ. Если „Часъ“ сулитъ востоку счастіе отъ подчиненія Риму, то самъ востокъ долженъ бы понять, что раздѣленіе-то его и есть его несчастіе.

Памятникъ—храмъ Царю Освободителю *).

19 февраля великій день Онъ нынче не въ модѣ, правда; но исторія не только не вычеркнетъ, но поставитъ его въ числѣ величайшихъ дней, какіе только бывали въ жизни всѣхъ народовъ. Освободительная реформа повлекла за собою рядъ другихъ; почти весь механизмъ государственный преобразовался. Сила центробѣжная, какъ всегда бываетъ въ подобные періоды, начала развиваться уже въ ущербъ центростремительной, сплачивающей. Пришлось остановиться, сдержаться, и естественно при этомъ нанесено облако на самыя реформы и въ томъ числѣ на освободительную. Грязная пѣна, выброшенная на верхъ неизбѣжнымъ броженіемъ, заставила усомниться, въ государственномъ ли интересѣ даже произведены всѣ реформы, кинуто бродило въ безвкусное сусло, не лучше ли было при немъ остаться? Все это естественно и все это временно. Неизбѣжное разстройство во всякомъ случаѣ произошло въ меньшемъ размѣрѣ, нежели можно было опасаться, и единственнымъ истиннымъ несчастіемъ реформеннаго періода должно признать то,

*) С И 19 февраля, № 48

что Россія за него заплатила жизнію Освободителя; это есть не только несчастіе, но и всенародный стыдъ. Всѣ остальныя прорѣхи: въ мѣстномъ самоуправленіи, въ преобразованномъ судѣ (здѣсь всего менѣе), въ свободѣ слова, такъ несущественны и столь легко исправимы, что не печалиться и негодовать, а все-таки благословлять должно великій день 19 февраля, а для того оживлять почаще въ мысли контрастъ между Россіею до 1856 года и послѣ, но проводить сравненіе добросовѣстно, не льстя ни той ни другой, не обѣляя коренныхъ недостатковъ и не раздувая частныхъ въ коренное зло

19 февраля—наканунѣ своего перваго юбилея Знаменіе времени, что никто объ этомъ не заикается, когда заранѣе вздумали даже такой юбилей, какъ свв. Кирилла и Меѳодія, которыхъ и память-то хранилась исключительно въ небольшомъ кружкѣ лингвистовъ и археологовъ. Это небреженіе о 19 февраля, въ виду вышеизложеннаго, и естественно въ классахъ собственно руководящихъ. Но не забыли 19 февраля тѣ, кто непосредственно воспользовались его благодѣяніями. На нашихъ столбцахъ однимъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ уже былъ поднятъ вопросъ (№ 18): чѣмъ же мы возблагодаримъ Освободителя, чѣмъ помянемъ Его въ великій день юбилея, въ тотъ день, когда, озираясь, увидимъ, что освобожденная Русь уже перешла совершеннолѣтіе, а населеніе, оставшееся отъ дореформенной Россіи, давно пережило средній періодъ, назначенный человѣческой жизни. Нынѣ другой бывшій крѣпостной снова напоминаетъ о 19 февраля и по этому поводу спрашиваетъ: куда же дѣвались деньги, собранныя освобожденными съ самихъ себя на построеніе храма въ память великаго событія? Огорченному сердцу невольно представляется, что деньги расхищены, что дѣло замяли; даже болѣе—что виновата въ этомъ интеллигенція или „бывшіе наши господа“, какъ выражается авторъ.

Нѣтъ, отвѣтимъ мы почтенному автору, деньги, сколько намъ извѣстно, не пропали. онѣ цѣлы и дѣла не заминали; наконецъ нисколько невиновата здѣсь интеллигенція и еще

того менѣе бывшіе господа. Дѣло заглохло по одной, очень обычной въ Россіи причинѣ, отъ того, что оно поведено было *казеннымъ* способомъ. „Казенщина“—достаточно одного этого слова; въ ней все замретъ, самый пылкій энтузіазмъ охладится, самое возвышенное чувство обратится въ безсмысленную бездушную пошлость; вмѣсто людей съ чувствомъ и мыслію будутъ двигаться бумаги за №, правда, составляемыя живыми лицами, но которые по отношенію къ бумагѣ суть не творцы, а орудія.

Собирать деньги на построеніе храма въ память 19 февраля поручено было, сколько намъ извѣстно, одному о архимандриту. Разумѣется, онъ исполнялъ порученіе добросовѣстно, то есть записывалъ полученія въ книгу, отъ времени до времени публиковалъ въ газетахъ о количествѣ получаемыхъ приношеній· „симъ честь имѣю извѣстить“.... и проч Отъ казеннаго исполненія чего-жъ больше требовать? Лично о архимандритъ, да и все духовенство въ этомъ отношеніи не заинтересованы. Думаемъ, что о. архимандритъ даже потяготился обязанностью, исполненіе которой не могло обѣщать ни лишняго украшенія на перси, ни перевода въ болѣе видное мѣсто, не говоря объ архіерейской каѳедрѣ. Интеллигенція и вообще руководящіе классы виноваты тѣмъ, правда, что спихнули дѣло съ своихъ рукъ и забыли о немъ, не захотѣли позаботиться о „малыхъ сихъ“ и облегчить имъ выполненіе обязанности сердца, а холодныхъ и малочувственныхъ возбудить и вдохновить; тогда дѣйствительно собралось бы, какъ замѣчаетъ справедливо авторъ, не десятки тысячъ, а милліоны съ освобожденныхъ на сооруженіе храма въ память освобожденія Сколько собралось бы хоть отъ того одного, напримѣръ, еслибы во всѣхъ селеніяхъ, бывшихъ подъ крѣпостною зависимостью, да и во всѣхъ городахъ, священники 19 февраля, послѣ богослуженія, хотя въ краткомъ словѣ, напоминали бы освобожденнымъ благодѣяніе имъ оказанное, и затѣмъ обошли съ тарелкой присутствующихъ, напоминая, что это „на храмъ, въ которомъ навсегда будетъ приноситься безкровная жертва за здравіе Освободителя, а при кончинѣ Его, за Его упокоеніе“. Но

этого, разумѣется, не было, едва ли даже кружка въ церквахъ была на этотъ предметъ поставлена. Кто же объ этомъ позаботится? Вѣдь для этого нужно „предписаніе“, „указъ“, а указъ долженъ имѣть поводъ, кто-нибудь долженъ возбудить его; должно послѣдовать отъ кого-нибудь бумажное „представленіе“. Отъ кого же? Отъ о. архимандрита завѣдующаго деньгами? А ему какая обязанность! Мало того: какое право? Его дѣло собирать и хранить, а не совѣты давать, какъ увеличивать сборъ; не въ правѣ ли ему начальство сказать: а какое тебѣ дѣло?

Намъ, то есть, „Современнымъ Извѣстіямъ“, не скажутъ: а тебѣ какое дѣло? И мы пользуемся своимъ правомъ, мы пока одни. Кромѣ насъ, никто еще не болѣлъ, никто не напоминалъ объ этомъ, смѣемъ такъ выразиться, всенародномъ позорѣ равнодушія И мы напоминаемъ не въ первый разъ. На одно изъ напоминаній, давно это было, откликнулся отецъ архимандритъ-собиратель: онъ сказалъ то, что и слѣдовало ему сказать, то есть, что онъ тутъ не причемъ. Можетъ быть услышимъ и теперь подобный откликъ Но того ли нужно, достаточно ли этого? Вотъ вамъ голосъ бывшаго крѣпостного, голосъ тоски и негодованія, излетающій изъ благодарнаго, вѣрноподданническаго сердца. Троньтесь же кто-нибудь. Вѣдь 19 февраля наканунѣ своего юбилея. Наконецъ, вѣдь 19 февраля есть начало всеобщаго нашего обновленія, а не однихъ бывшихъ крѣпостныхъ, вѣдь это грань новаго періода исторіи. Прислушиваемся... ужели такъ таки и никто?

Чествованіе памяти св. Кирилла и Меѳодія *).

Городская дума въ послѣднемъ засѣданіи приняла предложеніе гласнаго И Н. Мамонтова: 1) принять участіе въ предстоящемъ 6 апрѣля славянскомъ праздникѣ чествованіемъ памяти свв. Кирилла и Меѳодія, 2)—увѣковѣчить въ Москвѣ память о свв. Кириллѣ и Меѳодіи постройкой, при участіи

*) С И 23 февраля, № 52.

московскаго городского управленія, всей Россіи и всѣхъ славянъ, часовни-храма во имя упомянутыхъ святыхъ, на „Красной площади“, у стѣны Кремля, въ срединѣ между Никольскими и Спасскими воротами, лицомъ къ памятнику Пожарскаго и Минина, чтобы такимъ образомъ, прислонялась къ святынѣ Россіи, московскому Кремлю, рядомъ съ этою святынею, въ сердцѣ Москвы и Россіи, на самомъ видномъ ихъ мѣстѣ, стояла святыня всѣхъ славянъ, святыня, видимо напоминающая святую истину о непреложности нравственнаго единенія всѣхъ славянъ между собою“.

Хотя проектъ храма-часовни, и именно на данномъ мѣстѣ можетъ быть и нѣсколько поспѣшенъ своею подробностью, но самая мысль о такомъ памятникѣ почтенна, и предложеніе г. Мамонтова вполнѣ достойно сочувствія, которое ему оказано думою.

Москва должна принять участіе въ чествованіи славянскихъ первоучителей, несомнѣнно.

Москва, стоявшая всегда во главѣ всякаго нравственнаго движенія въ народѣ, не должна и на сей разъ остаться нѣмою, когда Римъ и Вѣна выраженіемъ запоздалаго сочувствія славянскимъ первоучителямъ идутъ въ Велеградъ произвести манифестацію противъ Россіи и православія

Но слышатъ ли, чуютъ ли Москва и вся Русь это враждебное противъ нихъ движеніе? Оцѣниваютъ ли этотъ крестовый походъ, предпринимаемый противъ насъ, вдохновляющій польскихъ бискуповъ на дерзости противъ русскаго правительства и народа и собирающій славянскіе народы подъ ультрамонтантскія знамена, съ намѣченною цѣлью основать новую латинскую имперію тамъ, гдѣ нашъ Олегъ прибивалъ свой щитъ? Замыселъ напрасенъ, нѣтъ сомнѣнія, но согласно ли съ народной и государственной честью оставить его безъ отпора, хотя нравственнаго? Католическая пропаганда на всемъ Балканскомъ полуостровѣ во всемъ разгарѣ, линіями желѣзныхъ дорогъ спѣшатъ доставить экономическія облегченія къ будущему господству католической имперіи; всякій намекъ на сочувствіе православію и Россіи топчется и преслѣдуется. Не далѣе какъ

позавчера мы читали, что въ Босніи на почтѣ не принимаютъ даже писемъ со славянскими адресами. О лицемѣріе, о іезуитизмъ! Сбираются чествовать Кирилла и Меѳодія и преслѣдуютъ начертаніе буквъ, преподанное св. Кирилломъ! Таковы и были всегда папство и іезуитизмъ Замыселъ ихъ напрасенъ, повторимъ мы: въ то же время даже въ хорватахъ, этихъ вторыхъ полякахъ, партія Старчевича по крайней мѣрѣ отказывается принять участіе въ Велеградскомъ торжествѣ, открыто заявляя, что манифестація противъ Россіи ей противна; а въ Галичинѣ идетъ движеніе среди уніатъ къ возвращенію въ православіе. Да, замыселъ напрасенъ; но намъ ли потворствовать? „Да, мы схизматики, вы правду говорите; свв. Кириллъ и Меѳодій были дѣйствительно паписты, и славяне должны дѣйствительно объединиться не иначе какъ у подножія папскаго престола подъ черно-желтымъ австрійскимъ знаменемъ. Мы и не славяне, хотя остаемся среди всѣхъ единственными носителями наслѣдія, оставленнаго святыми первоучителями. Но нужды нѣтъ, что прочіе только теперь и только на зло намъ воспомянули славянскихъ апостоловъ, а мы все-таки москали, смѣсь татаръ съ какими-то неизвѣстными племенами“. Вотъ подо что подписались бы мы своимъ безучастнымъ молчаніемъ.

Итакъ, Москва должна принять участіе въ чествованіи свв первоучителей и должна сказаться, должна увѣковѣчить свое почтеніе къ памяти тѣхъ, чьимъ трудомъ и безъ сомнѣнія чьимъ молитвамъ, прежде нежели чему другому, одолжены мы своимъ единствомъ, своимъ просвѣщеніемъ, а черезъ то и силою. На голосъ Москвы вся Русь откликнется и подъ хоругвію святыхъ первоучителей засвидѣтельствуетъ о себѣ, чѣмъ она есть.

„Подъ хоругвію святыхъ первоучителей....“ Но у Москвы нѣтъ такой хоругви; такая есть только у Петербурга и подъ нею становится Славянское Благотворительное Общество. У насъ, въ Москвѣ и Славянское Благотворительное Общество закрыто; въ силу какихъ опасеній? За какой вредъ? Да въ силу того, что мы подписывали Берлинскій трактатъ, и на немъ представлялъ Россію графъ Шуваловъ Закрытіемъ Общества,

вызвавшаго сочувствіе бѣдствовавшимъ славянамъ и напомнившаго Россіи о восточномъ вопросѣ и объ ея въ немъ призваніи, мы поклонились князю Бисмарку и лорду Биконсфильду: „виноваты-де, впередъ не будемъ“.

Благовременно было бы ко дню славянскаго юбилея ходатайствовать и о возстановленіи въ Москвѣ Славянскаго Благотворительнаго Общества, провинившагося лишь своимъ патріотизмомъ Но патріотизмъ не такое же преступленіе, за которое даже прощенія не полагается. Издатель „Современныхъ Извѣстій“ былъ изъ числа тѣхъ единицъ (пяти или шести), которыя положили нѣкогда начало Славянскому Обществу (тогда называвшемуся еще Комитетомъ); всѣ остальные основатели сошли въ могилу. Тѣмъ настоятельнѣе чувствуемъ на себѣ нравственный долгъ поднять голосъ за возстановленіе учрежденія незаслуженно закрытаго.

Общество хоругвеносцевъ не преминетъ, мы въ этомъ увѣрены, соорудить хоругвь въ честь святыхъ первоучителей

Чѣмъ же однако еще почтитъ Москва день 6-го апрѣля?— Молитвою и обмѣномъ мыслей. Общество Любителей Церковнаго Пѣнія, слышали мы, уже готовится, при участіи пяти или болѣе сотъ исполнителей, пропѣть литургію тѣмъ напѣвомъ, который, по ученымъ изслѣдованіямъ, прямѣе всего идетъ отъ святыхъ Кирилла и Меѳодія, чрезъ Іерусалимскую церковь, минуя даже Цареградскую.

Отстанутъ ли ученыя общества? Не хотимъ этому вѣрить. Но желалось бы, чтобы этотъ знаменательный день почтенъ былъ собраніемъ не въ разсыпную, а соединенныхъ. Общество Исторіи и Древностей, Общество Словесности, Общество Археологическое, Общество Пѣнія должны бы слиться на этотъ разъ. А теперь время было бы устроиться уже и Комитету, чтобы выработать программу праздника. Петербургъ, младшій Москвѣ братъ по славянству, встрѣчаетъ знаменательный день достойно, Кіевъ, старшій братъ, первый получившій книги святыхъ братьевъ, чествуетъ ихъ закладкой храма въ ихъ память Москва сдѣлаетъ больше, мы надѣемся, ея голосъ будетъ и громогласнѣе и знаменательнѣе

О пересмотрѣ текста священныхъ книгъ *).

„Новое Время“ обратило вниманіе на статью „Современныхъ Извѣстій“, въ которой говорилось о благовременности приступить къ пересмотру славянскаго текста священныхъ книгъ; называя эту мысль „смѣлою“, не совсѣмъ точно передаетъ газета одну подробность, о которой мы упоминали. Митрополитъ Филаретъ, говоритъ „Новое Время“, одобрялъ эту мысль въ *принципѣ*, но его смущало опасеніе, что новый пересмотръ книгъ дастъ пищу расколу.

Нѣтъ, блаженной памяти митрополитъ не выражалъ этого опасенія, и мы совсѣмъ думали не то сказать, когда упомянувъ о сочувствіи, съ которымъ принимаема была наша мысль, прибавили „но.... но....“ Препятствія о которыхъ намекалось многоточіемъ, совсѣмъ не оттуда истекали, а

а) изъ необыкновенной скромности и смиренія, которыя были существенны блаженной памяти митрополиту. „Мнѣ этого не поручено“, таковы были всегда его отвѣты на мысли, подобныя той, о которой идетъ рѣчь Въ этомъ отношеніи митрополитъ былъ строжайшій формалистъ и никогда не дозволялъ себѣ переходить черты, до которой разрѣшалась ему формальнымъ закономъ инициатива въ церковной области. Онъ былъ самый пламенный приверженецъ мысли о необходимости перевода библіи на живой языкъ Его предложенію и обязана Россія, что русскій текстъ, дважды задавленный, при закрытіи Библейскаго Общества и при попыткѣ Павскаго воспользоваться преподаваніемъ еврейскаго языка для переложенія ветхозавѣтныхъ книгъ на живое нарѣчіе,—его, говоримъ, митрополита Филарета предложенію Россія обязана воскрешеніемъ русскаго перевода. Но случилось это лишь въ 1856 году, когда по случаю коронаціи синодъ засѣдалъ въ Москвѣ, и митрополитъ воспользовался тѣмъ, что это обстоятельство дало ему возможность лично присутствовать въ синодскихъ засѣданіяхъ. Обнаде-

*) С. И. 28 февраля, № 57.

женный тѣмъ, что наступило новое царствованіе, онъ рѣшился въ собраніи выступить съ предложеніемъ, которое всегда было у него на сердцѣ Сдѣлать же заочное, письменное предложеніе по самоличному почину, никогда бы онъ не посмѣлъ. Мы въ этомъ глубоко увѣрены по слишкомъ многимъ даннымъ.

Такъ и въ настоящемъ вопросѣ „мнѣ не предписано, мнѣ не поручено“. Сказано ли это было или нѣтъ, для дѣла безразлично во всякомъ случаѣ сказано было бы непремѣнно, хотя и сочувствіе было бы несомнѣнно и содѣйствіе было бы оказано полнѣйшее, лишь бы только „было поручено“ или „было предписано“.

б) Существеннѣйшее-то препятствіе оказалось именно въ томъ порядкѣ управленія, при которомъ старѣйшій, всепочитаемый іерархъ Русской церкви долженъ былъ ждать внѣшняго побужденія и разрѣшенія Но откуда оно могло изойти? Кто далъ бы первое *предложеніе*, или отъ кого поступило бы первое *представленіе* въ формально служебномъ порядкѣ? Бесѣдовалъ управляющій синодальною типографіею съ московскимъ митрополитомъ, но въ порядкѣ управленія синодальная типографія есть „хозяйственное“ мѣсто, подчиненное „хозяйственному управленію“. Представленіе объ исправленіи текста было бы точно также нарушеніемъ субординаціи. Управляющій, правда, позволялъ себѣ это иногда; входилъ съ представленіями по редакціоннымъ вопросамъ, частію черезъ докладныя записки митрополиту, частію непосредственно. По его указанію, при посредствѣ митрополита, исправлена была надпись на антиминсѣ, предпринята была новая болѣе совершенная и точная редакція твореній св. Тихона, исключено было и исправлено нѣсколько—„блазненныхъ мѣстъ“ въ богослужебныхъ книгахъ, наряжена была коммиссія для исправленія подстрочнаго указателя къ библейскому тексту. Но все было возможно до предѣловъ, пока не касалось денежнаго вопроса, пока дѣло могло быть исполняемо безкорыстно труженниками и энтузіастами. Полное же исправленіе текста священныхъ книгъ не могло совершиться такимъ обходнымъ и дешевымъ путемъ. Оно воз-

можно было только при устройствѣ цѣлаго учрежденія на подобіе Археографической Коммиссіи; при усвоенныхъ въ духовномъ вѣдомствѣ порядкахъ возможно ли было этого достигнуть? Примѣръ былъ ранѣе того: требовалось обаяніе Филаретова имени и требовались покушенія свѣтскаго вѣдомства на синодальную библіотеку, чтобы составилась редакція даже не болѣе какъ изъ двухъ лицъ (для описанія синодальныхъ рукописей). И то разщедрилось тогда синодальное вѣдомство не болѣе какъ на безсрочный отпускъ одного профессора семинаріи (Капитона Невоструева) съ сохраненіемъ жалованья (въ 280 рублей). А трудъ былъ гигантскій, безпримѣрный въ библіографической литературѣ; и все-таки былъ не только безкорыстный, но какъ мы сказали,—даже при такихъ обстоятельствахъ, какъ всецѣлое содѣйствіе Филарета и опасность утерять изъ рукъ библіотеку, могъ совершиться только при подвигѣ и самоотверженіи По кончинѣ труженниковъ, оцѣнка труда дана была между прочимъ профессоромъ Тихонравовымъ: но и тотъ, можно сказать, уловилъ только часть подвига.

И такъ вотъ гдѣ затрудненія. Великое дѣло общаго пересмотра книгъ не только было бы необходимо для блага церкви, для общенароднаго просвѣщенія и для освѣженія связи между единовѣрческимъ славянствомъ и даже славянами вообще,—оно было бы сравнительно и легко. Даже средства готовыя есть. Въ духовномъ вѣдомствѣ существуютъ синодальныя типографіи; онѣ даютъ доходъ; существуетъ даже спеціальный типографскій капиталъ, составившійся изъ типографскихъ прибылей, но. . поставимъ опять точки. Отняло бы много времени входить въ подробности; достаточно сказать, что дѣло редакціонное и техническое въ синодальныхъ типографіяхъ разлучены. Типографіи суть хозяйственныя заведенія, оброчная статья, не далѣе; типографскимъ доходамъ отыскиваютъ назначенія, для современнаго взгляда въ духовномъ вѣдомствѣ вѣроятно болѣе полезныя церкви и просвѣщенію, нежели забота о текстѣ богослужебныхъ и просвѣтительныхъ книгъ.

Филаретъ не опасался, что новымъ исправленіемъ дана будетъ пища расколу. Онъ не могъ опасаться, потому что

опасеніе нелѣпо· исправленіе коснулось бы Никоновскаго текста, не того, который признаютъ святыней, а въ которомъ именно и вообразили нарушеніе святыни

Исправленіе не только не породитъ раскола, напротивъ окажетъ содѣйствіе къ умиротворенію церкви. Достаточно указать, что старообрядцы именно и довольны были бы его исправленіемъ. Они этого и желаютъ Въ этомъ смыслѣ высказывается горячій защитникъ старыхъ обрядовъ протоіерей Верховскій Въ томъ же смыслѣ разсуждаетъ одинъ изъ видныхъ старообрядцевъ—единовѣрцевъ, соображенія котораго будутъ на дняхъ представлены читателямъ „Современныхъ Извѣстій“.

Старообрядцы и не могутъ не быть довольными въ тѣхъ случаяхъ,—а такіе послѣдуютъ,—когда Никоновское чтеніе найдено будетъ менѣе совершеннымъ и точнымъ, нежели Іосифское и Филаретовское. Они не могутъ не быть довольными, когда возстановлены будутъ правильныя грамматическія формы (въ родѣ *предастъ*, нами уже упомянутой), иногда болѣе древнія, нежели въ печатныхъ книгахъ Филаретовскихъ. Они не могутъ не быть довольными, когда выкинута будетъ молитва Трифону, которой они не принимаютъ и которой защищать нельзя же: нельзя же защищать заклятія „именемъ великимъ, на камени написаннымъ, но не носившемъ, а разсѣдшемся яко воскъ отъ лица огня (?)“. Однако эта молитва существуетъ въ Никоновскихъ книгахъ За то ревнители старопечатныхъ книгъ по неволѣ должны будутъ и смириться передъ многимъ, столь же очевидно и даже болѣе очевиднымъ образомъ доказывающимъ неисправность Іосифовскаго текста: и здѣсь то шагъ къ примиренію.

Нѣтъ, исправленіе было бы великимъ дѣломъ, многоплоднымъ въ разныхъ отношеніяхъ. И матеріалы есть и люди найдутся; двѣсти лѣтъ не даромъ прожито, повторимъ мы. И какъ бы оно было благовременно!

Награды духовенству *).

Нельзя не привѣтствовать состоявшагося постановленія по духовному вѣдомству, чтобы священнослужители въ церковномъ облаченіи не возлагали на себя свѣтскихъ отличій. Если это шагъ къ тому, чтобъ вообще упразднить или по крайней мѣрѣ ослабить обычай такъ называемыхъ „свѣтскихъ наградъ“ духовенству, то и тѣмъ болѣе должно радоваться. Невозможно исчислить вредъ, нанесенный церкви нововведеніемъ, которому безуспѣшно сопротивлялся покойный митрополитъ Платонъ, возмущавшійся тѣмъ, что архіерею или священнику придется быть „кавалеромъ“. Ознаменованіе благоволенія верховной власти духовному лицу и выраженіе благоволенія въ матеріальной ли наградѣ, матеріальномъ ли украшеніи, само по себѣ не заключаетъ ничего предосудительнаго; но затѣмъ послѣдовала въ духовенствѣ своего рода табель о рангахъ, независимо отъ іерархическихъ степеней, хотя и перепутавшаяся съ ними. Пошли срочныя представленія къ скуфьямъ, камилавкамъ, орденамъ, совершенно какъ въ чиновничьемъ мірѣ, и количество носимыхъ регалій стало однимъ изъ основаній даже къ іерархическимъ повышеніямъ. Къ „наградамъ“ духовныя лица потянулись и такъ какъ на первый разъ награды давались не за самое священнослуженіе, а за исправленіе какихъ-нибудь должностей на государственной службѣ въ священнослужительскомъ санѣ, то іерейство стало добиваться должностей законоучителя, депутата, увѣщателя и т. п. Естественно оттягивалось оно этимъ отъ прямыхъ своихъ обязанностей къ паствѣ. Въ послѣдствіи однако забыто было и первоначальное различіе: скуфьи, камилавки, ордена начали раздавать за проповѣданіе слова Божія и за исправное священнослуженіе, проглядывая при этомъ, что такимъ порядкомъ наградъ наносится предосужденіе даже догмату о священствѣ Каждый священнослужитель есть несомнѣнно подданный Государя и обязанъ быть его слугой, но самое его священство истекаетъ изъ другого строя, церков-

*) С. И 5 марта, № 62

наго, а не государственнаго, и основано на началѣ, отличномъ отъ государственной службы, хотя и совмѣстимымъ съ нею· оно есть не пожалованіе отъ Государя, а благодать Святого Духа, ниспосылаемая чрезъ рукоположеніе

Года три назадъ въ порядкѣ наградъ духовнымъ лицамъ послѣдовало нѣкоторое измѣненіе, но не въ желаемомъ направленіи, о чемъ мы тогда же и высказались. скуфьи и камилавки изъ монаршихъ наградъ обращены были въ награды священно-іерархическаго порядка. Это, какъ намъ казалось, внесло только новую путаницу въ понятія объ іерархическомъ порядкѣ; но съ ней пожалуй можно и примириться теперь въ виду послѣдняго указа о несовмѣстимости регалій съ священнымъ облаченіемъ. Достигнуто по крайней мѣрѣ то, что во время богослуженія священнослужитель украшается теперь облаченіемъ исключительно уже церковнаго происхожденія, полагая въ томъ числѣ и скуфью, хотя послѣдняя и не подлинно церковный знакъ. Въ виду обычая, не легко исправимаго, должно примириться съ апокрифическимъ родословіемъ головного украшенія, тѣмъ болѣе, что и митра и архіерейскій саккосъ не болѣе чистаго происхожденія. Мы вѣримъ, что придетъ время, когда священнослужительскій чинъ совлачится многаго, примѣсившагося къ нему изъ государственнаго чина со временъ Византіи. Но исторія, а тѣмъ болѣе миръ церкви имѣютъ свои права, и на „орлецы“ архіерейскіе, равно какъ на титулъ „всесвятѣйшества“, придаваемый Константинопольскому епископу (въ буквальномъ смыслѣ даже кощунственный), можетъ взирать церковь со „снисхожденіемъ“, къ которому обязываетъ христіанская любовь.

Чествованіе памяти святыхъ Кирилла и Меѳодія *).

Намъ изъ Петербурга пишутъ, что приготовленія къ славянскому празднику тамъ въ обществѣ почти не имѣютъ отзвука. Тоже и въ Москвѣ, и для насъ это неудивительно: Кириллъ

*) С И. 10 марта, № 67

и Меѳодій не живутъ въ народной памяти и не живутъ потому, что не они просвѣтители наши въ христіанствѣ. Церковь потому не имѣла прямого основанія ихъ возвеличить, а къ государственной исторіи нашей и совсѣмъ не имѣли они отношеній; между тѣмъ память народная обращается у насъ чествованіемъ къ дѣятелямъ исключительно въ этихъ двухъ сферахъ. Тѣмъ не менѣе Кириллъ и Меѳодій для насъ значатъ болѣе, нежели кто-либо и нежели для кого-либо. Они наши просвѣтители, просвѣтители вообще, а не въ частности просвѣтители христіанствомъ, они родоначальники нашего народнаго и государственнаго единства. Не изобрѣти святой Кириллъ азбуки, не потрудись святые братья надъ переводомъ части священныхъ книгъ, откуда и въ какомъ видѣ приняли бы христіанство? Насъ постигла бы судьба литовскаго племени, и много если судьба чешскаго, только чрезъ восемьсотъ лѣтъ хватившагося оберегать и воскрешать народность Римъ, Германія, Польша—вотъ чьей бы было добычей русское племя; всей величавой исторіи русскаго государства тогда не существовало бы, и до могучаго организма, въ который теперь выросла Русь, разостлавшаяся отъ Карпатъ до Восточнаго Океана, не возросла бы она. Великое дѣло языкъ! Онъ есть первое основаніе народнаго единства. Тѣмъ болѣе великое дѣло для народнаго бытія вообще и для скрѣпленія его связи—языкъ въ письменахъ Только чрезъ письмена выростаетъ племя въ народъ; его самосознаніе, его творчество не замираетъ въ воздухѣ вмѣстѣ съ рѣчью, но остается нѣмымъ подобно памятникамъ зодчества, не подвергается искаженіямъ подобно устному преданію. Потому-то если Русь — народъ и если этотъ народъ-великанъ создалъ великана-государство, то прежде всего она обязана обстоятельству повидимому незначительному, что она получила азбуку и получила литературу; азбуку и литературу, назначенныя было для другихъ, но которую она унаслѣдовала и которую она сберегла изъ всѣхъ единоплеменниковъ, не исключая тѣхъ, для кого та азбука и первоначальная письменность были назначены. И вотъ значеніе для насъ славянскихъ первоучителей! Оно менѣе церковное и

государственное, чѣмъ общественное. Они родоначальники нашего образованнаго языка, нашей осмысленной рѣчи и праздникъ ихъ есть ближе всего праздникъ общества, праздникъ народный и чрезъ то государственный и церковный. Но просвѣщеніе, но языкъ, но письменность наша и творчество вообще не стяжали еще себѣ у насъ подобающаго имъ уваженія. Пока мы не выросли еще изъ періода, когда уважается одна сила, и когда недоразумѣваютъ, что сама сила, въ чемъ бы она ни состояла, политическая и экономическая, почерпается изъ духа, и что гдѣ духъ спитъ и смыслъ не растетъ, тамъ и могущество въ застоѣ, даже въ упадкѣ. Вотъ причина, почему масса у насъ глуха къ празднику, оцѣненному въ руководящихъ сферахъ и особенно съ такимъ возбужденіемъ подготовляемому во вражескомъ станѣ славянокатолическаго міра А тамъ тѣмъ горячѣе хватились святыхъ первоучителей, чѣмъ далѣе ими пренебрегали и чѣмъ упорнѣе отказываются доселѣ отъ наслѣдія ими оставленнаго. Но отрекшись отъ духовныхъ прародителей славянства, тамъ понимаютъ однако то, чего не разумѣемъ мы, что не въ силѣ сила, а въ духѣ Хотя поздно, но возбуждая энтузіазмъ къ памяти первоучителей, надѣются ихъ именемъ искусственно соединить славянъ подъ знаменемъ Ватикана и идти на насъ походомъ, сначала не вещественнымъ, но онъ обратится скоро и въ походъ крови и желѣза. Македонскіе болгары въ своемъ народномъ органѣ уже говорятъ, что къ возрожденію имъ наилучшая дорога—унія. Она откроетъ имъ путь къ тому, чтобы стать подъ австрійское покровительство, а чрезъ него и отвоевать свое народное бытіе. Вотъ что раздается изъ Македоніи, изъ того самаго Солуня, откуда Кириллъ и Меѳодій, и вотъ гдѣ связь Велеградскаго праздника на западѣ съ міровою исторіею вообще и съ судьбою Русскаго государства и народа въ частности

Единовѣріе*).

Заканчивая сегодня печатаніемъ „Голосъ Единовѣрца“, считаемъ себя обязанными прибавить къ нему и свое слово „Голосу Единовѣрца“ по надлежащему мѣсто въ „Руси“; тамъ и явилась первая статья. Тѣмъ болѣе прилично было автору обратиться туда же со второй. Но И С Аксаковъ заболѣлъ и вынужденъ пріостановить свое изданіе на нѣкоторое время (о чемъ истинно русскіе не могутъ не сожалѣть отъ всего сердца). Авторъ просилъ послѣ того дать ему мѣсто на нашихъ страницахъ, и мы ему не отказали

Но помѣстить статью не значитъ вполнѣ раздѣлить ея мнѣнія. Съ большею частью возраженій редактора „Руси“, приведенныхъ г. Морокинымъ, согласны и мы. Не будемъ повторять ихъ, а только формулируемъ собственное возраженіе. Вотъ что·

Полемика г. Морокина вполнѣ основательна, но тѣ самые доводы могутъ быть обращены и противъ единовѣрцевъ.

Недостатокъ любви, нетерпимость,—правда, это есть грѣхъ, въ которомъ повинны были реформаторы XVII вѣка и отъ котораго не отрѣшились ихъ преемники на церковныхъ каѳедрахъ. А преемники Никиты и Лазаря, и тѣмъ болѣе сами эти расколовожди одушевлены были любовію и терпимостью?

Дониконовскіе обряды подверглись несправедливому хуленію; а православные не подвергались и не подвергаются?

Единовѣрцы просятъ, чтобы снисходительно отнеслись,—хочетъ кто молиться по новому, хочетъ кто по старому. А сами они позволятъ въ своей церкви отслужить хотя одну службу по новымъ книгамъ и перекрестятъ хоть разъ свое чело тремя перстами?

Старые обряды хулимы были прежде всего по недоразумѣнію (воображали, что двоеперстіе и сугубое аллилуіа перешли отъ армянъ), затѣмъ по негодованію на суевѣрное невѣжество,

*) С. И. 18 Марта, № 75.

изъ котораго истекало упорство. Но недоразумѣніе разсѣялось, и іерархія сняла порицательные приговоры, раздавшіеся противъ старыхъ обрядовъ въ ея книгахъ. Мало того· она разрѣшила для извѣстныхъ приходовъ исключительное употребленіе этихъ обрядовъ. „Исключительное“: пусть обратятъ вниманіе на это гг. единовѣрцы. Такимъ распоряженіемъ даже превышена мѣра снисхожденія Ожидался бы отъ единовѣрцевъ соотвѣтствующій шагъ. гдѣ же онъ?

Мы не думаемъ распространяться о „клятвахъ“ 1667 года и о необходимости, для разрѣшенія ихъ, снестись съ восточными патріархами. Сношеніе это было бы тѣмъ полезнѣе и необходимѣе, что сама Греческая церковь вовсе не смотритъ теперь на двоеперстіе, какъ ея представители въ 1667 году, вселенскій патріархъ въ своемъ церковномъ округѣ, какъ слышно, разрѣшилъ нѣкоторой части старообрядцевъ соблюдать ихъ обряды. Объ этомъ нами уже бывало говариваво не одинъ разъ. Но мы напомнимъ г. Морокину, что „клятва“ на способъ перстосложенія произнесена не соборомъ 1667 года впервые. Еще болѣе рѣзко она была произнесена ранѣе того Стоглавымъ соборомъ—только не противъ крестившихся двумя перстами, а противъ тѣхъ, кто не крестится такъ. Это была любовь, было снисхожденіе, была терпимость? Нѣтъ, это было такое же недоразумѣніе, какъ при исправленіи книгъ во времена Никона. Но если даже допустить, согласно со старообрядцами, что клятвы 1667 года не были недоразумѣніемъ и притомъ провозглашены именно на самые обряды, а не на противленіе церкви, то не долженъ ли единовѣрецъ негодовать на Стоглавый соборъ, который несомнѣнно проклиналъ за самый обрядъ?

Г. Морокинъ настаиваетъ, что старые обряды связаны съ національностью; да, это правда, они связаны съ національностью, но они ея не выражаютъ. Старообрядцы въ почтеніи къ нимъ переходятъ мѣру, отказываясь видѣть, что двоеперстіе есть историческая случайность, по сущности безразличная, но переставшая быть безразличною только со времени Стоглаваго собора и именно потому, что соборъ, благоразумно отнесшись

къ аллилуіа и къ чтенію символа вѣры (хотя смыслъ аллилуіа и ложно истолковатъ) грянулъ проклятіемъ на не крестящихся двѣма персты. Правда, это проклятіе тоже и не имъ собственно провозглашено (и даже ровно никѣмъ); соборъ нашелъ его въ рукописяхъ своего и нѣсколько болѣе ранняго времени, какъ и мнимо-Ѳеодоритово слово, но тѣмъ хуже. Какіе то тайные мудрователи поддѣльною формулою и столь же поддѣльнымъ святоотеческимъ именемъ ввели въ заблужденіе неученыхъ отцовъ собора 1551 года, а старообрядцы, страшась подложной клятвы, прикрѣпились къ нему съ исключительностью гораздо болѣе суровою, нежели проявляетъ православная іерархія.

Не думаемъ укорять старообрядцевъ вообще и единовѣрцевъ въ частности. Напротивъ, мы отъ души сочувствуемъ г. Морокину въ его возраженіяхъ противъ пріемовъ полемики „Братскаго Слова“ и родственныхъ ему журналовъ. Впрочемъ и тѣ заслуживаютъ отчасти снисхожденія; и объ нихъ вѣдь можно сказать тоже, что сказано было объ отцахъ Стоглаваго собора: „простотою и невѣжествомъ писаша“ Невѣжество (не въ общемъ, а въ спеціальномъ смыслѣ) бываетъ удѣломъ не однихъ старообрядцевъ. О Нечаевѣ, сколько намъ извѣстно, не изучалъ археографіи и археологіи церковной по первоисточникамъ: свѣдѣнія о расколѣ и взглядъ на него, чего добраго, не наслѣдовалъ ли онъ отъ Димитрія Ростовскаго, котораго изучалъ, какъ составителя Четьихъ-Миней? Да и Н. И. Субботинъ тоже, кажется, не очень простирался въ дебри старыхъ книгъ и рукописей Ученая извѣстность составилась ему не историческими изслѣдованіями, а современными сплетнями о расколѣ, случайный источникъ которыхъ открылся ему въ свое время чрезъ знакомство съ покойнымъ А. И. Хлудовымъ.

Армянскія церковныя школы на Кавказѣ *).

Въ Закавказьѣ, какъ извѣстно, нѣсколько десятковъ армянскихъ училищъ, по распоряженію правительства, на дняхъ закрыто (въ одномъ Тифлисѣ 15).

Что случилось?

А случилось то, что нужно удивляться долготерпѣнію высшаго правительства и слѣпотѣ или снисходительности мѣстныхъ властей.

Закономъ 22 ноября 1873 года на Кавказѣ церковно-приходскія школы иновѣрческихъ исповѣданій наравнѣ со всѣми училищами подчинены были правительственной инспекціи съ обязательной для нихъ программой, и вотъ цѣлыя одиннадцать лѣтъ армянская духовная власть, не смотря на неоднократныя напоминанія, предостереженія, высочайшія повелѣнія, отказывалась примѣнять къ себѣ законъ, оставляя школы свои въ безусловномъ своемъ вѣдѣніи.

Что-жъ, эти школы были элементарныя, или имѣли онѣ профессіональное назначеніе? Нѣтъ, то были общеобразовательныя учебныя заведенія, нѣкоторыя съ курсомъ, почти равнымъ гимназическому, и воспитывались въ нихъ по преимуществу дѣвочки, которыя, понятно, не могли быть приготовляемы къ занятію священныхъ должностей и образованіе которыхъ не могло быть богословскимъ. Подъ видомъ „церковныхъ“ пооткрывались школы „національныя“, и вотъ гдѣ мы видимъ слѣпоту или слабость мѣстныхъ властей. На глазахъ у нихъ выростали учебныя заведенія при нѣсколькихъ стахъ учащихся, какъ напримѣръ школа „Гаепе“ въ Тифлисѣ, съ тенденціознымъ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ на армянскомъ языкѣ, съ пренебреженіемъ, почти изгнаніемъ русскаго языка, и законъ къ нимъ не примѣнялся. Допускали армянскую духовную власть оспаривать законъ, отписываться, возражать и проволакивать

„Новое время“, передавая эту исторію, спрашиваетъ между прочимъ съ удивленіемъ: „чѣмъ же питается это упорство

*) С И 19 марта, № 76.

армянскаго духовенства? Какія цѣли оно преслѣдуетъ?“ — Да духовенство армянское никакихъ цѣлей не преслѣдуетъ, и не его дѣло рукъ это упорство; духовенство въ данномъ случаѣ явилось органомъ общества, его клевретомъ или по крайней мѣрѣ клевретомъ извѣстной части общества; не на средства духовенства открывались и содержались училища; духовенство было подставнымъ лицомъ. Дѣйствовала и заправляла ультранаціональная партія, которая родилась и выросла подъ русскимъ же покровительствомъ, воспиталась въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ А какія цѣли она преслѣдуетъ, объ этомъ помимо всего могли свидѣтельствовать торжественные акты въ тѣхъ же самыхъ заведеніяхъ, которыя теперь закрыты; въ эти торжественные дни изъ года въ годъ вывѣшивалась въ нихъ (во всѣхъ ли, неизвѣстно, но въ нѣкоторыхъ несомнѣнно) карта древняго „Гагестана“, то есть Арменіи. На границы не скупились; тысячи полторы лѣтъ тому назадъ, какъ извѣстно, Армянское царство простиралось почти на всю Малую Азію, загибая, сверхъ того, по Черному морю къ востоку и сѣверу. И кому же изъ живших на Кавказѣ не было извѣстно, что армянизированіе городскихъ населеній сдѣлало громадные успѣхи за послѣдніе годы? Тифлисскіе старожилы скажутъ, что въ Тифлисѣ до самого послѣдняго времени армяне не говорили, многіе даже не знали по армянски. До водворенія русскихъ, общимъ языкомъ здѣсь былъ грузинскій. Съ русскими вошелъ и русскій языкъ. Но вы думаете, онъ теперь первенствуетъ? Нѣтъ, первенствуетъ теперь армянскій. Армянизированіе пошло такъ горячо и настойчиво, что армянки, выходя замужъ, отвыкали отъ русскаго языка, начинали усвоивать въ семействѣ и въ обществѣ армянскій, котораго прежде не знали Можно ли послѣ того сомнѣваться, какія цѣли преслѣдуются! — Цѣли, понятно, отдаленныя, о близкомъ ихъ осуществленіи не дерзаетъ мечтать самый пылкій изъ представителей „молодой“ Арменіи. Но они хотятъ силы своему народу, мечтаютъ о его величіи и даже, не удивляйтесь — о его высокомъ культурномъ призваніи. Армянская литература и публицистика, армянскій театръ

(очень сильное и удачное оруде армянизированія), наконецъ вотъ армянскія училища. все къ одной цѣли. А что касается до экономическаго господства, то Закавказскій край давно весь въ армянскихъ рукахъ. Можно ли не возмечтать, не дерзнуть даже на такое поведеніе, какъ систематическая оппозиція правительственному надзору надъ училищами и неизбѣжному съ нимъ введенію русскаго языка въ преподаваніе, и въ преподаваніе притомъ такихъ предметовъ, какъ географія и исторія На русскомъ языкѣ особенно распространяться о славѣ, величіи и могуществѣ бывшаго и будущаго „Гагестана“ словно какъ и неудобно А мы-то въ то же время не прочь были сами содѣйствовать господству потомковъ Гайка. Правительственная власть смотрѣла сквозь пальцы; общественные дѣятели, въ родѣ, напримѣръ, Антона Рубинштейна, давали концерты въ пользу армянскихъ училищъ. Въ печатныхъ органахъ, не на армянскомъ, а на россійскомъ языкѣ издаваемыхъ, приходилось зачастую читать, что армянамъ де надо покровительствовать, за ними-де будущее. А вотъ грузинъ, такъ надо-де подавливать Грузинъ-то! Націю единовѣрную, глубочайше искреннѣйше преданную Россіи, въ ея объятіяхъ нашедшую покой и ей доселѣ горячо благодарную Тѣмъ не менѣе сотой доли не дается той свободы грузинскому элементу, какъ армянскому, грузинскій языкъ въ опалѣ даже въ церквахъ; изданіе Священнаго Писанія на грузинскомъ языкѣ встрѣчаетъ неодолимыя затрудненія, учителя-грузины подвергаются остракизму изъ учебныхъ заведеній. Но за то армянамъ просторъ вездѣ и во всемъ, благо капиталъ въ ихъ уже рукахъ. Читатели найдутъ два сенсаціонныя извѣстія о томъ, какъ одна учительница застрѣлилась, а одна дѣвочка зачахла отъ тоски и притомъ столь быстро, что черезъ нѣсколько дней скончалась И это оттого, что закрыли училище Какова любовь къ просвѣщенію. чахнутъ и стрѣляются! Просвѣщенію, правда, никто не мѣшаетъ. Что за дѣло, но какъ-де пережить такое бѣдствіе, что ученіе будетъ совершаться подъ надзоромъ правительства и преподаваться не на армянскомъ, а на русскомъ языкѣ. Осязаете вы, читатель, истинное значеніе такихъ извѣстій?

Всякій вѣрноподданный Россіи, всякій искренній другъ самой даже армянской націи благословитъ правительство за то, что наконецъ оно приступило къ отпору направленія, которое въ дальнѣйшемъ повело бы къ бѣдѣ самихъ армянъ. Но подчиненіе мнимо-церковныхъ училищъ правительственному надзору, по нашему мнѣнію, есть только половина задачи.

Чествованіе памяти святыхъ Кирилла и Меѳодія *).

Чему празднуетъ нынѣ Россія? Чествуя славянскихъ первоучителей, съ молитвенною благодарностью она воспоминаетъ начало своей грамотности. Но не въ грамотности дѣло, а въ просвѣщеніи ею принесенномъ, и въ характерѣ просвѣщенія, выдѣлившемъ Русскій народъ изъ среды другихъ европейскихъ и поставившемъ его во главу другихъ славянскихъ. Не считая греческаго, среди котораго была самая колыбель христіанства, только славянскій народъ изъ всѣхъ европейскихъ получилъ слово Божіе на родномъ нарѣчіи и только русскій народъ изо всѣхъ соблюлъ врученное наслѣдіе въ непрерывномъ преемствѣ. Отсюда его первенство среди другихъ родственныхъ, отсюда его духовное отличіе отъ другихъ европейскихъ, отсюда наконецъ его вообще мощь; потому что политическая сила всегда есть плодъ духовной, а одушевляемъ былъ народъ во всѣ времена своей исторіи православіемъ, православіе же усвоялось и укрѣплялось чрезъ книги, преподанныя первоучителями на родномъ намъ нарѣчіи. Особенность азбучнаго начертанія становится такимъ образомъ символомъ духовнаго нашего обличія и святые первоучители—родоначальниками нашей силы и славы.

Отъ Кирилла и Меѳодія пошло дѣленіе новой христіанской Европы на Востокъ и Западъ На умиравшемъ Западѣ умиравшимъ языкомъ преподано было евангеліе новымъ нахлынувшимъ на Европу народамъ. Міродержавный Римъ не зналъ и не употреблялъ другой силы, кромѣ меча и внѣшнихъ обще-

*) С. И. 6 апрѣля, № 92

ственныхъ учрежденій, построенныхъ на началѣ принужденія. Наслѣдовавшій ему христіанскій Римъ только продолжилъ дѣло языческаго Рима, оставшись на той же основѣ, тѣмъ же мечомъ распространялась и вѣра, въ тоже внѣшнее учрежденіе основанное на началѣ насилія обратилась церковь. Цезарь подмѣненъ былъ папою; различіе лишь то сказалось, что древній Римъ не трогалъ души, порабощая одни мускулы, а папство положило оковы на душу на умъ и черезъ нихъ объявило притязанія на міродержавную власть И оно повелѣвало міромъ· проклятіями и благословеніями оно двигало народы, возводило и низвергало царей, воевало и казнило, таксировало деньгами блага небесныя и муки адскія, оставляя съ тѣмъ вмѣстѣ народъ въ слѣпотѣ и суевѣріи. Оно вытравляло совѣсть, подмѣнивая ее голосомъ духовника, а голосъ духовника подчиняя велѣнію первосвященника, который для своего епископскаго званія присвоилъ себѣ кстати и титулъ языческій. Полторы тысячи лѣтъ пребывалъ въ этомъ рабствѣ европейскій міръ, пока смѣлый реформаторъ низве́ргъ духовное иго, возвратилъ народу утаенное у него, украденное слово Божіе, и возгласилъ начало свободнаго изслѣдованія. Но и Лютеръ, а еще болѣе всѣ дѣятели такъ называемаго возрожденія наукъ, свергая папское иго, обратились къ той же языческой мудрости, которую ниспровергло христіанство, и ее, а не христіанство, поставили въ основу новаго, свободомысленнаго движенія. За папствомъ они не усмотрѣли христіанства и не домекнулись свободы, Христомъ и апостолами принесенной. Блестящее развитіе знанія затѣмъ послѣдовало, но съ постепеннымъ угасаніемъ вѣры и любви, съ эгоизмомъ поставленнымъ въ основу общежитія и матеріальнымъ удобствомъ—въ ея цѣль

Наслѣдіе Кирилла и Меѳодія одними изъ славянъ было призрѣно подъ давленіемъ того же папства, другими сохранено, но осталось безъ движенія подъ игомъ мусульманскимъ, гдѣ приходилось оберегать свои животы и гдѣ духовное развитіе могло только вздыхать на отсутствіе простора. Лѣниво двигались и мы, тоже подъ давленіемъ, хотя и другихъ, поработи-

тельныхъ силъ, въ борьбѣ за самостоятельность и единство народныя. Но почти не ступивъ далѣе преподаннаго, во всякомъ случаѣ мы берегли преданіе; просвѣщеніе, скудное количествомъ, сохранилось въ массѣ народа на старомъ основаніи, сообщивъ ему тѣ качества, которыя и сейчасъ такъ рѣдко отличаютъ русскаго при соприкосновеніи съ инородцами. Отсюда то чувство братства, которое внутренно покоряетъ туркмена, когда англичанина ненавидитъ афганецъ и индусъ? Не антропологическая причина, не наслѣдственная физика дѣйствуетъ въ народѣ, несущемъ въ своихъ жилахъ смѣшанную кровь, кромѣ славянской и финскую и татарскую, а складъ умственный и душевный, образовавшійся чрезъ православіе, которое въ свою очередь всосалось въ душу черезъ общедоступность умственнаго и нравственнаго содержанія вѣры, преподаннаго и воспринятаго на родномъ языкѣ.

Совпаденіе хронологическихъ данныхъ, относящихся къ настоящему празднеству, имѣетъ нѣчто мистическое. Тысячелѣтіе Руси (1862 годъ) совпало съ первымъ началомъ раздора между Римскимъ и Константинопольскимъ престолами. Поводомъ къ раздору послужилъ Болгарскій народъ. А къ тому же времени относится и дѣятельность солунскихъ братьевъ, ихъ проповѣдь славянамъ и ихъ трудъ переложенія священныхъ книгъ на славянскій языкъ. Черезъ тысячу лѣтъ за тѣмъ латинствующій Западъ обращается къ памяти отвергнутыхъ славянскихъ апостоловъ и заднимъ числомъ приплетаетъ ихъ въ насильственную родню папизму, надѣясь запоздалымъ лицемѣрнымъ сочувствіемъ воскресить въ западномъ славянствѣ единство, но не во имя православія, принесеннаго славянскими апостолами, а во имя папства, отвергнувшаго апостоловъ, которыхъ оно такъ неудачно теперь у себя воспоминаетъ И вытаскиваютъ изъ архивовъ тамъ ихъ память не въ интересѣ вѣры хотя бы даже папистической, а въ интересѣ политическаго порабощенія тѣхъ же славянъ и тѣми же свойственными латино-мудрствующему міру орудіями - насиліемъ и обманомъ, и на дорогѣ стоятъ тѣ же болгары, положившіе зерно раздора тысячу лѣтъ назадъ и

та же Россія, положившая тогда же первый камень своего политическаго зданія. Политическое призваніе Россіи, опредѣленіе мѣста славянъ среди другихъ народовъ, освобожденіе болгаръ, разность въ направленіи и характерѣ двухъ христіанствъ, восточнаго и западнаго, съ особенностью просвѣщенія, на томъ и другомъ основаннаго, связываются въ одинъ узелъ. И выясненіе этой связи настоящимъ празднествомъ становится на очередь ко времени, когда обоимъ центрамъ двухъ христіанствъ подводятся счеты, когда Старый Римъ свергъ окончательно свѣтскую власть своего духовнаго владыки, а Новый Римъ считаетъ часы, когда христіанство сброситъ съ себя послѣдніе слѣды лежащаго на немъ внѣшняго мусульманскаго ига

О расколѣ *).

Болѣе двухсотъ лѣтъ существуетъ расколъ, и дѣла о немъ считаются оффиціальною тайною, о нихъ переписываются „секретно“ и „конфиденціально“ Не комично ли это, спросили бы мы, если бы дѣло не касалось вѣры? Описываемый въ сегодняшнемъ номерѣ газеты соборъ показываетъ, для кого такое положеніе выгодно. Оно даетъ просторъ и укрѣпленіе расколу. Противоокружники примиряются съ окружниками, но объявляютъ ихъ еретиками; окружники желали бы то же общаго мира поповщинѣ и ради того отметаютъ Окружное Посланіе,—то Окружное Посланіе, которымъ поповщина ступила шагъ къ церкви, сблизилась съ единовѣріемъ, оставляя за собою одно іерархическое раздѣленіе Окружники, не смотря на то отвергаемые по прежнему противоокружниками, признаваемые ими за еретиковъ, оказались въ ложномъ положеніи, оторванные оттуда и отсюда. Репортеръ указываетъ дорогу къ церкви, и дѣйствительно ими была проложена дорога, пока Окружное Посланіе было въ силѣ, но они его отвергли; съ этой стороны они заперли себѣ выходъ и въ виду умиротворенія секты имъ

*) С. И 2 іюня, № 134

останется одно: ступить еще далѣе шагъ и не просто отвергнуть Посланіе, но обвинить его въ еретичествѣ.

Не будемъ предугадывать событій, какъ поступитъ та и другая половины поповщины, это ихъ дѣло. По Окружное Посланіе, полемика изъ за него, расколъ въ расколѣ и пріуготовленія къ нимъ, все это было и есть оффиціальнымъ „секретомъ“. „Секретъ“, въ которомъ правительство держитъ публику, даетъ основаніе къ тому, что само оно для себя закрываетъ движеніе въ расколѣ, а тѣмъ и отнимаетъ возможность противодѣйствовать его усиленію и распространенію. Не будь оставлены себѣ противоокружники съ окружниками, допусти гласность ихъ преній, проиграли ли бы тогда битву окружники, потеряли-ли бы они изъ подъ ногъ почву? Сомнѣваемся. Да наконецъ сомнѣваемся, чтобы администрація заблаговременно узнавала о происходящемъ, а тѣмъ менѣе—чтобы она умѣла оцѣнивать смыслъ движенія. Ни участковый приставъ, ни дворникъ, которому онъ поручилъ слѣдствіе, если только онъ поручилъ,—неспособны различать богословскія и каноническія тонкости Самое большое—полиція знаетъ или, точнѣе, можетъ узнавать, что тогда-то, тамъ-то было собраніе, о чемъ-то толковали и какое-то рѣшеніе постановили Но доходитъ ли до администраціи событіе даже въ этомъ внѣшнемъ видѣ? Позволительно усомниться, а совершаются событія въ расколѣ серьезныя не съ церковной только точки зрѣнія, какъ распря окружниковъ съ противоокружниками, а прямо съ государственной. Много ли правительству извѣстно о распряхъ бракоборцевъ съ новоженами, о соборѣ въ пользу бракоборства съ отлученіемъ „тропарниковъ“, то есть допускающихъ молитву за Царя, о пропагандѣ бракоборства, о цѣлыхъ миссіяхъ, посылаемыхъ въ пользу противогосударственнаго ученія, о томъ, что главари этого движенія запасаютъ себѣ на всякій случай недвижимыя имущества за границею, чтобы основать тамъ новую Бѣлую Криницу, но уже не поповщинскую, а гнѣздо для вѣрующихъ въ пришествіе антихриста и отвергающихъ молитву за Царя. Извѣстно это хранителямъ оффиціальнаго „секрета“?

О расколѣ *).

„А новорожденныхъ отправляйте на тотъ свѣтъ“ Таково нравоученіе, распространяемое въ одной изъ русскихъ сектъ, причисляющей себя не только къ христіанскимъ, но къ православнымъ и даже признающей только себя и никого другого—„христіанствомъ“.

„Дѣтей вашихъ новорожденныхъ отправляйте на тотъ свѣтъ, истребляйте, топите“· это мораль, а догматъ, изъ котораго она выводится,—таковъ· „во времена антихриста бракъ, какъ и молитва за Царя—великій грѣхъ, который не отпустится ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ“. Ни брака, ни какой другой общественной связи, въ томъ числѣ и государственной, христіанинъ не долженъ признавать. А человѣкъ слабъ естествомъ; онъ падаетъ, и плодомъ паденія бываетъ появленіе живыхъ существъ на свѣтѣ. Это грѣшно также, но грѣхъ меньшій, ибо есть грѣхъ только немощи: согрѣшилъ и покаялся, палъ и возсталъ; на то есть духовники; эпитимія очищаетъ падшаго Можно вступать въ сношеніе со властями, нужды нѣтъ, что царство теперь антихристово; можно даже выражать имъ наружные знаки преданности, это опять немощь, исправимая покаяніемъ, тѣмъ болѣе извинительная, когда подвергаютъ себя ей ради пользъ христіанства. Но бракъ, но молитва за Царя—это будетъ признаніемъ грѣховнаго за святое, за должное, за обязательное; въ этомъ не можетъ быть прощенія

При чемъ же и ради чего однако тутъ гибель новорожденныхъ? Да при томъ и затѣмъ, что времена-то антихристовы, а младенецъ ангельская душка; окрести его и утопи, вѣдь онъ тогда въ рай прямо пойдетъ и будетъ твоимъ молитвенникомъ. Онъ будетъ вдвойнѣ достоинъ небеснаго вѣнца: и какъ чистая безгрѣшная душа, и какъ мученикъ вдобавокъ.

Таково ученіе; ему нельзя отказать въ послѣдовательности да кромѣ того не лишено оно и коммерческой сообразитель-

*) С И. 7 іюня, № 139.

ности; заведи себѣ гаремъ,—и плоть услаждаешь и душу спасаешь. Здѣсь очищаешь себя эпитиміею поклоновъ, которые кстати представляютъ и полезное для плоти гимнастическое упражненіе; а туда поставляешь молитвенниковъ за себя и чѣмъ болѣе грѣшишь, тѣмъ болѣе молитвенниковъ. И удовольствіе и польза

И это практикуется. Гдѣ же это? Вдали, въ глуши? Зачѣмъ! Совершается это въ Москвѣ первопрестольной, и здѣсь центръ секты, притомъ ничуть не таящейся. Зачѣмъ ей таиться? Уставъ Преображенскаго богадѣленнаго дома утвержденъ высшею администраціею, его іерархія—оффиціально признанныя должностныя лица. Правда, уставъ назначаетъ число призрѣваемыхъ двѣсти пятьдесятъ человѣкъ, а ихъ пятьсотъ, да кромѣ того, есть и окрестъ и въ другихъ мѣстахъ города цѣлыя обители, преимущественно женскія изъ поставщицъ мученическаго контингента въ царство небесное. Правда также, топятъ или задушиваютъ дѣтей безъ вѣдома и разрѣшенія властей Правда, что и соборъ, установившій бракоборство, проклявшій бракъ и молитву за Царя, состоялся безъ разрѣшенія, а можетъ быть даже и безъ вѣдома властей, хотя повидимому и трудно укрываться собранію въ двѣсти человѣкъ, наѣхавшихъ изъ разныхъ концовъ Россіи. Но соборъ былъ, но соборъ постановилъ, но постановленія собора напечатаны (или литографированы); но проповѣдники его разсылаются по всѣмъ концамъ. Да и то сказать: былъ же липецкій съѣздъ соціалъ-демократовъ и прозѣванъ; отчего не пройти незамѣченнымъ и собору ѳедосѣевцевъ, столь же, хотя и на другихъ основаніяхъ, противообщественному и противогосударственному? Это въ порядкѣ вещей у насъ; но вотъ что уже невполнѣ естественно и даже при нашей халатности: въ средѣ тѣхъ ѳедосѣевцевъ, кромѣ бракоборовъ „есть“ „новожены“, которые несогласны съ изувѣрнымъ ученіемъ, признаютъ богоустановленный бракъ и Царя богопоставленнаго; но они безсильны. Почему? По малочисленности? Никакъ; къ чести человѣческой природы, дѣтоубійство не можетъ находить большого числа искреннихъ привержен-

цевъ изъ матерей. Ученіе бракоборовъ преодолѣваетъ и дѣтоубійство становится обязательнымъ обычаемъ въ силу правительственной поддержки, оказываемой противникамъ брака и молитвы за Царя, правительственная власть охраняетъ тѣхъ, кто работаетъ на низверженіе государственныхъ и семейныхъ узъ. Главные бракоборы братья Москвины, Барановъ, Егоровъ—принадлежатъ къ попечителямъ Преображенскаго кладбища; они—власть признанная оффиціально, и притомъ пожизненно Уставъ составляли сами ѳедосѣевцы, администрація утвердила его, не предвидѣвъ, что такимъ пожизненнымъ срокомъ отдаетъ цѣлое общество въ деспотическую власть изувѣрамъ, которые могутъ направить свое фанатическое невѣжественное стадо къ цѣлямъ нетерпимымъ въ благоустроенномъ государствѣ. Того, что совершается на Преображенскомъ кладбищѣ, не потерпѣли бы и Сѣверо-Американскіе штаты; мормонство и тамъ осуждено, а дѣтоубійства даже мормоны не проповѣдуютъ.

Подъ заглавіемъ „Грѣховодники“ печатаются у насъ о ѳедосѣевцахъ разсказы невымышленные, это дагеротипный снимокъ съ происшествій, совершавшихся и совершающихся Постановленія бракоборнаго собора приведены были буквально; буквально переданы и сегодня разсужденія о спасительности дѣтоубійствъ. Судили у насъ за перепечатку книгъ богослужебныхъ, тѣмъ только виноватыхъ, что первое изданіе ихъ состоялось до Никона; преслѣдовались типографіи, занимавшіяся воспроизведеніемъ книгъ душеспасительныхъ, разнящихся только грамматически съ общепризнанными А здѣсь не редакція только, а ученіе, и не просто ложное, но зловредное, противогосударственное, пользуется услугами печатнаго станка невозбранно. Никому не вдомекъ. Мало того: преступленія, предвидимыя XV томомъ, въ родѣ убійствъ, кражъ съ изнасилованіемъ, попраніемъ дѣвической чести, совершаются подрядъ и учрежденіе процвѣтаетъ.

Главный попечитель или предсѣдатель, не знаемъ точнаго названія, Преображенскаго кладбища г. Егоровъ, живетъ въ

Петербургѣ, и говорятъ въ чинахъ Для цѣлей секты, понятно, есть интересъ, чтобы главный представитель жилъ поближе къ центру власти, заискивалъ у нея выраженіями преданности, а вмѣстѣ въ нужныхъ случаяхъ ходатайствовалъ, излагая дѣло въ томъ свѣтѣ, въ какомъ сектѣ выгодно. Но соотвѣтственнѣе было бы, казалось бы, чтобы главное отвѣтственное лицо было при мѣстѣ неотлучно. Да казалось бы нельзя было видѣть и вреда пожизненныхъ должностей въ руководительствѣ сектантами, нельзя бы оставить безъ вниманія и оппозицію, которая въ самомъ обществѣ выросла противъ руководителей, влекущихъ слѣпое стадо на путь разврата и преступленія. Нужно подать ей руку; должно пересмотрѣть уставъ, произвести новые выборы; разслѣдовать о бракоборномъ соборѣ и о пути, какимъ распространяются его постановленія Однимъ словомъ властямъ надлежитъ взять Преображенское кладбище, подъ усиленный, нарочитый, ближайшій надзоръ. Мы уже говорили прошлую пятницу, что коноводы бракоборства обзавелись недвижимою собственностью за границею. Когда они перенесутъ туда центръ дѣятельности и оттуда будутъ мутить простыя души Россіи, разрушая бракъ и чувство вѣрноподданничества, тогда будетъ поздно

При другомъ состояніи правосудія, Преображенское кладбище доставило бы матеріалъ для криминальной лѣтописи неистощимый; о скольких преступленіяхъ противъ жизни, чести, имущества говорятъ его стѣны. Мы будемъ отъ времени до времени знакомить съ этимъ гнѣздилищемъ, скрывающемъ пороки и преступленія подъ видомъ древняго благочестія. Матеріаловъ довольно.

А въ концѣ концовъ воспоминаемъ о печальномъ усердіи, съ какимъ жмутъ штундистовъ, пашковцевъ, поповцевъ, даже единовѣрцевъ. Повидимому чѣмъ искреннѣе, чѣмъ честнѣе заблужденіе, тѣмъ подозрительнѣе и строже къ нему относятся. Секта же, подкапывающая основанія общественнаго союза, живетъ, дѣйствуетъ безнаказанно. Поповщинскіе іерархи по десяткамъ лѣтъ томились въ заключеніи за то одно, что канони-

чески неправильны ихъ постановленія. А безпоповщинскіе руководители пользуются поддержкой, хотя распространяютъ правила преступныя; но они не носятъ названія архіереевъ. Уже во имя свободы совѣсти надлежало бы поддержать возмущающихся ихъ деспотизмомъ. Развѣ для того позволено Преображенскому богадѣленному дому продолжать существованіе, чтобы онъ насиловалъ своихъ единовѣрцевъ, растлѣвая ихъ совѣсть и нравы? Положимъ, оставьте Преображенское кладбище, но обезпечьте государственные и общественные интересы, а вмѣстѣ и интересы личной свободы Помимо всего, въ силу какихъ же правъ господа, подобные названнымъ, пользуясь безсмѣнно властію, влекутъ свое стадо въ развратъ, вопреки и волѣ и совѣсти пасомыхъ? „А ребятъ дѣвайте куда хотите, ну, топите; мученики будутъ, молитвенники“ Г. г. Москвины и Барановъ или наставникъ Сергѣй! Слыхали ли вы объ этихъ наставленіяхъ и какъ вы на нихъ смотрите? Сами ли отцы и матери „грѣшники“ и „грѣшницы“ пришли къ такому нравоученію? И употребляете ли вы, въ качествѣ попечителей и наставниковъ, свою, отчасти нравственную, отчасти юридическую власть къ искорененію столь преступнаго взгляда?

Голосъ „Единовѣрца“ *).

„Единовѣрецъ,“ котораго „Голосъ“ мы сообщили въ мартовскихъ №№ сего года, вступаетъ съ нами въ полемику. Выслушиваемъ его, предоставляя читателямъ судить, въ какой мѣрѣ сильны представляемыя возраженія. Впрочемъ авторъ и не возражаетъ.

Старообрядцы возмущаются проклятіемъ, которое было произнесено въ 1667 году на крестящихся двумя перстами. Мы замѣтили „Единовѣрцу“, что сто слишкомъ лѣтъ назадъ до собора 1667 года было произнесено также проклятіе и также

*) С. И. 13 іюня, № 145

соборомъ, только не противъ двуперстія, а въ его пользу,—на некрестившихся двумя перстами. Что же авторъ? Онъ не отрицаетъ; но то проклятіе не произвело раскола, отвѣчаетъ онъ, а проклятіе 1667 года произвело.—Безъ сомнѣнія такъ, но мы отказываемся понять, что же изъ этого различенія послѣдуетъ То ли, что соборъ 1667 года въ виду раскола не долженъ былъ произносить проклятія? Но вѣдь расколъ-то въ полномъ видѣ развился уже послѣ проклятія, и оно-то до сихъ поръ мѣшаетъ полному присоединенію старообрядцевъ. Патріархи должны были обладать даромъ всевѣдѣнія, чтобы исполнить совѣтъ г. Морокина Если же расколъ или признаки его (какъ дѣйствительно и было) явились еще прежде собора, то тѣмъ основательнѣе было проклятіе.

Старообрядцы возмущаются порицаніями на старые обряды. Но новые обряды, замѣтили мы на это, и исправленныя книги подверглись еще сильнѣйшимъ порицаніямъ отъ старообрядцевъ. И „Единовѣрецъ“ не отрицаетъ этого, а только проситъ извинить порицателей за ихъ неразвитость.

И такъ съ ихъ стороны все извинительно, и проклятія, и порицанія, а вотъ со стороны іерархіи XVII и XVIII столѣтій ни то, ни другое не простительно. Но вопросъ не въ томъ, кто больше заслуживаетъ извиненія, а въ томъ, что на проклятія и порицанія не имѣютъ права ссылаться старообрядцы въ оправданіе своего отпаденія, ибо обѣ стороны употребляли то и другое. Это-то обстоятельство обходитъ авторъ. Стоглавъ не произвелъ раскола; по мнѣнію автора, это обстоятельство служитъ къ оправданію отколовшагося старообрядчества и къ обвиненію іерархіи. А не наоборотъ ли? Если проклятіе Стоглава не повело къ расколу, то и за проклятіемъ 1667 года могло не послѣдовать раскола. Вѣдь противъ кого же-нибудь да направленъ былъ Стоглавъ, кто-нибудь да крестился *не* двумя перстами, и эти крестившіеся *не* двумя не образовали однако раскола изъ-за того, что ихъ прокляли. А Лазарь съ Никитою и Аввакумомъ произвели. Разница стало быть въ томъ, что здѣсь нашлись Лазари и Аввакумы, а тамъ ихъ не было.

По мнѣнію автора, собору 1667 года слѣдовало бы сказать такъ: молитесь по тѣмъ и другимъ книгамъ, все равно. Но можно было и Стоглавому собору посовѣтовать тоже; объ одномъ изъ пунктовъ, раздѣляющихъ теперешній расколъ отъ церкви, соборъ 1551 года такъ и поступилъ. Но на перстосложеніе онъ же возгласилъ проклятіе, въ перстосложеніи стало быть ставили тогда особую силу, другими словами, видѣли въ томъ подразумѣваемый догматъ Въ XVII вѣкѣ за двуперстіемъ подозрѣвали ересь армянскую. Какую подозрѣвали во времена Стоглава и еще ранѣе, въ XIV вѣкѣ, когда проклятіе, писанное въ Стоглавѣ, уже читалось въ рукописяхъ? Точно неизвѣстно, но несомнѣнно, что за *не*крестящимися двумя перстами ересь подозрѣвалась Въ томъ и другомъ случаѣ подозрѣніе было неосновательно; но потому-то проклятіе, то и другое, одинаково лишено силы, поколику направлялось противъ лженученія мнимаго, на дѣлѣ не существовавшаго, только подозрѣваемаго. А потому-то расколъ и былъ во всякомъ случаѣ неправъ; онъ былъ сопротивленіемъ іерархіи, дѣйствовавшей въ своемъ законномъ каноническомъ правѣ.

„Единовѣрецъ“ смотритъ теперешними глазами на событіе минувшихъ вѣковъ, давая отцамъ XVII вѣка запоздалый совѣтъ объявить и старыя и новыя книги безразличными. Онъ забываетъ, что тогда предпринято было именно „исправленіе“; что въ исправленіи чувствовалась и дѣйствительно была необходимость; что для этого собирались рукописи, отправляли Суханова на востокъ, совѣтовались съ греческими патріархами; и при этомъ-то было сказать: „тѣ ли, другія ли книги, все равно?“ Но новыхъ книгъ часть народа, возбужденнаго горстью фанатическаго (и невѣжественнаго вдобавокъ) духовенства, не приняла. Вотъ гдѣ корень зла и въ чемъ сущность и начало раскола Пошли крутыя мѣры, произнесено проклятіе Благоразумно было поступлено или нѣтъ, и какія тогда бы послѣдствія произошли, еслибы проклятія не было произнесено,— вопросъ не въ томъ, а въ томъ, что нельзя ссылаться на проклятіе, какъ на основаніе къ расколу, когда оно было наоборотъ

послѣдствіемъ, если не полнаго раскола, то открытаго противленія церковному постановленію.

Впрочемъ къ чему все это говоримъ? Мы вовсе не считаемъ себя призванными вступать въ богословскую или каноническую полемику. Да и историческія розыскапія не подъ стать ежедневной политической газетѣ. Почтенный „Единовѣрецъ“ стоитъ на своемъ, что то и другое старообрядцамъ извинительно, а тоже самое представителямъ іерархіи непростительно; пускай онъ пребываетъ въ своемъ мнѣніи, но прочіе едва ли съ нимъ согласятся

О церковно-славянской грамотѣ *).

Съ какой печати должно начинать обученіе грамотѣ, съ церковной или гражданской? Мы говоримъ: „печати“, не говоримъ „азбуки“; потому что азбука одна и таже, и если въ церковной есть нѣсколько буквъ, отсутствующихъ въ гражданской, и одна (э) въ гражданской, которой нѣтъ въ церковной, азбука тѣмъ не менѣе остается таже. Итакъ, съ какой печати должно начинать?

Болѣе двѣнадцати лѣтъ господствуетъ суевѣріе, что изученіе гражданской печати должно предшествовать изученію церковной. Къ этому правилу примѣнялось составленіе азбукъ и книгъ для первоначальнаго чтенія. Суевѣріе основалось на смѣшеніи двухъ разныхъ вещей: начертанія буквъ и способа ихъ обученія. Звуковой методъ признанъ легчайшимъ, и почему то нашли его возможнымъ примѣнить только къ гражданской печати. А церковная развѣ къ тому же неспособна? Если въ старыхъ азбукахъ буквы назывались *азъ, буки, вѣди*, то и гражданскія имѣютъ право на это наименованіе; и если обучать чтенію по граждански легче посредствомъ звукового метода, онъ совершенно примѣнимъ къ церковной печати, потому

*) С И 22 іюня, № 154.

именно опять—что азбука одна. Именно: звуку соотвѣтствуетъ въ той и другой свой знакъ, и чистый звукъ не выражается условнымъ сочетаніемъ знаковъ, какъ въ западныхъ языкахъ, гдѣ ch или sch произносится совсѣмъ несообразно съ кореннымъ звукомъ, который соотвѣтствуетъ знакамъ c, h или s.

Но не будемъ смѣшивать методъ обученія съ самою азбукою· гдѣ будетъ основаніе предпочесть гражданскую печать? Проще ли самое начертаніе?—Ничуть. Говорятъ, отъ гражданской легче перейти къ церковной, нежели наоборотъ; это не только предразсудокъ, но мнѣніе прямо ложное. Достаточно сказать, что *начавшему учиться по церковной печати не предстанетъ надобности учиться, чтобы разбирать гражданскую.* Гражданская дается уже сама собою, объ этомъ можно справиться у любого, учившагося по церковной печати. Между тѣмъ выучившійся по гражданской нуждается еще въ новомъ обученіи, чтобы осилить церковную.

Нужно опять не смѣшивать разныхъ вещей, несущественнаго съ существеннымъ. Трудны, говорятъ, титла и ударенія. А титла развѣ существенное въ азбукѣ? Ударенія же напротивъ помогаютъ правильному произношенію, которое сверхъ того облегчается тѣмъ, что напечатанное по церковному такъ и произносится, какъ пишется, чего нѣтъ въ гражданской печати *Мои болѣзни, моего*, чтобы правильно прочесть это въ гражданской печати, придется, совершенно вопреки требованію звукового метода, произнести *маи балѣзни, маево.* Соотвѣтствіе звуковъ съ начертаніями прекращается съ перваго же слова, которое составитъ учащійся. Хотя бы это слово *оса*, обыкновенно одно изъ первыхъ, ученикъ долженъ пройти двойной процессъ; сперва прочесть *оса*, а потомъ переламывать себя и читать *аса.* Вспоминается при этомъ слышанное нами забавное негодованіе покойнаго Палацкаго противъ русскаго языка и русской азбуки. Что же это за азбука! восклицаетъ онъ. пишется *орелъ, оселъ*, а выговаривается *аріолъ, асіолъ* Маститый чешскій историографъ не хотѣлъ выразумѣть, что она не русская, а всеславянская; что подъ ея начертаніями укладываются славянскіе

языки, оставляя себѣ свободу при сохраненіи правописанія держаться каждому своего говора.

Нѣтъ азбукъ для первоначальнаго обученія по церковной печати, толково составленныхъ. Это вопросъ другой: онъ доказываетъ только, что новыя азбуки въ этомъ смыслѣ требуются; сейчасъ передъ нами такая азбука, недавно вышедшая, извѣстнаго педагога г. Кулина. Очень изящно она издана, и притомъ съ поясненіями для учителей, въ видѣ отдѣльной брошюры. Къ азбукѣ приложена прекрасная хромотипія, изображающая свв. Кирилла и Меѳодія.

Не будемъ входить въ подробный разборъ этой изящной азбуки, съ частностями можетъ быть пришлось бы и поспорить. Но дорого то, что присяжный педагогъ пришелъ къ мысли, и, наученный опытомъ, положилъ въ возглавіе не гражданскую, а церковную печать. Опытъ былъ произведенъ авторомъ въ Алферовской учительской семинаріи, и не смотря на отсутствіе учебниковъ и неприготовленность учителей, дѣти въ одинъ годъ научились у него читать и писать по славянски и по русски.

Не упустимъ одного возраженія, которое выставляется противъ славянской грамоты: церковнославянскій языкъ непонятенъ дѣтямъ. Авторъ отвѣчаетъ на это: а языкъ Жуковскаго, Пушкина, Лермонтова понятенъ? Отвѣтъ вполнѣ здравосмысленный; книжный языкъ для дитяти, особенно изъ простонародья, вообще непонятенъ, но за славянскою грамотою то преимущество, что она становитъ учащагося прямо на грамматическую основу, знакомитъ съ языкомъ праотцевъ, послѣ чего легко дается и обиходной рѣчи, письменной и разговорной, правильность. Не говоря о первыхъ шагахъ грамотности, но вообще тверже обладаетъ языкомъ тотъ, кто учился ему по церковнославянскимъ книгамъ Можно допросить учителей, и они не потаятъ конечно, что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и даже въ старшемъ возрастѣ, попадаютъ учащіеся, неспособные поставить періодъ, хотя иные прошли черезъ классиковъ. Изъ начавшихъ же церковнославянскою письменностью труднѣе найти такого, кто бы начавъ рѣчь словомъ *хотя*, поставилъ

точку, кончилъ, не почувствовавъ нужды въ *однако*. Церковнославянская грамота въ этомъ отношеніи несетъ для перваго возраста службу, сходную со службою классическаго языкознанія. Именно сравнительная-то ея малопонятность и составляетъ ея заслугу, заставляя умъ работать, сличать разговорныя и книжныя формы, синтаксически и этимологически и тѣмъ входить въ прочное и основательное обладаніе языкомъ.

О расколѣ*).

Намъ выговариваютъ за „Грѣховодниковъ“, а другіе выражаютъ недоумѣніе. Выговариваютъ впрочемъ умы неважные, въ „Петербургской Газетѣ“ нашелся кто-то сказать, что авторъ руководящей статьи въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о раскольничьихъ сектахъ вообще и о ѳедосѣевцахъ въ частности. Не важно. Спеціально изучавшіе расколъ, къ каковымъ достовѣрно принадлежитъ и авторъ руководящей статьи въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“, могутъ только улыбнуться на такую аттестацію. Но статьею нашею приведено было въ недоумѣніе „Новое Время“. „Неужели же этотъ вертепъ, живописуемый газетою, не миѳъ, а самая реальная московская дѣйствительность?“ въ недоумѣніи восклицала газета. Впрочемъ „Новое Время“ вскорѣ было успокоено, когда въ „Церковномъ Вѣстникѣ“ было повторено извѣстіе о соборѣ бракоборовъ и о протестѣ новоженовъ,—то самое, что говорено было и у насъ. Еслибы до „Новаго Времени“ дошло еще „Братское Слово“, тамъ бы нашлись и болѣе рѣшительныя подтвержденія, между прочимъ о дѣтоубійствѣ, особенно повидимому смутившемъ газету. Любопытны въ „Братскомъ Словѣ“ и откровенія одного раскаявшагося ѳедосѣевца, бывшаго въ сектѣ духовникомъ.

---

*) С. И 30 іюня, № 162.

„Новое Время“ и послѣ разъясненій „Церковнаго Вѣстника“ продолжало однако недоумѣвать и готово винить насъ въ напраслинѣ, не видя, чтобы дѣтоубійство установлено было соборомъ. Такого постановленія собору мы и не приписывали Соборъ проклялъ бракъ и молитву за Царя; объ этомъ мы утверждали; о томъ же извѣщали еще давнымъ давно, подъ самымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, чрезъ нѣсколько дней послѣ собора; а недавно авторъ фельетона „Грѣховодники“ привелъ даже подлинный текстъ правилъ.

И такъ дѣтоубійство соборомъ не постановлено, но бракъ проклятъ Какое практическое послѣдствіе отсюда вытекаетъ? Чистота? Само собою разумѣется, такъ бы слѣдовало. Но бракоборамъ предстоитъ выбирать между евангельскимъ цѣломудріемъ, которое немногимъ подъ силу, или распутствомъ, которое очищается легкою сравнительно эпитиміею и которое облегчается полчищемъ вѳдосѣянокъ, образующихъ цѣлые гаремы,— то бишь вѳдосѣевскія женскія обители, правительству не заявленныя. Фактъ этотъ устанавливается и развратъ соборомъ узаконяется и если не прямо, то косвенно, потому что за бракъ проклятіе и отлученіе, а за любодѣяніе только легкая эпитимія. Послѣ того что же дѣлать съ дѣтьми? Вотъ тутъ-то и является къ услугамъ легкая логика наставниковъ: дѣвай, куда хочешь, а проще—загубляй ихъ въ самомъ началѣ; потому—ангельская душка, будетъ молитвенникъ или молитвенница предъ престоломъ Божіимъ.

Мы заключили свою статью воззваніемъ къ попечителямъ Преображенскаго кладбища, назвавъ ихъ поименно. Знаютъ они объ этомъ ученіи? Доходили о немъ слухи? Предприняли они что-нибудь? Они предпочли промолчать; потому что отвѣтъ, черезъ кого-то ими состряпанный въ „Петербургской Газетѣ“, не есть отвѣтъ. Зачѣмъ же такъ потѣшать міръ и говорить, что авторъ (т. е. „Современныя Извѣстія“) „безъ сомнѣнія смѣшалъ вѳдосѣевцевъ со скопцами“. Это вѣрно, это напечатано, буквально такъ и напечатано. Слѣдовательно, по мнѣнію адвоката вѳдосѣевцевъ, истребляютъ своихъ новорожденныхъ дѣтей

скопцы? Поздравляемъ ѳедосѣевскаго адвоката съ такимъ открытіемъ.

Нѣтъ г г попечители, кто бы вы ни были, Егоровъ, Москвины или Барановъ, гораздо бы прямѣе вы поступили, когда бы не обращаясь къ постороннимъ адвокатамъ и, не заходя для того въ „Петербургскую Газету", почтили отвѣтомъ „Современныя Извѣстія". Отвѣтъ не труденъ, потому что дѣла ѳедосѣевцевъ вамъ извѣстны. О томъ, что былъ соборъ, факта этого вы не посмѣете конечно отрицать; не посмѣете отрицать, надѣемся, и того, что это соборъ былъ „бракоборный", не посмѣете уже въ виду протеста, поданнаго противъ него новоженами. Но объясните намъ:

1) кого разумѣетъ соборъ подъ „тропарниками"? Соборъ ихъ отлучаетъ. Объясненіе ваше необходимо намъ для того, чтобы успокоить недоумѣніе почтеннаго „Новаго Времени" и вывести на свѣжую воду вашего неумѣлаго апологета въ „Петербургской Газетѣ", который говоритъ, что за Царя безпоповцы молятся ежедневно по *положенію*. Затѣйникъ этотъ вашъ апологетъ. Мы говоримъ о ѳедосѣевцахъ и въ частности именно о бракоборахъ, о тѣхъ, которые устроили послѣдній соборъ (не знаете ли вы ихъ г. г. Москвины и Барановъ?), а апологетъ говоритъ *о безпоповцахъ* вообще. По нашему разумѣнію „тропарниками" называются допускающіе молитву за Царя. Итакъ, гг. попечители, вразумите насъ; если мы ошиблись, ошибку свою мы не преминемъ гласно исповѣдать на этихъ же страницахъ.

2) Беретъ насъ любопытство, которое вы можете также удовлетворить. Есть ли въ Москвѣ у ѳедосѣевцевъ, помимо Преображенскаго богадѣленнаго дома, обитель какой-то матери Евникеи? Что это за обитель, что за народъ тамъ живетъ, откуда набирается и чѣмъ занимается? Или можетъ быть такой обители и самой матери Евникеи не существуетъ? Вы можете рѣшительно отвергнуть и сказать: нѣтъ, ничего этого не бывало, все это выдумка, и мы охотно напечатаемъ этотъ вашъ отвѣтъ, и даже если угодно—нарочито крупными буквами.

Наконецъ 3) это уже самый пустой вопросъ и отвѣтить на него очень легко. Никто изъ васъ не запасся недвижимымъ имуществомъ заграницей? Никто? Нѣтъ? Да?

Еще одна газета, именно „Петербугскія Вѣдомости“ выразила недоумѣніе, что на ѳедосѣевцевъ ополчились „Современныя Извѣстія“, обыкновенно-де отстаивающія раскольниковъ. Буквально мы не помнимъ, но именно такова была мысль газеты, и мы не хотимъ оставить ее безъ отвѣта.

Мы стоимъ за свободу вѣры и всегда ополчаемся противъ всякихъ принужденій въ вѣрѣ вообще За тоже великое начало прежде всего голосъ и въ настоящемъ дѣлѣ. Ѳедосѣевцы вѣруютъ, что наступило пришествіе антихриста и что міръ осквернень антихристовою печатью. Пускай они вѣруютъ, какъ это вѣрованіе ни нелѣпо и даже какъ ни оскорбительно для собратій-соотечественниковъ, осквернепныхъ, по ихъ мнѣнію, антихристовою печатью. Кромѣ ѳедосѣевцевъ, есть много и другихъ сектъ и вѣрованій, теоретически противогосударственныхъ и противуобщественныхъ. Таково еврейство, магометанство, таково католичество, молоканство, духоборство разныхъ видовъ. Если бы они оказались въ жизни послѣдовательно и горячо вѣрными догматамъ своего исповѣданія, они были бы нетерпимы въ обществѣ; но иное дѣло догматъ, иное бытъ и практика. Католикъ, магометанинъ и еврей могутъ быть полезными членами общества и искренними вѣрноподданными, хотя вѣроученіе ихъ отчасти уполномочиваетъ, отчасти даже обязываетъ къ дѣйствіямъ противогосударственнымъ или противообщественнымъ. Итакъ пусть ѳедосѣевцы живутъ и живутъ бракоборы; пусть, воздерживаясь отъ брака, развратничаютъ и считаютъ грѣхомъ молитву за Царя. Но они власть по отношенію къ цѣлой половинѣ своей, противъ нихъ протестующей, стоящей за бракъ и за тропарь, и тащатъ насильно за собой жезломъ вину, то есть новоженовъ. Вотъ противъ чего мы возстаемъ прежде всего и удивляемся административному ослѣпленію, оставляющему во главѣ секты лицъ, фанатически пропитанныхъ противогосударственными ученіями и влекущихъ соблазнами и преслѣдованіями

за собой несогласное большинство. Затѣмъ удивляемся и тому еще, что тѣмъ же ослѣпленіемъ допущено Преображенскому кладбищу вообще стать центромъ секты, принять на себя іерархическое значеніе и власть. Что такое это кладбище? Богадѣльный домъ съ молельней и больше ничего. Откуда же эта іерархическая власть надъ прочими ѳедосѣевцами и какъ ей дозволяютъ существовать?

Наконецъ, нельзя же не считаться и съ практическими послѣдствіями активнаго движенія бракоборовъ. Мы повторимъ свое указаніе на отношеніе Сѣверо-Американскихъ штатовъ къ мормонамъ. Развратъ и дѣтоубійство, возведенные въ дѣяніе, косвенно узаконенное, поощряемое религіознымъ вѣрованіемъ, для государственной власти это ничуть не безразлично. Наивный авторъ „Петербургской Газеты“ убѣждаетъ кого-то, что законъ раздѣляетъ секты на безвредныя и вредныя и къ послѣднимъ-де не причисляетъ безпоповцевъ-ѳедосѣевцевъ. Во первыхъ это и ложно: отвергающихъ молитву за Царя законъ причисляетъ къ вреднымъ сектамъ А во вторыхъ, понятіе о вредномъ или безвредномъ направленіи секты составляются и самимъ закономъ на основаніи ея ученія и быта, а не наоборотъ.

Къ г. г. же попечителямъ Преображенскаго кладбища мы все-таки остаемся съ своими вопросами. Удостойте отвѣта, господа, и выведите изъ недоумѣній.

О расколѣ*).

На письмо Ѳедосѣевца, помѣщаемое сегодня, обращаемъ вниманіе. Оно пускай служитъ отвѣтомъ на упреки, отъ нѣкоторыхъ къ намъ обращаемые Нѣкто неизвѣстный увѣряетъ, что авторъ „Грѣховодниковъ“ клевещетъ: ѳедосѣевцы-де и бракъ признаютъ и за Царя молятъ, а такихъ мерзостей, какъ

*) С И 6 іюля, № 168

истребленіе дѣтей и не бываетъ. Авторъ добавляетъ, что самъ не принадлежитъ къ ѳедосѣевскому толку, но знаетъ ѳедосѣевскія правила и житіе. Если онъ не принадлежитъ, слѣдовательно, ему нечего и увѣрять въ томъ, чего онъ можетъ не знать Но мы повторяемъ: мы вовсе не винимъ ѳедосѣевцевъ, ни мало не желаемъ имъ притѣсненія. Наоборотъ, цѣль наша избавленіе благонамѣренныхъ ѳедосѣевцевъ отъ давленія, которому ихъ подвергаетъ партія нѣсколькихъ бракоборовъ, доведшихъ ученіе объ антихристѣ до ужасающей послѣдовательности Вотъ на что мы обращаемъ вниманіе и чего бы не должна оставить безъ вниманія административная власть. Не далѣе, какъ вчера мы объяснили, что еслибы такія лица согласились быть попечителями Преображенскаго кладбища, какъ извѣстный Москвѣ почтенный Е. К Егоровъ, то безобразій, грозящихъ притомъ серіознымъ вредомъ, общественнымъ и даже политическимъ, не было бы Мы не перестанемъ напоминать, что заводится въ Пруссіи для бракоборцевъ гнѣздо, что бракоборы съ минуты, какъ принялись они за активную политику, становятся сектою тѣмъ болѣе опасною, чѣмъ тѣснѣе сближается ихъ ученіе съ вѣрованіями революціонныхъ никудышекъ, но подогрѣваемое еще религіознымъ фанатизмомъ.

Неизвѣстный возражатель пишетъ намъ, что слѣдовало намъ напротивъ заступиться за ѳедосѣевцевъ, у которыхъ отняли нѣкогда половину кладбища, передавъ единовѣрцамъ Это было вопіющимъ нарушеніемъ права собственности, прибавляетъ неизвѣстный корреспондентъ. Отвѣтимъ на это, что не будемъ заступаться за погромъ, произведенный въ тѣ времена походомъ Войцеховича Но въ свою очередь спросимъ: гдѣ же то юридическое лицо, которому принадлежитъ Преображенское кладбище? Кто оно такое? Оно не частное лицо, слѣдовательно общество. Мы не противъ того, чтобы и обществу придано было право юридическаго лица; но тогда отъ него требуется, чтобы оно состояло подъ полнымъ, подробнымъ контролемъ правительства; и чтобы каждое его мѣропріятіе, а тѣмъ болѣе такія, какъ созваніе соборовъ, отправленіе миссіонеровъ,

пріемъ и употребленіе пожертвованій на общественныя цѣли и въ особенности печатаніе обязательныхъ правилъ для общества, совершалось подъ надзоромъ властей. Но когда правила печатаются воровскимъ образомъ въ какой-то военной типографіи (о чемъ свидѣтельствуетъ письмо Ѳедосѣевца), когда соборъ созывается и засѣдаетъ тайно, когда средства собираются и расходятся безъ правительственнаго вѣдома и разрѣшенія, тогда общество ниспадаетъ прямо въ разрядъ тайныхъ злоумышленныхъ сообществъ, подлежащихъ разрушенію И гдѣ же тутъ говорить еще о какомъ-то правѣ собственности

Желаемъ мира Преображенскому кладбищу· желаемъ свободнаго исповѣданія ѳедосѣевцамъ наравнѣ со всѣми сектами. Говоримъ это совершенно чистосердечно Но когда нѣсколько фанатиковъ, и частью даже изъ своекорыстныхъ видовъ, пытаются обратить своихъ религіозныхъ единомышленниковъ въ скопъ, имѣющій видъ заговора и грозящій опасными послѣдствіями даже политическаго характера, объ этомъ молчать мы считаемъ измѣною, особенно когда представители невиннаго ученія новоженовъ вопіютъ о защитѣ.

О расколѣ*).

Если какой-нибудь Іосафъ Царевичъ проникъ въ „Петербургскую Газету“ и нашелъ услужливое перо, возвѣстившее, что „Современныя Извѣстія“ не имѣютъ понятія о расколѣ и смѣшали ѳедосѣевцевъ со скопцами, которые де истребляютъ новорожденныхъ дѣтей,—насъ это ни мало не удивило, но въ тотъ самый день, когда появилось на нашихъ страницахъ письмо ѳедосѣевца, гдѣ приверженецъ самой секты утверждаетъ о бракоборахъ болѣе того, чѣмъ мы рѣшились, въ Москву прибыло обвиненіе противъ „Современныхъ Извѣстій“ напечатанное въ „Новомъ Времени“ Мы прибѣгли „къ дырявымъ софиз-

*) С. И 8 іюля, № 170

мамъ", употребляемъ argumentum pro asino, „логическія спекуляціи сомнительнаго достоинства", мы ведемъ „неблаговидную агитацію противъ ѳедосѣевцевъ", „трактуя во вкусѣ досужихъ кумушекъ", „замѣняя положительную рѣчь двусмысленными вопросами, намеками и экивоками". Намъ „слѣдовало бы не намеки писать, а указать прямые факты, которые могли-де подлежать провѣрки". Вотъ въ какихъ выраженіяхъ составленъ противъ насъ обвинительный актъ.

Неужели Іосафъ Царевичъ и сюда забрался? Оставляемъ это на совѣсть почтенной газеты и на отвѣтственность Іосафа Царевича.

Казалось бы, чего прямѣе были факты. нами указанные, чего были положительнѣе вопросы, нами предложенные и притомъ именно г. г. попечителямъ? О большомъ Московскомъ соборѣ мы даже отвѣта не просили; относительно этого пункта отрицаніе даже невозможно. Мы спрашивали, кого должно разумѣть подъ „тропарниками", спрашивали объ обители матери Евникеи, спрашивали о прибѣжищѣ, заготовленномъ въ Пруссіи. Мы изъявляли готовность напечатать всякій отвѣтъ, даже категорическое отрицаніе, что ни убѣжища въ Пруссіи не заготовлено, ни матери Евникеи съ ея обителью не существуетъ, или что тропарниками называются какіе-нибудь безчинные люди.

Намъ не отвѣчено. Что бы это значило? Изъ презрѣнія должно быть? Какъ полагаетъ авторъ статьи въ „Новомъ Времени"? Въ самомъ дѣлѣ истинное достоинство не нисходитъ до объясненій. Іосафъ Царевичъ или авторъ статьи въ „Новомъ Времени" находятъ даже, что мы понизили тоны. Въ этомъ выраженіи маленькая описка: мы тонъ перемѣнили, но повысили. Только лишь снизошли мы тогда къ „Новому Времени" и воздержались отъ насмѣшливыхъ обличеній въ незнаніи предмета, о которомъ идетъ рѣчь. Спеціальное знаніе раскола въ самомъ дѣлѣ и принадлежитъ немногимъ; невѣжество здѣсь не можетъ быть поставлено въ вину. А вѣдь только невѣжда могъ утверждать, что ѳедосѣевскій соборъ установилъ

дѣтоубійство, и только не умѣющій читать могъ вычитать въ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ такое утвержденіе, которое было бы тѣмъ болѣе странно, что о содержаніи соборныхъ постановленій нами было извѣщено еще въ 1883 году, черезъ нѣсколько дней послѣ собора, ранѣе нежели въ какомъ-нибудь періодическомъ органѣ, даже спеціальномъ, а потомъ за нѣсколько дней до руководящей статьи существеннѣйшія правила фельетонистомъ приведены были дословно, на что и указано въ упомянутой статьѣ.

Адвокатъ Іосафа Царевича съ друзьями приводитъ съ „удовольствіемъ“ статью покойнаго П. И. Мельникова, напечатанную въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, гдѣ этотъ Павелъ, ставшій Савломъ, какъ выражался о немъ митрополитъ Филаретъ, поучалъ высшую администрацію, въ чемъ де заключается ученіе безпоповцевъ объ антихристѣ Молитвъ за Царя они не признаютъ, а въ антимонархическомъ направленіи неповинны. Брака также не признаютъ, но семейная жизнь у нихъ крѣпка.

Не отрицаемъ, что покойный авторъ „Лѣсовъ“ имѣлъ свѣдѣнія о расколѣ, хотя, не во гнѣвъ будь сказать друзьямъ Іосафа Царевича, не ахти глубокія, и не всегда пользовался ими съ полною добросовѣстностію И на сей разъ только въ увѣренности на круглое невѣжество читателей можно было выдавать, напримѣръ, за общее положеніе безпоповцевъ, что даже во время Христа по ихъ мнѣнію бывали антихристы Ученіе безпоповцевъ объ антихристѣ представляетъ цѣлую литературу, мнѣнія и толкованія разнообразны; кипѣла и отчасти продолжаетъ кипѣть обширная полемика. Были люди очень почтенные изъ старообрядцевъ, которыхъ вся жизнь была посвящена изслѣдованію объ этомъ пунктѣ вѣроученія и вся жизнь—колебаніямъ между противорѣчащими толкованіями: таковъ былъ напримѣръ Елисей Саввичъ Морозовъ, чья характеристическая черта въ этомъ отношеніи и была нами указана въ некрологѣ его, тотчасъ послѣ его смерти въ 1869 или 1870 году.

Итакъ ученому, дѣйствительно знающему расколъ, можно ли съ чистою совѣстью обобщать, мѣшать въ одну кучу безпо-

повщинское ученіе объ антихристѣ, какъ будто оно у всѣхъ тождественно и по своимъ практическимъ примѣненіямъ одинаково.

„Сектъ, не признающихъ церковной власти, я не знаю", говоритъ Мельниковъ. Да, in abstracto это такъ. Но недобросовѣстно было это утверждать чиновнику министерства внутреннихъ дѣлъ, когда онъ не могъ не знать о сектѣ, напримѣръ, хотя „странниковъ", которые пришли къ практическому выводу, что изъ міра, оскверненнаго антихристовою печатью, нужно бѣжать; что въ смертномъ грѣхѣ повиненъ тотъ, кто беретъ паспортъ, признаетъ установленныя закономъ гражданскія отношенія Недобросовѣстно было и умалчивать (судимъ впрочемъ по запискѣ „Новаго Времени", самой записки не читали) о томъ, что отличительная черта безпоповщинскаго ученія объ антихристѣ есть вѣрованіе въ наступленіе послѣдняго времени. Заключеніе о мысленномъ антихристѣ, это отступленіе отъ истиннаго вѣрованія объ антихристѣ чувственномъ, было принято безпоповцами поневолѣ, вынуждено полемикою, чтобы логически оправдать свое положеніе.

Въ томъ-то и дѣло, что среди безпоповцевъ вообще и ѳедосѣевцевъ въ частности есть и почтенные граждане, искренніе подданные и даже патріоты, вопреки логическимъ требованіямъ своего ученія. Но иное дѣло символъ исповѣданія in abstracto, другое дѣло ихъ вѣрованія in concreto, быть и практика, какъ это мы объяснили въ той статьѣ, въ которой, по увѣренію „Новаго Времени", мы понизили, а по нашему мнѣнію—повысили тонъ. Мы указали въ примѣръ католичество, іудейство и магометанство. Автору „Новаго Времени" не выгодно было обратить вниманіе на это разъясненіе, и онъ его просмотрѣлъ, въ чемъ впрочемъ мы извиняемъ его. А все-таки въ томъ-то и сущность вѣдь, что противъ ѳедосѣевцевъ, которые отстаиваютъ крѣпость семейныхъ узъ и даже молитву за Царя, поднялся соборъ, построенный горстью фанатиковъ и проклявшій несогласныхъ, такъ называемыхъ новоженовъ, то есть принимающихъ бракъ и молящихся за Царя. Вотъ вамъ

фактъ, чего же вамъ больше? „Современныя Извѣстія“ вступаются за новоженовъ, поднимаютъ голосъ противъ притѣсненія ихъ совѣсти, протестуютъ противъ того, что оффиціально признанная власть Преображенскаго кладбища находится въ рукахъ людей, ведущихъ активную пропаганду крайнихъ выводовъ безпоповщинскаго ученія объ антихристѣ. „Современныя Извѣстія“ указываютъ ошибку правительства, допустившаго пожизненныхъ попечителей кладбища, „Современныя Извѣстія“ находятъ вреднымъ и опаснымъ, что превосходительный торговецъ мануфактурными товарами, дѣйствительный статскій совѣтникъ Егоровъ, управляетъ кладбищемъ изъ Петербурга, учредивъ тамъ резиденцію. Наконецъ „Современныя Извѣстія“ находятъ подозрительнымъ учрежденіе прибѣжища въ Пруссіи и прямо отвратительнымъ дѣтоистребленіе, практикуемое ѳедосѣянками, живущими въ гаремахъ, именуемыхъ обителями и поощряемое наставниками при помощи „дырявыхъ софизмовъ“.

„Дырявые софизмы“. Это выраженіе намъ нравится, и мы совѣтовали бы автору „Новаго Времени“ обратиться къ вождямъ современнаго бракоборства, что бы они воздержали наставниковъ отъ этихъ софизмовъ; они не только дырявы, но и развратны.

„Если бы подобные факты имѣли мѣсто, они составили бы тягчайшія уголовныя преступленія“, заключаетъ авторъ „Новаго Времени“. Что же требуетъ онъ, или что желаетъ Іосафъ Царевичъ? Чтобы названы были имена разрушенныхъ семей, дѣвицъ соблазненныхъ и потопившихъ плодъ своей связи въ Хапиловскомъ прудѣ? Мы не прочь ожидать, что изъ новоженовъ найдутся дѣйствительно охотники доставить прокуратурѣ такіе списки Но адвокатъ Іосафовъ Царевичей согласится, надѣемся, что такого рода „агитація“ нѣсколько превышаетъ обязанности періодической печати

Авторъ „Новаго Времени“ оказывается болѣе монархистомъ, нежели самъ король (plus royaliste, que le roi), или точнѣе, онъ настолько защищаетъ теперешній режимъ Преоб-

раженскаго кладбища, насколько это выгодно существующимъ г. г. попечителямъ. Но просимъ обратить его сострадательное око и на прочихъ ѳедосѣевцевъ, протестующихъ противъ бракоборной власти. Письмо ѳедосѣевца, у насъ напечатанное, не краснорѣчиво ли? Не краснорѣчиво ли и отреченіе почтеннаго Е. К. Егорова (московскаго), что онъ не имѣетъ желанія и когда-либо попасть въ попечители кладбища? А вѣдь онъ ѳедосѣевецъ! А вѣдь ему даже и предлагали, кажется, попечительство. А вотъ онъ и семейный человѣкъ, и у него сынъ—женатый. Что же бы это значило? А то, что развѣ только въ журнальномъ мірѣ не вѣдаютъ, или еще въ административномъ, о бракоборныхъ соборахъ и миссіяхъ, о гаремахъ, подъ видомъ обителей, объ убѣжищахъ въ Пруссіи и о бракоборныхъ правилахъ въ какой-то военной типографіи. Бракоборныя правила печатаются безвозбранно, а за перепечатку богослужебныхъ старыхъ книгъ, тѣхъ самыхъ, которыя печатаются съ благословенія православной іерархіи въ единовѣрческихъ типографіяхъ, за перепечатку этихъ благочестивыхъ книгъ судятъ и ссылаютъ. Чудеса? И не заслуживаетъ сей фактъ вниманія?...

О расколѣ *).

Въ одной изъ руководящихъ статей о ѳедосѣевскихъ бракоборахъ, той самой, въ которой, по выраженію Іосафа Царевича, мы понизили будто бы тонъ, рекомендовали мы „Новому Времени“, смутившемуся нашимъ первымъ сообщеніемъ, заглянуть въ „Братское Слово“. Отвѣтомъ былъ обвинительный актъ противъ насъ, о которомъ мы сказали позавчера. Мы несомнѣнно убѣждены, что какъ эта статья „Новаго Времени“ противъ „Современныхъ Извѣстій“, озаглавленная „Неоднократное обвиненіе“, такъ и записка покойнаго П. И. Мельникова въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, одновременно явившіяся, доставлены вліятельнымъ лицомъ Преображенскаго кладбища,

*) С И 11 іюля, № 173

предпочевшимъ вмѣсто прямого отвѣта прибѣгнуть къ такому обходу и скрыться за спиною большой петербургской газеты, благо издателю ея принадлежитъ и „Историческій Вѣстникъ“, откуда можно выстрѣлить такимъ документомъ, какъ записка покойнаго Мельникова. Іосафъ Царевичъ! Зачѣмъ же такіе обходы? Почтенную редакцію „Новаго Времени“ легко можно было ввести въ заблужденіе, но она не поблагодаритъ васъ, когда узнаетъ исторію хотя бы этой самой записки Мельникова, собравъ о ней свѣдѣнія отъ вашихъ-же. Не поблагодаритъ она васъ, если и вообще вникнетъ въ дѣло, по которому мы ведемъ, какъ выражались вы, „неблаговидную агитацію“. Зачѣмъ такъ сильно выражаться! Какая тутъ „агитація“! И чѣмъ она „неблаговидна“? Мы идемъ прямою дорогою и недвусмысленно заявляемъ, чего требуемъ въ огражденіе общественной нравственности и въ огражденіе свободы совѣсти лучшихъ изъ ѳедосѣевцевъ.

Іосафа Царевича и ему подобныхъ редакція „Новаго Времени“, полагаемъ, не пустила бы и за порогъ, когда бы вняла нашему совѣту и перелистовала „Братское Слово“. Тамъ между прочимъ и постановленія собора 1883 г. Но вотъ буквальныя выдержки изъ напечатанныхъ тамъ вопросовъ бывшаго ѳедосѣевскаго „отца“, Гавріила Васильевича Сенатова (майская книжка 1885 г.). Этотъ Гавріилъ Васильевичъ за выраженіе сомнѣній въ бракоборствѣ былъ съ ругательствами выгнанъ изъ собора, о чемъ нами своевременно (1883 г.) извѣщалось. Теперь онъ описываетъ свою жизнь, свою внутреннюю духовную борьбу, а вмѣстѣ и приводитъ поученія, какія слышалъ отъ *старцевъ-наставниковъ* Эти старцы тутъ на голо, поименно Извольте прослушать.

„Стр. 605. Когда я въ первый разъ послѣ смерти моей жены пришелъ къ Василію Егорову (Улыбину) онъ спросилъ меня?

—Что жениться будете?

Я отвѣтилъ не надо бы

Василій Егорычъ сказалъ „молчи, мой братецъ, молчи, не женись, а то будешь не нашъ. Что жениться? Дѣвокъ-то и такъ много“.

Стр 608 Василій Егорычъ неоднократно говаривалъ: „лучше сто блудницъ имѣть, чѣмъ одну жену и ее женой называть. Это дѣло пагубно, потому что будутъ дѣти, а съ дѣтьми спастись трудно. А то соблудилъ да и опять одинъ остался, тогда и покаяться можно, а съ женой, братецъ мой, каяться некогда Да какой дуракъ приметъ женатаго на покаяние“.

Стр. 609. Василии Яковлевичъ (это уже другой старецъ) отвѣтилъ· „Какой ты, братецъ, непонятныи, они богоотступники женъ женами признаютъ!“

Я спросилъ. „а чѣмъ лучше тѣ, которые разныхъ женъ имѣютъ и дѣтеи бросаютъ?“

Василій Яковлевичъ отвѣтилъ. „они тайные грѣшники. И потомъ прибавилъ. пусть онѣ родятъ, да въ царство небесное пускаютъ!“

Я спросилъ. „а какъ это въ царство небесное пустить?“

Василій Яковлевичъ отвѣтилъ „пусть крестятъ, да и утопятъ: вотъ младенецъ-то и будетъ мученикъ“.

Я спросилъ· „а матери-то что за это будетъ?“

Василій Яковлевичъ отвѣтилъ „ребенокъ-то ея замолитъ этотъ грѣхъ, потому что она сдѣлала его мученикомъ“.

Я ничего болѣе спрашивать не могъ. Эти слова меня обдали страшнымъ холодомъ Легко сказать роди, да утопи.

Въ постороннемъ замѣчании къ этому разсказу сынъ Сенатова говоритъ

Когда сестра моя вышла замужъ, дня черезъ три или въ тотъ же день я пошелъ къ Егору Кареву (тоже наставникъ) и сказалъ ему объ этомъ Каревъ мнѣ отвѣтилъ· „жалко, очень жалко“, теперь она сдѣлалась еретичкой, лучше бы хоть шесть разъ родила да уморила, это только грѣхъ“.

Это я, какъ пришелъ домой, передалъ родителю. У ѳедосѣевцевъ иначе и быть не можетъ. Брачные признаются (по 16 ст. собора 1883 г.) еретиками; а никакой грѣхъ, какъ бы онъ великъ ни былъ, ересью считать нельзя.

Стр. 610 Александръ Федорычъ (еще наставникъ новый), возвыся голосъ, сказалъ „отцы, послушайте, что я вамъ говорю. новоженовъ къ намъ приходящихъ прежде принимали безъ крещенія, тогда въ нихъ поменьше было ересей, а нынѣ они стали слабо жить и въ тропарѣ Царя поминаютъ; поэтому отселѣ начинаемъ ихъ перекрещивать“

Стр 612. Тимоѳей Петровичъ (Москвинъ) сказалъ „такихъ отцовъ и матерей (которые женятъ своихъ дѣтей) нужно бы до смерти отлучать“.

Ананій Филимонычъ сказалъ. „это очень строго“

Тимоѳей Петровичъ· „такъ наши отцы написали. Нужно учить, чтобы они (то есть родители) дѣтей не женили“.

Я сказалъ на это· тебѣ такъ-то хорошо говорить, у тебя дѣтей нѣтъ. Не жени, а они сами уйдутъ, да еще не знай и куда. Тогда какъ ихъ выручать?

Тимоѳей Петровичъ отвѣтилъ. „зачѣмъ выручать? Выручай, не выручай все равно погибнутъ“.

Я сказалъ: а наши отцы вѣдь много ошиблись

Тимоѳей Петровичъ· „въ чемъ они ошиблись“?

Я отвѣтилъ въ томъ, что не завели у себя никакой метрики. Одинъ воспріемникъ или воспріемница бываетъ многимъ мальчикамъ и дѣвочкамъ и этого не записываютъ. Отъ этого можетъ произойти содомъ

Тимоѳей Петровичъ сказалъ· „намъ никакой метрики не надо; у насъ нѣтъ родства тѣлеснаго, мы всѣ по Христѣ братіи и сестры“.

Послѣ этого собранія я не спалъ цѣлую ночь, все думалъ. какъ такъ у насъ нѣтъ родства? А называемся Петровичами, Васильевичами, или еще какъ.

Стр. 616 Подошелъ къ намъ Гаврила Семеновичъ Кремневъ и сказалъ· „васъ надо отсюда выгнать“.

Я отвѣтилъ· а мы васъ стараемся выгнать, потому, что вы по 16 стат. соборнаго постановленія 1883 г еретики, такъ какъ вы свою жену признаете за законную.

„Я женою не признаю“, сказалъ Кремневъ.

„А какъ же вы признаете“? спросилъ Ѳедоръ Онисимовичъ.

Кремневъ молчалъ и Ѳедоръ Онисимовичъ еще два или три раза повторилъ свой вопросъ.

Гаврила Семенычъ отвѣтилъ „у меня.... (я не могу написать такого слова)

Я пошелъ съ кладбища, въ воротахъ меня остановилъ Кремневъ.

„Это ты меня довелъ до этого“ (т е до названія жены неприличнымъ словомъ) сказалъ онъ.

Довольно. Вотъ объ этихъ-то наставникахъ мы и спрашивали настойчиво г. г. попечителей: знаютъ ли они объ ихъ развратной проповѣди? Да впрочемъ г. Тимоѳею Москвину она самолично приписывается. Что же Гаврила Васильевичъ лжетъ? Ваше превосходительство, г. Егоровъ, Тимоѳей Петровичъ,

отвѣтьте! Не хоронитесь за П. И. Мельникова. То было тогда, то теперь. Можетъ быть Сенатовъ говоритъ облыжно? Объявите, что облыжно говоритъ этотъ человѣкъ, страдавшій за старую вѣру, по девяти мѣсяцевъ содержавшійся въ двухъ тюремныхъ замкахъ за вѣру.

Но они молчатъ, они не отвѣчаютъ г. г. попечители! А вѣдь развратное ученіе, а вѣдь наставленіе топить дѣтей раздается въ учрежденіи, состоящемъ подъ оффиціальнымъ покровительствомъ. Вы, попечители, его представители, предъ правительствомъ, и полагаемъ—отвѣтственны, въ томъ, чтобы заведеніе, вами управляемое, не служило гнѣздомъ и училищемъ разврата

Отвѣтьте же что-нибудь безъ ссылокъ на Мельникова! Что его тревожить покойника! Ужъ обратитесь къ живымъ кому-нибудь.

О расколѣ*).

Вчера мы объяснились съ редакторомъ „Историческаго Вѣстника“, нынѣ обращаемся къ „Новому Времени“ самому. Передаемъ послѣднюю статью его противъ насъ цѣликомъ. Истина отъ этого не пострадаетъ, бракоборы будутъ довольны, что защита ихъ выслушивается нѣсколькими лишними тысячами. Мы въ частности менѣе всѣхъ останемся въ накладѣ. Мы избавляемся отъ лишнихъ словъ: читателямъ останется припомнить взгляды и сужденія, нами дѣйствительно высказанныя и повторенныя, и сличить съ ними укоры, намъ посылаемые. Мы въ передержкахъ не нуждаемся. Что же касается до „досужихъ салопницъ“, „мутнаго потока сплетень“, „гадкихъ инсинуацій“ и другихъ эпитетовъ, къ которымъ прибѣгаетъ авторъ, не оставляя еще сослаться на благоуханную пословицу, то читатель, надѣемся, объяснитъ эти украшенія статьи вкусами, на

*) С. И 19 іюля, № 181

которые, какъ извѣстно, мастера нѣтъ и понятіями о приличіи, которыя не у всѣхъ одинаковы.

На насъ лежитъ opus probandi, мы взвели на часть раскольниковъ ѳедосѣевскаго полка тягчайшія обвиненія Такъ выражается „Новое Время“. Приходится повторить слова· да о чемъ рѣчь? На какія обвиненія представлять доказательства? Разсказывать и доказывать факты дѣтоистребленія, какъ мы сказали уже и съ чѣмъ согласилось само „Новое время“, есть не дѣло періодической печати. А что существуетъ и распространяется ученіе, поощряющее къ такимъ дѣяніямъ и признающее ихъ богоугодными, для удостовѣренія въ этомъ рекомендовали мы перелистывать „Братское Слово“, а потомъ даже и привели выдержки изъ этого журнала, именно гдѣ Сенатовъ въ своей автобіографіи называетъ даже поименно наставниковъ, совѣтующихъ топить дѣтей въ видахъ спасенія души.

„Новое Время“, по его словамъ, рѣдко видитъ, „этотъ раскольничій журналецъ“, а теперь находитъ, что „это органъ одного поля съ фельетонами“ „Современныхъ Извѣстій“ Вполнѣ можно повѣрить, что авторъ рѣдко видитъ „Братское Слово“ и даже никогда Безъ этого оффиціально-церковный органъ миссіонерскаго братства св. Петра, руководимый извѣстнымъ профессоромъ-спеціалистомъ, не былъ бы сочтенъ „раскольничьимъ-журнальчикомъ“ и „одного поля съ фельетонами“

„Новому Времени“, представляется характернымъ, что противъ Мельникова выставляется авторитетъ „Братскаго Слова“. Дѣйствительно было бы характернымъ (если бы такъ было) показанія 1875 г. (годъ записки Мельникова) опровергать событіями 1883 и 1884 г г., какъ не менѣе характерно и противъ событій 1883 и 1884 г. возражать запиской 1875 г (какъ поступаетъ „Новое время“)

Сенатовъ могъ со зла наговорить разныя глупости на „наставниковъ“, раздраженный тѣмъ, что его за возраженія прогнали съ собора. „Новое Время“ находитъ потому ссылку на Сенатова курюзною. И дѣйствительно она была бы курюз-

ною, когда бы дѣло не происходило обратно. Возражалъ-то вѣдь Сенатовъ на соборѣ именно противъ этихъ глупостей, какъ называетъ ихъ авторъ: за возраженіе имъ-то онъ и былъ прогнанъ съ собора.

Самымъ же большимъ куріозомъ кладбищенскаго вопроса находятъ совпаденіе нашихъ статей съ избирательною борьбою на кладбищѣ. Въ самомъ дѣлѣ умеръ одинъ изъ попечителей, придется выбирать на его мѣсто, и мы въ предвидѣніи этого обстоятельства выступили походомъ противъ бракоборовъ. Не куріозъ ли это? Какова наша предусмотрительность.

А походъ нашъ дѣйствительно имѣетъ въ виду выборы. Эта догадка вполнѣ справедлива, и еслибы „Новое Время“ отнеслось къ нашимъ статьямъ съ нѣкоторымъ вниманіемъ и догадалось ранѣе, много было бы сбережено чернилъ и бумаги О чемъ мы и толковали все время въ самомъ дѣлѣ?

По поводу фельетоновъ, печатаемыхъ подъ заглавіемъ „Грѣховодники“ и представляющихъ дагеротипный снимокъ съ нравовъ Преображенскаго кладбища, мы напомнили читателямъ о бракоборномъ соборѣ 1883 г. и фанатической активной пропагандѣ, за нимъ послѣдовавшей. Вотъ чѣмъ мы начали Мы изъявили удивленіе, какъ прошло такое событіе мимо глазъ администраціи, пояснили сущность бракоборнаго ученія, отвергающаго бракъ и молитву за Царя; указали, что фанатическіе „наставники“, проклиная бракъ, поощряютъ своихъ приверженцевъ къ развратной жизни и дѣтоистребленію; недоумѣвали и жалѣли, что администрація оцѣживаетъ комара, когда проходятъ верблюды; преслѣдуются перепечатки исполненныхъ благочестія богослужебныхъ книгъ, когда въ тайной же типографіи воспроизводятся правила, противорѣчащія и требованіямъ нравственности и требованіямъ строгаго вѣрноподданичества. Фактъ находили мы тѣмъ болѣе страннымъ и достойнымъ сожалѣнія, что въ средѣ же ѳедосѣевцевъ есть новожены. Они протестуютъ противъ нетерпимости, съ которою соборъ отлучаетъ признающихъ бракъ-бракомъ и глаголющихъ тропарь, т. е. молящихся за Царя. Не эти новожены задавлены, потому что управленіе

Преображенскимъ кладбищемъ находится въ рукахъ бракоборовъ, главный же попечитель живетъ въ Петербургѣ, благонамѣренные голоса тѣмъ болѣе безсильны, что допущены попечители кладбища пожизненные, а не на срокъ выбираемые. Пускай, говорили мы, сами бракоборы вѣруютъ, какъ угодно; пускай не признаютъ ни брака, ни молитвы за Царя. Иное дѣло, объяснили мы, формула, иное практика; придерживающіеся противогосударственныхъ повидимому ученій бываютъ искренніе вѣрноподданные патріоты. Но теперешніе бракоборы перешли въ активную, развращающую проповѣдь; а хуже всего то, что они—признанная оффиціально власть въ заведеніи, состоящемъ подъ надзоромъ и покровительствомъ правительства; заведеніи притомъ, которое законно или незаконно пріобрѣло значеніе центра для ѳедосѣевскаго толка всей Россіи

Вотъ что мы говорили и о чемъ повторяли. Интересъ государственный и общественный требуетъ поддержать новоженовъ, а вмѣстѣ отмѣнить правило о пожизненности попечителей. Теперь спорятъ даже противъ несмѣняемости судей, а здѣсь несмѣняемостью облечено званіе, съ которымъ соединена возможность для какого-нибудь изувѣра заполнить всю Россію проповѣдниками въ родѣ приводимыхъ Сенатовымъ, да еще открыть для секты центръ за границей, чему уже и начало положено!

Забавно, что въ виду нашего двукратно повтореннаго мнѣнія о невозможности обсуживать вредъ или безвредность секты по одной исповѣдуемой формулѣ, противопоставили намъ мнѣніе Мельникова, въ основаніи тоже самое! Но Мельниковъ пришелъ къ поспѣшному выводу, обѣливъ на этомъ основаніи всѣхъ безпоповцевъ, какого бы частнаго толка они не держались, бракоборы же ѳедосѣевцы въ свою очередь всегда укрываются за ѳедосѣевцевъ-новоженовъ и староженовъ, когда основательно или нѣтъ возбуждаются противъ ихъ правительственныя подозрѣнія Но вѣдь это все равно, если бы объ яромъ ультрамонтантствѣ Западной Европы или фанатикѣ полякѣ судить по католикамъ-индифферентистамъ, не знающимъ папы.

Какія же и на что доказательства отъ насъ требуются? Не на то ли, что Америка существуетъ? Ѳедосѣевское ученіе вообще, отличіе его отъ поморскаго, отношеніе между бракоборами и новоженами среди ѳедосѣевцевъ, извѣстны не со вчерашняго дня, даже не со вчерашняго десятилѣтія. Или нужно доказывать, что соборъ 1883 г. узаконилъ такъ называемыя „Польскія правила“, тогда какъ на томъ же Преображенскомъ кладбищѣ они уже и заколебались было и фанатическая нетерпимость начала было смягчаться? Но если въ этомъ corpus delicti, на который требуется доказательства, то вѣдь это есть историческій фактъ столь же несомнѣнный, какъ существованіе Америки. „Новое же Время“ горячится, воображая, что мы приписываемъ себѣ открытіе Америки и увѣряетъ, что Америка—сплетня кумушекъ, что существованіе ея надо доказать.

Да, наконецъ, чего же лучше? Мы просили бракоборовъ отвѣтить намъ хотя бы отрицаніемъ того, о чемъ мы утверждаемъ. Пусть, напримѣръ, отвѣтятъ хоть упомянутые Сенатовымъ наставники: „нѣтъ мы этого не говорили, мы не такъ вѣруемъ“. Но они не отвѣчаютъ и понятно почему· они не хотятъ объявить себя вѣроотступниками. Мы не судимъ ихъ за эту твердость вѣрованія, пусть и ложнаго по нашему мнѣнію; напротивъ ставимъ ее въ честь имъ. Но отсюда-то менѣе всего и слѣдуетъ, чтобы проповѣдь, имъ приписываемая, была изобрѣтеніемъ „досужихъ салопницъ“.

„Новое Время“ очень жалѣетъ, что „ввязалось“ съ нами въ полемику по вопросу о ѳедосѣевцахъ: а мы и того болѣе жалѣемъ о недоразумѣніи, въ которое впала почтенная газета и о запальчивости, которую она обнаружила, по нашему мнѣнію, совсѣмъ не къ мѣсту.

Христіанское движеніе въ еврействѣ *)

О странномъ недоразумѣніи извѣщаетъ насъ г. Ѳ. П Въ „Руководствѣ для сельскихъ пастырей“ нѣкто О. Руновскій выразилъ недовольство христіанскимъ движеніемъ, обозначившимся въ еврействѣ, подъ формою секты „Новаго Завѣта“. О. Руновскому подавай все или ничего Секта „Новаго Завѣта“ дѣйствительно остановилась на отрицательномъ моментѣ: отвергла талмудизмъ Затѣмъ признавъ въ общемъ истину христіанства, установила самоизмышленный обрядъ и устроила церковь. Довольно самонадѣянно со стороны г. Рабиновича воображать, что раздѣленный отъ Іисуса восемнадцатью вѣками, онъ способенъ точнѣе вникнуть въ сущность религіознаго переворота, внесеннаго Божественнымъ Учителемъ, и соотвѣтственнѣе намѣренію Основателя устроить новозавѣтную общину, нежели современники Христа. Для г. Рабиновича начало христіанства представляется археологическимъ фактомъ его народа, и онъ желалъ бы возстановить его путемъ, какой употребляютъ археологи, не желая при этомъ знать и понять, что фактъ продолжается доселѣ въ живомъ преемствѣ, и если видоизмѣнился, то по неотложнымъ требованіямъ исторіи Не во гнѣвъ будь сказано г Рабиновичу, въ обособленіи его секты, хотя и назвавшей себя новозавѣтною, усматривается коренная черта народности, которой онъ принадлежитъ, бывшее ея достоинство, а теперь ея историческій грѣхъ. И новозавѣтный Израиль, какъ хочетъ назвать его г Рабиновичъ, все таки сторонится отъ иноплеменниковъ. А соціальная заслуга Того, Кого самъ г. Рабиновичъ признаетъ за божественнаго пророка и первосвященника въ томъ именно, что истина богопочтенія выведена изъ предѣловъ національности и распростерта на все человѣчество, догматъ общечеловѣческаго братства, а съ нимъ и церкви, пропалъ для новозавѣтнаго Израиля.

Въ этомъ смыслѣ еврейская община, называющая себя новозавѣтною, конечно, не есть христіанство, и на этотъ

*) С И 13 августа, № 203

пунктъ могъ-бы налечь О. Руновскій основательнѣе, нежели на догматическія разности новой секты отъ православія. А вспомнилъ бы О. Руновскій: во второмъ и въ первомъ вѣкѣ исповѣдали христіане тотъ-же символъ, что нынѣ, и оглашались вѣрою по катехизисамъ Филарета или Петра Могилы?

Дальнѣйшаго сближенія съ подлиннымъ христіанствомъ мы отъ новозавѣтнаго Израиля не ждемъ именно потому, что онъ успѣлъ уже организоваться. Но въ политическомъ смыслѣ онъ есть явленіе желанное, потому что развиваетъ еврейскую массу, и притомъ сохраняя своихъ послѣдователей на религіозной почвѣ, не перекидывая ее въ нигилизмъ,—неизбѣжное послѣдствіе, когда въ убѣжденіи еврея потрясаются въ основаніи его вѣрованія. На мѣсто вѣрованія г. Рабиновичъ ставитъ вѣрованіе же.

Не пророчимъ г. Рабиновичу и особеннаго благорасположенія отъ христіанскаго общества. Объ евреѣ, хотя бы приписавшемъ себя къ Новому Завѣту, христіанинъ, и въ частности русскій человѣкъ, по прежнему скажетъ: онъ не нашъ, онъ Рабиновскій, онъ сторонится отъ насъ. Обвинимъ ли такое сужденіе въ неосновательности?

Но въ концѣ концовъ все таки нельзя не пожелать успѣха новой сектѣ и не оцѣнить ея заслугъ, что она расшатываетъ предразсудки еврея и его самомнѣніе, воззываетъ къ размышленію, дѣйствительно ли современный еврей исполняетъ завѣтъ Іеговы? Обличенія, высказываемыя г. Рабиновичемъ въ этомъ направленіи, очень сильны, сколько намъ удавалось читать. Если они будутъ продолжаться съ настойчивостію, успѣхъ несомнѣнно послѣдуетъ. Найдутся добросовѣстные евреи, которые вникнутъ въ справедливость упрековъ, исходящихъ отъ ихъ же собрата, и поставятъ себѣ вопросъ: слѣдуетъ ли коснѣть въ предразсудкѣ? А лишь поставленъ будетъ вопросъ, не замедлятся и отпаденіе и пріобщеніе да не къ самодѣльной только новозавѣтной общинѣ вчерашняго дня, а къ великимъ организмамъ, считающимъ въ себѣ тысячелѣтія и столѣтія. . . . . .

По поводу совращенія въ безпоповщинскій толкъ *).

Дѣвушка обращается изъ безпоповщинскаго толка къ православію и выходитъ замужъ за офицера; но потомъ ее совращаютъ и она бѣжитъ отъ мужа, поступая въ бѣлицы Преображенскаго кладбища. Вотъ содержаніе письма, нами полученнаго Насъ оно нисколько не удивляетъ фанатизмъ въ безпоповщинцѣ-бракоборѣ не менѣе силенъ, чѣмъ въ евреѣ, извѣстно, какимъ гоненіямъ подвергаются еврейки, принимающія христіанство

Очень благодарные г. Гр Г-ну за сообщеніе, мы просили бы его добавить нѣкоторыя подробности: 1) въ какой церкви совершилось присоединеніе къ православію, 2) въ какой происходило вѣнчаніе, и 3) неизвѣстно ли корреспонденту, въ которое изъ убѣжищъ увлечена названная особа· на самое ли кладбище, или на какое-либо изъ его не гласныхъ отдѣленій въ 9-й ротѣ и на Покровкѣ? Статьи въ „Современныхъ Извѣстіяхъ", какъ слышали мы, произвели то дѣйствіе, что на кладбищѣ начали поубираться· многое повытаскали оттуда въ надежныя мѣста, поразсовали сверхштатныхъ на кладбищѣ, вообще попрятали, чему на глаза всѣмъ показываться неудобно. Напримѣръ, Молитвенный Уставъ, контрабаднымъ способомъ напечатанный въ одной (говорятъ даже правительственной) типографіи, продававшійся и прежде съ большими предосторожностями, теперь, разумѣется, припрятанъ каждымъ такъ далеко, чтобы докопаться было невозможно. Понятно, если только захотѣть, то достать можно; да наконецъ можно справиться, по какому уставу совершается моленіе на кладбищѣ,—по тому ли въ точности, какъ четыре года назадъ, или произошли измѣненія,—какія и почему.

Любопытствуемъ мы о церкви, гдѣ совершено было присоединеніе и вѣнчаніе, потому что въ настоящемъ дѣлѣ двѣ стороны: безпоповщинскіе наставники, совратившіе, и право-

*) С. И. 18 августа, № 208.

славное духовенство, принявшее обратившуюся. Очень прискорбно сравненіе ревности однихъ съ равнодушіемъ другого. Присоединившій дѣвушку къ православію священникъ ограничился внѣшнимъ совершеніемъ обряда (а можетъ и таинства, потому что дѣвушка вѣроятно не была муропомазана, если родилась въ расколѣ)? Все духовное дѣйствіе его состояло въ этомъ и онъ не сумѣлъ предостеречь отъ обольщенія молодую совѣтами, наставленіями, разъясненіями?

Совратившаяся въ расколъ молодая особа воспитывалась въ женской гимназіи: обстоятельство, которое заслуживаетъ вниманія, разувѣряя тѣхъ, которые воображаютъ, будто образованіе не можетъ ужиться съ расколомъ: это есть мнѣніе поверхностное, и въ другомъ мѣстѣ мы подробнѣе раскроемъ его неосновательность

Офицера, прежде чѣмъ оторвать отъ него жену, уговаривали перейти въ расколъ, обѣщали деньги и протекцію. И это обстоятельство, кажется, заслуживаетъ вниманія, особенно обѣщаніе „протекціи“; и мы вѣримъ, что протекцію воротилы Преображенскаго кладбища могутъ оказать: чего не въ силахъ сдѣлать въ наше время деньги! Въ настоящемъ случаѣ православный офицеръ устоялъ противъ искушенія, но найдутся и согласные, въ виду предлагаемаго повышенія, поступить въ ѳеодосѣевскій толкъ. Вотъ же г. Егоровъ достигъ генеральскаго чина въ силу принадлежности къ ѳеодосѣевской сектѣ и близости къ Семену Козмину, бывшему нѣкогда патріархомъ Преображенскаго кладбища. Конечно, не за принадлежность къ сектѣ жалованы были ему чины; но положеніе въ сектѣ дало ему средства совершать благотворенія, снискавшія генеральскій чинъ, а съ нимъ и извѣстное значеніе въ правящихъ кругахъ. Такимъ образомъ обѣщаніе протекціи офицеру за переходъ въ ѳеодосѣевство могло быть основано на данныхъ уважительныхъ, и почему иному офицеру не возмечтать о генеральствѣ, при готовности преображенскихъ воротилъ служить ему своимъ содѣйствіемъ?

Ѳедосѣевцы*).

„Грѣховодники“, какъ называетъ ихъ фельетонистъ, созываютъ новый „великій“ соборъ въ Москвѣ. Намъ ставили въ укоръ, что мы разсуждали о дѣяніяхъ бракоборовъ ѳедосѣевцевъ заднимъ числомъ Пусть упрекъ и въ сущности былъ несправедливъ· мы разсуждали о послѣдствіяхъ прошлаго великаго собора, а не о немъ самомъ, о немъ извѣстили мы своевременно, два года назадъ, немедленно послѣ того, какъ онъ состоялся. Но сейчасъ, надѣемся, не опоздаемъ: извѣщаемъ о предстоящемъ соборѣ не только своевременно, но заблаговременно. Соборъ созывается, приглашеніе разослано Уже понаѣхали учители изъ Казани, Уфы, Харькова, Саратова и другихъ городовъ. Ждутъ только главныхъ столбовъ бракоборства изъ Казани Василія Павлова, на душѣ котораго много лежитъ расторженныхъ браковъ и разрушенныхъ семействъ; изъ Рѣжицы—Мину Пименова и Пимена Минина и другихъ. Пріѣзжимъ отцамъ уже данъ былъ, выражаясь по западному, банкетъ въ негласномъ монастырѣ матери Евникіи на Покровкѣ 18 августа. Явства и питія, душеспасительныя рѣчи; слѣдовала ли за ними и аѳинская ночь, каковымъ за обычай бывать въ этомъ монастырѣ при обильныхъ возліяніяхъ, подаваемыхъ инокинями, и съ вакханальнымъ гимномъ комфорту безбрачія—объ этомъ намъ не сообщено. Да и думаемъ, что на этотъ разъ была очередь болѣе строгому лицемѣрію, не смотря на вольныя вообще отношенія отцовъ къ красивымъ бѣлицамъ.

Какъ и при первомъ соборѣ, иниціатива принадлежитъ Тимоѳею Москвину и еще иноку Филарету, этому протею, бывшему турецкимъ подданнымъ, но умѣвшему перекинуться снова русскимъ, несмотря на сомнительность своихъ документовъ; не удивляйтесь, деньги, оставшіяся отъ Семена Кузмича и пріумножаемыя доброхотными даяніями, чего не обдѣлаютъ! Тимоѳей Москвинъ оффиціальнаго отношенія къ Преображенскому

*) С И 23 августа, № 213.

кладбищу не имѣетъ, попечителемъ кладбища состоитъ лишь братъ его вмѣстѣ съ другими. Но онъ-то и есть духовный вождь и зачинщикъ всего вмѣстѣ съ Филаретомъ оборотнемъ. Тѣмъ не менѣе знаютъ о соборѣ и оффиціальные попечители; они будутъ на немъ присутствовать, какъ присутствовали на прежнемъ: будутъ вѣроятно и выталкивать въ шею несогласныхъ, какъ и тогда выталкивали.

Будутъ отсутствовать на соборѣ только самъ ѳеодосѣевскій генералъ Ефимъ Савельевичъ Егоровъ, какъ отсутствовалъ и на прежнемъ: но въ этомъ состоитъ политика его превосходительства Его превосходительству о предстоящемъ митингѣ тѣмъ не менѣе досконально извѣстно. Еще бы не быть извѣстнымъ! На главный храмовой праздникъ кладбища, 15 августа, онъ пожаловалъ изъ Петербурга, изволилъ быть на богослуженіи и на трапезѣ Ему несомнѣнно доложено было и о судѣ надъ двумя наставниками, описанномъ сегодня въ фельетонѣ· судъ въ совѣщательной храминѣ кладбища происходилъ не далѣе какъ наканунѣ праздника, въ среду 14 числа. Быть наставникомъ и продолжать жить въ бракѣ, не прогнать жену, какая въ самомъ дѣлѣ ересь, какое богоотступничество! Какъ было не судить!

Итакъ ѳедосѣевскій генералъ все знаетъ несомнѣнно и безъ благословенія его не предпринимается ничесоже; да онъ то и есть главный представитель ѳедосѣевства предъ верхними сферами, съ которыми онъ улаживаетъ отношенія. Имени его въ актахъ внутренней жизни кладбища однако не бываетъ видно; его какъ будто дѣло сторона. Но такова, говоримъ политика, и отдадимъ честь его превосходительству,—благоразумная политика. Правила кладбища напечатаны контрабаднымъ способомъ въ Петербургѣ, гдѣ живетъ превосходительный попечитель; но генералъ, конечно, этого не знаетъ; не знаетъ, конечно, онъ и искусника, писавшаго и литографировавшаго правила, того искусника, который былъ прежде прикащикомъ Тимоѳея Москвина, поступилъ въ военную службу и даже получилъ офицерскій чинъ, сдавъ экзаменъ, а вмѣстѣ и забрав-

шись въ одну изъ типографій. Такъ это близко происходило отъ превосходительнаго попечителя и такъ это отзывается „протекціей“—тою протекціей, которую, какъ недавно у насъ сообщалось, обѣщали другому офицеру, если обратится въ ѳедосѣевство. Но все это совершилось помимо генерала, безъ сомнѣнія.

Мы и согласны, что г Егоровъ можетъ не знать о замѣчательномъ каллиграфѣ, столь искустно выводящемъ полууставъ и заставицы, но и литографирующемъ. Мы находимъ только, что какъ г. Егоровъ, такъ и прочіе попечители обязаны знать о предстоящемъ соборѣ и обязаны извѣстить о томъ государственную администрацію. На то они попечители. Какъ! Никто изъ насъ не смѣетъ открыть публичную лекцію, никто не смѣетъ собрать слушателей въ концертъ безъ правительственнаго разрѣшенія, а здѣсь собирается митингъ не въ одну сотню человѣкъ (какъ было на прежнемъ соборѣ, почему онъ и названъ великимъ), члены поназваны со всѣхъ концовъ Россіи,— и вы, попечители, его устроивающіе, не оповѣщаете о немъ, и вы, главный попечитель, ваше превосходительство, даже якобы и не знаете. Какіе бы у васъ ни были лады съ низшими органами администраціи, можетъ быть, и съ полиціею, обыкновенною и сыскною, но такое публично-тайное собраніе незаконно, вы этого не можете не знать и должны понимать. Вы—довѣренныя лица правительства, оно васъ утвердило, вы его органы, посредники между нимъ и своимъ обществомъ,— и вы, не сумнясь, ведете себя такими оборотнями: въ обществѣ агитируете, а лицомъ къ правительству обращаясь, говорите: „ничего не знаемъ“. Вы скажете пожалуй, что не знаете даже о прежнемъ соборѣ, дѣянія котораго напечатаны не только контробандным, но и законнымъ способомъ (въ „Братскомъ Словѣ“). Вы не знаете о немъ, хотя сами въ немъ (за исключеніемъ генерала) даже участвовали? Нехорошо! А когда знали и участвовали, то извѣстили-ль, предупредили-ль администрацію и дали-ль ей отчетъ о происходившемъ?

О чемъ будетъ предстоящій соборъ совѣщаться? Да все о томъ же. Примѣненіе бракоборныхъ правилъ минувшаго собора

на практикѣ встрѣтило нѣкоторыя затрудненія, вызвало недоумѣнія. Вотъ для разрѣшенія ихъ то и сзываются начетчики, наставники, отцы со всей Россіи. Между прочимъ предположено и подвергнуть суду нѣкоторыхъ наставниковъ, осмѣлившихся быть несогласными съ гоненіемъ на тропаристовъ (на молящихся за Царя) и на брачниковъ, грянуть на нихъ за то анаѳемой. Имена Василія Павлова, Мины Пименова, Пимена Минина достаточно ручаются, въ какомъ духѣ будутъ изречены постановленія. Тимоѳея Москвина, этого духовнаго преемника Семену Кузьмину и Гнусину, а равно Филарета—оборотня, занимаетъ еще вопросъ о „половинкахъ“. Что такое „половинки“ спроситъ читатель. А вотъ что.

„Половинки“ называются состоящіе въ бракѣ съ иновѣрными; припомнимъ хотя бы тотъ случай, о которомъ у насъ сообщалось недавно; жена—„христіанка“, а мужъ—никоніанинъ. Такъ какія же правила предписать относительно таковыхъ и въ частности относительно дѣтей ихъ? Дѣтей, подобно Гнусину, не признать ли порожденіемъ діавола? Впрочемъ мы не желаемъ предупреждать ни Василія Павлова, ни Мины Пименова, ни Пимена Минина и Тимоѳея Петровича, ни инока—оборотня, преподобнаго Филарета; какъ они посудятъ, такъ тому и быть Но читатель и безъ нашихъ объясненій уже предугадываетъ, сколько страданія и раздоровъ въ семьяхъ, сколько разлученій между супругами послѣдуетъ затѣмъ! А мы прибавимъ: сколькими новыми гостями обзаведется Воспитательный домъ, а можетъ быть и жертвами Хапиловскій и другіе пруды! И замѣтьте, дѣло тутъ идетъ уже не о внутреннихъ отношеніяхъ одного члена ѳедосѣевской общины къ другому члену ея же. Вопросъ сводится, такъ сказать, на международную почву, переходитъ въ посягательство противъ исповѣданій, чуждыхъ ѳедосѣевству, признающихъ бракъ, члены которыхъ между тѣмъ имѣли несчастіе взять мужа или жену въ ѳедосѣевскомъ обществѣ. О, остерегитесь господа, будетъ съ вами тоже, что съ лежащимъ въ нервной горячкѣ офицеромъ, о которомъ у насъ уже сообщалось!

Изъ бывшихъ нашихъ статей о ѳедосѣевцахъ одна петербургская газета вывела заключеніе, будто бы прежній великій соборъ установилъ избіеніе дѣтей, это неосновательное толкованіе перешло даже въ иностранную печать. Не смотря на наше разъясненіе, нѣкто г. Бороздинъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ снова приписываетъ намъ мнѣніе, котораго мы не высказывали. Бывшій великій соборъ, разумѣется, не устанавливалъ дѣтоубійства и предстоящій тоже не установитъ Но таково практическое послѣдствіе бракоборныхъ правилъ, по которымъ блудъ есть только грѣхъ, очищаемый покаяніемъ, а бракъ—ересь, вѣроотступничество, не прощаемыя ни въ семъ вѣкѣ, ни въ будущемъ. Совершенно логически выводили отсюда наставники совѣтъ не церемониться съ новорожденными и посредствомъ смертоубійства готовить изъ нихъ молитвенниковъ. Разсудимъ же теперь, какое практическое примѣненіе дано будетъ правилу, когда о „половинкахъ“ будетъ, напримѣръ, постановлено, что души младенцевъ, рожденныхъ въ такомъ бракѣ, вложены діаволомъ (ученіе Гнусина)? Какая ужасная перспектива для несчастныхъ малютокъ и не менѣе злосчастныхъ супруговъ.

Но нѣтъ отбросимъ эти мрачныя картины! Мысль о предстоящемъ ѳедосѣевскомъ соборѣ приводитъ насъ даже въ веселое расположеніе, когда воспоминаемъ о ѳедосѣевскомъ генералѣ, якобы ничего не знающемъ и проживающемъ въ Петербургѣ, не смотря на свое званіе попечителя; только облаживающемъ отношенія. О Тимоѳеѣ Москвинѣ и Филаретѣ—оборотнѣ, о негласномъ, противозаконно-существующемъ монастырѣ, состоящемъ въ домѣ однако оффиціально утвержденныхъ попечителей ѳедосѣевской общины; о посланіяхъ, разосланныхъ по всей Россіи; о Минѣ Пименовѣ и о Пименѣ Мининѣ съ братіею; о каллиграфѣ, контробандно литографировавшемъ бракоборный уставъ и произведенномъ въ офицеры. Пойдемте, господа, въ ѳедосѣевцы! Помимо благъ земныхъ, мы будемъ пользоваться духовною свободой въ такихъ размѣрахъ, какіе не только въ Россіи, но даже въ болѣе свободныхъ государствахъ, рѣдки;

тамъ, гдѣ на митингахъ все таки присутствуютъ агенты правительства. А здѣсь какое раздолье! Шутки въ сторону; интересенъ между прочимъ новый видъ общественности, открывающійся здѣсь, еще не успѣвавшій войти въ науку государственнаго права. Бываютъ общества явныя, законно существующія, состоящія подъ контролемъ и надзоромъ государственнымъ; бываютъ собранія, правительствомъ разрѣшенныя. Бываютъ и тайныя общества и тайныя собранія, гонимыя закономъ и преслѣдуемыя правительствомъ; припомнимъ липецкій съѣздъ. Но вотъ вамъ оффиціально-тайное общество, видъ совершенно новый; дѣла и собранія, тайна которыхъ тщательно оберегается правительствомъ отъ публики, и—что любопытнѣе—отъ самого себя. Держитъ государственная власть тайную полицію, но секретно это учрежденіе только для публики, правительство же напротивъ имъ пользуется. А здѣсь правительство зажмуриваетъ глаза въ интересѣ секты. Подите вотъ, устройте народное чтеніе, установите коммерческое товарищество. Нѣтъ, вы подайте программу, печатайте отчеты, а если получаете доходы, будь это хотя благотворительнымъ учрежденіемъ, внесите трехпроцентный налогъ. Вотъ прочитайте-ка помѣщенное вчера извѣстіе объ эмеритальной кассѣ московскаго духовенства: сколько мытарствъ долженъ былъ пройти проектъ; и къ епархіальному начальству, и въ синодъ, да даже двоекратно, а черезъ десять лѣтъ ему снова придется идти въ Петербургъ для окончательнаго разрѣшенія! И это не болѣе какъ касса, самимъ же духовенствомъ съ себя же и на себя же собираемая. А здѣсь гребите деньги на общественныя цѣли секты со всей Россіи; собирайте со всей же Россіи единомышленниковъ, да разсуждайте о болѣе сильномъ закрѣпленіи анаѳемъ на молящихся за Царя и живущихъ въ бракѣ; на собранныя десятки и сотни устраивайте новые монастыри, разсылайте миссіи, печатайте книги: ни отчета, ни контроля и ни копѣйки налога! Тайну вашихъ дѣлъ и неприкосновенность охраняетъ само правительство, а попечители, съ гражданскимъ генераломъ во главѣ, посмѣиваются, знай себѣ, и надъ общимъ закономъ, запрещаю-

щимъ созывать общественныя собранія безъ разрѣшенія, и надъ специальнымъ закономъ, разрѣшившимъ только опредѣленное число призрѣваемыхъ на кладбищѣ Генералъ—попечитель вѣрный тайнѣ, которую само правительство охраняетъ, признавая расколъ „секретомъ“, тоже, видите, не знаетъ Если уже секретъ, то секретъ для всѣхъ чужихъ, тѣмъ паче для антихриста За то генералъ хлопочетъ, обиваетъ административные пороги,— съ просьбою между прочимъ и о томъ, нельзя ли зажать ротъ скромному публицисту.

Помимо того, что бывшій и предстоящій соборъ колеблютъ общественныя основы, правила соборныя составляются шайкою, не всѣми признанною даже изъ послѣдователей ѳедосѣевства; многіе изъ ѳедосѣевцевъ несогласны съ изувѣрствомъ Тимоѳея Москвина. „Генералу“ подано прошеніе съ сотнями подписей, протестующее противъ бракоборныхъ постановленій. „Генералъ“, согласно своей политикѣ, удержалъ однако протестъ и объявилъ потомъ просителямъ, что де за множествомъ дѣлъ забылъ пустить его въ ходъ. Можетъ быть онъ забылъ даже объ этомъ своемъ отвѣтѣ? Но протестующая, благонамѣренная часть ѳедосѣевцевъ взяла предосторожность. Она не очень-то довѣряетъ генералу; вручила ему только копію съ прошенія, а подлинный документъ, съ подлинными подписями, держитъ у себя на рукахъ, поручивъ хранить одному почтенному новожену. Ваше превосходительство! Какъ же это вы, будучи главнымъ попечителемъ, лицо удостоенное правительственнымъ довѣріемъ, и притомъ награжденное отъ него высокимъ чиномъ, забываете о такихъ документахъ? Васъ письменно оффиціально предостерегаютъ противъ уклоненій общины, вами управляемой, въ противогосударственныя и общественныя стремленія, а вы такъ равнодушны, что даже забыли о существованіи документа.—

Ѳедосѣевцы *).

Мы сказали вчера объ удивительномъ явленіи „оффиціально-тайныхъ“ или „тайно-оффиціальныхъ“ обществъ и собраній, секретъ которыхъ и отъ публики и даже отъ самого себя блюдется правительствомъ. Происходятъ ѳедосѣевскіе соборы: администрація зажмуриваетъ глаза, игнорируетъ Подъ видомъ богадѣленнаго дома существуетъ высшее іерархическое учрежденіе ѳедосѣевской секты; правительству и извѣстно это значеніе кладбища, но оно продолжаетъ относиться къ нему, какъ бы дѣйствительно кладбище было только домомъ для призрѣнія 250 ѳедосѣевцевъ. Не удивителенъ-ли этотъ самообманъ? А если есть, что въ данной сектѣ государственно и общественно вреднаго, то болѣе всего именно эта тайна Соборъ. .что-жъ пускай будетъ соборъ, но въ законномъ порядкѣ, какъ созываются всѣ собранія Вносите пожалуй въ уставъ Преображенскаго кладбища и общее правило о правѣ его созывать собранія „для обсужденія вопросовъ вѣры“, какъ въ уставахъ акціонерныхъ обществъ значатся статьи о собраніяхъ для провѣрки дѣйствій правленія и для выборовъ. Выбранъ былъ бы порядкомъ предсѣдатель, правильно велись бы пренія, составлялись бы на виду у правительства и у публики (пусть даже на виду правительства только, а для публики бы закрыто) протоколы или дѣянія собора. Ничего противъ такого порядка нельзя возразить. Напротивъ, гласность и порядокъ именно и наложили бы узду на противо-общественныя и противо-государственныя стремленія.

Въ примѣненіи къ данному случаю (говоримъ о предстоящемъ ѳедосѣевскомъ соборѣ) полная гласность сослужила бы тѣмъ болѣе полезную службу, что дала бы просторъ охранительнымъ силамъ, не малочисленнымъ въ самомъ ѳедосѣевскомъ обществѣ, но теперь подавленнымъ между прочимъ при оффиціальномъ содѣйствіи администраціи. Теперь протестъ благонамѣренныхъ противъ изувѣрнаго похода, предпринятаго Тимо-

*) С И 24 августа, № 214.

феемъ Москвинымъ съ Филаретомъ—оборотнемъ, лежитъ въ портфелѣ купца К., копія съ протеста—безъ движенія подъ сукномъ у превосходительнаго попечителя. Тогда было бы это невозможно. Сенатова не могли бы тогда выталкивать въ шею изъ собранія; Ефимъ Савельевичъ Егоровъ не могъ бы припрятывать поданной ему бумаги, дѣло пошло бы на чистоту и благонамѣренная часть ѳедосѣевскаго общества, тропарщики и брачники, непремѣнно выиграли бы. Тогда Тимоѳею Москвину и Филарету—оборотню не было бы хода. Кто ихъ поставилъ въ самомъ дѣлѣ? Въ силу чего они взяли на себя полномочіе быть руководителями?

Не упустимъ изъ вниманія и финансовую сторону. какъ намъ сообщаютъ, пожертвованія, притекающія въ кладбище, сосредоточиваются главнымъ образомъ въ карманѣ Тимоѳея Москвина. При его посредствѣ, какъ слышно фабрикуются подложныя древности и мощи, которыми выманиваютъ деньги у простодушныхъ суевѣровъ. Онъ караулитъ богатыхъ ѳедосѣвцевъ, какъ бы кого не постигла кончина прежде нежели состояніе переведено будетъ на кладбище; а такъ какъ кладбище не имѣетъ правъ юридическаго лица, то на имя же его Тимоѳея Москвина съ братіею. Можетъ быть выяснилось бы тогда, что обязательное безбрачіе, проповѣдуемое Тимоѳеемъ Москвинымъ, помимо догматическаго основанія, имѣетъ прозаическую корыстную подкладку. Состояніе Гучковыхъ и другихъ, состояніе самаго генерала изъ чего составилось,—развѣ не изъ кладбищенскихъ суммъ? При разгромѣ кладбища нужно было куда-нибудь разсовать деньги въ надежныя руки христіанъ. Семенъ Кузьминъ, которому духовнымъ преемникомъ тщится стать Тимоѳей Москвинъ, не могъ увести капиталы съ собою въ ссылку (Полтаву), а ихъ говорятъ было 12 милліоновъ; можетъ быть преувеличиваютъ, но таковъ голосъ самихъ ѳедосѣевцевъ. Итакъ безбрачіе помогаетъ тому, чтобы капиталъ благочестиваго ѳедосѣевца переходилъ въ карманъ христолюбца въ родѣ Тимоѳея Москвина. А будь полная гласность, не зажмуривай правительство глаза на дѣйствительность, каждое пожертвованіе занесено было

бы въ книги, о каждой копѣйкѣ данъ былъ бы отчетъ, эксплуатація суевѣрнаго благочестія сократилась бы, Тимоѳей Москвинъ съ бывшимъ турецкимъ подданнымъ значительно бы полиняли, да полагаемъ и самъ превосходительный попечитель сведенъ былъ бы на достойное для него мѣсто; въ боковыхъ ходахъ для защиты „христіанъ“ не оказалось бы надобности.

Наше оповѣщеніе о предстоящемъ соборѣ будетъ ли принято во вниманіе оффиціальными сферами? Казалось бы въ виду появившагося въ печати извѣщеніи о столь крупномъ событіи, предстоящемъ въ ѳедосѣевской сектѣ, надлежало бы министерству внутреннихъ дѣлъ собрать ближайшія свѣдѣнія и допросить попечителей, извѣстно ли имъ о предстоящемъ соборѣ, кто его задумалъ, какая его цѣль и проч.? Одно изъ двухъ: или они отрекутся,—знать не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ; бѣда не большая, соборъ тогда и не состоится Или же сообщатъ, кѣмъ и для чего задуманъ соборъ: тогда потребовать, чтобы извѣщено было о днѣ и часѣ и объ именахъ участниковъ и чтобы на соборѣ присутствовалъ кто-нибудь изъ агентовъ правительства и во всякомъ случаѣ былъ заявленъ предсѣдатель или вообще отвѣтственное лицо за порядокъ собранія и за то, что пренія на немъ не будутъ заключать ничего преступнаго и безнравственнаго. Вотъ достойное мѣсто его превосходительства г. Егорова. Воображаемъ его на предсѣдательскомъ креслѣ въ мундирѣ, въ бѣлыхъ „невыразимыхъ“ съ лампасами; это будетъ къ нему идти. Первый онъ къ Дѣяніямъ собора и подпишется. Затѣмъ играть въ гулючки? Чѣмъ открытѣе дѣло, тѣмъ во всѣхъ отношеніяхъ, для всѣхъ сторонъ лучше.

Ѳедосѣевцы *)

Остается еще слов пять сказать о духовномъ движеніи въ ѳедосѣевствѣ. Но не для удовлетворенія праздной любознательности мы пишемъ, потѣшить пикантными извѣстіями публику, скучающую среди мертваго застоя во всѣхъ отрасляхъ общественной жизни. Не для того, чтобы возбудить преслѣдовательныя мѣры противъ ѳедосѣевцевъ, какъ нѣкоторымъ показалось: избави Богъ. Напротивъ. Мы именно считаетъ въ основаніи ложнымъ взглядъ, не признающій серединъ между преслѣдованіемъ и благодушнымъ зажмуриваніемъ глазъ. Съ общественными явленіями, не поддающимися силѣ, а по чему-нибудь не желательными и даже опасными при извѣстномъ развитіи, необходимо отыскивать modum vivendi, и притомъ нельзя ограничиваться разъ установленнымъ правиломъ.

Преображенское кладбище было запечатано, потомъ отпечатано, и разрѣшено кладбищу самоуправленіе, подъ правительственнымъ надзоромъ конечно. Не будемъ говорить объ ураганѣ, пронесшемся надъ старообрядствомъ болѣе тридцати лѣтъ назадъ, о раззореніи Керженскихъ скитовъ П. И. Мельниковымъ, о запечатаніи московскихъ кладбищъ—поповщинскаго и безпоповщинскаго, о насильственныхъ присоединеніяхъ къ единовѣрію. Этотъ шагъ былъ политической ошибкой. Къ чему привела она, о томъ могутъ понять похороны одного изъ Гучковыхъ, происшедшія нѣсколько лѣтъ назадъ. Покойный считался православнымъ, и когда духовенство пришло отдать ему послѣдній долгъ, весь домъ былъ наполненъ и гробъ окруженъ ѳедосѣевскимъ клиромъ: успѣли предъ смертью „переправить“ покойника и съ торжествомъ похоронили его по ѳедосѣевски подъ носомъ у духовенства и въ посмѣяніе ему.

Отпечатали кладбище, дали ему самоуправленіе. Поступлено было благоразумно, но не съ достаточною прозорливостью и дальновидностью. Что такое кладбище? Богадѣленный домъ съ моленною: такъ представлялось администраціи; а не догадалась

*) С И 22 августа, № 215

она сообразить, что кладбище есть центръ ѳедосѣевства, и притомъ не только духовный, но отчасти матеріальный; Илья Ковылинъ и Семенъ Кузминъ стояли во главѣ кладбища не даромъ; они сумѣли организовать секту. Выражаясь коммерчески, кладбище стало не только складомъ святыни, но и банкомъ. Правительству нужно это было знать и предвидѣть, что община, столь крѣпко организованная, отстоитъ свое бытіе, запечатаютъ ли кладбище, разгонятъ ли его жильцовъ, и тѣмъ болѣе когда распечатаютъ и вновь соберутся „призрѣваемые“. Іерархія кладбища воспользовалась льготнымъ положеніемъ, и нельзя ее за это винить. Но слишкомъ велика близорукость, когда воображаютъ, что дарованное самоуправленіе только и ограничивается попеченіемъ о физическомъ теплѣ и сытости призрѣваемыхъ и что кругъ его дѣйствій ограничивается кладбищенскими стѣнами. Наше дѣло—разубѣдить въ этой ошибкѣ.

Сейчасъ идетъ раздоръ на кладбищѣ или въ ѳедосѣевствѣ, что одно и тоже. „Раздоръ“—сказать пожалуй много; но значительная часть протестуетъ противъ радикальнаго направленія ярыхъ бракоборовъ, каковы Тимоѳей съ Филаретомъ инокомъ. Она протестуетъ; она желала бы, чтобы на тропарщиковъ и брачниковъ не обрушивались анаѳемы, чтобы не принуждали къ расторженію браковъ И эта либеральная половина чувствуетъ себя безсильною. А безсильна она потому, что оффиціально признанная власть кладбища поддерживаетъ бракоборовъ, не даетъ имъ голоса, единомышленниковъ ихъ выталкиваетъ въ шею съ собора, а главный попечитель, генералъ прижавъ къ ногтю ихъ протестъ, полагаемъ, даже не изъ религіозныхъ побужденій [не считаемъ г. Егорова изувѣромъ], а скорѣе по какимъ-нибудь другого рода связямъ съ бракоборами. Перемѣнить же внутреннюю администрацію либералы кладбища не могутъ, потому что по уставу попечители избираются „пожизненно“. Вотъ въ чемъ былъ главнѣйшій промахъ высшей администраціи при распечатаніи кладбища, разумѣется, поправимый; стоитъ только пересмотрѣть уставъ, чего и желаетъ менѣе изувѣрная часть ѳедосѣевцевъ.

„Что же не отложатся протестующіе“? Ожидаемъ и такого простодушнаго возраженія. Минуя психологическія причины, отвѣчаемъ вопросомъ же, а гдѣ же побужденія правительству желать этого и допускать? Велико пріобрѣтеніе будетъ для государственнаго порядка и для общественной нравственности умноженіе лицъ, фанатически преслѣдующихъ браковъ и молитву за Царя, при томъ строго дисциплинированныхъ?

Ѳедосѣевцы*).

Не можемъ не благодарить г. Е. Самойлова за сочувственный отзывъ, къ намъ обращенный. Факты, сообщаемые имъ о легкомъ совращеніи въ расколъ и о равнодушіи духовенства къ такимъ случаямъ, не новость; цѣлыя семнадцать лѣтъ мы трубимъ объ этомъ. Но любопытны пути, которые доводятъ до раскола. Хотя бы тѣхъ троихъ послушать, о которыхъ упоминаетъ г. Самойловъ: какія рѣчи вели они, на какихъ струнахъ играли? Оставимъ въ сторонѣ равнодушныхъ іереевъ, но видимъ и не равнодушныхъ; ретивые бойцы выступаютъ вотъ хотя бы на извѣстныхъ собесѣдованіяхъ въ домѣ Шумова, однако успѣха не видать. Должно заключить, что пріемы, употребляемые православными, не подходятъ къ тѣмъ, которыми доходятъ до души колеблющихся или слабыхъ въ православіи расколоучители. Вопросъ о раскольникахъ и въ частности ѳедосѣевцахъ повидимому начинаетъ интриговать петербургскую печать „Новое Время“ продолжаетъ спрашивать: не сплетни ли мы сообщаемъ, а „С.-Петербургскія Вѣдомости“ съ увѣренностію утверждаютъ, что нами руководятъ и насъ вдохновляютъ новожены. Въ отвѣтъ „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“, что къ удовольствію ли, къ сожалѣнію ли, но мы не имѣемъ знакомства ни съ единымъ ѳедосѣевцемъ, ни съ бракоборомъ, ни съ новожономъ. Правда, гласный Московской думы Д. В. Жадаевъ или торговецъ охотнаго ряда Е. К. Егоровъ принадлежатъ къ ѳе-

*) С И 29 августа, № 219.

досѣвцамъ и лично намъ извѣстны, но ни отъ того ни отъ другого и вообще ни отъ кого изъ ѳедосѣвцевъ мы не слышали ни одного слова о вѣрѣ ли вообще, о теперешнемъ ли кладбищенскомъ раздорѣ въ частности. А сплетни ли нами сообщаются, объ этомъ „Новое Время“ можетъ убѣдиться изъ собственныхъ фельетоновъ, передающихъ свѣдѣнія, почерпаемыя въ „Братскомъ Словѣ“: тамъ разсказывается именно то самое, что обозвано было, нѣсколько недѣль назадъ, въ томъ же „Новомъ Времени“ сплетнею кумушекъ. Мы съ самаго начала, какъ только повели рѣчь о ѳедосѣвцахъ, и рекомендовали читателямъ „Братское Слово“, гдѣ о современномъ раздорѣ Преображенскаго кладбища они могли найти свѣдѣнія еще болѣе подробныя, нежели у насъ.

Петербургскую печать поражаетъ всего болѣе повидимому нравственная грязь, на которую мы намекаемъ, а отчасти прямо указываемъ. Не достаточно изучавшихъ расколъ дѣйствительно должны дивить и возмущать нѣкоторые факты. Но если бы знали, какія намъ приходилось не только слышать, но читать собственныя исповѣди „отцовъ“, тогда все здѣсь сообщаемое нами поблѣднѣло бы. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, помнимъ, была въ нашихъ рукахъ подобная письменная исповѣдь поповщинскаго „отца“ частію о другихъ лицахъ, частію о самомъ себѣ,—нѣтъ, духа не хватитъ даже отдаленно намекнуть всю пучину порнографіи, которая тамъ расписана. Въ своемъ родѣ это было художественное произведеніе, въ архивѣ министерства внутреннихъ дѣлъ оно должно храниться при дѣлахъ коммиссіи графа Штейнбока. Послѣ того насъ удивляетъ самое удивленіе, высказываемое нѣкоторыми.

Кстати ужъ сообщимъ послѣднюю новость: предполагавшійся соборъ, послѣ его огласки, отмѣненъ. Знаменитые учители поѣхали обратно по домамъ; полетѣли письма и телеграммы къ тѣмъ, кто былъ званъ, но не успѣлъ еще пріѣхать. Какъ ни какъ, но мы, хоть пользу оказали, что почтовому и телеграфному вѣдомству доставили своимъ извѣщеніемъ о предстоящемъ соборѣ лишній доходъ.

Странники*).

Напрасно авторъ фельетона полагаетъ секту „Красная смерть“ совершенно неизвѣстною; напрасно сомнѣвается, чтобы существовалъ у нее обычай придушиванія; напрасно думаетъ, что бы секта эта была новая. По описаніямъ легко догадаться, что это извѣстная секта „Странниковъ“ лишь съ легкимъ видоизмѣненіемъ. „Странничество“ есть крайняя, послѣдняя степень безпоповства. Признавая міръ осквереннымъ наложенною на все печатью антихриста, Странникъ разрываетъ окончательно съ этою жизнію, перестаетъ быть легальнымъ членомъ общества, бѣжитъ, укрывается, живетъ не въ домѣ, а въ подпольѣ

Мы назвали Странничество послѣднею крайнею степенью. Оговоримся. крайнею степенью должно признать Филипповщину вообще (изъ которой вышелъ и Евѳимій основатель Странничества), а въ ней самою послѣднею и самою послѣдовательною вѣтвію должно признать Самосожигательство Міръ весь осквернень: куда ни бѣги, непремѣнно будешь причастенъ антихристу, слѣдовательно, должно уйти изъ міра совсѣмъ, то есть умереть. Но понятно, когда бы этотъ логическій выводъ принятъ былъ всѣми, тогда секта перестала бы существовать Компромиссъ и былъ изобрѣтенъ Странничествомъ· достаточно бѣжать отъ міра и отъ всѣхъ налагаемыхъ антихристомъ обязанностей: прочь паспорты, подати, деньги, обыкновенные дома, мостовыя и проч., словомъ весь государственный снарядъ.

Вопросъ: а чѣмъ же жить, питаться? Отвѣтомъ на это новый компромиссъ. Можно оставаться „страннопріимцемъ“ въ чаяніи полнаго Странничества; у „страннопріимца“ и будетъ устроено подполье; онъ будетъ и кормить Странниковъ.

Сообразимъ затѣмъ: останется ли сколько-нибудь страннымъ обычай задушенія? Напротивъ это есть тотъ же догматъ Филипповщины, Странникъ достигаетъ высшаго совершенства, добровольно оставляя всю матеріальную обстановку міра, то есть

*) С И. 1 сентября, № 222.

физическую жизнь. Отсюда обычай придушивать именно больныхъ; а пожалуй-де смерть захватитъ ранѣе, не дожидаясь доброй воли. Итакъ въ предвидѣніи, что смерть подбирается, нужно ее предупредить. На томъ же основанъ и обычай, о которомъ мы слышали: придушивать шестидесятилѣтнихъ, не дожидаясь болѣзни. Все это—вполнѣ послѣдовательная фабрикація „мучениковъ“. Съ царствомъ небеснымъ и съ правосудіемъ Божіимъ Странникъ, Филипповецъ или такъ Красносмертецъ вступаетъ въ сдѣлку, торгуется. „я таки поживу, понаслаждусь мірскими благами, а ты все-таки мнѣ не откажешь въ царствѣ небесномъ, за добровольный мученическій вѣнецъ“. Не на этомъ ли умозаключеніи основано и обязательство жить парами? Одиночество скучно, а съ существомъ другого пола привольнѣе.

Стоитъ вниманія сообщеніе фельетониста о слабости Красносмертцевъ къ фальшивымъ деньгамъ. Не думайте, тутъ также религіозное основаніе. На настоящихъ деньгахъ антихристова печать; такъ сдѣлаемъ свою печать, самодѣльную, только образъ имѣющую антихристовой; грѣха уже нѣтъ потому, что отъ антихриста все-таки не принимается. Въ чемъ другомъ, а въ остроуміи и тонкости этому софизму отказать нельзя.

Мы недоумѣвали и спрашивали прошлый разъ: какія рѣчи ведутъ совратители, на какихъ струнахъ играютъ? Нѣкто въ письмѣ къ намъ отвѣчаетъ, что главные доводы употребляются не богословскіе, а экономическіе. „Вы думаете, пишетъ корреспондентъ, какой-нибудь Кремлевъ, котораго несомнѣнно имѣлъ въ виду г. Самойловъ, богословіемъ что ли совратилъ пять душъ? Что вы, что вы! А вѣрно указаніемъ на болѣе привольное житье; да пожалуй еще нѣтъ ли въ совращенномъ семействѣ молоденькихъ дѣвицъ“?—Намъ трудно провѣрить такое толкованіе; не поможетъ ли приходскій священникъ, которому должны быть извѣстны побужденія, вырвавшія овецъ изъ его стада?

Въ общемъ мы согласны съ объясненіемъ корреспондента; оно примѣнимо даже къ Красносмертцамъ. Избавиться отъ податей, паспортовъ, тяжелаго труда за сохой и проживать въ

бездѣльномъ чувственномъ наслажденіи на даровомъ хлѣбѣ съ выбранной парой, это, помимо царства небеснаго, представляетъ привлекательность А послѣ-то шестидесяти лѣтъ что и за жизнь! Да и хворому-то что и маяться! Тогда поскорѣе къ концу, тѣмъ болѣе когда имѣется въ виду райскій вѣнецъ — Разсчетливо!

Ѳедосѣевцы *).

Дѣлать нечего, приходится быть ѳедосѣевскимъ лѣтописцемъ; приходятъ вѣсти любопытныя.

Собора, мы сказали въ послѣдній разъ, не будетъ. Мина Пименовъ и Пименъ Мининъ, эти дядя Митяй съ дядей Минаемъ бракоборства, уѣхали.

Но вѣдь соборъ все-таки будетъ, по крайней мѣрѣ не оставляется намѣреніе. Члены собора съѣзжаются; пріѣхалъ и изъ Казани знеменитѣйшій бракоборъ Василій Павловъ, изъ татаръ. (Къ магометанству бракоборство съ извѣстныхъ точекъ подходитъ и потому неудивительно, что въ ѳедосѣевство обращаются даже татары)

Члены собора съѣзжаются и моментально уѣзжаютъ. Что жъ бы это значило?—А это значитъ, что соборъ задумываютъ держать не въ столицѣ, а въ болѣе укромномъ мѣстѣ. Называютъ имѣніе одного изъ попечителей, Ѳедора Москвина, отъ Москвы не далеко, но укромно; антихристовы слуги могутъ не узнать о мѣстѣ и времени. Да и пусть знаютъ! У насъ есть каменная гора, превосходительный попечитель, который все уладитъ со властями онъ хорошъ, недавно отправлялъ поздравительную телеграмму генералъ-губернатору.

Г. Егоровъ даже былъ въ Москвѣ, но также на мгновеніе. Стоитъ ли этотъ пріѣздъ въ связи съ устраивающимся соборомъ или нѣтъ, этого до нашего свѣдѣнія не дошло. Но если соборъ

---

*) С И 6 сентября, № 227

устраивается съ вѣдома, подъ покровительствомъ и обнадеживаніемъ г. Егорова, то двуликое положеніе его замѣчательно. Замѣчательно между прочимъ, что паства его, пользуясь его заступничествомъ, сама его не балуетъ. услуги, говоритъ, услугами, заступничество заступничествомъ, а въ моленной все-таки стой столбомъ, молиться съ нами не смѣй; все-таки ты паршивая овца, отлученная отъ стада И г. Егоровъ покаряется. Трогательное послушаніе! Но любопытно однако съ какого же, какъ говорится, „резону“ онъ остается попечителемъ, когда отлученъ отъ своего общества? Въ какомъ же разумѣ онъ есть представитель своего общества? Придумайте ему какое-угодно названіе, ну хоть епитропа, но онъ не попечитель, не глава, не представитель. Впрочемъ на Руси не такія еще противорѣчія бываютъ На одно изъ нихъ сейчасъ укажемъ: оно все-таки относится къ ѳедосѣевскому житью-бытью.

Вчера было у насъ разсказано, (въ статьѣ „Изъ Старообрядческаго міра“), что въ Пятіизбянской станицѣ на Дону вздумали было устроить старообрядцы храмъ и монастырь По суду зданія разнесены, и Силуанъ, именуемый епископъ старообрядцевъ на Дону, присужденъ къ восьмимѣсячной тюрьмѣ. Это у старообрядцевъ, пріемлющихъ священство, замѣтьте, ближайшей секты къ господствующей церкви, отличной отъ нея только въ дисциплинѣ. А вотъ у секты, отрицающей совсѣмъ священство, отрицающей и преслѣдующей бракъ, признающей общественное устройство антихристовымъ царствомъ, нелегальные монастыри процвѣтаютъ, и притомъ гдѣ? Въ столицѣ, у всѣхъ на виду. Обитель матери Евникіи, о которой неоднократно у насъ говорилось, не вымыслъ же: она помѣщается на Покровкѣ, въ домѣ Москвина и Кочегарова (замѣтьте, оба—попечители, оффиціально признанные). И такъ эта обитель, вмѣщающая свыше сотни душъ нѣжнаго пола, процвѣтаетъ и кромѣ того служитъ странноприимнымъ домомъ, да и не для женскаго только пола, а и для мужскаго. И теперь члены собора, пріѣзжающіе и тотчасъ исчезающіе, останавливаются въ обители,—хотѣли прибавить „въ святой“, но такое наимено-

ваніе, сколько намъ извѣстенъ внутренній ея бытъ, не вполнѣ ей соотвѣтствуетъ

Съ чьего разрѣшенія обитель существуетъ? Какъ она значится въ полицейскихъ книгахъ? Извѣстно ли администраціи, что она служитъ гостинницей? Платитъ ли она за свои права? Несетъ ли въ качествѣ гостинницы свою долю городскихъ налоговъ? Все это болѣе нежели сомнительно

Да, противорѣчіями полна святая Русь. Читателямъ наше мнѣніе о старообрядцахъ вообще извѣстно. Мы не защитники преслѣдованія, напротивъ Отъ души жалѣемъ о судьбѣ, постигшей Пятіизбянскій монастырь и его строителя, Силуана Напомнимъ читателю, что недавно писалъ нашъ корреспондентъ изъ Новочеркасска о сравнительномъ успѣхѣ единовѣрія и раскола, о миссіонерствѣ, недостойномъ своего названія, умѣющемъ прибѣгать, только къ насилію. Печальная, возмущающая душу картина. Помимо всего, такая политика идетъ совсѣмъ въ противную сторону, нежели куда предполагаетъ. Поэтому мы не противъ и матери Евникеи съ ея обителью, пускай они здравствуютъ, но пускай существуетъ завѣдомо и, если обитель служитъ гостинницей своего рода, пускай несетъ общія тяготы.

Удивляемся между прочимъ мѣстному причту: какъ онъ относится къ обители, какъ она значится въ его приходскихъ книгахъ, и почему онъ не отзовется на нашъ голосъ? Мы завалены письмами, частію отъ старообрядцевъ же, частію отъ свѣтскихъ; но сторона, до которой ближе всего дѣло касается, молчитъ. Или ужъ очень великъ приходъ что ли, что на такое явленіе, какъ безпоповщинская обитель, некогда оглянуться и некогда ею поинтересоваться?

Впрочемъ, какъ мы сказали, пусть обитель матери Евникеи существуетъ на здоровье. Но нужна же однако, повторяемъ же въ сотый разъ, перспектива. Если Пятіизбянскій монастырь сломанъ, и строитель осужденъ на восьмимѣсячную тюрьму, то чего заслуживали бы устроители монастыря безпоповскаго, преслѣдующаго установленіе брака, считающаго об-

щество царствомъ антихристовымъ? Или за что пятiизбенцы страдаютъ, когда на Покровкѣ благоденствуютъ? Почему ближайшую къ церкви секту жмутъ, когда учрежденія секты въ основаніи противообщественной и противогосударственной благоденствуютъ?

Не угодно ли и еще противорѣчіе? Помнится, Овчинниковъ (кажется, не ошибаемся въ фамили) поплатился тюрьмою за контрабандное печатаніе богослужебныхъ книгъ, которыхъ изданіе настолько безвредно, что разрѣшается святѣйшимъ синодомъ къ печатанію (въ единовѣрческой типографіи); а браковорный молитвенный уставъ напечатанный тоже контрабандным способомъ, и притомъ съ обстоятельствами отягчающими, прошелъ у администраціи мимо глазъ

Да впрочемъ, повторяемъ, все возможно на Руси. Ѳедосѣевцы состряпали и напечатали еще книгу недавно. У насъ ея нѣтъ пока въ рукахъ, но мы надѣемся получить. Что же, дерзайте, дерзайте, „отцы“, пока у васъ во главѣ Ефимъ Савельевичъ Да къ чему вамъ шататься по чужимъ типографіямъ; заводите свою, ну, хоть въ томъ же имѣніи того же попечителя, гдѣ предполагается соборъ. Посовѣтуйте-ка имъ это, Василій Павловичъ; вы, какъ сказано о васъ въ одномъ письмѣ, имѣющемся у насъ въ рукахъ, „мужъ вѣренъ Богу, истинный пастырь врученному отъ креста ему стаду и вполнѣ христианинъ....“

Филетизмъ греческаго духовенства *).

У насъ есть эллинофилы. Назидательно будетъ имъ прочесть въ „Новомъ Времени“ показаніе корреспондента, что теперешній вселенскій патріархъ „подумываетъ о сближеніи съ римско-католическою церковью, но не прочь также и отъ сближенія съ церковью англиканскою“, что въ виду этого ви-

*) С. И. 15 сентября, № 236.

карій патріарха сдѣлалъ неимѣющій прецедентовъ визитъ сэру Друммонду Вольфу, „хотя самъ сэръ Друммондъ Вольфъ и не изъявлялъ первый желанія къ этому“; что вообще константинопольскіе іерархи довольно индефферентно относятся къ вѣроисповѣднымъ отличіямъ, и года два назадъ аѳонскій греческій монастырь Ватопедъ дозволилъ англиканскому пастырю отслужить литургію въ православной церкви, что, однимъ словомъ наконецъ, въ политическихъ видахъ греки желали бы разорвать церковный союзъ съ русскими.

Мы вполнѣ вѣримъ упомянутому сообщенію не потому только, что о теперешнемъ патріархѣ не первые это слухи, но и потому, чему насъ научаетъ исторія, а она намъ напоминаетъ о Флорентійской уніи, которая не въ Цареградѣ встрѣтила противъ себя отпоръ. Наконецъ напоминаетъ она о болѣе свѣжемъ собраніи, когда греческіе іерархи собравшись въ Константинополѣ на соборъ, осудили себя за „филетизмъ“. То есть на словахъ осужденіе, ими произнесенное, относилось какъ будто бы къ болгарамъ, тогда какъ повинны-то въ филетизмѣ именно тѣ отцы, которые засѣдали на соборѣ и греческую національность поставили выше вѣры и церкви.

Вышедшая на дняхъ книга доктора А. В Елисѣева выставляетъ филетизмъ греческаго духовенства еще въ болѣе ясномъ свѣтѣ. Докторъ пишетъ объ Іерусалимѣ, и нельзя безъ глубокаго оскорбленія читать, что въ богослуженіи тамъ исключительно господствуетъ языкъ греческій, тогда какъ самой греческой церкви, можно сказать, тамъ не существуетъ, а существуютъ арабы и существуютъ русскіе богомольцы; изъ десяти присутствующихъ при богослуженіи по меньшей мѣрѣ девять не понимаютъ, что предъ ними поется и возглашается. Новый патріархъ блаженнѣйшій Никодимъ ввелъ по крайней мѣрѣ, что нѣкоторые возгласы, молитва Господня, Вѣрую, возглашаются по русски: но это уже возмущаетъ греческую олигархію, полныхъ правъ гражданства русскому, русскому какъ и арабскому богослуженію не дано, и едва ли въ состояніи самъ патріархъ дать, не подвергая себя опасности быть низверженнымъ.

Что скажутъ намъ на это филетисты и эллинофилы? А между тѣмъ повидимому на ихъ улицѣ праздникъ—отчасти по крайней мѣрѣ бессарабскія имѣнія, кажется, переданы святогробскому братству. А что такое святогробское братство, изъ кого оно состоитъ, и куда оно расходуетъ полученные доходы? Книга г Елисѣева (озаглавленная „Съ паломниками“) поставляетъ внѣ сомнѣнія, что православіе падаетъ, иновѣрная пропаганда дѣлаетъ быстрые успѣхи, для противодѣйствія которымъ мѣстная іерархія не предпринимаетъ ничего; пройдетъ еще немного лѣтъ, и православнаго мѣстнаго населенія не останется ни единой души, за исключеніемъ набѣглыхъ грековъ и русскихъ паломниковъ. О сію пору уже есть въ Іерусалимской патріархіи нѣсколько епископовъ съ громкимъ титуломъ и совсѣмъ безъ паствы. Къ поддержанію и распространенію православной вѣры ничего не предпринимается, все направлено къ одному,—къ выжиманію денегъ, практикуемому въ такомъ обширномъ примѣненіи и съ такимъ безстыдствомъ, что ни къ одной святынѣ нельзя подступиться, не выкупивъ своего права денежнымъ приношеніемъ. И это все пропадаетъ въ бездонныхъ карманахъ чернаго греческаго духовенства, не могущаго похвалиться ни образованіемъ, ни нравственностію (у каждаго игумена есть обязательная, объявленная геронтисса, игуменша). Отношеніе греческаго духовенства къ святынѣ, которой оно служитъ, только охлаждаетъ религіозное чувство, вытрясаетъ изъ богомольца вѣру, не только православную въ частности, но почти вѣру въ христіанство. Достаточно сказать, что въ святѣйшемъ изъ храмовъ при Гробѣ Господнемъ, въ темныхъ углахъ совершается сближеніе половъ, которое въ печати даже не можетъ быть названо собственнымъ именемъ.

Приближающаяся развязка восточнаго вопроса должна обратить зоркое вниманіе русскаго правительства и на церковныя дѣла, оно должно предвидѣть и взвѣсить возможный великій расколъ, предъ которымъ не отступятъ фанатики эллинизма.

Къ книгѣ г. Елисѣева намъ придется вернуться еще не разъ, столько умилительнаго заразъ и столько возмутительнаго

передаетъ она, обличая одновременно съ тѣмъ величайшее русское легкомыслие въ отношеніи къ предметамъ столь великой священной важности, какъ Святыя мѣста, Русское паломничество и политически-церковное отношеніе властей къ тѣмъ мѣстамъ.

Синодальныя конторы *).

Святѣйшему синоду, какъ сообщалось нами позавчера, предложено обсудить мысль объ упраздненіи синодальныхъ конторъ. Давно уже ходили слухи объ этой мѣрѣ, задуманной повидимому въ цѣляхъ упростить порядокъ церковной администраціи и расширить епархіальное самоуправленіе Но на дѣлѣ упраздненіе этихъ провинціальныхъ отдѣленій синода только усилитъ централизацію, это главнѣйшее изъ золъ, которыми страдаетъ церковное управленіе.

У синодальныхъ конторъ нѣтъ дѣла; все ихъ вѣдомство ограничивается какими-нибудь монастырями и соборами ставропигіальными. Нѣтъ спора, такъ; но практическое заключеніе отсюда можетъ быть выведено двоякое. Можно и закрыть синодальныя конторы, какъ предполагается, и передать ихъ дѣла въ вѣдѣніе епархіальное: но можно и придать имъ дѣла Которое рѣшеніе предпочтительнѣе? Святѣйшій синодъ въ Петербургѣ не достачествуетъ ли дѣлами и особенно ли быстро въ немъ дѣлопроизводство? Едва ли не до 80,000 или даже болѣе простирается число дѣлъ, восходящихъ на синодальное рѣшеніе, и волокита по нѣсколько лѣтъ самыхъ ничтожныхъ бумагъ— явленіе не рѣдкое. Да и въ самомъ дѣлѣ, чего требовать, когда въ административномъ порядкѣ совершенныя бездѣлицы часто обязаны бываютъ испрашивать синодальнаго рѣшенія, предполагаются нуждающимися въ соборномъ якобы совѣщаніи, а въ дѣлахъ судебныхъ неудовольствіе всякой просвирни на

*) С И 15 октября, № 266

епархіальное начальство должно идти на разборъ въ Петербургъ, да еще откуда,—пожалуй изъ Охотска! При такомъ множествѣ дѣлъ, часто мелочныхъ, все синодальное управленіе обращается въ фикцію Это не ново, это давно извѣстно и поистинѣ должно быть признано церковнымъ бѣдствіемъ.

Посмотримъ съ другой стороны. Вѣдомство просвѣщенія, вѣдомство судебное, путей сообщенія, военное имѣютъ сверхъ губернскихъ промежуточные органы управленія. Духовное вѣдомство лишено ихъ, хотя по церковнымъ правиламъ окружные соборы даже обязательны. Въ виду этого синодальныя конторы представляютъ готовые кадры къ возстановленію церковно-окружной системы, и ихъ бы не упразднять, а напротивъ умножить ихъ число представлялось бы необходимымъ, особенно когда высшее церковное правительство, съ соизволенія государственной власти, уже склоняется къ возстановленію строго-соборнаго порядка, завѣщаннаго канонами Помимо ставропигій можно сбыть на руки синодальнымъ конторамъ, видоизмѣнивъ нѣсколько ихъ составъ, много мелкихъ дѣлъ, которыя не только безъ пользы, но со вредомъ обременяютъ синодъ.

Въ частности, что касается Москвы, то упраздненіе ея синодальной конторы (которая по временамъ обращается въ синодъ, причемъ Петербургскій синодъ становится наоборотъ конторою) сниметъ съ нее послѣдній, оставшійся за нею признакъ и слѣдъ престольнаго града, обращая ее въ обыкновенную губернію и епархію. Можно и не спорить противъ этого, когда какіе-нибудь важные интересы, церковные и государственные, требуютъ поступиться историческими воспоминаніями. Но мы затрудняемся усмотрѣть, гдѣ та общецерковная и общегосударственная польза, во имя которой нужно бы было разжаловать первопрестольный Успенскій соборъ и замести послѣдніе слѣды патріаршаго періода. И странно, на что не рѣшился даже Петръ, то предпринимается нынѣ въ концѣ XIX столѣтія, и притомъ когда опытами помѣстныхъ соборовъ, наоборотъ возстановляется древній каноническій образъ окружно-церковнаго управленія

Нѣтъ, мы предпочли бы видѣть митрополита древней столицы первостоятелемъ цѣлаго округа нѣсколькихъ епархій, при административномъ органѣ въ видѣ синодальной конторы, нежели рядовымъ архіереемъ, въ качествѣ обыкновеннаго начальника управляющимъ, при посредствѣ консисторіи, такими ставропигіями, какъ первопрестольный Успенскій соборъ.

Филетизмъ греческаго духовенства *).

Мы передавали о замѣчательной книгѣ г. Елисѣева, подъ заглавіемъ „Съ русскими паломниками“; обѣщались къ ней вернуться и представить изъ нея извлеченіе. Извлеченіе представимъ современемъ, теперь не можемъ не вспомнить о ней по случаю полемики, возгорѣвшейся между „Русью“ и „Московскими Вѣдомостями“; точнѣе сказать—между „Московскими Вѣдомостями“ и г. Мансуровымъ въ „Руси“. Къ этой полемикѣ присоединился теперь „Востокъ“, послѣ долговременнаго молчанія теперь снова вышедшій. Когда „Востокъ“ вступаетъ въ полемику, можно заранѣе утверждать, что кто-нибудь затрагиваетъ греческое духовенство и „Востокъ“ ополчается въ его защиту.

Выбрали патріарха на Антіохійскій престолъ грека, подкупами и интригами. А на подкупъ шли русскія деньги, то есть получаемыя изъ Россіи. Іерусалимскій патріархъ прогналъ іеромонаха Іоасафа, русскаго происхожденія, который было купилъ землю въ Палестинѣ —Вотъ два затронутые случая. Не стоитъ разсказывать подробности Сущность въ томъ и другомъ та, что греческое духовенство и Святогробское Братство въ особенности эксплоатируютъ русское благочестивое чувство для политически-національныхъ цѣлей, и именно противъ русскихъ и арабовъ, вообще противъ всѣхъ, кто не принадлежитъ къ греческой національности. Эллинофилы, само собою разумѣется, воспрянули и отрицаютъ фактъ Затруднительно (да и

*) С И 23 октября, № 274

скучно) разбирать, правы или неправы они въ отдѣльныхъ случаяхъ, о которыхъ идетъ полемика, но отрицаютъ фактъ вообще. Какъ? Вы рѣшаетесь, у васъ хватаетъ духа отрицать эксплоатацію русскаго благочестія греческимъ духовенствомъ? Вы рѣшаетесь утверждать, что греческое высшее духовенство служитъ исключительно интересамъ вѣры, а не интересамъ національной панэллинской идеи, которой оно жертвуетъ и христіанствомъ? Да христіанствомъ, потому что дѣла православія въ Палестинѣ представляютъ соблазнъ даже для магометанъ. Вотъ поэтому-то и вспомнилась намъ книга г. Елисѣева; кстати на нее ссылается г. Калиновскій въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. „Мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ“: таково впечатлѣніе, извлекаемое изъ описанія Святыхъ мѣстъ, даваемаго г. Елисѣевымъ. Небреженіе о святынѣ самое возмутительное; и затѣмъ деньги, деньги и деньги: святокупство въ размѣрахъ, которыхъ русскій человѣкъ даже представить не можетъ; каждый шагъ по святынѣ покупается. А кто платитъ? Русскіе почти исключительно. А куда идутъ деньги? Вотъ отсюда-то и начинаются пререканія. „Востокъ“ не стѣсняется утверждать, что получаемое употребляется будто бы на школы. У г. Елисѣева наоборотъ читаемъ, что всего-то Іерусалимская патріархія имѣетъ „двѣ мизерныя школы“ (изъ 200000 рублей всего 6000); что просвѣщеніе мѣстныхъ христіанъ взяли въ руки католики съ протестантами; что если такъ пойдетъ, то скоро не останется православныхъ на Святой Землѣ, кромѣ 200 или даже 100 членовъ Святогробскаго Братства, они же и эксплоататоры, и проводники панэллинской идеи.

„Востокъ“ впрочемъ напираетъ больше на каноны. Деньги, какъ доброхотныя даянія, такъ и доходы съ кавказскихъ и бессарабскихъ имѣній—принадлежатъ де патріархіи. Ея дѣло и распоряжаться; она даже обижена: ея средства правительство русское употребляло на другое назначеніе. Да знаютъ ли, съ укоромъ обращается газета къ „Московскимъ Вѣдомостямъ“, что патріархъ имѣетъ даже право просто прогнать русскую миссію изъ Іерусалима? Русскіе безъ позволенія патріарха миссіонерствовать въ чужой епархіи и заводить школы не имѣютъ права.

Почтенная газета хватила черезъ край. Да, патріархъ имѣетъ право по канонамъ прогнать священнослужителей другой епархіи Но хорошъ будетъ и патріархъ, который бы изъ видовъ голаго властолюбія прогналъ проповѣдника, распространяющаго и поддерживающаго чистую православную вѣру, оберегающаго отъ соблазновъ иновѣрія. Такой патріархъ заслужилъ бы соборнаго низложенія. Но дѣло не въ томъ· оставимъ въ силѣ каноническое патріаршее право Въ силу какихъ однако каноновъ могъ бы тотъ же мѣстный іерархъ погнать проповѣдающаго мірянина или сталъ препятствовать учрежденію школы опять міряниномъ же, и при томъ кто бы въ ней ни преподавалъ Законъ Божій, мірянинъ или священнослужитель пусть даже другой епархіи? По правдѣ сказать такими ссылками на каноны только и обнаруживается пренебреженіе о вѣрѣ въ видахъ властолюбія и филетизма.

Да, филетизмъ, вотъ онъ коренной грѣхъ восточнаго духовенства, не считая симоніи, въ которой оно не менѣе повинно „Вѣра и выше и шире національности"; „во Христѣ народы безразличны, нѣтъ ни эллина, ни варвара". Таково святое правило; на него любятъ ссылаться греки, поспѣшно обвиняя другихъ въ филетизмѣ, и этимъ обвиненіемъ прикрывая свой собственный филетизмъ „Моя паства состоитъ изъ арабовъ, а я грекъ. Но вотъ для нея и училища арабскія, хотя я грекъ, и богослуженіе арабское". Такъ бы разсуждалъ истый пастырь. А греческіе пастыри разсуждаютъ: „хотя паства арабская, но мы постараемся ограничивать ее, насколько возможно, и будемъ служить для нея на незнакомомъ языкѣ". Разсуждающіе такъ не обличаютъ ли себя въ филетическомъ расколоученіи? Укажите греческихъ іерарховъ, которые бы заводили, смотря по мѣсту, арабскія или славянскія школы.....

Удивляемся между прочимъ, непослѣдовательности „Востока" Когда разсуждаетъ о русскихъ церковныхъ дѣлахъ, онъ горячо (и основательно) стоитъ за право жертвующей паствы знать, куда идутъ ея даянія и направлять ихъ. Когда же дошло дѣло до Іерусалимской патріархіи и Святогробскаго

Братства, тутъ точка зрѣнія мѣняется: не смѣй знать Россія—дательница, куда употребляются сотни тысячъ, отъ нея поступающія и назначаемыя ею вовсе не для личныхъ, а тѣмъ менѣе національныхъ нуждъ Святогробскаго Братства. Зачѣмъ же такъ? Если мѣрить, такъ мѣряйте одною мѣрою.

Новое движеніе въ старообрядствѣ *).

Въ старообрядствѣ, и именно въ безпоповщинской половинѣ, возникло движеніе, которое можетъ удивить людей, незнакомыхъ съ психологіей вѣроисповѣданій вообще. Уржумскіе безпоповцы обзаводятся іерархіей, но внѣ преемственнаго рукоположенія. Однако это и не тѣ „наставники“ и „старцы“ ѳедосѣевцевъ или поморянъ, которые и не претендовали на священство. По ученію уржумцевъ, для священства не требуется рукоположенія; рукоположенія де и не было до временъ перваго вселенскаго собора, а потому де правильно избирать священниковъ по способу, какимъ избранъ апостолъ Матѳей на мѣсто Іуды Тѣмъ не менѣе избираемый такимъ способомъ получаетъ, по мнѣнію уржумцевъ, полную благодатную силу, а съ нею и власть совершать таинство евхаристіи. Перейдя на столь рѣшительную почву, новый толкъ остается однако вѣрнымъ двуперстникомъ и чтителемъ богослужебныхъ книгъ начала XVII столѣтія, хотя отвергаетъ, какъ безполезное новшество, преданія даже IV столѣтія. Новое священство вѣроятно и облаченіе себѣ устроитъ во всей точности по предписаніямъ Іосифовскаго служебника.

По нашимъ свѣдѣніямъ уржумское „разгласіе“ ведетъ начало отъ монаха Іакова, который въ свою очередь принялъ ученіе отъ Авдія Семенова, жившаго на фабрикѣ В. Морозова. Но тутъ распространять новый толкъ Авдій Семеновъ (ѳедосѣевецъ—брачникъ) находилъ для себя не безопаснымъ

---

*) С И. 21 декабря, № 333

Японская православная церковь *).

Внимаемъ слову апостола....

Издалека, почти съ другого полушарія, редакторъ „Современныхъ Извѣстій“ получилъ отъ преосвященнаго Николая, епископа новонасажденной японской церкви посланіе, сопровождаемое двумя богослужебными книгами на японскомъ языкѣ (трудъ преосвященнаго), печатнымъ отчетомъ о состояніи православной Японской церкви, значительнымъ числомъ фотографій, изображающихъ фасадъ храма, сооруженнаго въ Токіо, и важнѣйшіе моменты сооруженія. Наконецъ ко всему присоединено особенно дорогое намъ благословеніе отъ раздѣленныхъ пространствомъ, но присныхъ вѣрою братій нашихъ: семь иконъ, на бумагѣ напечатанныхъ по золотому фону—произведеніе японскихъ иконописцевъ. Письмо преосвященнаго воспроизводимъ въ сегодняшнемъ номерѣ „Извѣстій“ съ малыми сокращеніями, жалѣемъ что не можемъ дать нагляднаго понятія о всѣхъ приложеніяхъ; только съ фасадомъ храма надѣемся познакомить со временемъ, посредствомъ оттиска въ газетѣ.

Но впрочемъ не излишне ли даже и это? Не достаточно ли трогательныхъ объясненій преосвященнаго, поставленнаго между двумя необходимостями: или отправляться за сборомъ пожертвованій лично въ Россію, „на край свѣта“, по положенію въ ней Японіи; оставить сирою церковь, которая, благодареніе Богу, преуспѣваетъ и мужаетъ удвоившись числомъ христіанъ въ теченіи пяти лѣтъ. Или же, оставаясь при паствѣ, смотрѣть съ сокрушеніемъ сердца, какъ домъ Божій, зачатый во славу имени Христова, въ утвержденіе православной вѣры и во свидѣтельство христіанской любви единовѣрныхъ русскихъ, остается недоведеннымъ даже до первыхъ сводовъ въ уничиженіе всего христіанства отчасти, и наипаче въ посмѣяніе иновѣрцамъ миссіонерамъ, бѣднымъ духомъ евангельскимъ, но богатымъ матеріальными средствами, которыми напротивъ не-

*) С И 24 декабря, № 336

достаточествуетъ православная колыбель японскаго христіанства. „Не въ униженномъ она здѣсь положеніи относительно главнаго своего дѣла—проповѣди, чѣмъ, конечно, обязана помощи Божіей и тому, что проповѣдуетъ истинное Христово ученіе, которое не можетъ не блистать въ сопоставленіи съ извращеніемъ и потемнѣніемъ истины въ инословіяхъ". Вникните въ эти немногія слова высокочтимаго преосвященнаго, которыми онъ отклоняетъ отъ себя славу успѣха; но успѣхъ и достигается тѣмъ также, что чистое ученіе сѣется проповѣдниками, которыхъ вѣра и житіе и ревность о славѣ имени Христа соотвѣтствуетъ призванію.

Преосвященный проситъ отъ насъ ходатайственнаго слова предъ обществомъ за нужды его отрочествующей церкви. Но его собственный обстоятельный докладъ скажетъ больше и подѣйствуетъ успѣшнѣе постороннихъ комментаріевъ, чьихъ бы ни было. Православный русскій христіанинъ, если сердцу его не чужды слава имени Христова, достоинство православія и честь имени русскаго, прочтя посланіе равноапостольнаго святителя японскаго, не откажется, мы увѣрены, по мѣрѣ достатка, пособить въ созиданіи дома Божія далекимъ братьямъ, возсылающимъ о насъ русскихъ ежедневно свои молитвы. Есть нѣчто умилительное въ этомъ созиданіи на совокупныя средства братьевъ, отдаленныхъ и языкомъ и бытомъ и строемъ государственнымъ, но связуемымъ духовными узами во единое тѣло.

Первый японскій соборный храмъ съ каѳедрою перваго епископа на вѣки и непрерывно будетъ напоминать Японской церкви, отъ кого она приняла млеко христіанства, и тѣмъ глубже укрѣплять духовныя увы любви и единомыслія, связующія членовъ той и другой церкви.

Въ виду неотложной нужды въ помощи, намъ кажется, прежде всего обязана внять ходатайству преосвященнаго Россійская іерархія. Если каждая приходская церковь принудительно участвуетъ въ расходахъ на общія нужды всероссійской церкви, то ни тѣмъ ли обязательнѣе часть средствъ отдѣлить на нужды еще высшія—вселенской церкви, которой сама Рос-

сійская есть только часть? Такимъ образомъ святѣйшій синодъ, мы полагаемъ, не замедлитъ оказать содѣйствіе тому по крайнѣй мѣрѣ, чтобы созиданіе храма не прерывалось и не навлекало нареканій на православіе и на русскій народъ. Если бы хотя по одному рублю подѣлиться съ японскою церковью каждому изъ русскихъ православныхъ храмовъ,—и тогда составилась бы сумма если не вполнѣ, то вѣроятно на половину достаточная къ тому, чтобы докончить предпринятое сооруженіе. А именно желательно было бы, чтобы каждая изъ церквей если не рублемъ, то хотя бы десятью копѣйками или хотя бы даже одной копѣйкой оказала участіе Трогательна и знаменательна была бы эта общность, это единодушіе. Помимо всего оно одно способно оказать содѣйствіе къ распространенію христіанскаго просвѣщенія въ этомъ, пока еще языческомъ народѣ, хотя внѣшнею образованностью пожалуй превзошедшемъ насъ, русскихъ. Велика сила мысли, что вотъ *весь* русскій православный народъ оказываетъ содѣйствіе; *ни одна* изъ малыхъ его церковныхъ единицъ не отказалась отъ участія. Духовная побѣда надъ языческимъ сердцемъ, которая будетъ одержана этимъ свидѣтельствомъ христіанскаго единодушія, будетъ необъятна.

Мы не отчаиваемся, что можетъ быть всероссійскій святѣйшій синодъ обратится къ паствѣ своей даже съ нарочитымъ посланіемъ, въ которомъ, объяснивъ нужды японской церкви и чрезвычайную вселенскую важность насажденія христіанской вѣры среди этого народа трудами русскихъ проповѣдниковъ, пригласитъ русскій православный народъ къ матеріальному соучастію въ этомъ дѣлѣ Напомнимъ о вещественныхъ приношеніяхъ, которыми непрерывно въ теченіи вѣковъ русскій народъ содѣйствовалъ и продолжаетъ содѣйствовать церкви-матери, напоившей его христіанскимъ ученіемъ, но что не менѣе святая обязанность и даже болѣе настоятельная—обратиться съ помощію къ церкви-дщери, которая, съ Божіею помощію, возрастетъ и процвѣтетъ со временемъ, какъ и церковь Русская, и утѣшитъ насъ тою же неразрывной любовію къ намъ, какая и насъ связываетъ съ православными христіанами востока.

Ждемъ этого властнаго слова отъ верховнаго священноначалія всероссійской церкви. Съ своей стороны мы просимъ всѣхъ, кому попадется настоящій листокъ, только вчитаться въ посланіе равноапостольскаго святителя. Оно, нѣтъ сомнѣнія, произведетъ свое дѣйствіе.

Приложеніе къ посланію преосвященнаго: иконы, книги и фотографическіе снимки, сданы нами въ контору редакціи, гдѣ каждый можетъ ихъ видѣть. Ожидаемъ, что и частные благотворители, къ которымъ обращался преосвященный, также не оставятъ по возможности, оказывать всѣмъ, кого знаютъ, наглядныя свидѣтельства объ іерархической дѣятельности нашего досточтимаго соотечественника. Полагаемъ, и Миссіонерское Общество приложитъ свои старанія объ оповѣщеніи нужды, которую испытываетъ въ настоящій моментъ Японская церковь; вѣроятно и удѣлитъ ей часть изъ своихъ средствъ.

Редакція „Современныхъ Извѣстій“ съ своей стороны будетъ съ завтрашняго дня ежедневно публиковать о мѣстахъ, куда можно направлять приношенія на построеніе соборнаго храма въ Токіо.

1886 ГОДЪ.

Законъ 3 мая 1883 года о раскольникахъ *).

Въ сегодняшнемъ номерѣ „Извѣстій“ мы сообщаемъ *Недоумѣніе старообрядцевъ*. Г. Боголѣповъ толкуетъ законъ 3 мая 1883 года и удивляется, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ не разрѣшаетъ ни строить новыя моленныя старообрядцамъ, ни обращать старыя жилыя строенія въ моленныя, тогда какъ законъ и то и другое дозволяетъ. Г. Боголѣповъ не досмотрѣлъ одного· законъ, правда, дозволяетъ открытіе молитвенныхъ домовъ, но „съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ“. Г. Боголѣповъ упоминаетъ самъ объ этомъ ограниченіи, но не взвѣшиваетъ его всей силы. Если законъ требуетъ разрѣшенія отъ министра внутреннихъ дѣлъ, то даетъ стало-быть министру право и не разрѣшать, иначе оговорка не имѣла бы смысла. Какимъ основаніемъ министръ долженъ руководиться, давая разрѣшеніе или отказывая въ немъ, этого законъ не поясняетъ, законъ во всякомъ случаѣ только *дозволяетъ* министру выдавать разрѣшеніе на открытіе моленныхъ при исполненіи старообрядцами извѣстныхъ условій, а вовсе *не обязываетъ* его давать

*) С И 11 января, № 10

разрѣшеніе всякій разъ, какъ соблюдены упомянутыя условія. Иначе право, предоставленное министру, обратилось бы въ пустое слово, и законодатель бы выразился: „съ вѣдома“, а не „съ разрѣшенія“ министра.

Г. Боголѣповъ находитъ, что отказы, до сихъ поръ полученные старообрядцами, заключаютъ противорѣчіе и не правильно толкуютъ законъ. Не споримъ; присоединяемся къ сожалѣнію, высказанному г Боголѣповымъ; но сожалѣемъ не о томъ, что въ моленныхъ было отказано, а о томъ, что приведены въ отказахъ основанія, дающія поводъ къ возраженіямъ. Министръ не обязанъ объяснять причину своего отказа, это его воля; хочетъ онъ—разрѣшитъ, хочетъ—нѣтъ; объясненіе основаній будетъ съ его стороны любезностью, для него не обязательною. Мало ли какія могутъ быть для него основанія,—такія даже, какихъ и объявлять неумѣстно? Съ этой-то стороны мы и жалѣемъ о редакціи, въ какой выражены были отказы „По мѣстнымъ обстоятельствамъ нахожу неудобнымъ“ или даже просто „нахожу невозможнымъ“,—вотъ чѣмъ могъ ограничиться отказъ административной власти; коротко и ясно, и никакимъ недоумѣніямъ, юридическимъ, по крайней мѣрѣ, не было бы мѣста.

Если бы понимать законъ 3 мая такъ широко, какъ, повидимому, понимаетъ его г. Боголѣповъ, если полагать, какъ, повидимому, полагаетъ г Боголѣповъ, что, при исполненіи извѣстныхъ условій, не можетъ уже не быть разрѣшено открытіе старообрядческихъ моленныхъ, тогда бы Россія покрылась разнаго рода новыми общественными учрежденіями, помимо молитвенныхъ домовъ, часовень, церквей, и богадѣльнями, и клубами, и театрами, и трактирами. На открытіе всѣхъ такихъ заведеній требуется разрѣшеніе. Не только театръ или клубъ, но извольте задумать церковь, чего церковь?—даже часовню и притомъ господствующаго исповѣданія, соблюдите всѣ условія, предписанныя закономъ,—ручательства все-таки далеко не можете вы имѣть, что открытіе учрежденія, сооруженіе постройки будутъ разрѣшены.

Законъ 3 мая 1883 года имѣлъ, какъ намъ кажется, принципіальное значеніе, не далѣе. за старообрядчествомъ признано право существованія, только ихъ молитвенные дома вводятся въ разрядъ допускаемыхъ закономъ учрежденій, перестаютъ числиться сверхзаконными, терпимыми лишь по исключительному снисхожденію. Но отсюда еще далеко до совершеннаго полноправія; а и того менѣе основаній заключать отсюда, чтобы дано было старообрядцамъ даже больше простора, нежели господствующему исповѣданію, въ томъ по крайней мѣрѣ смыслѣ, что возведеніе новыхъ церквей и часовень господствующаго исповѣданія сопряжено съ немéньшими, если съ не бóльшими затрудненіями, чѣмъ встрѣчаемыя старообрядцами при сооруженіи своихъ молитвенныхъ домовъ.

Мы не обсуживаемъ вопроса, справедливо или не справедливо продолжать усиленную предосторожность противъ старообрядцевъ, и еще менѣе позволяемъ себѣ входить въ гаданія о томъ, почему такъ туго даютъ старообрядцамъ воспользоваться даже тѣми умѣренными льготами, которыя указаны закономъ 3 мая 1883 года. Имѣемъ въ виду только формальныя стороны и успокаиваемъ г. Боголѣпова, что административные отказы въ разрѣшеніи новыхъ моленныхъ не заключаютъ въ себѣ противорѣчія закону.

Церковно-приходскія школы *).

Время отъ времени появляющіяся извѣстія о церковно-приходскихъ школахъ не свидѣтельствуютъ, чтобы успѣхъ ихъ можно было назвать быстрымъ, а тѣмъ болѣе прочнымъ. Святѣйшій синодъ прилагаетъ къ дѣлу всю свою заботливость и на текущій годъ болѣе чѣмъ вдвое возвысилъ ассигновку суммъ; нѣкоторые изъ преосвященныхъ обратились къ подвѣдомственному духовенству съ настойчивыми посланіями; высшее управленіе церковно-приходскими школами ввѣряется особому коми-

*) С. И. 25 января, № 24.

тету при святѣйшемъ синодѣ. Съ этой стороны повидимому все сдѣлано; но примѣръ Курской епархіи, гдѣ духовенство тотчасъ же принялось за безвозмездное обученіе, остается, повидимому, единственнымъ; притомъ гдѣ ручательство, чтобы подобная ревность не охладѣла со временемъ?

Препятствія усматриваются въ недостаткѣ матеріальныхъ средствъ, хотя нѣкоторыя изъ крестьянскихъ обществъ изъявили желаніе помогать, одни деньгами, другія зерномъ. Подались и нѣкоторыя земства; есть примѣры, что земства готовы и совсѣмъ свалить съ плечъ народное образованіе, не безъ экономіи впрочемъ для своего бюджета. Учреждаются братства для споспѣшествованія церковно-приходскимъ училищамъ, и изъ нихъ Московское Кирилло-Меѳодіевское есть значительнѣйшее.

Всего перечисленнаго однако недостаточно; да было бы самообольщеніемъ полагать, что дѣло разовьется и окрѣпнетъ при томъ ходѣ, который ему данъ Церковно-приходское обученіе признано доброхотнымъ дѣломъ благотворительности,— вотъ гдѣ коренная ошибка и пока останется при ней правительство вообще и святѣйшій синодъ въ частности, дотолѣ, кромѣ частныхъ успѣховъ, и притомъ преходящихъ, трудно чего-либо ждать. „Обученіе есть обязанность приходскаго духовенства, столь же безотмѣнная для него и такой же отвѣтственности подлежащая, какъ отправленіе требъ“: вотъ правило, которому надлежало бы лечь въ основу учрежденія, и которымъ было бы обезпечено дальнѣйшее. Признаніе за духовенствомъ непремѣнной обязанности учить повлекло бы за собой законодательный вопросъ и о средствахъ, которыми можетъ быть облегчено учащее сословіе въ исполненіи своей обязанности. Добровольнымъ пожертвованіямъ осталось бы тогда послѣднее мѣсто, простымъ требованіемъ послѣдовательности было бы установленіе правилъ, на комъ должно обязательно лежать обезпеченіе училищъ: на самихъ приходахъ, на земствахъ, на государственной казнѣ. Выяснилось бы тогда и то, что при повсемѣстной обязанности обученія въ приходахъ, прочія учи-

лища съ первоначальнымъ обученіемъ обращаются въ роскошь, доступную лишь избытку средствъ; къ такой же роскоши приписались бы и всѣ общественныя училища, содержимыя и открываемыя городскими обществами и земствами, они въ первоначальномъ обученіи получили бы значеніе, какое для дальнѣйшаго образованія предоставлено частнымъ гимназіямъ.

Изъясненіе святѣйшаго синода, касающееся старообрядчества *).

Святѣйшій синодъ издалъ посланіе, грамату или, какъ выражается подлинный документъ, „Изъясненіе“ „объ истинномъ смыслѣ и значеніи содержащихся въ полемическихъ сочиненіяхъ прежняго времени порицаніяхъ на именуемые старые обряды“. Нельзя не отмѣтить крайняго, можно было бы сказать даже—чрезмѣрнаго снисхожденія, которымъ дышетъ „Изъясненіе“. Единовѣрцы просятъ торжественнаго объявленія, что Грекороссійская церковь не раздѣляетъ порицательныхъ наименованій, которыми въ Розыскѣ или въ Обличеніи Неправды Раскольнической одѣляются двуперстіе и лингвистически неправильное имя Спасителя Святѣйшій синодъ снисходитъ и объясняетъ то, что для всякаго безпристрастнаго и здравомысленнаго должно быть ясно и безъ объясненій. Взаимность требовала бы, чтобы единовѣрцы также торжественно, сколь только возможно въ ихъ положеніи, исповѣдали, что они съ своей стороны не присоединяются къ хульнымъ толкованіямъ „старовѣровъ“ на троеперстіе и на имя Іисусъ; ожидалось бы, что они не только отрекутся отъ этихъ хуленій, но объявятъ ихъ вѣроотступническими. Справедливость требовала бы, чтобы они даже первые выступили съ признаніемъ не только православной іерархіи, но и православныхъ обрядовъ въ ихъ

---

*) С. И. 27 апрѣля, № 113

православіи. Но дѣлу придается такой видъ, что іерархія какъ бы должна оправдываться. Хотятъ поставить ее въ положеніе обвиняемой, а себя какъ безусловно правыми, какъ бы единственными и подлинными обладателями истины. Въ этомъ-то смыслѣ „Изъясненіе“ святѣйшаго синода не только крайне снисходительно, но почти даже чрезмѣрно снисходительно.

Порицаніе на обряды (точнѣе сказать—на извѣстную форму обряда) начато съ нецерковной стороны; это въ „Изъясненіи“ раскрыто вполнѣ обстоятельно и объ этомъ не мѣшаетъ напоминать ревнующимъ о старовѣріи. Ихъ родоначальники Никита, Лазарь, Аввакумъ обозвали Никоновское дѣло ересью; они и ихъ ближайшіе послѣдователи приписали новой редакціи перевода характеръ догматическій; они-то, въ неосмысленной ревности о буквѣ вчерашняго дня, дошли до еретическихъ изложеній даже догмата о Троицѣ (Аввакумъ особенно). Но послѣ спохватились, отъ еретическихъ нелѣпостей отказались, даже стали отрицать подлинность нѣкоторыхъ Аввакумовыхъ бредней; но начало раскола начали выставлять за то въ обратномъ порядкѣ, нежели было на дѣлѣ; что де отложеніе отъ церкви послѣдовало якобы вслѣдствіе проклятій, произнесенныхъ соборомъ, тогда какъ въ дѣйствительности проклятіе состоялось уже вслѣдствіе отложенія и притомъ, когда основаніемъ къ отложенію выставлялись и ереси, будто бы внесенныя въ церковь. На этой почвѣ и остановились, по крайней мѣрѣ разумнѣйшіе изъ старовѣровъ, выставляя себя обиженными, оклеветанными. Въ сущности дѣйствительно имъ и укрыться некуда, какъ за такое объясненіе. Ибо одно изъ двухъ: или признать антихристіанскія нелѣпости безпоповства, съ его ученіемъ объ антихристѣ и объ иномъ Іисусѣ, или же признать правоту исправителей и осудить невѣжественныхъ противниковъ реформы На послѣднее не хватаетъ духа и вотъ принимается видъ обиженнаго сироты, изрекаются жалобы на „жестокословныя“ выраженія, съ которыми отзывались церковные писатели о старыхъ обрядахъ, и которые будто мѣшаютъ присоединенію.

„Изъясненіе“ синодальное раскрываетъ, откуда произошли эти „жестокословныя“ выраженія и удостовѣряетъ, что во всякомъ случаѣ они не относятся къ обрядамъ самимъ въ себѣ, принимаемымъ въ ихъ православномъ смыслѣ и не представляютъ оффиціальнаго голоса церкви, будучи частными мнѣніями богослововъ. Прибавимъ отъ себя, что въ свое время выраженія эти были даже вполнѣ умѣстны и истинны. Благонамѣреннѣйшіе изъ старообрядцевъ не должны забывать, что двоеперстіе было вычеркнуто по опасенію, что оно заключаетъ въ себѣ армянское мудрованіе Предположеніе это было невѣрное, какъ невѣрны были тогдашнія мнѣнія и объ армянствѣ вообще; но оно было, оно послужило къ отмѣнѣ двуперстія и оно-то сказалось въ выраженіи „армянскій кукишъ“. Въ истинномъ смыслѣ этого порицанія (что оно относилось въ сущности къ армянству, а не къ русской церкви) тѣмъ не менѣе позволительно сомнѣваться, что Ѳеофилактъ, какъ не можетъ быть неизвѣстнымъ для читающихъ старообрядцевъ, признавалъ всякій обрядъ вообще болѣе или менѣе безразличнымъ для вѣры.

Во всякомъ случаѣ святѣйшій правительствующій синодъ исполнилъ своимъ „Изъясненіемъ“ пастыреначальнически долгъ любви. Надлежитъ ожидать, что и благоразумнѣйшіе изъ старообрядцевъ отвѣтятъ на снисхожденіе, имъ оказанное, исполненіемъ долга съ своей стороны. Говоримъ не о пребывающихъ въ расколѣ, отъ которыхъ можетъ быть и трудно ожидать слишкомъ многаго, но единовѣрцамъ необходимо бы засвидѣтельствовать, что они далеки отъ той исключительности, въ какой наружное положеніе ихъ оказываетъ. Они требуютъ отъ служителей церкви безразличнаго воззрѣнія на Никоновскіе обряды и до-Никоновскіе. Требованіе не лишено основанія, и дѣйствительно нѣтъ повода въ настоящее время усматривать раскольничій духъ въ двуперстіи или почтеніи къ старымъ книгамъ. Но тѣмъ менѣе основанія и сторониться съ двоеперстіемъ и старыми книгами въ особый лагерь, раздѣленный непроходимою стѣною. А вмѣсто того, чтобы сглаживать существующую преграду единовѣрцы не прочь были бы воздвигнуть

стѣну еще выше. Таково, напримѣръ, мечтаніе объ особенномъ епископѣ. Не отзывается ли это желаніемъ образовать особую церковь? Не скрываются ли здѣсь „жестокословныя“ порицанія наоборотъ на обряды и книги, усвоенныя іерархіею? Вѣра одна, и церковь должна быть одна и если свобода для обоихъ обрядовъ, одинаково православныхъ, то свободное воззрѣніе должно быть засвидѣтельствовано съ обѣихъ сторонъ. Не развиваемъ этой мысли, но предлагаемъ на обсужденіе единовѣрцамъ хотя бы слѣдующее правило. Они просятъ, чтобы старые обряды не возбранено было употреблять въ храмахъ и приходахъ православныхъ. Пусть, при дознанномъ единствѣ вѣры, требованіе исполнимо. Но пусть же и въ церквахъ единовѣрческихъ при служеніи по старымъ книгамъ допускаютъ они и употребленіе троеперстія, именословнаго благословенія и чтенія по новымъ книгамъ. Вотъ испытаніе ихъ искренности. Намъ кажется, въ торжественное засвидѣтельствованіе единовѣрія слѣдовало бы поставить даже за правило, чтобы въ единовѣрческой церкви хотя бы одинъ день въ году назначенъ былъ для богослуженія по новымъ книгамъ, какъ и наоборотъ, въ православномъ соборѣ для служенія по старымъ. Если не цѣлый день, то хотя бы часть богослуженія, хотя бы одно какое-нибудь пѣснопѣніе было исполняемо по одному обряду при остальномъ богослуженіи по другому. Хотя бы, напримѣръ, въ великій день Воскресенія, которымъ все прощаемъ, поставлено было за правило эту самую пѣснь „Христосъ Воскресе“ воспѣвать по тому и по другому тексту поочередно. Что скажутъ на это единовѣрцы? Готовы ли они на такой шагъ дѣйствительной любви и дѣйствительнаго единомыслія въ виду несомнѣннаго снисхожденія къ ихъ немощной совѣсти, оказываемаго высшею іерархіею.

Изъясненіе святѣйшаго синода, касающееся старообрядчества *).

Въ истинномъ смыслѣ порицаній на двоеперстное сложеніе, сказали мы вчера, тѣмъ менѣе позволительно сомнѣваться, что Ѳеофилактъ признавалъ всякій обрядъ вообще болѣе или менѣе безразличнымъ для вѣры Въ самомъ дѣлѣ важна не форма обряда, а то, что обрядомъ знаменуется. При исправленіи книгъ во время Никона открылось, что персты для крестнаго знаменія складываются въ русской церкви не такъ, какъ на Востокѣ. Само по себѣ это было не важно; различными пріѣзжими греками не могло не быть замѣчаемо и прежде; но на него не обращалось вниманія, вѣроятно, именно потому, что въ двуперстіи не предполагалось заимствованія отъ армянъ. Но когда такое мнѣніе составилось, тогда найдено было нужнымъ отнестись къ предполагаемому заимствованію строго Когда же мнѣніе это разсѣялось, тогда естественно должна была возвратиться и прежняя терпимость Но терпимость оставалась, выразимся такъ, догматическою; на практикѣ же двоеперстіе и вообще старые обряды продолжали считаться символомъ, если не отклоненія въ вѣрѣ, то отклоненія церковнаго, знаменіемъ противленія церковному единству. Вотъ объясненіе кажущихся противорѣчій, которыми любятъ между прочимъ попрекать церковь старовѣры. Противорѣчія не было, и если безпристрастный старообрядецъ возьметъ Димитрія Ростовскаго, что даже тогда, почти за сто лѣтъ до такъ называемаго единовѣрія, знаменитый іерархъ настаивалъ на томъ же широкомъ принципѣ, распространившись о томъ, что такое „вѣра“, уже изъ этого принципа выходя, онъ обличалъ современныхъ кривотолковъ, въ чемъ? не столько въ неправильностяхъ, сколько въ фетишизмѣ своего рода, смѣшивавшемъ самыя внѣшнія мелочи обряда съ вѣрою.

*) С. И 28 апрѣля, № 114.

Но этотъ фетишизмъ продолжался, и въ немъ постоянно отличались двѣ стороны: а) положительное вѣрованіе, что дониконовское свято; б) отрицательное,—что никоніанство есть погибель. Противъ перваго не было основанія возражать, послѣ того какъ мнѣніе объ армянскомъ характерѣ двоеперстія разсѣялось. Но іерархія не могла допустить второго, а оно-то, мнѣніе о погибельности никоніанства, и подразумѣвалось, по крайней мѣрѣ предполагалось въ пристрастіи двоеперстію, сугубому аллилуіа и другимъ обрядамъ, безразличнымъ самимъ по себѣ. Нужно было какое-нибудь торжественное удостовѣреніе, что предпочтеніе старыхъ обрядовъ не означаетъ порицанія, а тѣмъ менѣе отрицанія церкви. Принятіе священниковъ на условіяхъ такъ называемаго единовѣрія и явилось такимъ удостовѣреніемъ.

Положеніе, сейчасъ высказанное заслуживало бы подробнѣйшаго раскрытія, и въ видахъ церковнаго мира истинно желательно, чтобы святѣйшій синодъ не остановился на „Изъясненіи“, сущность котораго вчера нами была указана, но простерся бы и далѣе, разъяснивъ духъ апостольской свободы, коему послѣдовано въ учрежденіи единовѣрія, а вмѣстѣ указавъ и предѣлы ея. Тогда пало бы и еще одно изъ недоразумѣній, отклоняющихъ старообрядца отъ присоединенія, что единовѣріе будто бы учреждено въ качествѣ ловушки. Оно было бы ловушкой, когда бы Никоновскія книги признаваемы были церковью за святыя и троеперстіе за единственно спасительное. Но взглядъ церкви выше этой фарисейской исключительности, эта исключительность наоборотъ и есть принадлежность такъ называемаго старовѣрія, а слѣдовательно единовѣріе есть не ловушка, а путь, открываемый немощнымъ совѣстію ко вступленію въ церковное общеніе и сохраненію церковнаго мира.

О распространеніи священныхъ книгъ *).

Комитетъ Грамотности при Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства разсуждалъ между прочимъ о томъ, что распространеніе книгъ Священнаго Писанія и богослужебныхъ встрѣчаетъ препятствіе въ монополіи святѣйшаго синода. Отсюда книги дороги, складовъ недостаточно, кредита не допускается. Высказано было предположеніе, что монополія удерживается изъ опасенія, какъ бы не попали ошибки и даже искаженія въ священныя книги и на этомъ основаніи предложено ходатайствовать о дозволеніи печатать священныя книги и въ частныхъ типографіяхъ съ сохраненіемъ права за синодомъ не только цензуровать текстъ, но и слѣдить за корректурой.

Никакого нѣтъ сомнѣнія, что книги, издаваемыя духовнымъ вѣдомствомъ на монопольномъ правѣ распространены теперь среди народа недостаточно и что препятствіемъ къ распространенію ихъ служитъ именно монополія. Не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что, перейди изданіе въ руки частной предпріимчивости, тѣ же книги будутъ распространяться быстрѣе, проникать глубже въ народѣ и вообще станутъ доступны къ пріобрѣтенію. Все гнетущее значеніе монополіи будетъ понятно, когда скажемъ, что лѣтъ пятьдесятъ и болѣе назадъ церковныя книги въ особенности учебныя, каковы псалтирь, часословъ, азбука, могли пріобрѣтаться въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ не иначе, какъ съ приплатою взятокъ чиновникамъ Покойный А. М. Ферапонтовъ могъ бы многое поразсказать изъ своего личнаго опыта объ этихъ старыхъ временахъ, когда въ виду спроса на „божественныя книги“ книгопродавцы молили, чтобы имъ отпустили книгъ, разумѣется за деньги, а завѣдующіе книгами торговались съ ними о приплатѣ. Теперь этого уже нѣтъ, конечно. Лѣтъ тридцать, какъ синодальнымъ типографіямъ внушено было наоборотъ стараться объ удешевленіи изданій и введена была уже уступка крупнымъ торгов-

*) С. П. 3 мая, № 119.

цамъ, допущенъ былъ и кредитъ (консисторіямъ и епархіальнымъ лавкамъ). Благоговѣйною признательностью надлежитъ вспомянуть блаженной памяти Императрицу Марію Александровну; толчекъ въ этомъ направленіи былъ данъ Ею, и по Ея, между прочимъ, настоянію явилось миніатюрное изданіе Новаго Завѣта. Дѣло двинулось, насколько возможно было при казенномъ управленіи, но уже потому, что оно было казенное, синодальныя изданія не могли получить того успѣха, какимъ пользовались, не говоримъ—Сонники, Аракулы, Милорды, Георги и другія произведенія Никольской, но не могли оказать соперничества нахлынувшему потоку учебныхъ книгъ гражданской печати, составленныхъ по новому методу грамотности. Мимоходомъ сказать, духовное вѣдомство въ послѣдніе годы рѣшилось оказать косвенное противодѣйствіе новымъ методамъ, по крайней мѣрѣ ослабить ихъ силу заведеніемъ и поощреніемъ церковно-приходскихъ школъ. Но самое-то почти главное и упущено при этомъ изъ вниманія—условія учебной литературы: какими коммерческими удобствами располагаетъ произведеніе новѣйшихъ просвѣтителей и въ какихъ тискахъ продолжаютъ пребывать церковныя книги.

И такъ разсужденіе Комитета Грамотности о томъ, гдѣ кроется одно изъ главныхъ препятствій къ распространенію церковной грамотности, вполнѣ вѣрно. Но Комитетъ ошибается, когда пытается объяснить причину монополіи. Монополія удерживается не изъ опасенія ошибокъ и искаженій, какъ полагаетъ Комитетъ (ошибки предотвратить всегда возможно), а потому что синодальныя типографіи считаются *доходною статьею*; имъ приписано не просвѣтительное, а коммерческое значеніе; священныя книги это такая же оброчная статья, какъ лѣса, дома, рыбная ловля. Вотъ отчего и происходитъ, что Англійское Библейское Общество дешевле синодальнаго продаетъ библейскія книги, даже изданныя синодомъ и купленныя въ синодальныхъ лавкахъ. Разница цѣны образуется наживою, отъ которой не имѣетъ права отказаться типографское синодальное вѣдомство и которую сбрасываетъ, принимая на себя убытокъ, Биб-

лейское Общество, въ виду того, что оно преслѣдуетъ не коммерческую цѣль, а просвѣтительную.

Кто же пользуется здѣсь наживою? Вопроса этого не будемъ обсуждать, но нельзя умолчать о томъ, что приравнивать орудія христіанскаго просвѣщенія къ матеріальнымъ имуществамъ, въ книгахъ Евангелія, напримѣръ, Апостола и Псалтири признавать оброчную статью, обязанную давать коммерческій барышъ, не совсѣмъ согласно съ апостольскимъ понятіемъ о христіанской проповѣди. Это недалеко отъ святокупства; но такова была цѣпь историческихъ обстоятельствъ, что столь вопіющее несообразіе ускользнуло отъ духовнаго вѣдомства. Графъ Протасовъ, преобразовывая въ тридцатыхъ годахъ штатъ „Вѣдомства православнаго исповѣданія“ и отмежевывая синодальныя типографіи къ „Хозяйственному Управленію“, самъ не соображалъ конечно, къ какому заключенію должна повести установленная этимъ размежеваніемъ посылка, что книги де священныя тоже самое, что луга, и печатаніе ихъ равнозначительно сѣнокосу.

Вопросъ весь въ томъ: великъ ли послѣдуетъ матеріальный ущербъ для духовнаго вѣдомства, если оно откажется отъ монополіи, сохранивъ за собою, какъ и предполагаетъ Комитетъ Грамотности, право редакціоннаго надзора? По нашему мнѣнію, ущерба не послѣдуетъ никакого. Возможно такъ устроить даже, что матеріальныя выгоды духовнаго вѣдомства увеличатся; говоримъ это не зря; мы стояли при этомъ дѣлѣ и знаемъ его по опыту. О нравственныхъ же послѣдствіяхъ говорить нечего; помимо того, что книги церковныя распространяются, самый текстъ ихъ будетъ исправнѣе. Утверждаемъ опять не съ вѣтра. Съ переходомъ синодальныхъ типографій на положеніе промышленныхъ заведеній, корректурная часть въ нихъ ослабѣла, а редакціонная совсѣмъ прикончилась. Отсюда отчасти неподвижность текста, не вездѣ нужная и не всегда извинительная, отчасти ошибки и пропуски, которые затѣмъ повторяются; не говоримъ уже о полномъ отсутствіи издательской дѣятельности. Но когда техническая и коммерческая часть будутъ совершено

раздѣлены отъ редакціонной и корректурной, контроль непремѣнно будетъ строже; неповрежденность текста будетъ надежнѣе обезпечена, да еще получится просторъ для дѣятельности ученой по пересмотру книгъ, находящихся въ обращеніи, и изданію новыхъ.

О сыскѣ тайныхъ помышленій *).

Помѣщаемая сегодня „Странная Полемика“ пришла къ намъ какъ нарочно кстати, тотчасъ послѣ разбора комедіи Л. Н. Толстого. Рецензентъ присоединилъ, какъ помнятъ, къ разбору комедіи и общую краткую оцѣнку писаній и дѣйствій знаменитаго нашего писателя за послѣднее время. Содержаніе и тонъ рецензіи выведутъ, надѣемся, о. Соловьева и иже съ нимъ изъ недоумѣнія. Можемъ дополнить, что рецензія, какъ и статья „За что гоненіе?“, не принадлежатъ духовному лицу и авторъ не зараженъ пашковскими идеями.

Истинно заслуживаетъ благодарности душевно чтимый нами предсѣдатель Общества Любителей Духовнаго Просвѣщенія, о. І. Н. Рождественскій за разумный взглядъ на странную полемику, ведущуюся въ Обществѣ. Ведите полемику противъ Толстовской теоріи; слѣдите и за книжками „Посредника“, когда мораль, ими проповѣдуемая, противорѣчитъ морали христіанской. Но не воздвигайте гоненій изъ того одного, что такая-то книжка вышла изъ рукъ автора, завѣдомо еретически и даже безбожно мыслящаго. Книжка сама по себѣ, авторъ самъ по себѣ; отыскивать тайный смыслъ не только не справедливо, но и вредно для той самой цѣли, которой служитъ Общество. О. Соловьевъ, какъ уже замѣчали мы нѣкогда, увлекся подобно охотнику, сгоряча проскакавшему звѣря, котораго преслѣдуетъ. Онъ разобралъ достойный смѣха переводъ ученія двѣнадцати апостоловъ, сдѣланный Толстымъ, полный невѣжественныхъ промаховъ и грубыхъ подлоговъ. За это о. Соловьеву честь и

*) С. И. 7 іюля, № 184.

хвала. Пускай онъ и продолжаетъ бить изобрѣтателя новой вѣры на этой дорогѣ: жатва обильная. Но книжки „Посредника“ въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ нравоученіе ихъ не противорѣчитъ христіанской морали, не только оставьте въ покоѣ, но даже благословите въ виду воспитательнаго дѣйствія, производимаго ими, несомнѣнно полезнѣйшаго, нежели способны произвести другія сочиненія, распространяемыя въ народѣ. Темы этихъ книжекъ односторонніе; дополните ихъ изданіемъ другихъ, которыя раскроютъ другія стороны, упускаемыя „Посредникомъ“.

О Соловьевѣ вѣроятно съ нами не согласится, но мы не одобряемъ и запрещенія книжекъ, изданныхъ пашковцами Въ чемъ же ядъ ихъ? Въ ихъ ли библейскомъ содержаніи? Нѣтъ, а въ томъ, что онѣ умалчиваютъ обо всемъ, чего нѣтъ въ Библіи Опять это не было бы бѣдой само по себѣ, но пашковцы, распространяя свои книжки, подчеркиваютъ чернилами нѣкоторыя избранныя строки, призывая на нихъ преимущественное, даже исключительное вниманіе читателя Это уже есть злоумышленіе, этотъ тайный изворотъ съ цѣлью религіознаго совращенія Но противъ него-то и надлежало дѣйствовать, противъ этой фабрики, занимавшейся подчеркиваніями, и противъ книгоношъ, призывавшихъ вниманіе къ подчеркнутымъ мѣстамъ въ книжкахъ, которыя сами по себѣ невинны. Съ самой Библіей развѣ невозможно совершать подобныхъ же злоумышленныхъ операцій? Не только возможно, но мы полагаемъ, онѣ даже и совершаются пашковцами. Позвольте Л. Н Толстому заняться распространеніемъ Евангелія; онъ пуститъ его, похѣривъ много мѣстъ, другія напротивъ подчеркнувъ. Но въ виду этого должно ли запрещать Евангеліе или Библію вообще?

Не знаемъ, ясно ли, убѣдительно ли мы говоримъ. Во всякомъ случаѣ желаемъ, чтобы почтенное Общество, самому учрежденію котораго нѣкогда содѣйствовали мы вмѣстѣ съ покойнымъ преосвященнымъ Іаковомъ, подъ благословеніемъ незабвеннаго митрополита Филарета, чтобы это Общество не уклонялось на неблаговидный путь сыска тайныхъ помышленій въ писаніяхъ, буквальный текстъ которыхъ заслуживаетъ только похвалы.

Голосъ Единовѣрца*).

А. Ѳ. Моровинъ посвящаетъ сегодня свой четвертый „Голосъ Единовѣрца“ критикѣ Никоновскаго книжнаго исправленія: сколь напрасно оно было, дѣйствительно ли оно было основано на древнихъ рукописяхъ, какъ тогда выдавалось исправителями, и предшествовавшее Іосифское не было ли еще исправнѣе. Не совсѣмъ понятно, противъ кого направлено это изложеніе, впрочемъ во всякомъ случаѣ изобилующее выраженіями „вѣроятно“, „можетъ быть“, „безъ сомнѣнія“ и потому гадательное. Въ настоящее время едва ли найдется кто-нибудь, кто бы сталъ выдавать Никоновскихъ исправителей за образецъ совершенства съ той литературно-критической стороны, съ которой подвергаетъ ихъ суду своему г. Моровинъ. Нѣтъ сомнѣнія, трудъ исправленія былъ несовершененъ; пусть подлинниками служили книги не древнія, а за образецъ греческаго текста взяты были венеціанскія изданія; согласимся даже, что въ иныхъ мѣстахъ чтеніе Іосифовское лучше, точнѣе переведено и ближе соотвѣтствуетъ тексту греческому древнѣйшему, нежели имѣли въ виду исправители Никоновскаго времени. Представимъ все это Единовѣрцу. Но что же изъ всего этого слѣдуетъ?

Авторъ напираетъ на то, что въ прежнія времена, до Никона, исправленія производились безъ охуленія предшествовавшихъ изданій и безъ принудительныхъ мѣръ. Можно поспорить съ авторомъ и о фактѣ. Напомнимъ ему и страдальческую исторію св. Діонисія, обвиненнаго въ томъ, что онъ хотѣлъ якобы истребить огонь въ мірѣ; напомнимъ не менѣе страдальческую исторію Максима Грека; не забудемъ и раззоренія, которому подвергся Печатный Дворъ, и бѣдственную судьбу первопечатника, достойнаго вѣчной памяти, Іоанна Федорова, вынужденнаго бѣжать въ Литву отъ московскаго гоненія и уже тамъ утвердить печатный станокъ. Изъ этихъ событій почтенный Единовѣрецъ можетъ убѣдиться, что исправ-

*) С И 17 іюля, № 194.

леніе книжное и не только исправленіе, но даже тисненіе, то есть примѣненіе новаго способа къ воспроизведенію священнаго текста, совершалось не такъ мирно и безъ всякихъ смутъ, какъ ему воображается. Но допустимъ, что не испытали никакихъ непріятностей ни св Діонисій, ни преподобный Максимъ, и первая попытка книгопечатанія не возбуждала возмущенія; допустимъ, что патріархъ Никонъ не только довѣрился лицамъ не осмотрительнымъ въ исправленіи книгъ, но кромѣ того поступилъ опрометчиво, прибѣгнувъ къ принудительнымъ мѣрамъ по введенію новыхъ книгъ въ употребленіе. мы опять недоумѣваемъ, къ чему же это все ведетъ въ вопросѣ о современномъ единовѣріи и старообрядчествѣ вообще?

Авторъ настаиваетъ на томъ, что патріархъ Никонъ, довѣрившись грекамъ и своимъ латиномудрствующимъ ученымъ, посягнулъ на чины и обряды, вошедшіе де въ плоть и кровь русскаго народа. Другими словами, Никонъ посягнулъ на народность. Здѣсь опять можно поспорить, въ какой мѣрѣ и что именно можно съ основательностію признать всосавшимся въ плоть и кровь народа. То или другое разночтеніе неужели было существенною принадлежностію народности? „Смертію смерть поправъ“ вмѣсто „смертію на смерть наступи“ а было оскорбленіемъ народности? Очевидно, что значеніе „народныхъ обычаевъ“, всосавшихся въ плоть и въ кровь, можно приписать развѣ только чинамъ и обрядамъ, но никакъ не разночтеніямъ. Однимъ словомъ Никонъ оскорбилъ народность, введя троеперстіе, тройное аллилуіа, хожденіе противусолонь, пять просфоръ и т п въ особенности троеперстіе. Выражался ли дѣйствительно русскій духъ въ двоеперстіи и сугубомъ аллилуіа и даже дѣйствительно ли это были обычаи, „вошедшіе въ плоть и кровь“, не будемъ это разбирать, хотя мы знаемъ, что объ аллилуіа болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до Никона спорили (см. Стоглавъ), а противъ двоеперстія „Соборный Свитокъ“ ссылался именно на народъ, совѣтовалъ фанатикамъ двоеперстія именно у народа справиться, какое у него сохранилось сложеніе. Но будемъ снисходительны, допустимъ національность двоеперстія, національность двойного

аллилуіа и національность седьмипросфорія и хожденія посолоннаго: къ чему же мы приходимъ, къ какой характеристикѣ исправителей Никоновскаго времени и противниковъ исправленія? Къ той самой, которую указали мы, кажется, въ первомъ отвѣтѣ г. А. Ѳ. Морокину Противники исправленія оказались послѣдователями филетизма, то есть направленія, возвышающаго народную особность передъ требованіями вселенскаго единства. Въ этомъ дѣйствительно и состоитъ весь грѣхъ старообрядства здѣсь его корень,—въ народной гордости, неразумно примѣненной въ церковной практикѣ. Начался этотъ филетизмъ давно, а со времени паденія Цареграда получилъ совершенное господство въ русскихъ воззрѣніяхъ. „Первый Римъ гордостію падеся, вторый агарянскимъ нечестіемъ погибе"; преемница имъ третій Римъ—Москва, и она есть хранилище православія и благочестія вотъ идея, выразившаяся даже во многихъ сказаніяхъ и между прочимъ въ сказаніи о Тихвинской иконѣ Божіей Матери. Послѣднее съ этой точки зрѣнія особенно замѣчательно, прицѣпившись къ греческой легендѣ о „богописанномъ образѣ", странствовавшемъ изъ мѣста въ мѣсто, по мѣрѣ торжества церкви и бѣдствій ея, оно удостовѣряло русскаго человѣка въ преемствѣ чистой вѣры, его отечеству врученномъ преимущественно, если не исключительно; а потомъ таже Тихвинская послужила и главнымъ доказательствомъ въ „христо-преданности" двоеперстія.

Г. Морокинъ скажетъ намъ, что слѣдовало Никону предоставить свободу въ употребленіи книгъ и обрядовъ старыхъ и новыхъ. Не будемъ входить въ препирательство; а кажется есть доказательство, что такая свобода бывала предоставлена. Но повторимъ, когда двоеперстіе было обвинено въ армянскомъ происхожденіи, когда противники исправленія выступали съ обвиненіями въ ересяхъ, хульными заразъ и нелѣпыми, въ родѣ того, напримѣръ, что новыя книги велятъ „молиться духу нечистому", уступка была бы равносильна оскорбленію церкви. Вселенская іерархія, по мнѣнію г. Морокина и старообрядцевъ, должна была смириться предъ парой—другой малограмотныхъ

поповъ, которые, основываясь на своемъ незнаніи знаковъ препинанія, обвинили церковь въ отступничествѣ отъ вѣры. Оказать имъ снисхожденіе не значило ли на половину сознаться въ приписываемомъ отступничествѣ; не значило ли почти сказать: „согласны, не молитесь нечистому духу, а мы ему будемъ молиться“? Мы сказали въ одинъ изъ прошлыхъ разовъ, что составители челобитныхъ, родоначальники старообрядства съ перваго шага по исправленіи книгъ, явились и непокорниками и хулителями, и при томъ на основаніяхъ, отъ которыхъ добросовѣстнѣйшіе изъ старообрядцевъ сами теперь открещиваются. Мы обратились при этомъ къ почтенному А. Ѳ. Морокину съ вопросомъ, на которой же сторонѣ была Церковь, на сторонѣ ли іерархіи или на сторонѣ толпы, которою предводительствовали Лазарь, Никита, Аввакумъ? Существенность этого вопроса признана и авторомъ, и къ нему онъ хотѣлъ обратиться въ настоящей статьѣ. Онъ его не разбираетъ пока. Надѣемся, что когда онъ дойдетъ до этого существеннѣйшаго пункта, то увидитъ роковую дилемму: или произнести на родоначальниковъ старообрядства, какъ на возмутителей мира церковнаго, какъ на непокорниковъ и хулителей, строжайшій судъ, или же признать вмѣстѣ съ безпоповцами, что книжнымъ исправленіемъ погублена вся Церковь, прекращена благодать и воцаренъ антихристъ. Другого исхода нѣтъ: послѣдовательность остается во всякомъ случаѣ на сторонѣ безпоповства.

Голосъ Единовѣрца*).

„Изъ спора можетъ выясниться истина“: такими словами начинается сегодня „Голосъ Единовѣрца.“ Къ прискорбію должно признаться, что споръ обратится въ толченіе воды, когда спорящіе будутъ слѣдовать пріемамъ почтеннаго А. Ѳ Морокина Онъ продолжаетъ настаивать, что Никонъ былъ грекофилъ, а

*) С П 30 іюля, № 207.

греки желали быть учителями и судьями, что таковы были основанія, въ силу которыхъ Никонъ починилъ (!) русскую Церковь, сопроводивъ притомъ свою починку гоненіями на тѣхъ, кто держался старыхъ, излюбленныхъ народомъ обрядовъ.

Все это мы читали и на все дали отвѣтъ, указавъ, что во всемъ этомъ видимъ только гаданія и произвольныя толкованія, а главное ни въ чемъ не видимъ отношенія къ современному положенію Церкви и Единовѣрія.

Предположимъ, что Никонъ былъ грекофилъ, хотя рѣчи его какъ послѣ его низверженія, такъ и въ началѣ патріаршества, до исправленія книгъ, были совершенно противныя.

Предположимъ что на исправленіе текста и обрядовъ благословеніе дано было одними греками и притомъ потому единственно, что имъ нравилось учительствовать; хотя событія опять показываютъ противное: первый, отмѣтившій разности и погрѣшности русскаго богослуженія, былъ не грекъ, а арабъ, Макарій, патріархъ Антіохійскій, и на соборахъ, какъ 1655, такъ и 1667 г г. присутствовали вмѣстѣ съ русскими не одни греки, а были представители и сербской и болгарской церквей, молдавской и грузинской, не говоря уже о малороссійскомъ архіепископѣ Лазарѣ Барановичѣ. Однимъ словомъ, безъ преувеличенія, за предпріятіе Никона оказалась вся Восточная Церковь, особенно если принять еще во вниманіе, что нашимъ соборамъ предшествовала грамота Константинопольскаго патріарха Паисія, составленная опять не по единоличному измышленію, а по соборномъ обсужденіи, и притомъ не по собственному почину и слѣдовательно не изъ желанія учительствовать, а по запросу, присланному изъ Россіи отъ Никона.

Предположимъ также, что авторъ не перемѣшиваетъ причинъ съ послѣдствіями и что Никонъ тотчасъ же открылъ гоненіе на облюбившихъ старыя книги, хотя на дѣлѣ опять было противное: во первыхъ „озлобленіямъ“ подвергся прежде всѣхъ Казанскій протопопъ Нероновъ, и то за личныя оскорбленія патріарха главнымъ образомъ. А потомъ гоненіямъ и мученіямъ подвергнуты были нѣкоторые не за то, что отказались принять

новыя книги, а за то, что обзывали эти книги еретическими и всѣхъ патріарховъ признавали еретиками. Нужно имѣть удивительное ослѣпленіе или же намѣренное желаніе извратить событія, чтобы, не смотря на прямыя слова соборныхъ опредѣленій, превращать „послѣ“ въ „прежде“ и утверждать, что родоначальники раскола подвергались казнямъ только за старые обряды. Прошлый разъ мы упоминали, что служить по старымъ книгамъ, сколько помнится намъ, даже позволялось нѣкоторымъ; дополнимъ нынѣ, что эта вольность дозволена была самимъ патріархомъ Никономъ именно Неронову по прибытіи его въ Москву изъ заточенія, откуда онъ бѣжалъ

Наконецъ допустимъ и то, что обряды и текстъ, исправленные Никономъ, были стародавніе и облюбленные народомъ; хотя и въ этомъ опять можно очень усумниться. Не говоря о текстѣ книгъ и подробностяхъ храмового богослуженія, въ которыхъ наименованіе не только стародавними, но и народными не совсѣмъ идетъ при несомнѣнно царствовавшемъ хаосѣ, возьмемъ существеннѣйшій обрядъ—перстосложеніе. Вѣдь только „Поморскіе Отвѣты“ могли двоеперстіе возводить по степенямъ до отдаленной древности и даже черезъ Тихвинскую до самого Христа Думаемъ, что г Морокинъ не присоединится безусловно къ мудрованіямъ Денисова, которыя стыдно повторять въ наше время, когда просвѣщеніе въ лучшемъ смыслѣ слова не чуждо и старообрядцевъ. Если не считать иконъ, двоеперстіе не имѣетъ за себя свидѣтельствъ ранѣе XIV вѣка, когда внезапно явилось откуда-то даже „проклятіе на некрестящихся двѣма персты“. Еще не очень великая древность, и притомъ самою формою (проклятія) гласящая о произволѣ! Говоримъ это не на обумъ, а послѣ подробныхъ личныхъ разысканій, совершенно безпристрастныхъ, если г. Морокинъ найдетъ свидѣтельство древнѣе, ученые будутъ ему благодарны. Но такого свидѣтельства нѣтъ, за то есть другое. Мы уже напоминали прошлый разъ, что соборъ 1666 года ссылался на простой народъ (поселянъ) въ доказательство троеперстія, то же читаемъ въ прибавленіи къ „Скрижали“. И никто въ тогдашнее время не

опроверіъ этой ссылки, не уличилъ ее въ неточности. Напротивъ, противъ нея возражалъ, помнится, Θеоктистъ (ученикъ Неронова) такимъ доводомъ: „нашли де у кого справляться, у мужиковъ“! Другими словами сказать: Θеоктистъ, ученикъ перваго противника новоизданныхъ книгъ, соглашался, что поселяне ко времени исправленія книгъ крестились не двоеперстно, а троеперстно.

Но уступимъ и въ этомъ Единовѣрцу; согласимся, что исправленіемъ Іосифовскихъ книгъ нарушена была старина, исконная древность и отринуты обычаи, излюбленные народомъ; что греки любили учительствовать и они одни виноваты въ исправленіи, да грекофилъ Никонъ, который къ тому же началъ мучить старообрядцевъ. Повторяемъ вопросъ свой, съ которымъ уже прошлый разъ обращались къ Единовѣрцу: что же отсюда слѣдуетъ?

Что смущеніе въ народѣ по поводу книжнаго исправленія было—естественно?—Уступаемъ

Или что смущеніе, а съ нимъ и сопротивленіе исправленію были правы, а исправленіе и гоненіе на противившихся ему были неправы?

Что касается до гоненій, то мы соглашаемся вполнѣ, что они были несправедливы; но несправедливы они были потому, что были гоненіями за вѣру, а не потому чтобы они преслѣдовали истину; они были бы несправедливы во всякомъ случаѣ. Итакъ намъ остается вопросъ: право ли было дѣло исправленія, само въ себѣ, и право ли было сопротивленіе дѣлу исправленія само въ себѣ, помимо гоненій, которыя имъ сопутствовали?

Г. Морокинъ уклоняется отъ этого вопроса, который рѣшается другимъ: на чьей сторонѣ была въ данномъ случаѣ Церковь и именно Вселенская Церковь? Г. Морокинъ недоумѣваетъ на этотъ вопросъ, нами заданный, къ кому-де онъ относится; и отвѣчаетъ, что онъ можетъ относится только къ безпоповцамъ, а никакъ не къ единовѣрцамъ и поповщинцамъ. А мы недоумѣваемъ на это недоумѣніе. Рѣчь шла о противникахъ исправленія и о томъ времени, когда противъ исправленія возстали

Аввакумъ, Лазарь, дьяконъ Ѳеодоръ Вотъ о комъ и о чемъ спрашивалось, а не объ единовѣрцахъ, которыхъ тогда не было и не о поповцахъ съ безпоповцами, секты которыхъ тогда тоже еще не образовались. Итакъ на чьей же сторонѣ была тогда Церковь, въ тѣ первые дни разногласій и противленія? Мы понимаемъ, почему авторъ уклоняется и показываетъ недоумѣніе· ему придется признать Вселенскую Церковь тамъ, гдѣ она дѣйствительно была, а противниковъ съ Аввакумомъ и Лазаремъ пришлось бы признать, чего они единственно и достойны,—раскольниками. Разумѣется Единовѣрцу тяжело такъ отозваться о своихъ прародителяхъ

Поступокъ Никона былъ по меньшей мѣрѣ не благоразуменъ, такъ находитъ А Ѳ. Морокинъ, и это мнѣніе высказываетъ онъ, не обинуясь. По его понятіямъ, Никонъ долженъ былъ бы, слѣдуя предшествовавшимъ примѣрамъ, поскребать да позачеркивать кое-гдѣ, обходясь домашними силами полуграмотныхъ справщиковъ; а пуще всего не долженъ былъ бы свѣряться съ другими православными церквами и не обращаться къ греческому тексту И пошло бы де все мирно. Авторъ ссылается на исторію раздѣленія церквей, Восточной и Западной, спрашиваетъ, что могло бы произойти, если бы вздумали у насъ завести въ церквахъ органы или приняли живой языкъ для богослужебнаго употребленія?

Отвѣтимъ· произошло бы смущеніе, а его значеніе для православія опредѣлялось бы соборными рѣшеніями. Когда бы вся восточная каѳолическая Церковь согласилась установить органы (мы полагаемъ, никогда бы этого не послѣдовало), тогда тотъ, кто отложился бы изъ за органовъ, былъ бы раскольникомъ; и когда бы вся Русская Церковь, собравшись, нашла нужнымъ, подобно молдавской, измѣнить богослужебный языкъ, отложившіеся изъ за этого отъ Церкви опять были бы раскольниками; но опять мы не допускаемъ возможности этого случая. И наоборотъ, когда бы частная Русская Церковь завела у себя органы въ противность единодушному голосу остальныхъ церквей, или въ нѣкоторыхъ приходахъ и епархіяхъ стали служить

на общелитературномъ языкѣ, безъ благословенія, вопреки внушеніямъ іерархіи и обычаю всей остальной русской паствы,— отлучившаяся церковь или епархія была бы въ расколѣ. Сила здѣсь въ томъ, какъ извѣстный фактъ частной церкви относится къ Вселенской и сказалась ли о немъ Вселенская Церковь Восточная и Западная Церковь пребывали въ мирѣ, не смотря на прибавленія къ символу, на папство, на опрѣсноки, доколѣ чисто римскія отличія не выступили предъ церковью, выразимся такъ, оффиціально, съ требованіемъ отвѣта. „съ нами ли или противъ насъ"? Г. Морокинъ желалъ бы очевидно, чтобы Русская Церковь по отношенію ко всѣмъ восточнымъ пребывала именно въ томъ положеніи, въ какомъ Римская при началѣ IX столѣтія: оставалась бы съ искаженнымъ символомъ, съ текстомъ, правленнымъ подъ исключительнымъ руководствомъ славянскихъ рукописей и такихъ произведеній, какъ Ѳеодоритово слово, Житіе Ефросиново и Стоглавъ; а Стоглавный-то соборъ еще провозгласилъ проклятіе косвенно на всю Восточную Церковь за непріятіе двуперстія. За то не было бы смущенія и главное народъ остался бы при своихъ облюбленныхъ обычаяхъ, воображая въ нихъ давность и національный духъ. Таково мнѣніе почтеннаго Единовѣрца, съ которымъ мы не можемъ согласиться, полагая, что мира все таки не было бы, разногласіе выплыло бы наружу и потребовало бы соборнаго обсужденія: и во всякомъ случаѣ не богоугодно церкви частной ради своихъ предразсудковъ хорониться въ особенный станъ съ презрѣніемъ остальныхъ церквей—сестеръ.

Продолжать утомительно. Но не можемъ не упомянуть: а) о напраслинѣ, которую взвелъ на насъ авторъ, приписавъ намъ, будто мы выраженіе св. синода „мнимо-старые обряды" назвали „неправильнымъ". Мы назвали его только „неосторожнымъ". Это большая разница. Напротивъ, съ самаго начала разсужденій по поводу синодальнаго „Изъясненія" мы сказали и постоянно твердили, что при данныхъ отношеніяхъ Единовѣрія къ Церкви, вопросъ о сравнительной древности обрядовъ долженъ быть совсѣмъ устраненъ.

б) Авторъ сличаетъ текстъ нѣкоторыхъ пѣснопѣній, находя, что старопечатный возвышеннѣе и пристойнѣе Но вѣдь вопросъ въ томъ, какое чтеніе вѣрнѣе подлиннику? Потомъ допустимъ даже, что по Іосифовскимъ книгамъ текстъ славянскій не только пристойнѣе, но и вѣрнѣе. Скажите, къ чему же рѣчь объ этомъ, когда непогрѣшимости Никоновскаго текста никто не защищаетъ, и разсужденіе объ этомъ уже отклонено въ одномъ изъ нашихъ отвѣтовъ? Не будетъ ли въ самомъ дѣлѣ авторъ только толочь воду, продолжая разсужденія въ такомъ духѣ?...

Голосъ Единовѣрца*).

А. Ѳ. Морокинъ въ сегодняшнемъ своемъ „Голосѣ Единовѣрца“ недоумѣваетъ о томъ, почему мы древнюю Русскую Церковь обвиняемъ въ „филетизмѣ“ и указываетъ на примѣръ Восточной и Западной церквей, изъ которыхъ каждая сохраняла свои особенности безъ ущерба церковному миру. Другими словами, г. Морокинъ выражаетъ недоумѣніе о томъ, чего мы не говорили

Безспорно, каждая изъ частныхъ церквей можетъ имѣть свои особенности безъ ущерба церковному миру, и это не есть филетизмъ. Филетизмъ начинается съ момента, когда частныя особенности ставятъ себя выше церковнаго единства. Почтеніе къ Римскому папѣ и мѣстной римской церкви вообще было въ западной церкви естественно и не предосудительно, какъ почтеніе церквей дщерей къ церкви матери. Но когда мѣстное законное почтеніе потребовало себѣ вселенскихъ правъ, когда уваженіе къ старшей каѳедрѣ перешло въ географическое идолопоклонство; когда языкъ Римской Церкви призналъ за собою привиллегію вселенской святыни: это было филетизмомъ, возведеніемъ мѣстнаго обычая въ догматъ съ презрѣніемъ истинныхъ догматовъ и съ превозношеніемъ надъ церковью.

---

*) С. И 10 августа, № 218.

Такъ не заслуживала осужденія и Русская Церковь за свои особенные обычаи, но когда изъ за сохраненія этихъ обычаевъ отвергнута была сама Церковь, это былъ филетизмъ. Филетизмъ не въ Церкви Русской, которая осталась тою же послѣ книжнаго исправленія, какою была прежде, а въ старообрядствѣ вообще и, не во гнѣвъ будь сказано г. Морокину,— въ самомъ Единовѣріи.

Послѣднее кажется жестокимъ г. Морокину, но оно такъ и есть. „Или по старымъ обрядамъ, или мнѣ совсѣмъ не надо церкви“ развѣ не такъ разсуждаетъ Единовѣрецъ?

Г. Морокинъ указываетъ въ примѣръ также унію, сожалѣетъ объ уступчивости бѣлоруссовъ и величаетъ стойкость противниковъ книжнаго исправленія въ Москвѣ. Этотъ примѣръ требуетъ тоже поправки: авторъ позабылъ сообразить, что унія не тронула обрядовъ, введя только новый догматъ и новое іерархическое подчиненіе. Съ точки зрѣнія старообрядцевъ уніаты заслуживали бы даже похвалы, потому что противники исправленія также удержались за обрядъ и ради него презрѣли догматъ, а частію перешли (безпоповцы) въ еретическія заблужденія.

Нелѣпости Аввакума и Лазаря нужно было обличать, полагаетъ авторъ.—Какъ будто этого не было.

„А старый обрядъ слѣдовало при этомъ благословить для тѣхъ, кои не желали бы принять новый, не разрывая единенія съ Церковью“. Жалко, что не слышали этого совѣта почившіе Никонъ и Іоасафъ II и за ними всѣ восточные патріархи: только, намъ кажется, имъ довольно было бы затруднительно его исполнить. Какъ это благословить такое сопротивленіе Церкви, съ сохраненіемъ единенія съ нею? Не въ чемъ другомъ и состояло книжное исправленіе, какъ въ возстановленіи полнаго единенія, даже до обрядовъ, съ Восточною Церковью; и не кто другой предлагалъ единеніе, какъ вся Восточная Церковь. Итакъ, по мнѣнію г. Морокина, таже Восточная Церковь должна была благословить этотъ отказъ отъ единенія и притомъ признать его за единеніе. Нѣсколько мудрено.

Г. Морокинъ возразитъ намъ, что отказъ отъ единенія относился со стороны старообрядцевъ только къ тексту книгъ и обрядамъ, а на единеніе соглашались въ болѣе существенномъ. Кажется было не совсѣмъ такъ· отмѣтались не одне новыя книги, но всю іерархію провозглашали отпадшею. Да если бы и такъ, какъ воображаетъ г Морокинъ, то есть во дни Никона и Іоасафа находились старообрядцы, разсуждавшіе подобно Никодиму, жившему сто лѣтъ спустя: какъ по мнѣнію г. Морокина патріархи должны были бы находить этотъ торгъ? Какое придать ему наименованіе съ церковной точки зрѣнія?... .

Голосъ Единовѣрца*).

Кто бы могъ повѣрить, чтобы старообрядецъ—единовѣрецъ сталъ требовать „свободы обряда“ и распинаться противъ „буквы“ во имя духа? Однако г. Морокинъ въ сегодняшнемъ своемъ „Голосѣ“ требуетъ единовѣрію правъ именно во имя свободы и духа. Недоумѣваемъ, какъ самъ почтенный авторъ не доглядываетъ вопіющей несообразности. Да что же такое само старообрядчество, какъ не протестъ противъ свободы обряда, какъ не служеніе буквѣ, и притомъ въ самомъ крайнемъ, такъ сказать, въ матеріальномъ ея значеніи? Это есть коченѣлость церковной жизни и притомъ церковной жизни опредѣленнаго момента. Старообрядецъ, будь онъ хоть единовѣрецъ, допускаетъ богослуженіе только по Іосифовскимъ книгамъ, хотя и называетъ ихъ общимъ именемъ „старопечатныхъ“: подайте ему книгу не новаго, а даже филаретовскаго изданія, онъ все таки закричитъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это древнѣйшее изданіе не сойдется съ Іосифовскимъ Правильнѣе бы г.г. старообрядцамъ называть себя іосифовцами или іосифлянами.

Свобода обряда.... но позволитъ ли единовѣрецъ, чтобы въ его храмѣ служили иногда по новопечатнымъ книгамъ? Къ чему же подбирать такія неподходящія названія?

---

*) С И. 4 сентября, № 243

Единовѣрцы доходятъ до того, по словамъ Морокина, что желали бы особаго единовѣрческаго епископа. Другими словами, они желаютъ быть въ полномъ расколѣ, только легализованномъ. Ибо въ чемъ же послѣ того останется у нихъ единеніе съ Церковью? У нихъ будетъ одинаковость вѣры и нѣкоторыхъ обрядовъ, но единства съ церковью не будетъ, ибо оно выражается прежде всего единствомъ іерархіи и потомъ общеніемъ въ таинствахъ. Послѣдняго единовѣрцы не допускаютъ: никто изъ нихъ не пойдетъ на духъ къ православному священнику, не согласится причащаться съ другими на литургіи, совершаемой по новопечатнымъ книгамъ. Остается единство іерархическое; и такъ желали бы они порвать и его. Г. Морокинъ въ прежнихъ статьяхъ выражалъ сѣтованіе на тѣхъ изъ архіереевъ, которые приравнивали единовѣрцевъ къ раскольникамъ; желаніемъ имѣть особаго епископа и обнаруживается, что такого отзыва единовѣрцы и заслуживаютъ.

Можно и пренебречь правиломъ, запрещающимъ двухъ епископовъ во градѣ, разсуждаетъ г. Морокинъ; духъ, говоритъ онъ, должно предпочесть буквѣ. Но какой же это духъ? Во имя чего это отступленіе отъ буквы? Не во имя чего, а ради отдѣленія отъ церкви, по гнушенію обрядами, всею церковію употребляемыми. Самочиніе ради самочинія,—вотъ чего хотятъ единовѣрцы

Г. Морокинъ оскорбляется названіемъ „ловушка“, которое придаютъ раскольники единовѣрію. Оскорбляться достойно, только не тѣмъ, чѣмъ повидимому оскорбляется въ данномъ случаѣ Единовѣрецъ. Если бы предъ нимъ сказали о богослуженіи вообще, или о постахъ, или о церковныхъ поученіяхъ или даже таинствахъ, что это суть „ловушки“ въ царство небесное, онъ справедливо оскорбился бы тѣмъ, безъ сомнѣнія, что „царство небесное“ приравнивается къ мѣстамъ опаснымъ, злымъ, достойнымъ отвращенія, ибо только о такихъ мѣстахъ можно говорить, что привлеченіе туда есть „ловушка“. Но въ данномъ случаѣ Единовѣрецъ огорчается не за Церковь, которая и для него остается предметомъ боязни и отвращенія, а за обряды, упо-

требляемые для привлеченія въ Церковь; эти обряды для него выше Церкви, что и доказано всею исторіею старообрядства. Какое самообличеніе!

Единовѣріе не есть сѣть для уловленія кого-либо куда-либо, тѣмъ менѣе въ Церковь. единовѣрецъ—уже состоитъ въ Церкви тѣмъ самымъ, что онъ единовѣрецъ, принимаетъ таинства отъ іерархіи, состоящей въ каѳолическомъ единеніи. Словомъ, оно не есть средство; о немъ нужно спрашивать не для чего, а почему? Оно есть актъ церковнаго снисхожденія къ слабымъ въ вѣрѣ и не просвѣщеннымъ, оказываемаго по „домостроительству“ [по экономіи, какъ выражались древніе отцы]. На основаніяхъ подобнаго домостроительства апостолъ обрѣзалъ ученика, эллина, тогда какъ обрѣзаніе новымъ завѣтомъ отмѣнено. Съ этой точки зрѣнія и должны судить о свободѣ, которую, повидимому, такъ чтилъ г. Морокинъ. За двоеперстіе, за моленіе по іосифовскимъ книгамъ Церковь не отлучаетъ отъ себя непросвѣщенныхъ и строптивыхъ, во вниманіе къ тому, что помимо отклоненія отъ общаго обычая въ сложеніи и простертіи перстовъ и въ буквѣ перевода священныхъ книгъ другого разномыслія и разномыслія вообще догматическаго въ старообрядчествѣ не обрѣтается. Но старообрядчество остается таки уклоненіемъ, самочиніемъ, строптивостію и въ этомъ смыслѣ ни чуть не честно со вселенскимъ обычаемъ, какъ равно желательно было бы убѣдить насъ г. Морокину, а напротивъ, употребимъ его же выраженіе, оно ниже и хуже. Двоеперстіе православно въ томъ смыслѣ, что изображаетъ православный догматъ, но оно неправославно, потому что нецерковно, и есть плодъ гордыни, и потому не равночестно. Можетъ кто-нибудь знаменоваться однимъ перстомъ въ памятованіе о единствѣ Божіемъ, или даже поперемѣнно, однимъ, двумя, тремя, смотря по молитвѣ, которую произноситъ, мысля, гдѣ о единомъ Богѣ, гдѣ о Св. Троицѣ, а гдѣ о воплощеніи, можетъ кто-нибудь сочинить для себя свой молитвенникъ и свой часословъ, съ догматической стороны безупречный. И это перстосложеніе и это молитвословіе будутъ православны, какъ выраженіе частное одного или нѣсколькихъ; но они пере-

станутъ заслуживать этого наименованія, вмѣстѣ съ притязаніемъ быть принятыми въ общественное богослуженіе, а особенно при презрѣніи къ общепринятому въ Церкви. Что же сказать, когда такое самочиніе, и именно по отвращенію къ обычаю, употребляемому во всей Церкви, потребовало бы для себя еще и особенныхъ епископовъ, вторыхъ въ томъ же городѣ? Это былъ бы полный расколъ. Что же расколомъ иное и называется?—

Старообрядчество*).

Помѣщаемый сегодня (подъ чертою) обвинительный актъ старообрядца противъ преосвященнаго Модеста служитъ прекраснымъ подтвержденіемъ сказанному нами вчера въ отвѣтъ г. Морокину на его „Голосъ Единовѣрца“ Такъ вотъ каковъ миръ предлагается церкви строобрядцами! Вотъ какая свобода обряда отстаивается единовѣрцами? Вотъ образецъ іерархическаго послушанія! Авторъ не постыдился грозить; а нѣкоторыя мѣста, гдѣ онъ преподаетъ преосвященному уроки, мы даже не рѣшились воспроизвести за ихъ рѣзкость.

И изъ за чего все это? Изъ фарисейской мелочности. Какъ-де осмѣлился преосвященный знаменаться въ единовѣрческомъ храмѣ троеперстно, да еще не „истово“, то есть почему онъ не клалъ перстовъ на чело, на пупъ и на вершины плечей. На дюймъ выше пупа, это оскорбленіе святыни, это источникъ смущенія для чтителей старообрядческаго обряда. Выразимъ откровенно почтенному Старообрядцу, что насъ наоборотъ до глубины души возмутила его замѣтка и содержаніемъ своимъ и тономъ. Насъ возмутило это соглядатайство „чтителей старообрядческаго обряда“, собравшихся не молиться, а дозирать, какъ-то іерей, въ надлежащей ли точности представитъ имъ зрѣлище архіерейскаго служенія по старому служебнику. Неумѣстнымъ, непозволительнымъ, даже прямо дерз-

*) С И 5 сентября, № 244.

кимъ находимъ мы замѣчаніе, да еще по собственному выраженію автора—громогласное, съ которымъ обратился какой-то мірянинъ—старообрядецъ въ самый моментъ священнодѣйствія къ одному изъ священнодѣйствовавшихъ. И это происходило въ алтарѣ, откуда, по настоящему, всѣхъ этихъ дозорщиковъ, какъ мірянъ, слѣдовало бы выпроводить еще до начала богослуженія.

Благонамѣренный старообрядецъ, если онъ дѣйствительно желаетъ мира Церкви, а не униженія іерархіи и самыхъ таинствъ; благонамѣренный единовѣрецъ, если бы онъ чтилъ дѣйствительно свободу обряда, въ чемъ расписывается за нихъ г. Морокинъ,—они бы напротивъ съ умиленіемъ и благодарностію отмѣтили бы, что въ нѣкоторыхъ частяхъ священнослуженіе слѣдовало новопечатнымъ книгамъ, во свидѣтельство дѣйствительнаго мира между обоими обрядами и въ доказательство, что единовѣріе дѣйствительно есть то, за что оно себя выдаетъ, а не прикрытый только лицемѣріемъ расколъ.

Курьезно между прочимъ, что авторъ—старообрядецъ, да и тотъ мірянинъ, который съ такимъ дерзкимъ нарушеніемъ святости мѣста и совершаемаго таинства поправлялъ отца благочиннаго, яко бы преступившаго староотеческій уставъ, извлекъ свою поправку изъ собственнаго мудрованія, а не изъ указаній старопечатнаго устава. Авторъ говоритъ, что г. Шестовъ нарочно бралъ служебникъ изъ Москвы, чтобы освященіе было совершено по старопечатному. Но въ этой-то именно книгѣ (Филаретовскаго изданія) и назначено хожденіе противъ солнца, чѣмъ возмутился непризнанный указчикъ и противъ чего онъ не убоялся громогласно высказать въ алтарѣ замѣчаніе и запрещеніе. Спеціально начитанные въ старопечатныхъ книгахъ, надѣемся, подтвердятъ наши слова. Если бы понадобилось, можно представить подлинную выписку.

Голосъ Единовѣрца*).

Отъ г. Морокина, подъ заглавіемъ „Отвѣтъ“ на „Откликъ Православнаго“, мы получили въ двухъ статьяхъ разборъ возраженій на „Голосъ Единовѣрца“, помѣщенныхъ у насъ „Однимъ изъ Духовенства“. Извиняемся предъ г. Морокинымъ во первыхъ въ томъ, что обращаемся къ этимъ его статьямъ чрезъ столь долгое время, а во вторыхъ въ томъ, что напечатать его „Отвѣты“, довольно пространные, цѣликомъ мы не можемъ. Противъ „Отвѣтовъ“ нужно ждать новаго отвѣта, на обличеніе появится возобличеніе и такъ далѣе безъ конца. Хотя и утверждаютъ, что полемика ведетъ къ разъясненію истины и отчасти такъ бываетъ на самомъ дѣлѣ, но обыкновенно спорящіе остаются при своихъ мнѣніяхъ, и каждому хочется, чтобы послѣднее слово осталось за нимъ. Скрѣпя сердце, мы допустили и ту полемику, которая уже появилась, и въ томъ отчасти виноватъ г. Морокинъ. Мы ожидали, что онъ объяснитъ болѣе или менѣе категорически желанія единовѣрцевъ, которыя затѣмъ можно было бы обсудить съ точки зрѣнія интересовъ и правъ церкви и государства. А онъ пустился въ историческія объясненія о происхожденіи раскола, въ критику новопечатныхъ книгъ, въ указанія разницы между чиномъ богослуженія русскимъ и греческимъ и т. п. По возможности мы останавливали печатно же отъ уклоненія, и не разъ настойчиво просили устранить всякіе вопросы литургическіе, археологическіе, историко-критическіе, которые въ ежедневной газетѣ даже неумѣстны. Но вопросы эти все таки заняли главную часть въ „Голосѣ Единовѣрца“ и вполнѣ понятно, что „Одинъ изъ Духовенства“ не захотѣлъ промолчать и въ отвѣтъ на рѣзкіе, притомъ часто голословные, отзывы Единовѣрца далъ отповѣдь. Безпристрастіе обязывало насъ дать ей мѣсто; но далѣе идти не можемъ, не засоряя изданія разсужденіями, мало кому интересными.

Но мы хотимъ быть гостепріимными до конца, и не воспроизводя отповѣди Единовѣрца цѣликомъ, изложимъ сущность

*) С. И. 10 октября, № 279.

ея своими словами. Да она и состоитъ большею частію изъ выписокъ.

„Одинъ изъ Духовенства“ нашелъ голословными и неосновательными нареканія г Морокина на разногласія въ служебномъ чинѣ церкви русской и греческой. Г. Морокинъ ссылается на „Дополненіе къ письмамъ о богослуженіи Восточно-каѳолической церкви“ и даетъ выписки изъ этой книги, свидѣтельствующія, что чинъ литургіи въ греческой церкви представляетъ нѣкоторыя уклоненія отъ нашего: а) послѣ малаго входа, б) во время трисвятой пѣсни, в) предъ великимъ входомъ. Далѣе, по свидѣтельству Муравьева, архіереи не выходятъ изъ алтаря вслѣдъ за духовенствомъ при херувимской пѣснѣ, царскія врата, остающіяся у насъ отверстыми до „Святая Святыхъ“, во время архіерейскаго служенія завѣшиваются на востокѣ завѣсомъ, символъ вѣры и „Отче Нашъ“ не поются хоромъ, а читаются архіереемъ народу. Иногда вмѣсто достойной пѣсни на возгласъ „Благодаримъ Господа“ хоръ отвѣчаетъ только двумя словами—„Достойно и праведно“. Діаконъ, приглашая къ причащенію Святыхъ Таинъ, возглашаетъ „со страхомъ Божіимъ, вѣрою и любовію приступите“.

Не менѣе важное свидѣтельство заимствуется г. Морокинымъ изъ книги „Востокъ Христіанскій“ преосв. Порфирія Успенскаго, свидѣтельствующаго, что на всемъ востокѣ при освященіи даровъ не призносится вовсе молитвы „Господи, иже пресвятаго Твоего Духа“ и проч.

По совѣсти должно признать, что съ этой стороны г Морокинымъ отраженъ „Откликъ“ „Одного изъ Духовенства“ блистательно и неотразимо. Менѣе удовлетворительно подтвержденіе общаго взгляда на Никоновскую реформу, котораго поискалъ г. Морокинъ въ книгѣ профессора Суворова „О происхожденіи и развитіи русскаго раскола“. Г Суворовъ дѣйствительно почти буквально сходится съ г. Морокинымъ въ отзывѣ о патріархѣ Никонѣ и въ оцѣнкѣ всей реформы; точно также чествуетъ Никона элинофиломъ, да еще „страстнымъ“; точно также выражается, что Никонъ, „однимъ ударомъ разрушилъ установив-

шуюся русскую церковную обрядность". Подобно г. Морокину, профессоръ находитъ, что Никонъ произвелъ „реформацію буквы во имя буквы", что перемѣна имъ произведенная была радикальнѣйшая; что „дониконовская практика была лучше, напримѣръ, относительно двуперстія или относительно чтенія 8-го члена символа вѣры " Однимъ словомъ г. Суворова, судя по выпискамъ, которыя представилъ г. Морокинъ, записывай хоть сейчасъ въ раскольники и по меньшей мѣрѣ единовѣрцы.

Но для „Одного изъ Духовенства" ярославскій профессоръ едвали послужитъ авторитетомъ; авторъ „Отклика" не безъ основанія припишетъ г. Суворову верхоглядство и обиліе пустыхъ словъ.

Во второмъ своемъ отвѣтѣ г. Морокинъ ссылается на г. Каптерева („Характеръ отношеній Россіи къ православному Востоку") въ доказательство, что послѣ завоеванія Константинополя турками, латиняне пытались проложить путь къ совращенію восточной Церкви, частію воспитаніемъ молодыхъ грековъ въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, частію злоупотребленіями при печатаніи греческихъ книгъ. Г. Каптеревъ далеко полновѣснѣе г. Суворова и притомъ не верхоглядствуетъ и не фразами стрѣляетъ, а основывается непосредственно на источникахъ. Но изъ его словъ видно только, что греки Константинопольскіе подозрѣвали западныхъ типографщиковъ, а венеціанскіе греки сами были не прочь ввести въ книги латинскія нововведенія. Вопросъ этимъ однако окончательно не разрѣшается. Дѣйствительно ли нововведенія попали и какія именно, и притомъ въ какія именно книги. Далѣе: этого же рода порченныя книги (если предположимъ порчу) послужили оригиналомъ для Никоновскаго направленія, или другія, и къ восточнымъ грекамъ, участвовавшимъ въ московскомъ исправленіи, проникли-ль вообще порченыя книги, когда къ печатаемому на Западѣ они относились подозрительно? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть данъ въ родѣ произведеннаго Адамомъ Зерниковымъ относительно порчи отеческихъ книгъ, именно тѣхъ мѣстъ, которыя говорятъ о происхожденіи Св. Духа. Но по отношенію бого-

служебныхъ книгъ къ такому разслѣдованію, сколько намъ извѣстно, даже начало не положено. А до того времени всякій отзывъ будетъ преждевременень, какъ гадательный.

Въ заключеніе мы повторяемъ г. Морокину выраженіе своей готовности передать публикѣ желанія и надежды единовѣрцевъ, касающіяся ихъ положенія въ Церкви и государствѣ; но просимъ уволить отъ историко-критическихъ и археологическихъ разсужденій, которыя къ ежедневному органу нейдутъ и большинству покажутся не заслуживающими вниманія. Да и по существу дѣла, коль скоро установленіемъ единовѣрія признано догматическое безразличіе обрядовъ, отдѣляющихъ старообрядство отъ церкви, то вопросъ о томъ, что старо и что ново, обращается въ предметъ одной любознательности, лишенный практическаго значенія.—

Казенные раввины*).

Корреспонденція изъ Харькова сегодня у насъ помѣщаемая, говоритъ о мѣстномъ раввинѣ, который сидитъ на зло еврейскому обществу, недовольному имъ, жалующемуся на него, постоянно угрожаемому въ самыхъ существенныхъ правахъ по милости нерадѣнія раввина къ своимъ обязанностямъ. Читая, дивишься слѣпотѣ мѣстной администраціи, а также невниманію городской управы, которая принимаетъ отъ раввина метрическія книги съ нарушеніемъ самой существенной формы, а именно безъ удостовѣренія о томъ, кто именно совершалъ бракъ или погребеніе.

Но это вопросъ мѣстный, а за нимъ виднѣется вопросъ, имѣющій значеніе для всей Россіи: зачѣмъ нужны казенные раввины? Учреждая ихъ, правительство предполагало вѣроятно оказывать вліяніе на еврейское общество. Но опытъ показалъ, что принявъ по неволѣ „казеннаго“ раввина, утверждаемаго

*) С. И. 27 октября, № 196.

правительствомъ, еврейскія общества не отказались сверхъ того имѣть и своихъ общественныхъ раввиновъ, которымъ и принадлежитъ духовное руководство въ тѣснѣйшемъ смыслѣ. Казенный раввинъ остается не болѣе какъ правительственнымъ регистраторомъ, ведущимъ метрическія книги, и показнымъ, фиктивнымъ представителемъ своей вѣроисповѣдной общины. Зачѣмъ же терпѣть эту ложь и зачѣмъ чисто государственныя обязанности относительно евреевъ вручать непремѣнно лицу еврейскаго исповѣданія и притомъ состоящему въ опредѣленной общинѣ? Старообрядцамъ метрики, то есть записи о рожденіи, бракосочетаніи, и смерти, ведутся общею администраціею; примѣнительно къ евреямъ тѣмъ менѣе представляется нужды отступать отъ этого порядка, чѣмъ нужнѣе предохраненіе отъ укрывательства разныхъ видовъ, столь часто практикуемаго евреями. Укрывательства отъ воинской повинности, отъ податей, фальшивые паспорта, сокрытія рожденій, мнимыя смерти, прибавка и убавка лѣтъ, обмѣнъ паспортами, все это практикуется и все это въ глубочайшемъ основаніи опирается именно на правилѣ, по которому еврейскія метрики ведутся чиновниками раввинами. Отымите у нихъ эту функцію, предоставьте раввину единственную функцію признаннаго проповѣдника и предстоятеля синагоги, половина затрудненій съ еврейскимъ вопросомъ отпадетъ. Когда бы въ полиціи-ли, у нотаріуса-ли, или у мирового судьи велись еврейскія метрики, не испытывали бы и харьковскіе евреи бѣдняки тѣхъ опасностей для своихъ существенныхъ гражданскихъ правъ, какимъ подвергаетъ ихъ неотвязный, насильно сидящій на ихъ шеѣ г. Сегаль.

Реформы въ штатѣ Московскихъ церквей *).

Ниже помѣщаются новыя соображенія о предполагаемой реформѣ въ штатѣ Московскихъ церквей, принадлежащія лицу, повидимому хорошо знакомому съ бытомъ здѣшняго духовенства Они отчасти подтверждаютъ мнѣніе нами высказанное, что слѣдуетъ прежде всего: 1) озаботиться новымъ болѣе равномѣрнымъ разграниченіемъ приходскихъ территорій; 2) часть доходовъ, получаемыхъ съ домовъ, принадлежащихъ церквамъ, обращать не исключительно на содержаніе мѣстнаго причта, но удѣлять и другимъ бѣднѣйшимъ Авторъ вполнѣ основательно указываетъ въ примѣръ на Архангельскій Соборъ, положеніе его, какъ собора, очень высоко въ епархіи, а содержаніе причта бѣднѣе, нежели въ любой приходской церкви; вполнѣ справедливо потому было бы изъ арендныхъ денегъ, получаемыхъ церквами, удѣлить часть на содержаніе соборнаго причта. Въ замѣнъ того именно съ такими-то безприходными мѣстами и соединить бы должности благочинническія и другія, не оплачиваемыя жалованіемъ, а требующія лишняго труда, непосильнаго священнику, обязанному требами. Но надо вникнуть въ коренную причину, поведшую къ мысли объ открытіи новыхъ священническихъ мѣстъ. Причина эта: учрежденіе „раннихъ“ священниковъ, укоренившееся мало по малу въ Москвѣ. Учрежденіе это противно не только канонамъ, но самому Евангелію: на ряду съ „пастыремъ“ приглашается на постоянную службу и на отправленіе требъ буквально „наемникъ“. Само собою разумѣется, что онъ, по слову Христову, не брежетъ объ овцахъ, но его служеніе кромѣ того вноситъ деморализацію въ клиръ и подрываетъ уваженіе подобающее священническому сану. „Ранній“, не смотря на свою іерархическую степень и благодать рукоположенія, необходимо и ведетъ себя и трактуется всѣмъ причтомъ, какъ батракъ въ чистѣйшемъ смыслѣ слова. Ибо и нанимаютъ его исключительно для механическихъ отправленій; ничего

*) С. П 2 ноября, № 302

другого отъ него не требуютъ и ни на что другое онъ даже не имѣетъ права, не смотря на свое священство. Идея пастырства за нимъ отрицается, а затѣмъ по неизбѣжной логикѣ то же отрицаніе переносится и на остальное священство вообще. Какъ долженъ смотрѣть міръ на своего предстоятеля, который для отправленія своихъ пастырскихъ обязанностей употребляетъ наемника? Не уполномочивается ли и паства увѣровать въ безнравственный и даже противухристіанскій принципъ: „кто ни попъ, тотъ и батька?“

Не удивительно поэтому и достойно полнаго одобренія, что высокопреосвященный митрополитъ задался мыслію объ упраздненіи этого, болѣе чѣмъ неблаговиднаго, обычая. Но упразднился бы онъ самъ собою, даже безъ пересмотра штатовъ, одною слѣдующею мѣрою: чтобы ранній священникъ, если такового находить нужнымъ имѣть въ помощь себѣ настоятель, по старческой ли немощи, по болѣзни или по обремененію побочными обязанностями, вводился бы въ составъ причта и пользовался частію священническихъ доходовъ изъ кружки. Какую долю отчислять викарному священнику, это можно предоставить соглашенію его съ настоятелемъ, или даже узаконить въ видѣ общаго правила; но непремѣннымъ условіемъ поставить, чтобы содержаніе ранняго священника падало исключительно на счетъ того, кого онъ облегчаетъ, а не на счетъ церкви и не на счетъ остального причта. Классъ священниковъ „наемниковъ“ тогда исчезъ бы окончательно, и число раннихъ священниковъ вообще сократилось бы до размѣровъ, требуемыхъ необходимостію, и притомъ они обратились бы въ обыкновенныхъ младшихъ священниковъ, какіе бываютъ, напримѣръ, при соборахъ. Настоятель сто разъ подумаетъ тогда прежде, чемъ просить себѣ помощника. Онъ взвѣситъ труды своего единоличнаго служенія и взвѣситъ лишенія, предстоящія ему съ пріобрѣтеніемъ товарища по служенію и по доходамъ, и будетъ просить о младшемъ въ случаѣ только дѣйствительной необходимости, но никакъ не для тунеядства или для удобства покидать приходъ переселеніемъ на дачу.

Спросятъ, можетъ быть, а теперь то какъ же? Развѣ не священникъ нанимаетъ себѣ ранняго? Въ томъ то и дѣло, что нанимается обыкновенно на счетъ церковныхъ доходовъ. Отсюда самое наименованіе „ранняго“, то есть якобы для прихожанъ нужны двѣ литургіи; а въ сущности то нанимается ранній не для второй литургіи, которой даже и не бываетъ бо́льшею частію, а для совершенія вообще требъ и для удобства священнику отлынивать отъ своихъ прямыхъ обязанностей.

Голосъ Единовѣрца*).

А. Ѳ. Морокинъ выступаетъ сегодня съ послѣднею своею статьею о желаніяхъ и нуждахъ Единовѣрія. По всѣмъ почти пунктамъ, которые имъ перечислены, мы имѣли въ свое время случаи высказаться частію утвердительно, частію отрицательно.

Отъ всей души сочувствуемъ необходимости новаго полнаго и всесторонняго пересмотра богослужебныхъ книгъ на славянскомъ языкѣ. Объ этой необходимости едва ли не первыми нами былъ поданъ голосъ печатно, при чемъ былъ и указанъ тотъ самый составъ завѣдующихъ пересмотромъ, какой предположенъ г. Морокинымъ. Но въ настоящее время, кромѣ ученыхъ (библіографовъ и археологовъ) православнаго духовенства и старообрядческихъ начетчиковъ, мы предположили бы еще третій элементъ въ составъ желаемой коммиссіи, именно представителей отъ Константинопольской и по возможности даже отъ другихъ греческихъ церквей. Вопросъ представится не только о томъ, правиленъ ли переводъ и которая изъ редакцій, обращающихся въ славянскомъ православномъ мірѣ, правильнѣе, но и о томъ, который изъ варіантовъ въ самомъ подлинникѣ вѣрнѣе преданія.

Благопріятно высказались мы и желанію единовѣрцевъ о соборномъ снятіи клятвы 1667 года: какъ бы ни изъяснять

*) С. И. 3 ноября, № 303.

клятвы, соборный пересмотръ ея ничему не помѣшаетъ, а успокоитъ хотя часть старообрядцевъ. Причины, почему святѣйшій синодъ медлитъ обратиться по этому вопросу къ восточнымъ патріархамъ, не смотря на совѣтъ, который подаваемъ былъ покойнымъ митрополитомъ Филаретомъ, остаются непонятными.

Подобно какъ и г. Морокинъ, насъ возмущаетъ обязанность, возлагаемая на присоединяющагося къ единовѣрію· доказать, что онъ принадлежитъ къ явному расколу. Когда обряды, такъ называемые „старый“ и „новый“, признаны догматически безразличными и употребленіе стараго даже въ общественномъ богослуженіи благословлено: не остается никакого основанія препятствовать частнымъ лицамъ къ переходу изъ одного прихода въ другой при всей разности обрядовъ въ томъ и въ другомъ. Не совсѣмъ мы только понимаемъ требованіе, высказанное г. Морокинымъ, о тѣхъ приходахъ, гдѣ прихожане молятся двуперстно, а причтъ троеперстно. Чего же хочетъ для такихъ приходовъ апологетъ Единовѣрія? Обращенія ихъ въ единовѣрческій? Но двоеперстіе не единственный признакъ, отдѣляющій единовѣрцевъ отъ вселенскаго обычая. Причтъ въ такомъ приходѣ стало быть обязанъ и запереть свои богослужебныя книги, заказать іосифовскія? Но почему однако? И почему разность обряда въ приходѣ обязана приводить въ смущеніе, когда не признается та же разность возмутительной въ Церкви Россійской вообще? Желаніе г. Морокина можно объяснить только духомъ сепаратизма, который есть ни что иное, какъ тайный несознанный расколъ.

Г. Морокинъ мечтаетъ еще о возстановленіи патріаршества. Противъ этого мы въ свое время писали, а въ настоящее время приведемъ отзывъ приснопамятнаго митрополита Филарета въ отвѣтъ на проявлявшуюся лѣтъ тридцать назадъ подобную же затѣю; не все ли равно, какое названіе, „первенствующій членъ синода“, или „патріархъ“, когда существо тоже. Существо дѣйствительно тоже,—Новгородскій ли митрополитъ во главѣ синода или Константинопольскій, Іерусалимскій, Антіохійскій, Александрійскій во главѣ своихъ мѣстныхъ синодовъ,

Можно-ли желать реформы въ подробностяхъ теперешняго синодальнаго управленія въ Россіи, это вопросъ другой. Основательно молить о возстановленіи періодическихъ соборовъ Но патріаршество, если дѣло не въ названіи только, есть удаленіе отъ истиннаго облика, а не возвращеніе или приближеніе къ нему. Патріаршество, какъ его сказала исторія, есть папизмъ въ зародышѣ.

Г. Морокинъ требуетъ особеннаго епископа для единовѣрцевъ, и даже особаго учебнаго заведенія для приготовленія единовѣрческихъ священниковъ, другими словами желаетъ полнаго повторенія уніи въ Русской церкви, только съ другой стороны, нежели унія въ Западной церкви. Что это· шагъ къ единству или къ свободѣ? Полагаемъ, что это есть, напротивъ, рѣшительное движеніе въ обратную сторону и отъ единства и отъ свободы. Г. Морокинъ жалуется, что единовѣрцы не находятъ отеческихъ чувствъ къ себѣ въ теперешнихъ епископахъ; изъявляетъ неудовольствіе (и вполнѣ основательное, прибавимъ), что семинаріи не подготовляютъ своихъ воспитанниковъ къ знанію того, о чемъ подробныя и точныя свѣдѣнія должны бы быть имъ сообщаемы прежде всего. Но стало быть требуется исправленіе клира вообще, требуются всесторонне внимательные епископы и свѣдущіе іереи: для чего же отгораживать отъ клира особенное отдѣленіе, воспитывая часть его въ намѣренномъ, должно полагать, пристрастіи и въ духѣ исключительности?

Единовѣрца коробитъ названіе консисторія· не сочувствуемъ протестанскому названію и мы, но помимо названія можно было бы возразить и еще не мало противъ теперешнихъ порядковъ въ епархіальномъ управленіи

Въ заключеніе. не черезъ чуръ ли далеко хватилъ г. Морокинъ, насчитывая старообрядцевъ 20 милліоновъ. Двадцать милліоновъ! Но Малороссію и всю Западную Россію должно выключить. И такъ одна восточная и сѣверная Россія вмѣщаетъ двадцать милліоновъ воздыхающихъ по іосифовскимъ книгамъ, читающихъ символъ по старообрядчески и творящихъ по старообрядчески Исусову молитву и прочія? Что вы, что вы! Да найдется ли даже знаменующихся двоеперстно хотя бы половина этого числа!

Голосъ Единовѣрца*).

Г. Морокинъ намъ отвѣчаетъ. Читатель можетъ обойтись безъ новыхъ возраженій нашихъ, если припомнитъ сказанное въ № 303. Все тогда сказанное нами останется въ силѣ и все теперь сказанное г. Морокинымъ не ослабляетъ нашихъ замѣчаній ни на волосъ.

Г. Морокинъ продолжаетъ желать особыхъ епископовъ для единовѣрія затѣмъ, чтобы для единовѣрцевъ получились отцы родные Этими словами Единовѣрецъ удостоиваетъ теперешнихъ епископовъ только званія вотчимовъ, возводя самихъ единовѣрцевъ въ пасынки Откровенность похвальна, но она тѣмъ менѣе даетъ основаній къ замѣщенію кровнаго родства своднымъ.

Г. Морокинъ продолжаетъ мечтать о патріаршествѣ, но не находитъ другого основанія, кромѣ блеска, который приданъ будетъ церкви. Основаніе полагаемъ не особено уважительное. Что же касается ссылки на каноны, которою подкрѣпляетъ себя почтенный Единовѣрецъ, то слишкомъ долго было бы входить въ кроющееся здѣсь недоразумѣніе, о которомъ, въ добавокъ, намъ уже приходилось говаривать по поводу такихъ же вожделѣній, раздавшихся со стороны даже православныхъ (не единовѣрцевъ). Патріаршество имѣетъ преимущественно мірское происхожденіе и значеніе и востановленіе его не приблизитъ церковь къ ея истинному облику, а удалитъ; вотъ сущность нашего мнѣнія. Желанія г. Морокина любопытны, выразимся такъ, съ психической стороны: для него нѣтъ выше идеала, какъ первая половина XIV столѣтія.

Въ замѣчаніяхъ на послѣдній „Голосъ Единовѣрца“ мы различили, что можно возражать противъ недостатковъ (частныхъ) синодальнаго управленія, а не противъ существа Г. Морокинъ, въ доказательство излюбленной мысли о патріаршествѣ, вспоминаетъ о Прокоповичѣ, и Сѣченовѣ, о порядкѣ отбиранія голосовъ въ синодѣ, и о томъ, что бывали засѣданія

*) С И. 19 ноября, № 319.

синода, состоявшія изъ одного только архіерея и двухъ протопоповъ, и полагаетъ, что такою ссылкою подтверждаетъ свою мысль, когда на дѣлѣ подтверждаетъ нашу.

Г. Морокинъ, увлеченный любимою мыслію, не замѣчаетъ даже явнаго противорѣчія Онъ стоитъ за старшинство Москвы на томъ самомъ основаніи, на которомъ совершенно обратно старшинство должно быть приписано Кіеву, а самъ Кіевъ долженъ уступить Новгороду. Ибо стольный градъ, или, выражаясь примѣнительно къ словоупотребленію г. Морокина, ветхій Римъ Русской земли былъ въ Новгородѣ, а потомъ въ Кіевѣ, и послѣ уже черезъ Владиміръ перешелъ въ Москву Успокоимъ впрочемъ г. Морокина, что мы этому принципу не придаемъ безусловнаго значенія, напротивъ усматриваемъ въ немъ опасность для церкви: въ немъ то и видимъ зародышъ папизма, а потому то не сочувствуемъ учрежденію патріаршества, которое и въ восточныхъ-то странахъ, по нашему крайнему разумѣнію, по возстановленіи христіанскаго господства должно будетъ измѣнить и видъ свой и значеніе, если не наименованіе.

Г. Морокинъ настаиваетъ на своемъ преувеличенномъ счетѣ старообрядцевъ, опуская безъ вниманія наше замѣчаніе, что добрая половина Россіи (южная и западная) совершенно чужда старыхъ обрядовъ, и что въ самой восточной Россіи двуперстіе еще не свидѣтельствуетъ о послѣдованіи патріарху Іосифу. Состоитъ ли старообрядство, по мнѣнію г. Морокина, въ одномъ двоеперстіи, и онъ бросаетъ за бортъ старыя книги и аллилуія, седмипросфорія, чтеніе символа и прочее и прочее.

Православіе въ прибалтійскомъ краѣ *).

Дѣло народности и вѣры, а съ ними и дѣло Русскаго государства въ прибалтійской окраинѣ, стоятъ ли на прочной дорогѣ? Повидимому да: мѣстныя населенія рвутся къ православію, просятъ школъ съ русскимъ языкомъ; администрація мѣстная находится между прочимъ въ такихъ рукахъ, какъ князь С. В. Шаховской и М. Н. Капустинъ; устарѣлыя привилегіи падаютъ, новыя порядки вводятся. Тѣмъ удивительнѣе, что присоединяющіеся къ государственной вѣрѣ туземцы встрѣчаютъ косвенную препону въ правительственныхъ сферахъ. Въ минувшемъ августѣ Рижское епархіальное начальство представило въ св. синодъ объ открытіи трехъ новыхъ православныхъ приходовъ для присоединившихся,—одного въ Курляндіи, въ г. Пильтенѣ, для латышей и двухъ въ Эстляндіи на мызѣ Ристи и въ мѣстечкѣ Мерьяма, для эстовъ. Святѣйшій синодъ утвердилъ представленіе мѣстнаго начальства и предоставилъ г. оберъ-прокурору войти съ представленіемъ въ Государственный Совѣтъ объ отпускѣ денегъ на содержаніе трехъ причтовъ, по 1850 р. на каждый, и кромѣ того на наемъ квартиръ для нихъ по 10 рублей, всего 6450 рубл. въ годъ. Дѣло шло повидимому успѣшно, но отъ г министра финансовъ г. оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода получилъ увѣдомленіе, что онъ, министръ финансовъ, не находитъ возможнымъ принять ежегодный расходъ въ 6450 рублей на содержаніе упомянутыхъ причтовъ, безъ обремененія государственной казны. А святѣйшій синодъ не нашелъ возможнымъ принять и на себя расходъ 6450 рублей, такъ какъ средства-де его, синода, ограничены.

Вотъ какою тяжелою ношею оказались 6450 рублей не только для верховной церковной администрація, но даже для государственной казны. Экономія похвальна, если бы она равномѣрно прилагалась къ концессіонерамъ и сахарозаводчикамъ, какъ къ новооткрываемымъ православнымъ приходамъ. Тамъ милліоны, десятки милліоновъ улетаютъ безъ обремененія госу-

*) С. И. 22 ноября, № 322.

дарственной казны, а здѣсь шесть тысячъ съ чѣмъ-то рублей въ годъ оказались тяжестію, отъ которой государственный корабль опрокинется Г. министръ финансовъ ходатайствуетъ, какъ слышно, о томъ, чтобы возложить на казну вознагражденіе крупныхъ сахарозаводчиковъ отъ убытковъ (мнимыхъ), котораго они намѣревались достигнуть нормировкою, къ счастію не удавшеюся. Ну что если бы отдѣлить отъ казенной благостыни, направляемой въ сахарозаводческій карманъ, эти 6450 рублей, почувствуютъ ли это уменшеніе сахарозаводчики, раззорится ли казна, опрокинется ли государственный корабль отъ непомѣрной тяжести, положенной на одну сторону? Но то крупные сахарозаводчики, а то обратившіеся къ православію какіе-то эсты и латыши. Перспектива ужъ такъ установилась, что интересъ государственнаго единства, обаяніе русскаго имени и достоинство господствующаго вѣроисповѣданія затмеваются неписанными привилегіями заводчиковъ—магнатовъ.

„Что же теперь дѣлать"? спрашиваютъ насъ изъ Балтійскаго Края. „Ничего болѣе какъ открытые три упомянутые прихода опять закрыть и затѣмъ пріостановить всякое присоединеніе къ православію во всемъ краѣ. Въ сороковыхъ годахъ мы сами затормозили движеніе эстовъ и латышей въ православіе, въ 1886 году вступаемъ на тотъ же путь."

Нельзя не согласиться съ правдой этого заключенія. Сила, противящаяся сліянію Балтійскихъ окраинъ съ Россіею, живуча и изворотлива. Теперь нѣтъ уже генералъ-губернаторовъ въ родѣ Суворова, Альбединскаго и Баранова, которые стояли за то, чтобы во ввѣренномъ краѣ господствовала народность нѣмецкая, а вѣра протестантская; которые поощряли нѣмцевъ и протестантовъ къ оскорбленіямъ русскаго имени и православія, а православному духовенству грозили судомъ въ случаѣ словесной обороны отъ ругательствъ и клеветы Этого нѣтъ теперь, но балты находятъ теперъ другую дорогу и другія способы, такъ ли сякъ-ли, не черезъ одного, такъ черезъ другого поднимая шлагбаумы противъ полнаго сліянія съ русскимъ народомъ, къ которому рвутся туземцы.—

1887 ГОДЪ.

Распоряженіе духовнаго вѣдомства о церковныхъ доходахъ *).

Нами сообщалось о двухъ распоряженіяхъ по духовному вѣдомству: одно касалось распредѣленія доходовъ между членами причта; другимъ отмѣнялись нѣкоторые виды поручнаго сбора, несогласные съ подобающимъ храму благоговѣніемъ. Оффиціальнаго обнародованія этихъ распоряженій мы не видали, но повидимому оба они дѣйствительно состоялись, то и другое. Имѣемъ передъ глазами отзывы о впечатлѣніи, которое произведено ими на духовенство.

На отмѣну поручныхъ сборовъ слышится единодушный ропотъ; мы сомнѣваемся даже, чтобы ей удалось привиться на практикѣ. Не первый разъ издается подобное запрещеніе (въ Московской по крайней мѣрѣ епархіи), но старый обычай всегда бралъ свое. И понятно: учредите, какъ требуется распоряженіемъ, кружку, куда будутъ поступать даянія невидимо, безъ удостовѣренія о томъ, кто именно сколько кладетъ: тогда вмѣсто рублей, которые давались поручно, окажутся въ кружкѣ гривенники, вмѣсто гривенниковъ—копѣйки; отмѣна поручныхъ такимъ образомъ равносильна отнятію части доходовъ, у нѣкоторыхъ причтовъ даже самой главной. Понятенъ отсюда ропотъ, а отсюда и непримѣнимость новаго порядка. Да исполненіе его

*) С. И 30 марта, № 87

и зависитъ не отъ одного причта; въ большинствѣ прихожане окажутся тоже недовольными, какъ и бывало прежде; при митрополитѣ Филаретѣ было, что съ прошеніемъ о возстановленіи такъ называемыхъ „кажденныхъ“ (сбираемыхъ при каждени на всенощной) входили именно прихожане. Какъ хотите, тщеславіе даже при церковныхъ дѣяніяхъ все-таки есть рычагъ; „ты посмотри, батюшка, сколько я даю“: такая рѣчь подразумѣвается, а иногда и прямо произносится дающимъ. Если уже учреждать общее влагалище, то безобиднѣе для причтовъ была бы во всякомъ случаѣ тарелка, гдѣ приношенія по крайней мѣрѣ на виду

Ни слова противъ основаній, на которыхъ утверждается распоряженіе: они безспорны. Само духовенство, мы увѣрены, благословило бы часъ, когда бы освобождено было отъ унизительной обязанности протягивать руку. Равно и оскорбленіе святыни дома Божія неумѣстнымъ бряцаньемъ возмущаетъ священнослужителя не менѣе другихъ, по крайней мѣрѣ въ началѣ, пока не обмозолился слухъ и глазъ привычкою. Но подойти къ отмѣнѣ укоренившагося обычая надлежало бы съ другого конца. Иначе говоря, слѣдовало бы прежде обезпечить минимумъ того, что причты теряютъ съ поручнымъ доходомъ, и затѣмъ уже вступать съ запретительной, а въ случаѣ нужды и карательной мѣрой противъ тѣхъ или другихъ сборовъ. Само духовенство мечтаетъ, какъ извѣстно, о казенномъ жалованьѣ. Этотъ способъ, о чемъ неоднократно объяснялось на этихъ самыхъ столбцахъ, не соотвѣтствуетъ ни призванію клира, ни даже его выгодѣ Но можно урегулировать вознагражденіе, и оставляя клиръ на попеченіе прихожанъ по теперешнему, равно и не отнимая характера добровольности приношеній, лишь замѣнивъ личныя общественными. Но тогда нужна другая организація прихода, къ чему повидимому не склонны въ высшихъ духовныхъ сферахъ.

Во всякомъ случаѣ, и противъ неблагообразныхъ поручныхъ сборовъ полезнѣе было бы выступить не съ безусловнымъ запрещеніемъ, а съ указаніемъ обратиться къ соглашенію съ

прихожанами, и при томъ не предрѣшая новой формы сбора и не обязывая всѣ приходы къ одной и той же. Впрочемъ, можетъ быть, въ такомъ смыслѣ и издано распоряженіе?

Достойно замѣчанія, что запрещая сборы, нарушающіе благоговѣніе къ храму, святѣйшій синодъ обратилъ повидимому вниманіе только на сборы причта, не затрогивая старостъ съ ихъ сборомъ на церковь. Между тѣмъ староста своими хожденіями, да еще съ колокольчикомъ, производитъ болѣе безпорядка и смущенія, нежели причтъ своими полученіями. Ужъ за одно и старостамъ слѣдовало бы запретить хожденія. Любопытно, какъ бы отнеслись къ этому старосты?

О распоряженіи, касающемся распредѣленія доходовъ получаемъ противоположные отзывы Нѣкто благословляетъ новый распорядокъ, находя, что псаломщики награждаются достойно, ибо де состоятъ не изъ недоучекъ, какъ прежде, а назначаются изъ получившихъ образованіе равное съ дьяконами; между тѣмъ де они лишены побочныхъ средствъ, какія открыты священнику и дьякону въ видѣ, напримѣръ, законоучительства. Обратное пишутъ другіе, находя, что псаломщики и безъ того получаютъ не менѣе двухъ третей противъ діаконовъ, если считать особые ихъ, личные доходы; при новомъ порядкѣ, слѣдовательно, будутъ они уравнены съ діаконами. Между тѣмъ главная тягость службы лежитъ не на нихъ, а на священнослужителяхъ; дьяконы, по недавнему распоряженію, обязаны даже исполнять должность и псаломщиковъ, когда эти, привиллегированные нынѣ члены причта, отсутствуютъ. За что же-де такая немилость однимъ и льгота другимъ?

Отказываемся разрѣшать, которое изъ толкованій основательнѣе, тѣмъ болѣе что намъ неизвѣстны основанія, побудившія святѣйшій синодъ измѣнить прежнее распредѣленіе доходовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Годы		Стр
1874.	Клерикализмъ и ультрамонтанство въ Россіи (см. еще томъ I)	1
—	О созваніи церковнаго собора 2 287	441
—	О гражданскихъ мѣрахъ противъ раскола .	7
—	Объ уніи въ Польшѣ. . . .	9
—	По поводу церковно-судебной реформы	11
—	Объ обезпеченіи духовенства .	15
—	Дѣло игумена Митрофанія (см. томъ I) . . 19.	37
—	Ультрамонтанство (см томъ I) . .	22
—	О приходскихъ попечительствахъ (см. томъ I) . .	25
—	Старокатоличество (см. томъ I)	27
—	Церковный съѣздъ въ Боннѣ. . . . 30.	34
1875—79.	О дѣтоубійствахъ, совершаемыхъ евреями . . . 47.	92
—	Къ еврейскому вопросу	49
—	Церковь и школа . . .	51
1876.	О поднятіи значенія духовенства . 57.	64
—	Изданіе твореній св. Тихона Задонскаго	60
—	Евреи въ Москвѣ	65
—	О преобразованіи приходовъ	68
—	О повѣркѣ церковныхъ суммъ	70
—	О торговлѣ святыней.	72
—	О контролѣ въ управленіи церковными имуществами . . 75. 130.	167
—	Толковый апостолъ о. Михаила	78
1877.	Посланіе Константинопольскаго патріарха Іоакима.	82
1878.	Бѣгуны	85
—	Земледѣльческія колоніи для евреевъ	87
—	Объ имущественныхъ отношеніяхъ къ восточнымъ церквамъ.	89

Годы		Стр
1879.	Церковные вопросы	96
—	Кутаисскій процессъ объ убіеніи евреями дѣвочки	100
—	Церковное пѣніе	105 147. 290
—	Борьба съ нищенствомъ	107. 114
—	Церковные старосты	116
—	Церковное хозяйство	120. 216
—	Церковные доходы	123 125
—	Старообрядческая газета	134
—	Единовѣрчество	136. 139
—	Церковныя суммы	145
—	Новыя теченія въ интеллигенціи духовенства	149
—	Объ управленіи церковнымъ хозяйствомъ	153
—	Православіе на нашихъ окраинахъ	155
—	Сокращеніе церквей	159
—	О желательности развитія съѣздовъ съ цѣлями духовными наряду съ научными и педагогическими	163
—	Свобода Церкви и свобода вѣры	170
—	Расколъ	172
—	О патріаршествѣ	175
—	О замѣщеніи законоучительскихъ мѣстъ свѣтскими учителями	177
—	Православіе въ Японіи	180 182 204
—	Оцѣнка дѣятельности гр Д. А Толстого по управленію духовнымъ вѣдомствомъ	190
—	О восточныхъ патріархахъ	193
—	О нарушеніи церковныхъ уставовъ	197
—	Клерикально-бюрократическое направленіе	199
—	О богословскихъ сочиненіяхъ Хомякова	206 209
—	Духовная цензура	213
—	Дѣлопроизводство въ Св. Синодѣ	218 241
—	Общественная благотворительность при приходахъ	221
1881.	Съѣзды духовенства	226
—	Русскій языкъ въ католическомъ богослуженіи	231
—	Христіанскій соціализмъ	234
—	Основныя стихіи русскаго народа	238
—	О правахъ приходовъ	243
—	О поставленіи священниковъ	246
—	Изгнаніе іезуитовъ изъ Франціи	251
—	Прошеніе, поданное старообрядцами сенатору Ковалевскому	254
—	Упадокъ авторитета церкви	256
—	О наградахъ духовенству	260 262
—	Симфонія на Новый Завѣтъ	264

Годы		Стр.
1881.	Евреи	269
—	Еврейскій вопросъ	273 279. 284
—	О назначеніи благочинныхъ	281
—	Единовѣрцы	293
—	О преподаваніи Закона Божія въ школахъ	297
—	Приходскія попечительства въ Москвѣ	302
1882.	О русскомъ церковномъ управленіи	305
—	Свѣтлая утреня въ Кремлѣ	309
—	Еврейскіе безпорядки	313
—	О старообрядческихъ моленныхъ	317
—	Изъ старообрядческаго міра	319
—	Къ пріѣзду митрополита Іоанникія въ Москву	322
—	Признаніе старообрядческой организаціи	323
—	Столѣтіе со дня рожденія митрополита Филарета	325. 332 336
—	Переговоры русскаго кабинета съ папской куріей	329 370 373
1883	О сербской церкви	338
—	Братство преподобнаго Сергія	340
—	Собесѣдованія со старообрядцами	342 344 347 351. 354 379 457
—	Вѣнчаніе на царство русскихъ царей	356
—	Коронація императора Александра III	359 363
—	Освященіе храма Христа Спасителя	362
—	Льготы раскольникамъ	367
—	*Старообрядчество.*	376 413 434
—	Трехстолѣтній юбилей первопечатника Ивана Ѳедоровича	381
—	Церковное имущество	384
1884.	Судьба богословскихъ сочиненій въ Россіи	388
—	Бесѣда преосвященнаго Никанора о формулѣ присяги	390
—	Объ отношеніи къ старообрядцамъ	394
—	О пастырскихъ собесѣдованіяхъ съ народомъ	396
—	О евреяхъ.	399
—	О возсоединеніи уніатовъ	402
—	О церковномъ отлученіи	404
—	Участіе прихода въ избраніи священнослужителей	406
—	Еврейскій элементъ въ Новороссійскомъ учебномъ округѣ	409
—	Учительство, какъ обязанность пастырскаго служенія	415
—	По поводу избіенія евреевъ въ Нижнемъ-Новгородѣ	418
—	О призваніи духовенства	420. 424
—	По поводу предположеній о введеніи уроковъ пчеловодства въ духовныхъ семинаріяхъ.	426
—	Ранніе священники	431
—	О новомъ уставѣ духовныхъ академій	438

Годы.		Стр
1884.	О постановкѣ богословскаго образованія	445
—	По поводу церковнаго собора въ Кіевѣ	449
—	Таксы за требы	451
—	Объ участіи прихода въ избраніи священнослужителей	454. 459
1885.	Польское ультрамонтанство	462
—	Неудавшееся ходатайство	465. 466
—	Объ уніи	469
—	Памятникъ и храмъ Царю—Освободителю	472
—	Чествованія памяти Св Кирилла и Меѳодія	475 484 493
—	О пересмотрѣ текста священныхъ книгъ	479
—	Награды духовенству	483
—	Единовѣріе	487
—	Армянскія церковныя школы на Кавказѣ	490
—	О расколѣ	496 498 508 512 514 519. 523
—	Голосъ Единовѣрца	502 579 582. 588 590 595 602 605
—	О церковно-славянской грамотѣ	505
—	Христіанское движеніе въ еврействѣ	528
—	По поводу совращенія въ безпоповщинскій толкъ	530
—	Ѳедосѣевцы	532 539 542 544 548
—	Странники	546
—	Филетизмъ греческаго духовенства.	551. 556
—	Синодальныя конторы	554
—	Новое движеніе въ старообрядствѣ	559
—	Японская православная церковь	560
1886.	Законъ 3-го мая 1883 года о раскольникахъ	564
—	Церковно-приходскія школы	566
—	Изъясненіе Святѣйшаго Синода, касающееся старообрядчества	568 572
—	О распространеніи священныхъ книгъ	574
—	О сыскѣ тайныхъ помышленій	577
—	Старообрядчество	593
—	Казенные Раввины	598
—	Реформы въ штатѣ Московскихъ церквей	600
—	Православіе въ прибалтійскомъ краѣ	607
1887.	Распоряженіе духовнаго вѣдомства о церковныхъ доходахъ	609

ПРОДАЕТСЯ

ВЪ СИНОДАЛЬНЫХЪ КНИЖНЫХЪ ЛАВКАХЪ.

Цѣна за второй томъ **1** руб. **30** коп.

Тамъ же продаются книги того же издателя:

О подражаніи Христу. *Ѳомы Кемпійскаго.* Переводъ съ латинскаго. Изд. 9-е, съ размышленіями изъ духовныхъ писателей. СПБ. 1904. Ц. **1** р. **25** к.

Исторія православной Церкви до начала раздѣленія церквей. Изд. 8-е. СПБ. 1903. Ц. **75** к.

Праздники Господни. Изд. 7-е. М. 1903. Ц. **50** к.

Московскій сборникъ. Изд. 5-е, дополн. М. 1901. Ц. **1** р. **40** к.

Побѣда, побѣдившая міръ. Изд. 10-е. М. 1898. Ц. **45** к.

Христіанскія начала семейной жизни. Изд. 2. М. 1901. Ц. **75** к.

Исторія дѣтской души. Повѣсть не для дѣтей. Изд. 4-е. М. 1902. Ц. **1** р.

Новая школа. Изд. 2-е. М. 1899. Ц. **50** к.

Ученье и учитель. Кн. 1-я. М. 1905. Изд. 6-е. Ц. **30** к.

Ученье и учитель. Кн. 2-я. Изд. 2-е. М. 1905. Ц. **30** к.

Призваніе женщины въ школѣ и обществѣ. Изд. 2-е. М. 1901. Ц. **40** к.

Вѣчная память. Воспоминанія о почившихъ. Изд. 2-е. М. 1899. Ц. **75** к.

Правда о гр. Львѣ Толстомъ. Изд. 3-е. М. 1901. Ц. **15** к.

Сборникъ сочиненій Гилярова-Платонова, въ двухъ томахъ. М. 1899. Ц. **4** р.

Вопросы Вѣры и Церкви. Т. I. М. 1905. Ц. **1** р. **25** к.